

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

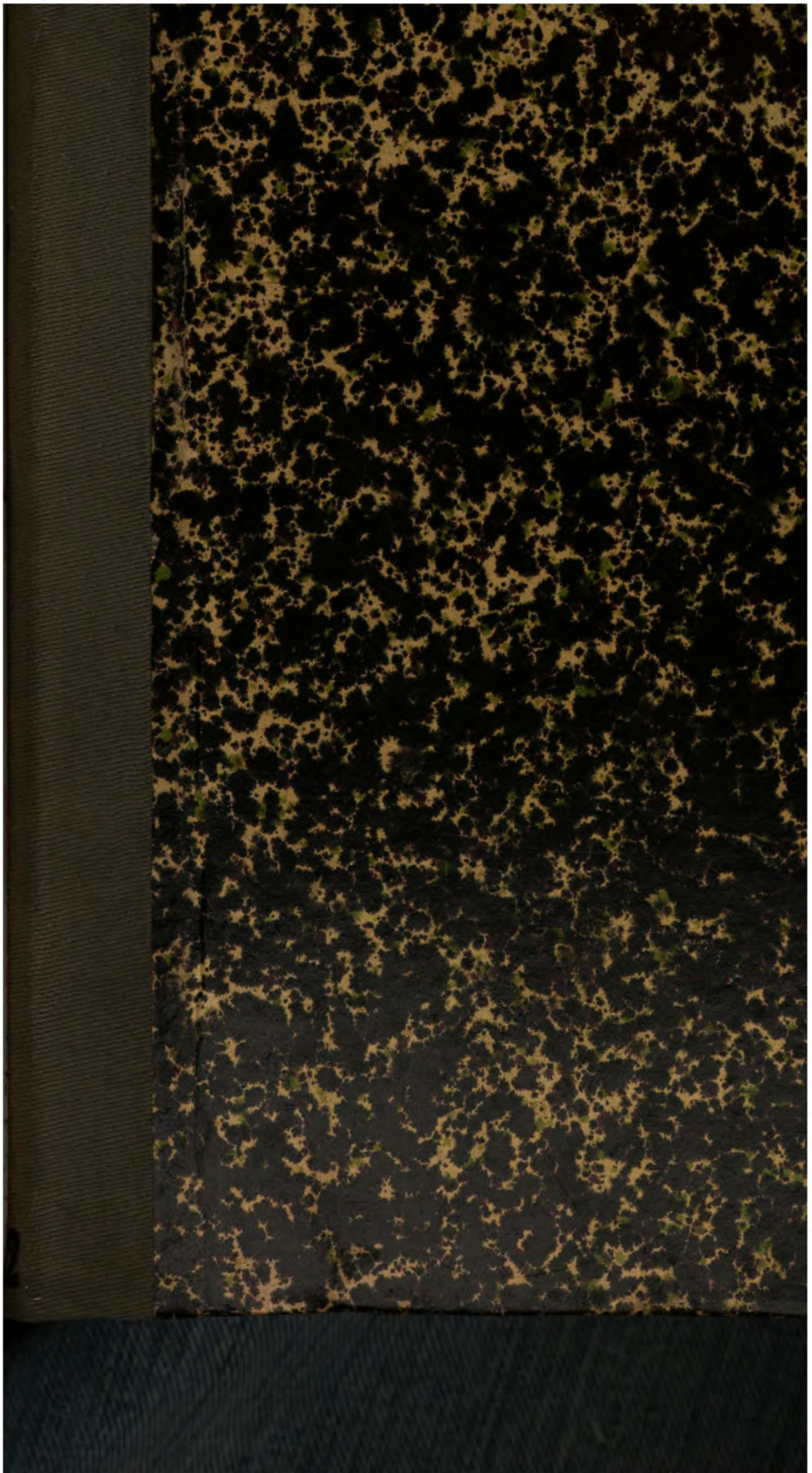
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 800-236.4 ($\frac{1868}{9}$)

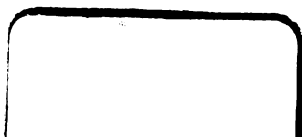
ПРОВЕРЕНО
1940 г.

НОЯ 1947

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1864

1864

1864

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Объ изданіи литературно-политическаго журнала

2

«Д Ъ Л О»

1858

9

ВЪ 1869 году.

Журналъ **«ДЪЛО»** будетъ издаваться въ 1869 году при постоянномъ участіи своихъ прежнихъ сотрудниковъ, въ томъ же направленіи и по той же программѣ, какъ и въ прошлые два года своего существованія.

Годовое изданіе журнала **«ДЪЛО»** состоитъ изъ *двѣнадцати* книжекъ, отъ 30—32 листовъ каждая.

Въ составъ журнала входятъ слѣдующіе главные отдѣлы:

I. **Беллетристика.** Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, драмы, рассказы, стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

II. **Статьи учено-литературныя,** по предмету наукъ историческихъ, политическихъ, естественныхъ, сельско-хозяйственныхъ, педагогическихъ, соціально-общественныхъ и т. п. Главное вниманіе Редакціи, при выборѣ такихъ статей, обращается на ихъ общедоступность и ясность основной мысли.

III. **Статьи публицистическія,** касающіяся современныхъ вопросовъ, имѣющихъ обще-человѣчскій интересъ.

IV. **Критика и библіографія.** Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются руководящія статьи критическаго воззрѣнія журнала на всѣ болѣе замѣчательныя явленія нашей умственной жизни и разборы новыхъ книгъ.

V. Иностранная литература. Съ будущаго года «ДѢЛО» предложитъ своимъ читателямъ нѣсколько цѣльныхъ и законченныхъ обзоровъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по своему общественному значенію.

VI. Политическая и общественная хроника, или обзорніе политическихъ событій современнаго міра.

VII. Внутреннее обзорніе, или хроника внутренней общественной жизни, гдѣ между прочимъ будутъ сообщаться отзывы о болѣе интересныхъ судебныхъ процессахъ.

VIII. Фельетонъ. Сюда войдутъ легкіе очерки тѣхъ общественныхъ явленій нашей жизни, которыя не требуютъ серьезной оцѣнки, но и не должны проходить незамѣченными литературнымъ органомъ. Отдѣлъ этотъ будетъ являться не въ каждой книжкѣ, а по мѣрѣ надобности.

IX. Обзоръ Журналистики, или оцѣнка тѣхъ литературныхъ органовъ, которые пользуются особеннымъ вниманіемъ публики.

Подписная цѣна годовому изданію «ДѢЛА».

съ пересылкой и доставкой . . . 15 р.

безъ пересылки и доставки . . . 13 р. 50 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «ДѢЛА» (въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, домъ Гассе) и въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа и А. О. Базунова. Въ МОСКВѢ — въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Соловьева (бывш. Базунова) и М. М. Черенина.

Отъ главной конторы журнала

„ДѢЛО“.

(По Трошскому переулку д. Гассе, кв. № 12.)

1) БИБЛОТЕКѢ КУЖБЫ въ КИШИНЕВѢ. Высланныя вами деньги на журналъ «ДѢло» въ книжный магазинъ Як. Исакова не были доставлены въ редакцію магазиномъ, и потому книжки журнала вамъ не высланы. Послѣ нѣсколькихъ справокъ, адресованныхъ въ магазинъ Як. Исакова, для объясненія вашей жалобы, Главн. Контора не могла добиться никакого толку.

2) Въ ЧЕРЕПОВЕЦѢ. Ѳ. А. Пол—ву. 5 и 6 №№ отправлены вамъ черезъ Газ. Экспедицію 31 августа.

3) Въ ВЯТКУ. П. А. Пес—ву. Вслѣдствіе вашей жалобы на неполученіе 6 и 7 кн. и запроса Редакціи, Газ. Экспедиція увѣдомляетъ, что 6 кн. отправлена вамъ 25 іюня, а 7 кн. 19 авг.

4) Въ МГЛИНѢ ЧЕРНИГ. ГУБ. Гр. Як. Гор—му. № 6 «Дѣла» высланъ вамъ *сторично*.

5) Въ СВЕАБОРГѢ. Артиллерійской офицерской библіотекѣ. Вслѣдствіе вашей жалобы на неполученіе 7 кн. «Дѣла», эта книжка отъ 24 авг. послана вамъ *сторично*.

6) Въ КОСТРОМУ. Библіотекѣ благороднаго клуба. № 3 «Дѣла» высланъ вамъ отъ 27 августа.

7) Въ КЕРЧЬ. Г-жѣ Хар—вой. На жалобу вашу о неполученіи 6 и 7 кн. «Дѣла», сообщенную отъ Редакціи въ Газ. Экспедицію, Газ. Экспедиція увѣдомляетъ, что 6 кн. послана вамъ 25 іюня, а 7-я—19 августа.

8) Въ г. СѢВСКѢ. В. К. Лоз—чу. Вслѣдствіе вашей жалобы 6 (іюнская) кн. сдана въ Газ. Экспедицію для немедленной высылки вамъ *сторично*.

9) Въ г. АЛЕКСИНЪ ТУЛЬСКОЙ ГУБ. Ев. Мих. Пал—ной. № 6-й вслѣдствіе вашей жалобы данъ въ Газ. Экспедицію для немедленной высылки вамъ *вторично*.

10) Въ г. КОЗЛОВЪ. Арс. Аф. Пон—ву. Вслѣдствіе вашей жалобы на неполученіе 5-й кн. «Дѣла», книжка эта дана въ Газ. Экспедицію для высылки вамъ *вторично*.

Въ Редакцію журнала «Дѣла» адресуются жалобы на невысылку книгъ и вообще на недобросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ кн. магазиномъ Ю. Луканина; при этомъ заявляются просьбы о томъ, чтобы Редакція «Дѣла» употребила зависящія отъ нея мѣры для удовлетворенія гг. жалующихся книгопродавцемъ Луканинымъ. Редакція «Дѣла» уже не разъ заявляла печатно, что у нея не было и нѣтъ ничего общаго съ кн. магазиномъ Ю. Луканина, и потому всякія сношенія съ нимъ Редакція рѣшительно отстраняетъ отъ себя, тѣмъ болѣе, что книжнаго магазина Ю. Луканина, сколько извѣстно, болѣе не существуетъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

- Соціально-экономическій фатализмъ. . . . . *Н. В. Шелунова.*
Источникъ живой воды. (Очерки изъ жизни
въ кумысолечебныхъ заведеніяхъ). . . . . *Н. М. Соколовскаго.*
Историческія условія интеллектуальнаго раз-
витія въ Россіи. (Окончаніе). . . . . *А. П. Шапова.*
Сумазбродка. Романическій этюдъ. (Часть
первая) . . . . . *Кл. Кованько.*
Изъ исторіи рабства. (Очеркъ второй). . . . . *Х. Х.*
Легкая ноша. (Стихотв. Изъ Гервега). . . . . *А. Михайлова.*
Бродячее населеніе въ Сибири. . . . . *Семилужинскаго.*
Пѣсня о хорошей женщинѣ. (Стихотв. Изъ
Юг. Шерра). . . . . *А. Михайлова.*
Друзья—хуже враговъ. Романъ Х. Мармоля.
Съ испанскаго. (Окончаніе).
Голодныя и холодныя мѣста. . . . . *В. В. Журавскаго*
Больная душа. (Разсказъ). . . . . *А. Машина.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Подростающія силы. (Трудное время. Повѣсть . . . . .
В. Слѣпцова. — Живая душа. Романъ
Марко-Вовчка.) Между двухъ огней.
Романъ Авдѣева.) . . . . . *П. Н. Ткачева.*
Новыя книги . . . . . *П. Т.*
ИСТОРИЯ КАБАКОВЪ ВЪ РОССІИ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ РУССКАГО
НАРОДА. Соч. Ивана Прыжова. Изд. М. О. Вольсаа. Спб. 1868 г. — ПРЕ-
СТУПЕНІЕ И СУМАСШЕСТВІЕ, ПОСОБІЕ И ДІАГНОСТИКА СОМНИТЕЛЬ-
НЫХЪ СЛУЧАЕВЪ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ, ДЛЯ ЛЕКАРЕЙ, ПСИХО-

ЛОГОВЪ И СУДЕЙ. Соч. д-ра Зальбрига. Изд. Д-ра Шульца. С.-Петербургъ 1868 г. — О ВЛИЯНІИ СУДА НА ПРИГОВОРЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. Соч. Юлія Глозера. Изд. Ламанскаго. С.-Петербургъ 1868 г. — СЪВЕРНЫЕ ПОЛЮСЫ И ЗЕМЛЯ ЯДМАЛЬ. ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ. Соч. Ю. И. Кушелевскаго. С.-Петербургъ 1868 г.

Политическая и общественная хроника. . . Жака Лефрени.

Южная Америка. — Хищныя поплзновенія сильныхъ противъ слабого со-
сѣда. — Парагвай беретъ подъ свою защиту угнетенную Восточную рес-
публику. — Последняя становится въ ряды его враговъ. — Союзъ Митре съ
имперіалистами. — Трое противъ одного. — Блестательная защита Гуманты. —
Занятіе ея союзниками. — Побѣда хуже пораженія. — Хорошій человекъ. —
Тадеусъ Стивенсъ. — Новая мистификація на политической сценѣ. — Опять
фенія. — Не-католиковъ подобаеъ хоронить вмѣстѣ съ собаками. — Бельгий-
скіе клерикалы воскрешаютъ средніе вѣка. — Местъ истинныхъ католиковъ
проявляется сожженіемъ проклятыхъ знаковъ у еретиковъ. — Крещеніе зароды-
шей, неуспѣвшихъ узрѣть свѣтъ. — Патеръ—операторъ и вѣжливый поли-
цейскій комиссаръ. — Патеръ—акушерка. — Клерикально-полицейскія лиги ра-
бочихъ. — Изувѣрство пламенныхъ католиковъ. — Религіозный индеферентизмъ
французовъ, какъ слѣдствіе дикаго невѣжества и фанатизма клерикаловъ. —
Непопулярность императорскаго принца. — Ковеньяковское дѣло. — Подвиги
Поля де-Кассаляка. — Торжественный приемъ въ Фонтенебло графа и гра-
фини Джирженти. — Съ міру по ниткѣ—голому рубашка или легкой способъ
вооружиться. — Движеніе между ханжами и фанатиками Европы въ пользу
папы. — Война или миръ? — Тревожное состояніе всѣхъ націй въ виду пред-
стоящей войны. — Шаткое положеніе Бисмарка. — Новый дебютъ Мантей-
феля. — Въ Австріи идетъ все таже неурядица, какъ и прежде. — Праздникъ
въ Вѣнѣ въ честь свободныхъ стрѣлковъ.

Соціально-экономическія попытки (окончаніе). Гдб.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 9.

ИМВ. № 24432

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССК.

Δ
PM. - 236.4 (1868)
9

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 сентября 1868 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧЕСКІЙ ФАТАЛИЗМЪ.

I.

Разсказываютъ, что одинъ русскій поэтъ писалъ стихи, особенно захватывавшіе за душу и рисовалъ страданія народа съ особенной силой, когда проигрывался въ карты и чувствовалъ себя несчастнымъ.

Это не частный фактъ, а общій, психологическій. Личное несчастье—сильнѣйшій двигатель для возбужденія мысли въ прогрессивномъ направленіи. Люди, даже съ небольшою энергіей, способны въ такихъ случаяхъ озлобляться; а нѣтъ лучшей прогрессивной силы, какъ злоба.

Вотъ вы несчастны. Отчего вы несчастны? Вы размышляете и находите, что лучшія ваши желанія не исполняются, лучшія ваши стремленія не удаются. Васъ беретъ злость на человѣческую глупость. Вы видите, что всему причиной только она, что она стоитъ предъ вами стѣною. Такъ бы и надѣлъ на эту глупость ослиный колпакъ и провелъ бы ее напоказъ людямъ! Но кому напоказъ? Вы думаете, что вашъ колпакъ на одномъ Иванѣ, но всмотритесь и увидите, что повсюду торчатъ головы, изобличаемыя нечеловѣческими ушами. Кого вести, кому надѣвать колпакъ? Вы прямой въ странѣ хромыхъ. Бороться? Но личная отдѣльная борьба съ длинными ушами напоминаетъ разсказъ Сисмонди. Одинъ крестьянинъ, пріютивши у себя волшебника, видѣлъ, что тотъ бралъ каждое

утро вѣникъ, произносилъ надъ нимъ какія-то магическія слова и вѣникъ, превратившись въ водоноса, отправлялся на рѣку за водою. Крестьянинъ спрятался, подслушалъ слова, которыми волшебникъ превращалъ вѣникъ въ водоноса; но словъ, которыми волшебникъ превращалъ водоноса въ вѣникъ, подслушать ему не удалось. Какъ только волшебникъ вышелъ изъ дому, крестьянинъ взялъ вѣникъ и произнесъ надъ нимъ магическія слова. Вѣникъ превратился немедленно въ водоноса, который и отправился за водой. Водоносъ принесъ воды разъ, два, три, четыре; кадки крестьянина были уже полны, но водоносъ опять отправился на рѣку и напрасно крестьянинъ кричалъ ему: довольно, довольно! — водоносъ все ходилъ на рѣку и, казалось, хотѣлъ залить весь домъ водою. Крестьянинъ взялъ топоръ и сталъ рубить водоноса; но отъ него только падали прутья, какъ отъ вѣника, и каждый прутыкъ превращался въ новаго водоноса и всѣ они бѣжали на рѣку за водою. Чѣмъ больше крестьянинъ рубилъ и чѣмъ неистовѣе нападалъ на водоносовъ, тѣмъ становилось ихъ больше и больше, и казалось, что они волеютъ въ домъ всю рѣку. Къ счастью, явился волшебникъ и, проговоривъ магическія слова, превратилъ водоносовъ въ вѣникъ. Тоже самое случается и въ личной борьбѣ съ неразумными людьми. Въ такой борьбѣ, вмѣсто одного водоноса, вы возбудите противъ себя тысячи, вы раскидаетесь, измельчаете, обезсилите и, наконецъ, у васъ опустятся руби и сами вы окажетесь Иваномъ, достойнымъ колпака.

Есть борьба выше этой мелочной личной борьбы отдѣльныхъ лицъ между собою, — борьбы, въ которой упражняются, напр., провинціальныя корреспонденты, вооружающіеся противъ отдѣльныхъ фактовъ, отдѣльныхъ личныхъ случаевъ, составляющихъ лишь результатъ другихъ болѣе широкихъ общихъ причинъ. Эта высшая борьба есть борьба съ принципомъ, борьба противъ коллективной неразумности, выгораживающая отдѣльныхъ лицъ; борьба, которую ведетъ публицистъ. Публицистъ, обобщая и группируя факты, пользуется отдѣльными случаями, какъ матеріаломъ. Кругозоръ публициста шире, дѣятельность его плодотворнѣе; но за то она требуетъ большихъ внутреннихъ силъ и знаній и подвергается большей опасности. Корреспонденты и фельетонисты, подобно поэтамъ, отдаются преимущественно чувству; они могутъ ограничить всю свою дѣятельность однимъ выраженіемъ негодованія, преданіемъ гласности глупости и пошлости. Но публицистъ долженъ отдавать перевѣсъ мысли надъ чувствомъ; онъ долженъ убѣждать, расширять круго-

зоръ читателя и указывать ему отдаленные идеалы. Такимъ образомъ публицистъ является пророкомъ своего народа.

Но чтобы пророкъ могъ приносить пользу своему народу, нужно условіе — чтобы были желающіе его слушать. Нѣтъ публицистики, если не находится желающихъ слушать. Ошибочно мнѣніе, будто желаніе слушать зависитъ отъ силы и таланта публициста. Конечно, талантъ—сила великая. Но если бы Демосфенъ вздумалъ говорить свои рѣчи каменнымъ стѣнамъ или стаду коровъ, то его краснорѣчіе пропало бы безслѣдно. Бываютъ и въ жизни обществъ моменты, когда люди уподобляются каменной стѣнѣ и никакой Демосфенъ не прошибетъ ее.

Но жизнь идетъ своимъ порядкомъ и социальное-экономическое движеніе въ народѣ продолжается. Онъ думаетъ свою думу, онъ трудится и работаетъ, онъ создаетъ новыя комбинаціи, требуемыя новыми обстоятельствами. Однимъ словомъ, жизнь идетъ впередъ; съ нею идетъ впередъ и наука.

Движеніе назадъ никогда не было движеніемъ постояннымъ. За отливомъ всегда слѣдуетъ приливъ; за остановкой новое поступательное движеніе. И потому я строю силлогизмъ и говорю: слѣдовательно наша публицистика и публика должны подчиниться общему ходу исторіи, ибо не они создаютъ исторію, а исторія творитъ ихъ—большее увлекаетъ меньшее.

Конечно, мы еще не вступили въ моментъ сознанія. Даже такой фактъ, какъ минувшій голодъ, не пробудилъ наше общество. Что же значить голосъ одного или двухъ публицистовъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что и послѣднимъ публицистамъ нужно замолчать, какъ будто бы все вокругъ нихъ вымерло и исторія человечества остановилась? Нѣтъ. Будемъ говорить и говорить. Послушаетъ насъ сначала одинъ человѣкъ, потомъ два, потомъ четыре, восемь и т. д. въ геометрической прогрессіи. И наведется общество на полезныя размышленія и пойдетъ вмѣстѣ съ жизнью, а не противъ нея.

Въ чемъ же ходъ влекущей насъ народной жизни и исторіи человечества? Движеніе ихъ только въ одномъ направленіи — социальное-экономическомъ; оно заключается въ стремленіи людей построить свое благосостояніе по среднему уровню большинства. Кто не знаетъ этого, кто хочетъ идти инымъ путемъ, тотъ не человѣкъ современно-исторической эпохи; тотъ не человѣкъ своего времени.

Что таковъ именно ходъ исторіи, что волей и неволей всякое

общество и публицистика должны ему подчиниться, даже и при отсутствіи сознанія, я хочу попытаться доказать настоящею статьею. Или иначе я хочу доказать, что если мы опустили руки и думаемъ, ужь не ошиблись ли наши публицисты и мы сами, говоря прежде о соціально-экономическихъ вопросахъ и не поступаемъ ли мы теперь умнѣе не говоря ни о чемъ—я хочу доказать, что наше настоящее размышленіе ошибочно и что намъ нѣтъ другого выхода, какъ думать въ прогрессивномъ направленіи. Не станемъ мы дѣйствовать и думать сознательно, уведетъ насъ впередъ соціально-экономическій фатализмъ и не устоимъ мы на мѣстѣ, какъ бы мы сильно ни упирались. Соціально-экономическій фатализмъ есть сила роковая; ничто не можетъ устоять противъ нея: какъ она вела человѣчество до сихъ поръ, такъ поведетъ она его впередъ и въ будущемъ.

II.

Потребности, удовлетвореніе ихъ и слѣдовательно экономически производительный трудъ—вотъ основная форма соціально-экономической дѣятельности человѣка. Читатель скажетъ мнѣ, что я говорю ему азбучную истину. Да; но знаетъ ли читатель, что прошла тысяча вѣковъ прежде чѣмъ люди выработали эту азбучную истину? Все древнее человѣчество погибло только оттого, что не знало ея и конечно негодующій на меня читатель самъ бы не додумался до нея, если бы не помогъ ему Адамъ Смитъ. Слѣдовательно напомнить азбучную истину не только полезно, но и необходимо, ибо только ею разрѣшаются всѣ соціально-экономическіе вопросы, уясняются всѣ самыя сложныя и запутанныя экономическія комбинаціи въ отношеніяхъ труда къ капиталу.

Еще въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ изрѣченія, что человѣкъ только трудомъ можетъ добыть хлѣбъ свой. Такимъ образомъ уже въ древности передовые мыслители признавали трудъ основой всей дѣятельности человѣка. Но только спустя многое множество вѣковъ явилось сознательное представленіе о выгодномъ направленіи труда. Мало ли какой можетъ быть трудъ; наприм., трудъ переливать изъ пустого въ порожнее. Первое человѣчество считало трудомъ только войну, рѣшало всѣ вопросы силой и раздѣляло общество на рабовъ и господъ. Такое дѣленіе

общества и эксплуатація однихъ другими въ постепенно-умягчающей формѣ существовала, какъ бессознательная сила, долгое время.

Но соціально-экономическій фатализмъ, помимо воли отдѣльныхъ людей и сословій, обнаруживалъ свою силу въ явленіяхъ повидимому вовсе не экономического характера. Сила этого фатализма именно въ томъ, что онъ обращаетъ все на пользу соціально-экономического прогресса. Очень можетъ быть, что желѣзныя дороги и телеграфы послужили прежде всего для разрушительныхъ цѣлей. Очень можетъ быть, что по желѣзнымъ дорогамъ проѣхало прежде всего больше воиновъ, чѣмъ мирныхъ экономическихъ производителей. Очень можетъ быть, что телеграфныя проволоки передали вначалѣ болѣе военныхъ распоряженій, чѣмъ коммерческихъ депешъ. Но въ концѣ концовъ полезный результатъ будетъ чисто соціально-экономического характера. Такъ изобрѣтатели пороха и огнестрѣльнаго оружія думали только о войнѣ и разрушеніи, какъ продолжаютъ думать еще и до нынѣ военные изобрѣтатели. Но посмотрите ближе на результатъ изобрѣтенія пороха. Вотъ онъ: какъ только порохъ оказался дѣломъ пригоднымъ для войны, измѣнилась и теорія войны и способъ ея веденія. Прежде каждый гражданинъ отбывалъ военную повинность натурой, каждый былъ воиномъ и обязанъ былъ защищать свою страну. Когда каждый превращается такимъ образомъ въ воина и является представителемъ военной силы, то неизбѣжнымъ результатомъ этого—общая грубость нравовъ и перевѣсъ военныхъ занятій надъ всѣми остальными. И мы видимъ въ дѣйствительности, что старая Европа распадалась на два сословія: одно военное, другое духовное; что даже духовные были заражены духомъ воинственности и какой нибудь Петръ пустынный, обнаживъ мечъ, велъ крестоносцевъ на гибель и разрушеніе вмѣсто того, чтобы умиротворять ихъ словомъ любви къ ближнему. Бокль справедливо говоритъ, что было много военныхъ и священниковъ, битвъ и проповѣдей, но не было ни промысловъ, ни торговли, ни фабрикъ, не было ни наукъ, ни литературы; полезныя ремесла были неизвѣстны и даже интеллектуальные представители общества были незнакомы не только съ обыкновеннымъ комфортомъ, но даже съ простѣйшими приличіями цивилизованной жизни. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія круто повернуло жизнь на новый путь. Правда, войны стали губительнѣе и явились спеціалисты военного дѣла, но за то вмѣсто прежнихъ двухъ слоевъ, общество выдѣлило изъ себя третій—мирныхъ экономическихъ производителей. Теперь прежнюю грубую милицію

смѣнила постоянная армія; а вмѣстѣ съ тѣмъ огромная масса людей, оказавшись бесполезной для военныхъ цѣлей, могла употребить свой трудъ для экономической производительности и отвыкла постепенно отъ своихъ прежнихъ воинственныхъ привычекъ. Этимъ путемъ европейскій интеллектъ, устремлявшій прежде всѣ свои силы на войну или теологію, началъ думать въ новомъ направленіи, создались новыя знанія, положилося начало привычки думать экономически полезнымъ образомъ, смягчились нравы и европейское общество приняло небывалую до того фізіономію:—начали развиваться промышленные города, ремесленный трудъ, большій досугъ дозволилъ людямъ устремить свои мысли въ направленіи экономически выгодномъ и явился рядъ новыхъ изобрѣтеній, приведшихъ къ тому же соціально-экономическому результату.

Въ числѣ изобрѣтеній этого рода, можетъ быть, болѣе плодотворное по своимъ результатамъ, есть книгопечатаніе. Когда Гуттенбергъ выдумалъ свои деревянныя подвижныя буквы, то онъ задался только мыслію облегчить трудъ какой нибудь сотни переписчиковъ. Гуттенбергу и въ голову не приходило, что его простая мысль можетъ имѣть такія громадныя соціально-экономическія послѣдствія. Въ благочестивомъ душевномъ настроеніи, онъ плѣнялся только тѣмъ, что библія сдѣлается гораздо дешевле и доступнѣе и что, можетъ быть, большее число людей усвоятъ себѣ ея спасительныя истины. Но вотъ прошло четыре вѣка и тысячи типографій покрыли землю; мириады книгъ, далеко уже не библейскаго содержанія, наполнили общественныя бібліотеки и частныя книгохранилища; дорогой пергаментъ смѣнился дешевой бумагой изъ тряпки и повидимому простая мысль изобрѣтателя создала громадную массу людей, посвятившихъ свои силы новому невѣдомому прежде дѣлу; журналисты, публицисты, романисты, ученые, занятые кабинетнымъ трудомъ, типографщики, наборщики, словолитчики составляютъ милліоны, явилась, невѣдомая до того книжная торговля, привлекая огромныя капиталы и потребовавшая, въ свою очередь, огромную массу людей. И все это благодаря только простой мысли Гуттенберга: облегчить трудъ сотни переписчиковъ. Рыцарство, утратившее свое значеніе съ изобрѣтеніемъ пороха, еще долго жило въ нравахъ европейскаго населенія. Служеніе дамамъ своего сердца прекратилось и авантюризмъ пробилъ новую дорогу. Прежде рыцари странствовали для того, чтобы истреблять невѣрныхъ и, воодушевляясь любовью къ дамѣ своего сердца, убивали людей и сѣяли повсюду смерть и разрушеніе. Съ

изобрѣтеніемъ пороха, беспокойные люди, принужденные отказаться отъ прежнихъ рыцарскихъ привычекъ, кинулись въ авантюризмъ и стали мечтать въ экономическомъ направленіи. Хотя это нѣсколько и странно, но совершенно справедливо. Издревле жило преданіе о громадномъ островѣ, поглощенномъ моремъ. Издревле жило преданіе объ обѣтованныхъ уголкахъ, лежащихъ гдѣ-то тамъ, очень далеко. И вотъ люди, неизмѣнные постоянныхъ мирныхъ занятій, предприимчивые, смѣлые, неустрашимые, рыцари въ полномъ смыслѣ слова, задумали отыскивать исчезнувшую Атлантиду, обѣтованные уголки, золотосное Эльдorado. Люди не могли употреблять уже прежнихъ рыцарскихъ приемовъ для удовлетворенія своихъ потребностей или, попросту говоря, не могли уже разбойничать, чтобы жить трудомъ ближняго; и такимъ образомъ болѣе мирное общественное настроеніе побудило отважныхъ людей отыскивать иныхъ средствъ для существованія и превратиться изъ разбойниковъ въ изобрѣтателей и открывателей новыхъ міровъ. Это новое направленіе создано тоже изобрѣтеніемъ пороха.

Мы видимъ цѣлый рядъ людей, выступившихъ на этотъ новый путь: Васко-де-Гама, Кабрала, Франциско д'Альмейду, Альбукерке, Магеллана, Кабота, Кортеса, Веласкеса, Пизарро, Альмагро, Христофора Колумба. Благодаря направленію, овладѣвшему этими замѣчательными людьми, фізіономія цивилизованнаго міра совершенно измѣнилась и явились такія послѣдствія, о которыхъ меньше всего они сами мечтали. А между тѣмъ, что двигало этими людьми? Простая ненасытность передвиженія, возбуждаемая къ лучшему удовлетворенію своихъ личныхъ потребностей. Мореплаватель, пускавшійся въ отдаленный путь, думалъ только о томъ, какъ бы ему найти гдѣ нибудь золотую гору или яму съ драгоценными камнями. И Колумбъ воодушевлялся только этою мыслью; только этимъ однимъ ему удалось убѣдить Изабеллу Кастильскую дать ему три корабля. Испанская королева не меньше Колумба мечтала о золотѣ и, снарядивъ для Колумба флотъ, великодушно выговорила себѣ девять десятыхъ изъ доходовъ новооткрытыхъ странъ и острововъ. Экипажъ сформировался тоже изъ людей, жаждавшихъ богатства, и только надежда на удовлетвореніе этой жадности поддерживала отважныхъ моряковъ въ ихъ плаваніи. Не всѣ надежды исполнились: золота нашлось меньше чѣмъ думали; но новый свѣтъ былъ открытъ, а вмѣстѣ съ новымъ свѣтомъ перестроилась и вся европейская жизнь. Европейскій бытъ

былъ прежде простъ и немногосложенъ, потребности удовлетворялись тѣмъ, что давала скудная европейская почва. Но вотъ Америка познакомила европейцевъ съ новыми невѣдомыми имъ предметами, создала таеъ называемые колоніальные товары: кофе, сахаръ, табакъ, хлопчатую бумагу. Если читатель обратитъ вниманіе на то, что Америка въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій дала 10 миллиардовъ золота и серебра, въ то время какъ во всѣ средніе вѣка европейскій запасъ серебра и золота составлялъ всего 280 милліоновъ талеровъ, если читатель обратитъ вниманіе на то, что изъ Америки привозится въ Европу около 1,500,000 тоннъ сахара, около 8 милліоновъ центнеровъ кофе, около $4\frac{1}{2}$ милліоновъ тюковъ хлопка, около 150 милліоновъ фунтовъ табаку; если читатель обратитъ вниманіе наконецъ на то, что хлопчато-бумажная производительность измѣнила совершенно характеръ прежней одежды и создала новыя небывалыя до того матеріи, что благодаря хлопку явились не только новыя матеріи, но и Аркрайтова машина и милліоны людей нашли себѣ новое невѣдомое занятіе, то читатель и самъ собой сообразитъ то громадное значеніе, какое имѣлъ новый свѣтъ для старой Европы. Европа стала пить и ѣсть не то, что она пила и ѣла прежде. Она познакомилась съ красильными веществами, которыхъ у нея не было, и вмѣсто прежней бѣдной по внѣшности жизни усвоила новую блестящую обстановку и новыя болѣе удобныя привычки.

Но не одно только матеріальное вліяніе обнаружилъ новый свѣтъ на Европу. Америка, хотя и привлекла къ себѣ всякихъ авантюристовъ и пройдохъ, думавшихъ только о золотѣ, но вмѣстѣ съ ними явились и хорошіе трудолюбивые люди, имѣвшіе болѣе мирныя и высокія стремленія. Эти хорошіе люди шли въ Америку не на время, чтобы только разбогатѣть и за тѣмъ возвратиться въ Европу,—проживать добытое богатство,—но они явились колонизаторами новой страны и піонерами цивилизаціи. Явившись въ странѣ, изобильной всѣми естественными богатствами и землей, колонисты не имѣли причинъ придерживаться сословныхъ и родовыхъ предразсудковъ старой Европы. Каждый колонистъ получалъ въ свое распоряженіе столько земли, сколько могъ обработать и, при передачѣ своихъ владѣній своимъ наслѣдникамъ, не имѣлъ нужды придерживаться англійскаго майората. Изъ этого вытекало непосредственно иное чѣмъ въ Англійи имущественное отношеніе, экономическое равенство всѣхъ дѣтей одного отца и выработался тотъ демократическій принципъ, который въ своемъ окончательномъ раз-

витіи создалъ изъ Америки вполне демократическое государство. Въ то же время экономическая независимость каждаго колониста, работавшаго лично на себя, а не на владѣльца земли, какъ въ Англіи, дозволила каждому пользоваться всѣми результатами своего труда. А непосредственнымъ слѣдствіемъ этого явилось скорое обогащеніе колоній. Итакъ, потому что каждый колонистъ явился собственникомъ, создалась въ Америкѣ имущественная равноправность и выработались демократическія учрежденія; а потому что каждый работалъ лично на себя—общее экономическое благосостояніе.

Эти два обстоятельства вызвали скоро послѣдствія, весьма важныя по своимъ результатамъ для всего цивилизованнаго міра. Англія, смотрѣвшая на американцевъ, какъ на своихъ дѣтей, хотѣла пользоваться ихъ силами и эксплуатировать въ свою пользу ихъ трудъ. Англія хотѣла заставить Америку работать на себя и богатѣть, загребая жаръ чужими руками. Съ этою цѣлью англичане издали цѣлый рядъ стѣснительныхъ для американцевъ постановленій и пытались забрать въ свои руки ихъ торговлю. Такая безцеремонность англичанъ не понравилась американцамъ по двумъ причинамъ: считая себя взрослыми, они не желали, чтобы ими распоряжался кто нибудь другой кромѣ ихъ самихъ; и во-вторыхъ для нихъ было совершенно очевидно, что стѣсненіе ихъ торговли и промышленности отразится чувствительнымъ образомъ на ихъ карманахъ. Поэтому, при первыхъ же попыткахъ Англіи распоряжаться экономической судьбою американцевъ, послѣдніе обнаружили противодѣйствіе, и начались немедленно ссоры между метрополіей и ея колоніями.

Въ тѣ времена экономическія воззрѣнія не были еще выработаны въ строгую теорію и потому для самихъ американцевъ было не совсѣмъ ясно значеніе и важность экономическихъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ ихъ противодѣйствія. Большинство образованныхъ людей и представители американскаго интеллекта были юристы и потому весь споръ съ метрополіей былъ поставленъ юридическимъ образомъ. Американцы затѣяли споръ о правахъ, говорили зажигательныя рѣчи, толковали о достоинствѣ челоуѣка и тому подобныхъ отвлеченностяхъ и какъ будто бы совершенно не понимали, что сущность обоюдныхъ столкновеній есть чисто экономическая и что юридическая постановка вопроса есть только внѣшняя сторона дѣла. Тѣмъ не менѣе даже и при такой постановкѣ вопроса получились полезные результаты, ибо народъ, задѣтый въ самыхъ бли-

жайшихъ своихъ интересахъ, пользовался всякимъ предложеньемъ и всякимъ средствомъ для ихъ огражденія, если они вели къ цѣли. А какъ юриспруденція была орудіемъ достаточно пригоднымъ, то юристы сдѣлались представителями народа и его революціонными предводителями. Дѣло кончилось тѣмъ, что юристы сочинили декларацию правъ, а народъ взялся за оружіе и началась война съ Англіей, окончившаяся торжествомъ колонистовъ. Освободившаяся Америка создала республику небывалаго размѣра. И такимъ образомъ простое авантюристское желаніе Колумба найдти кусокъ золота привело къ результату громадной міровой важности, котораго Колумбъ, конечно, никакъ не ожидалъ.

Но не этимъ однимъ кончилось открытіе Колумбомъ Америки. Американское движеніе обнаружило непосредственное вліяніе на старую Европу и американскія идеи нашли въ ней весьма плодородную почву. Первой страной, воспользовавшейся этими идеями была Франція, революціонное движеніе которой въ концѣ прошедшаго столѣтія находилось въ непосредственной связи съ американской войной за независимость. Но и во Франціи, какъ въ Америкѣ, передовыми дѣятелями явились юристы и всѣ толковали о правахъ въ то время, какъ сущность заключалась въ соціально-экономическомъ вопросѣ. Поэтому французская революція получила характеръ юридически-политическій и изъ всѣхъ революціонныхъ предводителей Франціи только одинъ Робеспьеръ, и то какъ бы случайно, сказалъ рѣчь, что послѣ переворота во Франціи не будетъ бѣдныхъ. Въ этомъ причина, что французская революція, вышла только половиною дѣла и исключительно политическимъ явленіемъ, не смотря на свою экономическую сущность. Но даже и при этой неполнотѣ она дала экономическимъ силамъ Франціи возможность вступить въ новыя экономическія комбинаціи; она дала возможность проявиться личному труду болѣе совершенно и успѣшно, чѣмъ это было прежде, и въ этомъ причина почему, несмотря на страшныя внутреннія потрясенія и огромныя внѣшнія войны, Франція вынесла легко не только революцію и царствованіе Наполеона, но и явилась въ десять разъ богаче, чѣмъ была прежде.

Если читатель обратитъ вниманіе на связь причинъ и послѣдствій, то онъ усмотритъ въ нихъ легко тотъ законъ соціально-экономическаго фатализма, который рядомъ постепенно увеличивающихся причинъ создаетъ рядъ постепенно увеличивающихся послѣдствій, имѣющихъ своимъ окончательнымъ результатомъ большее благополучіе постепенно большей массы людей. Такъ скромный

монахъ изобрѣтаетъ порохъ, нисколько не думая о военныхъ преобразованіяхъ, а между тѣмъ огнестрѣльное оружіе освобождаетъ огромную массу людей отъ необходимости непроеводительнаго труда и устремляетъ ея силы на мирныя экономическія занятія. Этимъ развивается ремесленность, является привычка къ полезному труду и мысль большого числа людей получаетъ направленіе чисто экономическое. Такое новое направленіе мысли заставляетъ людей думать объ облегченіи труда и объ изысканіи средствъ для возможно легчайшаго пользованія результатами своей экономической дѣятельности. Но европейская природа скудна, дѣйствительность не удовлетворяетъ человѣка и вотъ воображеніе создаетъ идеаль земнаго рая и возбуждаетъ дѣятельность человѣка къ отысканію этого рая. Являются предприимчивые люди, способные переносить всякія лишенія и трудности, и одному изъ нихъ удается дѣйствительно открыть подобный земной рай. Разказы моряковъ о чудесахъ новооткрытыхъ земель возбуждаютъ жадность и любопытство людей, подобно имъ предприимчивыхъ или недовольныхъ своимъ настоящимъ. Людямъ, гонимымъ за свои убѣжденія, является мысль искать спасенія въ этой отдаленной странѣ. Тѣ и другіе переплываютъ океанъ, создаютъ колоніи и мечтаютъ объ организаціи спокойной жизни, чуждой европейскихъ тревоженій. Не преслѣдуемые своими гонителями, переселенцы быстро достигаютъ экономическаго благосостоянія, возможнаго только при отсутствіи всякихъ виѣшнихъ помѣхъ. Они создаютъ новую небывалую промышленность и новые незнакомые европейцамъ предметы потребленія и потребности. Завязываются небывалыя торговыя сношенія между старымъ и новымъ свѣтомъ; а ввозъ американскихъ произведеній въ Европу создаетъ небывалую до того массу новыхъ экономическихъ производителей, въ образѣ новыхъ ремесленниковъ, купцовъ и торговцевъ. Но экономическое развитіе требуетъ отсутствія вмѣшательства и помѣхъ; а между тѣмъ старая Европа не даетъ покоя Америкѣ. И вотъ американцы вырабатываютъ принципъ экономическаго невмѣшательства и свободы, берутся за оружіе, потому что словами убѣдить старую Европу не въ состояніи; торжествуютъ надъ своимъ врагомъ и преподаютъ Европѣ урокъ политико-экономической мудрости. Міръ совершенно измѣняетъ свою фізіономію. Вмѣсто прежняго исключительнаго военнаго населенія, является населеніе мирныхъ труженниковъ, нежелающихъ убыточной для нихъ войны; вмѣсто небольшого числа ремесленниковъ, переработывавшихъ скудные дары европейской природы, яв-

ляется масса новыхъ производителей, перерабатывающихъ американское сырье. Хлопчатая бумага привлекаетъ огромную массу рувъ и даетъ дѣятельности европейскаго населенія совершенно новое направленіе. Повидимому такой ничтожный предметъ измѣняетъ совершенно всѣ экономическія отношенія и весь порядокъ экономической жизни Европы. Не боясь преувеличенія, можно сказать, что именно хлопчатая бумага создала тѣ чудеса цивилизаціи и изобрѣтенія, которыми пользуется Европа въ настоящій моментъ. Теперь вы не найдете ни одной женщины и ни одного мужчины, ни старца, ни ребенка, который бы не одѣвался въ матеріи изъ хлопчатой бумаги взамѣнъ прежнихъ холстинъ и подобныхъ имъ безобразныхъ и грубыхъ матерій изъ грубаго европейскаго сырья. А если мы примемъ европейское населеніе среднимъ числомъ только въ 250 милліоновъ, то читатель и самъ сообразитъ, какъ велика должна быть масса потребления и какое множество рувъ занято хлопчато-бумажнымъ производствомъ.

Хлопчато-бумажное производство создало совершенно новую промышленность, самую громадную по размѣру числа лицъ, занятыхъ ею, и по размѣру потребления. Причину этого нужно искать въ свойствахъ хлопчатника, легко выдѣлывающагося въ прочную тонкую нитку, какой нельзя произвести съ тѣми же усиліями изъ льна, пеньки, и вообще изъ европейскихъ волокнистыхъ растеній. Легкость разработки хлопка и приготовленія изъ него ткани привлекла къ новому производству огромную массу людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставила подумать объ облегченіи труда. Прежде хлопокъ пряли или веретенкомъ или самопрялкой. Самопрялка была уже значительнымъ шагомъ впередъ и изображала изъ себя, хотя несовершенную машину, а все-таки машину, облегчавшую трудъ. Теперь же, когда—и по преимуществу въ Англій—почти въ каждомъ деревенскомъ домѣ завелось пряденіе, люди болѣе способные начали думать о томъ, какъ бы замѣнить самопрялку машиной, еще болѣе выгодной. Этому стремленію удовлетворили очень скоро Гергравъ, Аркрайтъ и Кромтонъ, придумавшіе совершенно новые снаряды для пряденія бумаги и для тканья. Новое изобрѣтеніе привлекло немедленно огромную массу новыхъ силъ, потому что трудъ оплачивался вдвое и втрое выгоднѣе прежняго. Старымъ системамъ съ старыми двигателями оказалось совершенно невозможнымъ существовать, особенно когда явилась паровая машина Уатта. Ломка стараго порядка совершилась съ быстротой необычайной и съ рѣзкостью революцій. Прежде тканьемъ и пряжей занимались сельскіе

жители у себя на дому, теперь же явились громадныя фабрики и сельскій житель, покинувъ свою деревню, потянулся къ мануфактурамъ и создалъ новые небывалые громадныя города и промышленныя центры. Пренныя патріархальныя отношенія порвались; пренный скромный деревенскій ткачъ исчезъ и смѣнился новымъ фабричнымъ рабочимъ, чуждымъ пренней деревенской простоты и способнымъ къ болѣе широкой общественной и политической дѣятельности. Промышленныя города начали расти въ Англіи съ изумительною быстротою. Вновь построенная фабрика оттягивала немедленно населеніе изъ сельскихъ мѣстностей. Съ наплывомъ рабочихъ на фабрику являлись и новыя потребности, а для удовлетворенія ихъ являлись и новые люди. И вотъ рядомъ съ фабрикой строились дома для рабочихъ, возводились лавки и магазины для удовлетворенія ихъ потребностей, созидалась полиція и судъ, поселялись адвокаты и маклера, являлись рабочіе для построекъ и изготовленія предметовъ домашней жизни и такимъ образомъ вслѣдъ за фабрикой, построенной въ какой либо глухой мѣстности, выросталъ подлѣ нея, какъ бы волшебствомъ, небывалый городъ. Если мѣстность оказывалась выгодной, то подлѣ первой фабрики строилась другая, къ этой бывало подобное же городское населеніе, за второй фабрикой являлась третья и въ какіе нибудь пять, шесть лѣтъ маленькій городокъ превращался въ громадныя города съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ чело-вѣкъ.

Громадныя города, явившіеся этимъ способомъ и усилившаяся промышленность и торговля быстро создали огромныя капиталы, которые пошли частью на развитіе той же хлопчато-бумажной промышленности, а частью начали искать себѣ другихъ, не менѣе выгодныхъ помѣщеній. Духъ промышленной предприимчивости обхватывалъ все большую и большую массу людей и заставлялъ ихъ способности работать въ экономическомъ направленіи. Мысль людская, направленная въ старину исключительно на военныя размышленія, избрала теперь для себя экономическую дорогу. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что потребовалось облегчить торговныя и коммерческія сношенія и придумать что нибудь болѣе удобное пренняго паруснаго плаванія. И вотъ Фултонъ изобрѣтаетъ пароходъ, который далъ возможность переплывать изъ Европы въ Америку вмѣсто преннихъ трехъ мѣсяцевъ въ три недѣли, и наконецъ Георгій Стефенсонъ примѣнилъ машину Уатта къ движению на сухомъ пути. Судьба этихъ изобрѣтеній, не смотря на всю

ихъ громаднѹю важность, конечно, не была бы такъ блистательна, если бы въ Европѣ не имѣлось достаточно капиталовъ для широкаго практическаго ихъ примѣненія. Такъ какъ силы отдѣльныхъ людей, какъ бы ни были велики отдѣльные капиталы, были все-таки недостаточны, чтобы за постройки желѣзныхъ дорогъ принимались отдѣльныя лица, то у европейскихъ капиталистовъ явилась мысль соединять свои капиталы для одного общаго предпріятія. Создались акціонерныя компаніи и Европа покрылась быстро сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Желѣзныя дороги больше всѣхъ другихъ изобрѣтеній и открытій способствовали прогрессу и развитію европейскаго интеллекта. Ничто такъ неспособствуетъ спячкѣ мысли какъ мирное патріархальное сидѣніе на одномъ мѣстѣ и, напротивъ, ничто такъ не развиваетъ человѣка какъ общеніе съ людьми. Общеніе же тѣмъ больше и вліяніе его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ легче возможность передвиженія и чѣмъ чаще видятся люди съ новыми людьми и усваиваютъ отъ нихъ новыя понятія. Ничто не способствовало въ такой мѣрѣ подобному сближенію, какъ желѣзныя дороги. Ихъ воспитательное значеніе не только въ томъ, что они переносятъ быстро огромныя массы людей въ новыя мѣстности и знакомятъ съ новыми обычаями; дороги важны еще и потому, что уничтожаютъ сословныя предразсудки и приучаютъ людей къ сближенію, при прежнихъ условіяхъ невозможному. На станціяхъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ знатная барыня по необходимости садится съ простолудинкою, а баринъ рядомъ съ мужикомъ и такимъ образомъ отвыкаютъ постепенно отъ своей сословной исключительности. Борьба съ предразсудками теоретическими средствами, т. е. при посредствѣ книгъ и журнальныхъ статей, могла бы тянуться безплодно цѣлыя вѣка, а между тѣмъ желѣзныя дороги сломали нѣкоторыя изъ нихъ сразу и въ какіе нибудь полстолѣтія измѣнили внѣшнія привычки европейскаго общества. Аристократу, нежелающему мѣшаться съ толпой, остается только одно средство: путешествовать на лошадахъ; но вѣдь глупо и невыгодно ѣздить на лошадахъ, когда есть желѣзныя дороги. Общественно-воспитательное значеніе желѣзныхъ дорогъ заключается не только въ томъ, что онѣ нанесли ударъ аристократической спѣси, но еще и въ томъ, что онѣ уничтожили индивидуальную замкнутость отдѣльныхъ людей. Наприм., мы русскіе и до сихъ поръ держимъ себя съ олимпійскимъ величіемъ, очутившись въ обществѣ людей намъ незнакомыхъ и думаемъ заявлять свою порядочность тѣмъ презрительнымъ молча-

ніемъ, съ какимъ относимся къ своему сосѣду. Русскіе джентльмены и не подозреваютъ, какъ они глухи и смѣшны своимъ олимпийскимъ величіемъ и въ своемъ неудачномъ подражаніи англійскимъ джентльменамъ. Въ Германіи и во Франціи желѣзныя дороги давно уже выкурили эту чепуху и каждый нѣмецъ или французъ, садясь въ вагонъ, безбоязненно завязываетъ общій разговоръ, съ увѣренностью, что найдетъ въ своихъ сосѣдяхъ людей, а не медвѣдей. Правда, что у нѣмцевъ и французовъ есть предметы для общаго разговора; правда, что у насъ такихъ предметовъ очень мало или вовсе нѣтъ; но правда также и то, что сословная рознь, индивидуализмъ и общественное разномысліе не имѣютъ ни въ одномъ народѣ такихъ глубокихъ корней, какъ у насъ.

Сводя все, что я говорилъ въ этой главѣ въ одно, я попрошу читателя нарисовать въ своемъ воображеніи двѣ картины: картина первая—пустынная печальная мѣстность, болота и лѣса, кое-гдѣ раскинутыя бѣдныя печальныя деревни; народъ, живущій патриархальнымъ бытомъ, незнающій никакихъ удобствъ жизни, одѣвающийся скверно, въ грубыя ткани, питающійся простой, грубой пищей и услаждающій всѣ свои досуги пьянствомъ и грубыми потѣхами. Проще, посмотрите на сельскія мѣстности Сибири и затѣмъ перенеситесь внезапно въ любой оживленный центръ англійской жизни. Вы видите тамъ блестящій городъ съ громаднымъ каменными зданіями, вы видите ряды блестящихъ магазиновъ со всѣми возможными предметами, созданными промышленностью всѣхъ странъ міра, вы видите читальни, книжные магазины, театры, кофейни, рестораны, гостиницы, какъ царскіе дворцы, васъ поражаетъ энергія и движеніе населенія, васъ поражаетъ его промышленная экономическая дѣятельность. И этотъ поразительный контрастъ между мертвою сибирскою деревнею и жизнью англійскаго города создалъ соціально-экономическій фатализмъ. Какая сила могла бы остановить это развитіе? Какая сила могла помѣшати устройству желѣзныхъ дорогъ, изобрѣтенію Аркрайта, Уатта, открытію Америки, книгопечатанію? Одно движеніе мысли вызвало другое, за изобрѣтеніемъ слѣдовало изобрѣтеніе, за развитіемъ — развитіе. И жизнь европейскаго человѣчества катилась, какъ комъ снѣга, постепенно увеличиваясь и человѣческій интеллектъ по закону инерціи, стремясь впередъ, долженъ былъ придти къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ пришелъ и такъ же неизбежно придетъ онъ къ тому, что на землѣ не будетъ ни голодныхъ ни

недовольныхъ и никакія помѣхи не удержатъ человѣчество въ его постепенномъ прогрессивномъ шествіи.

Но не нужно забывать еще и того, что рядомъ съ поразительнымъ богатствомъ стоитъ поразительная бѣдность, рядомъ съ развитіемъ — тупость, рядомъ съ умомъ — безуміе; что если человѣчество движется въ прогрессивномъ направленіи, то въ тоже время дѣйствуютъ въ немъ и силы ретроградныя, парализующія соціально-экономическій прогрессъ.

III.

На земномъ шарѣ есть и до сихъ поръ еще уголки, въ которыхъ можно наблюдать жизнь человѣчества въ такомъ видѣ, какой она имѣла въ каменный періодъ. Въ этихъ уголкахъ земли удовлетвореніе потребностей и экономическихъ побужденій совершается путемъ насилія. Человѣкъ не знаетъ другого средства пріобрѣтенія, какъ отнять силой отъ другого человѣка то, что ему нужно. Трудъ считается занятіемъ позорнымъ и унижающимъ человѣка и по мнѣнію людей гораздо почетнѣе убить своего ближняго, завладѣть силой его имуществомъ, чѣмъ создать своимъ трудомъ необходимое. Дикое общество, организованное на принципѣ насилія, распадается очень скоро на угнетенныхъ и угнетателей. Первые являются работниками и рабами вторыхъ и по мѣрѣ развитія такого общества является очень скоро имущественное неравенство и скопленіе богатствъ въ рукахъ людей болѣе сильныхъ.

Совершенно тоже начало лежало и въ основѣ европейскаго общества, наслѣдовавшаго отъ Рима принципъ насилія и военной расправы. Порядокъ жизни какого нибудь Лукулла, поѣдавшаго съ своими пріятелями въ одинъ день то, чѣмъ могли бы существовать тысячи въ теченіи года, имѣлъ слишкомъ много привлекательности, чтобы не вызвать подражателей. И вотъ сильные люди Европы ухватились за этотъ выгодный для нихъ принципъ и организовали у себя такой порядокъ, при которомъ общество раздѣлилось на двѣ неравныя части: одни наслаждались, пользуясь мускульнымъ трудомъ другихъ; другіе несли на себѣ всѣ тяжести жизни.

Изобрѣтеніе пороха, хотя и способствовало увеличенію массы экономическихъ производителей, но было безсильно предъ принци-

помъ насилія и скорѣе даже помогло ему. Явившаяся большая масса экономическихъ производителей облегчила скопленіе богатствъ въ однихъ рукахъ и способствовала развитію роскоши, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ ея печальнымъ послѣдствіямъ. Не устранили зла и послѣдующія изобрѣтенія и поворотъ, созданный въ экономической дѣятельности человѣка открытіемъ Америки. Конечно, индустриальное развитіе, создавъ огромную массу людей, для дѣятельности которыхъ былъ необходимъ миръ, способствовало ослабленію военныхъ наклонностей. Но, съ другой стороны, промышленная революція вызвала цѣлый рядъ новыхъ явленій и создала еще большія крайности нищеты и богатства. Если успѣхи цивилизаціи, если промышленные города, поражающіе своимъ величіемъ и развитой жизнью, если сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, покрывающіе поверхность Европы, одолжены своимъ появленіемъ именно скопленію капиталовъ въ рукахъ немногихъ, то съ другой стороны тоже скопленіе произошло насчетъ труда рабочихъ людей и въ результатъ его явились крайности нищеты и богатства, которыхъ не знала прежняя патріархальная Европа.

Чтобы показать читателю нагляднѣе, какимъ образомъ, вмѣстѣ съ изумительнымъ экономическимъ прогрессомъ, росла бѣдность, я расскажу ему коротко исторію промышленнаго развитія Англіи.

Англія есть классическая страна бѣдности и богатства, крайности образованія и невѣжества, крайности довольства и лишеній. Ни въ одной странѣ вы не найдете, чтобы люди умирали съ голоду въ такомъ количествѣ какъ въ Англіи. И все это именно создано въ Англіи ея изобрѣтеніями, ея мануфактурными городами, ея эксплуатаціей богатымъ бѣднаго.

Изобрѣтеніе паровой машины и введеніе машинной обработки хлопчатой бумаги дало толчекъ промышленной революціи, революціи, измѣнившей всѣ гражданскія отношенія страны. Англія первая создала пролетаріатъ, котораго не знала Европа. Правда, бѣдные были въ Европѣ и прежде, и прежде люди умирали съ голоду, но при всемъ томъ Европа пролетаріата не знала. Поэтому знакомство съ промышленною Англіею является поучительнымъ для всѣхъ тѣхъ странъ и народовъ, которые не желаютъ пройти ея путемъ, которые хотятъ отстранить отъ себя то экономическое бѣдствіе, которое высасываетъ изъ Англіи лучшіе ея соки и покрываетъ струпами ея общественный организмъ.

До изобрѣтенія машинъ пряденіе производилось рабочими на дому. Женщины прядли, а мужчины или продавали изготовленную

ими пряжу или ткали у себя на дому. Ткачи жили обыкновенно семействами по деревнямъ, близъ городовъ и зарабатывали столько, что могли жить безбѣдно. По мѣрѣ увеличенія запроса росло и число ткачей; но число ихъ обыкновенно держалось въ такой пропорціи, что сильной конкуренціи не бывало. Отъ этого, во-первыхъ, плата рабочему была довольно высока, а во-вторыхъ, онъ пользовался всѣми результатами своего труда. Такимъ образомъ рабочіи могъ откладывать кое-что не только на черный день, но и для веденія своего сельскаго хозяйства. Конечно, ткачъ не являлся при этомъ особенно замѣчательнымъ агрономомъ, можно сказать даже, что онъ былъ плохимъ земледѣльцемъ; тѣмъ не менѣе онъ обрабатывалъ свой участокъ, имѣлъ отъ него доходъ и не былъ пролетаріемъ. Онъ имѣлъ корни въ своей землѣ.

Сельскіе ткачи вели скромную патриархальную жизнь, чуждую волненій, посѣщали прилежно храмъ божій, не знали пьянства и разврата, охотно занимались тканьемъ, не обременяли и не истощая своихъ силъ, имѣли здоровое занятіе въ полевомъ трудѣ и въ садоводствѣ, но праздникамъ проводили время въ мирныхъ бесѣдахъ съ сосѣдями въ своемъ деревенскомъ кабачкѣ, содержаниемъ такимъ же почтеннымъ, но только болѣе богатымъ односельцомъ и вообще вели жизнь мирную, патриархальную, здоровую. Въ тѣ времена рабочее населеніе Англіи отличалось крѣпкимъ сложеніемъ и ткачи по своему здоровому виду не отличались ничѣмъ отъ земледѣльцевъ. Дѣти ихъ росли на чистомъ воздухѣ и если помогали своимъ родителямъ въ работѣ, то во всякомъ случаѣ дѣтямъ былъ неизвѣстенъ двѣнадцатичасовой безостановочный трудъ.

Что касается до характера и моральнаго развитія ткачей, то оно угадывается легко изъ этого образа жизни. Ткачи знали обыкновенно только свою деревню, изрѣдка посѣщали городъ, были чужды его соблазновъ, находились въ почтительныхъ отношеніяхъ къ своему землевладѣльцу и вообще вели мирную, нравственную, спокойную жизнь. Если хотите, жизнь эта была прозябаніемъ, но тѣмъ не менѣе англійскій ткачъ былъ ею доволенъ. Онъ имѣлъ кое-что на черный день, не зналъ ни голода, ни нищеты и не былъ экономически оторванной одиночкой.

Изобрѣтеніе машинъ и особенно Дженни, придуманной ткачемъ Гергравомъ, нанесло первый ударъ патриархальному быту англійскаго ткача. Этой машиной можно было работать сразу на 16 — 18 веретенахъ и слѣдовательно готовить значительно большее

количество пряжи. Прежде одинъ ткачъ, занимая трехъ прядильщицъ, сидѣлъ иногда безъ дѣла, теперь же его началъ подавлять избытокъ матеріала. Облегченный способъ пряжи понизилъ цѣну матерій, вызвалъ на нихъ большій запросъ и привлекъ большее число рабочихъ рукъ. Ремесло ткача сдѣлалось много выгоднѣе и семейство изъ четырехъ взрослыхъ и двухъ дѣтей, при десятичасовой работѣ въ день, могло зарабатывать четыре фунта стерлинговъ въ недѣлю. Такая выгода заставила ткача оставить свое не особенно выгодное сельское хозяйство и обратить всѣ свои силы на особое дѣло. Классъ ткачей-земледѣльцевъ началъ исчезать постепенно и сталъ превращаться въ чистыхъ ткачей, жившихъ исключительно задѣльной платой. Землевладѣніе исчезло, ткачи перестали арендовать земли и превратились въ чистыхъ Working men или по просту говоря въ пролетаріевъ. До изобрѣтенія Дженни ткачи и прядильщицы жили подъ одной крышей. Теперь же, когда пряденіе требовало такихъ же сильныхъ рукъ, какъ и тканье, мужчины принялись за пряжу и явилось дѣленіе рабочаго населенія на ткачей и прядильщиковъ.

Вмѣстѣ съ промышленнымъ пролетаріатомъ созданъ и пролетаріатъ земледѣльческій. Прежде было большое число мелкихъ землевладѣльцевъ или іоменовъ, прозябавшихъ также тихо и безмятежно, какъ и ткачи-земледѣльцы. Эти іомены обрабатывали кусочки земли стариннымъ прагѣдовскимъ способомъ, упорно противились всѣмъ нововведеніямъ, передавали изъ рода въ родъ свою землю и поддерживали въ чистотѣ старыя нравы. Но когда явились машины, когда ткачи оставили свои участки, то постепенно явился новый классъ крупныхъ арендаторовъ, которые брали въ аренду цѣлую массу мелкихъ участковъ, имѣли возможность вводить земледѣльческія улучшения, вести хозяйство въ большихъ размѣрахъ и выгоднѣе, а земледѣльческіе продукты продавать дешевле. Цѣны на земли поднялись. Іоменамъ оставалось только одно: или, продавая свои произведенія дешевле, нести убытокъ, или же, продавъ свой участокъ, превратиться въ ткачей и прядильщиковъ, или же, наконецъ, наняться въ рабочіе къ богатымъ арендаторамъ. Такимъ образомъ прежній обеспеченный іомень превратился постепенно или въ фабричнаго пролетарія или въ пролетарія земледѣльческаго.

Быстрый переходъ прежнихъ земледѣльческихъ ткачей и земледѣльцовъ въ пролетаріевъ совершился потому, что введеніе полнаго комплекта машинъ бумагопрядильнаго и ткацкаго производ-

ства и примѣненіе паровой машины Уатта—произошло въ короткій промежутокъ времени — въ теченіи 19 лѣтъ (съ 1764 по 1785 г.). Этотъ промежутокъ времени былъ слишкомъ коротокъ для того, чтобы рабочій могъ бороться съ новой производительной силой, выступившей противъ него и онъ былъ оторванъ сразу отъ прежняго порядка вещей, не успѣвъ даже оглянуться на прошлое и не будучи въ состояніи понять это новое, его увлекшее. Машины вдругъ, сразу, убили ручную работу и такъ же мгновенно создали всѣ тѣ поразительныя слѣдствія, которыми Англія изъ прежней патріархальной страны превратилась въ новый промышленный міръ. Съ введеніемъ машинъ быстро упали цѣны мануфактурныхъ товаровъ, развилась торговля и промышленность; англійскія произведенія завалили всѣ свободные рынки, и капиталы и національныя богатства возросли до необычайной величины. Но въ то же время и, можетъ быть, еще скорѣе, создался пролетаріатъ, разрушилась прежняя собственность, исчезла всякая безопасность для рабочаго класса, явилась деморализація и начались въ странѣ политическія волненія. Въ какой мѣрѣ росла въ Англіи мануфактурная промышленность, читатель увидитъ изъ слѣдующей таблицы. Съ 1771 до 1775 г. ввозилось въ Англію среднимъ числомъ въ годъ 5 милліоновъ фунтовъ хлопчатой бумаги, въ 1841 году 528 милліоновъ фунтовъ, а въ 1858 году, 923,519,800 фунтовъ. Въ тотъ же періодъ сила машинъ равнялась 33 тысячамъ лошадиныхъ силъ, а въ 1861 г. она дошла до 2,580,000 силъ. Въ 1858 году въ Англіи было 69,000 паровыхъ машинъ, а въ 1861 г. — 94,000.

Такое необычайное развитіе замѣчается не въ одной хлопчатобумажной промышленности. Съ подобной же быстротой развилось машинное чулочное производство, кружевное, шерстяное, шелковое, желѣзное, изготовленіе стальныхъ издѣлій, разработка каменнаго угля.

Машины, придуманныя и введенныя во всѣ эти отрасли промышленности, сразу привлекли огромное число рабочихъ рукъ, ибо первоначальная плата рабочему, вслѣдствіе запроса на него, поднялась очень быстро. И вотъ массы рабочихъ потянулись изъ земледѣльческихъ округовъ въ города. Населеніе увеличилось въ нихъ быстро и почти исключительно насчетъ пролетарія. Такъ, Братфордъ, имѣвшій въ 1801 году 13,264 человекъ жителей, въ 1831 году считалъ 77,000, а въ 1851 г. 103,000. Манчестеръ, имѣвшій въ 1801 году 94,000 жителей, въ 1851 г. считалъ

401,000; Бирмингемъ въ томъ же періодѣ изъ 70,670 выросъ до 232,800; Ливерпуль изъ 82,000 до 375,000. Все это громадное увеличеніе народонаселенія, какъ я уже сказалъ, создалось наплывомъ пролетаріевъ, составляющихъ въ этихъ городахъ по меньшей мѣрѣ три четверти всего населенія. Машины производили переломъ въ жизни рабочихъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Повсюду ручная работа смѣнялась машинной, повсюду средній классъ превращался въ рабочаго пролетарія; а бывший въ то время крупный торговецъ въ фабриканта. Даже ремесленные производства сложились на фабричный манеръ и прежнихъ мастеровъ съ ихъ учениками смѣнили капиталисты и рабочіе. Въ ремесленное производство введено было строгое раздѣленіе труда и мелкіе мастера, не будучи въ состояніи бороться съ большими заведеніями, превратились тоже въ пролетаріевъ. Въ тоже время, съ исчезновеніемъ мелкой буржуазіи, исчезла для рабочаго всякая возможность сдѣлаться со временемъ самому буржуа. Прежде каждый рабочій имѣлъ въ виду сдѣлаться со временемъ хозяиномъ и даже завести учениковъ и рабочихъ; теперь же, когда фабрикантъ сталъ грозить всякому мастеру и для самостоятельнаго существованія требовался большой капиталъ, общество должно было распаться на капиталистовъ и пролетаріевъ и послѣдніе составили особенный классъ населенія, а не такъ какъ прежде, переходную ступень къ буржуазіи. Теперь, кто родился въ Англіи рабочимъ, ему нѣтъ въ будущемъ никакихъ другихъ видовъ, какъ быть весь свой вѣкъ пролетаріемъ. Оторвавшись отъ прежней почвы, пролетаріи скопились огромными массами въ городахъ и составили то безпокойное населеніе, которое уже не разъ грозило и правительству и сословію англійскихъ богачей. Читатель пойметъ значеніе этой новой силы изъ слѣдующихъ цифръ: чисто промышленное населеніе Англіи составляетъ 14,100,000 человекъ или 48,8% всего населенія, земледѣльческое же только 9,700,000. Но и это населеніе тотъ же пролетаріатъ, только земледѣльческій, ибо землевладѣльцы составляютъ въ немъ лишь 239,000 человекъ и въ томъ числѣ крупные землевладѣльцы 33,000. Изъ этого видно, что въ Англіи число людей, обеспеченныхъ собственностью, составляетъ какіе нибудь жалкіе десятки тысячъ на нѣсколько милліоновъ голоднаго необезпеченнаго пролетаріата. Понятно, что вопросъ о рабочемъ классѣ является такимъ образомъ основнымъ вопросомъ страны и народа. Что выйдетъ изъ этихъ милліоновъ людей безъ собственности, продающихъ сегодня то, что они за-

работали вчера и все сильнѣе и сильнѣе заявляющихъ свое притязаніе на право находиться въ иномъ, лучшемъ положеніи и пользоваться общественными и житейскими выгодами. Для Англіи вопросъ о ея рабочемъ есть главный основной вопросъ, заслоняющій собой всѣ остальные. И вотъ почему въ парламентскихъ преніяхъ вопросъ этотъ никогда не сходитъ со сцены. Ропотъ рабочаго народа слышится въ Англіи повсюду безъ умолку и заставляетъ волей и неволей государственныхъ дѣятелей страны и даже капиталистовъ думать объ успокоеніи голодающаго безпомощнаго рабочаго населенія. Но Англія неспособна рѣшить этого вопроса съ той быстротой, послѣдовательностію и энергіей, съ какой она создала свой пролетаріатъ. Пролетарій явился въ ней почти мгновенно, въ столѣтіе возросъ до цифры 20 милліоновъ; а передовые и государственные люди Англіи успокаиваютъ эти голодающіе милліоны только красивыми словами и ничтожными палліативными средствами.

Такъ какъ въ этой соціальной войнѣ капитала, составляющаго источникъ жизни и производительности, вся сила исключительно на его сторонѣ, то, конечно, всѣ невыгоды падаютъ на бѣднаго. Никто не думаетъ о немъ, никто не старается дать рабочему производительныя средства и, предоставленный самъ себѣ, онъ долженъ бороться съ водоворотомъ жизни, какъ самъ знаетъ. Если онъ такъ счастливъ, что достанетъ себѣ работу или, говоря правильнѣе, если буржуазія желаетъ воспользоваться пролетаріемъ, какъ орудіемъ, для своего собственнаго обогащенія, то онъ получаетъ задѣльную плату, едва достаточную для ея существованія; но если работы нѣтъ, то онъ можетъ воровать или же умирать съ голоду. Въ первомъ случаѣ полиція позаботится о томъ, чтобы отыскать негодяя, нанесшаго оскорбленіе праву собственности; а во-второмъ, она приметъ мѣры, чтобы бѣднякъ умеръ возможно благоприлично, не дѣлая ни скандала, ни шума и не нарушая мирнаго покоя богачей. Любопытно, что въ Англіи умираютъ ежегодно десятки людей буквально съ голоду и въ судебныхъ или полицейскихъ актахъ, составляемыхъ по этому случаю, о причинѣ ихъ смерти невысказывается никогда прямо. Въ этомъ случаѣ Англія обнаруживаетъ легкомысліе, недостойное ея политической зрѣлости, и закрываетъ добровольно глаза отъ такихъ явленій, съ которыми, ради собственнаго спасенія, ей слѣдовало бы вступить въ прямой рѣшительный бой.

Конечно, голодаютъ или умираютъ съ голоду только отдѣльныя

лица. Но какую имѣть гарантію любой изъ пролетаріевъ, что завтра не наступитъ его очередь? Что обезпечиваетъ его въ томъ, что желаніе работать достаточно для полученія работы, что честность, прилежаніе, бережливость, рекомендуемая людьми обезпеченными, какъ высшія человѣческія добродѣтели, дѣйствительно пробьютъ ему дорогу къ счастью? Ничто. Пролетарій знаетъ только то, что онъ имѣетъ сегодня; но онъ рѣшительно не знаетъ, будетъ ли имѣть что нибудь завтра. Случайности, совершенно отъ него независія: какая нибудь американская война, внезапно усилившаяся конкуренція, новый родъ спекуляціи, коммерческой или промышленный кризисъ могутъ выбить его изъ колен и выбросить на улицу безъ всякаго дѣла, обрекая голодной смерти. Пролетарій знаетъ только свой сегодняшній день и ничего не знаетъ о завтрашнемъ. Его положеніе въ жизни хуже, чѣмъ положеніе солдата на войнѣ, и смѣшно толковать о бережливости и другихъ подобныхъ добродѣтеляхъ человѣку, которому сберегать нечего, человѣку, неувѣренному въ своемъ завтрашнемъ существованіи. Не въ томъ главное зло Англіи, что въ ней умираетъ человѣкъ 20 съ голоду, а въ томъ, что за ними стоятъ миллионы людей голодающихъ, живущихъ въ нищетѣ, болѣзняхъ,—и умирающихъ громадными массами преждевременно. Конечно, Англія сдѣлала много для уменьшенія смертности въ своихъ фабричныхъ городахъ. Явилось въ Англіи довольно и великодушныхъ фабрикантовъ, помѣстившихъ своихъ рабочихъ въ хорошихъ домахъ; но одного только не сдѣлала Англія, она не приняла никакихъ мѣръ противъ того, чтобы конкуренція между фабрикантами на рабочихъ была бы сильнѣе конкуренціи между рабочими на работу. Отъ этого буржуазія устанавливаетъ между собою, какъ бы по согласію, минимумъ рабочей платы, являющейся для рабочаго максимумомъ вознагражденія. А все то, что составляетъ въ трудѣ рабочаго избытокъ, буржуазія откладываетъ въ свой карманъ, скапливаетъ громадные капиталы, обрабатываемые ею на новое производство, и являющіеся, такимъ образомъ, новой враждебной силой для пролетарія.

Такимъ образомъ пролетарій не можетъ никогда выкрутиться изъ своего положенія. Чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, ему нужно имѣть орудія производства и средства существованія, которыя бы поддержали его во время работы, ибо всякій будущій экономическій продуктъ есть результатъ предъидущаго накопленія. Но какъ у пролетарія нѣтъ ничего отъ прошлаго и накопленіе для него невозможно, то онъ и не въ состояніи произвести ниче-

го для будущаго. Конечно, есть средство, но и оно только для богатаго, а не для пролетарія: средство это кредитъ. Но кто дастъ пролетарію въ долгъ, когда онъ не въ состояніи ничѣмъ его обезпечить и не въ состояніи платить процентовъ. И вотъ пролетарій, лишенный возможности пользоваться не только безпроцентнымъ, но и всякимъ другимъ кредитомъ, лишается съ тѣмъ вмѣстѣ главнаго основнаго орудія производства и долженъ оставаться вѣчнымъ пролетаріемъ. Чтобы выйдти изъ этого положенія, опираясь исключительно на свои собственные силы, ему остается только одно средство, услужливо предлагаемое обезпеченной буржуазіей—копить. Но копить для пролетарія, значить не дождать своего хлѣба, жить впроголодь и работать больше, чѣмъ позволяютъ силы. Это такой героизмъ, для котораго требуется быть, если не совершеннымъ титаномъ, то силой очень исключительной. Сколько же такихъ исключительныхъ личностей можно отыскать въ десяткахъ милліоновъ пролетаріевъ? Какихъ нибудь нѣсколько единицъ. И вотъ почему средства сбереженія оказываются совершенно непрактичными по отношенію къ пролетарію, который долженъ отъ своего ломтя черстваго хлѣба недождать половины.

Англія есть спасительный примѣръ для всѣхъ, ибо спасительный опытъ ея купленъ милліонами жертвъ и незачѣмъ ему повторяться въ другихъ странахъ.

Но если экономическій переворотъ, созданный человѣческими изобрѣтеніями, раздѣлилъ и долженъ раздѣлить повсюду людей на два враждебные лагеря, то развѣ не заключается въ этомъ та сила соціально-экономическаго фатализма, которая должна была привести человѣчество къ подобному состоянію. Нѣтъ, читатель. Это сила не прогресса, а регресса. Это сила ретроградная и фатализмъ заключается не въ ней, а въ томъ свѣтломъ будущемъ, къ которому стремится человѣчество. Настоящее худшее есть только временное уклоненіе отъ прямого пути къ общему благосостоянію. Соціально-экономическій фатализмъ, создавшій чудеса цивилизаціи, которыми до сихъ поръ не воспользовался однако рабочій и пролетарій, дѣйствуетъ съ своею неуклонною силой и сдѣлаетъ всѣхъ довольными. Истинный прогрессивный источникъ и начало человѣческаго счастья заключается въ собственномъ умѣ чловѣка. Давно сказано, что хлѣбъ чловѣка не въ землѣ, а въ головѣ. И эту истину придется повторить еще разъ. Умомъ чловѣчество достигло полной перемены быта каменнаго періода на бытъ современной цивилизаціи и тѣмъ же умомъ оно уничтожитъ современное зло.

Переломъ, созданный машинами и изобрѣтеніями создалъ совершенно безсознательно и нынѣшнее дѣленіе общества на буржуа и рабочихъ. Противъ ломки нравовъ, по крайней мѣрѣ съ ихъ внѣшней стороны, созданной желѣзными дорогами, не могъ бороться никакой человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ могущественъ. Аристократы невольно усвоили нѣкоторыя демократическія привычки и утратили свою наружную спѣсь. Но это внѣшнее вліяніе машинъ и изобрѣтеній далеко еще не совершило перелома въ мысляхъ; да и совершить его не въ состояніи. Человѣческое спасеніе заключается въ сознаніи необходимости внутренняго умственнаго перерожденія. И въ этомъ-то внутреннемъ перерожденіи главная сила соціально-экономическаго фатализма. Люди узнаютъ то, чего они не знали прежде; они поймутъ то, чего не понимали. А человѣкъ понявшій не можетъ поступать вредно для себя и для другихъ. Онъ неизбежно оставитъ старый, темный путь и пойдетъ новой свѣтлой дорогой.

Бѣдствія пролетарія вызвали небывалое напряженіе европейскаго экономическаго интеллекта и подвинули пониманіе экономическихъ законовъ, которыхъ прежде никто не зналъ. Это-то пониманіе показало, что хотя современное экономическое бѣдствіе и велико, но въ немъ же самомъ заключается и его цѣлбная сила. Объ этихъ новыхъ законахъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ.

IV.

Человѣческій умъ есть главный факторъ прогресса. Ему обязано человѣчество машинами, открытіемъ Америки со всѣми ея послѣдствіями, необычайному накопленію богатствъ и онъ же откроетъ путь спасенія.

Давно уже передовые мыслители старались понять и объяснить законъ экономическаго благосостоянія. Строились системы и теоріи, но до Адама Смита не удалось никому его открыть.

Адамъ Смитъ, не смотря на переворотъ, который онъ произвелъ своимъ «опытомъ о богатствѣ народовъ», далеко еще не сказалъ послѣдняго слова и, принеся громадную пользу уясненіемъ нѣкоторыхъ экономическихъ законовъ, въ тоже время принеся и не малый вредъ. Смитъ прочиталъ только первую часть экономиче-

свой книги жизни и только ее содержаніе повѣдалъ міру. Это произошло не отъ того, чтобы Адамъ Смитъ не могъ прочесть и второй части, а потому, что второй части въ такой полнотѣ, какая требовалась для опредѣленія экономическихъ законовъ, тогда еще не было.

Смитъ занимался изслѣдованіемъ законовъ богатства въ то время, когда паровая машина не была примѣнена къ фабричному дѣлу и когда только машины едва начинали прилагаться къ производствамъ. Поэтому Адамъ Смитъ не предвидѣлъ и не предугадывалъ пролетаріата со всѣми его печальными послѣдствіями, и, говоря о законахъ производства, очень легко коснулся законовъ распредѣленія. Адамъ Смитъ смотрѣлъ на экономическую дѣятельность не по отношенію къ вліянію ее на отдѣльныхъ людей, а, такъ сказать, по ее общему итогу. Онъ принималъ богатства всего народа за богатство отдѣльныхъ личностей и, изслѣдуя условія успѣшности труда, обошелъ тѣ послѣдствія, которыя создаются этими самыми условіями въ быту отдѣльныхъ людей.

Мальтусъ и Рикардо разъяснили только кое-что въ ученіи Адама Смита, но, также какъ и онъ, не прочитали второй части. И всѣ вообще англійскіе экономисты оставались вѣрны традиціи творца «Опыта о народномъ богатствѣ». Подводя экономическую науку подъ строгіе математическіе законы — что совершенно и вѣрно — они въ тоже время какъ бы лишали ее соціального момента.

По ученію англійскихъ экономистовъ экономическая наука занимается только изслѣдованіемъ производства и останавливается на томъ моментѣ, когда начинается вліяніе экономическихъ законовъ на общественный бытъ человѣка. Заслуга изслѣдованія вліянія экономическихъ законовъ въ этомъ новомъ направленіи принадлежитъ писателямъ континентальнымъ и преимущественно экономистамъ французской школы. Только французскіе экономисты показали, что нельзя говорить объ экономическихъ законахъ безотносительно и что невозможно отдѣлять экономическій бытъ страны отъ ея соціального быта. Такимъ образомъ по изслѣдованію французскихъ экономистовъ обнаруживается, что послѣдствія экономическихъ комбинацій проникаютъ такъ глубоко въ жизнь и въ весь соціальный бытъ народовъ, какъ можетъ быть того и не подозрѣвали экономисты англійскіе.

По ученію Адама Смита соперничество есть одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ успѣшности производства. Соперничество способствуетъ и болѣе усиленной экономической дѣятельности. Оно по-

буждаетъ чловѣка къ экономическимъ изобрѣтеніямъ и улучшеніямъ; оно же удешевляетъ производство и удешевляетъ рыночную цѣну товаровъ. Такъ какъ англійскіе экономисты только констатировали и разъясняли факты современной имъ экономической жизни Англій, то эта сторона усмотрѣннаго ими закона пожалуй и справедлива. Но если мы взглянемъ на тотъ же законъ во всѣхъ его соціальныхъ послѣдствіяхъ, то увидимъ, что принципъ соперничества есть основное зло соціально-экономическаго быта чловѣчества и что только онъ создалъ всѣ бѣдствія рабочаго и пролетарія. Ученіе о соперничествѣ есть ученіе о враждѣ; оно есть ученіе о войнѣ каждаго противъ каждаго. Дѣйствительно, при существованіи соперничества производство удешевляется. Но отчего оно удешевляется?

Извѣстно, что число снискивающихъ работу гораздо многочисленнѣе того, какое обуславливается размѣрами производящаго капитала. Поэтому при запросѣ на трудъ является гораздо большее предложеніе услугъ, чѣмъ какое нужно. Если, напр., требуется только десять рабочихъ, то ихъ можетъ явиться пятнадцать, двадцать. Дѣйствуя подъ принципомъ соперничества и борясь за свое существованіе, рабочіе начнутъ немедленно понижать цѣну своему труду и собьютъ его до минимума. Это значитъ, что цѣну установитъ самый низшій уровень потребности рабочаго. Тотъ, кому нужны деньги, или тотъ, кто въ состояніи ограничить наибольше свои потребности, повизитъ плату до послѣдняго размѣра возможности. И такая пониженная плата послужитъ нормою для оцѣнки рабочаго труда. При этомъ можетъ случиться, что рабочій холостой или, можетъ быть, бездѣтный установитъ норму, которой долженъ будетъ подчиниться рабочій съ многочисленной семьей. Что же это значитъ? Это значитъ, что многосемейный рабочій долженъ будетъ удовольствоваться тѣмъ размѣромъ вознагражденія, которое далеко ниже потребностей его семьи. Конечно, если установившаяся цѣна будетъ для него недостаточна, то онъ можетъ отказаться отъ работы. Но въ этомъ случаѣ рабочему грозитъ опасность остаться совершенно безъ дѣла и подвергнуть себя и всю свою семью риску голода. Рабочій соображаетъ, что хотя въ проголодь жить и скверно, но голодать еще хуже. И вотъ онъ соглашается на низкую плату, ибо низкая плата все-таки лучше чѣмъ ничего. Что же хорошаго въ такомъ порядкѣ вещей?

Англійскіе экономисты утверждаютъ еще, что принципъ соперничества помогаетъ распространенію усовершенствованій и по-

буждаетъ производителей работать лучше и лучше. Но справедливо-ли это? Дѣйствительно, если существуетъ запросъ на предметы извѣстнаго довольно высокаго качества и если такого качества предметы могутъ производить только нѣкоторые мастера, то понятно, что и всѣ остальные, если они не хотятъ остаться безъ дѣла, должны будутъ работать также хорошо. Но вѣдь для мастера важно въ этомъ случаѣ не только то, чтобы онъ самъ работалъ хорошо, но и то, чтобы другой работалъ хуже его. Понятно, что каждый хорошо работающій мастеръ будетъ стараться о томъ, чтобы не только сохранить въ секретѣ способы своего, болѣе совершеннаго производства, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ и уронить репутацію своего соперника. Каждый постарается охранять въ секретѣ то, что онъ знаетъ и вмѣсто того чтобы распространять знанія, онъ будетъ ихъ задерживать. Такимъ образомъ принципъ соперничества, способствующій съ одной стороны усовершенствованію производства, съ другой стороны вредитъ ему.

Если же мы посмотримъ на этотъ принципъ во всемъ его соціальномъ развѣтвленіи, то увидимъ, что вредныя его послѣдствія составляютъ главнѣйшую помѣху прогрессу. Экономическая дѣятельность есть основа всей соціальной дѣятельности человѣка. Одинъ законъ управляетъ всѣмъ. Соперничество экономическое является вмѣстѣ съ тѣмъ и соперничествомъ соціальнымъ. Если поэтому вы признаете соперничество закономъ въ экономической дѣятельности, то вмѣстѣ съ тѣмъ вы должны его признать закономъ и для дѣятельности соціальной. Что же произойдетъ изъ этого? Произойдетъ то, что соперничество явится основнымъ принципомъ всѣхъ обоюдныхъ человѣческихъ отношеній; что на немъ воспитаются поколѣнія, что мы еще дѣтьми выучимся бороться одинъ съ другимъ и подставлять другъ другу ногу. Посмотрите на ребенка. Едва только онъ начнетъ ходить, почтенныя наставники стараются уже возбудить въ немъ самолюбіе и поучаютъ его дѣлать все лучше другихъ. Лицевая сторона развивается лучше внутренней. Ребенокъ долженъ быть непремѣнно умнѣе, молодцоватѣе, красивѣе, чѣмъ его товарищъ. Его приучаютъ непремѣнно быть первымъ и брать перевѣсъ надъ другими. Нравственное баловство является такимъ образомъ уже тогда, когда ребенокъ только началъ ходить. Въ школѣ его ведутъ тѣмъ же порядкомъ. И тамъ онъ долженъ быть лучше другихъ, и тамъ онъ долженъ быть первымъ. Чтобы быть первымъ въ познаніяхъ, ребенокъ старается скрывать отъ своихъ товарищей то, что онъ знаетъ. Чтобы

быть лучше, ему нужно, чтобы другіе были хуже. Не внутреннее качество служить мѣриломъ достоинства, а сравненіе; хорошее хорошо не само по себѣ, а потому что есть худшее. Когда ученику не помогаютъ его познанія и не вывозятъ вверхъ его умственные способности, тотъ же принципъ соперничества заставляетъ его прибѣгать къ окольнымъ средствамъ, портящимъ характеръ. Ребенокъ заискиваетъ, льститъ, подличаетъ. Онъ приучается къ наущничеству, къ интригѣ и ко всякимъ гадостямъ, портящимъ и его лично и всѣ его школьныя отношенія. Воспитавъ въ себѣ стремленіе къ первенству такимъ похвальнымъ путемъ, школьникъ внесетъ свою систему и въ жизнь. Сдѣлавшись членомъ общества, онъ, точно также стремится къ первенству и точно также для достиженія его готовъ на всѣ средства, изученныя имъ практически и теоретически еще въ школѣ. Школьная порча вносится такимъ образомъ въ жизнь и портитъ всѣ общественныя отношенія. Откуда та затаенная и замаскированная вражда, которую мы замѣчаемъ въ обществахъ? Откуда вѣчное подкапываніе другъ подъ друга, сепаратизмъ и злорадность, возбуждаемое страданіями и бѣдствіями ближняго? Начало ихъ исключительно въ томъ принципѣ соперничества, который англійскіе экономисты провозгласили закономъ экономической дѣятельности. Но мы видѣли, что онъ вредитъ успѣху экономическихъ отношеній, ибо, во-первыхъ, если и способствуетъ экономическимъ усовершенствованіямъ, то въ тоже время можетъ быть еще больше ихъ задерживаетъ. Мы видѣли, что онъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на рабочую плату; мы видѣли, наконецъ, что онъ портитъ всѣ социальныя отношенія и порождаетъ индивидуализмъ и такимъ образомъ является враждебнымъ началомъ той коллективности и сотрудничества, которыя сами англійскіе экономисты провозглашаютъ однимъ изъ непремѣнныхъ условій успѣшности труда. Слѣдовательно принципъ соперничества англійскихъ экономистовъ впадаетъ въ противорѣчіе самъ съ собою. Его выгоды лишь призрачныя. Сущность же его глубоко вредная. Онъ не помогаетъ прогрессу, а задерживаетъ его. И вотъ почему, заключая самъ въ себѣ разрушительное начало, онъ долженъ наконецъ будетъ смѣниться принципомъ сотрудничества, указаннымъ тѣми же англійскими экономистами и составляющимъ дѣйствительную основу и начало экономического благосостоянія. Чтобы принципъ сотрудничества выступилъ со всею силою, какъ новый социальный двигатель, нужно чтобы люди поняли все зло принципа соперничества.

Это пониманіе уже начинается. Кооперативный трудъ уже смѣняетъ трудъ индивидуальный и коллективности недостаетъ только всеобщности сознанія. Но роковая сила соціально-экономическаго фатализма, положившая уже начало кооперативности и ассоціаціи, дастъ окончательный перевѣсъ этому новому принципу въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. Какимъ путемъ принципъ сотрудничества обнаружитъ свою фаталистическую силу и подчинитъ себѣ соперничество—я скажу дальше. Теперь же перейду къ другому фактору успѣшности труда.

По ученію Адама Смита раздѣленіе труда способствуетъ больше всего его успѣшности, ибо сообщаетъ рабочему необычайную ловкость. Это совершенно справедливо. Человѣкъ, занимающійся постоянно однимъ и тѣмъ же несложнымъ дѣломъ, пріобрѣтаетъ въ немъ большой навыкъ. Такъ, если вы заставите рабочаго пробывать въ иглокахъ уши, то занимаясь весь свой вѣкъ, онъ, конечно, достигнетъ великаго совершенства въ этомъ дѣлѣ. Но станеть ли рабочій отъ этого умнѣе? Нѣтъ. Онъ положительно поглупѣеть. Если, допустивъ всеобщность принципа раздѣленія труда, мы заставимъ каждаго человѣка заниматься только однимъ спеціальнымъ дѣломъ, то въ концѣ концовъ создадимъ самый крайній сепаратизмъ и человѣчество утратитъ всякій смыслъ коллективности. Предположите, что въ Англій двадцать милліоновъ рабочаго населенія, воспитываясь подъ принципомъ раздѣленія труда, достигаютъ высокой степени спеціальности. Одинъ пріобрѣтетъ необычайную способность вытягивать проволоку, другой проколачивать дырки, третій нарѣзаетъ винты и т. д. Очевидно, что каждый спеціалистъ, превосходно изучившій свое дѣло, утратитъ способность понимать общій ходъ производства. Двадцать милліоновъ англійскихъ рабочихъ затупѣютъ и уподобятся стаду барановъ, неспособныхъ ни къ чему безъ пастуха. Очевидно, что для экономическаго и соціальнаго процвѣтанія страны потребуются пастухи, управляющіе этимъ стадомъ барановъ. Общество раздѣлится на силу интеллектуальную и мускульную, на управляющихъ и управляемыхъ. Съ пониженіемъ умственнаго уровня двухъ третей населенія, понизится и весь интеллектуальный уровень народа. Отсталые потянутъ назадъ передовыхъ и упадетъ не только уровень экономической, но и всей соціальной жизни. Вообразите себѣ общество въ тридцать милліоновъ людей, изъ которыхъ двадцать милліоновъ дураки? Что можно ожидать отъ такого общества? Какъ можно допустить въ немъ соціальныи прогрессъ?

Принципъ раздѣленія труда, какъ принципъ экономической, ляжетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ основѣ и всей соціальной жизни народовъ. Строгое раздѣленіе труда, лежащее въ основѣ экономической дѣятельности, явится, по закону послѣдовательности, и въ основѣ всего соціальнаго быта. Иначе и быть неможетъ. Чтоже мы найдемъ въ обществѣ, построенномъ на такомъ началѣ? Мы найдемъ, что оно состоитъ изъ разнаго рода дѣятелей-спеціалистовъ. Каждый будетъ знать только свое частное дѣло: фабричный ли онъ рабочий, инженеръ ли, механикъ ли—это все равно. Общій взглядъ на соціальную жизнь утратится и каждый будетъ знать только свое насиженное мѣсто. Но какъ для общаго благосостоянія страны все-таки нужно гармоническое направленіе всѣхъ силъ къ одной общей цѣли, то очевидно, что эту обязанность возьмутъ на себя нѣкоторые, наиболѣе развитые люди или люди находящіеся въ болѣе благопріятныхъ для того обстоятельствахъ. Какія же послѣдствія отъ этого обнаружались бы въ соціальномъ бытѣ страны или въ нашемъ примѣрѣ—Англіи? Общество раздѣлилось бы на господъ и не господъ и уподобилось бы древней афинской республикѣ, въ которой 20,000 гражданъ наслаждались жизнью на счетъ 200,000 рабовъ. Куда бы дѣлось англійское самоуправленіе и стоило ли Европѣ изживать исторически послѣдніе десять вѣковъ, чтобы снова возвратиться къ соціальному быту древняго Рима и Греціи.

Слѣдовательно очевидно, что принципъ раздѣленія труда, взятый и въ экономическомъ и въ соціальномъ смыслѣ, не долженъ быть ни проводимъ послѣдовательно въ жизнь, ни провозглашаемъ, какъ всеобщее начало соціально-экономическаго благополучія человѣчества. Онъ есть принципъ враждебный благосостоянію и долженъ быть замѣненъ другимъ принципомъ, не дѣйствующимъ такимъ подавляющимъ образомъ на человѣческія способности. И тутъ мы повторимъ, что спасителемъ человѣчества явится соціально-экономическій фатализмъ, который укажетъ иныя болѣе выгодныя условія сочетанія человѣческаго труда. Эти условія ясны и теоретически уже разъяснены даже самимъ Адамомъ Смитомъ. Онъ говоритъ, что качество труда зависитъ отъ качества работника. Прогрессъ улучшеній зависитъ отъ умственнаго развитія производителей. Но если строгое раздѣленіе труда имѣетъ тенденцію понижать умственныя качества рабочаго, то очевидно, что оно является враждебной силой экономическому прогрессу, къ которому стремится человѣчество. Такимъ образомъ, съ одной стороны стремясь, посредствомъ раздѣленія труда, къ экономическому прогрессу, съ

другой, на основаніи того же принципа, достигая пониженія умственного уровня производителей, мы впадаемъ въ противорѣчіе и создаемъ двѣ противоположныя, взаимно уничтожающія силы. Вотъ тутъ-то и является новый спасительный элементъ, дѣйствующій фаталистически и заставляющій людей принять для своей соціально-экономической дѣятельности тѣ основанія, которыми бы обусловливался прогрессъ и устранялись всѣ его помѣхи.

Такъ какъ качество труда зависитъ отъ качества рабочаго, а производительныя качества рабочаго суть энергія и умственное развитіе, то очевидно, что для соціально-экономическаго благосостоянія общества необходимо, чтобы каждый рабочій находился именно въ этихъ благоприятныхъ условіяхъ. Мы видимъ, что основнымъ агентомъ экономической дѣятельности есть капиталъ; не тотъ капиталъ, который обыкновенные читатели представляютъ себѣ въ видѣ денегъ, но капиталъ въ смыслѣ научно-экономическомъ.

Капиталъ, по самой своей внутренней сущности, имѣетъ тенденцію къ необычайно-быстрому возрастанію. Скопясь въ однихъ рукахъ, онъ, при значительной прибыли, въ короткое число лѣтъ можетъ возрасти до необычайнаго размѣра. Въ быстротѣ увеличенія капитала читатель можетъ убѣдиться изъ ежедневныхъ фактовъ быстрого обогащенія купцовъ. Въ какіе нибудь десять лѣтъ фабрикантъ или торговецъ создаетъ себѣ милліоны. Причина этого заключается въ томъ, что увеличеніе капитала совершается по закону прогрессіи. А какъ такая математическая прогрессія способствуетъ быстрому увеличенію первоначальнаго капитала, читатель можетъ увидѣть изъ того примѣра, что 100 рублей, положенные на 100 лѣтъ изъ прибыли 40% возрастаютъ до суммы, которую пожалуй и не выговоришь—41,000,950,000,000,000. Вотъ причина, что капиталы, сосредоточивающіеся въ однихъ рукахъ, возрастаютъ до такого подавляющаго размѣра и создаютъ Ротшильдовъ.

Но въ тоже время на основаніи того же экономическаго закона прибыль обнаруживаетъ тенденцію поглощать рабочую плату и по мѣрѣ своего разростанія въ началѣ способствуетъ возвышенію рабочей платы, а потомъ начинаетъ ее захватывать и роняетъ до нуля. Въ Англій, когда только явились машины, ткачъ-земледѣлецъ покинулъ свое сельское хозяйство, потому что находилъ для себя выгоднѣе работать на фабрикѣ. Но когда рабочій оторвался окончательно отъ своей родной почвы и число пролетаріевъ увеличилось, цѣна упала и настоящій рабочій стоитъ уже на минимумѣ задѣльной платы.

Такимъ образомъ капиталъ, увеличиваясь на счетъ труда, скопляется наконецъ въ огромныхъ размѣрахъ въ рукахъ немногихъ. Постоянно накапливающийся капиталъ требуетъ или новаго помѣщенія или расширенія прежнихъ дѣлъ. Изъ этого возникаютъ новыя обстоятельства и новыя комбинаціи, обнаруживающія на капиталъ свойство противоположное. Во-первыхъ прогрессивность увеличенія капитала не соотвѣтствуетъ прогрессивности его размѣра или, говоря яснѣе, малый капиталъ приноситъ большій процентъ, чѣмъ большой. Мелочной торговецъ, торгующій на какую нибудь тысячу рублей, не согласится брать на свой капиталъ меньше 30, 40, 50 процентовъ, тогда какъ человѣкъ дѣлающій милліонные обороты, очень доволенъ двумя или тремя процентами. Въ этомъ лежитъ начало того, что тенденція къ накопленію постепенно ослабѣваетъ, а во-вторыхъ, что обширное дѣло не можетъ сосредоточиться въ однихъ рукахъ и требуетъ большаго числа лицъ для его управленія.

У англичанъ есть поговорка — если хочешь, чтобы твое дѣло было испорчено, поручи его другому. Этой народной мудростью, созданной, можетъ быть, многовѣковымъ опытомъ и наблюденіемъ, объясняется, почему постепенно возрастающій капиталъ не можетъ поглотить окончательно рабочей платы и поставить рабочаго въ невозможность существованія. Такъ какъ для успѣха веденія дѣла необходимо напряженіе дѣятельности въ возможно выгодномъ для дѣла направленіи, и такъ какъ только свое дѣло создаетъ это выгодное направленіе, то очевидно, что, по мѣрѣ привлеченія къ дѣлу людей, заинтересованныхъ имъ менѣе чѣмъ хозяинъ, являются именно тѣ обстоятельства, которыя заставили англичанъ придумать свою поговорку. Исполнители ведутъ дѣло не только небрежнѣе хозяина, но къ ихъ рукамъ прилипаетъ многое, недоходящее до его кармана. Читатель можетъ провѣрить правильность этой мысли, если обратитъ вниманіе на тотъ фактъ, что приказчики богатаго купца дѣлаются всегда самъ богатыми купцами.

Этимъ путемъ громадный капиталъ кладетъ самъ себя предѣлъ и создаетъ себя новые центры. Въ этихъ новыхъ центрахъ онъ подвергается тому же закону распадешя и образуетъ еще новые центры. Число людей со средствами увеличивается этимъ путемъ все больше и больше и распадающійся капиталъ отыскиваетъ себя всякій разъ новое дѣло, новое выгодное помѣщеніе, въ которомъ снова подвергается тому же процессу.

Наиболѣе выгодное помѣщеніе для капитала есть промышленное

производство и торговля. Торговля есть одно изъ наименѣ сложныхъ занятій: требуются только деньги, а особенныхъ знаній не спрашивается. Отъ этого мы видимъ, что каждый человѣкъ, владѣющій даже капиталомъ ничтожнаго размѣра, желая получить на него возможно большую прибыль, принимается за торговлю. Какойнибудь отставной солдатъ или безпомощная старуха, считающая въ своемъ кошелькѣ не болѣе десяти рублей, уже покушаются заняться торговлей. Каждый, мечтающій о скоромъ обогащеніи, кидаетъ взоры, полные упованія, непремѣнно на торговлю. И вотъ причина почему число лицъ, занимающихся торговлей, растетъ все больше и больше и, наконецъ, достигаетъ такого размѣра, что, при принципѣ соперничества, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на торговую прибыль и купеческій процентъ начинаетъ падать.

Другое выгодное помѣщеніе для капитала есть промышленность и преимущественно мануфактурная. Промышленность тоже дѣло не хитрое, не требующее большихъ знаній и мало подвергающееся невыгоднымъ для производителей случайностямъ. Возьмемъ для примѣра хлопчато-бумажное производство. Ассортиментъ всѣхъ машинъ для этого дѣла придуманъ уже въ полномъ комплектѣ. Процессъ производства не отличается особенной многосложностью и находится внѣ вліянія естественныхъ силъ природы. Поэтому для человѣка, владѣющаго свободнымъ капиталомъ и желающаго употребить его на хлопчато-бумажное производство, нужно только выстроить зданіе для фабрики, купить машины, пригласить механика и нанять рабочихъ. Выгоды явятся уже сами собой въ его карманѣ.

Но по мѣрѣ обращенія капиталовъ на торговлю и фабричную промышленность отвлекаются руки отъ земледѣлія, какъ это мы и видимъ на примѣрѣ Англій. Когда отвлеченіе достигнетъ такого размѣра, что уменьшится количество земледѣльческаго продукта и поднимется на него цѣна, а въ тоже время упадутъ цѣны мануфактурныхъ товаровъ, то начнется явленіе обратное. Капиталы и руки отъ мануфактурной и торговой промышленности начнутъ обращаться къ земледѣлію и недостатокъ пищи, явившейся вслѣдствіе усиленнаго фабричнаго производства и торговли, побудитъ, наконецъ, людей дать земледѣлію такое же значеніе, какое дается теперь фабричному производству.

Изъ этого возникаютъ новыя послѣдствія: частью экономическаго, частью соціальнаго характера. Изъ мальтусовой экономической

теоремы извѣстно, что по мѣрѣ увеличенія числа людей является усиленный запросъ на пищу, возвышается цѣна земледѣльческаго продукта сравнительно съ цѣнами мануфактурныхъ издѣлій; а количество земледѣльческаго продукта растетъ въ менѣ слабой прогрессіи, несоответственной увеличенію числа земледѣльцевъ. Это значитъ, что если съ даннаго пространства земли десять человѣкъ рабчихъ получали десять четвертей хлѣба, то двадцать человѣкъ получать съ того же пространства не двадцать четвертей, а меньше. Такимъ образомъ уменьшеніе количества пищи будетъ привлекать къ себѣ постепенно большее и большее количество людей и руки отъ непроизводительныхъ занятій обратятся къ производительнымъ. Необходимость въ большемъ производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ заставитъ всѣхъ тѣхъ, кто занимался ранѣе туеядствомъ, праздными забавами, производствомъ предметовъ роскоши, обратиться къ земледѣлію и производству предметовъ основной необходимости. Если у васъ было два лакея, то одинъ непременно уйдетъ отъ васъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ производителемъ. Если вы одѣвались въ кружева, то ихъ, наконецъ, придется вамъ лишиться, потому что руки кружевницъ потребуются для другого, болѣе существенно-необходимаго дѣла. Такимъ образомъ привычки роскоши смѣнятся постепенно привычками порядочными и человѣкъ, способствующій отвлеченію рукъ отъ труда полезнаго къ труду убыточному, сдѣлается невозможнымъ, ибо будетъ преслѣдоваться общественнымъ мнѣніемъ.

Но еще раньше, чѣмъ совершится такой поворотъ въ мысляхъ людей, капиталы, обратившіеся отъ мануфактурной промышленности къ земледѣльческой, подвергнутся распаденію, о которомъ я говорилъ выше. Богатый мануфактуристъ совершенно неспособенъ вести хозяйство выгоднымъ образомъ, онъ не соединяетъ въ себѣ условій успѣшности труда. Онъ можетъ вести свое дѣло только поручая его другимъ. А поручить его другимъ значитъ ввѣрить его людямъ неэнергичнымъ, невнимательнымъ и недостаточно заботящимся объ интересахъ своего хозяина.

Общій результатъ этого поворота будетъ тотъ, что, вслѣдствіе пониженія прибыли крупныхъ капиталистовъ, уничтожится въ людяхъ стремленіе къ большимъ накопленіямъ; а вслѣдствіе необходимости завѣдыванія каждымъ своимъ дѣломъ явятся мелкіе собственники, а трудъ, достигшій наибольшей интенсивности, извлечетъ изъ силъ природы все то, что нужно для человѣка. Капиталъ перестанетъ увеличиваться. Народонаселеніе придетъ въ равновѣ-

сіе съ количествомъ добываемой пищи и наступить, такъ называемое экономистами, неподвижное состояніе.

Повторю коротко, что я сказалъ о капиталѣ, чтобы читатель не потерялъ нити. Въ экономической судьбѣ капитала совершается круговоротъ. На какое бы употребленіе ни шелъ капиталъ, онъ, по существу потребности человѣческаго организма, имѣетъ тенденцію устремляться отъ неполезнаго къ полезному, отъ ненужнаго къ существенно-необходимому. По мѣрѣ своего возрастанія и скопленія въ однѣхъ рукахъ, капиталъ, по законамъ успѣшности труда, начинаетъ распадаться на постепенно большее число отдѣльныхъ производительныхъ единицъ и вмѣсто небольшого числа крупныхъ капиталистовъ является масса мелкихъ. Трудъ, постепенно освобождающійся отъ зависимости капитала, достигаетъ высшей энергіи и каждый производитель является хозяиномъ своего производства.

Но подобное состояніе общества не есть идеаль, на которомъ бы можно было успокоиться. Изъ изслѣдованія Адама Смита мы знаемъ, что подобное условіе не есть условіе успѣшности труда, ибо только большой размѣръ производства дастъ наиболѣе выгодный результатъ и наибольшее количество продуктовъ. Не индивидуализмъ есть производительная сила, а сочетаніе труда. Поэтому распавшееся общество неизбѣжно приходитъ къ мысли о сотрудничествѣ и сепаратизмъ смѣняется коллективностью. Уже и нынче идеи сотрудничества очень сильна и выражается въ разнаго рода кооперативныхъ занятіяхъ и акціонерныхъ компаніяхъ. Но акціонерное сотрудничество тоже что монополия и крупный личный капиталъ. Оно невыгодно и для общества, невыгодно и само для себя. Акціонерныя предпріятія ведутся распорядителями по найму и потому ихъ неизбѣжно должна постигнуть судьба распада. Только есть одна прочная форма сотрудничества, слабый зародышъ которой появился уже на Западѣ,—ассоціація.

Указывая направленіе, въ какомъ пойдетъ соціально-экономическая жизнь человѣчества, мы должны указать всѣ прогрессивные элементы этого поступательнаго движенія. А потому, указывая на силу соціально-экономическаго фатализма, творящаго соціально-экономическій круговоротъ, мы не можемъ не обратиться еще разъ къ основному фактору прогресса—къ человѣческому уму. Только умъ есть двигающая сила, только интеллектъ двигаетъ человѣчество. Прочно не то, что создается фатализмомъ, а что создается сознаніемъ. Мы должны совершать сознательно свой путь и замѣнить фаталистическую силу силою собственнаго сознающаго ума.

Тогда на помощь прогрессивнаго фатализма явится новый элементъ, который выразится въ руководящемъ принципѣ, и вотъ тотъ пунктъ, съ котораго совершится поворотъ умственной жизни человѣчества. Темная фаталистическая сила смѣнится сознаниемъ.

Признаки этой поворотной Точки уже явились. Если мы обратимся даже къ нашему обществу, то увидимъ и въ немъ появленіе людей принципа, сознательно перестраивающихъ свою социальную-экономическую жизнь, ограничивающихъ свою дѣятельность полезно-экономическимъ образомъ. Эти лучшіе люди суть истинно новые люди. Постепеннымъ увеличеніемъ ихъ числа облегчаются условія прогресса и расширяется вліяніе и размѣръ элементовъ, дѣйствующихъ въ направленіи общаго блага.

Н. Шелгуновъ.

ИСТОЧНИКЪ ЖИВОЙ ВОДЫ

И

НЕДУЖНАЯ БРАТІЯ.

(Очерки изъ жизни въ кумысолечебныхъ заведеніяхъ.)

1.

Пароходъ и первое знакомство съ недужной братьей.

Волжскій пароходъ миновалъ обгорѣлый, тоску нагоняющій своими безконечными пустырями и заборами Симбирскъ, миновалъ Новодѣвичье село съ красивыми калашницами, продающими гадкіе калачи; въ синѣющей дали обрисовались покрытыя лѣсомъ, дѣйствительно живописныя Жигулевскія горы. Палуба парохода приняла другой видъ, оживилась; — спавшіе въ растяжку проснулись, образовались группы; кто-то рассказывалъ о давно сошедшихъ въ могилы народныхъ герояхъ...

Въ одномъ углу слышалось:

— И вывелъ, сударики мои, Стенька на эту вонь самую гору свою полюбовницу. Красоты она была писаной; одно слово: корольдѣвка. «Кормила ты, говоритъ Стенька-то, меня, мать-Волга, попла и тѣшила, земно и я теперича тѣ кланяюсь своей лапушкой». И сгребши Стенька дѣвку эдакимъ самымъ манеромъ, въ воду и брякнулъ. Потому самому эвта гора Дѣвничьей и прозывается.

— Рать, бають, у Стеньки страсть была!

— Коли не быть,—слышь съ нечистымъ снюхался.

— Мати Пресвятая Богородица!

Въ другомъ углу слышится:

— Сказываль дядя Андрей: у эвтихъ самыхъ мѣстовъ, Маревашей токъ, проѣзду не было. Озорничали знатно. Пливетъ энта касаушка, етаманъ стоятъ, муникатаище—во! потому, значить, на всякій случай держать. Полюснетъ. Ну, какъ есть все передъ нимъ лоскомъ. Сарынь-на кичку! лежи, робя, смирно! Приказчиеъ въ ноги: бери, батюшка...

— Чай и отпору давали.

— Нашелся зудкій... Ты, подь бы, задалъ?..

— За хозяйско-то добро? Плевать...

Въ pendant къ рассказамъ о давно минувшихъ временахъ, изъ нагорныхъ разсѣлинъ выходятъ послѣдніе остатки этихъ временъ: старцы въ черныхъ рисахъ, съ огромнымъ деревяннымъ крестомъ въ одной рукѣ, съ бѣлымъ платкомъ въ другой и низко кланяются пробѣгающему пароходу... Съ парохода бросили деньги, — около самого берега ушали они...

— Дядя! глянь... Вона! кричатъ съ парохода.

— И спасаетъ онъ это свою душеньку,—поясняетъ кто-то значеніе пустынниковъ. — Сказано: нѣсть спасенія въ міру. Потому соблазнь вездѣ пошелъ, табачище. Врагъ-то нашъ не нарадуется...

Картинныя Жигули вызвали на палубу нѣсколько новыхъ, до сихъ поръ гдѣ-то прятавшихся, личностей; испитые, блѣдные, не смотря на теплынь, кутаются они въ пледы, шарфы, бурнусы; взглянувъ на свѣтъ Божій, каждый изъ нихъ жадно упивается ароматически-теплыми струями, несущимися съ горь... Послышался глухой кашель... Нѣкоторые изъ вновь явившихся на палубу смотрятъ совсѣмъ мертвецами. Рассказы о жигулевскихъ герояхъ мало занимаютъ ихъ, за то кто-то громко произнесъ слово: «кумысь!» и мертвецы встрепенулись, насторожили уши, стали сходитьсь, образовался кружокъ. Особенность этого кружка заключается, между прочимъ, въ настойчивой, упорной наблюдательности, съ которою одинъ преслѣдуетъ и изучаетъ другого. Въ моментъ наблюденія, глаза наблюдающаго говорятъ: «Э-эхъ! посмотрю я на тебя, плохъ же ты, недолго проскрипишь!» Къ живымъ мертвецамъ присоединилось еще нѣсколько мужскихъ и женскихъ личностей, болѣе веселыхъ, имѣющихъ за собой больше шансовъ увидать снова, на возвратномъ пути, тѣ же Жигулевскія горы, тѣхъ же пустынниковъ. Всѣ эти полумертвыя и здоровыя личности соединила во-едино общая цѣль:

это недужная братія, направляющаяся къ башкирскому источнику «живой воды».

Въ воздухѣ не шелухнетъ, недужная братія забралась на трапъ.

На первомъ планѣ дебютируетъ полногрудая, красивая, лѣтъ тридцати барыня: она везетъ здороваго мужа, подготовляющаго себя коньякомъ къ воспринятію кумыса, и страшно исхудалаго, блѣднаго молодого человѣка, — домашняго учителя. Полные страсти, много говорящіе глаза барыни, исхудалое лицо молодого учителя, нѣжная заботливость барыни, вся сосредоточившаяся на молодомъ человѣкѣ, покорность, съ которой переноситъ она его желчность, довольно краснорѣчиво передаютъ причину, заставившую сняться эту семью «съ береговъ царственной Невы» и плыть къ самарскимъ степямъ. Здѣсь поѣздка на кумысъ — послѣдняя глава слишкомъ бойко разыграннаго романа. Ежеминутно обращается барыня къ молодому человѣку: — *Pierre!* Вамъ дуетъ здѣсь? *Pierre!* садитесь сюда, здѣсь нѣтъ сквозного вѣтра. *Pierre!* закутайтесь моимъ платкомъ! *Pierre!* сойдите внизъ!

Блѣднолицаго молодого человѣка нервно подергиваетъ отъ непрошенныхъ заботъ.

— Да отстаньте отъ меня, пожалуйста. Дайте мнѣ хоть здѣсь-то спокойно надышаться. Чего вы пристали съ своими вѣтрами, гдѣ вы нашли ихъ? Подите, кутайте своего Николая Дмитрича. Надо-ѣли вы мнѣ...

Около этой барыни цвѣтетъ золотушный цвѣтокъ симбирскихъ полей. Откровенность этого цвѣтка равняется ея же безтолковости; въ продолженіе всей дороги барышня стрѣляетъ именами существительными: буфы, Либихъ, клубъ, Москва, приданое, Иверская, женихъ, трудъ, молебны, любовь, кумысъ и проч., но найти грамматическую и логическую связь въ этомъ наборѣ именъ существительныхъ, познакомиться «съ исторіей болѣзни» цвѣтка — является трудомъ выше силъ человѣческихъ.

Рара, сопровождающій барышню, коротко ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ поѣздку на кумысъ:

— Зачѣмъ ѣдемъ — сами не знаемъ; дѣвичья дурь и только. Заладила одно: больна, больна, на кумысъ вези! а передъ зеркаломъ нялятся, хвосты обивать, да денѣги мотать — здорова. Въмѣсто кумыса, палкой бы болѣсть выбить, лучше было бы. Да и меня стараго олуха шадить нечего. Глазь да глазь теперь въ деревнѣ, а тутъ тащисъ, чортъ знаетъ куда. Пристала какъ банный листь...

Рара сплюнулъ...

— Ахъ, рара, идите въ каюту. Неужели вы и дорогой хотите мучить меня? Довольно съ васъ дома. Вы видите, какъ я слаба. Мои нервы...

— Пошла писать!..

Рара машетъ рукой и удаляется въ каюту—поддерживать мужа полногрудой барыни, по части истребленія коньяку...

Въ сторонѣ на лавочкѣ пріютились двое больныхъ. Одинъ совсѣмъ плохъ; всю дорогу трясетъ его лихорадка, теплая шинель не помогаетъ; розовый густыми пятнами румянецъ горитъ на его щекахъ. Здѣсь не можетъ даже возникнуть вопроса въ опредѣленіи болѣзни, говорите прямо: злѣйшая чахотка.

— Да-съ, себя утѣшаю, а больше жену,—говоритъ чахоточный.— Драли, драли послѣднюю шкуру, проклятые; видать, не въ ногу, такъ на кумысъ ступай издыхать. Дѣло заглазное, на совѣсти меньше лежать будетъ.

— Сказываютъ, кумысъ на многихъ оказываетъ благотворное дѣйствіе,—утѣшаетъ чахоточнаго другой больной.

— Пускай сказываютъ другимъ, а не мнѣ. Я слишкомъ заѣзженная кляча; въ мѣсяцъ не скленишь, что расклеивали годами... Надорвался я... Взваливали да били много...

— Надо вѣрить въ тѣ средства, которыми лечишься.

— Эхъ, батюшка, не въ вѣрѣ дѣло... Трусъ человѣкъ — вотъ что! Дѣйствительность не такъ страшна, когда не передъ глазами стоитъ. Вы женаты, семью имѣете?

— Нѣтъ.

— Такъ вы и не поймете, почему люди передъ смертью изъ дому бѣгаютъ...

Рядомъ съ невѣрующимъ пациентомъ ѣдетъ благочестивый киевлянинъ, напутствуемый, вмѣсто докторскихъ совѣтовъ, назиданіями какого-то юродиваго старца...

Облокотясь на бортъ парохода, рисуется молодой человѣкъ. Картинно накинутый пледъ и молодая, вся въ черномъ, собесѣдница, какъ видно, больше кумыса и болѣстей интересуютъ его. Глаза собесѣдницы томны, всѣ усилія направлены къ тому, чтобы казаться страдальцей, что, однако, не мѣшаетъ ей кокетничать жесточайшимъ образомъ съ пледомъ. Это герои будущаго недужнаго романа.

— Вы смотрите такъ грубо на женщину; вы не можете понять нашихъ страданій.

— Быть можетъ, но за то я понимаю, что у васъ прехорошенькая ножка.

Шедъ роняетъ платокъ и маневръ поднятiя устраиваетъ такъ, что, во время его, успѣваетъ пожать ножку. Страдалица бьетъ его зонтикомъ.

— Видите, какой вы матеріалистъ. Вамъ говорятъ про страда- нiя, а вы дѣлаете глупости.

— Однако, гдѣ же вы будете жить? Когда вы откроете мнѣ эту тайну?

— Не скажу.

— Но я не отстану отъ васъ, я буду слѣдить за вами, какъ тѣнь.

— Ведите себя павильной— узнаете.

— Согласенъ на всѣ условiя... А вѣдь глаза-то у васъ прелесть.

— Опять... О несносный!

Но путь конченъ, видна уже Самара. Изъ массы зелени показало- сь кумысолечебное заведенiе Постникова; дальше, съ голой известковой горы смотрятся въ Волгу какiя-то глупо затѣйливья, ни къ селу ни къ городу натыканныя башенки. Это тоже кумысное заведенiе Анаева. Встрепенулась недужная братiя; вопросъ, гдѣ поселиться, требовалъ немедленнаго разрѣшенiя.

— Вы куда?

— Думаю къ Постникову.

— Что вамъ за охота ѣхать къ этому господину? У него прош- лаго года семь человекъ отправились на тотъ свѣтъ.

— Онъ-то чѣмъ виновать.

— Какъ чѣмъ? Помилуйте! Кумыса не достаетъ, кормить сквер- но, деретъ въ тридорога. Нашли мѣсто.

— А вы куда?

— Да въ степь махнуть хочу.

— Экъ васъ куда нелегкая несетъ!

— Спаси васъ силы небесныя отъ эдакаго несчастiя!

— Говорятъ вотъ, у Анаева хорошо. Къ нему что ли?

— Ну, батюшка, поздравляю. Не опротивѣлъ еще петербургскiй Излерь, такъ съ самарскимъ хотите познакомиться. Да вѣдь вы тамъ изжаритесь черезъ двѣ недѣли; тамъ тѣни меньше, чѣмъ подъ этой трубой.

— Не ѣздите къ Анаеву. Тамъ въ гробъ уложить одна музыка.

— Поѣдемте къ Чарыкову!

— Благодарю за предложенiе, только не могу воспользоваться, да и вамъ не совѣтывалъ бы.

— Да почему же?

— А потому, что тамъ нашего брата, какъ свиней, въ хлѣва запирають. Мало, видно, старыхъ болѣстей, новыхъ захотѣли. Поѣзжайте.

— Вотъ Чембулатовъ...

— Нашли кого! Мой пріятель жилъ у него. Степь голая, тоска смертельная. Брюхо одной бараниной набивають, а деруть какъ и вездѣ.

— Про всѣхъ говорятъ дурно. Мало ли что говорятъ про Постникова, да я не вѣрю.

— Книжку должно быть прочитали. Разочаруетесь, разочаруетесь.

— И вы не разочаруйтесь въ вашемъ Анаевѣ.

— Онъ такой же мой, какъ и вашъ.

Дѣло между недужной братіей доходитъ чуть не до драки.

Данъ свистокъ, страсти утихли, начались прощанья и пожеланья.

— Выздоровливайте же!

— Надобно бы.

— Чего думать: ѣдемте къ Чембулатову.

— Ни за что!

— Ну желаю всего лучшаго.

— Что же, тайна-то будетъ открыта?

— Нѣтъ.

— Полно же вамъ.

— Къ Постникову.

— Bravo! Вмѣстѣ!

Какъ стая голодныхъ волковъ набрасываются на недужную братію извозчики; геркулесовскій кулачище будочника, нестѣсняющійся въ своихъ симпатіяхъ къ мордобитію, едва спасаетъ ихъ отъ преждевременной смерти ¹⁾.

¹⁾ Нельзя представить себѣ глупѣе положенія больного, въ первый разъ отправляющагося на кумысъ; пустозвонныя рекламы и пароходная ругань—его единственные путеводители. «Гдѣ лучше? гдѣ поселиться мнѣ на эти два, три мѣсяца?» спрашиваетъ онъ себя въ недоумѣніи.

Къ глубокому сожалѣнію, мы отказываемся быть полезными въ разрѣшеніи этого насущнаго для больныхъ вопроса. Изъ нашихъ собственныхъ наблюденій и изъ многочисленныхъ разсказовъ, слышанныхъ отъ другихъ, мы пришли къ убѣжденію, что вездѣ «получше», вездѣ «одна чортъ на дьяволѣ».

II.

СТЕПНОЕ ЛЕЧЕНІЕ.

Съ кумысомъ и его дѣйствиємъ на организмъ русское общество начало знакомиться въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, широкіе же размѣры кумысолеченіе приняло только въ ближайшее къ намъ время — въ пятидесятыхъ годахъ: его подняли во-первыхъ желѣзныя дороги и пароходы, а во-вторыхъ переносъ главныхъ пунктовъ леченія изъ глубины оренбургскихъ и самарскихъ степей въ мѣстности, расположенныя въ ближайшемъ разстояніи отъ Самары.

Безспорно «настоящій», степной кумысъ по своимъ достоинствамъ выше приготовляемаго въ лечебницахъ, но его достоинства совершенно парализуются условіями, изъ суммы которыхъ слагается степная жизнь. Заѣхавъ въ степь, больной, въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, становится отрѣзаннымъ ломтемъ отъ всего остальнаго, цивилизованнаго міра; его новый міръ заключается въ кибиткѣ, въ лошадяхъ и баранахъ, въ подавляющей своимъ однообразіемъ степи, да въ грязныхъ хозяевахъ этой степи — башкирахъ. Живется привольно при' такихъ условіяхъ, при такой обстановкѣ только тому же башкиру, но ужь никакъ не «больному сыну больного вѣка». Беспредѣльность, однообразіе степи, съ ея ничѣмъ незаслоняемымъ горизонтомъ, съ ея невозмутимой, могильной тишью, на первыхъ порахъ имѣетъ свою прелесть, свое обаяніе, но въ концѣ концовъ эта нескончаемая, выжженная солнцемъ земля доводитъ больного до мучительнаго раздраженія: онъ готовъ отдать все, чтобы только глазъ могъ остановиться на какомъ нибудь бугрѣ, на оврагѣ съ бьющимъ родникомъ, на синѣющемъ вдаль лѣсѣ. Въ болѣзненномъ раздраженіи, отыскивая предметъ, на которомъ можно было бы отдохнуть, успокоиться, больные доходятъ до-галлюцинацій, — они живутъ ими и живутъ для того только, чтобы (когда, благодаря случайному столкновенію съ дѣйствительностію, разобьется міръ грезъ) еще мучительнѣе отозвалось на разшатавшемся организмѣ это ничѣмъ непрерываемое однообразіе, эта гробовая тишина. Тяжелое впечатлѣніе, производимое голой, безконечной равниной, постоянно поддерживается всей обстановкой

башкирскаго кочевья. Здѣсь каждый шагъ напоминаетъ больному, что онъ попалъ въ самую суть дикой, первобытной жизни, нетронутой никакими «вѣяніями». Больному дается кибитка (изъ кошмы), полная «всякія скверны», кишачая гадамъ и насѣкомыми. Въ этой кибиткѣ нѣтъ защиты ни отъ зноя, ни отъ дождя. Въ знойные дни (тянущіеся иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, безъ капли дождя), когда термометръ показываетъ 30°, когда земля раскаляется до невозможности ходить, въ кибиткѣ стоитъ страшная духота. Напрасно больные, подражая башкирамъ, раздѣвшись до нага, ложатся на полу и, приподнявъ края кибитки, ждуть: авось изъ степи пахнетъ прохладой; вмѣсто прохлады оттуда, точно изъ печки, обдаетъ сухой, горячій воздухъ. Въ дождь сквозь швы и дыры кошмы, рѣчьемъ льетъ вода, въ кибиткѣ стоятъ лужи жидкой грязи. Степные ураганы (особенно ночью) часто съ корнемъ рвутъ убогія пристанища. Застигнутый врасплохъ, подъ потоками дождя, при эффектномъ освѣщеніи ежеминутно сверкающей молніи, больной по неволѣ долженъ «пребывать въ области безпечальнаго созерцанія» расходившихся стихій. Человѣку съ желѣзнымъ здоровьемъ, башкиру, сроднившемуся съ степными сюрпризами, подобныя ванны проходятъ, хоть и не всегда, даромъ, но не такъ легко отдѣлываются отъ нихъ люди съ разбитымъ организмомъ: случается, что ночная ванна служитъ больному послѣднимъ омовеніемъ; послѣ нея у ключа «живой воды» — кумыса — роется одинокая, степная могила. Но этимъ не исчерпываются неудобства степнаго леченія. Всемогушія деньги оказываются въ степи часто безсильны; на нихъ ничего и негдѣ достать; больной долженъ запастись походной аптекой, походной кухней, забирать съ собой цѣлые вороха табаку, чая и проч. Счастье больнымъ, если по близости кочевки есть русскій хуторъ, тамъ они могутъ (хотя и не всегда) найти хлѣбъ, кусокъ говядины, въ противномъ случаѣ цѣлое лѣто они должны пробавляться одной бараниной, черезъ недѣлю производящей на желудокъ такое же впечатлѣніе, какъ степь на глаза. Башкиры готовятъ масло, творогъ, но все, что выходитъ изъ ихъ рукъ отличается такой нечистоплотностью, что достаточно разъ взглянуть на предметъ, чтобы потомъ отказаться навсегда отъ желанія испробовать вкусъ его. Въ степи есть нѣсколько привилегированныхъ мѣстностей, куда стекаются больные (напр. по рѣкѣ Каралыкѣ); если въ партіи кумысниковъ найдется человѣкъ забравшій съ собой повара, въ такомъ случаѣ остальные должны считать себя родившимися подъ особеннымъ покровительствомъ не-

ба, иначе имъ придется или умирать съ голоду, или самимъ подвизаться на поприщѣ кулинарнаго искусства, — призывать же на помощь «дѣтей степей» невозможно: разъ потому, что все ихъ умѣнье ограничивается приготовленіемъ шашлыка ¹⁾ и лепешекъ изъ кобыльаго творога, а главное потому, что самый притупленный петербургскими кухмистерскими желудокъ не въ состояніи переварить ихъ отвратительно грязной стряпни. Въ степи больной остается совершенно безпомощнымъ: какое бы развитіе ни принимала болѣзнь, какими бы новыми симптомами ни выражалась она, — облегчить страданія, направить къ лучшему исходъ болѣзни, здѣсь положительно некому. Все медицинское знаніе башкира ограничивается тремя словами: «ашай, бачка, кумысъ», и чѣмъ больше «ашаетъ» больной кумыса, тѣмъ, по мнѣнію чумазаго эскулапа, лучше, спасительнѣе; больного рветъ — «ашай, бачка, кумысъ», больного изнуряетъ поносъ — «ашай, бачка, кумысъ»: хотите слушаться, — «ашайте», и какъ разъ доашаетесь до того, отъ чего бѣжали; хотите не слушаться, поступайте какъ совѣтуетъ собственное знаніе, хотя бы оно немногимъ отличалось отъ башкирскаго ашай. Кромѣ кумыса, въ башкирской медицинѣ есть еще одно средство (универсальное, отъ всѣхъ болѣзней), это лошадиное сало съ примѣсью меда и какой то дряни; обыкновенный приемъ этого степнаго средства — стаканъ. Есть храбрецы, рѣшающіеся принимать отраву, но мы не совѣтуемъ; изъ числа нѣсколькихъ примѣровъ вліянія лошадинаго лекарства на человѣческій организмъ, укажемъ одинъ: больной чувствовалъ стѣсненіе въ груди: послѣ лекарства его стало рвать кровью, стѣсненіе увеличилось и онъ вскорѣ отправился къ отцамъ. Конечно, нечего и говорить, что въ степи больные должны окончательно отложиться отъ дѣлъ міра сего: между ними и міромъ гдѣ пущены корни, залегла дѣвственная первобытная степнина, въ которой нѣтъ ни телеграфовъ, ни почтъ; газета становится уже недосыгаемой роскошью; старому номеру, попавшему сюда случайно, въ видѣ обертки, рады какъ старому другу, его читаютъ съ жадностью отъ строки до строки.

Не исчисляя другихъ неудобствъ, присущихъ степному леченію, мы думаемъ, что и указанныхъ нами достаточно для того, чтобы понять ихъ вліяніе на больныхъ: проживъ двѣ-три недѣли, больные провѣдываютъ часъ, когда напутствуемые благословеніями сбь-

¹⁾ Баранина, разрѣзанная на тонкіе куски и изжаренная на вертелѣ.

вавшего ихъ доктора, рѣшились они искать спасенія у степного ключа «живой воды»: забывая цѣль съ кѣторой тащились сюда сотни, тысячи верстъ, они думаютъ только о томъ, чтобы скорѣе, не дождавшись конца леченія, бѣжать отъ этой дѣйственной природы съ ея дикими дѣтьми.

Спекуляція на счетъ человѣческаго здоровья вызвала въ послѣднее время существованіе особыхъ лечебныхъ заведеній, специально предназначенныхъ для пользованія кумысомъ. Насколько велика потребность въ подобнаго рода заведеніяхъ, а отсюда насколько выгодно учрежденіе ихъ, мы укажемъ теперь на одинъ только фактъ: лѣтъ восемь тому назадъ вблизи Самары не существовало ни одного кумысолечебнаго заведенія, въ настоящее же время ихъ уже пять ¹⁾: Постникова, Анаева, Чембулатова, Чарякова и Журавлева.

Но если увеличеніе числа больныхъ, въ связи съ неудобствами степной жизни, вызвало на свѣтъ Божій существованіе кумысолечебныхъ заведеній, то, съ своей стороны, и кумысолечебныя заведенія оказываютъ огромное вліяніе на увеличивающійся съ каждымъ годомъ наплывъ въ Самарскій край лицъ, желающихъ «пользоваться кумысомъ». Не смотря на удобства кумысолечебныхъ заведеній, все же обстановка жизни здѣсь уже приближается къ цивилизованной. Пациентъ, привезшій съ собой туго набитый кошелекъ и достаточный запасъ здоровья, имѣетъ полную возможность разнообразить здѣсь свою жизнь стаканомъ шампанскаго, страсбургскимъ пирогомъ и прочими благами. Благодаря этому обстоятельству, кумысолеченіе измѣнило свой характеръ, оно вызвало существованіе новаго типа недужной братіи: прежде въ степь, на кумысь, ѣхалъ только тотъ, передъ кѣмъ въ ближайшемъ будущемъ разстилалась торная дорога на кладбище; нынѣ огромное большинство недужной братіи о кладбищѣ и о страданіяхъ не помышляютъ; если смерть и грозитъ имъ, «то изъ прекраснаго далека». У каждаго въ организмѣ найдется и предлогъ лечить эту болѣзнь; подъ прикрытіемъ этихъ-то, болѣе воображаемыхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ бо-

¹⁾ Степными кочевками киргизовъ и мѣстностью ближайшею къ Самарѣ не ограничивается районъ кумысолеченія; кромѣ названныхъ нами кумысолечебныхъ заведеній, существуютъ такковыя же близъ Царицына въ д. Виновкѣ, близъ Севастополя—доктора Ротгольца, въ Одесѣ—доктора Левенсона, въ оренбургской губерніи въ имѣніи Тевкѣевыхъ, близъ Москвы—Марецкаго; сверхъ того пользованіе кумысомъ введено на Липецкихъ минеральныхъ водахъ и на сѣрныхъ Сергіевскихъ водахъ.

лѣзней, являются въ кумысолечебныя заведенія промотавшіеся франты, ищущіе богатыхъ невѣсть (благо тотъ край славится пшеницей и капиталами), дѣвы разсчитывающія на перемѣну обстановки, какъ на средство найти законнаго друга сердца, барыни, желающія перемѣнить законнаго друга на незаконнаго, но болѣе пріятнаго, и проч. Петербургъ, съ его редакціями и департаментами, съ его мансардами и подвалами, съ его дороговизной, болотами и миазмами, наконецъ съ его камеліями, Борелями, Дюссо,—больше другихъ мѣстностей высылаеть потребителей башкирскаго напитка; толпами стремятся къ «ключу живой воды» его геморроидальные, желтозеленые съ впалой грудью труженики, толпами спѣшатъ сюда его же, то испытые, то сіяющіе счастьемъ и здоровьемъ флаеры и барыни. Благодаря наплыву послѣдняго сорта страдалцевъ, кумысныя заведенія успѣли уже превратиться въ лечебно-увеселительныя: это тѣже «воды», куда являются вмѣстѣ и праздность, незнающая, что дѣлать съ собой, и дѣйствительныя страданія. Фарсъ жизни идетъ здѣсь рука объ руку съ тяжелой драмой, самоуспокоившая пошлость уживается рядомъ съ разбитой до конца жизнью. Говорь, смѣхъ, глупыя рѣчи, румяна, саженныя шлейфы, «шопоть, робкое дыханье, трели соловья», глухой кашель и стоны умирающихъ сливаются въ странный концертъ подъ этимъ знойнымъ степнымъ небомъ.

III.

Посвящается докторамъ.

Пароходы и желѣзныя дороги облегчили доступъ къ башкирскому источнику живой воды, кумысолечебныя заведенія, рекламы и докторское невѣжество съ каждымъ годомъ увеличиваютъ толпы недужной братіи.

О достоинствахъ рекламъ мы распространяться не будемъ; больше чѣмъ странно относиться серьезно къ «Одалискъ — талисманъ красоты», «Нѣтъ болѣе почечуя!» «Ахъ какіе подстаканники» и т. под.; рекламы же о дѣйствіи кумыса на организмъ совершенно тождественны съ этими прозведеніями расходившейся фантазіи торгашей; достаточно, если мы укажемъ на обѣщаніе Нестора ку-

мыслеленія, доктора Постникова (зри его брошюру о кумысѣ) превратить посредствомъ кумыса каждую женщину въ граціознѣйшее созданіе.

Доказать докторское невѣжество и шарлатанство по части кумысолеченія, не будучи даже специалистомъ, не трудно.

На сотню докторовъ, сплавающихъ караваны своихъ пациентовъ на кумысъ, врядъ ли придется одинъ, который на мѣстѣ изслѣдовалъ бы, хотя поверхностно, вліяніе на организмъ рекомендуемаго метода леченія, познакомился бы съ условіями обстановки жизни своихъ пациентовъ. Успѣхъ леченія (кромѣ, конечно, правильности діагноза) зависитъ еще отъ знанія химическаго состава того средства, которое предполагается давать больному; не зная химическаго состава тѣла, вводимаго въ организмъ, нельзя предвидѣть и регулировать метаморфозы, имѣющія образоваться въ организмѣ; безъ этого знанія леченіе низводится на степень шарлатанизма, знахарства. Кумысъ — вещь новая, необслѣдованная; наука къ нему еще не прикасалась; кругозоръ докторовъ ограничивается здѣсь только знаніемъ, что кумысъ готовится изъ кобыльаго молока, да что въ учебникахъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *lact fermentatum, vinum lactis*; все же остальное для нихъ «покрыто мракомъ неизвѣстности». Чтобы показать, насколько жалки научныя изслѣдованія кумысолеченія, приведемъ результаты двухъ анализовъ, даже не кумыса, но только первоначальнаго вещества, изъ котораго онъ получается, — кобыльаго молока:

			Молоч- наго	сахара-	Казей- на.	Масла
По Ренье въ 10 ч. кобыльаго молока	»	»	8,7	1,7	0,8	
По Беккерелю въ 1,00 ч.	»	»	32,76	38,35	24,36.	

Разница, какъ видите, громадная, прямо указывающая на несовершенство и несостоятельность того или другого анализа.

Кумысъ—это кобылье молоко, приведенное въ броженіе. Извѣстно, что органическія вещества, вслѣдствіе броженія, испытываютъ такія метаморфозы, что въ веществѣ, подвергнутомъ процессу броженія, часто не остается ни одного изъ элементовъ въ томъ видѣ, въ какомъ находились они до начала процесса броженія. Изъ чего состоитъ кумысъ?

На этотъ вопросъ одинъ изъ специалистовъ кумысолеченія, докторъ Полубенскій, въ своей брошюрѣ ¹⁾, очень скромно и кратко

¹⁾ О «кумысѣ».

«Дѣло», № 9.

отвѣчаетъ: «полнаго точнаго химическаго анализа кумыса (а гдѣ же не полный-то, хоть какой ни на есть, немудрачій?), сколько миѣ извѣстно, до сихъ поръ еще не произведено», и затѣмъ, описывая свои подвиги на поприщѣ кумысолеченія, въ утѣшеніе себѣ и въ назиданіе другимъ, прибавляетъ: «мои усилія опредѣлить количество нѣкоторыхъ составныхъ частей кумыса приводили къ такимъ неожиданно-разнообразнымъ результатамъ, что охладили желаніе подвести подъ какія нибудь общія цифры содержаніе *даже главныхъ* составныхъ частей этого напитка».

Какъ видите, знаніе доктора-спеціалиста ограничивается нулемъ, спрашивается: какой же цифрой можетъ быть измѣрено знаніе докторовъ не спеціалистовъ, въ глаза невидавшихъ башкирскую живую воду?

Захари лечатъ по опыту; этотъ опытъ сложился, въ продолженіе цѣлѣхъ вѣковъ, изъ громадной массы наблюденій; за докторами, посылающими больныхъ на кумысъ, нѣтъ даже добродѣтели захарей — эмпиризма. Единственную возможность произвести наблюденія надъ дѣйствіемъ кумыса на организмъ представляютъ степь и кумысолечебныя заведенія; тамъ, имѣя подъ рукой сотни больныхъ со всевозможными недугами и добросовѣстно изслѣдуя ихъ по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю, можно было бы, въ продолженіи четырехъ-пяти лѣтъ, составить богатый рядъ наблюденій и изъ этихъ наблюденій вывести общія начала. Еслибы эти начала и не выдерживали строгой критики (по отсутствію химическаго анализа самого кумыса), то, во всякомъ случаѣ, они были бы несомнѣнно полезнѣе современнаго невѣжества, прикрывающагося жалкими фразами, повыдерганными изъ медицинскихъ учебниковъ. Между тѣмъ о подобнаго рода наблюденіяхъ и выводахъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи въ настоящую минуту; объ нихъ никто и не заботится. Чумазый башкиръ знаетъ только свое: «ашай, бачка, кумысъ», въ цивилизованныхъ кумысолечебныхъ заведеніяхъ больныхъ дважды взвѣсятъ (объ этомъ единственно ученомъ приѣмѣ мы скажемъ впоследствии подробнѣе), прочтутъ въ назиданіе ученую диссертацию «о благотворномъ вліяніи кумыса на организмъ», при случаѣ посоветуютъ: «кушайте десять стакановъ» вмѣсто одиннадцати, изрѣдка же попадающіеся на кумысъ иногородніе эскулапы уподобляются зефирамъ: порхнутъ и скроются.

На какихъ же основаніяхъ, не имѣя подъ рукой ни химическаго

анализа, ни даже эмпирически выработанныхъ общихъ началъ, заставляютъ наши мудреные врачи своихъ пациентовъ глотать громадные приемы *lac fermentatum*? Какимъ путемъ приходятъ они къ заключенію, что башкирская «живая вода» не послужитъ къ ускоренію поѣздки въ Елисейскія поля?

Спросите отвѣта на эти вопросы у доктора, посылающаго васъ на кумысъ, да кстати же спросите его: честно ли ставить на карту здоровье и жизнь другихъ?

Конечно, специалистъ, пріѣхавшій на кумысъ, могъ бы познакомиться публику съ болѣе блестящими доказательствами полнѣйшаго невѣжества своихъ собратій, но и на нашу долю выпала сотня примѣровъ, по которымъ весьма основательно можно было придти къ заключенію о степени блаженного невѣденія даже звѣздъ первой величины медицинскаго міра: на кумысъ мы встрѣчали больныхъ желудочнымъ катарромъ, развившимся вслѣдствіе застоя крови, при хроническомъ страданіи сердца; первые приемы кумыса производили у такихъ больныхъ сердцебіеніе, дальнѣйшіе же вызывали лихорадочные пароксизмы; черезъ двѣ-три недѣли эти больные окончательно превращались въ мертвецовъ; встрѣчали беременныхъ женщинъ, у которыхъ кумысъ вызывалъ рвоту, грозившую произвести выкидышъ плода; нервные больные испытывали отъ кумыса страшныя головныя страданія, заставляющія ихъ кричать на все заведеніе; у страдавшихъ бугорчаткой легкихъ первые стаканы кумыса вызывали кровохарканіе и т. д. Достаточно было докторамъ самаго поверхностнаго знакомства съ свойствами кумыса (между прочимъ, возбужденіе кровеносной системы), чтобы избавить всѣхъ этихъ больныхъ отъ лишнихъ тратъ и страданій.

Мы не говоримъ здѣсь о массѣ больныхъ съ развитіемъ бугорчатки въ послѣднемъ періодѣ или о тѣхъ больныхъ, у которыхъ всѣ признаки указывали на присутствіе рака въ кишечномъ каналѣ; ихъ слало на кумысъ уже не блаженное невѣжество, но безчеловѣчная недобросовѣстность: тащисъ за смертью хоть тысячу верстъ, отравляя послѣднія минуты одиночнымъ, безпризорнымъ страданіемъ, но только умирай не на нашихъ глазахъ, не роняй нашу практику.

Отсылая, по пословицѣ: «куда кривая ни вынесетъ», больныхъ на кумысъ, доктора предписываютъ (нельзя безъ предписаній и «сухихъ тумановъ»: честь знамени того требуетъ) непремѣнное соблюденіе нѣкоторыхъ правилъ, при употребленіи *lac fermentatum*:

такъ, при обнаруживающемся поносѣ, пациентъ долженъ пить кумысъ крѣпкій, при противоположномъ явленіи — слабый и проч. Подобное раздѣленіе кумыса (на крѣпкій, средній и слабый) существуетъ только въ пылкомъ воображеніи докторовъ и въ рекламахъ, которымъ они вѣрятъ на слово, а потому и исполненіе спасительныхъ совѣтовъ является здѣсь такъ же, возможнымъ, какъ возможно исполненіе большинства докторскихъ предписаній, даваемыхъ бѣднякамъ: «спокойствіе духа, легкая, но питательная пища, благопріятный климатъ Италіи и проч.» Ближе къ истинѣ кумысъ слѣдуетъ дѣлить: на порядочный (встрѣчающійся впрочемъ, какъ рѣдкость), плохой и отвратительно-гадкій (встрѣчающіеся всплошную). Послѣдніе виды кумыса добываются двоякимъ путемъ: или посредствомъ безперерывнаго разведенія кумыса водой и кобыльимъ молокомъ (бурда эта обладаетъ гнуснѣйшимъ, возбуждающимъ тошноту, вкусомъ) или посредствомъ превращенія кумыса (отъ долгаго стоянія) въ уксусъ. Встрѣчаются больные съ героизмомъ, достойнымъ лучшей участи, глотающіе и тотъ и другой видъ отравы, въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, но большинство больныхъ нѣтъ обыкновенно въ этотъ періодъ стаканъ-два кумыса въ день (чтобы успокоить совѣсть), и только когда вмѣсто бурды появится напитокъ болѣе удобоваримый и менѣе опасный — съ лихвой вознаграждаетъ себя за потерянное.

Докторамъ, считающимъ излишнимъ личное знакомство съ кумысными порядками, совѣтуемъ подумать: какое, напримѣръ, вліяніе можетъ произвести стакановъ сорокъ кумыса, выпитыхъ въ продолженіе сутокъ, при страданіяхъ мочевого пузыря (и такихъ посылають на кумысъ), или уксусъ при катаррѣ кишокъ, при образованіи кислотъ, требующемъ употребленія противокислотныхъ средствъ?

Посылая своего пациента глотать башкирскую «живую воду», докторъ не преминетъ, въ видѣ утѣшенія, указать ему на нѣсколько случаевъ «чудотворнаго» дѣйствія кумыса. Въ кумысолечебныхъ заведеніяхъ и степяхъ, конечно, стараются придать особую важность этимъ рассказамъ, тамъ назовутъ даже имена, отчества, званія мертвецовъ, поднятыхъ на ноги «живой водой». Всѣ эти рассказы относятся преимущественно къ бугорчаткѣ. Безспорно, съ точки зрѣнія гуманизма, подобное утѣшеніе похвально: заставляя челоуѣка тащиться сотни, тысячи верстъ, зачѣмъ же отнимать у него надежду, но цѣнность этихъ рассказовъ подрывается до весьма значительной степени нижеслѣдующими обстоятельствами:

самые опытные діагносты, ошибаясь сплошь и рядомъ въ опредѣленіяхъ свойства болѣзни, придаютъ ей характеръ болѣе серьезный, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ, или принимаютъ симптомы, только предшествующіе болѣзни, за самую болѣзнь. Слѣдовательно, болѣзнь, окрещенная докторомъ чахоткой, не всегда еще чахотка. Это во-первыхъ. — Во-вторыхъ: на кумысѣ, указывая пять-шесть случаевъ воскресенія изъ мертвыхъ, обыкновенно скромно умалчиваютъ о сотнѣ примѣровъ, гдѣ судьба оказывалась менѣе благосклонной къ людямъ. Затѣмъ, бугорчатка легкихъ, хотя и принадлежитъ къ числу самыхъ неумолимо послѣдовательныхъ недуговъ, но извѣстно, что и въ этой послѣдовательности встрѣчаются исключенія ¹⁾. Наука не выяснила еще причины этихъ отступленій, а потому и не нашла средствъ ввести въ организмъ тѣ элементы, присутствіе которыхъ обуславливаетъ происхожденіе отступленій. Чахоточнымъ указываютъ, какъ на средство спасенія — жизнь въ конюшняхъ, въ сосновыхъ домахъ, заставляютъ ихъ дышать воздухомъ, напитаннымъ дегтярными парами, даютъ имъ нефть, рыбій жиръ и проч. На массу случаевъ, гдѣ болѣзненный процессъ заканчивался смертью, конечно, придется нѣсколько примѣровъ противоположнаго исхода, но ни одинъ (добросовѣстный) врачъ не скажетъ, что въ данномъ случаѣ именно въ его-то методѣ и заключалось спасеніе. Въ прошломъ году мы встрѣтили больного; лучшіе доктора нашли у него чахотку и приговорили къ смерти; однакожь, проживъ лѣто въ лѣсу и немилосердно истребляя парное молоко, онъ не только остался въ живыхъ, но пополнилъ и поздоровѣлъ до невѣроятія. Конечно, лѣснымъ воздухомъ дышали тысячи чахотныхъ, однакоже лѣсъ и молоко не только не воскресли ихъ, но даже на лишній часъ не замедлили путешествія *ad patres*. Отчего подобнымъ отступленіямъ не быть на кумысѣ? При громадной цифрѣ больныхъ, онѣ должны встрѣчаться тамъ чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Указывать же на кумысъ, какъ на причину этихъ отступленій, по крайней мѣрѣ, очень смѣло.

¹⁾ «Рѣдко случается, что бугорки уничтожаются, при чемъ всасываются распавшіяся и разжиженные части бугорка, а на мѣстѣ послѣдняго остается сѣрый или чернопигментированный рубецъ. Къ рѣдкимъ исходамъ относится омѣлотовреніе бугорка; оно встрѣчается если во время разжиженія бугорка въ его составныя части отлагаются извѣстковыя соли, которыя по всасываніи жидкихъ частей образуютъ извѣстковое ядро». Кунцъ.

IV.

ОБРАЗЦЫ ЕВРОПЕЙСКО-БАШКИРСКИХЪ ПОРЯДКОВЪ.

Взгромоздившись на чемоданы и узлы, питая болѣе или менѣе свѣтлыя надежды, тащится «солнцемъ палимая» недужная братія къ землѣ обѣтованной. Пыль огромнымъ столбомъ виситъ въ воздухѣ, міриады мошекъ лѣзутъ въ носъ, ротъ, уши. Изъ-за горы, въ массѣ зелени, показалось, наконецъ, людское жилище. Въ предвкушеніи отдыха и исцѣленія недуговъ, сильнѣе бьется сердце недужной братіи.

— Квартире прикажете, или баракъ?—первый вопросъ, которымъ встрѣчаютъ больного.

Уловивъ на лицѣ прибывшаго признакъ недоумѣнія, путеводитель по землѣ обѣтованной смекаетъ, что имѣетъ дѣло съ новичкомъ, впервые попавшимъ на кумысъ, и, уже игнорируя самое существованіе бараконъ, ведетъ показывать «квартиры».

Жилье, предназначенное для недужной братіи, дѣлится (что видно и изъ предложенія путеводителя) на два сорта: одно, по виду и содержанію, составляетъ «нѣчто» похожее на жилище образованныхъ народовъ, другое—переноситъ воображеніе цѣлкомъ во времена первобытныя, до-историческія, когда человѣкъ впервые познакомился съ употребленіемъ топора. Первое именуется—квартирами, второе—бараками, ближе же къ истинѣ — собачьими конурами. «Нѣчто», приближающее «квартиры» къ жилищамъ образованныхъ народовъ, заключается: въ бѣлой краскѣ (дикіе шпалашей не красятъ), въ большихъ окнахъ (дикіе довольствуются отдушиной), въ стулѣ и диванѣ (дикіе довольствуются обрубокѣмъ), все же остальное и «въ квартирахъ» напоминаетъ больнымъ, что рубежъ Европы перейденъ, что отселѣ начинается первобытная Башкирія.

— Это что же такое? — спрашиваетъ больной, тыкая въ зіяющія по всѣмъ направленіямъ огромныя щели своего европейско-башкирскаго жилья.

— Щели-съ—преспокойно, какъ о предметѣ весьма обыкновенномъ, отвѣчаютъ ему.

— Но вѣдь, согласитесь, что подобная вентиляція не составляетъ особаго удобства для меня, человѣка больного.

— Не безпокойтесь, это мы сейчас...

Является малый и набиваетъ щели какимъ-то дермомъ. Это дермо сохнетъ и на другой день вываливается, такъ что больному, во все остальное время, предоставляется полное право, совершенно даромъ любоваться изъ щелей пейзажами и слушать мелодичное завываніе степного вѣтра.

Во все время оперирования щелей (часъ или болѣе) посредствомъ дерма, слухъ больного улаживается разсказами объ историческомъ значеніи мѣстности и о чудесныхъ исцѣленіяхъ, происшедшихъ въ предназначенномъ помѣщеніи.

И за подобныя-то «квартиры», гдѣ вы коченѣете отъ холода, гдѣ свободно гуляетъ степной вѣтеръ, гдѣ десять разъ можно умереть, прежде чѣмъ кто нибудь догадается заглянуть къ вамъ, гдѣ, словомъ, больной на каждомъ шагу натывается на полнѣйшее и самое грубое невниманіе къ его нуждамъ, дерутъ цѣны, негрезившіяся въ задушевныхъ мечтахъ самому алчному петербургскому домовладѣльцу: комната въ 8 шаговъ длины и 5 ширины (въ Петербургѣ «отъ жильцовъ съ небелью» — 5 рублей) стоитъ здѣсь 20 рублей въ мѣсяць; комната, раздѣленная досчатыми перегородками на четыре клѣтки (въ Павловскѣ дача, несравненно лучшая, — 50 рублей *съ мто*) стоитъ здѣсь 90 рублей *съ мѣсяць*.

Какова провинція-то!

Въ «квартирахъ» живутъ сливки недужнаго общества, въ баракахъ—недужная голь. Но если жилища сливокъ такъ плохи, каковы же должны быть конуры голи?

«Бараки» скрыты въ тѣни древесъ (чтобъ глаза не мозолили), но приближеніе къ нимъ узнается довольно далеко: посреди лѣсныхъ ароматовъ, начинаютъ бить въ носъ вовсе не ароматическіе продукты гніенія. Эти продукты исходятъ изъ огромныхъ кучъ всякой мерзости, возвышающихся въ преддверіи бараконъ. Баракъ—это двѣ темныя, сырыя собачьи конуры, сколоченныя изъ досокъ и помѣщенныя подъ одной крышей (плата за каждую конуру 7 рублей въ мѣсяць). По всей вѣроятности, любознательный строитель этихъ конуръ имѣлъ первоначальной цѣлью произвести опыты надъ выносливостью человѣческаго организма при всевозможныхъ гадостяхъ; но впоследствии эта благая цѣль была покинута и бараки превращены въ постоянныя жилища. Прислуга относится съ презрѣніемъ къ барачникамъ, а потому ихъ жилища не убираются по цѣлымъ недѣлямъ. Солнечный лучъ никогда не прокра

дется въ баракъ: нищенская обстановка барака (деревянная койка и колченогій столъ), кучи сора, валяющагося по полу, сырость и темнота—производятъ невыносимо тяжелое впечатлѣніе, даже на здороваго, случайно заглянувшаго сюда человѣка ¹⁾. По бараку свободно ходитъ вѣтеръ, чрезъ крышу его такъ же свободно проникаетъ дождь. Въ холодные дни и ночи тамъ житья нѣтъ. А между тѣмъ именно въ этихъ-то конурахъ и живетъ большинство дѣйствительныхъ страдалцевъ; здѣсь чаще всего можно слышать характерный кашель чахоточнаго, встрѣтить сумрачно-печальныя лица, въ каждой чертѣ которыхъ написано, что житейская борьба приходитъ къ концу, что больному недолго осталось тянуть печальную пѣсню. Бараки разбросаны по лѣсу, въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга; одна прислужница имѣетъ въ своемъ попеченіи нѣсколько конуръ. Докричатся больному прислуги нѣтъ никакой возможности. Днемъ лежать въ баракѣ, относительно, сносно: свой братъ кумысникъ завернетъ и сдѣлаетъ, что можетъ, но ночью—издыхай больной, какъ собака, огнемъ гори его нутро, — ему никто не плеснетъ глотка воды, его зовъ и стоны только не дадутъ спать сосѣду и вырвутъ изъ его наболѣвшей груди пожеланіе скорѣе и навсегда замолвнуть имъ...

О вы, одинокіе бобыли, разбитые жизнью! Не утѣшайте себя пустыми надеждами, не ѣздите за смертью далеко, встрѣчайте ее на старомъ, нагрѣтомъ пепелищѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, завернетъ пріятель, быть можетъ, вспомнить когда-то любившая женщина, и послѣдніе часы вашей страдалческой жизни освѣтитъ теплое участіе, здѣсь же... Но клянусь — несь, сторожившій нѣсколько лѣтъ хозяйское добро, издыхаетъ лучше, чѣмъ здѣсь люди...

Заручившись квартирой со всѣми удобствами, новичекъ забираетъ справки о дальнѣйшихъ расходахъ. Эти расходы вездѣ почти одинаковы, такъ что безъ большой ошибки можно привести слѣдующія цифры: *въ мѣсяцъ* столъ—18 рублей, кумысъ—30 руб., музыка—3 руб., самоваръ (безъ чая и сахара) 3 руб., за купальню—3 руб., за прислугу—1 руб. 50 к., за каждую визитацію доктора на квартиру, по крайней мѣрѣ, 2 рубля. Сверхъ того, желающіе получать обѣдъ по своимъ номерамъ, а не за общимъ сто-

¹⁾ О томъ, какое вліаніе должны оказать эти жилища на бугорчатку, скорбутъ и катарръ (эти болѣзни преимущественно встрѣчаются между *дѣйствительно* больными), пусть рѣшатъ доктора, посылающіе больныхъ на кумысъ.

ломъ, въ курзалѣ, должны приплачивать еще 6 рублей сер. въ мѣсяць.

Мы выписали главнѣйшіе расходы, но чтобы показать, до какой художественности въ изобрѣтеніи источниковъ доходовъ дошли нѣкоторые учредители кумысолечебныхъ заведеній и какую жалкую фигуру представляетъ изъ себя больной, попавшій въ лапы этихъ артистовъ, укажемъ на два, хоть и мелочныхъ, но весьма характерныхъ примѣра: мошки невыносимо надоѣдаютъ въ той мѣстности; въ комнатахъ онѣ летаютъ роями; чтобы спастись отъ нихъ, ставятъ въ окно раму, обтянутую марлей, за эту марлю (цѣна ей 3 коп.) берутъ 25 коп. въ мѣсяць: за сапожную щетку безъ ваксы—40 коп. сер.

Плата съ больныхъ по выписанной нами таксъ обязательна (въ томъ числѣ и музыка: умирать веселѣе) и берется за мѣсяць впередъ. Конечно, больной, въ продолженіе первой же недѣли, можетъ или отправиться *ad patres*, или его желудокъ просто не въ состояніи будетъ переваривать кумысъ, такъ что дальнѣйшее пребываніе его совершенно бесполезно, но взятые деньги ни ему, ни его наслѣдникамъ не возвращаются.

Въ первой главѣ мы сказали, что въ послѣдніе восемь лѣтъ только близи одной Самары уже открыто пять кумысолечебныхъ заведеній; къ слѣдующему лѣту, какъ слышали мы, прибавится еще два; кромѣ того есть намѣреніе открыть подобныя же заведенія въ саратовской и херсонской губерніи и въ Западномъ краѣ. Нашъ совѣтъ таковъ: кто имѣетъ нѣсколько тысячъ (4, 5) залежалыхъ деньжонокъ и не знаетъ, куда дѣтъ ихъ, тотъ пусть благословясь пускается «внизъ по матушкѣ», снимаетъ участокъ земли, строитъ картонные домики, арендуетъ матокъ и открываетъ кумысо-лечебное заведеніе. Жаловаться не будетъ: вся тайна быстро возрастанія числа кумысолечебныхъ заведеній заключастся въ громадномъ процентѣ, доставляемомъ учредителямъ.

Чтобы избавиться отъ упрековъ въ голословности совѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы увеличить желаніе попасть въ число благодѣтелей страждущаго человѣчества, мы на цифрахъ постараемся доказать, какія благодати ожидаютъ всѣхъ намѣреющихся приложить свои заботы къ страждущему человѣчеству въ сферѣ кумыснаго леченія ¹⁾.

---

¹⁾ Въ своихъ выводахъ мы старались брать цифры по возможности подходящія къ среднимъ.

Первый расходъ больныхъ — на квартиры. Чтобы не утомлять расчетами по этому предмету на цѣлое заведеніе, возьмемъ отдѣльное только зданіе. Въ зданіи, напримѣръ, 16 номеровъ, цѣвною отъ 20 до 50 руб. или среднимъ числомъ—30 руб. въ мѣсяцъ. Всѣ квартиры въ большинствѣ случаевъ бываютъ заняты. Если положимъ, что кумысолечение продолжается только три мѣсяца (обыкновенно же оно идетъ—четыре), то одно только подобное зданіе даетъ дохода 1,440 рублей, — постройка же его, по мѣстнымъ цѣнамъ, обходится не дороже 2,000 рублей. Итого 70% съ капитала даютъ стѣны.

Обѣдъ и завтракъ въ кумысолечебныхъ заведеніяхъ стоитъ 18 рублей въ мѣсяцъ. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ (супъ, мясное блюдо и пирожное), завтракъ изъ одного. Въ Петербургѣ, если не лучше, то во всякомъ случаѣ такого же достоинства обѣдъ (изъ четырехъ блюдъ, слѣдовательно включая сюда и кумысный завтракъ) стоитъ 12 рублей. Если содержатели петербургскихъ tables d'hote имѣютъ только 10% за трудъ и за истрачиваемый капиталъ, то кумысные врачи, по петербургскимъ цѣнамъ, уже имѣютъ 15% барыша, но Петербургъ не провинція: въ первомъ фунтъ говядины 13 и 15 копѣекъ, во второй 5, 6 и 7 коп., тамъ фунтъ баранины 10 коп., здѣсь 3 и 4 коп., курца 45 коп., здѣсь 20 коп. Словомъ, на петербургскомъ рынкѣ всѣ цѣны выше, по крайней мѣрѣ, вдвое. Кромѣ того петербургскіе рестораны обложены различными налогами, этихъ же налоговъ не знаютъ кумысолечебныя заведенія. Принявъ все это во вниманіе, оказывается, что столъ даетъ болѣе 30% чистаго барыша, даже при употребленіи лучшихъ (чѣмъ большыя балуются не часто) матеріаловъ.

Причина сосредоточенія кумысолечебныхъ заведеній въ самарской губерніи заключается, между прочимъ, въ обиліи табуновъ, слѣдовательно и въ легкости заарендованія матокъ на лечебный сезонъ. Насколько намъ извѣстно, при кумысолечебныхъ заведеніяхъ или вовсе не имѣется собственныхъ матокъ или, если онѣ и есть, то въ количествѣ самомъ ограниченномъ; обыкновенно же эти матки нанимаются на лѣто у башкиръ. Христофоръ Колумбъ кумысолечебныхъ заведеній, докторъ Постниковъ, хотя и толкуетъ въ своей книжонкѣ, какія именно статьи и масти необходимы для того, чтобы молоко матки заключало въ себѣ наиболѣе цѣлебныхъ свойствъ, но на его указанія никто (самъ же онъ — первый) не обращаетъ вниманія: нанимаютъ табуны сплошь, безъ разбора. Заарендованіе каждой матки стоитъ отъ 3 — 5 рублей въ мѣсяцъ

(средняя цѣна 4 рубля), содержаніе матки, при дешевизнѣ степныхъ пастбищъ, при облегченіи, сдѣланномъ для нѣкоторыхъ учредителей министерствомъ государственныхъ имуществъ въ наймѣ казенныхъ земель, обойдется, вмѣстѣ съ платой пастухамъ, не болѣе 3-хъ рублей, итого слѣдовательно 7 рублей. Каждая матка даетъ въ день отъ 4—5 бутылокъ молока, т. е. то среднее количество кумыса, которое выпивается больными. Если положить, что наемъ киргиза, приготовляющаго кумысъ, ремонтъ посуды, набивка погребовъ льдомъ обходится въ мѣсяцъ на каждого больного 4 рубля, то окажется, что каждый пациентъ, какъ потребитель кумыса, стоитъ въ мѣсяцъ 10 рублей, платитъ же 30 рублей. Слѣдовательно эта статья (даже если бы не были бурдой и укусомъ) даетъ заведенію чистой прибыли 200%.

Съ каждого пріѣзжающаго на кумысъ берется за прислугу въ мѣсяцъ — 1 р. 50 к. Въ большинствѣ случаевъ, одна женщина идетъ на 8 номеровъ; въ этихъ восьми номерахъ помѣщается не менѣе 12 человекъ больныхъ. Слѣдовательно всѣ они платятъ 18 рублей. Мѣсячная плата женщинѣ въ приволжскихъ губерціяхъ равняется 3 рублямъ, ея содержаніе тоже—3 руб. Такимъ образомъ заведеніе, расходуя 6 рублей, получаетъ 18 рублей. Итого—200%.

Трудно высчитать, сколько процентовъ получаютъ учредители кумысолечебныхъ заведеній отъ буфета (напримѣръ, стаканъ простой водки съ полрюмкой укуса, для натиранія, стоитъ 60 коп. сер., бутылка зельтерской воды въ 10 коп. — 30 коп. и проч.) и разныхъ мелочей: самоваровъ, отдѣльно взятыхъ порцій, щетокъ, марлей и т. п. Во всякомъ случаѣ объ этихъ процентахъ можно составить себѣ приблизительное понятіе, если вспомнить, что вся цѣна порядочному самовару—8 руб., за мѣсячное же пользованіе имъ и то съ каждого больного (одинъ самоваръ дается на нѣсколько номеровъ) берутъ по 3 рубля.

Итакъ, господа, съ Богомъ, открывайте кумысные заведенія и набивайте карманъ подѣ фирмой благодѣтелей страждущаго человечества.

V.

Образцы ученыхъ приемовъ.

Посреди курзала, увиваясь передъ двумя барынями, снабженными замѣчательно длинными шлейфами, красуется высокій госпо-

динъ въ бѣломъ коломанковомъ пальто. Это—ученый патронъ заведенія, представленіемъ къ которому заканчивается посвященіе новичка въ недужное братство.

— Они сами-съ! — указываетъ путеводитель на патрона и стирается.

При приближеніи новичка, добродушная фізіономія патрона принимаетъ до нѣкоторой степени ястребиное выраженіе. Новичокъ осматривается съ боку, черезъ очки: что-де ты за птица, какимъ достаткомъ обладаешь и какое обхожденіе имѣть съ тобой?

Слѣдуетъ обыкновенное:

— Пить кумысъ пожаловали?

Отвѣчаютъ конечно утвердительно.

— Пожалуйте!

Новичка вводятъ въ главное святилище. Тамъ, весело болтая, сидятъ нѣсколько паціентовъ и паціентокъ. При видѣ ихъ, ястребиное выраженіе патрона измѣняется въ галантное.

— Permettez, mesdames!

Всѣ выходятъ; дверь святилища затворяется.

— Неудобно ли передать мнѣ исторію вашей болѣзни.

Начинается длинный разговоръ. Фізіономія патрона изъ галантной превращается въ учено-глубокомысленную. Разговоръ время отъ времени прерывается многозначительными: «да... да... гмъ!.. понимаю... Здекауэръ (или кто другой) правъ... осложненіе... катарръ»... et caetera... За гм! и даканіями слѣдуетъ постукиванье и пощупыванье.

«Да... бронхіальный трескъ... ограниченный... гмъ!»..

Затѣмъ высочайшая степень задумчивости,—потирание лба, пауза и осѣненіе выше:

«Діагнозъ оконченъ; теперь для меня все ясно. Данные, полученныя мной, даютъ мнѣ твердое основаніе опредѣлить свойство вашей болѣзни: атоническая слабость пищеваренія, желудочныя боли; ипохондрическое настроеніе духа и холодъ оконечностей, все это, взятое вмѣстѣ, говоритъ, что вы страдаете хроническимъ катарромъ. Эта болѣзнь, серьезная сама по себѣ, осложняется еще эмфиземой, благодаря которой развилась гипертрофія праваго сердца и застой во всѣхъ венахъ, открывающихся въ эту часть сердца. Продолжительность прошедшихъ страданій, предрасположеніе, habitus tuberculosis и, къ несчастію, незнаніе докторовъ привело къ тому, что вамъ грозитъ phthisis tuberculosa».

Отходная прочтена, злосчастный паціентъ убитъ... Но лучезарная

улыбка, освѣтлившая ученый ликъ, возвращаетъ его къ надеждѣ, къ жизни.

— Но не бойтесь, въ настоящую минуту вы стоите около того сказаннаго источника живой воды, который въ старину возвращать людямъ молодость, красоту, здоровье. Я не магъ, но ручаюсь за благотворную перемену, которую вы скоро ощутите въ себѣ. Вы спросите: въ чемъ заключается мое волшебство, мое орудіе? Говорю прямо и смѣло: въ кумысѣ. Впрочемъ, въ мой методъ не входитъ вѣра, я хочу, чтобы мои пациенты были убѣждены въ могуществовъ и дѣйствительности моего средства. Чтобы достигнуть этого, прежде всего позвольте васъ познакомить съ химіей кумыса. Строго научный анализъ, произведенный мною, указалъ, что *lasc fermentatum* состоитъ изъ воды, казеина, бѣлковины, молочнаго сахара, масла, фосфорно-кислыхъ солей извести и магнезіи, хлористыхъ солей кали и натра, фосфорно-кислыхъ кали и натра, желѣза и наконецъ изъ щелочей. Атомическое содержаніе элементовъ *lasc fermentatum* обуславливаетъ его терапевтическое дѣйствіе на органическія аномаліи. Усиливая метаморфозы и восполняя идею разрѣшающихъ средствъ...

И пошелъ и пошелъ...

Цѣль ученой диссертациі достигнута вполнѣ; новичекъ ошеломленъ; глупо тараща глаза, онъ думаетъ: «Господи! благодарю тебя за мысль, впервые осѣнившую мою голову—везти сюда мое грѣшное, изнеможенное тѣло!»

— Теперь позвольте взвѣсить васъ.

Новичекъ въ недоумѣніи.

— У насъ такъ принято. По прибыли въ вѣсѣ, мы выводимъ заключеніе о благотворномъ дѣйствіи кумыса на организмъ...

Новичекъ послушно взбирается на вѣсы.

— Дѣйствіе кумыса, по истинѣ, удивительно. Представьте, прошлаго года одинъ больной вывезъ 30 фунтовъ лишка, другой 25.

О тѣхъ, кто не вывезъ съ собою даже привезеннаго вѣса, конечно, скромно умалчивается.

Такимъ образомъ обыкновенными базарными вѣсами ограничиваются всѣ ученые снаряды въ кумысолечебныхъ заведеніяхъ (на нѣкоторыхъ и того нѣтъ). Не безъ основанія можно полагать, что этотъ своеобразный приѣмъ въ изслѣдованіяхъ болѣзни позаимствованъ отъ ученыхъ башкиръ; а что въ него закрадываются немаловажныя ошибки, доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что больные, при обоюдномъ производствѣ надъ собой опе-

раціи звѣшиванія, на другой же день, послѣ ученыхъ изслѣдованій, оказывались тяжелѣе иногда фунтовъ на 15.

Библиотекъ на кумысолечебныхъ заведеніяхъ (за исключеніемъ только одного) нѣтъ. Съ ученой точки зрѣнія, это отсутствіе матеріаловъ для чтенія объясняется такимъ образомъ:

— Я не препятствую моимъ пациентамъ заниматься чтеніемъ, но по моимъ изслѣдованіямъ и выводамъ оказывается, что умственная работа до нѣкоторой степени парализируетъ благотворное дѣйствіе кумыса на организмъ. Дѣло слѣдуетъ вести до корня, до сути его. Здѣсь педантизмъ необходимъ. Чтеніе возбуждаетъ умственную работу, умственная работа задерживаетъ тѣ процессы, въ быстромъ совершеніи которыхъ отчасти заключается тайна здѣшнихъ, можно сказать, волшебныхъ исцѣленій...

Нѣкоторые возражаютъ на это:

— Но вѣдь пропасть свободнаго времени и невозможность хотя отчасти наполнить его порождаютъ скуку, хандру, которыя едва ли не разрушительнѣе дѣйствуютъ на организмъ, чѣмъ часть, два, употребленные на чтеніе журнальной статьи...

Но на это никакихъ ученыхъ диссертаций уже не послѣдуетъ, — напротивъ рѣчь принимаетъ пѣжно-игривое направленіе.

— Э, батюшка, мы выгнали отсюда скуку въ города и наложили на нее заклятіе. Здѣсь скука не жилища. Мы живемъ весело: устраиваемъ пикники, танцуемъ... Пейте кумысъ, гуляйте, катайтесь... пожалуй влюбитесь... словомъ, отдыхайте отъ тревожной жизни. Пойдемте, я васъ угощу нашей живой водой...

Весело выводится «посвящаемый» изъ святилища.

— Эту комнату больные зовутъ кабачкомъ, — рекомендуетъ Мен-торъ, вводя Телемака въ душную, пропитанную характерно-кислымъ запахомъ, конуру.

За прилавкомъ кабачка стоитъ чумазый башкиръ, главный воротило всего дѣла, и изъ огромной глиняной фляги разливаетъ страждущей и веселой братіи, толпящейся у прилавка, башкирскую живую воду.

— Налей-ко, Исай, два стакана!

Чумазый башкиръ испытующимъ окомъ смотритъ на патрона и, оставляя глиняную флягу, лѣзетъ за прилавокъ. Вынута новая бутылка, — стеклянная, — кумысъ бьетъ изъ нея фонтаномъ. Налиты два стакана; чокнулись.

— Ваше здоровье! — Желаю вамъ раздѣлсти такъ же, какъ раздѣлстаютъ цвѣты на нашихъ благословенныхъ поляхъ!

VI.

Представители недужной братии.

Въ большинствѣ случаевъ пожеланіе «разцвѣсти, какъ разцвѣтаютъ цвѣты на нашихъ благословенныхъ поляхъ!» исполняется, но не вслѣдствіе какихъ-либо чудотворныхъ свойствъ, присущихъ кумысу, а вслѣдствіе свойствъ, присущихъ самому недужному люду, стекающемуся къ башкирскому источнику живой воды. Повторяемъ, кумысъ въ настоящее время превратился въ тѣ же «воды», грязь, морскія купанья и т. п., т. е. въ тѣ пункты притяженія, гдѣ на 100 человекъ здоровыхъ субъектовъ приходится не болѣе 10 дѣйствительно больныхъ. Горько ошибается тотъ, кто съ понятіемъ «кумысъ» нераздѣльно соединяетъ понятіе о чахоткѣ, скорбутѣ, скукѣ, запахѣ мертвечины. Нигдѣ такъ мало не думаютъ о смерти, какъ вблизи всевозможныхъ (а въ томъ числѣ и вблизи кумыса) російскихъ и басурманскихъ источниковъ живыхъ водъ. Вытянутыя фізіономіи, кашель чахоточнаго, разбитая физически и нравственно жизнь здѣсь такая же рѣдкость, какъ рѣдкость—цвѣтуція, веселыя фізіономіи въ острогахъ; это не болѣе какъ диссонансы, ворвавшіеся въ стройный хоръ.

Въ недужной братіи женское поколѣніе, по численности, преобладаетъ надъ мужскимъ.

Рѣзче всего, на кумысѣ бросаются въ глаза тѣ старыя грѣшницы, возросшія и состарѣвшіяся на почвѣ вичливаго тунеядства, что, положа руку на сердце, могутъ сказать: «да-съ, пожито!» На испитыхъ фізіономіяхъ этихъ грѣшницъ незримая рука безжалостнымъ образомъ отмѣтила сумму пройденныхъ годовъ и впечатлѣній и эта тамга составляетъ неисчерпаемый источникъ ихъ нравственныхъ страданій, драматическую сторону ихъ жизни. Раздутыя рекламами и невѣжествомъ до значенія мифической «живой воды», кумысъ, какъ магнитъ, тянетъ къ себѣ цѣлыя караваны этихъ грѣшницъ; съ тоской и надеждой подносятъ онѣ каждый стаканъ его къ сморщеннымъ губамъ: авось тамъ не найдется ли давно погибшая молодость...

Затѣмъ, по старшинству, за этими отжившими, но непокаившимися грѣшницами, вскормленная той же праздною средой, является

къ башкирскому источнику живой воды, другая, очень большая серия барынь «переходнаго состоянія». Возрастъ этихъ барынь, благодаря ихъ скромности и усовершенствованіямъ въ косметическихъ произведеніяхъ, опредѣлить почти невозможно; онъ можетъ быть названъ возрастомъ обращенія на стезю добродѣтели. Это тѣ печальные годы, когда каждый день приноситъ женщинѣ убыль въ рядахъ ея поклонниковъ, когда, вслѣдствіе паденія собственныхъ фондовъ на свѣтской биржѣ, женщина старается убѣдить всѣхъ и каждаго, что прелесть прошедшаго утратила цѣну въ ея глазахъ. Въ эти годы женщина, чтобы поднять курсы и наполнить дни, накликаетъ на себя всевозможные недуги (нервы, мигрени, тики, словомъ, тѣ тонкія болѣсти, отъ которыхъ «спеціалисты женскихъ болѣзней» наживаютъ каменные дома, мужа же бѣгаютъ изъ дому), съ остервенѣніемъ отдается сплетнямъ, проповѣдуетъ добродѣтель, вяжетъ, какъ членъ благотворительныхъ обществъ, карпетки для бѣдныхъ и раздаетъ имъ грошоваыя книжонки назидательнаго содержания. Но всѣ эти «зимніе» приемы не въ состояніи заглушить въ женщинѣ страстнаго желанія сорвать послѣдній поцѣлуй жизни; добродѣтель и карпетки не въ силахъ отодвинуть воспоминавіи недавняго прошлаго, неугомно-навязчиво преслѣдуютъ они ее. «Ты износила, выдохлась!» говоритъ женщинѣ внутренній голосъ и все окружающее подтверждаетъ, сколько истины въ этомъ голосѣ. Чтобы пріобрѣсти снова «прелесть новизны», женщина бросаетъ старое пепелище и пускается въ странствованія. Съ весной, лишь только длинныя вереницы журавлей потянуть по высокому небу, такія же длинныя вереницы барынь снимаются съ нагрѣтыхъ мѣстъ и тянутъ изо всѣхъ угловъ нашей обширной отчины въ Эмсъ, Бадень - Бадень, Гапсаль, Пятигорскъ, Липецкъ, «на кумысь...» Тамъ, «въ тѣни аллеи», при помощи луны и соловьиныхъ пѣсенъ, не такъ замѣтны пробивающіяся морщины, тамъ, при новыхъ людяхъ, устарѣло-пошлыя рѣчи пріобрѣтаютъ букетъ свѣжести... Докторская любезность не заставляетъ, конечно, задумываться этихъ барынь въ выборѣ законныхъ поводовъ къ странствованіямъ, къ ихъ услугамъ вся терапия, на самомъ же дѣлѣ—«послать къ чорту напускной прюдеризмъ» — единственный недугъ, сиѣдающій страдалецъ...

Караваны этихъ добродѣтельныхъ искательницъ сильныхъ ощущеній, огромные сами по себѣ, еще болѣе увеличиваются вслѣдствіе сопровожденія ихъ юными и не совѣтъ юными дѣвственницами, жаждущими мужа, мужа и только мужа...

Большинство этихъ барынь, конечно, нисколько не вѣрять въ дѣйствительность своихъ недуговъ: для нихъ недуги — законный поводъ прожигать жизнь, мотать деньги; но есть и вѣрующія...

Многочисленныя наблюденія надъ «исторіей женскихъ болѣзней» «вѣрующихъ» привели насъ къ слѣдующему заключенію: источникъ болѣзней заключается здѣсь не въ аномальныхъ отравленіяхъ организма, но въ уродливой, безобразной пустотѣ общественной и семейной жизни «больныхъ». Всѣ барыни съ воображаемыми недугами принадлежатъ къ богатымъ классамъ общества, существованіе ихъ обезпечено,—онѣ, говоря словами пословицы, «катаются, какъ сыръ въ маслѣ». Поденный, тяжелый трудъ, заботы о завтрашнемъ днѣ имъ неизвѣстны; бить баклуши съ утра до поздней ночи, жить на чужой счетъ наряднымъ паразитомъ—цѣль ихъ земнаго странствованія... При такомъ благополучномъ теченіи жизни, барыни не во что драпироваться; она утрачиваетъ «интересность» въ собственныхъ глазахъ, она труситъ потерять ее въ глазахъ другихъ; чтобы сохранить за собой эту «интересность», чтобы имѣть право на скорбь, сѣтованія и ходули, барыни непременно нужно найти страданія, драму...

Какъ же создать небывалыя страданія и драмы, гдѣ взять образцы для нихъ?

Барыня читала книжонки съ очаровательными героями и героинями, — героини этихъ книжонокъ такъ хорошо, такъ картинно страдали! барыня видѣла Травиату или слышала объ ней отъ другихъ,—какъ поэтично умирала она! какъ шелъ къ ней, блѣдной, изнеможенной, умирающей, бѣлый пеньюаръ, какія раздирающе-прекрасныя пѣсенки распѣвала она въ моментъ смерти!.. Вотъ образцы для драмы и страданій.

«Хочу быть страдальцей! Хочу быть Травиатой!»

Задавшись мыслию «сыграть въ Травиату», барыня начинаетъ копошиться въ своемъ организмѣ, безъ труда отыскиваетъ какойнибудь злосчастный прыщъ и пристегиваетъ къ нему нравственныя страданія. Драма явилась. Съ этого дня жизнь барыни становится полнѣе: ея умъ занятъ, душа томится, грудь разбита. Теперь барыня имѣетъ полное право, закативъ свои очи, декламировать:

«Печальный крестъ достался ей на долю...»

При другихъ условіяхъ жизни, глупая блажь причислиться къ лику страдальцевъ, еслибы и запала въ голову, то весьма скоро погибла бы собственной смертью, но праздность и пошлость пи-
«Дѣло», № 9.

таеть и ростить глупую мысль, злосчастный же прыщъ даетъ ей санкцію.

Не удовольствуясь безпечальнымъ созерцаніемъ своихъ поэтическихъ страданій и прыщей, Травіата, для вящаго убѣжденія себя и другихъ въ ихъ дѣйствительности, обращается къ «специалисту женскихъ болѣзней», который, зная очень хорошо цѣну попадающей къ нему въ лапы благодати, пилюлями изъ чернаго хлѣба и авторитетомъ науки утверждаетъ за барыней дипломъ страдалицы. Съ этого счастливаго момента, для барыни открывается уже безконечное поприще душевныхъ и тѣлесныхъ терзаній, съ которыми она и нянчится по бѣлому свѣту, кочуя отъ одного источника «живой воды» къ другому.

Въ pendant къ этимъ страдалицамъ, являются къ источнику башкирской живой воды и страдальцы.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ мужскомъ поколѣніи недужной братіи, группирующей около вышеуказанныхъ страдалицъ, преобладаетъ ужаснѣйшая хлестаковщина, а потому, при извѣстной всѣмъ страстишкѣ Хлестаковыхъ хватить черезъ край очень трудно указать причины, гонящія ихъ къ башкирскому источнику живой воды. Одно вѣрно: обыкновенныя болѣзни имѣютъ здѣсь весьма мало значенія. Если вѣрить рассказамъ, такъ у всѣхъ Хлестаковыхъ поѣздка на кумысь является послѣдней станціей тяжелой жизненной драмы съ романическимъ оттѣнкомъ: жизнь одного разбита женщиной, другой пострадалъ за идею, третій принесъ драгоценное здоровье на пользу и славу отчизны, четвертый вкушалъ тончайшія наслажденія жизни и пресытился ими, пятого заѣла непонявшая и неоцѣнившая толпа и т. д. Конечно, между этими, тоже «интересными» страдальцами есть люди дѣйствительно прожигавшіе жизнь, для которыхъ дальнѣйшее существованіе, безъ восстанавливающихъ время отъ времени средствъ, представляется крайне печальнымъ, но тѣмъ не менѣе большинство ихъ, судя по нѣкоторымъ весьма осязательнымъ признакамъ, ѣдетъ сюда или въ качествѣ простыхъ дилетантовъ веселаго препровожденія времени, или преслѣдуетъ болѣе практическую цѣль — найти непочатой уголь богатыхъ невѣсть.

Понятно, что на этихъ страдальцевъ и страдалицъ кумысь оказываетъ «благодѣтельное» вліяніе: они толстѣютъ ужаснѣйшимъ образомъ и они-то, купно съ рекламами и докторскимъ невѣжествомъ, разносятъ славу башкирской живой воды по бѣлу свѣту.

VII.

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВХОДЯЩІЙ!»

Рѣзкая черта отдѣляетъ франтовитую, изолгавшуюся, накрахмаленную недужную братію отъ другого люда—чахлаго, изнеможенного, страдающаго...

Для этого послѣдняго люда поѣздка въ источникъ живой воды не *partie de plaisir* въ землю обѣтованную, не средство убить праздное, никуда негодное время, возвратитъ потерянный румянецъ, найдти богатаго мужа, — но послѣднее средство утянуть у смерти нѣсколько лишнихъ годовъ. Здѣсь живая вода—ставка ва-банкъ; рокового момента—куда упадетъ карта? — съ тоской, съ замираніемъ сердца ждетъ тамъ далеко семья, для которой въ перспективѣ уже готовится тяжелая доля.

Развеселая жизнь недужной братіи могла бы окраситься весьма сквернымъ колоритомъ, еслибы этотъ раздражительно-чахлый людъ высылалъ къ источникамъ живой воды побольше своихъ представителей: по самому узкому лбу пробѣгаетъ подчасъ нѣчто въ родѣ думы, при встрѣчѣ съ ходячимъ трупомъ, въ каждой чертѣ котораго сквозитъ «*emento mori!*» Около мертвецовъ плохо врется и скачется, но, повторяемъ, къ *счастію*, эти диссонансы врываются рѣдко въ стройный хоръ развеселой недужной жизни, врываются же они рѣдко потому... впрочемъ вопросъ — почему? помимо всякихъ разсужденій, скорѣе и проще разрѣшается указаніемъ на составныя части дѣйствительно недужной братіи. Главнѣйшимъ образомъ она состоитъ: изъ скромныхъ торговцевъ средней руки, у которыхъ «*тятинька очень строга*», такъ строга, что сынкамъ приходится отъ ихъ ученья, скряжничества и кулака спасаться кумысомъ; изъ зеленыхъ, геморридалныхъ петербургскихъ труженниковъ, разсказывающихъ, какъ хорошо живется на вышкахъ и въ подвалахъ роскошныхъ палатъ; изъ студентовъ, во имя «прекраснаго далеко», пьющихъ горькую долю «сквернаго близко»; изъ мелкаго провинціального чиновничества, надсаживающаго грудь за возможность не умереть съ голоду: изъ женщинъ, судьба которыхъ: «пьянаго мужа домой поджидать, плакать, работать». Безспорно, пошляки, утаптывающіе мостовыя, барыни, пнянчаціяся съ вообража-

ыми недугами, развратники, прожигающіе жизнь, имѣютъ меньшее право на отдыхъ и восстанавлиющія средства, чѣмъ люди, тянущіе ляжку непосильнаго труда и физически и нравственно изломанные въ борьбѣ съ нуждой и горемъ; но дѣло въ томъ, что только счастливѣйшее меньшинство этихъ надломанныхъ людей имѣетъ возможность, цѣною всевозможныхъ лишеній, сколотить сотню рублей, чтобы на эту сотню купить себѣ право на нѣсколько лишнихъ дней жизни.

Большинство дѣйствительно больныхъ помѣщается или въ собачьихъ конурахъ, именуемыхъ бараками, или въ жилищахъ близкихъ къ собачьимъ. Лишенія, грязь, грубое, ничѣмъ нестѣсняющееся маклачество и полнѣйшая безучастность встрѣчаютъ ихъ тамъ, куда стремились они, какъ въ обѣтованную землю исцѣленія и восстановленія. Понятно, почему эти люди, платящіе послѣдними грошами за самообольщеніе, стоятъ особнякомъ отъ общаго, конфертативно-веселаго теченія недужной жизни, понятно, какіе интересы должны занимать ихъ въ продолженіе лечебнаго сезона.

Встрѣтились у барака двѣ бѣдно одѣтыя женщины, одна молодая, лѣтъ двадцати-четыре—пяти, другая гораздо старше.

— Маша! полегче что ли твоѣму-то?

— Не спрашивай, голубушка...

— Ништо...

— Застрадался, совсѣмъ застрадался... Какъ свѣчка таетъ... Въ гробъ краше кладутъ... Цѣлу ночь глаз...

Слезы не дали докончить.

— Не убивайся, свѣтикъ, Богъ не безъ милости. А ты молись больше.

— Я ли не молилась! Дѣточки, дѣточки мои!

— Маша! Маша! да поди же сюда! — раздается изъ барака бо-
лѣзненно-раздражительный голосъ.

Утерла Маша слезы, помахала на лицо платкомъ, чтобы слезъ не замѣтилъ,—и побѣжала на зовъ.

Скорбный листъ барачниковъ очень разнообразенъ: физическіе недуги, нравственныя страданія, непосильный трудъ и нищета съ равнымъ усердіемъ гонятъ ихъ черезъ кумысный этапъ въ ту прекрасную страну, «идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія».

Вотъ отрывокъ одного изъ тѣхъ «скорбныхъ листовъ», эпитаграммъ къ которымъ можно поставить стихъ Гейне: «это старая исторія,—но вѣчно новой останется она».

«...Какъ бы то ни было, по жребіи былъ брошенъ: я не хотѣла и не могла уступить; на своей сторонѣ они имѣли законное право терзать меня, топтать въ грязь, но и я оказалась не изъ податливыхъ: разрывъ съ прошлымъ совершился; закрѣпить меня не удалось. Борьба измучила меня, но не сломила убѣжденія, чтобы честная женщина не нашла себѣ дороги. Мнѣ удалось тогда: мое право не считать себя лишней «на праздникъ жизни» основано на сознаниіи пошлости смиренія, на желаніи работать... Впрочемъ, мало ли чего мнѣ не думалось тогда! Глупо-наивныя мечты, какъ скоро разсѣялись вы. въ подвалѣ столяра, гдѣ за кусокъ хлѣба и уголь я должна была учить грамотѣ троиухъ ребятъ, нянчиться съ четвертымъ и служить потѣхой для пьянаго хозяина — пятаго! Не удивляйтесь: положеніе женщины-работницы отвратительно у васъ въ Петербургѣ, но оно несравненно гаже у насъ, въ благодатной провинціи. Уроки — единственный путь, которымъ я могла заработать себѣ кусокъ хлѣба, не забудьте же, что изъ-за этого куска хлѣба въ нашемъ маленькомъ городишкѣ спорять между собой: студенты, гимназисты, учителя, семинаристы, мелкіе чиновники и что я была оскандализирована. Только черезъ годъ подвальной жизни я могла уроками музыки заработать 6 рублей въ мѣсяць. Какъ признаку близкаго берега, я обрадовалась первымъ деньгамъ, — но увы! берегъ былъ далеко; въ ожиданіи его я, по цѣлымъ мѣсяцамъ, дрогла въ нетопленной конурѣ, ѣла дохлятину изъ обжорнаго ряда. Говорять — голь на выдумки хитра; дѣйствительно хитра, но не перехитритъ ей безобразнаго житейскаго склада.... Чтобы согрѣть и напитать мое грѣшное тѣло, я бросалась во всѣ стороны: объ иголкѣ я уже не говорю, въ литературу даже пустилась, романъ Диккенса перевела, корреспонденціи писала; о первомъ не получила изъ редакціи ни слуху, ни духу, вторыя напечатали, но денегъ не послали. Слѣдовательно въ результатѣ: нѣсколько даромъ сожженныхъ фунтовъ свѣчь, да даромъ убитое время... Одному до сихъ поръ дивлюсь, какъ хитрая голь не втиснула меня въ публичный домъ или не заставила бросаться въ Волгу.... Тифомъ и больничной койкой завершилась вся эта исторія, вся эта борьба съ позоромъ, съ голодной смертью. Судьба не пришибла меня, я выздоровѣла и снова.... Впрочемъ «не сказать ли вамъ сказочку про бѣлаго бычка?» Нѣтъ, такъ не скажу вамъ о томъ, какъ жилось мнѣ послѣ больницъ... А жаль, вы бы увидали, что въ концѣ концовъ добродѣтель торжествуетъ: назадъ тому четыре мѣсяца, я получила ва-

слѣдство—триста рублей, а съ ними получила возможность возстановить силы, чтобы снова попытать счастья.... Но что было бы, если бы не эта случайно-водевильная помощь? Что дальше будетъ?...»

Страннымъ фарсомъ начинается иногда «скорбный листъ» этого изнеможеннаго, стоящаго одной ногой на краю могилы божьяго люда.

Обитателя барака подъ № 15 отправили, общей складчиной, на кладбище. При жизни — это была мельчайшая сошка губернской бюрократіи; въ его формулярѣ значится: чиномъ губернскаго секретаря награжденъ. Событіе радостное: ступеню ближе къ государственному канцлеру, но, къ несчастію, мѣсячный бюджетъ мелкой сошки былъ до того сѣуженъ, что каждая, вновь открывавшаяся, статья расхода могла покрываться только къ явному ущербу другихъ статей: вновь произведенный остался съ худыми сапогами, а худые сапоги какъ разъ подошли къ осени. Бѣдняга простудился и слегъ въ постель; его мазали сначала доморощенными средствами, потомъ доктора позвали. Воспаленіе легкихъ прошло, больной сталъ таскаться въ свое «губернское», гнулъ по прежнему спицу надъ входящими и исходящими, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ днемъ чахъ все больше и больше. Еще разъ пощупалъ и послушалъ его докторъ: видитъ, плохо, послалъ на кумысъ, время же, благо, подходило лѣтнее: салоны у жены и дочерей могли быть заложеными.

Наканунѣ смерти, мелкую сошку навѣстилъ другой барачникъ.

— На-те, — сказалъ умирающій, вынимая изъ-подъ подушки двѣ десяти-рублевья ассигнаціи. — Не говорите объ нихъ никому. Здѣсь жадные.... Пуетоцвѣтова хоронили—все взяли.... Меня ужъ какъ нибудь.... А это женѣ.... Да чтобы не больно убивалась....

Какъ умирала мелкая сошка, не видалъ никто: ночью.

Вообще различными дорогами доходить приѣзжающіе къ источникамъ живой воды до страны, «идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія».

Полезенъ ли кумысъ для этого, изнемогающаго подъ тяжестью всевозможныхъ неблагоприятныхъ условій, божьяго люда?

Если не успѣется прихватить къ старымъ новымъ болѣзни, что очень легко, какъ можно видѣть изъ описанія европейско-башкирскихъ порядковъ, такъ иногда — да, полезенъ... Полезенъ ¹⁾ на-

¹⁾ Говоря о полезности башкирской живой воды, мы разумѣемъ сумму всѣхъ условій, изъ которыхъ слагается недужная жизнь: хорошій воздухъ,

столько, насколько полезны нѣсколько капель масла, влитыхъ въ потухающую лампаду.

VIII.

Утро. Проза недужной жизни.

Какъ живетъ, чѣмъ занимается недужная братія вблизи башкирскихъ источниковъ живой воды?

Шестой часъ утра; въ воздухѣ благодать, прохлада; крупными каплями блеститъ еще на деревьяхъ роса; изъ-за прозрачнаго тумана вырисовываются, синѣющія вдаль, затканныя лѣсомъ горы; оставляя за собой длинную волну, рѣжетъ зеркальную рѣку парходь; въ облакахъ пыли несется къ водопою табунь, низко припавъ къ сѣдлу, мчится киргизъ за отбившейся кобылицей... Отъ чернозема тонкими змѣйками тянутся душистыя испаренія... Исчезая въ безоблачной синевѣ, звенитъ жаворонокъ; въ наливающейся пшеницѣ переключаются перепела...

Надъ самымъ ухомъ раздается нестерпимо-пронзительный звонокъ; ворча и проклиная этотъ трезвонъ, тянется недужная братія со всѣхъ сторонъ въ курзалъ, къ источнику живой воды.

Потянемся же и мы, вслѣдъ за другими.

Для кумыса отводится особая комната (кабачекъ), здѣсь его готовятъ и раздаютъ недужной братіи. Кумысъ — напитокъ народовъ дикихъ и надо предполагать, что «благотворное» дѣйствіе его обуславливается данными, составляющими суть первобытной жизни: грязью и отрицаніемъ щепетильности.

Эти данныя въ преизбыткѣ сосредоточиваются въ кабачкѣ-лабораторіи. Кумысъ готовятъ въ большихъ, деревянныхъ кадкахъ; чтобы регулировать броженіе заквашеннаго молока, его приводятъ въ движеніе мутовками; этой операціей занимается 7, 8 киргизовъ и киргизокъ вонючихъ и грязныхъ до того, что смотрѣть противно... Въ душной комнатѣ верченіе мутовокъ вызываетъ

отдыхъ, прогулки, купанье, нѣкоторая отрѣшенность отъ нравственныхъ причинъ, служившихъ исходной точкой болѣзни, или поддерживавшихъ ее, дававшихъ ей силу и пр. Собственно же кумысъ, въ числѣ этихъ благопріятныхъ условий, долженъ занимать очень скромное мѣсто.

страшную испарину у работающихъ; съ ихъ лицъ ручьями бѣжить потъ и падаетъ прямо въ едашки съ кумысомъ. Полотенца, которыми вытираются стаканы и кружки, имѣютъ видъ онучь, мѣсяца два бывшихъ въ употребленіи. Прежде чѣмъ приняться за стаканъ, киргизка вытретъ сначала этой онучей свою потную физиономію. Разлитый по флягамъ кумысъ стоитъ на огромномъ столѣ; вслѣдствіе усилившагося броженія, онъ часто вышибаетъ пробки и бьетъ высокимъ фонтаномъ; каждый взрывъ кумыса производитъ ужаснѣйшее смятеніе въ сынахъ и дщеряхъ степей (кумысъ денегъ стоитъ, его берегутъ, какъ зѣницу ока); какъ бѣшеные, съ крикомъ и гамомъ бросаются они къ столу и грязными руками сгребаютъ съ грязнаго стола все вылившееся изъ фляги; этотъ «сборный» кумысъ вливается въ новую флягу и предлагается чающимъ исцѣленія.

Главный воротило кумыса (приготавливаетъ, раздаетъ и хранитъ)— киргизъ, съ типично-глухой рожей; онъ грязенъ и вонючъ, какъ вся его братія, относится съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ нашимъ, получившимъ право гражданства, цивилизованнымъ привычкамъ. Недужная братія передъ этимъ уродомъ лебезитъ, подличаетъ, даетъ ему деньги. Женщины, какъ одаренныя большимъ чутьемъ, скорѣе нашего брата понимаютъ необходимость задобрить дикаря: чтобы достигнуть цѣли — побѣдить чумазаго джентльмена — онѣ употребляютъ тоже оружіе, которымъ побиваютъ джентльменовъ вымытыхъ.

Откинувъ зеленый вуаль, въ «кабачекъ» вбѣгаетъ вся раскрашенная прехорошенькая дѣвушка.

— Исай, дай кумыса.

Исай не удостоиваетъ ни малѣйшаго вниманія просительницу; возится съ какой-то мерзостью подъ столомъ.

— Исай! я тебя поцѣлую!

Чумазый дикарь рычитъ подъ столомъ.

— А вотъ поцѣлую!

Кудрявая головка дѣлаетъ движеніе...

Глухая рожа ослабляется... Побѣжденный кумысной «звѣздочкой», дикарь лѣзетъ въ шкафъ и достаетъ оттуда флягу отличнѣйшаго кумыса.

— Ашай, барынь, ашай! Бикъ якша кумысъ. Здуровъ будь!

— Какой же ты славный, Исай! добрый!

Маленькая ручка ласкаетъ потную щеку; глухая рожа дикаря совсѣмъ просіяла, въ глазахъ промелькнулъ плотоядный огонь.

— Ашай, биксю ¹⁾, больша ашай!

Не такъ милостиво обходится дикарь съ мужскимъ поколѣніемъ ждеть, ждеть больной кумыса, не выдержитъ наконецъ:

— Да давай, что ли ты, чумазый чортъ, кумыса!

— Годы, барынь, годыть надо, не твоя одна...

Ну «я годыте» часа полтора, а потомъ, въ наказаніе, отравляйте свое брюхо какой-то мерзостной бурдой.

Вообще, попавши къ башкирско-европейскому источнику живой воды, совѣтуемъ запастись смиреніемъ и противъ себя дикарей не возбуждать: слѣдуетъ помнить, что вы больны и беззащитны, и что въ рукахъ дикарей всѣ средства, чтобы мстить вамъ. Укажемъ на одно. Не всѣ больные могутъ выпить полный стаканъ, обыкновенно на днѣ его остается нѣсколько капель; видъ нѣкоторыхъ кумысниковъ до того болѣзненъ, до того напоминаетъ разлагающійся трупъ, что человекъ самый небрежливый не въ состояніи допить стакана, послѣ подобнаго больного. Дикарь, насколько не стѣсняясь присутствіемъ больныхъ, сливаетъ всѣ остатки въ особую флягу.

— Что это ты дѣлаешь, злодѣй? — съ ужасомъ спрашиваетъ новичекъ.

— Давай буду.

— Кого же это ты намѣренъ угостить?

— Не лублу ково — при этомъ черномазая рожа выворачиваетъ бѣлки свои въ сторону котораго нибудь изъ больныхъ: пойми дескать ты, злосчастная сволочь, какую прелесть я для тебя готовлю.

Новѣйшія изслѣдованія доказываютъ принадлежность чахотки къ числу заразительныхъ болѣзней, не дѣлается ли и вышеописанное съ благой цѣлью обогатить науку новыми опытами? Что же, въ добрый часъ!

8 часовъ утра; недужная братія успѣла проглотить по нѣсколько стакановъ кумыса. Двери въ курзалъ отворяются съ шумомъ; свѣжій и довольный, влетаетъ ученый патронъ заведенія.

Начинается докторская визитація. У кабачка столпилась кучка барачниковъ.

— Докторы! я спалъ нынче скверно. Вотъ здѣсь тѣснить... Одышка...

¹⁾ Биксю по-русски красавица.

Глубокомысленное молчаніе и взглядъ черезъ очки, въ сторону.

— Покажите языкъ.

Приказаніе исполнено.

— Гмъ! а... пьете кумысъ?

— Какъ же, пью.

— Сколько стакановъ?

— Восемь.

— Пейте семь.

Поворотъ направо. Подходить бѣдно одѣтая женщина, свойства болѣзни не позволяютъ ей говорить громко.

— Гмъ! покажите языкъ.

Языкъ высунуть во всю длину.

— А пьете кумысъ?

— Пью.

— Сколько стакановъ?

— Вчера десять. Не въ могу больше. Тошнить.

Глубокомысленное молчаніе.

— Пейте девять.

Опять поворотъ направо.

— Ваше здоровье?

— Плохо все; спина болить по прежнему; вчера и третьяго дня лихорадка, просто смерть.

— Покажите языкъ.

Больной съ особеннымъ удовольствіемъ производить эту операцію.

— Гмъ! а сколько стакановъ пьете?

— Шестнадцать.

Глубокомысленное размышленіе.

— Я бы совѣтовалъ вамъ... пить осмнадцать.

Опять поворотъ направо.

— Чортъ бы тебя побралъ и съ кумысомъ-то твоимъ!—ворчить въ слѣдъ больной.

Въ это время растворилсь обѣ половинки другой входной дверя; шурша саженымъ шлейфомъ, въ курзалъ вошла самая длиннохвостая изъ всѣхъ длиннохвостыхъ, сопровождаемая однимъ изъ наиболѣе ужасныхъ «сокрушителей» женскихъ сердецъ.

Появленіе длиннохвостой и ея кавалера произвело замѣтное впечатлѣніе: барыни съ ногъ до головы оглядывали ее, эскулапъ ураганомъ несся на встрѣчу.

— Bon jour ma'am!

— Bon jour!

Физиономія патрона приняла сладчайшее выраженіе: точно паточкой ее вымазали.

— О вашемъ здоровьи не спрашиваю; ваша свѣжесть соперничаетъ съ свѣжестью утра.

— Не отгадали, докторъ,—я такъ слаба сегодня. Спросите ш-г Хлестакова, я едва могла сдѣлать полверсты. Я снова начинаю бояться за мои нервы, — говорить травіата.

Патока сбѣжала съ докторской физиономіи, нестерпимымъ глубокимъ слезомъ и состраданіемъ къ страдальцѣ прониклась каждая черта ея.

— Вашу руку, ша'ам.

Эскулапъ уводитъ страдальцу въ тотъ кабинетъ, гдѣ происходятъ первыя заклинанія. Дверь затворена; сеансъ продолжается минутъ сорокъ пять. Прочіе больные ходятъ около двери и ругаются.

— Не то, что съ нашимъ братомъ—двухъ словъ не скажетъ.

— Больна, а вчера шампанское стаканами дула!

— Житье докторамъ: щупай себѣ барыни!

— Да что они тамъ, проклятые, дѣлаютъ?

— Миронова совсѣмъ умираетъ,—такъ взглянуть путемъ не хотѣлъ; а съ здоровыми лясы разводитъ. Чтобъ пусто вамъ всѣмъ было.

Двери святилища, наконецъ, растворяются; и докторъ, и пациентка видимо довольны другъ другомъ, въ рукахъ пациентки миниатюрный пузырекъ.

— Примите это... Вы не забыли: по десяти капель и утромъ, и вечеромъ. А потомъ мы сегодня устроимъ катанье на лодкахъ, съ факелами. На одной лодкѣ пѣсенники, на другой мы. Это развлечетъ васъ. Представьте: луна, рѣка какъ изъ серебра, и по ней несется «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Вѣдь это высокая поэзія сама по себѣ, а съ вами...

— C'est charmant! М-г Хлестаковъ! собирайте всѣхъ нашихъ, сегодня катанье съ факелами. Прелесть! Какъ я рада!

Больная превратилась въ козу...

Ученая визитация заканчивается обыкновенно болѣе или менѣе забористыми эффектами.

— Господа! пожалуйста ко мнѣ!

Ученого мужа окружаетъ толпа.

— Съ завтрашняго дня я ввожу новый гигиеническій стимулъ въ мою систему леченія!

Рты у всѣхъ разинуты.

— Подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, вы будете принимать сначала ванну воздушную, затѣмъ ванну песчанистую и, наконецъ, все это научное регулированіе внѣшнихъ вліяній завершится ванной водяной. Только строгій анализъ патологическихъ аномалій заставилъ меня ввести этотъ стимулъ въ мой методъ. Благотворное метаморфизированіе человѣческаго организма обусловливается постояннымъ возбужденіемъ всѣхъ жизненныхъ элементовъ. Это *conditio sine qua non*. Эквиваленты кислорода, соприкасающагося съ тѣломъ атмосферическаго столба... ¹⁾.

И пошелъ писать...

Всѣ въ восторгѣ.

Дни здѣсь, какъ двѣ капли воды, походятъ другъ на друга; описывая одинъ—мы описываемъ все лѣто...

Недужная жизнь слагается изъ четырехъ элементовъ: кумыса, мошекъ, сплетенъ и любви; первый укрѣпляетъ страдающее чело-вѣчество; второй даетъ всегда готовый матеріалъ для бесѣды, третій и четвертый составляютъ духовную сторону недужной жизни; отсутствіе одного изъ этихъ элементовъ производитъ ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ. Въ концѣ іюля мошки исчезаютъ; небеса, конечно, настолько милостивы къ страдальцамъ, что посылаютъ, вмѣсто мошекъ, комаровъ, но увы! мошки уносятъ съ собой ту свѣжесть бесѣды, которая прежде была достояніемъ недужнаго дня. За исчезновеніемъ мошекъ недужная братія часа по три сидитъ другъ противъ друга, безнадежно тараща глаза: нѣтъ темы для разговоровъ, не надъ чѣмъ развернуть блестящаго остроумія, ни одна благодѣтельная мошка не сядетъ на носъ!

Поздоровавшись мошками, недужная братія переходитъ къ очереднымъ занятіямъ: сплетнямъ. Многія барыни приходятъ въ курзалъ съ книжками,—мода на книжки пошла!—но это больше для вида, красиво и трогательно выходить (молодая страдалница, бѣлый весь въ складкахъ пеньуаръ, зеленая аллея, книга въ рукахъ, «печать думы на челѣ» и пр. и пр.; на самомъ же дѣлѣ книжки играютъ самую жалчайшую роль: не то на умѣ. Источники живыхъ водъ—это отдѣльные мірки; разнообразіе элементовъ, ихъ составляющихъ, двадцать четыре часа въ сутки свободнаго време-

¹⁾ Переводъ для непосвященныхъ въ мудреный языкъ мудреныхъ людей: постой нагишомъ (ванна воздушная), поваляйся въ песокъ (ванна песчанистая) и искупайся (ванна водяная).

ни, жилища, устроенныя такимъ образомъ, что каждый можетъ видѣть и слышать все, что дѣлается у сосѣда, малое пространство, на которомъ скучивается страждущій людъ, и большая пустота головъ этого люда — дѣлають сплетню необходимою, воздухомъ. Каждый недужный мірокъ дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ мірковъ, и каждая часть точить зубы, ехидничаетъ, старается напасть другъ другу. Орудіемъ для этого служитъ сплетня.

Въ курзалѣ появляются двѣ длиннохвостыя барыни. Чтобы окончательно убить эффектомъ всю остальную длиннохвостую братію, одна на длинной лентѣ ведетъ собачонку. Барыни конвоируютъ Хлестаковъ-Печоринъ и просто Хлестаковъ; одинъ съ демоническимъ выраженіемъ на телячьей физиономіи, другой безъ демоническаго выраженія на телячьей же физиономіи.

— Я люблю въ женщинѣ, только вы не отгадаете, что...

— Вы матеріалистъ, слѣдовательно тѣло...

— Не отгадали!—Ея недостатокъ...

— Мефистофель!

Дальнѣйшій разговоръ покрывается змѣинымъ шипѣніемъ остальныхъ барынь: отбить Мефистофель, собаченка на лентѣ, видимо произведенный эффектъ и самый длинный шлейфъ. Горе тебѣ! Змѣиное шипѣнье оскорбленныхъ принимаетъ опредѣленныя формы:

— Mesdames! Поздравьте меня: я сдѣлала великое открытіе.

На лицахъ слушательницъ вопросъ и томительное ожиданіе.

— Знаете, кто она (барыня съ собаченкой)?

— У ней въ симбирской губерніи...—шелестить травиата съ сердцевидными губками.

— Догадываюсь, догадываюсь... О нѣтъ! она—дочь попа!

На лицахъ слушательницъ ужасъ и презрѣніе.

— Je vous assure! Воспитывалась она у какой-то богатой госпожи, тамъ встрѣтила своего болвана, женила его на себѣ,—и вотъ теперь передъ нами grande dame!

Великое открытіе тотчасъ же прикладывается къ дѣлу; всѣ встають и идутъ мимо барыни съ собаченкой.

— Вѣрите мнѣ, mon amie, изъ хама не сдѣлаете пана.

— Конечно; ворона въ павлиньихъ перьяхъ останется вороной.

Ударъ попалъ прямо въ сердце тому, кому предназначался: месть до гроба! Борьба не на животъ, а на смерть. Зашипѣла по змѣиному и другая сторона.

— Однако, m-me Z (тенувшая попомъ) поправляется плохо:

какъ у ней черно подъ глазами, какой гадкій цвѣтъ лица, — шипить попомъ уязвленная.

— Занимается много.

— Чѣмъ же?

— О Боже мой, какой наивный вопросъ! будто не знаете? Конечно R.

— Правда?

— Да! Взгляните на нихъ: вѣдь это голубки; мнѣніе свѣта для нея—ничто.

— О, она эманципированная женщина!

— Въ продолженіе мѣсяца—третій, это дѣйствительно эманципация.

— Но что всего хуже, такъ это то, что она имѣетъ наглость смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза...

— Надо положить предѣлъ этому. Впрочемъ, чего же лучше?.. Сегодня *partie de plaisir* на тоню; она тоже приглашена. Когда она явится, мы откажемся ѣхать съ ней. Пусть пойметъ разницу между порядочными женщинами и ею...

Къ вечеру скандалъ; трагедіи доходятъ чуть не до драки; какъ испуганное стадо барановъ, шарахаются изъ стороны въ сторону кавалеры... Развлеченіе на цѣлую недѣлю, — до новаго скандала.

Кромѣ взаимнаго промыванія, около живой воды разыгрываются отдѣльные акты той житейской комедіи, финаломъ которой наполняются вечера источниковъ живыхъ водъ.

Около источника стоитъ некрасивая госпожа и ищетъ кого-то глазами.

Вдали изъ сада показался высокій страдалецъ съ кудрявой дѣвушкой. О чемъ-то горячо споря, подходятъ они къ источнику. На губахъ ожидавшей появилась злая улыбка.

— Какъ вы раскраснѣлись, Alexandrine! По всей вѣроятности вы вели очень оживленный разговоръ съ своимъ кавалеромъ.

— Да, мы говорили о возможности женщинѣ устроить независимую жизнь.

— Давно ли вы, Alexandrine, стали любить разговоры о высокихъ предметахъ? А помните, какъ вы смѣялись надъ ними? Я не удивляюсь, если вы черезъ двѣ недѣли превратитесь въ нигилистку. О, M-г К.—великій мастеръ развивать женщинѣ.

— Ну, я не могу похвалиться успѣхомъ на этомъ поприщѣ, съ вами мнѣ приходилось бывать по долгу...

Будрявая дѣвушка отходить въ сторону; некрасивая госпожа что-то тихо говорить «развивателю», глаза ея горять... «Развиватель» долго и терпѣливо слушаетъ, наконецъ не выдерживаетъ:

— Фу, ты сумасшедшая баба!

Плжуетъ и отходить прочь...

Но вечеръ еще далеко, духота страшная, промыванье совершенно. Скучно.

— Господа! пойдите вѣшаться!

Билль принять; цѣлая гурьба направилась къ вѣсамъ; даже три мертвеца, непричастные къ окружающей жизни, поднялись съ дивановъ и потянулись вслѣдъ за другими.

Начинается процессъ взвѣшиванія, производящій самыя разнообразныя впечатлѣнія на взвѣшивающихся.

На вѣсы зефиромъ вспорхнула толстая барышня.

— Четыре пуда пять фунтовъ! выкрикиваетъ вѣшатель.

— Батюшки, караулъ!

— Ай да, курскій соловей!

— Вотъ тѣ неземное созданіе. Тра-ла-ла!

Лицо барышни отуманилось глубокой печалью; на диванѣ хлопаетъ сонными глазами ея братецъ; черезъ полминуты долетаютъ до вѣшающихся отрывочныя фразы.

— Ты все!.. поѣдемъ, поѣдемъ на кумысы! Стыдно показаться... Скажутъ—купчиха... Платья не сходятся.

Въ голосъ бѣдняжки слышатся сдержанныя рыданія.

На вѣсы взбирается одинъ изъ мертвецовъ.

— Три пуда осьмнадцать фунтовъ!

По лицу мертвеца проскользнулъ радостный лучъ; оживилось оно; долго лелѣмая надежда подольше проскрипѣть на божьемъ свѣтѣ не обманываетъ.

— Сколько прибавилось?

— Да два фунтика. Вотъ вы... Петръ Степановичъ... все толкуете... кумысы шарлатанство... А это что? Я... ожилъ... какъ сталь...

Мертвецъ закашлялся.

— Кабы только... не кашель... совсѣмъ былъ бы... здоровъ. Да и то... пройдетъ... Видимо поправляюсь... А?.. поправляюсь?

— Да! да! да—слышится со всѣхъ сторонъ.

На вѣсы входитъ другой «приговоренный». Первый мертвецъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за взвѣшиваніемъ. На лицѣ взвѣшиваемаго нетерпѣніе.

— Три пуда семнадцать фунтов!
Приговореннаго всего передернуло...
— Сколько?

Приговоренный машеть рукой и молча плетется изъ залы.

— Чего взвѣшиваться-то?—съ какой-то злой радостью говорить, вслѣдъ ему, обласканный надеждой, мертвецъ. — Съ туберкулой... ничего не подѣлаешь. А еще полчаса назадъ... говорилъ... что у него цвѣтъ лица лучше... чѣмъ у меня. Вотъ и лучше... Я за нимъ... третью недѣлю слѣжу... Таеть... все хуже да хуже.

Живой трущъ, обрадованный прибылью двухъ фунтовъ, забывъ, что нельзя долго говорить: закашлялся, показалась кровь...

Но чаще всего недужные дни равнообразятся недужными бурями. Много задору, много зеву, много времени тратится на эти бури, но пользы отъ нихъ ни на грошъ.

Вотъ образчикъ ихъ:

Около источника собралось человѣкъ пятнадцать недужной брати; у всѣхъ жесты яростны, восклицанія же энергичны...

Одинъ только Исай стоитъ неподвижно, какъ гранитная скала посреди разъяренныхъ волнъ: дикарь уже знаетъ, что изъ российскихъ бурь ничего путнаго не выходитъ...

Къ бушующимъ подходятъ новые индивидуумы.

— Что, господа, опять въ родѣ вчерашняго?

— Хуже, попробуйте.

Пришедшій беретъ кружку съ кумысомъ, выпиваетъ глотокъ и въ ту же минуту выплевываетъ его съ омерзѣнiемъ на полъ.

— Фу ты, мерзость какая! Чѣмъ это ты, степное чучело, насъ отравляешь?

Исай таращитъ глаза.

— Кумысь.

— Развѣ это кумысь? Это уксусъ съ водой.

— Твоя нишаво ни знать.

— Ахъ ты чумазый дьяволъ!

— Нѣтъ, господа, что хотите, но надо же, наконецъ, положить предѣлъ этому безобразію. Нынче насъ отравляютъ уксусомъ, три дня накачивали водой съ примѣсью молока, двѣ недѣли сряду— въ 7 часовъ не было ни капли кумыса. Согласитесь, господа, мы люди больные, мы пріѣхали лечиться, съ насъ за все дерутъ безбожно. Ругайся, потѣшайся надъ нами, да все же не такъ нагло...

Рѣчь оратора возбуждаетъ рѣшительное негодованіе.

— Баста, господа, идемъ къ нему!

— Заявимъ, что развѣдемся!

— Идемъ!

— О! дьяволъ.

— Хватимъ къ Каткову!

— Чего къ Каткову! Взлупимъ его, ракалю, на обѣ корки! Свирѣпый билль однакоже не принять.

— Ну ужь, братъ, ты тово...

Предложившій самъ смекаетъ, что онъ тово... Чтобы вывернуть-ся, онъ набрасывается на замѣтившаго крайность мѣры. Начинает-ся взаимная руготня...

Партія умѣренныхъ пользуется междуусобицей.

— Полно вамъ горячиться, господа.

— Какъ не горячиться—помилуйте... Сюда ѣдешь, какъ въ зем-лю обѣтованную, а разыгрываешь роль дойной коровы... Хуже, ко-рову берегутъ, а надъ тобой дѣлаютъ мерзости. вмѣсто квартиръ, дали собачьи конуры, кормятъ бараниной, супами тортюрами, ѣсть которые нельзя, прислуги нѣтъ, вмѣсто кумыса насъ пичкаютъ бур-дой, или совсѣмъ ничего не даютъ, на наши болѣзни не обращается ни малѣйшаго вниманія...

— Такъ-то такъ, но знаете... исторія...

— Что же, по вашему молчать, или кукишъ изъ кармана пока-зывать?

— Все-таки скандалъ...

— «Мы-де глупы, какъ овечье стадо,

Стричь да брить насъ надо»...

— запѣлъ кто-то.

— И умницы, что стригутъ, не обращая вниманія, какія мы ро-жи дѣлаемъ...

Одобрение операціи стрижки снова возбуждаетъ негодованіе.

— Нѣтъ, господа, идемъ, идемъ!

— Докажемъ ему!

— Надо протестовать!

Патрону дано знать, что собирается буря; патронъ навест-рилъ уши. Незамѣтно приближается онъ къ урагану.

При одномъ появленіи его барометръ надаетъ.

— Въ чемъ, господа, протестовать?.. Развѣ сегодня не совсѣмъ хорошъ кумысъ?

Вопросъ обращенъ не ко всѣмъ, но только къ самымъ смирен-нымъ.

— Нѣтъ... ничего... кисель немножко...

— Но ужъ за то я васъ завтра, господа, угощу, просто...

Патронъ не договорилъ, чѣмъ угостить, но изъ его жеста (пальчики облизалъ) всѣ поняли, что завтра, вмѣсто кумыса, будетъ раздаваться нектаръ...

— Толкуйте!

— Вы насъ завтраками то третью недѣлю кормите!

— Слышали мы эти пѣсни!

Недужная братія могла сильно разбушеваться, обѣщаніе не успокоило ее; слѣдовало, не теряя времени, дѣйствовать иначе, тѣмъ болѣе, что бушевали не одни только барачники. Залезилъ патронъ; лицо его приняло заискивающе-сладчайшее выраженіе.

Въ числѣ протестующихъ нѣсколько страдалицъ; сами по себѣ онѣ безвредны, но ихъ присутствіе имѣетъ значеніе присутствія дамъ на рыцарскомъ турнирѣ: героизмъ возбуждаетъ. Прежде всего, какъ тонкій дипломатъ, обращается патронъ съ гусарской развязностью къ травиатамъ:

— Mesdames! Я замѣчаю, что вы мало гуляли; движеніе, мотціонъ для организма необходимъ; чтобы пополнить пробѣлъ, я, властію мнѣ данной, разрѣшаю вамъ сегодня танцовать больше и дольше обыкновеннаго. Въ особенности вамъ, Прасковья Александровна, танцовать и танцовать; въ прошедшую среду вы были такая хорошенькая, что я глазъ отъ васъ не могъ отвести...

Просіявшія барыни удаляются съ поля сраженія (какъ гусара не любить!) и увлекаютъ своихъ поклонниковъ.

Смиривъ сердца дамъ, патронъ обращается къ кавалерамъ:

— Ну, Иванъ Андреевичъ, какую въ сегодняшнемъ № Катковъ статью наваялъ, по поводу предостереженія «Москвѣ», просто чудо. Молодець! Молодець! Вотъ сила-то!

Хмурое лицо приверженца Каткова разглаживается.

— Нельзя ли прочесть?

— Еще бы! Я для васъ такъ ее и оставилъ. Человѣкъ! сбѣгай скорѣе ко мнѣ и принеси нынѣшній № «Московскихъ Вѣдомостей». Тамъ, въ кабинетѣ.

И этотъ побѣжденъ.

— Чего вы здѣсь стоите, у буфетчика письмо есть къ вамъ, почта пришла.

Забывъ и этотъ о протестѣ, стремглавъ бросился за письмомъ.

Подошла новая страдалица, отпила глотокъ кумыса и сморщилась.

— Ничего, ничего, это вамъ въ наказаніе, не сводите съ ума больныхъ.

Страдальца расхохоталась и увлекаетъ съ поля битвы еще нѣсколько бунтовщиковъ.

Такимъ путемъ всѣ опасные люди усмирены, всѣ ходятъ довольные, кто съ травятой, кто съ «Московскими Вѣдомостями», всѣ забыли о недавнемъ намѣреніи общими силами возстать противъ совершающихся прелестей. Изъ шумной толпы въ кабакѣ остались три, четыре барачника. Патронъ вздохнулъ свободнѣе; тонъ его мгновенно измѣнился:

— Ужь и вы, господинъ Сыропятовъ, не протестовать ли вздумали? Вы, батюшка, скорѣе деньги-то отдайте, а не то вѣдь я въ бараній рогъ васъ согну...

Сыропятовъ съежился.

Остальныхъ барачниковъ патронъ удостоилъ только взглядомъ, знаменующимъ:

«А вы, дескать, чортъ васъ подери, хоть къ лѣшему подъ хвостъ убирайтесь, такъ мнѣ все едино».

И, торжествующій, потекъ изъ кабачка...

Въ «кабачкѣ» остался одинъ только Исай; онъ что-то бормочетъ на своемъ гортанномъ нарѣчьи. Судя по покачиванію головы, которымъ дикарь провожалъ удалившуюся бурю, его бормотанье можно было перевести такъ: «ахъ! и впрямь».

Вы-де глупы, какъ овече стадо.

Стричь да брить васъ надо».

...Но жара становится все нестерпимѣе и нестерпимѣе, потъ льетъ ручьями, на женскихъ фізіономіяхъ показывается натуральный цвѣтъ кожи, всѣ прячутся по своимъ конурамъ; ложатся спать... Въ раскаленномъ воздухѣ ни одного звука. Только изъ барака № 14, — тамъ покойниковъ ставятъ, — доносится, вмѣстѣ съ тонкими струйками синяго дыма и запахомъ ладана, рѣзко-дребезжащій голосъ: «упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего»... Да оттуда же вырываются порой чьи-то истерическія рыданія...

IX.

Сумерки.—Начало поэзи.

Пять часовъ; жара начинаетъ спадать, раздается новый трезвонъ; зовутъ къ обѣду. И снова,—одни, еле передвигая ноги, хмурые и озлобленные, другіе, вытанцовывая, веселые и сіяющіе,—стекается со всѣхъ сторонъ въ курзалъ недужная братія.

Обѣдъ — это самая торжественная минута недужной жизни, къ ней готовятся всѣ, какъ воины къ предстоящему сраженію: травиаты мѣняютъ костюмы, начальство подзубриваетъ лекціи «объ органическихъ поврежденіяхъ и благотворномъ дѣйствіи кумыса» и изобрѣтаетъ новые стимулы. Хлестаковы заряжаютъ всѣ орудія своихъ неумолкаемыхъ батарей, нѣмцы запасаются «солью» и глубокомысліемъ, старыя нѣмки украшаютъ своихъ Гретхенъ полевыми цвѣтами и проч.

Обѣдъ — это переломъ недужнаго дня, переходъ отъ прозы къ поэзи: мошки становятся менѣ извительны, сплетни исчерпываются, на Божій міръ сходитъ прохлада, въ чернолѣсьи нѣжно воркуютъ горлинки; начиная съ очертанія облаковъ, синѣющихъ горъ и кончая стрекозами, все дышетъ фетовщиной, майковщиной... Любовью, эротическимъ задоромъ начинаетъ тянуть изъ воздуха.

Но пока въ желудкахъ не переварился послѣдній кусокъ баранины, пока не исчезла послѣдняя мошка, пока не раздалась первая трель любимца розы, соловья, пова, наконецъ, ночь не покрыла (выражаясь поэтическимъ языкомъ, благо, часъ такой) міръ темнымъ покрываломъ, страдальцы обоихъ половъ, въ ожиданіи вожделѣннаго часа, сидятъ чинно и иногда предаются даже разговорамъ о предметахъ, «вызывающихъ на размышленіе».

Изъ всѣхъ «вопросовъ поднятыхъ» за послѣднее время, только «женскому вопросу» и нигилизму выпадаетъ еще до сихъ поръ лестная честь служить предметами споровъ и разговоровъ современнаго общества; даже ернически-плаксивый либерализмъ, который щеголяютъ современные дѣятели, есть только отдѣльные раскаты грома, никогда не вызывающіе бури въ слушающихъ; слушатели или молча хлопаютъ глазами, или одобрительно поддакиваютъ этимъ раскатамъ; общая спячка ими не нарушается; мозги, къ великому счастью, остаются благополучно на своихъ мѣстахъ...

Впрочемъ, мы избавляемъ себя отъ труда передавать подробности недужныхъ бесѣдъ «по женскому вопросу» и нигилизму.

Восемь часовъ; добросовѣстнѣйшіе изъ недужной братіи успѣли проглотить стакановъ по десяти *vinum lactis*, задорнѣйшіе изъ сокрушителей «стриженныхъ дѣвокъ» и звѣроподобныхъ юношей разгрузили весь арсеналь. Духотища спала: по аллеямъ парка все длиннѣе и длиннѣе ложится тѣнь отъ деревьевъ; тепло-влажный воздухъ насквозь пропитанъ возбуждающимъ ароматомъ только что скошенной травы... Больные мало по малу скрываются въ собачьи норы; рѣже доносится изъ барака № 14 истерическія рыданія...

Начинается поэзія недужной жизни; разрѣшеніе «женскаго вопроса» вступаетъ въ новый фазисъ.

Отъ стола, горячій споръ за которымъ привлекъ чуть ли не половину недужной братіи, отдѣляются пары... Вотъ одна изъ нихъ усѣлась на широкіе уступы террасы. Послушаемъ, что говорятъ они.

— Я радъ, что и вы ушли. Вся эта ерунда мнѣ страшно надоѣла. Чего только горячатся эти юноши? гдѣ убѣдить дубовыя головы? Здѣсь не убѣжденія, а колъ осиновыя нуженъ... А ну ихъ, впрочемъ!.. Что, какъ вы? больны по прежнему? лучше нѣтъ?

— Не спала я нынче цѣлую ночь, голова болитъ, хандрю, злюсь...

— Я сдержалъ свое обѣщаніе: я думалъ о вашей болѣзни и о средствахъ исцѣленія. Я не стану передавать вамъ всего процесса моихъ размышленій, скажу только одно: въ концѣ концовъ, я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти Эки, Здекауеры, Захарыны и прочія отечественныя и иностранныя знаменитости, васъ лечившія,—весьма плохіе психіатры. Они не жалѣли серебра, желѣза, бобровой струи, опиума и, наконецъ, послали васъ на кумысь. Все это вздоръ, все это дѣлалось въ успокоеніе совѣсти своей и вашей. Нельзя же, по заведенному порядку, по священнымъ традиціямъ, не пичкать челоуѣка микстурами, когда самъ онъ дается въ руки, и еще платить деньги!.. Всѣ эти господа не хотѣли или не могли понять вашей болѣзни, они искали ее,— только жаль, что не тамъ, гдѣ скрывается она. Успокойтесь: у васъ нѣтъ ни бугорчатки, ни катарра, вы больны, но не физически, а нравственно.

— Быть можетъ, вы правы, но гдѣ же средства противъ этой болѣзни?

— Современная медицина ихъ отвергаетъ, но она есть: одно радикальное, другое палліативъ. Первое требуетъ серьезныхъ усилій; весь запасъ вашей воли долженъ быть употребленъ на то

чтобы до конца вести леченіе. Говорю впередъ,—это трудъ огромный, но за то и награда—ему соответствующая: фундаментальное исцѣленіе. Вы говорите, что вы страдаете цѣлые годы, что у васъ болитъ то грудь, то голова, что въ эти годы вы не видали минуты счастья. Согласитесь быть моей пациенткой, согласитесь на первое мое средство и ручаюсь вамъ, — хоть я и самозванецъ-докторъ,—за счастливый исходъ вашей болѣзни.

Самоувѣренный тонъ, искренность, звучащая въ словахъ говорившаго, какъ видно, заинтересовывали молодую женщину.

— Однако это странно. Вы такъ самонадѣянно рекомендуете себя, свое искусство и свой методъ.

— Да, потому что я наблюдаю дѣйствіе моего лекарства надъ другими, я видѣлъ, что женщины, принимавшія его, никогда не обуревались *вашими* болѣзнями. Это средство... Впрочемъ, начну ab ovo. Вы больны потому, что вы богаты.

— Я васъ не понимаю.

— Повторяю,—потому что вы богаты. Я знаю вашъ день: безсодержательность замѣчательная! Отъ васъ удалена вся трудовая сторона жизни, вамъ отказано въ великомъ правѣ думать о завтрашнемъ днѣ. Порхайте и наслаждайтесь! Вы настолько умны, что не можете вполнѣ отдаться этой пошлой жизни, но вы не настолько смѣлы, чтобы оторваться отъ нея. При условіяхъ *вашей* жизни, впечатлѣнія внѣшняго, предоставленнаго въ ваше владѣніе, міра должны скоро притупиться. У васъ они уже притупились. Вамъ нечего воспринимать и анализировать; вамъ остается только работать воображеніемъ. Оно-то у васъ одно и работаетъ. Вчера ястребъ несъ воробья и случайно уронилъ его на вашу книгу. Вы поблѣднѣли какъ полотно, съ вами едва не сдѣлалось дурно (вы не притворялись, я видѣлъ). По привычкѣ, безсознательно и къ вашимъ болѣзнямъ вы относитесь точно такъ же, какъ къ несчастному воробью. Ваши болѣзни—это тѣ же воробьи, принявшіе чудовищную форму; онѣ печальный продуктъ вашихъ безцѣльныхъ мечтаній. Скажите честно: есть доля правды въ моихъ словахъ?

— Пожалуй, отчасти вы правы, но что же дѣлать?

— Вырвать съ корнемъ причину болѣзни; устроить жизнь такъ, чтобы воображенію не оставалось слишкомъ много простора. Когда человѣкъ занятъ, когда онъ долженъ думать о завтрашнемъ днѣ, тогда ему некогда предаваться ни шаловливымъ, ни ужаснымъ мечтамъ, онъ беретъ отъ жизни только то, что даетъ она ему, что можетъ дать.

— Но я бывала занята, я много читаю.

— Книга—отличное средство, но только тогда, когда человекъ видитъ въ ней осязательную пользу; ваше чтеніе не работа, но то же порханье, порханье для краснаго словца. Чтобы уничтожить источникъ вашихъ золь—воображеніе, чтобы спасти вашу душу и тѣло, вамъ нужна работа, не какъ искусство для искусства, но работа дѣйствительная, которой обуславливалось бы ваше существованіе. Она только одна въ состояніи пробудить вашу дремлющую мысль. Но работать такимъ образомъ въ условіяхъ *вашей* жизни невозможно, а потому... Но здѣсь меня объемлетъ страхъ и ужасъ, ибо чую я, что перлы краснорѣчія моего падутъ на каменную почву.

— А можетъ быть и нѣтъ.

— Не вѣрю-сь. А впрочемъ,—благо началъ,—договорю... Итакъ, вамъ надо работать. Теперь скажите: въ чемъ заключаются ваши средства къ жизни? Въ землѣ? Въ выкупныхъ свидѣтельствахъ? Пятипроцентныхъ билетахъ? Впрочемъ это все равно. Прежде всего, вы должны изъ нихъ оставить себѣ только то, что можетъ спасти васъ отъ голодной смерти, надъ остальнымъ же, тѣмъ или другимъ путемъ, совершайте немедленно погребеніе. Въ моментъ—когда вы произнесете надъ бранными остатками минувшаго величія «вѣчную память», ваше здоровье увеличится на 98%. Это мое радикальное средство, что вы скажете объ немъ?

Отвѣтомъ послѣдовало глубокое молчаніе.

— «Легче верблюду пройти въ отверстіе иглы, чѣмъ богатому въ царство небесное!» — полушутя, полусерьезно закончилъ «докторъ».

— Впрочемъ, не отчаявайтесь, — продолжалъ онъ гораздо веселѣе, — вы не безнадежно больная. У меня въ карманѣ есть еще рецептъ; правда, это уже палліативъ, но дѣйствіе его можетъ быть довольно продолжительно; при томъ же онъ не напоминаетъ ни мозолистыхъ рукъ, ни хмурыхъ лицъ, ни грошовыхъ расчетовъ, напротивъ, онъ весь поэзія и прелесть.

— Давайте же его скорѣе, мнѣ такъ надоѣло хворать.

— Не торопитесь; мышьякъ въ малыхъ дозахъ — спасенье, въ большихъ — отравя; мой палліативъ отчасти имѣетъ тѣ же свойства, а потому, онъ можетъ испугать васъ.

— О, вы такой опытный врачъ! Пациенту нечего бояться, чтобъ ошиблась ваша рука.

— Благодарю. Я держу пари, сто противъ одного, что въ настоящую минуту вы никого не любите, иначе вамъ некогда было

бы гамлетствовать съ такимъ усердіемъ надъ собственной особой. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что докторъ долженъ обратиться къ первоначальному источнику вашей болѣзни—воображенію, отвлечь его отъ занятій собственнымъ я, указать другую работу. А потому, въ видахъ вашего исцѣленія, предлагаю вамъ увлечься, сирѣчь влюбиться. Что скажете? Хорошъ мой палліативъ? — Докторъ посмотрѣлъ въ лицо своей молодой пациенткѣ; едва замѣтная улыбка пробѣжала по его тонкимъ губамъ.

— Средство очень хорошее, но вечеръ еще лучше, пойдемте-ка въ степь, видите, благодать какая вокругъ.

Психіатръ подаетъ пациенткѣ руку и, весело смѣясь, скрываются они въ одной изъ аллей парка.

А въ кустахъ въ это время раздаются первыя соловьиныя трели.

Одновременно съ этой парой, отъ стола, вокругъ котораго разрѣшался въ теоріи «женскій вопросъ» и побивался нигилизмъ, отдѣлилось еще нѣсколько паръ.

Картинно прислонясь къ колоннѣ, стоитъ одинъ изъ опаснѣйшихъ сокрушителей покоя травіать. Его поза, его аксельбантъ, съ игрой послѣднихъ лучей заходящаго солнца, — магнитъ. Злодѣй не остался одинокимъ; его давно уже пожирали глаза страдалицы:

— О чемъ вы такъ задумались?

— О многомъ.

— Скажите хоть немногое.

— Извольте: этотъ вечеръ, эта рѣка, этотъ темный паркъ напоминаютъ мнѣ прежніе счастливые годы.

— Когда вы любили?

— Вы угадали. Но, Боже мой, какая страшная разница! Тогда я любилъ, теперь же во мнѣ нѣтъ даже ненависти; мнѣ все равно что бы не дѣлалось со мной и вокругъ меня.

Вмѣсто бальзама на очаровательнаго страдалца падаетъ нѣжный, многоговорящій взглядъ.

— Зачѣмъ же такъ глубоко отчаяваться? Вы еще молоды, предъ вами лежитъ длинная дорога.

Горькой улыбкой отвѣтилъ страдалецъ на нѣжный взглядъ, на слово участія.

— Чего? Повтореніе стараго? Скучно. Усталъ.

Голова страдалца тяжело опускается на грудь. Послѣдовало томительно-сладостное молчаніе съ обѣихъ сторонъ.

— Послушайте: неужели нѣтъ средствъ помириться съ жизнью? Поищите, подумайте хорошенько.

Ожиданіе отвѣта захватило духъ травіаты.

— Мертвецовъ можетъ воскресить только чудо, надо мной это чудо можетъ совершить только женщина.

Лучъ радости скользпитъ по лицу травіаты.

— Вотъ видите ли, не все еще потеряно, осталось дѣло за встрѣчей.

— Да... (небольшая пауза)... Я скажу больше.

Однако не досказалъ злодѣй.

— Что же вы?

-- Нѣтъ... объ этомъ когда нибудь... послѣ...

Травіата топнула ножкой.

— Я разсержусь, если вы не скажете.

— «И ты Брутъ противъ меня!» О, не сердитесь, не отравляйте нынѣшняго вечера.

Въ голосѣ страдальца мольба, укоръ, все, что хотите, но травіата неумолима.

— Договаривайте... или я уйду отъ васъ...

— Но ради Бога...

Въ нотахъ чуть не слезы.

— Не скажете... Хорошо же...

Травіата порывисто сходить съ террасы и плыветъ по аллеѣ; черезъ полминуты ее догоняетъ недужный Чайльдъ-Гарольдъ.

А въ кустахъ въ это время раздаются первыя соловьиныя трели...

X.

Шопоть, ровкое дыханье.

Но это только первыя соловьиныя трели, сумерки недужнаго дня. Смолкли рыданія въ баракѣ № 14. Послѣдній больной сошелъ со сцены и унесъ съ собой послѣдній диссонансъ... Теперь уже повсюду разлита ласкающая ухо и сердце мелодія:

«И ночь, и луна, и любовь,
И темный развѣсистый садъ,
И льется повсюду на насъ
Въ прохладѣ ночной аромать,
И дивно поетъ соловей...»

Да здравствуетъ же поэзія и недужная ночь!

На террасѣ, вся въ бѣломъ, кутаясь въ широкую бѣлую шаль, покоится въ креслѣ страдалица. Мѣсячный свѣтъ обливаешь ее съ головы до ногъ. Барыня томится, вздыхаетъ и изрѣдка кашляетъ. На этотъ разъ ей ужасно, больше чѣмъ когда либо, желательно изобразить Травіату; обстановка очень хорошая: луна, соловьи, паркъ, бѣлое платье, голубое небо, источникъ живой воды. Изъ-за лѣсу медленно выходитъ длинновязый кавалеръ, онъ задумчивъ и тоже желаетъ изобразить нѣчто.

— Вы все еще не спите?

— До сна ли тутъ! Здѣсь такъ хорошо. Посмотрите: небо-то какое, синева-то какая...

«Въ небесахъ торжественно и чудно!

Спитъ земля въ сіяньи голубомъ»...

— начинаетъ декламировать кавалеръ. Окончаніе стиха травіата беретъ на себя:

«Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно —

Жду ль чего? Жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я...»

Тема дана. Разговоръ ударяется въ элегію.

— Да, быть можетъ, на слѣдующій годъ, въ такую же ночь вы, счастливый, любимый, будете, вдали отсюда, любоваться снова голубымъ небомъ, а надо мной въ это время «темный дубъ» будетъ «склоняться и шумѣть». Придетъ ли вамъ тогда на память наша случайная встрѣча, наши долгія бесѣды? Или...

Травіата предоставила кавалеру договорить элегію.

— Что мнѣ увѣрять васъ въ томъ, въ чемъ я увѣрялъ тысячу разъ? Вы не хотите вѣрять, Богъ съ вами! Я буду молчать на ваши оскорбленія.

Дѣйствительно, скорбно замолчалъ.

— Полно, полно... Я такъ. Давайте руку, помиримтесь.

Травіата протянула руку, оскорбленный «покрылъ ее поцѣлуями».

— Уговоръ забыли: дальше словъ ни-ни! Смотрите, на этотъ разъ я больно надеру уши.

— Какіе тутъ уговоры! Скажите мнѣ: скоро ли вы перестанете мучить меня? Скоро ли я услышу отъ васъ...

• Тсъ!..

Травіата показала на кусты: тамъ промелькнуло платье зорко наблюдавшей всю сцену соперницы...

— Однако дѣлается прохладно. Дайте руку! Пойдемте ко мнѣ... еще рано. Поболтаемте.

Ушли... До крови кусала себѣ губы спугнувшая парочку соперница, кусала же она губы потому, что до ея чуткаго уха доносились изъ комнаты

Шопоть, робкое дыханье...

несмотря на то, что въ это время въ кустахъ громко раздавались
Трели соловья.

Въ паркѣ горланять визгливые голоса:

«Я вечеръ въ лугахъ гуляла,

Грусть хотѣла разогнать.

Я цвѣточковъ все искала...»

— Аксютка, ау!

— Ау!

Это бабъ пригнали дорожки чистить. Заколыхались, взбудораженные бабами и киргизской «бузой», людскія страсти; какъ угорѣлая, забѣгала мужская половина недужной братіи:

— Айда скорѣе!

— Куда?

— Да скорѣе же, чортъ, бабъ пригнали!..

Пробираются джентльмены различныхъ возрастовъ туда, откуда несутся неугомонно-визгливые голоса... Каждый изъ джентльменовъ имѣетъ образъ kota, крадущагося къ мясу: рожа невиннѣйшая. Устигнули которагонибудь:

— Куда это вы, батюшка?

— Время хорошее, прогуляться.

А самъ въ кусты юркнулъ.

И слышится:

— Што ты лѣзешь, баринъ, я тѣ поднесу...

— Сердитая какая! Ты вишь, я ласковый и ты будь ласковая.

— Баю, не замай!

Въ другомъ углу:

— А ты ласы-то не точи, видала я вашего брата, стравулистовъ, много... Ты толкуй дѣло...

А тамъ недалеко, въ двухъ-трехъ шагахъ только:

Шопоть, робкое дыханье,

Трели соловья...

Наложивъ на глубокія борозды толстый слой румянъ, забывъ

дочь, что одинокая лежитъ въ непривѣтливо-больничномъ номерѣ, перетянутая, разодѣтая старая грѣшница ласкаеть «въ тѣни дре-весь» слухъ свой соловьиными трелями да сладкими рѣчами заѣз-жаго франта:

— Повѣса! вы все шутите: въ мои ли годы любить.

Граціозный ударъ вѣромъ.

— Для любви нѣтъ срока! Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ лѣтъ! Я знаю только одно, что ваши глаза сулятъ океанъ счастья и блаженства тому, кто...

Истома и вздохъ.

— Но не мнѣ!

Глубокое отчаяніе...

— Вамъ вѣрить нельзя, вы всѣ обманываете насъ, бѣдныхъ жен-щинъ! Ахъ какая божественная луна! Да взгляните же...

«О мѣсяць, мѣсяць сколько разъ,
Ты въ небѣ весело сіяешь,
Но какъ ты мало свѣтлыхъ глазъ,
Какъ много слезъ ты озаряешь!»

чомкаютъ старія губы...

— Что мнѣ за дѣло до мѣсяца! Я вижу только васъ однихъ!

Порывъ неудержимой страсти...

Вваливается непрошено Исай:

— Барынь, ходы къ своя дѣвка. Наша не замай!

Шалунъ скромно ступшевывается...

А въ кустахъ назойливо раздаются

Трели соловья...

Въ вокзалѣ гремитъ музыка, недужная братія пляшетъ на про-палую...

На одномъ изъ дивановъ сидитъ пухлая барышня, съ пухлымъ приданымъ и съ пухлой розой въ рукахъ. Глаза барышни ищутъ кого-то.—А! вотъ и онъ, «избранныкъ юнаго сердца».

— Дайте мнѣ розу.

— Зачѣмъ она вамъ?

— На память объ васъ.

Роза переходитъ къ избраннику.

— Роза завянетъ, листики ея опадутъ и я буду забыта.

— Полноте, развѣ я такой. Взгляните на меня, ну взгляните.

Барышня поднимаетъ глаза на избранника и снова опускаетъ ихъ.

— Такой ли я, какъ другіе?

— Нѣтъ... вы лучше ихъ.

Избранникъ наклоняется ближе и что-то тихо шепчетъ; барышня, краснѣя, слушаетъ его.

— Пойдемте въ паркъ...

Пошли... А изъ ближнихъ кустовъ доносится до нихъ:

— Что вы дѣлаете? Развѣ это можно?

— Вѣдь я люблю васъ... Я не святой...

— Нѣтъ... нѣтъ... Ради Бога...

Но слились слова... Въ концѣ концовъ вездѣ и всегда слышатся только

Шопотъ, робкое дыханье...

А надъ ними, выше все, покрывая собой—

Трели соловья...

XI.

Жизнью пользуйся, живущій!

Много поэзіи, много нѣжныхъ, ласкающихъ штриховъ въ будничномъ недужномъ днѣ, но еще болѣе этой поэзіи въ дняхъ, входящихъ по своему содержанію изъ уровня обыденныхъ.

По степи несется нѣсколько длинныхъ дрогъ, лихія тройки всѣ въ мылѣ; шарахнувшееся въ сторону стадо съ удивленіемъ и ужасомъ смотритъ вслѣдъ промчавшейся бурѣ и трезвону... Это мчится недужная братія, цѣль ея странствованія—синѣющей вдали лѣсь. Бубенцы и колокольчики не заглушаютъ говора и смѣха... Вспарившіяся лошади пошли въ гору шагомъ; кумысь, отъ тряски и жары, шипятъ и порой бьютъ фонтаномъ; мошки налетаютъ густыми роями; матерая травіата достаетъ огромное тюлевое покрывало и окутывается имъ съ головы до ногъ; подъ тѣмъ же покрываломъ находятъ себѣ пріютъ и матерый избранникъ матераго сердца...

Вздохнувшія лошади снова помчались вскачь. Одновременно раздаются: «пафъ!» и страшный визгъ подъ чадрой...

Занавѣсъ падаетъ: но глупо-изумленнымъ фізіономіямъ влюблен-

ныхъ, пріотившихся подъ чадрой, обильно текутъ молочные потоки. На этотъ разъ кумысъ сыгралъ скверную шутку: фонтаномъ, прямо въ фізіономіи, брызнувшія струи прервали горячій поцѣлуй... Но веселье этимъ только увеличивается.

Вотъ и лѣсъ, вотъ и избы «стрѣлковъ». Густыми толпами валить къ лѣсу недужная братія; юный телець, испуганный ея появленіемъ, выскакиваетъ изъ-за плетня и, задрвавъ хвостъ, лупить по полю.

— Ахъ, какой хорошенькій барашекъ! — вскрикиваетъ дебелая страдалица и лупить за юнымъ тельцомъ.

Добродушный хохотъ, телець оказывается быстрѣе.

— Мг А-чъ! приведите мнѣ...

— Кого?

— Барашка.

— Полно вамъ; какой это барашекъ, это теля.

— Я васъ слушать, слушать не хочу..

Тридцатилѣтнее дитя раздражительно-мило топаетъ ножкой. Мг А-чъ и еще нѣсколько мусьѣ пускаются за теля... Ристалище вызываетъ громкія рукоплесканія... Бѣглеца влекутъ, дитя бросается цѣловать его.

Пошли игры: горѣлки, мячъ... Кавалеры соперничаютъ въ ловкости и энергіи, дамы въ граціи и наивности... Всѣ хохочутъ, всѣмъ весело, за исключеніемъ одной...

Вдали показалось облако пыли, ближе и ближе... Въ пыли обрисовывается фигура несущагося во весь опоръ наѣздника.

— *C'est lui!* — шепчутъ тоскуюція уста устамъ веселымъ.

Дѣйствительно, *c'est lui*, но *lui* неузнаваемъ, — это степной Малекъ-Адель: на его ногахъ высокіе ботфорты со шпорами, на головѣ алжирка; темная блуза туго перетянута широкимъ ремнемъ; за поясомъ пара пистолетовъ; за спиной—винтовка. Низко припавъ къ сѣдлу, весь въ пыли, несется Малекъ-Адель, изъ его груди вылетаютъ не человѣческіе звуки; вѣтеръ во всѣ стороны развѣваетъ его длинную, густую бороду...

Малекъ-Адель останавливаетъ передъ дамой сердца взмыленного коня и салотируетъ саблей...

Всеобщее «ахъ!» служить ему наградой...

Здѣсь поля мирныя, это подшучиваетъ все тотъ же злодѣй-кумысъ...

Теперь уже всѣмъ хорошо: на густой муравѣ рѣзвятся неудержимо козочки, догоняютъ ихъ козелки. Прислонясь къ высокому

клену, стоитъ задумчиво съ ногъ до головы вооруженный Малекъ-Адель, весело щебечетъ ему что-то страдальца.

Привезенные припасы съѣдены, весь кумысъ выпить; желудки полны; въ сердцахъ любовь и тишина; мечтають (вслухъ) о томъ, какъ бы хорошо съ этой живописной картины невозмутимаго мира и дружбы снять фотографію... Сходитъ ночь; могучій, почти дѣвственный лѣсъ смотреть еще торжественнѣе. Вдали, въ полѣ зажглись огни, доносится откуда-то пѣсня; ближе бьетъ перепелъ. Поднимающийся съ рѣки туманъ принимаетъ грандіозно-фантастическіе образы. Мѣсяць полнымъ снопомъ льетъ лучи съ высокаго, безоблачнаго неба...

Игры смѣнились разказами, деботируютъ разбойники, лѣшіе, русалки. Дамы пугливо жмутся къ кавалерамъ: изъ-за каждаго куста таращитъ на нихъ глаза рожа страшилища.

Малекъ-Адель запѣлъ, и всѣ притихли...

«Клянусь я сердцемъ и мечомъ!
Иль на щитѣ иль со щитомъ!»

— ореть наѣздникъ и эхо вторить его оранью...

Въ высокой, душистой травѣ засвѣтился свѣтлякъ, ближе другой; еще и еще, цѣлыя сотни бриллиантовъ загорѣлись на темномъ фонѣ зелени. Восторгъ неударжимый.

— Что это? А тамъ-то, тамъ-то? Что же это такое?—раздаются со всѣхъ сторонъ женскіе, мелодичные голоса.

— Жучки-свѣтляки.

— Они жгутся?

Идутъ увѣренія, что не жгутся; травяты сначала не вѣрятъ, наконецъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ доводовъ убѣждаются.

— Ради Бога, поймите мнѣ!

— И мнѣ!

— И мнѣ!

Жучки наловлены и наложены въ шляпки.

— А днемъ они свѣтятъ?

Новая тема для остроумія.

— Посмотри Магіе, какъ хороши свѣтляки на шляпкѣ. Неужели ихъ нельзя класть, вмѣсто этихъ противныхъ бусъ. Вѣдь это было бы прелесть.

Магіе не только согласна, но идетъ дальше: она серьезно предполагаетъ внести билль объ употребленіи свѣтляковъ,—не смотря на старанія ученаго нѣмца просвѣтить неученую публику:

— Особь эта имѣетъ принадлежность къ семейству жестокри-
лихъ и прозывается свѣтящійся жучокъ — lamprugus. Главнѣйшее
свойство жучка—это выпускаваніе...

Но опять-таки никто не хочетъ знать нѣмецкой премудрости.

Не до прозы теперь!

— Я оставляю этого свѣтляка на память нынѣшняго вечера.
Слышите?

— А я и безъ того его не забуду.

И молодая головка, какъ бы нечаянно, отъ усталости падаетъ
на мужское плечо,—мужская голова наклоняется къ этой головкѣ.
Тихій поцѣлуй; изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ привѣтливо глядятъ
прекрасные сѣрые глаза... Но поздно, пора домой. Отдохнувшія
тройки помчались еще быстрѣе въ ночной прохладѣ...

— Стой!

Засмотрѣвшаяся на луну страдалица потеряла шаль... Ктожь
возьметъ помочь горю?

— «Я,—молвилъ витязь черноокій».

Присяжная отстегнута и черноокій витязь исчезаетъ во мглѣ.

Возвратились; опять всѣмъ весело; только одна страдалица, по-
терившая шаль, заложивъ бѣлыя руки, въ глубокомъ отчаяніи
стоитъ на террасѣ:

— Боже мой! Что я надѣлала! Зачѣмъ я не остановила его?
Онъ погибнетъ, собьется съ дороги? Его растерзають волки... —
въ отчаяніи ноетъ страдалица.

Напрасно утѣшаютъ страдалицу, напрасно говорятъ, что тутъ
слѣпому нельзя сбиться, что лѣтомъ волкъ безопаснѣе теленка; не
слушаетъ она.

На горизонтѣ блеснула зарница; отчаяніе страдалицы не знаетъ
предѣловъ: ей уже мерещится освѣщенный молніей, изтерзанный
трупъ героя, ей уже слышатся заглушаемые страшнымъ воемъ,
последніе стоны безвременно погибшаго...

— Пріѣхалъ! пріѣхалъ! — раздается нѣсколько голосовъ.

Возвратившагося героя ведутъ съ торжествомъ подъ руки; стра-
далица бросается къ нему на встрѣчу... Взглядъ... но этихъ взгля-
довъ я не умѣю передавать...

.... Источникъ живой воды въ ужаснѣйшей ажитации: изъ бу-
фета ежеминутно вытаскиваются корзины и кульки, изъ которыхъ
краспорѣчиво выглядываютъ бутылки;—недужные кавалеры ведутъ
оживленные споры: чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе: коньяку,
портеру, или шампанскому? недужныя дамы съ тоской и мольбой

наблюдаютъ небеса (а ну какъ дожди!). Бараны, чуя участь, долженствующую постигнуть жирнѣйшаго и достойнѣйшаго изъ нихъ, издають жалобное блеяніе, патронъ суетится и потираетъ руки.

— Сегодня жарится въ степи шашлыкѣ!

Окончены сборы. Наступила ночь звѣздная, свѣтлая, съ такими волшебными измѣненіями свѣто-тѣни, съ такими ароматными, теплонѣжущими струями, съ такимъ мелодичнымъ концертомъ, о которыхъ намъ, жителямъ Петербурга, конечно и не снилось никогда на берегахъ Невы и Черной Рѣчки.

Въ степи пылаетъ громадный костеръ; на коврахъ вокругъ него разлеглись въ живописныхъ позахъ: ученый патронъ, Хлестаковы, Печорины, Ротшильды, непонятые геніи, дамы, шествующія по стези добродѣтели, дамы, намѣревающіяся шествовать по этой похвальной стезѣ... словомъ, почти вся недужная соль, квинтъ-эссенція степенной аристократіи. Въ сторонѣ чумазый Исая кромсаетъ барана, въ сторонѣ же красуется внушающая уваженіе батарея всевозможныхъ бутылокъ, изъ-за которой стыдливо выглядываетъ единственная фляга башкирской живой воды. Рѣчи страдалцевъ и страдалницъ шумны, энергія и граціозность движеній перешла въ излишнюю развязность и разнузданность ¹⁾.

— Silence! Надежда Павловна начинаетъ пѣть!

«Уймитесь волненія страсти!

Засни безнадежное сердце!»

— раздается въ ночной тишинѣ...

Травиата кончается... Но ея мольбы къ небесамъ оказываются тщетны: страсти идутъ *crescendo*.

— В-р-а-в-о!!!

— Господа! mesdames! Надежда Павловна просила страсти унять-ся, я же предлагаю тостъ: за здоровье волнений и страстей. Ими только и красна жизнь. Идетъ что ли?

¹⁾ Повидимому, ригоризмъ, изгоняющій журнальныя статейки изъ курса леченія, не совсѣмъ вяжется съ допущеніемъ въ тотъ же курсъ коньяку и шампанскаго, но это только повидимому;—на самомъ же дѣлѣ и то и другое направлено къ одной благой дѣли—исцѣленію человѣчества: послѣ бурь и грозъ очищается воздухъ, природа начинаетъ жить новой жизнью, въ ней прибавляются силы; такую же роль для человѣческаго организма играютъ пертурбаціи (выпивки); благотворное дѣйствіе *las fermentatum* обуславливается восприимчивостью организма, восприимчивость же организма обуславливается измѣненіемъ впечатлѣній... Только узкіе педанты и ригористы не могутъ понять, что можетъ составить расходъ и что доставитъ доходъ.

— Идетъ!

Стаканы налиты.

— И такъ: во здравіе волненій и страстей! Ура!

— У-р-а!!!

Шашлыкъ изжаренъ и розданъ недужной братіи.

— По правиламъ, шашлыкъ слѣдуетъ запивать кумысомъ. Наливай, Исай!

— Къ чорту кумысь! Не надо! Шампанскаго!

Въ дребезги разбитая фляга орошаетъ «живой водой» тучную пажить.

— В-и-и-а!!!

Новая круговая.

— За здоровье развеселаго недужнаго житья! Ура!

— У-р-а!

— Нуте-ка, господа, веселую! Анна Александровна, соловей нашъ, начинайте...

Folichon, Folichonette...

Электрической искрой пробѣгаютъ по жиламъ конфертативные звуки французской пѣсенки: физиономіи нервно подергиваются, ноги неудержимо стремятся въ плясь...

Gail Gail Gail...

— подхватываетъ хоръ...

И пошла вся эта общественная чистоплотность, всё эти травяты и страдальцы -- откалывать разухабистый канканъ.

... Занималась зоря, а въ степи все еще рисовались силуэты недужной братіи, -- все еще пьяныя пѣсни, говоръ и гиканье не давали покоя тѣмъ, кто въ двадцати саженьяхъ дотягивалъ послѣднюю пѣсню...

Взошло солнце и освѣтило нѣсколько поверженныхъ труповъ. Трупы убрали, -- въ степи же осталась, въ pendant къ другимъ, новая пирамида разбитыхъ бутылокъ, краснорѣчиво, хотя и молча гласящая: «милый путникъ! не обѣгай съ ужасомъ эти мѣста, здѣсь весело страдаютъ!»

XII.

МЕРТВЫЙ ВЪ ГРОВѢ МИРНО СПИ!

Славно живется недужной братіи!..

Не дурно, весьма не дурно... Одно только скверно, что сіи «прекрасныя мѣста» все-же суть источники живой воды и что къ симъ прекраснымъ мѣстамъ все-же, Богъ вѣсь зачѣмъ, тянется дѣйствительно страждущее человѣчество.

Веселенькій пейзажикъ недужной жизни былъ бы еще веселѣе, если бы съ картины исчезъ баракъ № 14-й: травіаты могли бы вплоть до бѣлой зори слушать соловьиныя трели, — ихъ пылкому воображенію не чудилось бы, что около барака кто-то стонетъ, что изъ дверей его выходитъ на встрѣчу, въ саванъ закутанный, жалець не отъ міра сего; шумная, нарядная толпа смотрѣла бы еще праздничнѣе, если бы порой не пробиралась черезъ нее многоговорящая фигура попа.

Впрочемъ, смерть и разрушеніе не всегда останавливаютъ расходившуюся недужную братію. Тончайшія произведенія кулинарнаго искусства не удовлетворяютъ испорченнаго желудка обжоры; притупившійся аппетитъ возбуждается дохлятиной, ассафетидой. То же явленіе, въ другой только формѣ, случается встрѣчать вблизи источниковъ живой воды. Наскучивъ обыденными наслажденіями, роняетъ иная добродѣтельная искательница сильныхъ ощущеній свой взглядъ на случайно встрѣтившагося юношу. Дни юноши сочтены; холодомъ могилы, разлагающимся трупомъ уже вѣетъ отъ него; вѣтъ нужды... Это ассафетида для гурмана... Радужный лучъ, падая, играетъ на синевато-блѣдномъ лицѣ, начинается кощунская забава, своеобразная гальванизация трупа...

Но это исключеніе.

Масса недужной братіи старается игнорировать существованіе смерти, старается далече отогнать все, что напоминаетъ ее.

Не всегда только это удается.

Изъ курзала валитъ развеселая толпа; здоровье брызжетъ на всѣхъ лицахъ; говоръ и смѣхъ слышатся на далекое пространство. Одинъ изъ веселой компаніи взглянулъ на террасу — и разомъ смолкнулъ, невольно обернулись и остальные головы по тому же напра-

вленію и на всѣхъ представившаяся картина послѣдней борьбы между жизнью и смертью произвела одинаковое впечатлѣніе: на лицахъ, какъ тѣнь въ степи отъ облака, пробѣжало серьезное выраженіе; всѣ притихли...

На террасу вынесли умирающаго; облитое свѣтомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей молодое, прелестное лицо казалось еще лучше, еще прелестнѣе; высоко поднимавшаяся грудь умирающаго жадно упивалась въ послѣдній разъ струями ароматовъ, доносящихся изъ темной лѣсной чащи... Молодость, освѣщеніе, зелень, безмолвіе страданія ступевали съ этой картины все, что есть у смерти страшнаго, отталкивающаго; лампада догорала тихо; здѣсь не молили; не проклинали...

Прислонясь къ столбу, стоялъ противъ умирающаго старикъ отецъ: онъ ловилъ каждую тѣнь, пробѣгающую по молодому лицу, каждый вздохъ разбитой груди... Трудно, невозможно передать выраженіе лица старика, обманывавшаго себя, обманывавшаго умирающаго сына.

Солнце сѣло за высокою горой; умирающій закрылъ глаза... Съ послѣднимъ лучемъ, исчезнувшимъ съ лица умирающаго, печальная истина выступала во всей наготѣ; это лежалъ уже трупъ... Какъ плети, опустились руки старика...

Живая картина смерти продолжалась нѣсколько мгновеній, но на цѣлый вечеръ съежилась, прикусила язычки веселая пошлость... Еще болѣе съежилась она, когда черезъ два дня въ развеселомъ хорѣ недужной жизни загремѣли всѣмъ извѣстные, торжественно величавые звуки: «со святыми упокой», когда въ 14 № лежалъ уже дѣйствительный трупъ и около него такъ же молча, съ выраженіемъ того же страшнаго отчаянія, стоялъ старикъ отецъ. Ни у кого даже не шевельнулся языкъ прервать святую тишину вопроса: кто онъ былъ? откуда? что сломило молодую жизнь? только, послѣдней данью безвременно погибшей молодости, чьи-то добрыя руки нанесли цвѣтовъ и щедро усыпали ими гробъ...

Впрочемъ, большинству умирать у источниковъ живой воды такъ не приходится: вѣдь это смерть съ участіемъ, съ цвѣтами...

Въ курзалѣ тише обыкновеннаго; всѣ стараются скорѣе обратиться въ лѣсъ, въ степь.

На одномъ изъ дивановъ, лежа, ожидаетъ обычной визитаціи новый гость; на-лицо ему около сорока лѣтъ; не смотря на духоту, онъ закутанъ въ теплое пальто, на ногахъ его теплые сапоги; почти все время, въ продолженіе часовъ двухъ, больной лежитъ

въ забытїи; около дивана огромная лужа желто-зеленой мокроты. Еслибы не дышалъ больной, его можно было бы принять за трупъ...

Явился ученый мужъ, подошелъ къ больному и положилъ ему на голову руку.

Больной тяжело поднялъ вѣки...

— Доктора мнѣ... лечиться желаю...

Ученый мужъ пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ и скорчилъ ¹⁾ кислую физиономію.

— Гмъ!.. Да... Я вполне понимаю вашу болѣзнь, но, въ сожалѣнію, не могу принять васъ... Я, для вашей же пользы, долженъ рекомендовать общую больницу...

— Мое... начальство... отправило меня... сюда...

Больной произнесъ очень громко слово «начальство», заставившее круто повернуть ученыхъ воззрѣнія.

— Впрочемъ, позвольте мнѣ тщательнѣе осмотрѣть васъ.

Мертвеца взяли подъ руки и увели въ другую комнату. На этотъ разъ постукиванье и пощупыванье привели къ лучшимъ результатамъ, кислая физиономія эскулапа превратилась въ глубокомысленную.

— Да, безспорно болѣзнь серьезна, но я надѣюсь, при помощи кумиса, восстановить вашъ организмъ... О, кумысъ... и т. д.

Но логика разрушенья, конечно, смѣялась надъ «благотворнымъ» дѣйствіемъ живой воды, она неумолимо дѣлала свое дѣло: сосѣдямъ покоя не было отъ страшнаго кашля, отъ страшныхъ стоновъ умирающаго:

— Домой!.. Дѣти! дѣти!..—звалъ онъ.

Но на зовъ не отвѣчался никто: одинокому, какъ всѣмъ брошенному псу, приходилось встрѣчать смерть.

Больного перевели въ самый дальній уголокъ (не слышать стало его стоновъ), а чтобы очистить совѣсть, добыли у «начальства» дѣвчонку лѣтъ 18, сидѣлку.

Въ комнатѣ грязь, гадость; пыль слоями лежитъ на полу, на койкѣ; степной вѣтеръ, врываясь въ щели, задуваетъ нагорѣвшую свѣчу; на жесткой, набитой сѣномъ подушкѣ мечется и стонетъ умирающій; около него нѣтъ никого: страшно оставаться дѣвчонкѣ

¹⁾ Трудно-больныхъ не дообливаютъ у источниковъ живой воды: они портятъ общее впечатлѣніе и требуютъ большого ухода. Трудно-больной—это трупъ на крестьянской межѣ.

съ умирающимъ, да и поджидаетъ ее каждый вечеръ подъ «кущею древесъ» страдалецъ.

— Ты брось его; такъ и скажи хозяину: онъ, молю, меня самъ панимаетъ, жалованье мнѣ хорошее даетъ: десять рублей... А ужъ какое я тебѣ важное платье куплю!.. напѣваетъ страдалецъ дѣвчонкѣ до бѣлой зори.

Безконечно тянется ночь для умирающаго, никто не заглянетъ къ нему. Только, схватясь за рѣшетку окна, слѣдитъ изъ парка за его предсмертной агоніей какая-то женщина. Непреодолимая сила влечетъ и удерживаетъ ее передъ картиной послѣдней борьбы; она изучаетъ симптомы агоніи, слушаетъ, какъ хрипитъ умирающій; въ ея болѣзненно-горячечномъ мозгу рисуется такая же безпомощная одинокая смерть...

— Ножъ! Ножъ дайте мнѣ! — съ скрежетомъ, послѣднимъ словомъ вырывается у умирающаго...

XIII.

СВЕДЕНІЕ СЧЕТОВЪ.

Чѣмъ же завершается жизнь недужной братіи у источниковъ живой воды?

Ночи становятся темнѣе; съ рѣки тянетъ сыростью и холодомъ; въ лѣсу показывается желтый листъ; солонья не поютъ; степные зефиры прохватываютъ насъвозъ; въ собачьихъ жилищахъ становится нестерпимо угрюмо и холодно; чтобы пополнить недостатокъ дровъ, больные жгутъ все, что попадаетъ подъ руку, не спасаются даже носилки, на которыхъ таскаютъ мертвыхъ. Одни изъ недужной братіи раздобыли, другіе, прихвативъ къ старымъ новыя болѣзни, еще болѣе озлобились, вытянулись и исхудали, третьи отравились на погостъ... Около вѣсовъ — постоянно толпа народу; скептицизмъ въ «благотворное дѣйствіе» *vinum lactis* выражается очень громко и рѣзко; недужное начальство съ каждымъ днемъ становится любезнѣе, его лекція о необходимости повторенія кумысолеченія—длиннѣе и ученѣе; гигиеническіе стимулы—замысловатѣе; кумысъ — менѣе походитъ на бурду и укусъ. Кормятъ не въ проголодь, баранина почти исчезла со стола. Даже на физио-

номіи Исаа показывается заискивающая улыбка. Между пациентами происходит «слияніе сословій», но поэтической колоритъ исчезъ безвозвратно: большинство успѣло надобѣсть другъ другу.

Приближается для всѣхъ часъ расплаты... Старый шалуннша, что еще такъ недавно дулъ кумысъ не иначе, какъ злодѣйски поглядывая на травіату и декламируя при этомъ:

Пью за здравіе Мери!
Милой Мери моей!

— присмирѣлъ, лебезить около супруги.

— Подожди! дай только въ Москву пріѣхать, пилить его, по случаю близкой отъѣздки домой, поднявшая голову супруга, — я тебѣ покажу, кто для тебя «душа и сила!» Ты у меня побѣдешь въ другой разъ на кумысъ...

Начинаются сборы...

Главная жила бьетъ уже не въ «кабачкѣ», но въ буфетѣ, около конторки; сюда переносятся протестаціи, отсюда же, точно изъ бани, выскакиваютъ красныя, свирѣпыя фізіономіи.

— Это чортъ знаетъ что такое! Грабежъ! Взгляните, что на меня приписали, — вырывается у каждаго, побывавшаго у конторки.

Вообще «развеселая» жизнь заканчивается, наступаетъ періодъ гамлетизма; лица недужной братіи озабочены, посреди веселаго смѣха пробѣгаютъ тучки, плохо спится, полюбились одиночное уединеніе, бѣгаютъ дальше отъ людей, особенно если между листовкой промелькнетъ знакомый образъ; во многихъ глазахъ показался скверный, мазурническій огонекъ: что-то недоброе предвѣщаетъ онъ. Свѣтлый міръ соловьиныхъ трелей начинаетъ исчезать, сквозь буколію пробивается дѣйствительность, *за тѣнѣдомъ*, настоятельно требующая разрѣшенія неожиданно возникшихъ вопросовъ... Малекъ-Адели, Печорины, эпикурейцы, Чайльдъ-Гарольды, Травіаты превращаются въ практическихъ дѣятелей. Даже обладатели толстыхъ кармановъ помышляютъ о томъ, чтобы во тьмѣ ночной задать лынка ..

Уединяющіеся злобны и свирѣпы до послѣднихъ степеней, къ выводу — «задать лынка» — приходятъ они путемъ знаковъ восклицаній и постановки короткихъ вопросовъ:

— И все это проклятыя «трели соловья»! Дернула же меня не-легкая!.. Родить еще! Вотъ и расквитывайся! Ну жениться? А тамъ что? Что у ней? Шишъ! Три мызы? Экая мерзость! Эхъ болванъ! Лынка что ли задать? Ну, а если?...

Но посреди этихъ гнусныхъ размышленій и вопросовъ придуть на память тѣ славныя, еще недавніе вечера, когда въ тѣни той же аллеи, на той же скамьѣ, къ плечу склонялась молодая головка; припомнятся тѣ страстныя рѣчи, благодаря которымъ эта головка такъ любовно склонялась на грудь, такъ довѣрчиво представляла себя подъ страстные поцѣлуи, тѣ «трели соловья», что заглушали душу захватывающій «шопоть, робкое дыханье».

— А вѣдь хорошо жилось тогда?

И по лицу пробѣгаетъ лучъ, честиѣ становится оно.

— А теперь?

И снова рожа дѣлается свирѣпой.

— А все трели проклятыя, чтобъ имъ провалиться!

Въ одной изъ самыхъ дальнихъ аллей «сумраченъ, тихъ, одинокъ» прохаживается «сокрушитель» юныхъ и не юныхъ сердець; глупо коварствующая улыбка давно исчезла съ его толстыхъ губъ; демонизмъ ступевался; усы стали рѣже, они жестоко отдуваются за размысленіе. «Сокрушитель» настолько погруженъ въ свои думы, что не слышалъ шелеста платья, оглянулся, но уже поздно, юркнуть некуда; на лицѣ его промелькнуло нѣчто ернически-трусливое:

«Эхъ, чортъ возьми, попался!»

Нѣсколько секундъ продолжается неловкое молчаніе: объѣмъ сторонамъ хотѣлось бы многое сказать, да словъ въ запасѣ не было.

— Гдѣ вы, Serge, скрываетесь цѣлые дни?

«Сокрушитель» желаетъ по прежнему многозначительно, ядовито улыбнуться, но ядовитая улыбка не вытанцовывается; желаетъ сказать ядовитое слово, и слово не вытанцовывается:

— Я нигуда... здѣсь все... Голова у меня болитъ.

Дѣвушка смотритъ въ глаза «сокрушителю».

— Скажите, Serge, отчего въ послѣдніе дни вы такой все не веселый?..

Первые, самые сверные моменты прошли, «сокрушитель» успѣлъ оправиться, поднять голову.

— Чего мнѣ веселиться! Вы знаете, какъ много надо, чтобы вызвать у меня смѣхъ, улыбку.

Дѣвушка слѣдовало бы сказать: «а не ты ли такъ весело смѣялся здѣсь, въ этой же самой аллеѣ? Не ты ли говорилъ мнѣ, что моего взгляда достаточно тебѣ, чтобы забыть все? Или ты лгалъ тогда? или ты лжешь теперь?»

Но она не сказала этого.

— Serge! Что вы думаете дѣлать?

— Будущее такъ скверно, что я довольствуюсь настоящимъ.

— Неужели нѣтъ средствъ сдѣлать будущее лучшимъ?

— Скажите, я буду по гробъ вамъ благодаренъ...

«Нѣтъ, не любить онъ меня, не спросилъ бы онъ этого!» — мелькнуло въ головѣ дѣвушки.

— Вы говорили мнѣ, Serge, на этой же самой скамьѣ, — о! я такъ хорошо помню мѣста нашихъ свиданій, — что до встрѣчи со мной жизнь была для васъ тяжелой ношей, именно потому, что рядомъ съ вами не было женщины, которая бы искренно любила васъ. Вы знаете...

«Сокрушитель» не далъ договорить.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но вы должны знать меня лучше другихъ. До сихъ поръ лучшая сторона моей жизни заключалась въ свободѣ, въ независимости; я не привыкъ себя стѣснять ни въ чемъ; отдаваясь вполне вамъ, я утрачиваю часть моей свободы, моего счастья.

«Такъ зачѣмъ ты прежде-то пѣлъ другія пѣсни?» слѣдовало бы опять бросить въ лицо франту.

— Чѣмъ же васъ, Serge, можетъ стѣснить любящая женщина? Ей будутъ дороги ваши привычки, она постарается приноровить себя къ нимъ. Да, наконецъ, если вы и должны будете стѣснять отчасти себя, такъ развѣ это не вознаградится? Ваши средства къ жизни такъ хороши, что...

«Дудки, матушка, у тебя-то только одинъ длинный шлейфъ!» предрѣшилъ «сокрушитель».

— Я привыкъ одинъ жить на мои средства, они будутъ недостаточны, если придется жить вдвоемъ, а можетъ и больше. Я же умѣю только проживать.

— Такъ до сихъ поръ; но развѣ, во имя любви, не можетъ произойти перемѣна благотворная для васъ самихъ же, вы будете работать...

— Я несправимъ.

Оба замолчали; «все кончено, онъ обманывалъ, онъ не любилъ меня!» рѣшила дѣвушка. — «Чего тутъ тянуть-то! Пора кончать!» рѣшилъ сокрушитель.

— Вы знаете... Я завтра ѣду... И счетъ получилъ.

Сокрушитель, въ доказательство, вынимаетъ изъ кармана счетъ.

— Завтра? Какъ же это?

Сокрушитель какъ будто не слышалъ восклицанія.

— О-о! сколько же они тутъ понаписали! надо браниться идти.

Опять молчаніе; дѣвушка сидѣла, низко опустивъ голову; фигура недужнаго героя имѣла жалчайшій видъ. Она изображала: «да отпусти же ты, Христа ради, мою душеньку на покаяніе, вѣдь ничего со мной не подѣлаешь.»

— Я надѣюсь, что мы... гора съ горой... Обстоятельства...

Опять ничего не вышло, кромѣ глупаго перемижанія съ ноги на ногу.

— Идите, расплачивайтесь... Собирайтесь въ дорогу... Чего же вы стоите? Идите-же!—почти закричала дѣвушка.

Сокрушитель тихо удалился; его походка изображала страдающую задумчивость; завернувъ за уголь, онъ ускорилъ шаги и вальнулъ почти бѣгомъ.

— Ухъ! Слава Богу!—отдѣлался наконецъ!

Не отводя губъ, онъ вытянулъ чуть не полведра вумса. Кумысь нѣсколько успокоилъ его.

— Брата только нѣтъ ли у ней?.. Ну, да...—сокрушитель только свиснулъ: «ищи-де меня!»

По уходѣ «избранника сердца», дѣвушка подняла голову, почему-то ей вспомнилась послѣдняя сцена Кречинскаго: «сорвался!» Закусивъ губы, она тихо пошла по аллеѣ, подъ ногами хрустѣлъ желтый листъ. «Двадцать шестой!... Неужели же никогда?»—подумала она.

— Не можетъ быть!—вслухъ отвѣтила на свою мысль дѣвушка и разорвала батистовый платокъ.

Увы, это была пошлая сцена пошлой комедіи. Сокрушитель былъ лишь настолько глупъ, что не могъ понять ея дѣйствительнаго смысла.

Хотя и рѣдко, но слышатся вблизи источниковъ живыхъ водъ и болѣе искреннія прощальныя рѣчи.

Вотъ знакомое лицо «доктора» и его пациента; по всему видно, что палліативное средство принято.

— Ради Бога, говори тише... Ты видишь, здѣсь ничего нельзя скрыть, и такъ ужъ говорятъ.

— А пускай ихъ говорятъ, что хотятъ, мнѣ рѣшительно все равно; ты знаешь, какъ я на это мало обращаю вниманія.

— Тебѣ хорошо, ты мужчина...

— Что хорошо для мужчины, то хорошо и для женщины; га-

дость, сдѣланная мужчиной, не становится прелестью, когда ее дѣлаеть женщина.

И эти замолчали.

— Послушай, Катя, черезъ три дня я уѣзжаю, мнѣ дольше оставаться нельзя: и денегъ нѣтъ, и работать надо.

Пациентка первая забыла предосторожность: она обвила руками шею «доктора» и стала цѣловать его.

— Останься, милый, хоть немного еще... Господи! какъ все это скоро прошло!

— Нѣтъ, этотъ вопросъ уже порѣшенъ и сданъ въ архивъ, слѣдуетъ разрѣшить другой, болѣе серьезный. Идиллія кончилась, теперь наступаетъ проза жизни, и я въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: какъ же ты думаешь дѣйствовать? Только смотри, не отвѣчай, какъ прежде: «подожди, живи настоящимъ, люби меня». Ждать некогда.

Пациентка молчала.

— Катя! я тебя спрашиваю: какъ же ты думаешь дѣйствовать?

— Я ничего не знаю; у меня голова кругомъ идетъ! Я такъ много думала, цѣлыя ночи не сплю.

— Я не знаю, надъ чѣмъ тутъ думать много; передъ тобой только двѣ дороги, выбирать больше не изъ чего: или со мной, или возвращайся назадъ. Свое прошлое ты знаешь, мою обстановку тоже. Куда же ты хочешь? Скажи: ты любишь меня?

— Хорошій мой, взгляни на меня.

— Любишь. Такъ зачѣмъ же дѣло-то стоять? Хочешь, я беру все это дѣло на себя; поѣду къ нему, объяснюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога...

— Не хочешь, мы сдѣлаемъ иначе; поѣдемъ ко мнѣ, оттуда я напишу къ нему, растолкую, что искать нечего, что потеряно навсегда. Тебя, насколько это возможно, я постараюсь выгородить.

Барыня молчала; ей многое думалось въ эту минуту: позади лежала—жизнь довольная, праздная, роскошная; впереди—жизнь съ бѣднякомъ, жизнь полная лишений; трели соловья еще такъ недавно раздавались надъ головой; впечатлѣнія не успѣли еще притупиться... Барыня готова была бы, благодаря свѣжести этихъ впечатлѣній, примириться съ невзрачной обстановкой, ожидающей ее, но передъ ней, заслоняя собой все послѣдующее, стояло то страшное божество, которому она привыкла молиться съ колыбели...

— Я знаю, какіе вопросы бродятъ въ твоей головѣ. Ты меня теперь любишь, безспорно, но, по всей вѣроятности, эти вопросы

не позволили бы тебѣ принадлежать мнѣ, еслибы мы встрѣтились при другой обстановкѣ. Ты думала о той средѣ, гдѣ до сихъ поръ прозябала, о томъ положеніи, которое займешь, если пойдешь со мной. Отвѣчай: я угадалъ?

— Да, мой милый.

— Ну, такъ я опять тебѣ скажу то же, что говорилъ и прежде. Я самъ не рожденъ отшельникомъ, мнѣ нужно общество, но общество обществу рознь; въ томъ обществѣ, гдѣ ты жила до сихъ поръ, съ его крупными безобразіями, съ его признаніемъ допотопныхъ формъ выше всего на свѣтѣ, я задохнулся бы. Не въ такое общество приведу я тебя. Есть люди, — конечно, ихъ немного, но все-же они есть, — смотрящіе на все прямыми, честными глазами; не бойся, тамъ никому даже и въ голову не придетъ бросить въ тебя грязью.

— А тамъ-то что будутъ говорить? Мое имя.

— Да развѣ я тебѣ говорю: иди туда! Я тебѣ указываю въ сторону совершенно противоположную. На этой дорогѣ тебѣ ни разу не придется встрѣтиться съ тѣми, кто до сихъ поръ окружалъ тебя. А если и встрѣтишься случайно, такъ тебѣ какое дѣло до нихъ? не съ ними ты будешь дѣлить твои радости и горе; ты будешь отрѣзанный ломоть. Отъ ихъ говора, отъ ихъ сплетенъ тебѣ не будетъ ни тепло, ни холодно; они даже не дойдутъ до тебя. Что же останавливаться, задумываться?

— Такъ мой милый,—но...

— Но, я тебѣ скажу, вся суть заключается не въ этомъ; не во имя твоего будущаго положенія, не во имя сплетенъ, которыя посыплются на твою голову, я требовалъ и требую, чтобы ты подумала серьезно надъ категорическимъ разрѣшеніемъ нашего вопроса. Все это вздоръ, ерунда. Весь вопросъ заключается въ матеріальныхъ средствахъ; отъ палліативнаго леченія твоихъ недуговъ слѣдуетъ перейти къ радикальному. Ты жила до сихъ поръ окруженная комфортомъ, я же—бѣднякъ, у котораго кромѣ рукъ и головы ничего нѣтъ; я тебѣ вполнину не могу дать того, что ты имѣла до сихъ поръ. Тебѣ страшно тяжело будетъ свыкаться съ новой обстановкой, ты даже не знаешь, что такое лишенія, копѣчные расчеты. Идеализировать все можно, но я слишкомъ много жилъ, чтобы предаваться этому занятію. Меня страшитъ, что будущія лишенія заставятъ тебя любовно относиться къ прощедшему, пожалѣть о сдѣланномъ шагѣ.

— Чѣмъ же мнѣ увѣрить тебя, что съ этой стороны я не боюсь жизни?

— Такъ надъ чемъ же и задумываться? Взгляни на меня, Катя... Нѣтъ, у тебя опять пробѣжала эта скверная тѣнь. Ты помнишь вонъ то мѣсто? Я тебѣ еще тамъ говорилъ, что не люблю останавливаться на полувопросахъ. Здѣсь же нѣтъ даже и возможности сдѣлки: къ вамъ я не пойду, я тамъ сгину, воровски любить не хочу, это мнѣ противно. Рѣшай же, куда идти?

Барыня закрыла лицо руками; «докторъ» отнял ихъ.

— Ну же?

— Подожди, ради Бога, подожди; дай подумать еще.

Нѣсколько мгновений продолжалось молчаніе; пациентка встала и положила руки на плечи «доктора».

— Нѣтъ, я не могу разомъ вырвать корни! Я ѣду домой; потомъ я скажу ему, что между нами все кончено... Я постараюсь все это сдѣлать исподоволь, тихо: постараюсь уговорить его, чтобы онъ отпустилъ меня, сначала подъ предлогомъ лечиться. Онъ такъ же боится огласки, какъ и я... А тамъ... ну, какънибудь... меня забудутъ... Другого рѣшенія у меня нѣтъ... и не можетъ быть... Это—слабость, малодушіе, но, Саша, не сердись на меня, пожалѣй меня, вспомни, какъ я жила до сихъ поръ... Да взгляни же, дорогой мой, привѣтливѣе... Глазки мои хорошіе...

Но мольбы и страстныя ласки молодой женщины не произвели на этотъ разъ обычнаго впечатлѣнія: подъ ихъ вліяніемъ, не разгладились угрюмо нависшія брови, на душѣ не стало легче, свѣтлѣе. То, что смутно понималось, что предчувствовалось только, теперь, во всей наготѣ, ничѣмъ уже не заслоняемое выступало впередъ. Немощный организмъ молодой женщины не выдержалъ перваго серьезнаго столкновенія съ жизнью: въ немъ только и было хорошаго, что одни страстныя ласки.

XIV.

Finita comedia!

Пора, всѣмъ пора домой: лѣсъ усыпанъ желтыми листьями, ночи становятся все холоднѣе и холоднѣе.

Длинной вереницей,—также какъ прежде къ источнику живой

воды, а теперь отъ источника, — тянется недужная братія, только прежде «коварная надежда» всѣхъ манила сюда, теперь же для большинства остается звать:

«Надежда, надежда, мой сладкій удѣлъ!
Куда ты, мой ангель, куда улетѣлъ?»

Злостно посмѣялась судьба надъ многими: туберкулы, катарры, анемии, гиперемии, амфиземы, импотенціи, деньги, амуры — все являлось въ ея рукахъ послушнымъ орудіемъ.

Изъ воротъ тащится на длинныхъ, тряскихъ дрогахъ бѣдняга; его поддерживаетъ жена, — такъ слабъ и немощенъ онъ! — бѣдняга ни о чемъ не думаетъ, онъ не въ состояніи думать, за то о многомъ думаетъ, поддерживающая его изнеможенное тѣло, жена...

Бойко вылетаетъ изъ тѣхъ же воротъ недужный франтъ; лицо его пышетъ здоровьемъ, но на сердцѣ тоска: увы! дѣвственныя нажиты оказались скудны капиталами и дураками, а «молодецкія кудри» начинаютъ рѣдѣть и все меньше и меньше оглядываются на нихъ красныя дѣвицы...

Въ шиварной коляскѣ, свѣжая, нарядная уносится въ безпредѣльную степь прекрасная травіата... Облаво печали покрываетъ и ея лицо: плачь ребенка, домашнія сены видятся ей... «Іюль, августъ, сентябрь... мартъ!» считаетъ недоступная добродѣтель и мурашки пробѣгаютъ по ея атласистой кожѣ..

Не оглядываясь на тѣ «прекрасныя мѣста», гдѣ еще такъ недавно слухъ ласкали и нѣжили «трели соловья», скрываются всѣ они «въ туманныя дали» и, вмѣсто благословеній, шлютъ эти нѣжныя, сладостныя трели ко всѣмъ чертямъ.

Но есть и оглядывающіеся.

Съ нагульными пятью фунтами жира, довольный, веселый, стремится къ домашнимъ пенатамъ Хлестаковъ и шлетъ воздушный поцѣлуй цѣлебному источнику: на организмъ наложена заплата; благословясь, еще цѣлый годъ можно прожигать жизнь.

Такой же поцѣлуй шлетъ поэтическая Гретхенъ за тѣ голубя роскошныя ночи, что давали полную возможность всласть любоваться луной и уноситься въ дѣвственныхъ грезахъ dahin! dahin!

Въ начинающемъ желтѣть чернолѣсѣ мелькнуло бѣлое платье; вся запыхавшись, къ самому обрыву оврага, — далеко, отсюда видно, — прибѣжала молодая, хорошенькая дѣвушка... По стени кто-

то ѣдетъ и машеть платкомъ, — тотъ же прощальный привѣтъ шлетъ уѣзжающему молодая дѣвушка... Скрылся!..

«Зачѣмъ же такъ скоро пролетѣли вы свѣтлые, прекрасные дни»? думаетъ и тотъ, кто скрылся, и та, чья граціозная фигура долго еще видѣлась надъ обрывомъ...

Весело, вслѣдъ за удалившимся, щелкаютъ счеты... Только они одни, да песъ, завывшій съ непривычки къ безлюдью, нарушаютъ «безмолвіе пустыни».

Замолкли и счеты; увели и пса... Наглухо заколочено послѣднее окно...

Врываясь въ степи, свободно разгуливаетъ вѣтеръ по пустыннымъ адлеямъ и, свободно разгуливая, замечаетъ послѣднія воспоминанія бродившаго здѣсь божьяго люда: вмѣстѣ съ кучей песку и всякой дряни, крутить и далече несетъ онъ, еще такъ недавно розовый, мелконсписанный, благоуханный, теперь же грязно-полинявшій листокъ...

Надъ однимъ только безсильна расхолодившаяся на просторѣ степная непогода: сколько ни злится она около могилъ, сколько песку ни мечетъ на нихъ, все напрасно: размѣнъ исчезнувшихъ, являются новыя, размѣнъ одинокихъ—цѣлые ряды крестовъ.

Н. Соколовскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗ- ВИТІЯ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе).

Въ предыдущей статьѣ мы доказали, что вслѣдствіе вѣковаго преобладанія физической работы народа надъ дѣятельностью интеллектуальной, познавательная дѣятельность низшихъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти — господствовала надъ логической, рациональною силою высшаго, теоретическаго интеллекта, надъ силою чистаго разума или мышленія. Въ слѣдующей главѣ мы подробно рассмотримъ весьма важныя и ощутительныя послѣдствія этого вѣковаго господства чувствъ надъ разумомъ и вѣковаго отсутствія въ умственной исторіи русскаго народа предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія мыслительныхъ способностей народа и рационально-мыслящаго класса. Тамъ же раскроемъ, въ частности, и причины этого многозначительнаго факта. А здѣсь скажемъ еще, во-первыхъ, о вліяніи на умственные направленія народа патологическихъ проявленій внѣшнихъ чувствъ, и во-вторыхъ — объ отношеніи непосредственно-натуральнаго, народнаго сенсуализма къ естественно-научному реализму.

Во времена вѣковаго господства внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, при отсутствіи всеобщей, теоретической самодѣятельности мышленія и при распространеніи и укорененіи въ народѣ византійскаго супранатуральнаго умонастроенія и міросозерцанія, — въ народѣ русскомъ не только не развивалось рациональное мышленіе, рациональное разъясненіе вещей или явленій физическаго и нравственнаго міра, но развивалось и господствовало сенсуально-галлю-

цинаціонное умонастроєніе и міросозерцаніе. При отсутствіи раціональной, разсудочной мыслительности, субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ были неизсякаемымъ источникомъ не только всякаго волшебства и чародѣйства, но и всякихъ мистическихъ видѣній, ощущеній и суевѣрныхъ представленій. Ненормальность, ложность такого патологическаго, сенсуально-галлюцинаціоннаго умонастроєнія невѣжественнаго народа признавали и нѣкоторые лучшіе духовные учителя древней Россіи. Патологическія проявленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, и въ особенности галлюцинаціи зрѣнія и слуха въ древней Россіи были такъ часты и многими столь безразсудно выдавались за сверхъестественныя обаянія и видѣнія, что благоразумные духовные учителя, какъ наприм. Кирилль Бѣлозерскій, поучали распознавать и различать эти патологическія и субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ и, въ частности, зрѣнія, «яко *смотрятельныя*, а не обдержанныя». Въ сборникѣ рукописей Кирилла Бѣлозерскаго съ этою цѣлью написано, наприм., объясненіе «о суетныхъ откровеніяхъ и бѣсовскихъ мечтаньяхъ и знаменьяхъ и чудотвореніяхъ сатавинскихъ», и замѣчено: «таковыхъ бо и паки подобныхъ бываемыхъ, яко юродство, и прочіе подобныя *образы*, еже нѣдци отъ отецъ сдѣяша, нынѣ возбраниша та отцы, яко *смотрятельныя*, а не обдержанная, да небывають»¹⁾. Темный народъ, усвоивъ мистическія идеи восточно-византійскаго міросозерцанія, ими старался объяснить все, что въ сферѣ реального міра превышало естественныя границы или реально-познавательную сферу чувствъ. Патологическія проявленія нервной системы, субъективныя ощущенія, фантазмы и галлюцинаціи чувствъ онъ принималъ за «чудесныя видѣнія», за боговдохновенныя ощущенія, за сверхъ-естественныя явленія и представленія. При сильномъ развитіи въ древней Россіи пустынножителства, особенно часто страдали такъ называемыми «галлюцинаціями пустыни»²⁾. Въ пустыняхъ видѣли разныя «чюдныя видѣнія», наприм. «женъ въ багряной ризѣ одѣянныхъ, неизрѣченнымъ свѣтомъ сіящихъ, на сосновой колодѣ сидящихъ въ пустынѣ»³⁾. Въ галлюцинаціяхъ зрѣнія, въ пустынѣ видѣли необычныя физическія и сверхъестественныя явленія и слышали чудесные голоса: «нѣкогда видѣхъ,—

¹⁾ Обзор. рукопис. Кирилла Бѣлозер. Чтен. Общ. 1862 кн. 2, отд. V, стр. 49.

²⁾ См. у Будена въ «Медицинск. Географіи» о «Галлюцинаціи пустыни».

³⁾ Сборн. Солов. библ. № 857, л. 97—98.

говорить одинъ пустынножитель, — язъ грѣшнѣйшій умными очима облакъ темень, и начать быти красенъ, и спаде, и начать гремѣти, и обхожаше околы то мѣсто попадая и очищая островъ. Нѣкогда видѣхъ знаменіе стоящу ми на полѣ чистѣмъ и видѣхъ показующе ми нѣкто незнаемъ перстомъ на небо: зри, — и видѣхъ чрезъ небо свѣтлу лучу свѣтовидну, яко радуга, и мало помедливъ паки глаголаше: воззри на небо, — и видѣхъ образъ Христа Бога нашего и Пречистую Богородицу и св. пророка Ивана. Миѣ же чудящему о семъ, и паки рече: зри на небо, и видѣхъ нерукотворенный образъ великъ зѣло, во все небо» и проч. ¹⁾ Въ лѣсахъ видѣли «демоновъ лѣсныхъ» и слышали ихъ «колоколець». Галлюцинаціямъ слуха придавали такое же сверхъестественное значеніе, какъ и галлюцинаціямъ зрѣнія. Въ лѣсахъ часто слышали звонъ колокольный и пѣніе сладкогласное, тогда какъ ни колоколовъ, ни пѣвцовъ не видали. «Человѣкъ нѣкто именемъ Селиша, старъ сый, Изборскаго града, повѣда сицеву вѣсть, — читаемъ въ одной древней повѣсти: — нѣкогда ми рече, ходящу съ отцемъ моимъ на ловы звѣрины въ пустыню, бѣ та пустыня велика и лѣсъ прилежаше въ томъ мѣстѣ, и лучися намъ прити на край горы, и слышахомъ гласы прекрасны поющихъ и благочинны, *гласы и бо слышахомъ, а поющихъ же не видѣхомъ*» ²⁾. Точно также мистически объяснялись и галлюцинаціи или субъективныя ощущенія обонянія. Наприм. въ одной древней повѣсти сказано: «изобрѣтше мѣсто, Вежща зовою, лѣсъ точию имуще и болота и ино ничтоже, и якоже пріидоша до мѣста того, *слышаху благоуханіе нѣкое въ мѣстѣ томъ и помыслиша не просту быти вещь*» ³⁾. Показаніямъ чувствъ, хотя бы то галлюцинаціоннымъ, приписывалась достовѣрность свидѣтельства, особенно если они подтверждались аналогическими свидѣтельствами византийскихъ источниковъ или лѣтописей. Органы чувствъ признавались достовѣрными свидѣтелями даже въ дѣлахъ сверхъестественныхъ или сверхъестественныхъ. Наприм., въ 1624 году, въ сѣверномъ Поморѣ, въ двинской области, по указамъ царя Мих. Федоровича, московск. патр. Филарета и новгородскаго митропол. Макарія, производился всеобщій земскій розыскъ о принесенныхъ на морской берегъ мощахъ яренгскихъ чудотворцевъ

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 925, л. 148, 152.

²⁾ Повѣсть о Печерск. монастырѣ въ Псковской землѣ. Сборн. Солов. Библ. № 857, л. 120—121.

³⁾ Памятн. Стар. Рус. Литер. IV, 17.

Іоанна и Логгина. Допрашивали всѣхъ мѣстныхъ земскихъ людей, и всѣ единогласно свидѣтельствовали, полагаясь только на память, слухъ и зрѣніе. Одни говорили: «*слышамъ* мы отъ отцовъ своихъ, *слышамъ* отъ старыхъ людей, что мощи чудотворцевъ Ивана и Логгина принесены съ моря, Иванъ чудотворецъ взятъ съ Сяргы рѣки, а Логгинъ взятъ съ морскаго сосноваго берега, а лѣтъ мы *не упомянемъ*, въ которое время принесены, а про чудеса отъ многихъ людей *слышимъ*: то наши рѣчи». Другіе говорили: «сколь давно яренгскіе чудотворцы Иванъ и Логгинъ проявились, и откуда ихъ мощи съ морскаго берегу въ Яренгу принесены,—*памятуховъ* у насъ тому нѣтъ; а про чудеса, сколь давно отъ нихъ учала проща и чудеса быть, и они отъ старыхъ людей *слышамъ*, что лѣтъ съ 60 и больше чудеса и проща учали быть: то наши рѣчи». Третьи, полагаясь на свое зрѣніе, свидѣтельствовали: «*въ привидѣніи очи вѣсть видѣли* мы ихъ явленіе, видѣли Ивана чудотворца, изъ часовни смотритъ онъ государь чудотворецъ Иванъ сквозь окончину, и не единожды видѣли, а видѣніе то видѣли во 122 (1614 году)». Наконецъ, старіеи столѣтніе, *старые памятухи*, полагаясь исключительно на свою память, свидѣтельствовали, что они помнили лѣтъ за 70 и 80, какъ начали быть проща и чудеса»¹⁾. Такъ какъ византійское ученіе не имѣло своей задачей (что увидимъ дальше)—развивать въ народѣ рациональное мышленіе,—то темный народъ всяко перетолковывалъ его по своему и выводилъ изъ него всякія своеобразныя понятія. Внѣшне-обрядовое, чувственно-образное восточно-византійское міросозерцаніе, въ этомъ отношеніи, особенно гармонировало съ восточнымъ чувственно-образнымъ умонастроеніемъ русскаго народа. При господствѣ чувствъ надъ разумомъ, самое созерцаніе церковно-обрядовой внѣшности, иконъ и т. п., въ противность ученію православной церкви, возбуждало въ грубомъ и суевѣрномъ народѣ разныя суевѣрныя и ложныя представленія. Наприм., народъ видѣлъ въ церквахъ писавшіяся по византійскимъ иконописнымъ подлинникамъ «образъ огненнаго восхожденія св. пророка Іліи», о которомъ въ иконописныхъ подлинникахъ замѣчено: «образъ огненнаго восхожденія св. пророка Іліи—чудотворный, на праздникъ его огонь сходилъ съ небеси, и окрестъ образа пламень видимъ былъ челоуѣкамъ». Въ тоже время народъ слышалъ въ церквахъ пѣснь: «*Ілія возгремѣвый на огненной колесницѣ*», и слышалъ поученіе, въ которомъ пророкъ Ілія назывался

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 182.

«огненоснымъ и тученоснымъ облакомъ, небопарнымъ орломъ, огненоснымъ пророкомъ, шествующимъ на огненныхъ коняхъ» и т. п. ¹⁾. И вотъ, не появивши всего этого восточно-тропическаго изображенія или оборота рѣчи, темный народъ составилъ представленіе, что Илья пророкъ производитъ громъ и молнію, развѣзжая по небу на огненной колесницѣ, не смотря на то, что церковные учителя, подобные Кириллу Бѣлозерскому, не раздѣляли подобнаго представленія народа, а знали ученіе о громѣ Галена. Точно также, подъ влияніемъ византійскихъ иконописныхъ подлинниковъ, въ народѣ развились и укоренились религіозная санкція бороды и древней одежды. Народъ постоянно созерцалъ, наприм., такія древнія священныя изображенія, писавшіяся съ строгимъ соблюденіемъ правилъ византійскихъ иконописныхъ лицевыхъ подлинниковъ: «Авксентій русь, какъ Козьма, борода не велика, риза верхняя багоръ, средняя празелень, исподняя вохра; великій князь муромскій Константинъ — надсѣдъ, кудреватъ, брада поуже Власіевы, и подолѣ, на двое, шапка на главѣ, шуба на немъ багоръ, омахи куньи»; или: «благовѣрный князь Михаилъ тверской—брада по Власіеву, шапка на главѣ, шуба на немъ лазоръ, исподъ багоръ, отворотъ куней» и т. п. Иконописныя лицевыя подлинники, подробно описывая такимъ образомъ волосы, и особенно бороду и одежду какъ восточныхъ, такъ и русскихъ святыхъ, въ тоже время строго предписывали соблюдать эти изображенія бороды и одежды ²⁾. Кромѣ того, народъ постоянно созерцалъ на иконѣ страшнаго суда сонмы праведниковъ—*«вси имущи брады»*, и слышалъ такое поученіе, повторявшееся и въ подлинникахъ: «взирайте часто на икону страшнаго втораго Христова пришествія, и видите праведныя—*вси имущи брады*, на шей же стоящія бесермени, и еретики, люторы и поляки и иные подобныя — *брадобритвенники*, точію имущіи едины усы, яко имуть кошки и псы» и проч. ³⁾. И вотъ постоянно созерцая такіе лики святыхъ съ брадами, въ древнихъ и священныихъ образцахъ одѣянья, и слыша строгую заповѣдь—во всемъ подражать имъ,—народъ до того усвоилъ эту религіозную санкцію бороды и древней одежды, что послѣ поднялъ изъ-за этого расколъ и бунты. Вообще, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія внѣш-

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 804, л. 219—223. Буслаева II, 377.

²⁾ Буслаева, Истор. Очер. Рус. народ. Словесн. и Искусства II, 345, 347, 351, 352, 424 и др.

³⁾ Буслаева II, 235.

нихъ чувствъ надъ разумомъ, отъ смѣшенія византійскаго и народнаго чувственно-образнаго міросозерцанія, въ народѣ до того развилось и укоренилось чувственно-образное умонастроеніе, что въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи онъ хотѣлъ видѣть даже самаго Христа, Саваофа, Богородицу и всѣ таинственныя церковныя изображенія въ непосредственно-чувственной наглядности и осязаемости, въ живыхъ лицахъ и образахъ. Напримѣръ, когда расколъ, раздробившись на сотни разногласныхъ толковъ, растерялся и не зналъ, чему и какъ вѣровать и поклоняться,—многіе суевѣры, «собираясь на одно мѣсто», стали молиться: «Господи, Господи, явися намъ, Господи, *въ крестъ или въ образъ, чтобъ было чему молиться или вѣровать*». И вотъ, пользуясь чувственно-образнымъ умонастроеніемъ суевѣрной толпы, явились самозванцы-саваофы и христы, и возникла секта людей божіихъ и скопцовъ, которая стала созерцать Саваофа, Христа и Богородицу въ живыхъ лицахъ простыхъ мужиковъ и бабъ, и все невидимое, сверхчувственное стала воплощать въ видимыя, осязательныя, чувственныя формы, или, какъ сектанты сами выражаются, *показывать въ натурѣ*. Такъ, люди Божіи говорятъ, что образецъ круговаго радѣнья взять ими съ какаго-то древняго лицеваго, нагляднаго изображенія, на которомъ представлены стоящіе въ кругу ангелы и посреди ихъ Христосъ съ овцой въ рукахъ; по краямъ картины изображены евангелисты и апостолы съ разными музыкальными инструментами; надпись на картинѣ: «ликоствованіе». Люди божіи говорятъ, что «какъ на небеси ангелы, такожде и челоуѣцы да творять на земли, и что *все оное изображеніе должно показать въ натурѣ*». И они показываютъ его въ натурѣ, въ своихъ *ликованьяхъ* и радѣньяхъ, во время которыхъ экзальтируются до галлюцинаціонныхъ видѣній разныхъ образовъ и явленій и до галлюцинаціонныхъ слышаній разныхъ сверхъестественныхъ голосовъ, на основаніи которыхъ пророки и пророчицы, въ галлюцинаціонномъ экстазѣ, пророчествуютъ до умоизступленія.

Развитіе такого сенсуально-галлюцинаціоннаго и сверхчувственного умонастроенія народа при господствѣ чувствъ надъ разумомъ, было особенно вредно для народнаго умственного развитія и направленія при тѣхъ патологическихъ особенностяхъ и явленіяхъ народнаго умонастроенія, которыя столь обычны были въ древней Россіи и также неизбѣжно отзывались на умственной жизни русскаго народа, неизбѣжно парализовали и ослабляли его интеллектуальныя силы. Замѣчено, что сѣверныя, холодныя страны

вообще способствуютъ развитію нервныхъ страданій. Такъ, въ 1841—1842 г. въ сельскихъ мѣстностяхъ центральной Швеціи замѣчена была болѣзнь, обнаруживающаяся въ корчахъ, спазмахъ и въ экстазѣ. Одержимые ею воображали и рассказывали, что они будто бы видѣли разныя божественныя, сверхъестественныя явленія, получали свыше разныя откровенія, и чувствовали экстатический, болѣзненный позывъ къ проповѣдничеству и пророчеству. Не даромъ и вообще на сѣверѣ Европы больше являлось такихъ людей, какъ Сведенборгъ и т. п. Точно также въ Россіи и Сибири всѣ сѣверные народы отличаются особенною, болѣзненною нервно-сенсуальною раздражительностью. Георги, наприм., говоритъ о самоѣдахъ и другихъ сѣверныхъ племенахъ: «многіе, а особливо изъ женщинъ, чрезвычайно пугливы. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно увидятъ нѣчто страшное, и такъ далѣе, то бѣгаютъ такъ, какъ и лопарскія женщины, внѣ себя, и приходятъ опять въ чувство не скоро и при большой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму и стуку, и отъ того становятся бѣшены. Это свойственно имъ обще съ остяками, тунгусами, якутами и всѣми въ ближайшихъ къ сѣверу мѣстахъ живущими народами; почему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ страшилищахъ, которыми пугаютъ ихъ съ самаго младенчества».

1) Точно также, и въ народѣ русскомъ, особенно въ сѣверно-поморскихъ областяхъ, искони замѣчалось особенное развитіе нѣкоторыхъ нервныхъ страданій и припадковъ. Послѣ эпидемическихъ и столь свойственныхъ нашему климату геморроидальныхъ болѣзней,—въ древней Россіи весьма обыкновенны были болѣзни нервныя, припадки эпилептическіе, каталептическіе и истерическіе 2) Болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ напримѣръ: камчугъ, френъчугъ, бѣснованіе, головная болѣзнь, разслабленіе, забытѣ ума, болѣзнь умомъ, лишеніе ума, трясеніе, явота и проч. Особенно много было въ древней Россіи *«бѣсноватыхъ и больныхъ умомъ»*. Наприм., по одному сказанію, изъ 92 болѣзненныхъ случаевъ, было 13 человѣкъ бѣсноватыхъ, 22 «больныхъ умомъ», тогда какъ прочими болѣзнями страдали только отъ 1 до 6 человѣкъ. По другому сказанію, изъ 20 разныхъ больныхъ, 4 человѣка были «больны умомъ» или «смятены умомъ»

1) См. Георги, описан. народовъ. Спб. 1799 г. ч. III, стр. 5—6.

2) Костомарова, 191.

«въ забытіи и разслабленіи ума», тогда какъ на другія болѣзни приходится только по 1 человѣку. ¹⁾ Или изъ 17 больныхъ, упоминаемыхъ въ повѣсти объ Евфросинѣ псковскомъ, 4 человѣка были сумасшедшіе. Припадки сумасшествія были страшныя ²⁾. Весьма часты были припадки эпилепсіи, особенно между женщинами. А если вѣрны наблюденія и выводъ Эскироля, что изъ 339 эпилептическихъ женщинъ 289 были умалишенные, т. е. $\frac{1}{5}$, то не удивительно, что при сильномъ проявленіи въ древней Россіи припадковъ эпилептическихъ, особенно между женщинами, такъ часты были и разныя проявленія сумасшествія. Особенно часто являлись болѣзненно-экзальгированныя дѣвцы и женщины. Страдая разстройствомъ нервовъ и галлюцинаціями чувствъ, онѣ ходили по улицамъ городовъ и рассказывали про разныя видѣнія. Наприм., въ лѣто 1499-е ходила дѣвица въ Ростовѣ изъ-за озера именемъ Гликерія, и сказывала, что явился ей Илья пророкъ да св. мученица Параскева пятница, и потомъ восхищена бысть невидимою силою и мнящися быти ей на небеси, и видѣла пречистую Богородицу, и по двюю дни паки явилась ей и говорила, чтобы люди молилися Богу, а матерно бы не бранились и страшными бы клятвами не клялися, церкви бы

¹⁾ Повѣсть о Проконіѣ Устюжскомъ. Сборн. солов. библіот. № 826.

²⁾ Кстати считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что для исторіи народныхъ понятій, особенно медицинскихъ, не лишнее было бы собрать изъ древнихъ источниковъ всѣ свѣденія о народныхъ болѣзняхъ, а также и о способахъ ихъ леченія. Относительно болѣзней немаловажный источникъ свѣденій представляютъ древнія народныя сказанія и повѣсти о чудесахъ русскихъ святыхъ, сопровождающія обыкновенно жизнеописаніе каждаго русскаго святого. Здѣсь упоминаются, напримѣръ, такого рода болѣзни: болѣнь умомъ или боля умомъ, смятенъ умомъ, одержимъ лихою болѣзнію щепотою, имѣя у правы руки три персты въ дѣлннѣ отъ роженья, очная болѣзнь, слѣпота очная, дѣвица больна главою и очима лѣто едино, падучая болѣзнь, огненная болѣзнь, огница, студеная болѣзнь, ползая па колѣняхъ 12 лѣтъ, 12 лѣтъ глуха жена, забытіе ума, безъ очей полтора года, разслабленіе, росла утроба, имѣлъ сухую руку, ноги скорчены, больна бѣ сердечною болѣзнію, болѣнь бѣ гортанью и языкъ отнялся, зубная болѣзнь (часто), болѣзнь огневая и ума изступленіе 9 недѣль; небреженіемъ своимъ въ постъ рождества христова за недѣлю до праздника пихъ вино и отъ сего весьма изнемогъ тяжцѣ очною болѣзнію и всею главою, врачевался отъ нѣкоего человѣка быліемъ и ничтоже успѣлъ, но наипаче въ горшая впадохъ, потече изъ гортани моя кровь, не уставная, яко вода во всю ночь ону: азъ же призывахъ убо и вныхъ врачей, но и отъ тѣхъ также ни единыя пользы обрѣтахъ. (Сборн. Сол. библ. № 182)

украшали и милостыню бы творили невозбранно ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ сумасшедшихъ или галлюцинирующихъ пророковъ и особенно пророчицъ являлось такое множество, что стоглавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ велѣлъ жителямъ гонять ихъ отъ себя. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ приходили въ экстазъ и экзальтировались до галлюцинацій и предсказывали будущее, возвѣщая народу разные заповѣди; въ родѣ слѣдующихъ: «бабы не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Въ 1641 году, въ сѣверномъ поморьи, вдругъ въ нѣсколькихъ волостяхъ, многія женщины помѣшались на мысли «о богомерзкомъ табакѣ»; имъ стали мерещиться галлюцинаціонныя видѣнія Спаса, Богородицы и «Каменія огненнаго, спадающаго съ неба», и въ галлюцинаціяхъ слуха имъ слышался голосъ свыше, повелѣвавшій «росписы росписывать и разсылать по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобы православные христіане отнюдь табаки не пили, а будутъ станутъ пить табаку, за ихъ непослушанье будетъ на землю каменія много испущено» ²⁾. Очень часто въ разныхъ мѣстахъ появлялись бѣснующіяся и клкуши. Особенно много ихъ было на поморскомъ сѣверѣ: въ бѣшенствѣ онѣ, по словамъ одного сказанія, «поревахуся въ огонь и въ воду, ихъ связывали, затворяли въ особыхъ храминахъ, у которыхъ двери извну заклепывали», и онѣ все-таки вырывались оттуда; когда вели ихъ въ церкви на молебны, онѣ на молебнахъ боролись съ державшими ихъ людьми, пять человекъ едва сдерживали одну изъ нихъ; во время чтенія евангелія «начнутъ усты своими нелѣпая глаголати и дивьячтиса къ окружающимъ ихъ, какъ невозможно сказати; и начнутъ трепетати и на плечи держащихъ всекати и невозможно плевати въ людей» ³⁾. При вѣковомъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и мышленіемъ, и при сильномъ укорененіи и своеобразномъ пониманіи народомъ восточно-византійскаго, чув-

¹⁾ Лѣтописецъ вкратцѣ русск. земл. рукоп. проф. В. Н. Григоровича № 36—37.

²⁾ Сборн. солов. библ. № 925 л. 35—45.

³⁾ Сборн. Сол. библ. № 182. Вообще о бѣснующихся женщинахъ ходили изустныя и письменныя повѣсти самыя мрачныя и самыя фантастическія. Особенно замѣчательна повѣсть о Соломоніи священнической дочери. См. там. стар. рус. литер. 1, 150—167.

ственно-образнаго и сверхчувственнаго міросозерпанія, — особенно рѣзко и часто выдавались патологическія явленія въ нервной сферѣ чувствъ—галлюцинаціи зрѣнія, слуха, осязанія и обонянія, и всегда обыкновенно съ оттѣнкомъ мистическаго направленія. Вслѣдствіе галлюцинацій зрѣнія и слуха, подъ вліяніемъ супранатуральнаго міросозерпанія, — видѣли, какъ мы сказали уже, всякія сверхчувственныя видѣнія, слышали всякія сверхчувственные голоса. Разказами объ этихъ галлюцинаціонныхъ видѣніяхъ и слышаніяхъ наполнены древне-русскія легенды о чудесахъ, особенно легенды сѣверно-поморскія. Особенно часто бывали, какъ мы видѣли, «галлюцинаціи пустыни», случавшіяся особенно въ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пустыняхъ. Вотъ идетъ, наприм., въ пустынь сѣверно-поморской отшельникъ, простолюдинъ, почерпнуть воды въ рѣкѣ Хозюгѣ,—и вдругъ видитъ «на берегу лежатъ женщина въ червленной ризѣ, акн мертва», и думаетъ откуда бы она могла явиться сюда, ни откуда нѣтъ дороги въ пустыню,—а оказывается въ дѣйствительности, что то колода, — «дерево гнило» Въ той же пустынь, пастухъ видитъ «акн древо сломящееся нѣкое»—страшнаго человѣка, слышитъ «волоколець» и видитъ «демона лѣснаго», борющагося съ Никодимомъ Кожеезерскимъ ¹⁾. Въ 1594 году одинъ поморскій крестьянинъ съ Подвинья, изъ мѣстечка Конецъ-Горье, рассказывалъ про себя: «во время страдное, шоль я въ лугъ на пожню сѣно косить, и пришелъ къ озерку, и отъ солнечнаго зноя хотѣлъ купатися, и влѣзъ купатися въ озерко, и былъ въ изступленіи ума, и началъ бѣгать по лугамъ и по лѣсу, и нѣкоторые отъ сосѣдъ нашихъ видѣли и поймали меня, связали и привели домой, и стеклись родители и ближніе мои, и не было отъ меня отвѣта къ нимъ, такъ они то сказали мнѣ послѣди,—и я увидѣлъ около себя чловѣка какъ древіе велико сломящееся, и посреди ихъ увидѣлъ страшнаго нѣкогого и не лѣпаго образомъ, грозящаго на меня и хотѣвшаго меня поглотити, и внезапно пришелъ свѣтъ и освѣтилъ меня, и явился мнѣ чловѣкъ свѣтозарный взоромъ и доброзрачный лицомъ, и саномъ украшенный, съ черной бородой, и сказалъ мнѣ: Яковъ, не бойся мрачнаго и темнообразнаго демона! И послѣ того видѣнья пришелъ я въ умъ, и родители мои и бывшіе тутъ люди спрашивали меня, съ кѣмъ я говорилъ, и я сказалъ имъ бывшее, что *видѣлъ и слы-*

¹⁾ Сборн. № 182.

талъ.» ¹⁾ Галлюцинаціи зрѣнія и слуха особенно часты и сильны были въ болѣзняхъ. Наприм., одна поморская женщина изъ Ненокцкаго усолья говорила: «была я въ Лямецкомъ погостѣ въ 99 (1591) году въ черномъ недугѣ три года, и въ *привидѣніи очи отъ* пришелъ ко мнѣ человекъ незнаемъ и далъ мнѣ просфору съѣсти, и сказала: «завѣчайся итти въ яренгу!» ²⁾ Изъ того же Ненокцкаго усолья одинъ крестьянинъ говорилъ: «лежалъ я въ болѣзни огневой и *ума изступился* во 128 (1620) году на девять недѣль, и лежащъ въ *видѣніи видѣлъ я*: въ вечеру при огнѣ пришло ко мнѣ человекъ незнакомый и говорилъ мнѣ: для чего ты лежишь, а не молишься» и проч. Вообще, больные въ *изступленіи ума, видѣли* разныхъ «необыкновенныхъ и незнаемыхъ» людей и слышали отъ нихъ разныя «завѣчанія», клонившіяся большею частію къ ихъ выздоровленію. При чрезмѣрномъ распространеніи болѣзни пьянства, — весьма часто сходили съ ума вслѣдствіе припадковъ *alcoholismus chronicus* или *delirium tremens*. Наприм., изъ 17 больныхъ, упоминаемыхъ въ повѣсти о чудесахъ Евфросина псковскаго, 4 человекъ были больны сумасшествіемъ, и двое изъ нихъ сошли съ ума отъ пьянства. Наприм., объ одномъ сумасшедшемъ сказано: «Случися ему пьянственнымъ недугомъ объяту бывшу безъ воздержанія, и вниде въ него нечистый духъ, ума ему изступившу, и не подобныя глаголющу не токмо человекамъ, но и Богу и святымъ: не онъ бо глаголюще, но живый въ немъ бѣсъ глаголаше». О другомъ сумасшедшемъ замѣчено: «нача пити, и ума изступилъ, и нача бѣсноватися и негѣпѣ глаголы странны глаголаше». Вообще, подобными патологическими фактами преисполнены древне-русскія повѣсти о чудесахъ и видѣніяхъ ³⁾. Иногда въ селахъ и на посадахъ являлось вдругъ по нѣсколько человекъ, страдавшихъ нервнымъ разстройствомъ и галлюцинаціями. Предки наши не могли понимать различныхъ психіатрическихъ и патологическихъ явленій нервной системы, и объявляли ихъ порчей, называли неопредѣленно «различными всякими совѣстьми» и т. п. Наприм., въ одной челобитной XVII в. (1665 или 1671 года) читаемъ: «бьютъ челомъ и являютъ сироты твои, государевы, Шуй посаду земскій староста, и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто: волею Божіею и за умноженіе грѣховъ ради нашихъ, въ Шуѣ на посадѣ объявляются грѣш-

¹⁾ Сборн. соч. библ. № 172.

²⁾ Ibid.

³⁾ Пам. стар. р. лѣт. IV, 106—117.

ные люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совѣстями мучимы бывають, иные на свадьбахъ, а иные невѣдомою статью, и мучатся многое время, и отъ чего какія вражіи совѣсти чинятся, и того намъ, сиротамъ, недовѣдомо»¹⁾).

При столь частыхъ въ древней Россіи нервныхъ болѣзняхъ и вообще патологическихъ проявленіяхъ народнаго умонастроенія,—могло ли быть вполне здорово интеллектуальное развитіе русскаго народа. Не даромъ умственная исторія его исполнена самыми патологическими проявленіями и галлюцинаціями органовъ чувствъ, воображенія и мысли, самыми мрачными умственными заблужденіями, которыя сильно задерживали и доселѣ задерживаютъ интеллектуальное развитіе русскаго народа, парализируя и разстраивая его умственные силы. Чтобы объяснить многія мрачныя явленія въ умственной жизни русскаго народа, какъ, наприм., необыкновенное развитіе галлюцинацій волшебства и кудесничества, а также нѣкоторыя сумасбродныя секты раскола, равно какъ экзальтированныя проявленія масонства и т. п., намъ кажется, надобно обратить вниманіе на физиологію и патологію умственной исторіи русскаго народа. Можно положительно сказать, что многія, самыя мрачныя умственныя направленія и заблужденія нашего народа, особенно простонародья, имѣютъ источники свои въ нервномъ патологизмѣ, ведутъ начало свое отъ галлюцинаторовъ и сумасшедшихъ, являвшихся въ видѣ волхвовъ, чародеевъ и кудесниковъ, въ видѣ расколуучителей и т. п. Темный народъ, не понимая истинныхъ причинъ этихъ болѣзненныхъ явленій человеческого организма, принималъ ихъ за необыкновенныхъ, боговдохновенныхъ людей, за пророковъ и учителей, даже за христовъ, саваофовъ и богородицъ, — и такимъ образомъ галлюцинаціи ихъ и сумасшедшія заблужденія и бредни распространялись и укоренялись въ непонимающемъ и суевѣрномъ народѣ, какъ новыя ученія, какъ истина, вдохновенная свыше. Вотъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ, въ эпоху сильнаго нервно-экзальтированнаго возбужденія и напряженія раскольниковьяго умонастроенія въ народѣ, возникла, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія особенно свирѣпствовала секта самосожигальщиковъ и морельщиковъ. Фанатическая горячность и экзальтація расколуученія и потомъ страхъ жестокихъ гоненій разстраивали нервы расколуучителей-энтузіастовъ,—и они, въ ум-

¹⁾ Акты Шуй. Чтен. Общ. Ист. 1860 кн. 3 отд. V, стр. 21, актъ 17.

ственнымъ разстройствѣ и сумасшествіи, дошли до сумазбродной идеи самоожженія и самоумерщвленія. Сѣверный, холодный климатъ, кажется, еще болѣе способствовалъ развитію такого нервнаго разстройства. Въ западной Сибири, въ тобольскомъ уѣздѣ, нѣкоторыя монахины, послѣдовательницы секты саможигальщиковъ, бились о землю, тряслись и экзальтировались до галлюцинаціоннаго видѣнія отверстыхъ небесъ и т. п.: «въ тобольскомъ уѣздѣ, — читаемъ въ актахъ, — въ пустыни у старца Данила, проповѣдывавшаго саможигательство, наученіемъ сатанинскимъ старицы и дѣвки бились о землю, и говорили онѣ въ то время какъ бились, что видѣли пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустынѣ постригались». Слыша о такихъ галлюцинаціонныхъ видѣніяхъ въ пустынѣ старца Данилы, народъ тысячами сходилъ въ пустыню, и потомъ тысячами подвергался самоожженію ¹⁾. Вообще, секта саможигальщиковъ и морельщиковъ, въ своемъ умственномъ изступленіи, множество народа сводила съ ума, не только сумазброднымъ ученіемъ, но и всякимъ обманомъ чувствъ, колдовствомъ, всякими волшебными порошками, ягодами и т. п., — и потомъ тысячами его сожигала. Одинъ, нѣкто Андрей, поморянинъ, — говоритъ Димитрій Ростовскій, — сожегъ людей болѣе 3000; другой, вологодскій старецъ, сожегъ болѣе 2000, третій сожегъ болѣе 1,900 человекъ; сожигатели устраивали по лѣсамъ особыя большія хоромы, сажали туда по 200 и по 300 человекъ, обладывали домъ соломой, хворостомъ, берестой, смолой, сѣрой, селитрой, и сожигали. Кромѣ того, по словамъ Димитрія Ростовскаго, была особая секта саможигальщиковъ, которые сами, собираясь въ большія хоромы, поджигали ихъ и сгарали. Очевидно, что подобныя заблужденія и самоубійства совершались въ припадкѣ сумасшествія. Точно также, и вслѣдствіе такого же умственнаго, нервно-мозговаго разстройства, такъ называемые «Морельщики» измыслили сумазбродное ученіе о самоубійствѣ и самоумерщвленіи плоти голодомъ, потопленіемъ, удавленіемъ и т. п., и не одну тысячу простыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, поморили голодомъ въ затворахъ, въ подземельныхъ ямахъ и пещерахъ, утопили въ водахъ, задушили въ петляхъ и т. п. Изъ какого источника проистекали всѣ эти дикія, мрачныя заблужденія? Очевидно, это были слѣдствія органическаго разстройства мозга или нервной системы, сумасше-

¹⁾ Дополн. къ А. И. VIII, л. 50.

ствія. Димитрій Ростовскій, говоря о современныхъ ему сожигальщикахъ, самосожженцахъ и морельщикахъ, о нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо замѣчаетъ: *«абіе сотворися вѣтъ ума, и измѣнися лицемъ и очима, и вси тому внезапному измѣненію удившася и ужасни быша»*. «Самосожигальщики и морельщики, — говоритъ онъ, — вкусивши ягодъ волшебныхъ, наприм., порошка изъ высушеннаго и истолченнаго сердца младенческаго и т. п., *абіе желаютъ себѣ смерти, аки бы за Христа, или сожешися, или утопятся въ водѣ или удавятся, аки изступяци отъ ума*»¹⁾. Точно также чисто патологическое умонастроеніе, сумасшествіе, создало нелѣпую секту скопцовъ. Основатель ея, Селивановъ, безспорно психіатрическая личность. Онъ страдалъ умственнымъ расстройствомъ или сумасшествіемъ. Не даромъ, по возвращеніи изъ ссылки изъ Иркутска въ Петербургъ въ 1797 году, онъ, до 8 марта 1808 года, содержался въ сумасшедшемъ домѣ²⁾. И достаточно прочитавъ его безсвязно-сумасбродное «Посланіе къ скопцамъ», чтобы убѣдиться въ расстройствѣ его ума³⁾. Да и всѣ экзотическія, экзальтированныя видѣнья, пляски, сумасбродныя, изступленно-восторженныя пророчества и забалтыванья съ пѣнящейся во рту слюной, умозступленныя и бѣшенныя самобичеванья, конвульсивныя трясенья и разныя сверхчувственныя видѣнья и слышанья скопческихъ пророковъ и пророчицъ суть ничто иное, какъ проявленіе патологическаго умонастроенія, галлюцинацій внѣшнихъ чувствъ, и въ особенности — зрѣнія и слуха, и вообще расстройства нервной системы⁴⁾. Наконецъ, вспомнимъ печальный патологическій фактъ или переломъ въ исторіи русской мысли, совершившійся въ концѣ XVIII столѣтія. Вслѣдствіе вѣковаго господства чувствъ надъ разумомъ и вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-последовательнаго, историческаго развитія теоретической мыслительности, — юная русская мысль, по своей неразвитости и малосилію, не могла, такъ сказать, переварить и здравымъ разсудкомъ ассимили-

¹⁾ Розыскъ изд. 1753 г. ч. III гл. X, XIV и вообще см. главы VII—XIX.

²⁾ См. статью г. Крыжина о скопцахъ Симбир. губер. въ Запискахъ Географич. Общ. по отдѣлу этнографіи 1867 г. I, стр. 492.

³⁾ Посланіе Селиванова въ Чтен. Общ. Истор.

⁴⁾ Подробности см. въ ст. г. Крыжина и въ Запискахъ о скопцахъ свящ. Георгіевскаго въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнограф. 1867 г. I, стр. 485—539. Также—въ Правосл. Собес. 1858 г. «объ обществѣ людей Божіихъ и скопцовъ».

ровать, усвоить себѣ великихъ критическихъ идей философіи и естествознанія XVIII вѣка. И вотъ, старая мономанія чувственнаго созерцанія природы и патологическое, сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе во многихъ членахъ Новиковскаго масонскаго общества повторилась со всѣми своими принадаками и пароксизмами, только въ видоизмѣненной формѣ, развившейся подѣ вліяніемъ мистико-идеалистическаго умственного патологизма тогдашнихъ духовидцевъ, спиритистовъ, илюминатовъ, мартинистовъ и т. п. Вѣковое, допетровское господство непосредственно натурального сенсуализма, господства чувствъ надъ разумомъ и теоретическимъ мышленіемъ сказалось и въ этомъ патологическомъ умонастроеніи мистиковъ-масоновъ. Наприм., Невзоровъ, не смотря на то, что изучалъ медицинскія науки за границей, потомъ проповѣдывалъ какую-то мистическую, нравственную медицину, защищая достаточность поверхностной естествопознавательной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія, и отрицалъ высшую, основательную экспериментальную разработку положительныхъ, естественныхъ наукъ, подробныя и тщательныя изслѣдованія, опыты и наблюденія въ области естествознанія, особенно отрицалъ высшія, наиболѣе сложныя изслѣдованія и опыты физико-химическіе, вѣря въ какую-то Парацельсову или мистико-спиритуалистическую алхимию и химическую псалтирь. «Въ публичныхъ школахъ и университетахъ,—писалъ Невзоровъ,—натуру болѣе гораздо стараются знать, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Прежде всего знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость, что въ такомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ, Богомъ установленный, есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей; иначе плавая въ морѣ тинствъ, мы будемъ слѣпы! Чтобы созерцать славу Божию и видѣть тинства его творенія,—для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышныя химическіе снаряды. Иди *безъ всего смотреть*, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гніеть, возрождается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и *смотри*, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ нецись о своемъ благосостояніи и пропитаніи: поди ко всякому насѣкомому и *смотри*, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червякомъ и проч. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности и грубую чувственность, изъ

злхудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея» ¹⁾). Издавая журналъ «Другъ юношества» (1810 г.), Невзоровъ въ «Предисловіи къ разговору Натуры, Меркурія и алхимиста» изложилъ свой мистическій взглядъ на всеобщую медицину и химию. Медицина и химія, по его понятію, это ничто иное, какъ аллегорія морали. Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи,—говоритъ онъ,— то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и усовершенствованія человѣческаго духа» ²⁾). Такой странный мистическій взглядъ на естественныя науки и особенно на химию, еще рельефнѣе высказанный другими мистиками-масонами, былъ вреденъ особенно тѣмъ, что преподавался съ университетскихъ кафедръ даже еще въ 30-тыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, какъ напр., кievскимъ профессоромъ химіи Зѣновичемъ, что увидимъ далѣе. При господствѣ чувствъ надъ разумомъ и по слабосилію мышленія, многіе русскіе умы, не смогши совладать съ великими, мировыми идеями и теоріями Ньютона, Лапласа, Лавуазье, Канта и т. д., вдругъ отшатнулись отъ естественно-научнаго рационализма и философскихъ идей XVIII вѣка, пошатнулись въ самомъ умонастроеніи и образѣ мыслей, — и погрузились въ самый мрачный, въ самый странный, психіатрической спиритуализмъ и мистицизмъ. «Вначалѣ, — говоритъ Лопухинъ, — я больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ и охотно читалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіей, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай переимѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу *Systeme de la Nature*, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ устава натуры (*Code de la Nature*). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его было нельзя. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ въ очищеніе себя разсужденія о зло-

¹⁾ Галахова, Исторія рус. литературы ч. I.

²⁾ Ibid.

употребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч. Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество (мартинистовъ, масоновъ). Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ книгъ, была извѣстная «о заблужденіяхъ и истинѣ» (С. Мартена) и Арндта «о истинномъ христіанствѣ» ¹⁾. Такой же переломъ мысли совершился и во многихъ другихъ. Мистическое и болѣзненное умонастроеніе ихъ дошло, наконецъ, какъ извѣстно, до странныхъ заблужденій. Они стали изучать не *chimie philosophique* Лавуазье, а «химическую псалтырь» Парацельса, Бэма или Сведенборга вмѣсто Галилея, Ньютона и Лапласа. Вмѣсто изученія положительной, естественно-научной медицины и химіи, они, какъ наприм. Невзоровъ, учившійся медицинѣ за-границей, предлагали какую-то свою всеобщую нравственную медицину и химію и герметическія науки». Въ умственномъ патологизмѣ или разстройствѣ, они, вдругъ, по галлюцинаціонному вдохновенію и экзальтациі, измышляли свои мистическія науки. «Вдругъ за обѣдомъ, — писалъ Лопухинъ, — пришла мнѣ мысль о «духовномъ рыцарѣ». Отобѣдавши, тотчасъ пошолъ я прогуляться, въ прогулѣ составилъ весь планъ, и я скорыми шагами воротился домой, принялся писать, почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ 6, и кончилъ сіе сочиненіе. Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты герметической науки, образъ ея святилица, ходъ внутренняго обновленія челоука и начала самопознанія и глубокой морали» ²⁾. Этотъ патологическій фактъ или переломъ въ исторіи юной русской мысли печаленъ особенно тѣмъ, что онъ совершился въ умонастроеніи почти самыхъ лучшихъ друзей и пропагандистовъ народнаго просвѣщенія, каковы были, наприм. Новиковъ и все его «Дружеское общество». Онъ совратилъ, такимъ образомъ, съ пути прямого и здороваго интеллектуальнаго развитія и движенія въ Россіи самыхъ лучшихъ, передовыхъ его двигателей и руководителей, или многихъ пзъ нихъ. А это печальное обстоятельство отозвалось, въ свою очередь, и на общемъ интеллектуальномъ развитіи и направленіи русскаго общества. Многие, какъ увидимъ далѣе, стали думать и утверждать, что разумъ, естествознаніе и философія опасны и даже вредны для русскихъ умовъ. Отсюда развилась эта іезуитски-мистическая реакція, фанатическими ревнителями которой явились потомъ Руничи, Магвицкіе и т. п. Что же было источникомъ и

¹⁾ Записки Лопухина въ Чтен. Общ. Ист. 1860 кн. 2. стр. 14—15.

²⁾ Зап. Лопух. 30.

причиною этого умственного уклонения и заблужденія передовыхъ возбудителей интеллектуальной дѣятельности въ Россіи? По нашему мнѣнію, патологическое настроеніе мозга или расстройство умственныхъ способностей было тутъ едва ли не самой главной причиной. Недаромъ многіе изъ новиковскаго общества дѣйствительно были люди съ расстроеннымъ, поврежденнымъ умомъ. Тотъ же Лопухинъ оставилъ намъ такое свидѣтельство: «въ вечеру 3 декабря 1796 года государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ сенатѣ генераль-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ *повредившихся въ умъ*. О повредившихся въ умъ приказалъ государь усугубить попеченіе къ возможному излеченію, для освобожденія также по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить» ¹⁾. Наконецъ, замѣтимъ, что вообще психиатричность, особенно передовыхъ мыслящихъ людей, въ разныхъ видахъ и размѣрахъ, столь неизбѣжная въ нашемъ обществѣ, при нашихъ соціально-политическихъ и экономическихъ условіяхъ,—психиатричность эта, вообще, не можетъ, кажется намъ, не отражаться въ цѣломъ, на нашей умственной жизни, на движеніи и проявленіи нашего интеллектуальнаго развитія. Явись, напримѣръ, въ тяжелыя времена, нѣсколько кающихся Радищевыхъ, съ ядомъ въ рукахъ или въ коверкающемъ мозгъ страхѣ полиціи отказывающихся отъ своихъ идей, которыя они дотолѣ развивали и возвѣщали, явись нѣсколько патологическихъ Гоголей съ перепиской съ друзьями и т. п.,—вотъ вамъ и въ умственномъ движеніи общества, въ развитіи идей нѣсколько попятныхъ шаговъ или, по крайней мѣрѣ, остановокъ: ибо, во-первыхъ, съ паденіемъ или умственнымъ расстройствомъ подобныхъ талантовъ, возвѣщенные ими вначалѣ истинныя, прогрессивныя идеи не развиваются ими дальше, слѣдовательно задерживаются, лишаясь наиболѣе могучихъ интеллектуальныхъ силъ для своего развитія, а во-вторыхъ—противоположныя, реактивныя, или болѣзненныя и покаянныя идеи подобныхъ патологическихъ талантовъ, при общей слабости русскихъ мозговъ, при незрѣлости и несамостоятельности юной русской мысли, на большинство русскаго общества могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ убѣдительно, воспитательно. Въ суммѣ же или въ цѣломъ такія, повидимому, ничтожныя, индивидуальныя остановки или уклоненія въ направленіи и движеніи мысли что нибудь да составляютъ. Одна

¹⁾ Зап. Лопухина, стр. 61.

«Дѣло», № 9.

пружина повредится въ машинѣ или въ колесѣ цѣлаго движенія, — можетъ быть парализовано, вслѣдствіе того, или замедлено или же ложно направлено и цѣлое движеніе. Въ русскомъ обществѣ, въ которомъ еще далеко не развита самостоятельная критическая мыслительность, подобное подчиненіе умовъ интеллектуально-патологическимъ уклоненіямъ передовыхъ мыслителей, очень возможно и дѣйствительно бывало. Такъ, послѣ интеллектуально-патологической реакціи новиковскаго общества, — многіе изъ прежнихъ поклонниковъ разума и философій, многіе изъ такъ называвшихся «вольтерьянцевъ» стали по образу мыслей Жозефамп де-Местрами, Руничами и Магницкими, какъ увидимъ дальше, дико завопили противъ «лжеименнаго разума» и накликали гоненія на юную русскую мысль. Точно также, какая нибудь одна «Переписка съ друзьями» Гоголя, — плодъ патологическаго умонастроенія этого знаменитаго писателя подъ конецъ его жизни, — одна эта «переписка» много умовъ поколебала утвердила и воспитала въ мистицизмѣ. Многіе юноши съ увлеченіемъ назидались этой книгой. Многіе съ какимъ-то экзальтированнымъ восторгомъ указывали на нее, какъ на торжественную и побѣдоносную защиту идеализма и мистицизма, высказанную такимъ полномѣстнымъ авторитетомъ русской мысли, какъ авторъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Такимъ образомъ, при вѣковомъ господствѣ чувствъ надъ разумомъ и при распространеніи мистическаго міросозерцанія, вслѣдствіе смѣшенія сенсуализма съ мистицизмомъ, — развивалось сенсуально-галлюцинаціонное умонастроеніе и сильно препятствовало здоровому, реалистическому, умственному развитію народа. Но если патологическій, галлюцинаціонный сенсуализмъ и мѣшалъ развитію здороваго, реальнаго умонастроенія, — то, съ другой стороны, все-таки въ сферѣ физическаго, реальнаго рабочаго опыта и наблюденія народнаго, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, развивался и здоровый, реалистическій сенсуализмъ. И этотъ сенсуализмъ, эта здоровая умственно-рабочая дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, на нашъ взглядъ, составляетъ характеристическій фактъ и знаменательный признакъ въ судьбахъ умственной исторіи русскаго рабочаго народа. Въ вѣковомъ историческомъ преобладаніи и господствѣ реально-познавательной дѣятельности чувствъ народа рукой самой природы и исторіи начертана и, такъ сказать, въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рабочаго народа напечатлѣна великая идея и положенъ естественно-историческій завѣтъ и историко-физиологическій залогъ реальнаго, естественно-научнаго просвѣщенія будущихъ

поколѣній. Мало того: въ самомъ направленіи и характерѣ реально-познавательной воспримчивости внѣшнихъ чувствъ нашего рабочаго народа указанъ, можно сказать, и самый путь, по которому масса должна быть введена въ область естествознанія, и по которому должна подходить къ народу съ ученіемъ естественныхъ наукъ будущая пропаганда народнаго естественно-научнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе вѣкового преимущественнаго развитія непосредственно-чувственной воспримчивости, наблюдательности и примѣтливости, — въ народѣ русскомъ развилась особенная умственная потребность чувственной осязательности, наглядности и осязательности всякихъ превышающихъ его интеллигенцію идей или изобрѣтеній. По причинѣ особеннаго, преобладающаго развитія реально-познавательной воспримчивости чувствъ и памяти, — онъ развилъ въ себѣ особенную умственную способность легко высматривать и быстро перенимать всякое новое промышленное изобрѣтеніе или мастерство, какое только могъ видѣть и разсматривать своими глазами. Но по неразвитости собственной силы мышленія, изобрѣтательной интеллигенціи, самъ онъ, собственнымъ умомъ, своей головой не могъ ничего новаго измыслить или изобрѣсти. Юрій Крыжаничъ, сравнивая въ этомъ отношеніи русскихъ съ западными европейцами, замѣчалъ: «разумы наши суть тупы и косны — не остроумны, и мы не сильны быстротою и ловкостью ума. Всѣ именитые народы превосходятъ насъ разумомъ. Ничего не можемъ мы сами искусно и мудро удумать, измыслить. И такъ ко всякому мудрому дѣлу мы должны брать у другихъ народовъ обличье и узоръ, наглядный видъ и образецъ... Ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и сами неудобно что нибудь выдумаютъ, если имъ не покажутъ» ¹⁾. Вообще, по преобладанію въ интеллектѣ русскаго рабочаго народа непосредственно-чувственной, наглядной воспримчивости, — ему нужны были наглядные европейскіе образцы. Когда онъ ихъ собственными глазами видѣлъ и разсматривалъ, — тогда уже легко и быстро и самъ научался по нимъ дѣлать ту или другую вещь. «Всѣ вообще русскіе ремесленники», — говоритъ Оларій, — «скоро перенимаютъ все то, что увидятъ у нѣмецкихъ ремесленниковъ: такъ, въ нѣсколько лѣтъ они перенили отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и о чемъ вовсе не слыхали: Не могу надивиться я въ особенности золотыхъ дѣлъ ма-

¹⁾ О москов. государ. XVII в., Разд. 3, стр. 42 и разд. 11, стр. 33.

стерамъ, которые въ состояніи дѣлать теперь серебряную и золотую посуду съ такимъ же совершенствомъ и искусствомъ и даже изяществомъ, какъ и нѣмцы. По этой самой причинѣ, *если кто-либо изъ нѣмцевъ желаетъ удержать въ секретъ свое знаніе въ какой либо отрасли промышленности, то не допускаетъ къ себѣ ни одного русскаго, опасаясь, чтобы онъ не перенялъ у него его искусства.* Такимъ образомъ поступалъ сначала знаменитый литейщикъ Іоаннъ Фалькъ (Hans Falk), такъ требовалъ онъ, *чтобъ русскіе ремесленники уходили отъ него прочь*, когда онъ приступалъ къ отлитію и отдѣлкѣ пушекъ и другихъ особенно замѣчательныхъ вещей. Теперь русскіе сами въ состояніи отливать пушки и колокола; такъ, въ прошедшемъ году ученики помянутаго Фалька вылили въ Кремлѣ большой колоколъ, который вѣсилъ, какъ сказывали мнѣ нѣмцы, живущіе въ Москвѣ, и сами русскіе—7,700 пудовъ, т. е. 308,000 фунтовъ пли 208 центнеровъ» ¹⁾. Самъ рабочій народъ нашъ объ себѣ составилъ пословицу: *русскій что увидитъ, то и сдѣлаетъ»* ²⁾. Вслѣдствіе этого понятно, почему въ древней Россіи, пока глазамъ русскихъ ремесленниковъ не представлялись наглядные образцы европейскихъ искусствъ пли изобрѣтеній,—среди ихъ вовсе не являлись даже и тѣ такъ называемые самородки или самоучки-изобрѣтатели, какіе стали появляться съ XVIII столѣтія. Западные путешественники, до Петра Великаго, считали единственнымъ, для нихъ удивительнымъ русскимъ изобрѣтеніемъ, лыжи, да и то это было вовсе не русское изобрѣтеніе, а извѣковѣчное орудіе всѣхъ азіатскихъ, сибирскихъ звѣролововъ. Съ XVIII же вѣка, со времени призванія интеллектуально-развитыхъ европейцевъ-мастеровъ и ученыхъ, со времени основанія въ столицахъ и по провинціямъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, со времени распространенія европейскихъ ремеслъ и искусствъ, европейскаго машиннаго производства и проч.,—рабочій народъ болѣе или менѣе повсюду могъ видѣть и видѣлъ наглядные образцы, оперативные приемы и практическія приложенія европейскихъ реальныхъ искусствъ, знаній и производствъ. И вотъ, изстари-развитая въ немъ, вслѣдствіе вѣкового, почти исключительнаго, непосредственно реального воспитанія и развитія реально-познавательной наблюдательности и приемлемости внѣшнихъ чувствъ и памяти, особенная умственная воспримчивость къ нагляднымъ и осязательнымъ ви-

¹⁾ Олеарій. Архивъ г. Калачева 1859 г., кн. III, стр. 53.

²⁾ Сборн. пословицъ р. народа—Дала: Русь.

дамъ, образцамъ или реальнымъ приложеніямъ раціональныхъ знаній и производствъ, особенная зрительная, слуховая и осязательная воспримчивость и смѣтливость, — вотъ эта исторически-развившаяся, преобладающая интеллектуальная способность русскаго народа съ XVIII столѣтія стала все болѣе и болѣе проявляться и нравиться рабочему народу. По мѣрѣ того, какъ все больше и больше распространялись по Россіи наглядные образцы европейской индустриальной изобрѣтательности, устраивались фабрики и заводы, распространялось машинное производство, и въ тоже время мало по малу и изъ учебныхъ заведеній разносились по Россіи хотя крупицами европейскія реальныя знанія, по мѣрѣ того, какъ Европа показала русскому народу уже много наглядныхъ видовъ и образцовъ своей могучей интеллектуальной изобрѣтательности, и рабочій народъ могъ уже видѣть, и дома и отчасти за-границей, европейскія машины, химическіе снаряды, лабораторіи и т. п., — по мѣрѣ того все чаще и чаще стали являться и русскіе самоучки-механики, техники, химики и т. п. Послѣ того, какъ и дѣти рабочаго народа, по великой идеѣ Петра Великаго, хотъ изрѣдка да стали имѣть возможность учиться естественнымъ наукамъ за границей, — видѣть тамъ физическіе и химическіе опыты и вообще видѣть образцы, приемы, методы и наглядные примѣры естественно-научныхъ работъ, — послѣ того возможно стало появленіе естествоиспытателей, натуралистовъ и изъ среды рабочаго народа. Вспомнимъ знаменитаго сына холмогорскаго крестьянина-рыбака ¹⁾: за границей онъ выслушалъ курсъ наукъ, увидѣлъ, разсмотрѣлъ и изучилъ наглядно, практически методы или способы химическихъ работъ и физическихъ опытовъ. И вотъ явился въ Россіи первымъ замѣчательнымъ химикомъ и физикомъ. Возбужденная образцами европейской науки и мысли, — мысль Ломоносова потомъ проявилась уже со всею самостоятель-

¹⁾ См. подробности о родѣ Ломоносова, между прочимъ, въ Путеш. Лепехина, IV, стр. 298—305. Здѣсь помѣщены и ревизскія сказки о родѣ Ломоносова. Наприм., въ одной изъ нихъ, именно «во второй ревизіи 744 года» въ сказкѣ показаны деревни Мишанинской, по генеральному свидѣтельству 722 года, 11 дворовъ, въ тѣхъ дворахъ муж. пола душъ:

	Лѣта.	Выбылой графы.
Лука Леонтьевъ сынъ Ломоносовъ.	73	Умре 727 г. марта 30 дня.
Сынъ его Иванъ	20	} Умре 720 г. декабря 7 дня.
Внукъ его же Никита Федоровъ	18	
Василій Федоровъ сынъ Ломоносовъ.	38	
Сынъ его <i>Михайло</i>	7	
		} <i>Былъ</i> 732 года.

ною творческою мощью. Потомъ онъ уже и самъ выработалъ нѣсколько новыхъ физико-химическихъ теорій или идей. Такъ, напримѣръ, онъ первый объяснилъ, раньше даже Франклина, явления воздушнаго электричества и грома ¹⁾. За долго до развитія идеи единства физическихъ силъ, высказанной потомъ ясно Дэви и Берцелліусомъ, Мелони, Карно, наиболѣе развитой затѣмъ Грөве, Фарадеемъ, Майеромъ, Кольдинггомъ, Джоулемъ, Томсономъ, Клазіусомъ, Либихомъ и, наконецъ, Тиндаллемъ и Гельмгольцомъ,—идея эта совершенно самостоятельно выработывалась уже и Ломоносовымъ въ его системѣ «физической химіи». Напримѣръ, въ словѣ «о происхожденіи свѣта» онъ положительно отрицалъ всѣ прежнія теоріи «теплотворныхъ и всякихъ чудотворныхъ матерій» (какъ онъ выражался), какія придуманы были для объясненія разнообразныхъ явленій свѣта, теплоты, движенія, электричества и проч., и положительно признавалъ, по собственнымъ словамъ его, разные формы движенія нечувствительныхъ (молекулярныхъ) частицъ, самыя тѣла составляющихъ, какъ причины теплоты, свѣта и проч. ²⁾. И послѣ Ломоносова, немало было въ средѣ простыхъ рабочихъ людей порывовъ и наклонностей къ естественно-научному реализму, къ реальнымъ изобрѣтеніямъ, вслѣдствіе невольнаго воздѣйствія разныхъ наглядныхъ видовъ и образцовъ европейскихъ научныхъ приложеній и изобрѣтеній на эту исторически-развившуюся особенную зрительно-слуховую интеллектуальную чуткость и восприимчивость русскихъ народныхъ умовъ. Вспом-

¹⁾ Слово о явленіяхъ воздушнаго электричества. Полн. Собр. Сочин. Ломоносова. Спб. 1803 г., ч. III.

²⁾ Собран. сочинен. Ломоносова изд. 1803 г., ч. III, стр. 160—163 и друг. «Доказано мною въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи», — говорятъ напр. Ломоносовъ, — «что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія нечувствительныхъ частицъ (молекулъ), самыя тѣла составляющихъ. Теплотворная матерія принята произвольно... Всѣ затрудненія или, лучше сказать, невозможности уничтожатся, когда положимъ, что теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи нечувствительныхъ частицъ, тѣла составляющихъ. Не нужно будетъ странное и непонятное переходеніе какой-либо теплотворной матеріи изъ тѣла въ тѣло, которое не только не можетъ быть утверждено доказательствами, но и ясно истолковано. Коловратное движеніе частицъ на изъясненіе и доказательство всѣхъ свойствъ теплоты достаточно. Для большаго въ немъ увѣренія отсылаю охотниковъ къ разсужденію моему о причинахъ теплоты и стужи и къ отвѣтамъ на критическія противъ оной разсужденія». Точно также Ломоносовъ объяснялъ силу или явленіе свѣта особенной формой «збылщагося» частичнаго или молекулярнаго движенія.

нимъ, напримѣръ, самоучку-натуралиста, зоолога, химика и технолога—архангелогородскаго купца Фомина, доставившаго въ своихъ сочиненіяхъ о морскихъ рыбахъ и звѣряхъ и о терпентинномъ промыслѣ весьма цѣнный въ свое время научный матеріалъ, сообщенный въ «Путешествіи» академика Лепехина ¹⁾. Вспомнимъ, далѣе, механическую изобрѣтательность Кулибина — сына небогатаго нижегородскаго посадскаго или мѣщанина, торговавшаго мукой ²⁾; физическія и химическія открытія русскаго химика Власова—сына крѣпостнаго крестьянина ярославской губерніи, который, явившись въ Петербургъ для работъ по найму, сталъ заниматься здѣсь физикой и химіей, потомъ поступилъ къ одному фабриканту, гдѣ сдѣлалъ многія открытія и наконецъ занимался въ лабораторіи медико-хирургической академіи ³⁾; механическія изобрѣтенія ярославскаго господскаго человѣка—механика Калашникова ⁴⁾; техническія усовершенствованія въ кожевенномъ производствѣ петербургскаго мѣщанина Кукина, который для изученія кожевенныхъ операцій осматривалъ заводы въ Петербургѣ, Казани и даже Иркутскѣ, и, оставшись недоволенъ отдѣлкою кожъ русскими мастерами, послѣ долгихъ и разныхъ опытовъ самъ усовершенствовалъ русское кожевенное производство, описавъ секретъ своего усовершенствованія въ пяти книгахъ ⁵⁾; механическія изобрѣтенія—машины молотильная, вѣяльная и др. костромича — господскаго человѣка Соболева, учившагося ранѣе столярному мастерству и рисованью

¹⁾ Путеш. Лепех. IV, 305—370 и 432—457. Самъ Фоминаъ рассказываетъ, какъ въ 1780 г. поморскіе промышленники, и въ томъ числѣ «мужики» и самъ Фоминаъ, научились производству терпентиннаго промысла *по наглядному указанію и примѣру* одной англійской компаніи. *Ibid.*, стр. 438.

²⁾ См. жизнь механика Кулибина и его изобрѣтенія въ «Отеч. Записк.» 1819 г. ч. 2, стр. 225. Также извѣстіе о Кулибинѣ въ Чт. Общ. Ист.

³⁾ Отеч. Зап. 1818 г. ч. 1, стр. 59. Здѣсь сообщенъ биографическій очеркъ и подробный рассказъ о физическихъ и химическихъ открытіяхъ Власова. Во 2-й части Отеч. Записк. (1819 г.) напечатаны: 1) лекція Власова объ электричествѣ или новый практической способъ дѣлать простые и вѣрные громовые отводы на домахъ (стр. 146); 2) въ статьѣ «Прогулка на Васильевск. островъ»—извѣстіе объ изобрѣтенной Власовымъ краскѣ и новомъ способѣ, имъ придуманномъ, красить крыши, 3) извѣстіе объ опытахъ негараемости Власова (стр. 317).

⁴⁾ Отеч. Зап. 1818 г. ч. 1, стр. 123.

⁵⁾ Отеч. Зап. 1. стр. 220.

чертежей ¹⁾); замѣчательныя мраморныя и каменныя работы проstonароднаго русскаго каменщика-ваятеля—сына вологодскаго крестьянина, Суханова, который, перепробовавши много занятій, побывавши на Бѣломъ морѣ и Шпитцбергенѣ за звѣринными промыслами, гдѣ одинъ-на-одинъ боролся съ медвѣдемъ, послуживши въ работникахъ у судовъ при дедюхинской пристани, потрудившись на яворномъ заводѣ, наконецъ, участвуя въ построеніи михайловскаго дворца, изошрился въ мраморныхъ и каменныхъ работахъ и сдѣлался извѣстнымъ въ С.-Петербургѣ каменщикомъ-ваятелемъ ²⁾). Напомнимъ также: физико-механическія изобрѣтенія—физическіе инструменты, хронометръ и строительное искусство провинціального оптика, механика и архитектора—костромскаго купца Красиляникова ³⁾); изобрѣтенія гранильщика Шубина, механика и живописца на мѣди Казаманова и Немилова—изобрѣтателя шлюза для уничтоженія вреда отъ мелей и пороговъ на судоходныхъ рѣкахъ и составителя проекта постояннаго на Невѣ моста ⁴⁾); изобрѣтенія московскаго купца Гребенщикова, занимавшагося устройствомъ водопроводовъ, органовъ, пивоварень и изобрѣвшаго цилиндръ для печатанья ситцевъ и выбойки ⁵⁾). Занятія самоучкой физикою, химіею, механикою и астрономіею курскаго мясника—астронома Семенова ⁶⁾); изобрѣтенія пермскаго механика изъ крестьянъ Чистякова, самоучкой выучившагося грамотѣ, рисованью, токарному и часовому искусствамъ, приготовленію калейдоскоповъ, и изобрѣвшаго механизмъ для перемѣны декорацій и проч. ⁷⁾). И въ настоящее время, чуть только способный мальчикъ изъ рабочаго народа присмотрится гдѣ нибудь къ устройству, наприм., машинъ,—сейчасъ въ немъ проявляется склонность самому заниматься устройствомъ подобныхъ машинъ по видѣннымъ нагляднымъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, по извѣстію «Волынскихъ Вѣдомостей», въ ровенскомъ уѣздѣ (волынской губерніи), въ с. Стыдини, принад-

¹⁾ Отеч. Зап. ч. I, 1818 г., а также 1822 г. ч. X, № 26, стр. 379, и 1827 года, ч. XXX, № 68, стр. 500, гдѣ помѣщено извѣстіе о новыхъ изобрѣтеніяхъ механика Соболева.

²⁾ Приключенія Суханова въ Отеч. Зап. 1818 г. ч. I, стр. 188, 1819 г. ч. II, стр. 333.

³⁾ Отеч. Зап. 1820 г. II, № 1, стр. 45 ч. III, № 6, стр. 301.

⁴⁾ Отеч. Зап. 1820 г. ч. III, № 8, стр. 82.

⁵⁾ Отеч. Зап. 1821 г. ч. VII, № 16, стр. 153, № 17, стр. 243.

⁶⁾ Отеч. Зап. 1822 г. ч. IX, № 21, стр. 98; 1824 г. ч. XVIII, № 46.

⁷⁾ Ibid. ч. XXIV (1825 г.), № 67, стр. 229.

лежащемъ помѣщицѣ графинѣ Езерской, живетъ замѣчательный крестьянинъ-механикъ Варфол. Павл. Демьянчукъ изъ дворовыхъ. Находясь сиротой-горемыкой при панскомъ дворѣ, онъ съ малыхъ лѣтъ имѣлъ случай присмотрѣться къ устройству разныхъ машинъ—молотильной, вѣяльной, къ устройству винокуренныхъ аппаратовъ, и такимъ образомъ научился дѣлать и поправлять ихъ. Въ настоящее время онъ живетъ безбѣдно и пользуется уваженіемъ не только крестьянъ с. Стыдинъ и сосѣднихъ селеній, но и живущихъ въ окрестности помѣщиковъ. Испортилась ли молотильная или вѣяльная машина, вѣтряная мельница, карманные или стѣнные часы — всѣ посылаютъ къ нему даже и за 100 верстъ. Лѣтъ 7 или 8 тому назадъ, этотъ самоучка-механикъ самъ, безъ помощи науки, устроилъ стѣнные деревянные часы безъ употребленія металлическихъ частей,—и часы эти не уступали въ вѣрности хода часамъ работы ученаго мастера. Теперь Демьянчукъ выливаетъ колокольчики безъ всякой машины, вѣсящіе отъ 1 до 6 фунтовъ, которые несравненно лучше колокольчиковъ, выливаемыхъ на ближайшемъ заводѣ, находящемся въ с. Любатѣ, въ 30 верстахъ отъ с. Стыдинъ. Демьянчукъ въ настоящее время отличный бондарь, столяръ, механикъ, литейщикъ, кузнецъ, телѣжникъ, токарь и даже музыкантъ-самоучка: онъ играетъ на скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ и виолончели»¹⁾. Всѣ эти и подобные примѣры болѣе или менѣе ясно обнаруживаютъ въ нашемъ рабочемъ народѣ исторически-развившуюся особенную умственную склонность къ эмпирическимъ, реальнымъ знаніямъ и занятіямъ—къ механикѣ, химіи, физикѣ, технологіи, архитектурѣ и проч. Грубы, односторонни и часто ложны и непроизводительныя проявленія этой народной способности, часто она злоупотребляется; но надо помнить, что для надлежащаго реального или естественно-научнаго развитія и проявленія ея у рабочаго народа до сихъ поръ не было и нѣтъ средствъ.

Такимъ образомъ, вѣковое, историческое развитіе въ Россіи преобладанія рабочаго народа надъ классомъ интеллектуальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣковое историческое преобладаніе реально-познавательной дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной—этихъ, такъ сказать, рабочихъ органовъ высшаго, теоретическаго интеллекта и мышленія, само по себѣ, независимо отъ другихъ историческихъ вліяній, еще не представляетъ явленія безотраднaго, печальнаго, невыгоднаго

¹⁾ С.-Петербург. Вѣдом. 1867 г. 1 авг. № 210.

для интеллектуальнаго прогресса Россіи. Скорѣе — напротивъ. Въ одной изъ предъидущихъ своихъ статей мы сказали: «при вѣковомъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ познающимъ, чистымъ разумомъ (reine Vernunft), вмѣсто идей и теорій чистаго разума, вмѣсто научно-философскаго мышленія, развивался по преимуществу грубый физическій, непосредственно-чувственный реализмъ, или непосредственно-натуральный, элементарно-конкретный эмпиризмъ. Такое естественное реалистическое уmonoстроение русскаго рабочаго народа, намъ кажется, какъ нельзя болѣе благоприятствуетъ и даже невольно ведетъ народъ къ естественному-научному, реалистическому развитію, потому что какъ то основывалось главнымъ образомъ и даже исключительно на непосредственно-натуральной, только крайне-поверхностной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, такъ и это, естественное-научное реалистическое развитіе основывается, главнымъ образомъ, на экспериментальной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ, только раціонализируемой или управляемой разумомъ, научно-развитымъ теоретическимъ мышленіемъ ¹⁾. Одинъ изъ нашихъ медиковъ, именно г. В. Стаціонъ въ одномъ заграничномъ отчетѣ своемъ справедливо замѣтилъ: «прежняя наука была схоластической и діалектической, новѣйшая, напротивъ, исключительно демонстративна и наблюдательна. Прежде учащихся заставляли *jugare in verba magistri*. теперь ихъ учатъ наблюдать и удостовѣряться *оаннихъ, собственнымъ глазомъ, собственнымъ ухомъ, собственнымъ осязаніемъ* въ томъ, что говоритъ профессоръ. Теперь дѣломъ преподавателей наукъ стало—опытами, демонстраціями, химическимъ анализомъ или наблюденіемъ упражнять, по крайней мѣрѣ, *четыре изъ пяти чувствъ своихъ*, и, дѣйствительно, какъ

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что даже по способности развитія органовъ чувствъ, наприм. органа зрѣнія, простые рабочіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сходятся съ глубокомысленнѣйшими естествоиспытателями. Напримѣръ, знаменитый географъ К. Риттеръ, описывая наши алтайско-барнаульскія металлургическія работы, между прочимъ, говоритъ: «въ 1826 году, Ледебуръ писалъ, что одинъ изъ рабочихъ долженъ постоянно наблюдать за плавою серебра, смотря сквозь небольшое отверстіе, чтобы не пропустить того мгновенія, когда серебро, еще не начиная улетучиваться, уже совершенно расплавится. Въ теченіи 40 лѣтъ, эту трудную должность занималъ одинъ и тотъ же работникъ; но кромѣ ослѣпительнаго серебрянаго блеска старикъ не видѣлъ уже ничего... Удивительна и необъяснима способность развитія глаза, благороднѣйшаго изъ органовъ чувствъ, болѣе другихъ отдѣленныхъ отъ человѣческаго организма, такъ что онъ живетъ почти особенною, имъ приобрѣтенною, внутреннею жизнью и сохраняетъ

говорится, «demonstrare ad oculos» — сдѣлать вполне *наглядными* истины и положительность своихъ изрѣченій. Внѣшнія чувства, руководимыя разумомъ или научно-раціональнымъ мышленіемъ, управляютъ важнѣйшую дѣятельность въ естествоиспытаніи. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ», въ главѣ «о естественномъ и телескопическомъ зрѣніи», такъ говоритъ, наприм., о заслугахъ органа зрѣнія для астрономіи: «только со времени двухъ съ половиной столѣтій глазъ, органъ міросозерцанія, въ искусственномъ телескопическомъ возвышеніи своей силы, получилъ величайшее вспомогательное средство къ познанію содержанія міровыхъ пространствъ, къ изслѣдованію вида, физическихъ свойствъ и массъ планетъ вмѣстѣ съ ихъ спутниками. Первая труба была построена въ 1608 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти великаго наблюдателя Тихо-Браге. Уже съ помощію трубы были открыты юпитеровы спутники, солнечныя пятна, сѣрнообразный видъ Венеры, тройственность Сатурна, телескопическія звѣздныя группы и туманное пятно Андромеды, когда въ 1634 г. французскому астроному Мореню (Morin), оказавшему важныя заслуги своими наблюденіями долготъ, въ первый разъ явилась мысль утвердить зрительную трубу на алидадѣ угломѣрнаго инструмента и отыскать Арктура во время дня. Усовершенствованіе дѣленія дуги вполне, или по крайней мѣрѣ большею частію, не достигало бы главной своей цѣли, т. е. большей точности наблюденія, еслибы оптическіе приборы не были приведены въ соединеніе съ астрономическими инструментами и острота зрѣнія не соответствовала точности измѣренія. Микроскопическій приборъ изъ тонкихъ нитей, натянутыхъ въ фокусѣ трубы, который придалъ употребленію телескоповъ свойственное

ее даже при самыхъ противоположныхъ крайностяхъ. смотря ли, подобно тому, какъ здѣсь, на эти серебряные блики, или созерцая солнце. Я обращался съ вопросомъ объ этомъ загадочномъ явленіи къ Самуилу Земерингу, величайшему и учевѣйшему астроному прошлаго вѣка, которому посвящено было первое изданіе этой географіи Азіи въ 1818 году. Въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлалъ онъ ежедневно самыя тщательныя и непрерывныя наблюденія надъ солнечными пятнами, для изслѣдованія формы и вращенія центра нашей планетной системы. Осенью 1829 года (ему было тогда 74 года) я выразилъ ему удивленіе, какъ можетъ глазъ его (Земерингъ писалъ объ отправленіяхъ и свойствахъ глаза) смотрѣть ежедневно и безнаказанно въ Фрауенгоферовскій телескопъ на яркій, свѣтлый солнечный міръ. Онъ, съ незабвеннымъ для меня спокойствіемъ и хладнокровіемъ изслѣдователя истины, отвѣчалъ мнѣ: «глаза мои упиваются солнечнымъ свѣтомъ». (Mein Auge trinkt das Sonnenlicht) (Землевѣд. Азіи. т. III, стр. 256—257).

только имъ неоцѣненное достоинство, былъ изобрѣтенъ еще 6 лѣтъ спустя, только въ 1640 году, молодымъ, талантливымъ Гасконьемъ. *Телескопическое зрѣніе*, изслѣдованія и измѣренія, какъ я сейчасъ упомянулъ, обнимаютъ только 240 лѣтъ нашего астрономическаго знанія; напротивъ того, не говоря уже о халдеяхъ, египтянахъ и китайцахъ, а начиная только отъ Тимохареса и Аристилла, до открытій Галилея мы насчитываемъ болѣе 19-ти столѣтій, въ продолженіе которыхъ положеніе и теченіе звѣздъ было наблюдаемо *невооруженнымъ глазомъ*. Принимая въ соображеніе многія препятствія, которыя въ этотъ длинный періодъ времени встрѣчали усѣху образованія и распространенія круга идей между народами, обитавшими около бассейна Средиземнаго моря, должно удивляться тому, что еще раньше *изобрѣтенія телескопическаго зрѣнія*, Гиппархъ и Птоломей узнали отступленіе равноденственныхъ точекъ, запутанное движеніе планетъ, два главнѣйшія неравенства луны, опредѣлили положеніе многихъ звѣздъ; Коперникъ открылъ истинную систему міра, Тихо-Браге усовершенствовалъ практическую астрономію и ея методы. Длинные трубы, которыя, какъ весьма вѣроятно, служили уже древнимъ и, безъ сомнѣнія, арабскимъ астрономамъ, могли конечно увеличить нѣсколько точность наблюденій... Задолго до великой эпохи изобрѣтенія *телескопическаго зрѣнія* и приложенія его къ наблюденію неба, слѣдовательно прежде достопамятныхъ 1608 и 1610 годовъ, было уже положено основаніе чрезвычайно важной части астрономіи нашей планетной системы. Георгъ Пурбахъ, Региомонтанъ (Іоаннъ Мюллеръ) и Бернгардъ Вальтеръ въ Нюрнбергѣ многотрудными и рачительными работами умножили сокровище знаній, наслѣдованное отъ грековъ и арабовъ. За ихъ стремленіемъ послѣдовало смѣлое и величественное развитіе идей, система Коперника; за нею—богатство точныхъ наблюденій Тихо, провицательное остроуміе и упорное влеченіе къ вычисленіямъ Кеплера. Два великіе мужа, Кеплеръ и Галилей, стоятъ на важномъ поворотномъ пунктѣ, какой представляетъ исторія практической астрономіи; оба опредѣляютъ эпоху, когда наблюденіе *безоружнымъ глазомъ*, однакоже съ помощію весьма усовершенствованныхъ измѣряющихъ инструментовъ, отдѣляется отъ телескопическаго зрѣнія... Три кеплеровы закона, навѣки прославившіе его имя, открыты чисто-эмпирическимъ путемъ, но для цѣлой системы науки имѣвшіе болѣе обильныя послѣдствія, нежели отдѣльное открытіе новыхъ небесныхъ тѣлъ,—вполнѣ принадлежатъ *времени естественнаго зрѣнія*, времени Тихо-Браге, даже

собственно наблюдениамъ Тихо... Переходъ отъ естественнаго зрѣнія къ телескопическому, который отличаетъ первый десятокъ XVII столѣтія и который для астрономіи (познанія небеснаго пространства) сдѣлался еще важнѣе, нежели 1492 годъ для познанія земныхъ пространствъ, — не только безпредѣльно распространилъ взглядъ на созданное, но также, вмѣстѣ съ обогащеніемъ человѣческаго круга идей, чрезъ возбужденіе новыхъ и сложныхъ задачъ, возвысилъ математическое знаніе до недостижимаго прежде никогда блеска. Такъ дѣйствуетъ *усиленіе чувственнаго органа* на міръ мысли, на укрѣпленіе умственной силы, на облагороженіе человѣчества» ¹⁾. И не только чувство зрѣнія, но и чувство слуха служитъ источникомъ точныхъ знаній. Такъ, безсмертный Лаеннес впервые примѣнилъ наприм: *слухъ* къ изслѣдованію измѣненій грудныхъ органовъ, и довель распознаваніе болѣзней легкихъ, сердца и большихъ сосудистыхъ стволовъ, посредствомъ слуха, до такой точности, какой до него даже и не подозрѣвали въ медицинѣ ²⁾. Вслѣдствіе такого высокаго научно-эмпирическаго или экспериментальнаго значенія органовъ виѣшнихъ чувствъ, намъ кажется, преобладающій сенсуально-реалистическій умственный складъ русскаго народа, обусловленный его вѣковымъ физико-географическимъ воспитаніемъ, вѣковымъ преобладаніемъ рабочей непосредственно-сенсуальной, практической дѣятельности народа надъ дѣятельностью интеллектуально-теоретическою, мыслительною, — могъ бы, намъ кажется, прямо вести его къ рациональному, естественно-научному, реалистическому развитію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно и возможно, что простой, рабочій народъ, вращаясь въ непосредственной сферѣ физической реальности, въ области самой природы, вслѣдствіе вѣкового естественнаго сенсуально-реалистическаго умунастроенія и воспитанія, какъ мы видѣли, издавна самъ сталъ обнаруживать особенную наклонность и способность къ реальнымъ знаніямъ и изобрѣтеніямъ, какъ-то къ механикѣ, химіи, физикѣ и т. п. И мы вѣримъ, что въ Россіи тогда только начнется самое живое, умственно-рабочее, всестороннее и плодотворное интеллектуальное развитіе, когда

¹⁾ Космосъ Гумбольдта т. III, отд. I, стр. 51—53, 63—64.

²⁾ Не говоримъ уже о томъ, что органы чувствъ и сами по себѣ ведутъ къ важнѣйшимъ физическимъ наукамъ. «Законы звука и зрѣнія», — замѣчаетъ одинъ ученый, — «акустика и оптика съ такимъ же правомъ могутъ быть отнесены къ области физиологіи, какъ и къ области физики». Руковод. физиологич. химіи. Дерптъ. 1862 г., стр. 11.

естественно-научное просвѣщеніе озаритъ всю темную массу рабочаго народа и естественныя науки, въ возможной степени, сравняють всенародный умственный уровень, когда всѣ умственныя силы народа будутъ работать, съ свѣточемъ индуктивно-научнаго, рационально-теоретическаго естествознанія, и въ непосредственной области природы и въ области рабочаго, практическаго естествоиспытанія, и такимъ образомъ всѣ физическія работы народа будутъ въ одно и тоже время и разумно-сознательнымъ продуктомъ или результатомъ и практическимъ приложеніемъ естественно-научныхъ, физическихъ работъ или изслѣдованій и, въ тоже время, практическимъ разумно-сознательнымъ, рациональнымъ рабочимъ опытомъ, направленнымъ къ дальнѣйшей разработкѣ естественно-научныхъ знаній. Исторія русская недаромъ обусловила, во-первыхъ, преимущественное развитіе и численное преобладаніе рабочаго народа, во-вторыхъ — вѣковое преимущественное развитіе естественнаго, сенсуально-реалистическаго умонастроенія народнаго. Въ этомъ исторически-развившемся преобладаніи рабочаго народа и въ этомъ вѣковомъ преобладаніи и укрѣпленіи сенсуально-реалистическаго народнаго умственнаго склада, въ вѣковомъ господствѣ и укорененіи реально-познавательной дѣятельности эмпирическихъ или экспериментальныхъ умственныхъ способностей — высшихъ чувствъ, — во всѣхъ этихъ историко-физиологическихъ условіяхъ, можно сказать, рукой самой природы начертанъ историческій завѣтъ и физиологическій законъ реальнаго, естественно-научнаго развитія русскаго народа. Въ органахъ высшихъ чувствъ рабочаго народа самой природой начертанъ всеобщій физиологическій законъ всенароднаго реальнаго, естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, и напечатлѣнъ и указанъ сенсуально-индуктивный, реальный методъ всеобщаго, всенароднаго мышленія, познанаія и міросозерцанія. Это, вообще, такой всеобщій физиологическій законъ органовъ чувствъ человѣческихъ, за нарушеніе котораго исторія наказываетъ соціальныя организмы народовъ такими вопіющими соціальными аномаліями и болѣзнями, какъ, наприм., анти-гигіеничность и патологичность образа воспитанія и жизни народа, страшная, вопіющая язва глубокаго и самаго темнаго суевѣрія массъ рабочихъ, господство надъ общественнымъ и народнымъ разумомъ мистицизма и идеализма, духа буржуазіи и т. п., непроходимая пропасть контраста и неестественнаго, анти-антропологическаго дуализма между милліонами темныхъ массъ рабочихъ и какими нибудь сотнями или немногими тысячами образованныхъ мыслящихъ людей

среди одной и той же націи, между мозгомъ и міросозерцаніемъ массъ народныхъ и мозгомъ и міросозерцаніемъ Ньютоновъ, Гумбольдтовъ, Дарвиновъ и т. п., между физическими работами и физическими науками, между практикой и теоріей, между трудомъ и знаніемъ, между умственнымъ ротшильдствомъ и умственнымъ пролетаріатомъ, между умственной пищей и умственнымъ голодомъ, между умственной жизнью и умственной смертью и проч. Еще въ прошломъ столѣтіи, англійскій философъ Д. Стюартъ говорилъ: «практическое значеніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ высшихъ чувствъ... Въ операціяхъ мануфактуръ и искусствъ лежитъ изумительное количество научныхъ началъ, какихъ даже и не подозрѣваютъ, и Бойль провозгласилъ громко, что онъ гораздо больше узналъ въ лавкахъ торговшей, чѣмъ изъ всѣхъ читанныхъ имъ сочиненій. Не видимъ ли мы ежедневно самыя высокія истины механики въ приложенияхъ у самаго невѣжественнаго класса народа? Грубые ремесленники не отличаются ли по временамъ быстротою и ловкостью даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ и самый глубокомысленный механикъ напрасно пытался бы найтись съ своею наукою?»¹⁾ Тоже самое недавно сказалъ въ одной лекціи Тиндалль. «Что касается до нашего рабочаго народа»,—говоритъ онъ,—«рабочаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то изученіе физики было бы ему полезно не только какъ средство интеллектуальнаго развитія, но также и какъ нравственное вліяніе, способное предохранить этихъ людей отъ привычекъ, унижающихъ человѣческое достоинство... Придавая предметамъ, окружающимъ постоянно рабочаго человѣка, такую занимательность, которая будетъ вызывать его на размышленіе, вы откроете ему новыя наслажденія, и каждое изъ этихъ наслажденій сдѣлается для него точкою опоры въ борьбѣ съ искушеніемъ (наприм., склонностью къ пьянству и т. п.). Кроме того, наши мануфактуры и заводы представляютъ обширное поле для наблюденій, и если бы тѣ, которые въ нихъ работаютъ, сдѣлались способными, при содѣйствіи предварительнаго образованія, оцѣнивать то, что они видятъ, то наука обогатилась бы неисчислимыми приобрѣтеніями. Кто можетъ сказать, какіе Самсоны умственнаго міра работаютъ въ настоящую минуту съ закрытыми глазами въ нашихъ манчестерскихъ и бирмингэмскихъ кузницахъ и заводахъ? Дайте этимъ Самсонамъ зрѣніе, надѣлите ихъ кое-какими знаніями-

¹⁾ Соч. Д. Стюарта—объ индуктивной философіи человѣческаго духа.

ми по части физики, и вы умножите шансы открытій, и тѣмъ самымъ расширите поприще будущаго національнаго процвѣтанія. Въ нашихъ многоразличныхъ техническихъ операціяхъ, мы часто играемъ такими силами, которыя, въ случаѣ нашего незнанія, становаются причинами нашей гибели. Въ локомотивѣ дѣйствуютъ такіе двигатели, о которыхъ, по всей вѣроятности, никогда не мечталъ строитель, и которыя однако достаточно сильны, чтобы превратить машину въ истребительное орудіе. Далѣе, когда мы подумаемъ объ умственномъ развитіи того народа, который трудится въ нашихъ угольныхъ копяхъ, тогда мы перестанемъ изумляться тѣмъ ужаснымъ взрывамъ, которые случаются тамъ отъ времени до времени. Если бы эти люди обладали достаточными физическими свѣденіями, то, безъ сомнѣнія, изъ среды самихъ работниковъ вышла бы такая система предосторожностей, вслѣдствіе которой эти потрясающія событія перестали бы повторяться. Если бы они обладали знаніемъ, то ихъ личные интересы доставили бы имъ необходимый стимулъ для его практическаго приложенія и, такимъ образомъ, двѣ цѣли оказались бы достигнутыми въ одно и тоже время—возвышеніе людей и уменьшеніе бѣдствій» ¹⁾. Если же практическое знаніе физическихъ законовъ начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ народа, — то естественно, по всеобщему физиологическому закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, и теоретическое, раціональное, естественно-научное знаніе физическихъ законовъ должно быть, соотвѣтственно тому, начертано и въ интеллектѣ, въ сознаніи или разумѣ всего народа. Рано или поздно должны раскрыться и въ сознаніи рабочаго народа тѣ общія теоремы, которыя заключаются въ частныхъ приложеніяхъ физическихъ работъ народа и въ ощущеніяхъ его физическихъ чувствъ. Что самой природой предназначено въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, то должно пройти и въ интеллектъ: ибо *nihil est in intellectu, quod non sit prius in sensu*. И по всеобщей естественно-исторической логикѣ интеллектуальнаго развитія человѣческаго рода въ сферѣ природы, по общему закону развитія физическаго міросозерцанія, — вслѣдъ за вѣковымъ простымъ созерцаніемъ природы рабочему народу рано или поздно необходимо должно выступить и на путь раціональнаго, умозрительнаго познанія природы. И какъ по закону органовъ чувствъ есте-

¹⁾ Лекціи Тиндалля объ изученіи физики. Книга Юманса: «Новѣйшая культура, ея настоящія стремленія и потребности».

ственно весь народъ принималъ живѣйшее непосредственное участіе въ простомъ созерцаніи природы, во времена господства физической работы надъ дѣятельностью интеллектуальной, — такъ точно, по тому же всеобщему закону органовъ внѣшнихъ чувствъ, естественно весь же рабочій народъ имѣеть естественное право и естественно долженъ принимать живѣйшее участіе въ разумно-сознательномъ, рационально-теоретическомъ, естественно-научномъ созерцаніи и познаніи природы: такъ слѣдуетъ быть по естественной логикѣ умственной исторіи народа, или по общему естественно-историческому закону. Ибо «вслѣдъ за *простымъ созерцаніемъ народа*», — говоритъ Гумбольдтъ въ исторіи развитія космическихъ идей, — «вслѣдъ за наблюденіемъ явленій, случайно представляющихся взорамъ въ земныхъ и небесныхъ пространствахъ, начинается *изслѣдованіе, познаніе силъ и законовъ природы*» посредствомъ производства опытовъ» ¹⁾. И на эту вторую, высшую степень рациональнаго, сенсуально-реалистическаго развитія рано или поздно долженъ выступить и нашъ рабочій народъ, и рабочія, непосредственно-натуральныя физическія изысканія и опыты его должны сдѣлаться въ тоже время и разумно-сознательными, научно-физическими изслѣдованіями и опытами. За вѣковой практикой рабочаго естествознанія, начертаннаго самой природой въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, логически необходимо должно слѣдовать и раскрытіе общей теоремы рациональнаго, теоретическаго, физико-математическаго естествознанія въ интеллектѣ, въ сознаніи рабочаго народа. И, наконецъ, если въ органахъ внѣшнихъ чувствъ рукой самой природы начертано практическое знаніе физическихъ законовъ, и если физическія работы народа, по самой реальной природѣ своей, суть естественно-научны, суть практическіе, естественные опыты или практическія, реальныя проявленія и указанія физическихъ силъ и законовъ, — то естественно, что и самая пропаганда естественно-научнаго просвѣщенія рабочихъ массъ должна проводить въ нихъ свѣтъ естественнаго ученія, такъ сказать, черезъ органы же внѣшнихъ чувствъ и посредствомъ естественныхъ, практическихъ лабораторій или сферъ физическихъ работъ народа; то есть: она должна раскрывать, уяснять народу силы и законы природы наглядно, въ естественно-научномъ, практическомъ производствѣ всѣхъ физическихъ работъ народа, наприм., въ естественно-научныхъ операціяхъ, изслѣдованіяхъ и практическихъ опытахъ

¹⁾ Космосъ ч. II, стр. 222.

«Дѣло», № 9.

агрономіи или земледѣлія и скотоводства, въ естественно-научныхъ практическихъ началахъ и опытахъ или приложеніяхъ и операціяхъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, и т. д. Вообще, методъ или способъ естественно-научной народо-образовательной пропаганды долженъ быть индуктивно-реальный, практической. Каждый естественно-научно-развитый дѣятель практической экономіи въ сферѣ природы долженъ нести съ собою и вносить въ среду окружающей его рабочей массы, въ физическую сферу вращенія рабочихъ силъ, свѣтъ естественно-научныхъ теорій, знаній, идей и открытій, разумъ математики и естественныхъ наукъ. Каждый фабрикантъ, каждый заводчикъ, мануфактурникъ, сельскій хозяинъ, рудопріискатель, металлургъ, скотоводъ, садоводъ и проч.,—словомъ всѣ экономическіе, хозяйственные дѣятели должны итти въ массу рабочаго народа съ основательнымъ знаніемъ естественныхъ наукъ, и каждый, въ сферѣ своей экономической дѣятельности, въ лабораторіи своихъ хозяйственныхъ работъ, долженъ быть естественно-научнымъ учителемъ и просвѣтителемъ окружающихъ его рабочихъ людей. При каждой фабрикѣ, при каждомъ заводѣ, при каждомъ сельскомъ хозяйствѣ и т. д. должны быть рабочія естественно-научныя училища, фермы и проч. И въ то же время, каждая фабрика, каждое сельское хозяйство, каждый садъ, или огородъ, поле, каждый скотный дворъ и проч.; должны быть практическими рабочими училищами естествоиспытанія, рабочими лабораторіями и обсерваторіями физическихъ, естественно-научныхъ опытовъ и наблюденій. Масса русскаго рабочаго народа, по самому историко-физиологическому складу своихъ умственно-рабочихъ сенсуальныхъ способностей, по своей естественной, исторически разившейся, особенной умственной наклонности и воспримчивости къ нагляднымъ образцамъ, къ реальной очевидности и осязательности естественно-научныхъ истинъ и ихъ доказательствъ, къ реальной, практической приложимости естествознанія,—по всему этому масса рабочаго народа ждетъ наглядныхъ образцовъ, наглядныхъ практическихъ опытовъ и уроковъ естествознанія, ждетъ вещественнаго, реально-эмпирическаго ученія и убѣжденія. Рабочій народъ ждетъ и рабочаго естествознанія. Ему необходимо, чтобы естественныя науки для него были вмѣстѣ и науками, и работами, и теоріей, и практикой, или опытомъ естественно-научно-жизненнымъ,—и въ то же время—и свѣтомъ, и жизнью, и просвѣщеніемъ ума, и благомъ жизни, или источникомъ умственнаго просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія.

А. Щаповъ.

СУМАЗБРОДКА.

(Романическій этюдъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Покровское было одно изъ богатѣйшихъ имѣній своей губерніи и знало не мало славныхъ исторій боярскаго самовластья въ то доброе, отжившее старое время, которое воспитало молодую Русь и неизбежно подвело ее подъ настоящій результатъ. Въ началѣ этого столѣтія, Сергѣй Степановичъ Самодуровъ, послѣдній изъ истинныхъ бояръ, попавъ въ немилость у юнаго Государя, едва взошедшаго на престолъ, удалился отъ службы и устроилъ себѣ въ Покровскомъ нѣчто въ родѣ маленькаго двора, завелъ дворцовые чины, обстроилъ хоромы, разбилъ великолѣпный садъ и украсилъ его выписанными изъ Италіи мраморными статуями, стоившими, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ. Онъ умеръ, объѣвшись трюфелей, и былъ похороненъ въ своей придворной церкви съ музыкой, факелами и „слезными воплями“ семи тысячъ крестьянъ своихъ, провожавшихъ до послѣдняго жилища кормильца своего и благодѣтеля, какъ гласила надъ прахомъ его надгробная рѣчь, читанная самимъ архіереємъ. Послѣ него осталась вдова и наследникъ—сынъ, переѣхавшіе въ Москву, гдѣ, послѣ своего боярскаго

воспитанія, молодой Самодуровъ наконецъ возросъ и возблисталъ въ обществѣ, на славу россійскаго дворянства и на трепеть всѣхъ извѣстныхъ невѣсть.

Покровское было богатое село; но что, однакоже, могло быть бѣдственнѣе этого вида богатыхъ крѣпостныхъ сель, гдѣ на тысячу гнилыхъ избушекъ стоялъ одинъ боярскій дворецъ, гдѣ передъ проходящимъ властелиномъ склонялись тысячи рабовъ безъ образа человѣка, съ лицомъ похожимъ на его скотовъ, съ недоувѣрчивымъ и забытымъ взглядомъ на господъ, гдѣ все — и дѣти, и матери, и здоровье, и красота, и честь, и жизнь — все принадлежало одной волѣ, все зависѣло отъ одного барскаго каприза!.. Но если только наблюдающій смотрѣлъ на чернь, какъ на природныхъ ломовыхъ скотовъ, какъ смотреть на нее и нынѣ очень многіе изъ насъ, тогда картина этого роскошно раскинутаго по обрыву села, съ живописнымъ зданіемъ боярскаго дома, съ пестрѣющимъ населіемъ раболѣпнаго люда, безъ сомнѣнія привела бы его въ самый артистическій экстазъ. Покровскій домъ былъ цѣлый дворецъ съ куполами, съ террасами, съ великолѣпно разбитымъ садомъ, спускавшимся тѣнистыми аллеями внизъ. Особенно эффектенъ онъ казался съ низова сельа, съ моста, по которому пролегалла дорога въ господскій дворъ, обсаженная деревьями и огибавшая село и двѣ его златоверхія церкви. Этимъ эффектнымъ видомъ до умиленія могли бы любоваться теперь ѣдущія по мосту въ линейкѣ барыни, и кучеръ ихъ, и лакей; но какого умиленія красотами природы искать на старенькихъ, полинялыхъ лицахъ дворовой прислуги, закорѣвшей на службѣ въ безнадежномъ равнодушіи не только ко всякимъ видамъ природы, а будто даже и къ самимъ себѣ! Откуда взяться умиленію природой на лицѣ какой бы то ни было барыни, когда возлѣ нея нѣтъ близко кавалера, и она охраняетъ отъ пыли и тряски экипажа свои юбки, оборки и рукава?! Это было, конечно, семейство какой нибудь мелкопомѣстной дворянки, отправлявшейся въ своей приданой временъ очавовскихъ линейкѣ, съ параднымъ визитомъ или на пироги; только у помѣщицъ блаженной памяти крѣпостнаго времени бывали такіа объѣвшіяся выраженія лицъ, какъ у барыни представляющейся намъ, только у

барышень времянь Черной Шали и Талисмана бывали лица въ тридцать лѣтъ такія захудалыя отъ сердечнаго поста, и въ семнадцатъ—такія розовыя отъ утренняго аппетита, какъ у двухъ дочерей помѣщицы, сидѣвшихъ въ экипажѣ по обѣимъ ея сторонамъ.

— Леля! подбери платье! опять сколой замажешь! замѣчала помѣщица своей молоденькой дочери, какъ только та перегибалась, выглядывая на дворець.

— И надо же было тащиться на поклоненье! съ досадою воскликнула барышня, ну, ѣхали бы сами! а то весь комплектъ забирать!

— Полно! надо помнить свое положеніе, замѣтила мать внушительно, я у нихъ такъ принята была въ домѣ, что не годится ни мнѣ, ни вамъ это забывать.

— А главное—вотъ тебѣ случай увидать порядочныхъ людей, прибавила старая дѣвица.

— Какже! случай! подтвердила Леля насмѣшливо.—Воображаю, какой долженъ быть очаровательный теперь этотъ Степанъ Сергѣевичъ! Я помню, какъ я ему глаза пескомъ засыпала за то, что у него такая отвратительная фізіономія, когда мнѣ было еще только пять лѣтъ и они тутъ жили.

— Ты ему, пожалуй, и теперь готова засыпать, замѣтила старшая сестра.

— Если стоитъ, такъ засыплю! Ничего не вижу для себя опаснаго. А вотъ, посмотримъ, можетъ быть, такую ободраную линейку они и на дворъ свой не велятъ пускать.

— Вотъ вздоръ! съ неудовольствіемъ сказала помѣщица, меня Прасковья Гавриловна очень рада будетъ видѣть.

— Какъ вы ея дьяконшу.

— Ты, Леля, вѣчно чтобъ переговорить! и всегда не встати! Лучше страхни съ себя пыль и оправься, потому что мы вѣзжаемъ во дворъ.

Помѣщица придала своей фигурѣ важную осанку, а барышни принялись откидывать съ колѣнъ завернутыя отъ пыли подола. Прогремѣвъ своими дряхлыми колесами по мощеному двору, линейка остановилась у перистилия съ позолоченой рѣшеткой и гигантскимъ

лѣпнымъ гербомъ, занимавшимъ собою весь фронтонъ. Ливрейный лакей выступилъ на порогъ и, довольно нахально оглядывая престарѣлый экипажъ, пропустилъ проѣзжую компанію въ наполовину раскрытую дверь. Дамы еще разъ отряхнулись въ передней и чинно вошли въ двусвѣтную залу съ колоннами, съ хорами во всю стѣну: между ними царствовало полное молчаніе, въ лицѣ торжественность ожиданія и замирающій духъ: одна Леля, ступая по пятамъ своихъ старшихъ спутницъ, кидала бойкіе взгляды по сторонамъ.

— Леля, поправь рукавчикъ! полушопотомъ сказала почтенная помѣщица, дойдя до вызолоченныхъ бѣлыхъ дверей и оглядывая еще разъ своихъ дѣвицъ, — да не смѣйся!

— Вотъ еще, какъ въ церковь! не утерпѣла, чтобъ не возразить, строптивая Леля.

Бѣлыя двери между тѣмъ распахнулись подъ рукой старой дамы и великолѣпная гостиная открылась съ своимъ куполомъ и позлащенными арабесками на карнизѣ и стѣнахъ.

— Ахъ, сколько лѣтъ и сколько зимъ! запѣла пріѣзжая помѣщица, выступая по ковру къ какому-то комочку вылинявшаго атласа, выглядывавшему на диванѣ изъ цѣлаго вороха кружевъ и лентъ.

Комокъ атласнаго отрепья, шурша, зашевелился.

— Не узнаете? такъ же сладко продолжала пріѣзжая, — а и вѣдь Дарья Григорьевна Сарматова, сосѣдка ваша, въ молодости бывало...

— Дарья Григорьевна! каково! поднялось дряблѣе журчанье изъ отрепавшихся складокъ атласнаго комка, — вотъ бы и не узнала! очень, очень мило съ вашей стороны! а это съ вами что за кравицы?

— Мои дочери, Прасковья Гавриловна! старшую въ честь вашу назвала Полиной, а вотъ это младшая, Валеріана. Онѣ васъ, Прасковья Гавриловна, просто горѣли узрѣть! вашихъ ласкъ никакъ не могли забыть!

Атласный комокъ шевелилъ своими старыми складками и издавалъ отъ нихъ какое-то глухое шурпанье, очень ласкавшее слухъ пріѣхавшихъ гостей.

Помѣщица и ея старшая дочь обѣли атласную тряпицу и предались воспоминаньямъ о старыхъ дняхъ, которыя вызывали изъ тряпицы умилявшіе ихъ глухіе звуки и вздохи; но Леля, какъ неучъ въ общественной жизни, отошла въ сторону и расказывала по гостинной, безъ всякой скромности оглядывая картины, украшенія и, наконецъ, сѣла у окна, привлекившись попугаемъ, качавшимся на кольцѣ, точно нашла его занимательнѣе знаменитаго рода Самодуровыхъ.

— На долго въ наши мѣста? сладко вопрошала Дарья Григорьевна.

— Да вотъ, черезъ недѣлю хотимъ и въ Москву, отвѣчала атласная тряпица.

— Ахъ, какъ жаль! вздохнули и Полина, и матушка ея. — Что дѣлать тутъ?! панихиды юбилейныя отслужили, слышалось изъ тряпицы, — Степаша, правда, увлекся охотою, но и охота можетъ надѣсть.

Леля, между тѣмъ, занималась знакомствомъ съ попугаемъ. За открытымъ окномъ раскидывалась большая терраса, на окнѣ стоялъ цвѣтущій геліотропъ; золотые кружечки бѣгали по подоконнику, попугай кричалъ дурака, и все это располагало къ блаженнѣйшему состоянію духа. Но вдругъ за геліотропомъ раздались приближающіеся шаги и голоса.

— Степанъ Сергѣевичъ... вѣдь у васъ дамы! какъ можно въ грязныхъ охотничьихъ сапогахъ.

— Вотъ чортъ принесъ!.. какія дамы! Сарматовы лучшаго и не видали.

Леля вмигъ оставила стулъ, отошла отъ попугая и съ вспыхнувшимъ выше ушей личикомъ приблизилась къ общему столу. Въ двери изъ террасы входилъ щеголеватый старичокъ, домашній докторъ — нѣмецъ, и рядомъ съ нимъ высокій молодой человекъ съ широкимъ и несовсѣмъ правильнымъ лицомъ, съ твердымъ и властнымъ взглядомъ, одѣтый въ охотничью блузу и съ панталонами въ сапогахъ.

— Степаша, ты не узнаешь? обратилось къ нему гнилое, еле дребезжавшее атласное существо и указало на Сарматову; послѣдо-

вало привѣтствіе, ступъ каблука, послѣ котораго молодой Самодуровъ поклонился и дѣвицамъ; но Леля при этомъ вдругъ повернулась къ стѣнѣ и какъ будто принялась разсматривать картину, висѣвшую надъ головой сестры.

— Леля! тебѣ кланяются! въ переполохъ обозвала ее Полина.

— Вотъ еще! брякнула Леля, не оборачиваясь, — да не дергай же платья понапрасну! не обернусь, да и только.

Полина готова была упасть въ обморокъ отъ поношенія своей фамиліи, когда, на ея счастье, въ это самое время поднесли огромный подносъ съ десертомъ, поставили на столъ, и голосъ Лели на половину заглушенъ былъ торопливымъ шорохомъ лакейскихъ шаговъ.

Лакомымъ взорамъ молоденькой дѣвочки открылся въ самомъ привлекательномъ видѣ богатый десертъ; она подошла къ нему довольно бойко и, не перемоясь, начала отбирать фрукты для себя. Возлѣ самаго стола сидѣлъ Самодуровъ, откинувшись на спинку кресла, съ ногами вытянутыми и перекрещенными на коврѣ; его барская рука лежала на сватерти, возлѣ подноса. Накладывая варенья на блюдечко, Леля пошатнула ложку и капнула вареньемъ какъ разъ на эту барскую руку, потомъ она отошла съ самой дерзкой небрежностью въ лицѣ, какъ будто и не замѣтивъ ничего. Самодуровъ оглянулся и въ первый разъ, можетъ быть, увидѣлъ граціозную талію и бѣлый локоть дѣвушки.

Съ десертомъ подали на террасу чай, и общество перешло изъ гостиной къ мраморному столу подъ открытымъ небомъ; Дарья Григорьевна таяла отъ несравненнаго удовольствія пить чай изъ китайской чашки, кресло съ кресломъ знатной генеральши, а захудалые пальцы Полины дрожали, размѣшивая сахаръ въ чаѣ, потому что молодой Самодуровъ вступилъ съ нею въ разговоръ. Отказавшись отъ чая, Леля подошла къ балюстрадѣ террасы и залюбовалась на спускавшійся по горѣ садъ; ее очень заняли бѣлыя статуи, выглядывавшія изъ кущей зелени, бассейны съ бьющей водой и волшебно спрятанный въ зелени мраморный гротъ; она уже думала, не заботясь о мнѣніи маменьки, спуститься къ этимъ заманчивымъ предметамъ, когда къ ней приблизился Самодуровъ, какъ вѣжливый хозяинъ, занимавшій по очереди дѣвиць.

— Вы, кажется, первый разъ въ этомъ домѣ послѣ его пере-
дѣлки, началъ онъ, становясь рядомъ съ нею, какъ вамъ нравит-
ся теперь этотъ домъ.

— Гадкій! отвѣчала Леля.

— Какъ? отчего же онъ вамъ не нравится?

— Такъ! грубый вкусъ и украшенія безъ толку. Позолота,
напримѣръ! куда ни глянь, вездѣ наляпана позолота.

— Вы должно быть очень разборчивы.

— А вы думаете, что для оцѣнки вашего вкуса нужно быть
очень разборчивымъ?

Молодой Самодуровъ смѣшался.

Леля въ это время столкнула нечаянно свою перчатку съ пе-
рилъ и перчатка полетѣла внизъ, прямо въ воду большого бас-
сейна; она въ ту же минуту бросила и другую свою перчатку
вслѣдъ за первой.

— Это что значить?

— Ничего не значить; нравится.

На балюстрадѣ лежала сигара Самодурова; Леля вдругъ швыр-
нула и ее въ воду.

— Что это вамъ нравится все топить?

— Нравится. Если бы я могла, я бы и этотъ домъ провали-
ла въ воду.

— И сами бы провалились!

— Нѣтъ, я бы такъ сдѣлала, что сама осталась; а домъ бы
провалился, и вы бы провалились!

— Да только не по силамъ вамъ!

Личико Лели сдѣлалось крайне задорнымъ; она схватила за
край шляпу Самодурова, лежавшую на перилахъ, и мигомъ пере-
кинула ее за балюстраду.

— Вотъ вы безъ шляпы и безъ сигары! сказала она побѣдо-
носно.

— Превосходно! какая отвага! и какое великодушіе! произнесъ
Самодуровъ критикующимъ тономъ.

Она посмотрѣла еще разъ на плывущую шляпу, не удостоила
его ни взглядомъ, ни словомъ, и пошла къ матери и сестрѣ, которыя

уже поднимались со стульевъ и собирались уѣзжать. Она присѣла передъ атласной трапизей рядомъ съ сестрою и потомъ отправилась въ переднюю и на лѣстницу, не обращая никакого вниманія на Самодурова, который ихъ провожалъ.

Но когда линейка отъѣхала отъ перистіля и послѣдніе каменные столбы дворовой ограды исчезли за угломъ, пришла и расплата за проказы; соединенными силами своихъ разгнѣванныхъ языковъ, и мать, и сестра напали на Лелю за ея дерзкое невѣжество съ молодымъ Самодуровымъ, за ея неуважительность къ старой госпожѣ, которую она должна богочитать; а за шляпу и сигару просто рвали на себѣ волосы.

— Когда жъ онъ такой гадкій! ну вотъ просто гадкій! бойко отговорила Леля.

Отъ этого еще пуще напала старшая сестра.

— Да можно ли молодой дѣвицѣ такъ обращаться, такъ говорить? да знаешь ли, что ты насъ всѣхъ роняешь? да знаешь ли, что это вызоветъ на тебя? да знаешь ли, что онъ можетъ отвѣтить тебѣ такой дерзостью, что ты сгоришь со стыда и всякое реноме потеряешь!...

— Ого! отвѣтила Леля, — посмотрю я, кто бы посмѣлъ мнѣ сказать дерзость и не получилъ за то памятнаго урока!

— Ее не переговоришь! сказала Дарья Григорьевна, уныло размахнувъ рукой, — ишь — вострота! наказаніе божеское, къ людямъ не поважись. А доиграешься ты, — и прикусишь, голубушка, свой длинный языкъ.

Леля вздернула плечикомъ и не удостоила отвѣчать.

II.

Вдова Сарматова, Дарья Григорьевна, принадлежала къ мелкопомѣстнымъ. Въ семи верстахъ отъ Покровскаго было у нея имѣнье во сто душъ, имѣнье, очень счастливо обставленное, съ

гѣскомъ, съ родниками, съ черноземомъ, — и жила Дарья Григорьевна безбѣдно. Домикъ у нея былъ деревянный, подъ высокой тесовой крышей, съ веселымъ и неправильно разросшимся садомъ, и въ этомъ домѣ, и въ этомъ саду выростала и слагалась Лелина внутренняя жизнь.

Дарья Григорьевна была дама съ тенденціями и тянулась всѣми силами за людьми значительными, старалась казаться вовсе не тѣмъ, чѣмъ на дѣлѣ была и могла быть; оттого на ней были порядочныя недоимки и даже кое-какіе частныя долги. Старшая дочь ея, Полина, воспитывалась въ губернскомъ пансіонѣ и изъ нея вышла дѣвица приличная во всѣхъ отношеніяхъ, которая не то чтобы отставала отъ матери, а даже поддерживала ея блескъ въ уѣздномъ кругу; но за то Леля, которую отдать въ пансіонъ не было средствъ, выростала, а можетъ быть и выродилась, нестерпимо рѣзвой и непослушной. Дарья Григорьевна и старшая ея дочь, занятая выѣздами да бонтоной жизнью, не имѣли времени, т. е. скорѣе не умѣли слѣдить за дѣвочкой внѣ гостиной, и Леля складывала свои первыя понятія и убѣжденія по волѣ вѣтра, а не людей. Когда ее сводили съ маленькими барышнями сосѣднихъ помѣщиковъ, она умѣла съ ними только ссориться и считалась въ окологдѣ „невыдержанной“. Однимъ только можно было заставить присмирѣть на время Лелю и заслужить ея ласку—это повѣствованіемъ сказокъ, ея возлюбленныхъ сказокъ, которыхъ она готова была заслушиваться на цѣлыя ночи и на которыхъ, сама не сознавая, она строила какую-то свою собственную фантастическую жизнь. Посреди этихъ дѣтскихъ ссоръ, дѣтскихъ сказокъ и игръ, наполнявшихъ всю ея первую жизнь, бѣгая по солнцу на окружающихъ лугахъ, Леля сдружилась съ какимъ-то мужиченкомъ Пешкой, который приносилъ ей откуда-то чернаго хлѣба на свиданья за канавой, и казался ей этотъ черный хлѣбъ вкуснѣе всякихъ конфетъ гостинныхъ, а жизнь Пешки съ хворостиной, въ зеленомъ полѣ, съ стоическимъ равнодушіемъ къ колотушкамъ старшаго, — идеаломъ дѣтской жизни. Ее ничто такъ не привлекало, какъ зеленые луга съ бархатистыми холмами, съ орлами, кружащимися въ вышинѣ, и думала она надъ такими кар-

тинами странныя, непонятныя ей думы, съ трепетомъ туманнаго желанья въ груди; но послѣ этихъ минутъ несознаваемаго ею духовнаго сообщенія съ природой, Леля становилась дома еще строитивѣе и злѣе.

Она была еще очень маленькой дѣвочкой, когда мать возила ее съ собою въ Покровское, къ старой генеральнѣ и къ Степашѣ, у котораго игрушкамъ счета не велось; но Степаша ей казался идиотомъ и гадкимъ противъ Пешки, а блескъ и богатство Покровскаго запали между тѣмъ въ дѣтскій, впечатлительный умъ, и стала она, въ своихъ сказочныхъ мечтаньяхъ, героиней, Пешка героемъ, а Покровскій домъ ихъ домогательствомъ, который не давала имъ злая барская сила. Сдѣлать буйный набѣгъ на игрушки или сладости Степаши, разозлить его, какъ злила она дома, подъ веселый часъ, свою сестрицу и опустошала ея туалетныя столы, было торжествомъ и высшимъ удовольствіемъ для капризной и неугомонной Лели.

Когда подросла она и начала учиться, Дарья Григорьевна хлопотала о дешевой гувернанткѣ. Копѣчныя воспитательницы перебывали у Лели всякихъ сортовъ, и злыя, и добрыя, и грамотныя, и недоучки, но всѣ онѣ безпрестанно жѣнялись, не умѣя ужиться съ распущенной, своевольной дѣвочкой. Все это, несмотря на всю живость ея ума и способности, дѣлало ее еще своевольнѣе, еще необузданнѣй, и приводило ея сердце до какого-то анархическаго состоянія, очень опаснаго для ея нравственности и характера. Золотая головка, золотое сердце страстнаго ребенка замѣчательно портились и раздражались среди дикихъ домашнихъ сценъ, перемѣнъ воспитанія, безпрерывныхъ ссоръ, то несправедливыхъ нападеній, то несправедливыхъ льготъ. Ее волновали эти двѣ несообразности, требованья приличныхъ манеръ и дворянскаго поведенія въ гостиной, всѣ правоченія матери, сестры и гувернантокъ, и потомъ кругъ деревенскихъ дѣтей, свободныхъ игръ съ мужичатами и ихъ мужицкая жизнь, въ которую ее отпускали, въ которую ей позволяли уходить съ отѣздомъ гостей, съ отходомъ гувернантки — и не заботились о ней. Обѣ эти стороны имѣли вліяніе на нее и привлекали ее; она искренно отдавалась привольнымъ играмъ съ своими

деревенскими товарищами, но въ то же время ей нравились хорошие наряды, красивая мебель, барская жизнь; она считала это своей принадлежностью, своимъ правомъ, но не подводила подъ это право никого изъ своихъ плебейскихъ товарищей, вольную жизнь которыхъ лишь для себя одной соединяла съ роскошью господской обстановки. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ изъ ея жизни плутоватый образъ героическаго Пешки, также неизвѣстно, какъ и появился онъ передъ ней, Леля не находила между дѣтьми ничего вліянія, которое могло бы подѣйствовать на нее; она видѣла себя нравственно и умственно выше всего этого кухоннаго сброда и, какъ неразвитой и еще слабоумный ребенокъ, она возгордилась всѣми своими жизненными преимуществами и, наконецъ, отдѣлила себя отъ черныхъ людей. Леля становилась вполнѣ помѣщицей барышней съ прислугой, но въ семьѣ своей она попрежнему покоряться никому не хотѣла: она ссорилась съ матерью, часто имѣла стычки съ своей старшей сестрой, изъ которыхъ ни одна не умѣла подѣйствовать на нее ни силой, ни лаской, ни резономъ, — и всѣ эти противорѣчія, непосильные дѣтскому возрасту и уму, много повредили ровности ея характера, много засорили ея внутренній міръ, а прочнаго, полезнаго, не прибавили ея разуму почти ничего и не развили правильно нравственныхъ силъ, которыми такъ счастливо былъ одаренъ этотъ страстный женскій организмъ.

Въ пятнадцать лѣтъ Леля была прелестной дѣвочкой, любила наряды и уже не безъ кокетства показывалась въ нихъ гостямъ; пара блестящихъ сережекъ, яркая лента приводили ее въ истинный восторгъ и приковывали къ зеркалу съ новымъ прибавленіемъ румянца на щекахъ; но всѣ наряды свои Леля любила готовые, а сама, какъ помѣщицья барышня крѣпостныхъ временъ, была лѣнива и презирала трудъ, какъ вещь недостойную дворянской особы. Рядомъ съ нарядами обворожала Лелю лесть; какъ ворона въ баснѣ, она не разъ уже роняла кусочки сыра подъ сладкіе языки лисицъ; слово охуденія было за то оскорбленіемъ для нея. Она никогда еще не признавала себя ниже того общества, въ которомъ стояла, и потому относилась довольно безъ стѣсненія къ нему. Не разъ Дарья Григорьевна и Полина скорбѣли о ея неприлично-своевольной манерѣ въ

свѣтъ, тогда какъ въ домашней жизни ей не мѣшали чѣмъ угодно быть; но Леля, при своей неприличной бойкости, танцевала такъ ловко, болтала такъ живо и остроумно, что родныя даже гордились ею въ душѣ и надѣялись, что съ опытомъ и лѣтами эта дѣтская удалъ пройдетъ. Въ это время сердце Лели завлекъ немножко молодой студентъ-сосѣдъ, Францъ Валувевъ; Францъ былъ весель, щеголь и мотовать; во всемъ этомъ они сошлись. У нихъ поднималась преграціозная, полудѣтская исторія съ играми въ саду, съ ссорами въ залѣ между танцевъ; но Францъ былъ вѣтренный и себялюбивый мальчикъ, ему не нравилось ограниченіе правъ, съ которыми шаловливая, но гордая Леля позволяла себя любить; онъ измѣнилъ ей для болѣе блестящей карьеры, въ салонѣ модной городской кузины, уѣхалъ за изящной кузиной въ Петербургъ, — и вся эта дѣтская исторія исчезла для Лели, какъ дымъ.

Въ семнадцать лѣтъ она умѣла граціозно танцевать, очень мило пѣла народныя пѣсни и романсы и перечитала много французскихъ романовъ, сначала подъ руководствомъ Франца; вотъ все, чѣмъ ограничивалось образованіе Лели. Но она была очень жадна къ знанію, и будь у нея толковый руководитель, она, быть можетъ, могла бы серьезно приняться за науку и приобрѣтала бы тогда знанія не изъ одной праздности, желанія новизны и хвастовства.

Да и гдѣ было взять другихъ вопросовъ и стремленій? — Вы знаете ли, хотя по старымъ журналамъ, это стоячее время нашихъ сороковыхъ годовъ? — Вся Россія была Миргородомъ Гоголя, въ которомъ идеаломъ благополучія стоялъ покой Афанасія Ивановича, а тяжба Ивана Никифоровича была самой грозной невзгодой, волнующей человѣческую жизнь?...

III.

Въ одинъ день послѣ обѣда, Полина занята была въ залѣ выкраиваньемъ модной пелерины по послѣднему номеру журнала „Ваза“, когда на дворѣ послышался лай собакъ, грохотъ колесъ и въ во-

ротахъ показала четверка вороныхъ коней въ серебряной упряжи, взовившихъ большой, блестящій экипажъ. — Самодурова ѣдетъ! взвизгнула Полина. Дарья Григорьевна, въ торопяхъ захвативъ sous-lampe вмѣсто своего вязанья, кинулась въ спальню переменить чепчикъ; Полина бѣжала за нею, роняя по слѣдамъ ножницы, свертки и клубки. Леля, читавшая на открытомъ окнѣ, съ подобранными подъ себя ногами, выскочила въ это окно и побѣжала въ садъ.

Въ залу дѣйствительно показались черезъ минуту атласная генеральша и ея сынъ. Полина ожидала ихъ въ гостиной, небрежно разлегшись на кушеткѣ, съ цвѣточкомъ резеды за ухомъ и съ французскимъ романомъ въ рукахъ; при появленіи гостей она ахнула отъ неожиданности и поспѣшила извиниться за свой домашній костюмъ. Отъ Дарьи Григорьевны вѣяло свѣтлымъ праздникомъ, когда она, въ утреннемъ чепчикѣ съ растопыренными кружевами, вошла въ гостиную, съ гордымъ сознаниемъ, что принимаетъ у себя такихъ вельможныхъ гостей. Но просидѣть подъ тесовой крышей Самодуровы удостоили очень мало, едва ли полчаса. Атласная барыня видимо морщилась отъ жестокаго дивана; но за то Полина съ глубокимъ умилениемъ подкладывала ей свамеечку подъ ватные ноги и подпихивала подушки за пуховые бока, а Дарья Григорьевна ловила каждое ея слово, каждый звукъ, выходившій изъ пышнаго атласа. Молодому человѣку было замѣтно скучнѣе; онъ перешелъ изъ одного угла въ другой, перевернулъ тамъ какую-то книгу, страхнулъ съ сигары пепель въ рабочую корзину Полины, потомъ взялся за шляпу, рѣшивъ, что давно пора подавать лошадей. За все это время, проведенное за визитомъ въ гостиной, Самодуровъ почти ни слова не сказалъ; онъ во всякомъ обществѣ не гораздъ былъ говорить, но между старыми тряпичами уже видимо былъ самъ себѣ въ тягость. Выйдя на тесовое крылечко, онъ собирался отдать приказаніе ливрейному лакею, стоявшему почетительно одной ступенью ниже передъ нимъ, когда вдругъ увидѣлъ въ сторонѣ, черезъ рѣшетку, розовое платье Лели; ему припомнилось ея миловидное личико и задорный разговоръ; онъ махнулъ рукой ожидающему лакею, а самъ отправился къ рѣшеткѣ

сада, повалившейся въ одноѣ мѣстѣ и представлявшей свободный проходъ. Леля сидѣла недалеко отсюда, подъ ракетой, съ книгой на травѣ и ѣла малину съ грядокъ; завидѣвъ Самодурова, переступавшаго гнилыя бревенья повалившейся рѣшетки, она оставила малину и слѣдила за нимъ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, подходя и снимая шляпу.

— Здравствуйте, отвѣчала Леля, поддѣлываясь точь въ точь подъ его тонъ.

— Что это вы загулялись? Васъ все время нигдѣ не видно.

— Вы заключаете по этому, что я не знала о вашемъ приѣздѣ? Боюсь, что ошиблись.

— Я вамъ сказалъ уже разъ, что о васъ я ничего не заключаю; по этому и ошибаться не въ чемъ.

Леля вспыхнула и дерзко вскинула плечики, отворачиваясь въ сторону отъ него.

— За то о васъ всякій заключить съ перваго слова, сказаннаго вами, быстро отплатила она.

Онъ ничего на это не отвѣтилъ и совершенно равнодушно протянулъ руку къ книгѣ.

— Что это вы тутъ читали? сказалъ онъ, собираясь пальцемъ перевернуть корешокъ, но Леля прежде него схватила книгу и далеко забросила ее въ кусты.

— Что нибудь непозволительное! предположилъ Самодуровъ съ лукавой усмѣшкой.

— Можете что угодно предполагать! отвѣчала она, еще пуще загораясь, — хоть и Степанушку дурачка.

— Одновожь, вы ловко умѣете пивироваться, сказалъ Самодуровъ, протягивая руку къ малинѣ; онъ находилъ, что довольно забавно подразнить этого злого щенка.

— Ступайте за своей шляпой! вонъ она, у выхода! вскричала Леля, вдругъ хватая его шляпу и бросая ее по направленію къ рѣшеткѣ.

Самодуровъ, озадаченный выходкой Лели, совершенно растерялся.

— А вотъ я не такой злой, замѣтилъ онъ, оправившись; —

меня вы ни чуть не раздражили, сколько ни старались; я еще такой любезный, что завтра даже васъ на чай приглашаю.

— Дождайтесь! шепнула она.

— Совѣтую воспользоваться; чай съ музыкой и горячими кренделями, другого такого не увидите. А до того — прощайте, закончилъ онъ снисходительно, искоса оглядывая ея оживленное личико и вслѣдъ за тѣмъ протянулъ ей руку.

Леля, съ лукаво передергивающимися губками, обмакнула пальцы въ грязь недавно политой грядки и дружелюбно протянула ихъ противнику.

— Вотъ какъ! ну хорошо же, проговорилъ онъ. очень серьезно, и захватилъ ея протянутые пальцы въ свои.

Леля хотѣла отдернуть руку, но онъ и не думалъ ее ~~вы-~~пускать; не долго соображая, она хлопнула его по рукѣ, ~~но~~ и это дѣйствіе осталось безъ успѣха; она разсердилась, вспыхнула до бровей, быстро сломила колючую вѣтву крыжовника и заколотила ею по рукѣ Самодурова, проговоривъ съвозъ закушенные губы:

— Лавейскія шутки!

— А какъ же ваши назвать, Леля? сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, крѣпко пожавъ ея руку и выпуская ее наконецъ. Въ эту минуту, когда онъ наклонялся къ ней, держа ея руку въ своей, онъ почувствовалъ какой-то жаръ, исходившій отъ нея и охватывавшій его, что-то крайне возбуждительно, отчего держать ея руку и стоять возлѣ нея показалось ему очень сладко. Онъ отвернулся и пошелъ за своей шляпой, къ выходу сада, съ грязью на ладони, съ колючками въ пальцахъ, съ ощущеніемъ ея трепещущей ручки въ своей рукѣ и съ яснымъ сознаніемъ того, что Леля имѣла рѣдкую честь возбудить въ его груди порядочно одуряющій сердечный поворотъ.

Между тѣмъ Самодуровъ былъ такъ далекъ отъ того, чтобъ признавать достоинствомъ въ женщинѣ свободу обращенія и самостоятельность. Идеаломъ своей будущей жены онъ всегда представлялъ себѣ женщину тихонравную, податливую, стыдливую, съ глубокимъ религіознымъ направлениемъ и самоотверженною, даже слѣпую привязанностію къ мужу. Женщинѣ онъ вообще не

уважалъ, и даже видимая почтительность его къ матери была только формой, завѣщаннымъ обрядомъ, а въ глубинѣ своего разума онъ очень хорошо сознавалъ, что мать его такая же скверна въ человѣчествѣ, какъ и весь слабѣйшій полъ. Въ обществѣ онъ уходилъ серьезныхъ женщинъ, женщинъ вдававшихся въ мужскіе интересы; онѣ казались ему воронами въ павлиньихъ перьяхъ, и если случалось ему присутствовать при ученыхъ спорахъ, въ которыхъ бы участвовала женщина, самъ круглый невѣжда, онъ былъ увѣренъ, что женщина, трактующая о наукѣ или о политикѣ, говорить, какъ поугай. Однако Самодуровъ не былъ лишень природнаго ума; онъ былъ одаренъ хорошимъ мозгомъ, но, безъ всякаго употребленія, мозгъ этотъ сталъ неповоротливъ для серьезнаго мышленія, облежался въ головѣ отъ бездѣйствія, и вообще Самодуровъ былъ очень извѣстный и родной намъ типъ барича, выросшаго на той увѣренности, что ему не надо ни воспитанія, ни труда, что на него есть нѣсколько тысячъ работающихъ крѣпостныхъ, а въ карманѣ неисчерпаемый капиталъ червонцевъ, слагаемыхъ тѣми же замозолёнными руками крѣпостныхъ, — капиталъ, на который купишь и умъ, и любовь, и птичье молоко, и самый ученѣйшій дипломъ.

Но Леля, эта деревенская хорошенькая Леля, съ своими задорливыми глазками и такой непокорной манерой, заинтересовала его, какъ въ жизни подобныхъ ему праздныхъ господъ часто интересуется скаковая лошадь, новая актриса, встрѣчное препятствіе, которое занятно преодолѣть. Ея огненное личико возбудило въ немъ чувственность, а живое противорѣчіе раздражило воображеніе; богачу Самодурову женщины еще не противорѣчили безъ кокетства и разчета, а во враждебности юной Лели онъ разчета не видалъ. Въ желанія его преодолѣть играющее самоволіе этой дѣвочки не было ничего нравственнаго и человѣческаго; даже, какъ животное, это было испорченное чувство; по умственному же своему развитію онъ едва ли былъ старше ея.

Таковы были эти два безразсудныя, поврежденные, далеко недоразвитыя лица, когда вздумали вступить сначала въ игрушечный бой. На одной сторонѣ была самодурная сила и богатство

капитала; на другой сторонѣ—сила юной красоты и богатство натуры, пламенно преданной свободѣ. Прелесть битвы съ жаждою побѣды увлекла обоихъ; но бой былъ далеко неравенъ.

IV.

На другое утро въ Сарматовѣхъ было получено приглашеніе отъ госпожи Самодуровой на чай въ Покровскомъ, съ изъявленіемъ любезнѣйшаго желанія провести вмѣстѣ канунъ ея отъѣзда изъ этихъ мѣстъ. Дарьѣ Григорьевнѣ это было тоже, что другому Станислава на шею.

А Леля? Кто знаетъ мысли молоденькой дѣвочки, безъ всякаго умственнаго развитія, когда она не разберетъ себя и своихъ требованій отъ жизни и людей? Лелѣ хотѣлось въ Покровское; она поняла, что Самодуровъ занялся ею; а когда, отъ сотворенія міра, женщина, даже въ лѣта Лели, не становилась снисходительнѣе къ человѣку, хотя и безнравственному, на вкусъ котораго она пришлась? И если мужчина даже не нравился ей, когда, однакоже, не зараждалось въ ней желаніе повернуть еще разъ въ его сердцѣ стрѣлу купидона и опять сознать свое могущество въ жизни и свою власть? Въ домѣ цѣлый день крахмалили юбки, бѣгали съ утюгами и поглядывали на часы.

А госпожа Самодурова дѣйствовала совершенно подъ вліяніемъ своего сына и господина. Ради этого драгоцѣннаго молодчика Стенаши, безгласная и забытая земными поклонами голова пустилась въ избобрѣтательное устройство чая на дугу, со всѣми сельскими препаратами въ видѣ соблазнительныхъ цвѣточныхъ гирляндъ и хора крѣпостныхъ пѣсельниковъ, спрятанныхъ за кусты. Она подмѣтила вчера дорогой очень рѣдкое оживленіе въ лицѣ своего сына и, по изъявленіи сыновней воли о приглашеніи Сарматовыхъ, сразу вникнувъ, что дѣло идетъ объ интрижкѣ съ мелкопомѣстной дѣвочкой, не только рѣшила закрыть глаза, но надѣялась и поблажать сыночку на такое самое боярское баловство.

Когда сарматовская линейка проѣхала мостъ и, по мановенію махальника, повернула вмѣсто двора къ боковому лужку подѣ оградой сада,—на лужкѣ сидѣла Прасковья Гавриловна между боготворящихъ ее приживалокѣ и приживаловѣ, и очаровательно приняла Сарматовыхъ; нѣмецъ-докторъ шаркнулъ передѣ дамами и уступилъ Полинѣ мѣсто; она это приняла за авансъ и, садясь на уступленный докторомѣ стулъ, съ чистосердечнымѣ кокетствомѣ выставила ножку.

Когда Самодуровъ выступилъ изъ аллеи, по которой онѣ приближался къ лужку изъ дома, онѣ увидѣлъ Лелю прямо передѣ собой; она сидѣла на краю, почти отдѣльно отѣ всѣхъ, подѣ сплошной стѣною кустовѣ, въ бѣломѣ платьѣ, въ густыхъ локонахъ, съ голубыми лентами, отѣ которыхъ еще нѣжнѣе казались ея разгорѣвшіяся щеки: она была прелестна. Самодуровъ поклонился старшимѣ гостямѣ и, вѣроятно, не находя достойнымѣ скрывать свою настоящую цѣль, прямо подошелъ къ Лелѣ и сѣлъ возлѣ нея.

— Ваше здорovie, сказалъ онѣ, протягивая руку.

Она ничего не отвѣчала, и если украдкой замѣтила его приближеніе, то теперь совсѣмѣ не смотрѣла на него; будто чуть колеблясь, она протянула только самые кончики своихъ пальцевѣ; Самодуровъ пожалъ ихъ и опять почувствовалъ пріятное, горячее чувство, разлившееся отѣ нихъ по всему его тѣлу.

— Вотъ вы и опять въ Покровскомѣ, которому желали провалиться! сказалъ онѣ обыкновеннымѣ, поддразнивающимѣ тономѣ, наклонясь къ ней довольно близко и заглядываясь на прелестный очеркъ ея виска и щеки.

Леля чуть вздернула губой.

— Я на зло пріѣхала! крикнула она быстро и не глядя на него.

— На зло кому?

— На зло достойному украшенію этого дома! отвѣтила она, метнувъ рѣсницами нѣсколько смущенно.

— Опять-таки кому?

— Да, положимъ, что на зло здѣшнему попугаю, который та-

кой противный, откормленный и хорохорится, когда его дразнишь. Я пріѣхала только для него.

Онъ смотрѣлъ на нее такъ близко, сидя нѣсколько за ея плечомъ, что теплота отъ ея разгоряченнаго личика достигала до него; бойкіе глазки ея, изъ подъ нѣжно-очерченныхъ вѣкъ, горѣли и блистали въ другую какую-то сторону, но этотъ жаркій блескъ проникалъ въ самое его сердце и распалаятъ его. Какое-то скрытое волненіе жѣшало обоимъ продолжать разговоръ. Онъ окончательно замолчалъ, Леля по зареву щекъ открывала свое смущеніе.

— Леля! Леля! Леля! раздалось на разные голоса отъ стола. Она вдругъ обернулась; госпожа Самодурова собственнымъ своимъ бурчаньемъ обозвала ее къ чаю, и такъ какъ она не дослышала, мать и сестра принялись голосить. Леля вскочила, поторопилась къ столу, еще болѣе разгорѣвшись въ лицѣ, но съ пресмѣлымъ видомъ.

— Какая невнимательность, Леля! обратились къ ней и мать, и сестра съ негодующими взглядами, — Прасковья Гавриловна два раза тебя позвала!

— Извините, пожалуйста! обернулась Леля лукаво къ генеральшѣ, — вашъ сынъ такъ кричитъ, когда разговариваетъ, что ничего не слышно.

Самодурова, будто ослышавшись, глядѣла на Лелю.

— Я, матушка, какъ разъ молчалъ! успокоилъ ее Степанъ Сергѣевичъ, подходя къ столу за Лелей и одобрительно смѣясь. Леля не удостоила обернуться и принялась за чай.

Между тѣмъ пѣсельники тянули за кустами изнывающій русскій мотивъ; цвѣты колыхались надъ головами и благоухали въ горячемъ воздухѣ іюльскаго заката; на столѣ звучало серебро; все, что можно было выбрать изъ матерьяловъ природы для раздраженія чувственности, все было собрано здѣсь.

— Пойдемъ-те же смотрѣть здѣшняго попугая, сказалъ Самодуровъ, когда замѣтилъ, что Леля кончила чашку.

Она оглянулась и небрежно согласилась. Дарья Григорьевна проводила ихъ радующимся материнскимъ окомъ; Прасковья Гавриловна, какъ мать такого же достоинства, при этомъ опустила свои

дряблыя вѣки. Леля направлялась съ Самодуровымъ по садовой аллеикѣ съ тою увѣренностью въ самой себѣ, которая есть самоуваженіе и чистота, явлющая человѣческую и значить святою личность женщины въ глазахъ развитаго мужчины. Но Самодуровъ въ этой бѣлой фигурѣ съ голубыми лентами, съ граціозными плечами, видѣлъ только прелестную самку, живость, быстрота, неподатливость которой волновали до страсти его чувственный организмъ.

Разговоръ шелъ довольно мирно, пока они направлялись по узенькой аллеикѣ, между двумя сплошными стѣнами боярышника, соединявшейся къ цвѣтникамъ верхней террасы; но на поворотѣ къ цвѣтникамъ легкое платье Лели зацѣпилось за сухую вѣтку кустарника и такъ какъ она его рванула беззаботно, то кусокъ бѣлой кисеи остался повисшимъ на кустѣ. Она ступила дальше, но Самодуровъ нагнулся и снялъ съ вѣтки этотъ лоскутокъ.

— Вамъ надо? спросилъ онъ, показывая лоскутокъ.

Леля довольно небрежно протянула руку.

— Только я не дамъ, прибавилъ онъ, очень спокойно укладывая лоскутокъ въ карманъ своего жилета и оставляя безъ вниманія протянутую руку Лели.

— Какъ не дадите? вспыхнула она.

— Такъ, просто не дамъ, отвѣчалъ онъ, — вы у меня испортили шляпу, отняли ситару, — я имѣю право не дать вамъ этотъ лоскутокъ. Не все вамъ побивать; беремъ и мы трофеи.

— Поздравляю васъ съ такими трофеями! сказала она насмѣшливо и отворачиваясь, — это ветошники на улицахъ подбираютъ!

— Пускай ветошники! да у меня и еще есть, продолжалъ онъ, слѣдуя за нею, — у меня есть ваши перчатки, которыя я велѣлъ вытащить изъ бассейна, высушилъ на солнцѣ и теперь положилъ въ число курьезовъ своего кабинета.

Леля уже взбиралась по ступенямъ террасы и не удостоила показать виду, что слышитъ его слова.

Вступивъ въ гостиную, совсѣмъ потемнѣвшую отъ тяжелыхъ занавѣсокъ, Леля нашла попугая уже собирающимся спать; она впрочемъ дернула его за хвостъ и попугай раскричался; Лелю это очень развеселило.

— Гадкій! противный! неучь! кричала она ему и сама поглядывала на Самодурова.

— Хотите, я вамъ подарю этого попугая? спросилъ онъ.

— Вотъ еще! пожалуй! я его назову Степашей! отвѣтила она быстро и, ласково кинувъ на него глазами, разсмѣялась. На бархатномъ фонѣ обой, на золотой рѣзбѣ большой колонны, стемнѣвшей отъ сумерекъ, измѣнчиво рисовались повороты ея юной головки, мягкія очертанія бѣлаго платья, изъ каждой складочки котораго дышало что-то свѣжее и волнующее кровь; Самодуровъ чувствовалъ это волненіе, стоя въ двухъ шагахъ отъ нея; онъ не могъ сообразить, говорить ли въ ея дерзости лукавое кокетство, женское желаніе затронуть его?

— За что это вы такъ преслѣдуете меня, Леля? спросилъ онъ подъ обаяніемъ этой чарующей близости.

— Какъ вы смѣете меня звать Лелей? живо перебила она.

— А какъ же васъ звать?

— Валеріана Павловна, сударыня, мало ли какъ?

— А мнѣ нравится звать васъ только Лелей, продолжалъ онъ, и въ голосѣ его слышалось уже глухое волненіе и нѣжность, а не поддразнивающий тонъ, — да васъ иначе и нельзя назвать, вы ребенокъ. Отвѣчайте же мнѣ прежде на мой вопросъ, отчего я вамъ внушаю ненависть?

— Вотъ еще, ненависть! сказала она, пожимая плечомъ, — да я и не хочу отвѣчать! вамъ что за дѣло?

— Мнѣ большое дѣло, произнесъ онъ тихо, не вынося ея взгляда и приближаясь къ ней. Она слѣдила его своимъ горячимъ личкомъ и смѣющимся выраженіемъ лукавыхъ розовыхъ губъ.

— Мнѣ большое дѣло, повторялъ онъ еще тише, и рука его чуть слышно прикоснулась къ рукѣ Лели.

— Ну! вскричала она грозно и не теряясь ничуть. Самодурова эта шутливость смутно удивила; всѣ женщины въ подобныхъ случаяхъ ахали и волновались.

— Вы неучь! сказала Леля, и, не совсѣмъ понимая, въ чемъ дѣло, довольно спокойно собиралась идти въ дверь террасы. Самодуровъ остановилъ ее, быть можетъ, принимая ея самооблада-

ніе за тайное согласіе; голова его уже кружилась отъ этого магическаго прикосновенія къ нѣжной, полной жизни, горячей рукѣ; онъ почти безъ мысли задержалъ ее въ своихъ рукахъ и только съ упивающейся и безмысленной сладостью слушалъ, какъ билось ее сердце и всѣ ея жилки въ его рукахъ и на его груди.

Вырывалась ли Леля отъ него, онъ этого не слышалъ; всѣ эти мертвыя мозгомъ, но одаренныя богатой жизнью натуры, до оглушенія отдаются физическому чувству; онъ потерялъ совершенно зрѣніе и слухъ, и даже всякое другое виѣшнее ощущеніе; еслибъ была ему дана пощечина, то онъ едва ли бы созналъ ее на своемъ лицѣ. Онъ только тогда очнулся, когда услышалъ, что Леля горько плачетъ, склоняся на свои руки лицомъ. Онъ выпустилъ ее. Члены его дрожали, вся кровь ходила въ тѣлѣ. Для него теперь ничего не существовало, кромѣ нея.

— Леля! Леля! прошепталъ онъ подъ обладаніемъ своей страсти, — простите меня! будьте моей женой!

Она ничего не отвѣтила, не оглянулась на него и, точно очнувшись отъ его голоса, скользнула мимо и быстро исчезла по ступенямъ террасы. Онъ послѣдовалъ за нею съ дрожаньемъ страстной сладости въ груди. Да, онъ влюбился тою подобающею ему страстью, которую нельзя обозначить словомъ: человѣческая любовь.

Онъ нашелъ ее уже между старыми тряпками, молчащую и неразглядимую въ темнотѣ. Лицо его горѣло; онъ откинулъ ото лба промокшіе волосы совсѣмъ дрожащей рукой, подвинулъ себѣ стулъ, сѣлъ напротивъ ихъ черезъ столъ и вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, своимъ барски стойкимъ голосомъ сказалъ:

— Дарья Григорьевна! я у васъ прошу руки Валеріаны Павловны!

Обѣ матери замолчали первую минуту, какъ статуи. — Степанъ Сергѣевичъ... начала неувѣренно лѣвая. — Степаша... забурчала глухо правая, какъ будто умоляя грозящій ударить ее громъ. Леля молчала между ними.

— Матушка, просите моего счастья, продолжалъ Самодуровъ.

— Господи! начала Дарья Григорьевна будто изъ обморока, — да мнѣ этого и во снѣ не снилось! Я, Степанъ Сергѣевичъ, я...

— Мама! вдругъ остановила ее довольно рѣзко Леля, — я отказываю ему.

Объ тѣряпицы ахнули. Самодуровъ не двигался. Въ темнотѣ ничего лица нельзя было разобрать. Полина, послѣшавшая изъ сентиментальной прогулки съ довторомъ, остолбенѣла.

— Дарья Григорьевна, началъ опять Самодуровъ, — вы не обращайте вниманія на то, что она говоритъ теперь; она раздражена. Обѣщайте мнѣ только ходатайство ваше за меня!

— Степаша! однако же, вмѣшалась Прасковья Гавриловна дребезжащимъ, какъ треснувшая посуда, голосомъ и сама не зная, за какую соломенку ухватиться, — кто такъ дѣлаетъ предложеніе? для этого надо было такую ли минуту? такую ли обстановку?

— Все это правда, проговорилъ онъ въ отвѣтъ, — только ждать не могъ ни я, ни дѣло. Дарья Григорьевна, завтра я приѣду къ вамъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ.

— Напрасно! сказала Леля довольно глухо, изъ темной кущи вѣтвей, въ которыхъ она утопала, — напрасно! Всегда получите одинъ отвѣтъ.

— Леля, Богъ съ тобой! по какой же причинѣ? вступилась жалобно Дарья Григорьевна, а Прасковья Гавриловна хранила гробовое молчаніе.

— Ему на крѣпостной дѣвѣѣ жениться! проговорила Леля глухо.

Самодуровъ дернулъ рукою и сбросилъ на землю сахарницу, которая тутъ же разбилась въ дребезги. Дарья Григорьевна первый разъ въ жизни готова была схватить за волосы свою дочь.

— Мама! мама! послѣшила Полина, предотвращая бурю, — мы поѣдемъ сейчасъ домой, все до завтра будетъ благополучно! вы знаете ея характеръ! Она нарочно! Прасковья Гавриловна, она нарочно! присѣдала Полина у стола.

Поднялась суматоха, всѣ вставали съ своихъ мѣстъ. Дарья Григорьевна слѣшила ухъать, чтобы не дать Лелѣ докончить скандалъ. Прасковья Гавриловна окаменѣла отъ негодованія и неожиданнаго, унижительнаго рѣшенія сына. Самодуровъ подтвердилъ присѣдающей Дарьѣ Григорьевнѣ, что будетъ завтра къ

нимъ и пошелъ за Лелей, которая уже направлялась къ линейкѣ, не поклонившись никому. Ему было больно наступать это ускользающее, легкое платье, которое совсѣмъ исчезнетъ сейчасъ. Онъ не дотронулся до Лели, когда она сама взбиралась на подножку и садилась въ экипажъ; но онъ, не обращая вниманія ни на кого, коснулся до развивавшагося по крылу линейки бѣлаго платья Лели и поцѣловалъ его подолъ. Лея почти грубо вырвала платье у него. Линейка отбѣжала и задрезжала по мосту. Онъ все еще стоялъ.

V.

Совѣщаніе госпожи Самодуровой съ сыномъ было въ этотъ вечеръ долго, упорно и приправлено не малой толикой ея жидкихъ слезъ.

— Я рѣшился, матушка, говорилъ онъ своимъ желѣзнымъ голосомъ, и, слушая этотъ голосъ, было удивительно, какъ мать его, знавшая характеръ сына отъ колыбели, еще рѣшалась вотировать противъ него; объясненіе этому находилось развѣ только въ той глубинѣ материнской скорби и разочарованія въ блестящихъ планахъ, которые оглушили ея и безъ того глуповатую головешку.

— Я рѣшился, говорилъ Самодуровъ, и ничто не остановитъ меня. Я ее люблю; я никого прекраснѣе и лучше не желаю для себя; каждый волосокъ на ея головѣ соответствуетъ моему желанію. Волей или неволей, но она будетъ моею женою.

— Развѣ ты не могъ бы такъ, не связывая съ нею свою жизнь? возразила благоразумная мать.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ твердо, — это не такой характеръ, да и не такъ дѣла пошли; словомъ, я это порѣшилъ.

— Но вѣдь у нея ужасный характеръ, Степаша, ты это взвѣсь! воздымала еще голосъ глупая тряпица, — въ такія лѣта, въ такомъ положеніи, и какъ сегодня, напримѣръ, она выказала себя! Она изъ жизни тебѣ сдѣлаетъ содомъ!

— Я этого не боюсь! усмѣхнулся онъ, — и зная меня, матушка, вамъ кажется нечего было бы беспокоиться объ устройствѣ моей супружеской жизни. Меня именно увлекаетъ въ ней это своеобразие, эта прелесть живого характера, котораго, во всѣ мои дни и ночи, я буду и рабъ, и господинъ. За меня, матушка, беспокоиться нечего; я, кажется, разсудкомъ вполне мужчина, и изъ сердца моего жизнь воспитала не мякину. Что будете дѣлать! я признаю въ ней недостатки; но самые эти недостатки — прелесть для меня. Ну словомъ, я влюбленъ, хоть вѣшаться сейчасъ.

Разумнѣйшаго аргумента для загнившей тряпицы не требовалось больше. Она повикла головой, какъ будто благоговѣя передъ размашисто-великой натурой сына.

На другое утро фэатонъ Самодурова остановился у тесоваго сарматовскаго крыльца. Дарья Григорьевна встрѣтила безцѣннаго гостя почти у порога передней, въ парадномъ тюлевоиъ чепчикѣ, съ умилительно маслянымъ смазомъ въ глазахъ.

— Я всегда согласна! я всегда согласна! поспѣшила она заявить, въ самомъ торжественномъ волненіи, на его первое слово, — считайте мое полное благословеніе за собой!

— Мнѣ больше ничего и не нужно, сказалъ на это Самодуровъ, и оглянувши одну за другой пустую залу и гостиную, ни слова не помянулъ о Лелѣ.

Однакоже ея отсутствіе порядочно томило его; при каждомъ скрипѣ дверей онъ оборачивался и, попадая взглядомъ на высушенныя плечи Полины или на сарафанъ горничной, вносившей деревенскій десертъ вареній и сушеній, онъ чуть-чуть измѣнялся въ лицѣ. Дарья Григорьевна казалась въ нѣкоторомъ безпокойствѣ и нѣсколько разъ выходила и возвращалась все смущеннѣе и отчаяннѣе; наконецъ она рѣшилась сказать Самодурову, что у Лели голова болитъ и Леля лежитъ; но провести его было нелегко. Онъ ходилъ по комнатамъ, не будучи въ состояніи усидѣть на мѣстѣ, почти пересталъ говорить, кусалъ ногти — и все еще не приказывалъ подавать экипажъ. — Я не уѣду безъ того, чтобъ не видѣть ее, объявилъ онъ наконецъ.

Дарья Григорьевна изнывала; Лелю не въ ея силахъ было пе-

реломить. Наконецъ она рѣшила съ Самодуровымъ, что проведетъ его въ комнату Лели, гдѣ упрямецъ вышивала уже битыхъ три часа, — и эта достойнѣйшая мать пошла впередъ, показывая дорогу достойнѣйшему жениху.

Сцена обошлась благополучнѣе, чѣмъ могли ожидать и мать, и женихъ; Леля не поклонилась, была сердита все время, пока Самодуровъ стоялъ передъ нею за десять шаговъ; но она не могла воздержаться отъ врожденнаго ей кокетства и сама еще крѣпче затянула между собой и Самодуровымъ цѣпь; онъ не могъ перенести прикосновенія къ ней безъ волненія, принимавшаго весь организмъ; Леля, быть можетъ, это видѣла изъ его глазъ — и она протянула ему свою руку на прощанье, и она позволила ему лишнія полминуты удержать эту теплую ручку, сама презрительно отвернувшись къ окну...

А за окномъ дышала цѣлымъ лѣсомъ зеленой дубравы вечерньющій садъ... Густыми испареніями цвѣтовъ и огородовъ вѣялъ легкій вѣтерокъ въ разгоряченное личико Лели, и слышно ей было, вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ садовой прохлады, какъ билось трепетно и робѣя страстное сердце возлѣ нея... Она отвернула отъ Самодурова свою лукавую головку, но ей однакоже было очень хорошо въ этотъ мигъ.

Леля была кокеткой отъ рожденія; но въ ней еще не проснулись расчеты узкаго эгоизма, и потому ея настоящее положеніе было довольно мучительно для нея. Дарья Григорьевна и Полина оглушали ее своими доводами, своими молениями, представляли ей на всѣ лады громадность ея счастья, солнечный блескъ будущности, льстили ея суетности, рисуя великолѣпныя палаты, карету съ пажамы, придворные балы и влюбленнаго мужа, лежащаго у ея ногъ. Дарья Григорьевна расходилась до того, что въ одинъ вечеръ и кричала отъ негодованія, и плакала передъ нею. Она была самая мягкосердечная мать; но перспектива такого неожиданнаго, почти царскаго величія ослѣпила ея мутные глаза; она не хотѣла вѣрить, чтобы молодой, довольно красивый, царски богатый и страстно влюбленный человекъ, могъ не тронуть дѣвическаго сердца; она увѣряла самую Лелю, что это просто капризъ ея взбалмошнаго

характера, что Леля дурочка, ребенокъ и что, по крайней мѣрѣ, она должна подумать нѣкоторое время, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ. Полина ударила больше на лирику, но въ сущности повторяла тоже самое, такъ что Леля наконецъ замолчала передъ ними и въ головѣ ея поднялся страшный беспорядокъ. Прибавить къ этому Самодурова, который являлся всякій день, пилъ сладость изъ каждаго взгляда и движенія Лели и, несмотря на то, что она не произнесла еще никакого согласнаго слова, считался и матерью, и домашними, и посторонними даже, женихомъ. Домъ загромождался букетами и конфетами Самодурова, дорогими подарками Прасковьи Гавриловны, съ которыми Леля обращалась очень презрительно, хранила со всѣми молчаніе и по ея упорному, почти лукавствующему виду нельзя было рѣшить, колеблется ли она, и если клонится, то на какую сторону.

Часто выведенный изъ себя ея молчаніемъ, или ея злымъ поддразниваньемъ, если она заговаривала, Самодуровъ весь вздрагивалъ отъ раздраженной злобы, но тогда онъ стискивалъ кулаки въ карманахъ, стискивалъ зубы и впиваясь въ нее своими распаленными глазами, едва не произносилъ вслухъ: Ну! да будешь же ты моя!

А Леля сама была все это время, какъ въ огнѣ; ея головку возбуждала эта, ея же внушенная, всепоглощающая страсть. Иногда бывали минуты, когда она безсердечно кокетничала съ Самодуровымъ, въ другой разъ еще безсердечнѣе она своей холодностью томила его. Какъ-то разъ забрелъ въ Сарматовку молодой лѣсничій; Леля, обращая вниманіе на Самодурова, какъ на мебель въ комнатѣ, принялась кокетничать съ лѣсничимъ до того, что Самодуровъ готовъ былъ вскочить изъ своего угла и убить лѣсничаго на мѣстѣ. Замѣтивъ его разстройство, Дарья Григорьевна чуть не умерла отъ страха, что дѣло разойдется; но по отъѣздѣ лѣсничаго, еще стоя на томъ крылечкѣ, съ котораго провожала его, Леля вдругъ сказала какую-то бойкую насмѣшку надъ этимъ бѣднымъ юношей, послѣ которой у Дарьи Григорьевны отлегло отъ сердца, а Самодуровъ, хотя весь вечеръ былъ блѣденъ и не имѣлъ аппетита, однако ни чѣмъ не уклонился отъ своего прежняго поведенія въ домѣ, на правахъ негласнаго жениха.

Онъ самъ не настаивалъ на положительномъ отвѣтѣ отъ Лели; онъ даже боялся приступить за нимъ открыто, — и однакоже вель и устраивалъ кругомъ дѣла, какъ будто былъ увѣренъ въ Лелю. Глядя на это, Дарья Григорьевна, Прасковья Гавриловна и всѣ окружающіе думали, что онъ уже переговорилъ обо всемъ съ Лелей и что она, только по своему капризному нраву, не хочетъ открыться имъ. Леля смотрѣла на всѣ эти приготовленія насмѣшливо, иногда раздраженно и молчала. Въ головѣ ея шель однакоже большой хаосъ и шель безъ всякаго толку; она дѣйствительно сама не знала еще, скажетъ ли да или нѣтъ; эту внутреннюю неурядицу сильно поддерживали ея незнаніе, беспорядочное воспитаніе, ея влеченіе къ внѣшности и блеску. Ее соблазняла эта перспектива роскошной жизни по дворцамъ Покровскаго и Москвы, великосвѣтскія загадки, владычество надъ этимъ царствомъ, въ которомъ мужъ будетъ первый рабъ, владычество, о которомъ съ дѣтства, быть можетъ, мечтала она. Но она сгибалась подъ непонятными ей возмущеніями своей нравственной натуры; лицо ея потеряло свѣжесть; характеръ сталъ раздражителенъ, остроуміе пропало.

— Одначе вы похудѣли! замѣчала ей разъ за разъ, раздѣвая ее, ея горничная и однолѣтка, курносая Параша, бывший неразлучный товарищъ ея дѣтскихъ дворовыхъ игръ.

А Самодуровъ вель себя очень осторожно съ Лелей; онъ никогда не позволялъ себѣ забываться съ нею, опасаясь снова возстановить ее противъ себя, но страсть тѣмъ не менѣе укоренялась въ его сердцѣ; образъ Лели преслѣдовалъ его, какъ болѣзнь. Кромѣ того, его настойчивость усиливало самолюбіе и то вкорененное обстоятельствомъ самодурство, которое думаетъ унизиться, если не поставитъ на своемъ. Словомъ, положеніе и отношенія обоихъ, стоящихъ на порогѣ брака, было глубоко безнравственно и эту безнравственность необъяснимо чувствовала иногда только бѣдная, потрясенная во всемъ своемъ организмѣ, Леля.

Бывали дни, когда она рѣшительно не хотѣла показываться ему; тогда ни Дарья Григорьевна, ни мадригалы Полины, ни очаровательная, атласная бонбоньерка, съ купидонами на крышкѣ, не

заставляли ее покинуть своей комнаты, въ которую заключалась она. По вечерамъ, однако, въ ясныя лѣтніе сумерки, когда компанія собиралась на тесовомъ крыльцѣ съ его длинными уступами, когда докторъ потѣшалъ общество своими нѣмецкими анекдотами и кругомъ поднимался смѣхъ, Леля, быть можетъ, прельщенная этими перекатами смѣха, забывала свои капризы и присоединялась къ кружку. Для Самодурова тогда наступали блаженныя мученья; не смѣя приблизиться къ Лелѣ, которая сейчасъ бы нашла для него какое нибудь бѣсящее слово, онъ перегибался въ темнотѣ, за спиною публики, и доставши до подола разлегшагося по ступенямъ легкаго платья Лели, онъ съ страннымъ удовольствіемъ, по какому-то животному влеченію, начиналъ изминать въ темнотѣ эти кисейныя складки, иногда злился и кусалъ ихъ; не на одномъ платьѣ Лели остались слѣдами эти разорванные куски подола, которые впрочемъ она привыкла совершать на своихъ юбкахъ. между речейниками сада и полей. Не имѣя возможности дотронуться до Лели, онъ трепеталъ, касаясь ея вещей; ея перчатки, только что сброшенныя, тетрадь, которую она недописала, бусы, которыя беззаботно скинула съ шеи и бросила тамъ, гдѣ была, — онъ много перетаскалъ такихъ вещей, еще полныхъ ея жизнью и дыханіемъ, еще живыхъ ею — и наполнялъ ими свой кабинетъ. Леля сердилась, что пропадали ея вещи, онъ радовался этой досадѣ; но иногда, если она догадывалась, или заставала его на кражѣ, она дѣлала ему такую безпощадную сцену, не жалѣя унижающихъ сравненій и словъ, что только слѣпая страсть могла выносить ея обращеніе, выражая внутреннюю бурю однимъ звѣрскимъ блескомъ въ глазахъ и конвульсивнымъ дрожаніемъ поблѣднѣвшихъ губъ.

Наконецъ подошло къ развязкѣ и это тяжелое положеніе; выносить его болѣе онъ не могъ. Самодуровъ подкупилъ своего священника, чтобы перевѣнчать его съ Лелей насильно, если она не согласится сама. Весь день наканунѣ этого назначеннаго имъ и никому неизвѣннаго вѣнчанья, онъ былъ блѣденъ, даже мраченъ и совершенно молчаливъ. Леля, какъ нарочно, уже третій день не давалась даже на встрѣчу съ нимъ. Къ вечеру онъ наконецъ отыскалъ ее въ саду, застигъ врасплохъ пробирающуюся

подъ стѣною дома и, не смѣя ее удержать прикосновеніемъ къ ней, однакоже заключилъ ее въ своихъ рукахъ, опершись ими о стѣну дома, такъ что она, какъ въ клѣткѣ осталась между нихъ. Онъ былъ блѣденъ, онъ пристально смотрѣлъ на ея слегка осунувшееся личико и тяжело дышалъ.

— Леля! сказалъ онъ, — Леля! зачѣмъ вы убѣгаете меня?

— Потому что вы обращаетесь, какъ дуракъ и грубіянь! вотъ какъ и въ эту минуту! отвѣчала Леля, которая съ нимъ нисколько не церемонилась въ подборѣ словъ.

Онъ закусилъ немилосердно губу. Но глаза его туманились и вспыхивало чувство отъ этой близости ея дыханія, ея мягкой талии, ея нѣжныхъ плечъ, шевелившихся на вершокъ отъ его груди.

— Вы жестокая, безсердечная дѣвочка! тихо началъ онъ, — можете ли вы пожаловаться на мое обращеніе съ вами? развѣ эта остановка вызвана не самой необходимостью разговора и развѣ такъ останавливаетъ невѣсту женихъ? Леля, вѣдь вы не могли не видѣть всю неизмѣримость моей любви къ вамъ, всѣ мои страданія отъ вашего звѣрски жестокаго обращенія со мной? Или вамъ правится замучить меня въ конецъ? Или вамъ весело высосать всю кровь изъ моего сердца?

— Вотъ еще! сказала Леля, своимъ обыкновеннымъ восклицаніемъ, жарко загораясь и теребя рукавичкиъ, — нашла бы себѣ вкуснѣе кушанье; сосать вашу кровь! бросьте меня, я васъ не прошу кажется пропадать возлѣ меня!

— Но въ томъ-то и дѣло, что я не могу бросить, Леля! продолжалъ Самодуровъ голосомъ, въ которомъ еще яснѣе пробивалась дрожь, — вы стали моей жизнью, моимъ дыханіемъ, нѣтъ силы вырвать вашъ образъ изъ моего сердца, потому что моимъ сердцемъ стали вы. И неужели эта любовь не внушаетъ вамъ ничего, ничего, — ни капли сочувствія, ни даже состраданія?

Она стояла съ опущенными глазами и казалась нѣсколько взволнованной. Какую семнадцатилѣтнюю дѣвочку съ воспитаніемъ Лели не тронулъ бы этотъ глубокій голосъ, трепетавшій отъ напора чувствъ, это сознаніе, что передъ нею дрожитъ внутренняя ея и

измученная ею страстная любовь?... Однакоже она молчала. Еще через минуту она закрылась руками и вдруг зарыдала.

— Деля, такъ вы не любите меня? прошепталъ онъ тяжело.

— Я васъ не уважаю, отвѣтила она. Это было великое слово для ея юнцхъ устъ; слово это вырвалось совсѣмъ безсознательно изъ ея чистой души и, конечно, не могло даже и въ половину объясниться ея извращеннымъ вводными понятіями и тщеславіемъ умомъ. Для Самодурова же такой отвѣтъ показался облегченьемъ; за такой отвѣтъ онъ благословилъ небеса.

— Деля, Деленъка, жизнь моя! началъ онъ шептать, — не плачьте; я за каждую вашу слезинку готовъ отдать всю свою кровь. За что же вы не уважаете меня? что вы знаете обо мнѣ? Изъ всей моей жизни вы знаете только исторію моей любви къ вамъ, а за силу этой непреборимой, измученной вами любви, можно ли меня лишитъ уваженія? Обожаемая моя, я за одну каплю любви вашей готовъ сію минуту отдать голову, душу, религію, будущую жизнь.

Много еще говорилось въ такомъ родѣ рѣчей, рѣчей истасканныхъ отъ употребленія, но которыми до сихъ поръ пробавляется недорослое юношество въ своихъ страстяхъ и которымъ до сихъ поръ покоряются, въ своемъ невѣденіи, такія же недорослыя отроковицы, слабѣющія подъ напоромъ внушенныхъ ими страстей... Нападеніе было упорно, сурово и безвыходно для нея; ее пронизывала эта бѣшено поглощающая и наступающая страсть... Деля шаталась подъ силой, почти физической, сжигавшаго ее, повелѣвающаго взора... ея упорность разбилась и стонала въ ней; замученная, она сама не понимала, какъ склонилась на эту руку, преграждавшую ей выходъ, какъ рыдала она на этой рукѣ, отчаянно, раздирательно, падая нравственно подъ всѣми сквернами своего ума...

Онъ чувствовалъ эту головку, это дыханіе, эти горячія щеки на своей рукѣ; она лежала, наконецъ, въ его рукахъ, сраженная, сдающаяся и все еще страшная, что потеряется для него сейчасъ... Онъ былъ страшно блѣденъ отъ этого мучительнаго прикосновенія, которому не смѣлъ поддаться вполне; его бѣлыя губы передергивались почти отъ злобы и сердце колотилось до бѣшенства страстной мукой въ груди...

— Нѣтъ силы! говорилъ онъ задыхающимся голосомъ, — нѣтъ силы отнять васъ у меня! вы поймите это наконецъ! изъ этого нѣтъ исхода... Нѣтъ исхода! продолжалъ онъ, скрежеща зубами, — я убью васъ, собственной рукою на этомъ же мѣстѣ убью, не выпущу изъ рукъ моихъ и уничтожу, но не перенесу васъ живою потерять!... Вы будете моя! вы будете мертвая или живая, а моя!

Леля это знала, да, она знала, что не станеть у нея силы вырваться изъ опутывавшихъ ее и обросшихъ кругомъ нея сквернѣ. Въ первый разъ онъ безпрепятственно охватилъ ее своими дрожащими руками, полно прижалъ къ себѣ и почти безчувственную понесъ въ комнаты, гдѣ давно томилась въ ожиданіи Дарья Григорьевна, а за окнами видѣлся цѣлые часы запряженный экипажъ...

Въ этотъ же самый вечеръ въ Покровскомъ соборѣ горѣли свѣчи и шелъ вѣнчальный обрядъ; неволей или волей, дѣвица Сарматова мѣняла свое родное имя на знатное имя пламенѣющаго обладать ею господина богатаго села; свидѣтели стояли кругомъ, приготовляясь закрѣпить въ регистрѣ законность событія, освящаемаго крестомъ; разбитая свобода женщины, въ символъ блага вѣнка, который она подноситъ на головѣ къ ногамъ нетерпѣливаго супруга, сейчасъ разорвется по частямъ, на память счастливаго дня; надъ головами вѣнчающихся читаютъ, что мужъ да почется о женѣ, а жена да боится своего мужа, — и великій трезвонъ идетъ надъ всѣмъ селомъ...

Клавдія Кованько.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ РАБСТВА.

(Очеркъ второй).

I.

День склонялся къ вечеру; послѣдніе лучи осенняго солнца освѣщали полу-разрушенную деревню принадлежащую къ плуэрнельской сеньеріи. Недавно она подверглась нападенію со-сѣдняго барона, враждовавшаго съ графомъ Плуэрнедемъ. Въ XI вѣкѣ, въ то печальное время варварства и насилія, воору-женныя нападенія на беззащитныхъ поселянъ составляли весь-ма обыкновенное явленіе: бароны ссорились между собою, и за все про все отвѣчали ни въ чемъ неповинные рабы и вас-салы ихъ.

Жалкій видъ представляла эта деревушка. Большая часть ея домовъ сгорѣла; вмѣсто нихъ торчали или обгорѣлые пни, или кое-какъ сколоченные шалаши. Сами поселяне, въ эту минуту возвращавшіеся съ полевыхъ работъ, совершенно гармонирова-ли съ печальной картиной ихъ жилищъ: покрытые рубищами, слабые, истомленные, они едва передвигали ноги. Со страхомъ, переглядываясь между собой, они шепотомъ передавали другъ другу ужасную новость, что ихъ деревню посѣтилъ управляю-щій въ сопровожденіи пяти или шести вооруженныхъ людей, и требуетъ ихъ всѣхъ на сборный пунктъ. Этотъ управляю-щій, по фамиліи Гарэнъ, былъ страшной грозой для несчаст-

ныхъ поселянъ, и они прозвали его *Истребителемъ мужиковъ*. Онъ носилъ мѣдную каску съ желѣзными поручнями и важный костюмъ; всегда ѣздилъ на рыжей лошади, отличающейся такими же свирѣпыми качествами характера, какъ и ея господинъ. Гарэнъ помѣстился посрединѣ площади, окруженный своими хорошо-вооруженными помощниками, которые, кромѣ охраненія особы своего начальника, зорко слѣдили за нѣсколькими тщательно связанными рабами, приведенными изъ сосѣднихъ деревень; невдалекѣ отъ этой группы, прислонившись къ стѣнѣ, лежало несчастное существо, страшно обезображенное; это былъ тоже человѣкъ, только слѣпой, безъ рукъ и ногъ; но въ отсутствіи ихъ была виновата не природа, а люди; онъ былъ ослѣпленъ и искалеченъ, по приказанію своего господина, за участіе въ бунтѣ; въ то время ослѣпленіе и потеря рукъ и ногъ было опредѣлено, какъ наказаніе за всякое возмущеніе противъ тиранніи сеньероу; едва прикрытый лохмотьями, онъ, на этомъ мѣстѣ обыкновенно, ожидалъ возвращенія своихъ односельянъ съ поля; ктонибудь изъ его товарищей по несчастію клалъ его на возъ и везъ въ свою хижину, гдѣ кормилъ и поилъ, утромъ же опять отвозилъ на площадь. Онъ жилъ такимъ образомъ уже болѣе десяти лѣтъ. Но далеко не всѣмъ возмущившимся рабамъ выпадала на долю такая счастливая участь; ихъ, по большей части, оставляли на томъ мѣстѣ, гдѣ надъ ними была совершена казнь; запрещали кормить ихъ, и несчастные умирали съ голоду.

Скоро вокругъ Гарэна собралось болѣе трехсотъ человѣкъ. Обведя собраніе свирѣпымъ взглядомъ, Истребитель вынулъ изъ своего кармана пергаментъ и сталъ читать вслухъ слѣдующую прокламацію:

«Божіею милостію, сеньоръ графства плуэрнельскаго, могущественный Неровегъ VI, приказываетъ, чтобы каждый изъ его «рабовъ къ концу этого мѣсяца внесъ въ сеньериальную кассу «по четыре мѣдныхъ су»...

Рабы, угрожаемые новымъ непосильнымъ налогомъ, не могли удержаться отъ легкаго ропота. Но Гарэнъ нахмурилъ брови, все смолкло, и онъ продолжалъ свое чтеніе:

«Если сказанная сумма въ четыре мѣдныхъ су не будетъ

«уплочена въ назначенный срокъ, могущественный сеньоръ сочтетъ для себя необходимымъ принять строгія внушительныя смѣры: виновные въ неисполненіи этого повелѣнія будутъ посвящены на сеньеріальной висѣлицѣ; обыкновенныя годовыя подати останутся въ прежнемъ размѣрѣ; эта же экстраординарная подать въ четыре су предназначается на экстренныя военныя издержки, необходимыя для веденія войны съ сеньоромъ Кагель-Редономъ».

Управляющій сошелъ съ лошади, желая сказать нѣсколько словъ одному изъ своихъ помощниковъ; въ это время рабы шептали одинъ другому:

— Гдѣ Ферганъ?... Только онъ одинъ былъ бы въ состояніи почтительно объяснить управляющему, что мы—увы!—не въ силахъ заплатить этотъ новый налогъ.

Но Фергана не было, и управляющій продолжалъ чтеніе:

«Сеньоръ Гонтрамъ, старшій сынъ благороднѣйшаго, могущественнѣйшаго Неровега VI, графа Плурнеля, достигъ 18-ти лѣтняго возраста,—возраста посвященія въ рыцари. По обычаю, изстари существующему въ плурнельской сеньеріи, каждый поселянинъ обязанъ принести ему въ даръ по одному денью».

— Еще новый налогъ, шептали съ горечью рабы; — наше счастье, что нашъ сеньоръ не имѣетъ дочерей, а то пришлось бы намъ платить ея приданое, какъ теперь мы платимъ за посвященіе въ рыцарство его сыновей.

— Платить? Боже мой! Но изъ чего же платить?... рѣшился замѣтить нѣсколько громче одинъ изъ молодыхъ рабовъ.— Какое великое несчастіе, что нѣтъ съ нами Фергана!

Управляющій, окончивъ чтеніе прокламаціи, позвалъ къ себѣ раба, по имени Петра Хромого (Петръ не хромалъ, но отецъ его имѣлъ этотъ физическій недостатокъ и прозваніе утвердилось за всѣмъ его потомствомъ).

Петръ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, предсталъ предъ грозныя очи Истребителя мужиковъ.

— Вотъ уже три недѣли, какъ ты не ходишь печь хлѣбъ въ сеньеріальной печи; не можетъ же быть, чтобы ты вовсе не употреблялъ хлѣба въ теченіи этого времени?

— Господинъ Гаренъ...

— Ты имѣлъ наглость печь свой хлѣбъ у себя дома?.... Признавайся, негодай.

— Увы! добрый господинъ Гарэнъ; люди сира Кастель-Родона сожгли нашу деревню; самые ничтожные наши пожитки и тѣ были разграблены или сожжены; наши стада угнаны или перерѣзаны; вся наша жатва потоптана или истреблена!

— Я тебѣ говорю о мукѣ, а не о войнѣ, мерзавецъ! Ты долженъ три денье за печеніе хлѣба; налагаю на тебя штрафъ въ такую же сумму!

— Шесть денье! Но вѣдь это совершенное мое раззореніе! Шесть денье! Откуда я возьму такія большія деньги?

— Ты знаешь это лучше, чѣмъ я! Мнѣ знакомы всѣ ваши хитрости, подлецы. У васъ всегда есть тайная дыра, куда вы прячете свои деньги. Намѣренъ ты сейчасъ заплатить, или нѣтъ?

— Милосердый господинъ, я не имѣю ни обода... Люди сира Кастель-Родона оставили намъ только одни глаза, чтобы мы могли оплакивать наши несчастія!

Гарэнъ, пожавъ плечамъ, сдѣлалъ знакъ одному изъ людей своей свиты; тотъ вынулъ изъ-за своего пояса пукъ веревекъ и приблизился къ Петру Хрому. Рабъ покорно протянулъ къ нему свои руки.

— Вяжите меня, сказалъ онъ,— посадите въ тюрьму, если вамъ этого хочется, но у меня нѣтъ ничего, кромѣ волосъ на головѣ.

— Въ этомъ мы сейчасъ увѣримся, иронически замѣтилъ управляющій.

И въ то время, какъ одинъ изъ палачей вязалъ Хромого, другой вытащилъ изъ ящичка у пояса трутъ, огниво и просмоленный фитиль, который тотчасъ же зажегъ. Увидя эти приготовления, несчастный рабъ поблѣднѣлъ.

— Мы попробуемъ, не скажешь ли ты, гдѣ зарыты у тебя деньги, если немножко поприжгемъ твои пальцы, сказалъ Гарэнъ.

Рабъ ничего не отвѣчалъ; онъ припалъ къ колѣнямъ управляющаго и простеръ къ нему связанные руки. Въ то же время изъ толпы вышла молодая дѣвушка; вмѣсто всякой одежды на ея тѣло былъ накинутъ грубый дырявый мужской плащъ: ноги

же ея уже давно не были знакомы съ обувью. Въ деревнѣ ее звали Перрина Коза, потому что она была такъ же дика, какъ и козы, которыхъ пасла. Ея растрепанные черные волосы на половину закрывали ея свирѣлое загорѣлое лицо. Она подошла къ управляющему, не опуская глазъ, и грубо сказала:

— Я дочь Петра Хромого; если тебѣ непременно хочется кого нибудь мучить,—мучь меня, но отпусти моего отца.

— Фитиль, нетерпѣливо закричалъ Гарэнь, — нечего тутъ растобарывать. Дѣло къ ночи, надо слѣшить.

Хромого, несмотря на его вопли и сопротивление, повалили на-земь. Началась пытка. Ее производили въ присутствіи цѣлой деревни. Товарищи несчастнаго мученика молча и почти безучастно смотрѣли на это безобразіе. Съ одной стороны привычка къ рабству, съ другой, лицемѣрная проповѣди католическихъ патеровъ, въ которыхъ выставлялись страшныя адскія муки, должныя послѣдовать за всякимъ неповиновеніемъ волѣ господина, поставленнаго самимъ Богомъ, — дѣлали этихъ несчастныхъ нечувствительными къ страданіямъ своихъ ближнихъ, такихъ же забитыхъ рабовъ, какъ и они сами. Петръ чувствовалъ страшную боль, изъ его разтерзанной груди выходили глухіе стоны; Перрина Коза даже не плакала: блѣдная, съ стиснутыми зубами, съ сжатыми кулаками, она съ ненавистью смотрѣла на Истребителя мужиковъ, и изрѣдка шептала:

— Еслибы я знала, гдѣ у него спрятаны деньги, я бы сказала...

Наконецъ Хромой, не будучи въ состояніи терпѣть мучительную боль, проговорилъ разбитымъ голосомъ:

— Дочь моя, возьми лопату, бѣги на наше поле и тамъ, подъ деревомъ, выкопай горшокъ; въ немъ спрятаны девять денегъ... Тамъ все мое сокровище, господинъ Гарэнь.

— О, я былъ увѣренъ, что у тебя запрятаны деньжонки. Прекратите пытку; пусть одинъ изъ васъ отправится за этой дѣвухой и принесетъ деньги.

Коза, бросивъ на Гарэна свирѣпый взглядъ, немедленно отправилась въ сопровожденіи вооруженнаго палача... Рабы, пораженные, уstraщенные, боялись даже взглянуть одинъ на дру-

того; а несчастный, замученный Петръ стоналъ и горько плакалъ.

— Боже мой! что со мной теперь будетъ! Какъ я стану добывать хлѣбъ. Мои руки всѣ въ ранахъ... Я не въ силахъ работать, а подать все же стануть съ меня тянуть.

Управляющій, желая чѣмъ нибудь разсѣять скуку ожиданія и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавъ запуганнымъ рабамъ приличное случаю наставленіе, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ здѣсь предъ вами два преступника. Одинъ наказанъ за возмущеніе; онъ слѣпъ, безъ ногъ и рукъ; другой за непослушаніе; его руки изранены, онъ чувствуетъ страшную боль. Пусть эти два случая послужатъ вамъ хорошимъ урокомъ, мерзкіе вы люди! Трепещите, ибо если вы осмѣлитесь даже подумать о сопротивленіи законнымъ правамъ вашего господина, васъ ожидаютъ въ этой жизни бичи, темница, пытки, смерть, а въ будущей вѣчныя муки въ аду Сатаны! Помните, что вашъ господинъ, по своей неизрѣченной добротѣ, даетъ вамъ землю для добыванія хлѣба, не въ правѣ ли онъ налагать на васъ такія подати, какія ему заблагоразсудится? Спрашиваю васъ: рабы ли вы вашего господина, совершенно зависящіе отъ его воли и милосердія, или нѣтъ? Отвѣчайте же.

— Да, мы его рабы; мы вполне зависимъ отъ его господской воли.

— Если вы и вся ваша раса должны быть вѣчно рабами и не можете быть ничѣмъ инымъ, то почему же вы не отстаете отъ своихъ гадкихъ привычекъ; зачѣмъ вы постоянно хитрите, обманываете, всѣми средствами увертываетесь отъ уплаты податей? Вы очень хорошо знаете, что меня не проведете, а все же, по своей хамской привычкѣ, стараетесь меня надуть. Ослы вы, подлецы и больше ничего. Къ чему вы заставляете вѣчно напоминать вамъ, что жизнь и смерть ваша находятся въ рукахъ вашего господина, что ваше тѣло и ваше имущество принадлежатъ ему вполне, начиная съ волосъ на вашей головѣ, ногтей на вашихъ рукахъ, и кончая цѣломудріемъ вашихъ женщинъ.

— Добрый господинъ Гаранъ, осмѣлился отозваться одинъ старикъ, по имени Мартинъ,—мы все это знаемъ очень хоро-

шо; наши многоуважаемые священники толкуютъ намъ постоянно, что мы и тѣломъ и душой, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ имуществомъ, принадлежимъ нашему господину, который пользуется своимъ правомъ по волѣ Господа. Только говорить...

— Что же говорить? закричалъ Гарэнъ.—Кто смѣетъ здѣсь говорить?!

— О, это не мы; это вовсе не мы; это говорить Ферганъ камнетесъ.

— Гдѣ этотъ мерзавецъ? Въ самомъ дѣлѣ отчего я не вижу его съ вами сегодня?

— Онъ вѣрно остался въ каменоломнѣ; онъ кончаетъ работу очень поздно.

— А что такое изволилъ рассказывать этотъ негодяй Ферганъ?

— Господинъ Гарэнъ, онъ признаетъ, что мы дѣйствительно рабы нашего графа; что мы обязаны обрабатывать землю въ его пользу...

— Довольно, мы очень хорошо знаемъ свои права, прервалъ нетерпѣливо Истребитель мужиковъ. — Что еще болталъ этотъ мерзавецъ?

— Онъ говорилъ... только онъ, а вовсе не мы...

— Не мы, господинъ Гарэнъ, не мы, закричали эти несчастные въ одинъ голосъ, доведенные рабствомъ до крайней трусости и тупоумія;—это Ферганъ говорилъ, онъ одинъ.

— Кончайте же негодяи, кончайте поскорѣе.

— Ферганъ полагаетъ, что налоги, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, раззорятъ насъ окончательно, и мы не въ состояніи будемъ совсѣмъ платить ихъ; намъ останется тогда только одно право — умереть съ голода. Увы! многомилостивый господинъ Гарэнъ... мы пьемъ только воду; мы одѣты въ рубища, мы ѣдимъ каштаны и бобы, и только развѣ въ праздники смакуемъ хлѣбъ изъ овса или ячменя...

— Какъ! загремѣлъ управляющій,—вы осмѣливаетесь жаловаться?!

— Нѣтъ! добрый господинъ Гарэнъ, закричали рабы, — мы вовсе не жалуемся; мы вполне счастливы и довольны. Если мы и страдаемъ немного, то тѣмъ лучше для нашего спасенія,

какъ справедливо твердитъ намъ нашъ глубокоуважаемый священникъ... Нѣтъ, какъ можно, мы вовсе не жалуемся. Все это говоритъ только одинъ Ферганъ. Мы его даже крѣпко ругали за это... Мы довольны своей судьбой, и почитаемъ и благословляемъ нашего милостиваго и добраго сеньора Неровега VI и его достойнаго управляющаго, господина Гарэна.

— Подлые рабы, съ презрѣніемъ и омерзѣніемъ сказалъ Гарэнь.—Низкіе негодяи! Вы подло цѣлуете руку, которая васъ бьетъ. Развѣ не знаю я, что вы прозвали вашего добраго и милостиваго графа Неровега VI — *хуже чѣмъ волкъ*; а меня, его достойнаго управляющаго—*Истребителемъ мужиковъ!*

— Клянемся будущей жизнию, что мы никогда не давали такихъ прозвищъ!

— А я клянусь моей бородой, что мы оправдаемъ эти прозванія! Да, Неровегъ VI станетъ *хуже, чѣмъ волкъ* для васъ, скопница лѣнтяевъ, воровъ и измѣнниковъ! Я же, я буду ѣсть васъ и съѣдать съ кожей и костями, если вы будете работать такъ же плохо, какъ работаете теперь. Что же касается до Фергана, этого медоточиваго бунтовщика, я доберусь до него, и онъ познакомится съ висѣлицей плуэриельской сеньеріи.

— И мы проклинаемъ Фергана; онъ осмѣлился дурно говорить о васъ и о графѣ, напьемъ отцѣ, и потому по всей справедливости заслуживаетъ строгое наказаніе.

Въ эту минуту возвратилась Перрина Коза. Она смотрѣла мрачно и съ ненавистью на Истребителя мужиковъ; правая ея рука была спрятана въ складкахъ плаща; очевидно, она что-то спрятала тамъ, но этого никто не замѣчалъ; вся толпа еще находилась подъ вліяніемъ грозныхъ рѣчей Гарэна и съ нетерпѣніемъ ожидала, чѣмъ окончится расправа съ несчастнымъ Хромымъ.

— Здѣсь девять мѣдныхъ денегъ, сказалъ помощникъ управляющаго, принесшіи деньги,—но четыре изъ нихъ выбиты не въ нашей сеньеріи.

— Опять иностранная монета! грозно закричалъ Гарэнь, обращаясь къ рабамъ; — сколько разъ запрещалъ я вамъ, подъ страхомъ палочной расправы, принимать ее.

— Но что же намъ дѣлать, многомилостивый господинъ Га-

рэнъ, отвѣчалъ Хромой, — мелочные торговцы, проѣзжающіе чрезъ наши деревни и покупающіе у насъ свиней, барановъ или козлятъ, не могутъ всегда имѣть при себѣ монету нашей сеньерин. Если мы станемъ отказываться принимать ее, то откуда же у насъ явятся средства для уплаты податей.

Управляющій, занятый счетомъ денегъ, ничего не отвѣчалъ Петру Хромому; онъ всыпалъ всю монету въ огромный кожаный кошелекъ, привѣшенный къ его поясу и уже на три четверти наполненный добычей нынѣшняго дня.

— Ты долженъ шесть денье; изъ девяти монетъ, вынутыхъ изъ твоего тайника, четыре иностранныя—эти я конфискую; остается пять денье, выбитыхъ въ нашей сеньерин—ихъ я приму въ счетъ твоего долга; слѣдовательно, за тобой еще остается одинъ денье, ты отдашь его при будущихъ уплатахъ.

— А я заплачу тебѣ сейчасъ! закричала Коза, бросаясь на управляющаго и нанося ему камнемъ ударъ въ голову.

Гарэнъ пошатнулся, кровь брызнула изъ раны.

— Подлая баба, заскрежеталъ онъ.

И схвативъ ее за талию, онъ повалилъ ее на полъ и сталъ топтать ногами; потомъ, вынувъ до половины шпагу, онъ намѣревался убить ее; однако же вскорѣ опять вложилъ ее въ ножны.

— Нѣтъ, нѣтъ, убьемъ ее не здѣсь, сказалъ онъ, обращаясь къ исполнителямъ его приговоровъ. — Пусть ея трупъ послужитъ лакомой приманкой для воронъ и станетъ пугаломъ для тѣхъ, кто осмѣливается питать въ своемъ умѣ желаніе поднять руку на управляющаго, поставленнаго ихъ могущественнымъ сеньоромъ. Свяжите ее и отведите въ тюрьму. Сегодня ей выколютъ глаза, а завтра вздернутъ на висѣлицу.

— Перрина Коза заслужила это тяжкое наказаніе, закричала въ одинъ голосъ рабы, надѣясь этимъ отвратить отъ себя страшный гнѣвъ грознаго управляющаго.—Проклятіе ей за то, что она осмѣлилась пролить кровь милостиваго управляющаго нашего славнаго сеньора.

— Трусые вы и негодяи, закричала Коза, лицо которой было все въ крови отъ ранъ, причиненныхъ шпорами Гарэна.

Потомъ, оборотаясь къ Петру, который горько рыдалъ, но не

смѣлъ защитить свою дочь, или рѣшиться умолять управляющаго о ея помилованіи, Перрина сказала ему съ горькой улыбкой:

— И ты, мой отецъ, ты отдаешь меня на муку, ты такой же трусъ, какъ и прочіе... Прощай, если завтра ты увидишь стаи воронъ, летающихъ вокругъ сеньеріальной висѣлицы, ты будешь знать, что они прилетѣли клеветать еще теплыя внутренности твоей дочери.

И показавъ кулакъ всѣмъ прочимъ рабамъ, она прибавила:

— О трусы! Васъ болѣе трехсотъ человекъ и вы робѣете предъ шестью вооруженными людьми!.. Идите, вы вполнѣ заслужили свои бѣдствія и свой стыдъ. Только и есть одинъ человекъ между вами—это Ферганъ.

— Ужъ доберусь я до этого Фергана, прошептала Гарэнъ, вытирая на своемъ лицѣ кровь, просачивающуюся изъ-подъ повязки на его головѣ. — Если я встрѣчу его, теперь на дорогѣ, онъ будетъ завтра твоимъ товарищемъ на висѣлицѣ, низкая женщина.

Истребитель удаллся, уведя съ собой Перрину Козу. Его посѣщеніе навело такой страхъ на рабовъ, что они, расходясь по домамъ въ ужасѣ, забыли увести съ собой несчастнаго слѣпого. Тщетно звалъ онъ... Ночь наступила, а все еще долго слышался его жалостный голосъ, взывающій о помощи...

II.

Прошло уже много времени послѣ отбѣзда управляющаго изъ деревни. Ночь становилась темнѣе и темнѣе. Блѣдная, худая и горбатая молодая женщина, одѣтая въ рубашку изъ грубаго холста, съ босыми ногами, сидѣла на камнѣ подлѣ очага въ землянкѣ Фергана камнетеса, стоящей на краю деревни. Дымъ лучина освѣщала внутренность избы, какъ видно тоже нѣсколько пострадавшей отъ недавняго пожара; дыры въ крышѣ, которыхъ не успѣли еще задѣлать, дозволяли видѣть звѣз-

ды, блестящія на небосклонѣ; вся мебель этого бѣднаго жилища состояла изъ двухъ большихъ камней, небольшой деревянной скамейки, плохого стола, соломенной корзинки и простого деревяннаго сундука; а утварь изъ нѣсколькихъ деревянныхъ грубо выдѣланныхъ посудинъ. О лучшей обстановкѣ своего жилища не могъ и подумать рабъ того времени. Молодая женщина, сидящая у очага, была жена Фергана, по имени Жеганна Горбатая. Она сидѣла пригорюнившись и тихо плакала. Долго сидѣла она такимъ образомъ, наконецъ отворилась дверь, и въ избу вошелъ ея мужъ, Ферганъ, человекъ лѣтъ тридцати, красивый собой, здоровый, плечистый, и довольно высокаго роста; его одежда состояла изъ кожаной хламиды, почти совершенно истершейся отъ долгаго употребленія. Услыхавъ шорохъ, Жеганна подняла голову. Очень некрасивая собою, она однакожъ возбуждала полнѣйшую симпатію; въ выраженіи ея лица было столько ангельской доброты, что каждый невольно чувствовалъ къ ней живѣйшее расположеніе. Бросившись на шею къ мужу, она сквозь слезы спросила его скороговоркою:

— Ну что, узналъ что нибудь?

— Ничего, рѣшительно ничего, съ отчаяніемъ въ голосѣ отвѣтилъ несчастный рабъ.

Жеганна упала на свой камень.

— Коломбаикъ! Мое бѣдное дитя! Я не увижу тебя болѣе, сквозь рыданія шептала она.

Ферганъ, опечаленный не менѣе жены, сѣлъ на другой камень подлѣ очага, опутивъ свою голову на грудь, и задумался. Долго продолжалось молчаніе, прерываемое только слезами Горбатой. Наконецъ Ферганъ всталъ и зашагалъ по избѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Такъ не можетъ продолжаться, почти кричалъ онъ...— Я долженъ идти... И пойду... Непремѣнно пойду!

Услыхавъ слова своего мужа: «пойду, непременно пойду», Жеганна подняла свою голову.

— Куда ты пойдешь, мой бѣдняга? спросила она.

— Въ замокъ, отвѣчалъ Ферганъ, продолжая шагать еще рѣшительнѣе.

Жеганна задрожала всѣмъ тѣломъ, сложила съ умоляющимъ

видомъ свои руки и хотѣла говорить, но была настолько испугана, что долго не могла произнести ни одного слова.

— Ферганъ, ты потерялъ голову. Какъ же ты попадешь въ замокъ? почти шепотомъ сказала она.

— Я пойду туда послѣ захожденія луны!

— Горе мнѣ, я потеряла мое бѣдное дитя, а теперь еще должна потерять и мужа.

Онять она зарыдала; ея рыданія и тяжелые шаги ея мужа только одни прерывали ночное безмолвіе. Въ очагѣ погасло, лучина уже больше не горѣла, взошедшая луна своими блѣдными лучами освѣщала внутренность жалкаго жилища, которое, только по ошибкѣ, считалось человѣческимъ, а не логовищемъ какого либо звѣря. Это новое молчаніе тянулось еще продолжительнѣе. Горбатая, послѣ долгой невеселой думы, рѣшилась, наконецъ прервать его.

— Ты хочешь Ферганъ идти въ замокъ нынѣшнюю ночь, (и она задрожала, произнеся слово: замокъ)... Къ счастью это невозможно... Туда нельзя будетъ войти.

Ферганъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ шагать по избѣ.

— Ты мнѣ ничего не отвѣчаешь, продолжала Жеганна, схвативъ мужа за руку.

Онъ нетерпѣливо отдернулъ свою руку.

— Оставь меня въ покоѣ, крикнулъ онъ рѣзко.

Жеганна отъ испуга поскользнулась, упала на полъ, ударилась головой объ полъ и невольно застонала. Этотъ крикъ привелъ въ себя Фергана; онъ быстро подбѣжалъ къ женѣ и помогъ ей встать.

— Ты ушиблась, ты ранена? спросилъ онъ вѣжно.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Моя бѣдная Жеганна, у тебя совсѣмъ мокрое лицо, не кровью ли оно запачкано? Ты вся дрожишь.

— Это оттого, что я много плакала, отвѣчала бѣдная женщина, стараясь волосами закрыть небольшую рану на лбу.

— Ты страдаешь, и я причиной твоихъ страданій.

— Нѣтъ, нѣтъ, я упала потому, что почувствовала себя дурно, отвѣчала Жеганна съ ангельской улыбкой. — Все это пустяки, не станемъ говорить объ этомъ. Но я опять возвра-

щусь къ прежнему вопросу: ты все еще думаешь идти въ замокъ?

— Не помнишь ли ты, Жеганна, что, дня три тому назадъ, говорила намъ Перрина Коза по поводу пропажи нашего ребенка?

— Хорошо помню. Она, по обыкновенію, пасла своихъ козъ на высокихъ скалахъ подлѣ большого дола. Оттуда она увидѣла, какъ одинъ изъ кавалеристовъ сеньора Плуэрнеля галопомъ выѣзжалъ изъ того лѣска, гдѣ нашъ Коломбаикъ собиралъ хворость. Кавалеристъ что-то тщательно пряталъ подъ своимъ плащомъ. Перрина подозрѣваетъ, что онъ укралъ нашего милого ребенка. Съ того времени мы не видали нашего сына и не имѣемъ о немъ никакого извѣстія.

— Подозрѣнія Перрины справедливы.

— Великій Боже!

— Сегодня я былъ въ каменоломнѣ; нѣсколько рабовъ, занимающихся поправкою замковыхъ стѣнъ, пострадавшихъ отъ послѣдней войны, прибѣжали туда за камнемъ. Всѣ эти три дня, какъ тебѣ извѣстно, я былъ, какъ сумасшедшій; я говорилъ каждому о пропажѣ нашего ребенка. Заговорилъ о томъ же и съ этими рабами, рассказалъ имъ о предположеніяхъ Перрины; всѣ, молча покачивая головами, выслушали мое горькое признаніе, только одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ, что и онъ въ тотъ вечеръ, при наступленіи ночи, видѣлъ кавалериста, держащаго на своемъ сѣдлѣ бѣлокуренькаго ребенка семи или осьми лѣтъ...

— О, несчастіе! вскричала бѣдная мать, — это навѣрное былъ Коломбаикъ.

— Этотъ кавалеристъ проѣхалъ чрезъ подъемный мостъ плуэрнельскаго замка, и рабъ его болѣе не видѣлъ.

— Но что же они сдѣлаютъ съ нашимъ ребенкомъ?

— Что они съ нимъ сдѣлаютъ! вскричалъ Ферганъ, выражая страшный, угрожающій жестъ. — Они его зарѣжутъ и употребятъ его невинную кровь для какихъ нибудь адскихъ цѣлей... Ты знаешь, въ замкѣ живетъ колдунья!

Жеганна испустила страшный крикъ, но вскорѣ горестъ смѣнилась у ней яростію. Она вскочила и, подбѣжавъ къ мужу, потащила его за руку.

— Ферганъ, пойдѣмъ въ башню, кричала она.—Мы войдемъ туда, хотя бы для этого пришлось ногтями вырывать камни... Я найду свое дитя... Колдунья не зарѣжетъ его... Нѣтъ, я не допущу до этого...

Она бросилась на улицу. Ферганъ догналъ ее, силой воротилъ домой, и несчастная мать до того ослабѣла, что почти безъ чувствъ опустилась на полъ.

— Мнѣ кажется, что я умираю, шептала она...—Сердце мое разрывается на части... Я страдаю, сильно страдаю... О, великое несчастіе... Мнѣ кажется, мы уже опоздали... Колдунья вѣрно убила его... Слишкомъ уже поздно... Но нѣтъ, можетъ быть, я и ошиблась... Ты хотѣлъ идти въ замокъ... Пойдемъ... Да пойдѣмъ же скорѣе...

— Я пойду одинъ, когда зайдетъ луна.

— Увы! мы совѣмъ сумасшедшіе, мой бѣдный Ферганъ!.. Горестъ насъ ослѣпила. Мы и забыли, что нѣтъ никакихъ средствъ проникнуть въ берлогу нашего графа?

— Я пройду потайнымъ ходомъ.

— А кто указалъ тебѣ его?

— Мой отецъ... Слушай милая жена... Мой дѣдъ Денъ Брао съ своимъ отцомъ Иваномъ Лѣсникомъ вынужденъ былъ переселиться въ Анжу во время великаго голода въ 1033 году. Денъ Брао, искусный каменщикъ, проработавъ въ теченіи года въ замкѣ сеньора Анжу, сдѣлался, на основаніи закона, его рабомъ, и вскорѣ былъ проданъ своимъ господниъ Неровегу IV, предку нашего злодѣя. Новый господинъ употребилъ его на работу въ постройкѣ тюрьмы, при замкѣ. Эта работа длилась нѣсколько лѣтъ. Мой отецъ, Номиноэ, бывшій ребенкомъ при началіи работъ, сталъ уже бравымъ парнемъ, когда онѣ окончились. Онъ помогалъ въ работахъ своему отцу и сдѣлался самъ хорошимъ каменщикомъ. Дѣдъ имѣлъ привычку у себя дома, по вечерамъ, чертить на пергаментѣ планъ различныхъ частей тюрьмы, имъ строимой. Эти планы онъ показывалъ моему отцу, и за тѣмъ пряталъ ихъ въ ящикъ, сохраняющійся въ углу погреба, подъ камнемъ. Разъ, не понимая назначенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей зданія, отецъ обратился къ дѣду за поясненіями.

— «Вотъ эти различныя хитро-перепутанныя сооруженія, отвѣчалъ дѣдъ, образуютъ собою тайную лѣстницу, продѣланную въ стѣнахъ тюрьмы. Она идетъ къ замковой башнѣ. Благодаря этому потайному ходу, сеньоръ Плуэрнель, въ случаѣ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія непріятелю, можетъ бѣжать по ней и пройти другимъ подземнымъ ходомъ, съ которымъ эта лѣстница соединяется, къ сеньеріальной башнѣ, построенной тамъ, на сѣверѣ, въ горахъ».

— Во времена этихъ вѣчныхъ войнъ такіе потайные ходы крайне необходимы, и они существуютъ во всѣхъ сильныхъ замкахъ. За шесть мѣсяцевъ до окончанія всего зданія, когда оставалось только устроить секретный ходъ по плану дѣда, мой отецъ, къ его счастію, былъ ушибленъ огромнымъ камнемъ, раздробившимъ ему обѣ ноги.

— Что ты говоришь, Ферганъ!

— Слушай далѣе... По случаю этого страшнаго ушиба, отецъ мой въ теченіи шести мѣсяцевъ не могъ работать. Тогда уже строился потайной ходъ, и во все время его постройки искусные рабы, его строители, не возвращались по вечерамъ въ деревню, какъ это обыкновенно дѣлалось, а оставались и день и ночь въ замкѣ.

— Это зачѣмъ же?

— По словамъ графа Плуэрнеля, онъ дѣлалъ это затѣмъ, чтобы выиграть время, теряемое рабочими утромъ и вечеромъ на путешествіе въ замокъ и обратно, и тѣмъ ускорить окончаніе постройки. Во все время постройки потайного хода въ замокъ никого не пускали, и близкіе родные работавшихъ могли утѣшаться хоть тѣмъ, что издали съ долины, смотрѣли на нихъ, дѣйствующихихъ молотомъ и киркой или переносящихъ камни; но, наконецъ, когда была поставлена верхняя платформа, они лишились и этого удовольствія, потому что работавшихъ уже не стало видно, они работали внутри стѣнъ. Но замѣчательно, что по окончаніи работы, они вдругъ сгнули и пропали, и никто изъ нихъ не возвратился назадъ въ свою деревню.

— Что же съ ними случилось?

— Неровергъ IV, боясь, чтобы они не открыли кому нибудь тайну секретнаго хода, построеннаго ими, велѣлъ запретить

ихъ въ подземную темницу, и тамъ мой дѣдъ и съ нимъ двадцать семь другихъ работниковъ были уморены голодной смертію.

— Ахъ! вскричала съ ужасомъ Жеганна, — какое звѣрство!

— Да, страшное звѣрство.... А наши патеры требуютъ, чтобы мы безпрекословно повиновались и любили нашихъ сеньоровъ, сказалъ Ферганъ съ горькой улыбкой. Мой отецъ, благодаря своимъ ранамъ, только одинъ избѣжалъ ужасной участи; сеньоръ Плуэрнелъ, вѣроятно, позабылъ о немъ. Желая отыскать причину исчезновенія своего отца и вспоминая его рассказы о потайномъ ходѣ, а также разсматривая его планы, отецъ мой рѣшился сдѣлать попытку проникнуть въ потайной ходъ. Ему это удалось. Спустившись въ подземелье и идя по немъ довольно долго, онъ наткнулся на огромную желѣзную рѣшетку, преградившую ему путь. Засунувъ за нее руку, онъ оцупалъ огромную кучу костей....

— Великій Боже! И эти кости?..

— Были костями работниковъ, запертыхъ вмѣстѣ съ дѣдомъ въ эту тюрьму... Отецъ не пытался отыскивать дальнѣйшій проходъ къ замку. Онъ не рѣшился отмстить за своего мученика-отца, и только на смертномъ одрѣ передалъ мнѣ свою тайну. Я отыскалъ подземной ходъ, и думаю, посредствомъ его, нынѣшнюю же ночь проникнуть въ замокъ и отыскать тамъ своего сына.

— Ферганъ, было бы странно, еслибы я вздумала уговаривать тебя измѣнить благородное рѣшеніе, проговорила сквозь слезы Жеганна; — но какъ проникнешь ты за рѣшетку?

— Тамъ долженъ быть проходъ, съ другой стороны отъ тюрьмы моего дѣда, къ тому же я захвачу клещи и молотокъ.

— Ну, а дальше, — дальше куда ты пойдешь?

— Еще вчера я пересматривалъ планы, начерченные Денъ Брао и довольно хорошо изучилъ ихъ. Главное найти лѣстницу, а она уже приведетъ къ маленькой башенкѣ, построенной на платформѣ главной замковой башни.

— Къ той башенкѣ.... прервала, сильно поблѣднѣвъ, Жеганна, — къ той башенкѣ, откуда ночью исходитъ какой-то стран-

ный свѣтъ, замѣчаемый путниками, идущими или ѣдущими по равнинѣ?

— Да. Въ этой башенкѣ Азенора Блѣдная, колдунья Неро-вега VI, приготовляетъ свои адскія снадобья.... Здѣсь долженъ быть Коломбаикъ.... если онъ еще живъ; туда я не пойду его отыскивать.

— Ахъ, мой бѣдный Ферганъ, я чувствую, что не переживу этой ночи, когда подумаю объ опасностяхъ, которымъ ты подвергаешься.

— Жеганна, скоро луна спрячется, и я тогда немедленно пушусь въ дорогу.

Сдѣлавъ надъ собой сверхъестественное усиліе, чтобы преодолѣть ужасъ, несчастная женщина сказала почти твердымъ голосомъ:

— Я не смѣю просить тебя взять меня съ собою, я знаю, что я стѣсню тебя... Но, Ферганъ, я думаю также, какъ и ты, что надо всѣмъ рисковать для спасенія своего дитяти.... Но все можетъ случиться, и если ты не воротишься въ теченіи трехъ дней....

— Это будетъ значить, что я погибъ въ плуэрнельскомъ замкѣ....

— Я не переживу тебя ни одной минуты.

— Однако уже пора собираться въ дорогу. Я возьму съ собой молотокъ, клещи, хлѣба и воды.

Захвативъ всѣ эти припасы, Ферганъ горячо поцѣловалъ жену и скорыми шагами направился къ сѣверу.

III.

На слѣдующій день довольно значительное число путешественниковъ выѣхало и вышло изъ Нанта. Они направились по дорогѣ къ границамъ Анжу. По тогдашнимъ обычаямъ они соединились въ одинъ общій караванъ и представляли собой весьма интересную разнообразную группу. Тутъ собрались вмѣстѣ

люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Здѣсь были пилигримы, нищіе, бродяги, мелочные торговцы-ходебщники съ своими товарными ящичками за спиной; между послѣдними отличался своимъ громаднымъ ростомъ, рыжей бородой и волосами торговецъ, товарный ящикъ котораго былъ разрисованъ различными изображеніями человѣческихъ костей, рукъ, ногъ, пальцевъ, а также крестовъ; этого человѣка звали Гаральдомъ Норманомъ; онъ, какъ и другіе, происходящіе отъ норманскихъ пиратовъ, занялся торговлей мощами, причеиъ безсовѣстно надувалъ вѣрующихъ, рассказывая самыя неправдоподобныя исторіи относительно своего товара. Невдалекѣ отъ него шли два монаха, называвшіе другъ друга Симономъ и Иеронимо. Капшонъ Симона совершенно закрывалъ его лицо, у Иеронимо же напротивъ былъ едва накинута на голову. Въ нѣсколькихъ шагахъ сзади нихъ, на превосходномъ бѣломъ мѣлѣ, ѣхалъ нантскій гражданинъ Бенезекъ Богатый, обладавшій громаднымъ, по тому времени, состояніемъ. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхала красавица, восемнадцатилѣтняя дочь его Изолина.

Путешественники приблизились къ перекрестку, гдѣ большая дорога изъ Нанта въ Анжеръ раздваивалась; одна шла въ прежнемъ направленіи, другая же поворачивала назадъ. На каждой изъ двухъ новыхъ дорогъ стояло по сенъеріальной висѣлицѣ, краснорѣчиво гласящей о юридическихъ правахъ сенъоровъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. На висѣлицѣ, воздвигнутой на западной дорогѣ, качались три трупа; вороны клевали ихъ, но испуганные путешественниками, разомъ, огромной стаей, поднялись на воздухъ. Два изъ этихъ труповъ почти сгнили, но третій — молодой женщины — еще не тронулся. Онъ былъ совершенно нагъ. Мѣстные обитатели узнали бы въ немъ смѣлую, рѣшительную Перрину Козу, замученную Истребителемъ мужиковъ. Спутанные длинные черные волосы падали на лицо жертвы, обезображенное агоніей и ранами, навесенными шпорами и сапогами Гарэна; ея глаза были выколоты; въ ея зубы воткнута была восковая фигурка двухъ или трехъ дюймовъ длины, изображающая епископа въ митрѣ. Колдуньи для своихъ гаданій очень часто клали подобныя фигурки въ ротъ повѣшенныхъ, въ ту минуту, когда несчастные еще не успѣли совсѣмъ про-

ститься съ жизнію. Подлѣ висѣлицы врытъ былъ столбъ, указывающій границу владѣній Неровега VI, сеньора и графа плуэрнельской страны. На другой дорогѣ, проходящей черезъ владѣнія сеньера, Кастель Редона, также возвышалась висѣлица, но уже только съ двумя трупами, изъ коихъ одинъ принадлежалъ ребенку лѣтъ тринадцати, а другой дряхлomu старику; оба трупа были страшно поклеваны птицами.

Изолина, при видѣ этихъ ужасовъ, перепугалась и закрывъ лицо руками, прошептала:

— Батюшка, посмотри вотъ повѣшенные... а на другой висѣлицѣ бѣдная молодая женщина.

— Не смотри на нихъ милая дочь, отвѣчалъ печально нантскій буржуа. — Не одинъ еще разъ на нашей дорогѣ будутъ эти страшныя встрѣчи: на границѣ каждой сеньеріи поставлены подобныя висѣлицы.

— Ахъ, мой отецъ, я боюсь, что эта ужасная встрѣча послужитъ худымъ предзнаменованіемъ для нашего путешествія.

— Моя любезная дочь, не разстраивай себя понапрасну. Дѣйствительно мы живемъ въ тяжелое время, когда горожанину не безопасно выходить изъ стѣнъ своего города и предпринимать далекія путешествія; безъ этой печальной увѣренности я давно бы уже посѣтилъ Лаонъ для свиданія съ моимъ милымъ братомъ Жильдомъ, котораго я не видалъ уже столько лѣтъ; къ несчастію отъ насъ слишкомъ далеко до Пикардіи, чтобы рѣшиться на такое путешествіе. Но успокойся, путешествіе, которое мы предприняли, продолжится не болѣе двухъ дней и, разумѣется, окончится счастливо. Мы должны были исполнить волю бабушки, которая желала насъ видѣть. Въ ея преклонныя лѣта весьма естественно желаніе поцѣловать внучку хотя еще одинъ разъ предъ смертію; твое присутствіе нѣсколько утѣшитъ ее въ потерѣ твоей матери, которую она не перестаетъ оплакивать вотъ уже нѣсколько лѣтъ.

Изолина улыбнулась дѣтской улыбкой.

— Я совершенно спокойна, милый батюшка, и не стану болѣе горевать.

Между тѣмъ всѣ остальные путешественники собрались на перекресткѣ обонхъ дорогъ. Началось совѣщаніе которой изъ

дорогъ отдать предпочтеніе: онѣ обѣ вели въ Анжеръ, но та, которая шла чрезъ владѣнія сира Кастель-Редона была много длиннѣе. Обѣ имѣли свои преимущества и недостатки, однакоже большинство склонялось на предпочтеніе западной дороги, чрезъ плуэрнельскую сеньерію. Противъ этого мнѣнія сильно возсталъ монахъ Симонъ, почему-то еще болѣе закутавшійся въ свой капюшонъ.

— Вѣрите мнѣ, любезные братья, говорилъ онъ, — что не слѣдуетъ намъ проходить чрезъ земли сеньора Плуэрнеля... Развѣ вы не знаете, что онъ злѣе и кровожаднѣе волка... Гласъ народа гласъ Божій!.. Этотъ негодяй достойно оправдываетъ данное ему прозвище.. Безпрерывно приходится слышать, что онъ остановилъ и ограбилъ того или другого путешественника.

— Мой братъ, прервалъ его одинъ горожанинъ, — мы все знаемъ не хуже васъ, что за злобѣдая птица этотъ сеньоръ Плуэрнель. Слышали также о его ужасныхъ тюрьмахъ... Не разъ съ высоты стѣнъ нашего города, мы видѣли, какъ его люди грабили, жгли и истребляли владѣнія нашего епископа, съ которымъ онъ находится въ постоянной враждѣ за обладаніе стариннымъ аббатствомъ Меріадекомъ.

Едва только было произнесено имя нантскаго епископа, Симонъ закрылся еще болѣе своимъ капюшономъ, какъ будто бы боялся быть узнаннымъ.

— Совершенно справедливо, возразилъ другой горожанинъ, — что графъ Неровегъ одинъ изъ самыхъ свирѣпѣйшихъ людей. Но развѣ сеньоръ Кастель-Редонъ ягненокъ? Не думаю. Чрезъ его земли проходить не менѣе опасно, какъ и чрезъ плуэрнельскія. И на той, и на другой дорогѣ опасности одинаковы. Такъ не лучше ли избрать кратчайшую изъ нихъ?

— Да, да, слышались многіе голоса, — онъ говоритъ правду.

— О, братія, братія, берегитесь! вскричалъ Симонъ. — Неровегъ—чистѣйшее чудовище, свирѣпое, дерзкое и къ тому же невѣрующее. Онъ занимается колдовствомъ съ своей любовницей, злой кодуней... и, что еще ужаснѣе, говорятъ она жидовка!

— Къ чорту жидовъ, закричалъ Гарольдъ Норманнъ.— Неу-

жели они существуютъ еще на свѣтѣ? Сколько ихъ перевѣщено, сожжено, утоплено, зарѣзано, сколько гонялись за ними, какъ за дикими звѣрьми, неужели еще не всехъ истребили!

— Какое истребили, отвѣчалъ Иеронимъ,—осталось ихъ довольно, и это они, проклятое племя, уговорили сарациновъ напасть на Палестину и разрушить храмъ Соломоновъ.

— Какъ! спросилъ горожанинъ;—такъ это наши жида состроили такое богомерзкое дѣло?

— Да, мой братъ, никто другой, какъ они. Для этихъ безбожныхъ колдуновъ не существуетъ ни времени, ни пространства... Но терпѣнѣе! скоро придетъ время, когда, по волѣ Божіей, потекутъ въ Иерусалимъ не отдѣльные пилигримы, идущіе туда скромно молиться предъ гробомъ Госнода и оплакивать свои прегрѣшенія, — а все христіанство, съ оружіемъ въ рукахъ, собравшееся для освобожденія изъ рукъ невѣрныхъ главнѣйшей христіанской святыни.

Въ это время къ совѣщающимся подѣхалъ Бенезекъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ рѣшился тоже высказать свое мнѣніе.

— Мой совѣтъ—идти по кратчайшей дорогѣ, сказалъ онъ.— Что же касается до вашихъ сомнѣній, то мнѣ кажется, что если мы заплатимъ сеньору Плуэрнелю проходную пошліну, онъ не посмѣетъ задержать насъ. Развѣ мы его рабы или вилены?

— Какже это вы, человѣкъ, у котораго пробивается уже просѣдь въ головѣ, говорите такія несообразности? покачивая головою, возразилъ Симонъ.—Развѣ эти сумазбродные сеньоры имѣютъ какое нибудь понятіе о правѣ и справедливости?

— Мнѣ дѣла нѣтъ до ихъ убѣжденій, гордо замѣтилъ Бенезекъ;—я увѣренъ, что онъ меня не тронетъ. Если онъ ограбитъ меня, нантскаго гражданина, я пожалуюсь Вильгельму IX, герцогу Аквитаніи, сюзерену графа Неровега, которому онъ обязанъ повиновеніемъ, точно также какъ Вильгельмъ IX находится въ зависимости отъ своего сюзерена, Филиппа I, короля французскаго.

— Не значить ли это апеллировать тигру на волка, прервалъ Симонъ, пожимая плечами.—Гдѣ вашъ разсудокъ? Взывать о правосудіи къ Вильгельму IX, этому негодю, который,

съ кипжаломъ у глотки, требовалъ отъ Петра, епископа пуатьескаго, чтобы тотъ далъ ему разрѣшеніе отъ грѣховъ!—Въ умѣ ли вы? Вильгельмъ! этотъ развратникъ, который, по совершеніи тысячи подобныхъ преступленій, похитилъ Мальборжіану, жену виконта Шательро, великую распутницу, и осмѣлился носить ея портретъ на своемъ щитѣ. Вильгельмъ! этотъ грѣховодникъ, рѣшившійся, на упрекъ епископа ангулемскаго Жерарда, отвѣчать такъ нагло: «епископъ, я возвращу Мальборжіану только тогда, если ты завьешь себѣ волосы».

— Это была подлая шутка, потому что почтенный епископъ совершенно лысъ... Вильгельмъ, этотъ безсовѣстный развратникъ, который хотѣлъ, говорятъ, основать въ Пуату аббатство изъ публичныхъ женщинъ и назначить аббатессой самую развратную изъ всѣхъ развратницъ Пуату;—Вильгельмъ! этотъ кощунствующій негодяй, разъ, во время служенія на Пасху, при провозглашеніи пѣсни о воскресеніи нашего Господа, закричалъ на всю церковь:

— Басни! Все это ложь!

— «Если это ложь, то зачѣмъ же вы пришли въ это святое мѣсто, господинъ герцогъ? сказалъ ему священникъ.

— «Чтобы поглядѣть на хорошенькихъ женщинъ, отвѣтилъ мерзкій святотатецъ.

— Такъ вотъ каковъ этотъ человѣкъ, къ которому вы хотите апеллировать на жестокости Плуэрнеля.

— Этотъ Вильгельмъ дѣйствительно страшный грѣшникъ, сказалъ Иеронимъ. — Но, надобно отдать ему справедливость, онъ ревностно истребляетъ жидовъ. Ни одинъ изъ жидовъ, живущихъ въ его владѣніяхъ, не избѣжалъ наказанія...

— Говорятъ, что при видѣ жида, этотъ непоколебимый человѣкъ блѣднѣетъ отъ ужаса, и какъ бы хороша ни была жидовка, этотъ развратникъ готовъ убѣжать отъ нея на край свѣта.

— Все это однакоже нисколько не заставитъ меня перемѣнить убѣжденіе, что если вы пожелаете искать справедливости у Вильгельма IX противъ жестокостей Неровега VI, вы будете дѣйствовать, какъ безумцы, сказалъ Симонъ.

— Если Вильгельмъ не окажетъ намъ справедливости, прервалъ Бенезекъ,—мы обратимся къ королю Филиппу.—О, мы,

граждане, хотя и терпимъ иногда отъ сеньоровъ, однакоже не позволимъ третировать себя, какъ третируютъ несчастныхъ рабовъ. Мы умѣемъ составлять прошенія.

— Большая нужда королю Филиппу до вашихъ прошеній! этому Сарданапалу, обжорѣ, лѣнивцу, разбратнику, и что еще хуже, этому бревну, надъ которымъ его великіе вассалы смѣются въ глаза! И къ нему-то думаете вы идти за справедливостію, если въ ней откажетъ вамъ герцогъ Аквитаніи! Не думаете ли вы, что онъ, какъ сюзерень графа Плуэрнеля, рѣшится наказать его за его жестокости и у него хватить на то силы?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Бенезекъ.—Я увѣренъ, что онъ нападетъ на владѣнія графа Плуэрнеля и осадитъ его замокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сеньоры берегутъ свои силы для мести за свои личныя оскорбленія, они никогда не вступятся за маленькихъ людей, какъ бы справедливы тѣ ни были.

— Я знаю, что мы живемъ въ дурныя времена, сказала Бенезекъ, боязливо оглядываясь на свою дочь, на лицѣ которой опять выразился страхъ;—но и прошлыя времена были не лучше нашихъ. Однакоже какъ бы тамъ ни было, а все же надо выбрать путь, по которому мы намѣрены слѣдовать далѣе. Если оба пути равно опасны, не разумнѣе ли выбрать кратчайшій?

— Я все-таки стою за противное мнѣніе! вскричалъ Симонъ, который, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ путешественниковъ страшился прохода чрезъ земли сеньора Плуэрнеля.—Если эта дорога короче, за то на ней предстоить болѣе опасностей.

— Батюшка, неужели правда, что мы должны встрѣтить разныя непріятности? спросила дрожащимъ голосомъ Изолина.

— Нѣтъ, мое милое дитя... Этотъ бѣдняга монахъ потерялъ голову отъ страха.

Потомъ, обратясь къ группѣ путешественниковъ, Бенезекъ закричалъ:

— Кто желаетъ слѣдовать по кратчайшей дорогѣ, пусть идетъ за мною.

И давъ шпоры мулу, онъ поѣхалъ по дорогѣ на Плуэрнель. Большинство путешественниковъ послѣдовало за нимъ, съ одной стороны потому, что онъ говорилъ разумно, съ другой, потому, что онъ былъ очень богатъ и ѣхалъ съ дочерью,

слѣдовательно хорошо взвѣсилъ всѣ опасности. Меньшинство, оставшись въ ничтожномъ числѣ, не рѣшилось отдѣлаться отъ каравана, такъ какъ было слишкомъ слабо и поневолѣ тоже послѣдовало за Бенезекомъ. За нимъ пошли даже Симонъ и Иеронимъ.

IV.

Мрачная крѣпостца, называемая замкомъ Неровега VI, была расположена, какъ гнѣздо хищныхъ птицъ, на вершинѣ крутой горы, и командовала всею окрестностью на нѣсколько лье вокругъ. На каждомъ углу ея возвышалась башенка, всегда занятая карауломъ изъ солдатъ графа Плуэрнеля. Если часовой замѣчалъ въ равнинѣ путешественниковъ, онъ трубилъ въ рогъ. На этотъ звукъ одна изъ бандъ графа, всегда готовая грабить, жечь, рѣзать, выбѣгала на дорогу, къ мосту, окружала путешественниковъ и не только брала съ нихъ опредѣленную за проходъ черезъ земли подать, но часто, въ особенности въ случаѣ сопротивленія непомѣрнымъ требованіямъ, убивала путешественниковъ или уводила ихъ въ плѣвъ. Графъ расправлялся съ плѣнными по-своему: пытки и другія истязанія заставляли несчастныхъ соглашаться на всякія условія. Такимъ образомъ, графъ всегда могъ удобно наполнять свою шкатулку, въ чемъ часто встрѣчалась надобность вслѣдствіе безпорядочной, развратной жизни Неровега.

Подобныя крѣпостцы были разбросаны на всемъ протяженіи Галліи; несчастный народъ терпѣлъ отъ нихъ ужасно. Феодалная знать не признавала надъ собою ничьей власти и безобразничала въ волю, насколько хватало желанія. Французскій король, имѣющій надъ сеньорами права сюзерена, былъ безсиленъ выказать свою власть и потому довольствовался одной наружной покорностью своихъ вассаловъ, требуя отъ нихъ только одного, чтобы они оставили его въ покоѣ; чего однакоже онъ не всегда могъ достигнуть, и мятежные вассалы часто предписывали ему свои условія.

Замокъ графа Плуэрнеля въ огромной серіи разбойничьихъ притоновъ имѣлъ полное право считаться однимъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ, а владѣлецъ его, графъ Неровегъ VI, однимъ изъ свирѣпѣйшихъ представителей феодальной сеньеріи.

Этотъ замокъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ подземныя тюрьмы. Отъ нихъ на высоту платформы, увѣнчивающей высочайшій пунктъ крѣпостцы, шла каменная, спиральная, узкая лѣстница. Самые смѣлые изъ вооруженныхъ часовыхъ, проходя мимо башенки, построенной на этой платформѣ, считали непремѣннымъ долгомъ набожно перекреститься, чтобы избавить себя тѣмъ отъ злыхъ навожденій. Часто ночью узкое окошечко этой башенки казалось освѣщеннымъ свѣтомъ различныхъ цвѣтовъ: то кровяно-краснымъ, то зеленымъ, то желтымъ. Эти перемены приписывались народнымъ говоромъ колдовству Азеноры Блѣдной, любовницы Неровега VI.

Въ этотъ самый день, почти въ тотъ самый часъ, когда путешественники, среди которыхъ были Бенезекъ и его дочь Изолина, вступили на плуэрнельскую землю, Азенора, запершись въ башенкѣ, освѣщенной однимъ узкимъ скопечкомъ, стѣны которой были обложены свинцомъ—производила свои обычныя чародѣйскія работы. Неровегъ VI наполнилъ комнату своей любовницы множествомъ драгоценныхъ вещей, отнятыхъ имъ у путешественниковъ или награбленныхъ въ войнахъ его противъ сосѣднихъ сеньеровъ,—въ числѣ ихъ находились богатые церковные сосуды, отнятые Неровегомъ у его заклятаго врага, епископа нантскаго,—но въ возмездіе за эту роскошь и свою дикую любовь онъ лишилъ Азенору всякой свободы. Она была плѣнницей своего любовника и вела чисто темничную жизнь. Азенора Блѣдная, женщина двадцати пяти лѣтъ, могла бы считаться совершенной красавицей, еслибы не была слишкомъ блѣдна; ея матовое, бѣлое лицо, никогда не краснѣло; ея губы были всегда блѣдны. Богатый красный шелковый тюрбанъ прикрывалъ ея черные, какъ смоль, волосы; ея большіе черные глаза, блѣдныя губы, слагающіяся только въ грустную улыбку, давали чертамъ ея лица выраженіе мраморной статуи. На ней была надѣта вышитая серебромъ туника, спускающаяся только до колѣнъ, подъ туникой же была надѣта красная юбка.

Азенора въ настоящую минуту занималась колдовствомъ надъ двумя восковыми статуэтками, совершенно сходными съ тою, которая была положена въ ротъ повѣшенной Перрины Козы; на одной изъ этихъ куколъ было платье епископа, на другой сѣрое военное платье. Азенора накалывала булавки, въ извѣстномъ кабалистическомъ порядкѣ, на лѣвой сторонѣ груди каждой изъ статуэтокъ, когда отворилась единственная дверь, ведущая въ башенку, дверь, чрезъ которую Азенора выходила только для небольшой прогулки по платформѣ. Въ дверь вошелъ Неровегъ VI и тотчасъ же тщательно заперъ ее. Неровегъ VI, атлетическаго тѣлосложенія, имѣлъ въ то время пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Онъ былъ еще очень крѣпокъ и свѣжъ, хотя его рыжіе волосы уже давно начали сѣдѣть; передняя половина его головы была обстрижена подъ гребенку, тогда какъ сзади длинные волосы лежали на спинѣ; такую прическу въ то время носили одни военные люди. Неровегъ имѣлъ длинную бороду; его ястребиные глаза, густыя сросшіяся брови и загнутый носъ придавали его лицу свирѣпое выраженіе. Постоянно ожидая нападенія на свою крѣпость, вѣчно готовый воевать со своими сосѣдями или съ путешественниками, которые, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, но позволяли себѣ иногда защищаться противъ грабительскихъ нападеній феодаловъ, — сеньоръ Плуэрнель ни днемъ, ни ночью не снималъ вооруженія и вѣчно имѣлъ при себѣ шлемъ, который и теперь, при входѣ въ башенку Азеноры, поставилъ на столъ. Неровегъ былъ весь закованъ въ желѣзо, что, разумѣется, еще болѣе придавало ему грозный видъ. Онъ вошелъ нахмуренный и, какъ будто, чѣмъ-то недовольный. Азенора продолжала втыкать иголки въ одну изъ статуэтокъ, бормоча какія-то непонятныя слова на неизвѣстномъ языкѣ и, казалось, не замѣчала присутствія въ своей комнатѣ графа. Онъ медленно подошелъ къ ней и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Готовъ ли у тебя жизненный напитокъ?

Колдунья не отвѣчала, продолжая свои магическія продѣлки; потомъ, показывая графу обѣ статуэткі, она спросила его:

— Кого изъ своихъ враговъ ты болѣе страшнись и болѣе всѣхъ ненавидишь?

— Ты это хорошо знаешь: епископа нантскаго и Драго, сира Кастель-Редона.

— Вчера я выѣдила такую же статуэтку; вложена ли она въ ротъ повѣшеннаго въ ту минуту, какъ онъ разставался съ жизнію?

— Все исполнено, согласно твоимъ наставленіямъ.

— Хорошо. Тогда я могу увѣрить тебя, что скоро исполнится и мое обѣщаніе и твои враги будутъ въ твоей власти; но для окончанія колдовства необходимо зарыть эти статуэтки, и непременно тебѣ самому, подъ корнями дерева, растущаго на берегу рѣки, подлѣ того мѣста, гдѣ былъ утопленъ человѣкъ.

— Весьма нетрудно исполнить и это твое приказаніе; на берегу рѣки у насъ растетъ не мало деревьевъ; также нѣтъ недостатка въ утопленникахъ; мои люди частенько топятъ матросовъ купеческихъ судовъ, сопротивляющихся моей волѣ.

— Эту часть колдовства долженъ исполнить непременно ты самъ. Ты зароешь эти статуэтки въ указанное мѣсто, нынче ночью, послѣ захожденія луны, при чемъ долженъ три раза произнести слова: Исусъ, Астаротъ, Іуда.

— Гмъ! Терпѣть не могу примѣшивать имя Исуса ко всему этому... Ты хочешь, можетъ быть, принудить меня совершить какое нибудь кощунство.

Сардоническая улыбка появилась на блѣдныхъ губахъ Азеворы.

— Ошибаешься; мои заклинанія вовсе не противны религіи. Я вѣрую не хуже тебя.

— Если бы ты не натолкнула меня на убійство моего капеллана, я могъ бы теперь узнать отъ него, кощунство это или нѣтъ?

— Ты его убилъ потому, что подозрѣвалъ его въ связи съ твоей женой и считалъ его отцомъ твоего второго сына Гюн.

— Замолчи, закричалъ Нероверъ ужаснымъ голосомъ; — замолчи проклятая! Со дня этого убійства я уже не имѣю капеллана; ни одинъ священникъ не желаетъ поселиться у меня. Но довольно объ этомъ предметѣ... Жизненный напитокъ готовъ?

— Нѣтъ еще.

— Чего тебѣ не достаетъ, чтобы его приготовить?.. Ты у

меня просила ребенка, и его имѣешь... Но я не вижу его здѣсь, гдѣ онъ находится?

— Тамъ, въ той комнатѣ. Онъ постоянно повторяетъ молитву, которой я его выучила.

— Магическую молитву?

— Нѣтъ, хорошую молитву; она очиститъ его умъ; умъ очиститъ его кровь; а чистая, хорошая кровь увеличитъ достоинство приготавлиаемаго напитка.

— Вотъ это мнѣ кажется совершенно справедливо. Но когда же окончится вся эта церемонія?

— Нынче вечеромъ, между восхожденіемъ и захожденіемъ луны.

— Опять проволочка времени, вѣчныя проволочки! а моя болѣзнь усиливается... Я подозреваю, что ты испортила меня своимъ козловствомъ, и я тщетно борюсь противъ тебя... Ты на все способна.

— Я?

— Не хотѣла ли ты заставитьъ меня покуситься на жизнь моего сына Гонтрама?

— Твой сынъ хотѣлъ меня изнасиловать; я жаловалась тебѣ на это оскорбленіе,—больше ничего.

— Да, и если бы не мой конюшій Эбергардъ Плутъ, бросившійся между мной и Гонтрамомъ, я бы убилъ моего сына; однакоже онъ мнѣ сказалъ, что, напротивъ, ты сама предлагала ему отдаться, если онъ меня зарѣжетъ.

— Ложь!

— Ахъ! Если бы я не сдерживалъ моего гнѣва, я бы всадила тебѣ въ сердце этотъ мечъ.

— Что же тебѣ мѣшаетъ исполнить твое желаніе?

— Развѣ ты не прочла въ звѣздахъ, что наши жизни находятся въ такой зависимости одна отъ другой, что твоя смерть должна послѣдовать за три дня до моей смерти?.. Такъ что, если я убью тебя, я долженъ умереть вслѣдъ за тобой... Можетъ быть и здѣсь ты меня обманываешь.

— Испытай... убей меня.

— Я не смѣю.

— Что же тебя удерживаетъ?

— Страхъ,—убивая тебя—убить самого себя, если дѣйствительно моя жизнь связана съ твоею. Я не знаю, что и думать: большая часть твоихъ предсказаній исполнилась; но если я долженъ умереть отъ той болѣзни, которая не даетъ мнѣ теперь покоя,—то берегись колдунья! Ты не переживешь меня. Гарантъ получилъ уже приказанія.

— Все это не можетъ защищать тебя отъ моихъ козней, еслибы я вздумала пустить ихъ въ ходъ; но ты забываешь одно, что я твоя плѣнница и, слѣдовательно, нахожусь въ твоей власти.

— О, это я хорошо знаю, живая ты не выйдешь изъ этого замка... Но ты отвлекла меня отъ главнаго предмета. Поможетъ ли мнѣ твой жизненный напитокъ?—Предупреждаю тебя, что я предпочитаю смерть той жизни, какую теперь веду. Съ той поры, какъ ты, какими-то колдовскими чарами, испортила меня, я сдѣлался самъ не свой; дни мнѣ кажутся безконечными; богатѣйшая добыча не радуетъ меня. Тщетно я прибавляю драгоценность къ драгоценности въ мою секретную сокровищницу... я не знаю, что дѣлать съ моимъ богатствомъ; я потерялъ аппетитъ; скука сѣдаетъ меня. Бросаюсь ли я, какъ бѣшеный, въ сѣчу, творю ли судъ и расправу въ своихъ владѣнiяхъ, упиваюсь ли кровью презрѣнныхъ рабовъ... вездѣ я ощущаю одну скуку, все мнѣ противно, надоѣло. Скажи же, что за жизнь я веду?

— Ты дерешься, ѣшь, пьешь, охотишься и пользуешься твоими рабынями въ день ихъ свадьбы—чего же тебѣ еще нужно?

— Мнѣ противны эти грубыя дѣвчонки; вино мнѣ кажется горькимъ, я никогда не могу спокойно охотиться, ибо всегда подозреваю засаду, устроенную моими врагами. Мой замокъ темень и черенъ, какъ могила; я задыхаюсь подъ его каменною тяжестью; не лучше и всѣ его окрестности: таже мрачность, таже тяжесть. И все это мнѣ извѣстно до мельчайшихъ подробностей. Нѣтъ кустика, который бы я не зналъ. Ужасно жить въ клѣткѣ... вѣчно въ клѣткѣ.

— Выйди изъ твоей клѣтки, свирѣпый и жестокий волкъ, кто тебѣ мѣшаетъ это сдѣлать.

— Ты мнѣ совѣтуешь вылѣзть изъ моей берлоги для того,

чтобы вся окрестность возмутилась и напала на меня. Но куда же я пойду? Со всѣхъ сторонъ меня окружаютъ враги! Господи у себя дома, что я такое виѣ моихъ владѣній? И, наконецъ, въ мое отсутствіе, другіе сеньоры, которыхъ я сдерживаю въ границахъ, нападутъ на мои владѣнія, какъ стая хищныхъ воршунъ! Проклятіе! Я прикрѣпленъ къ своимъ владѣніямъ, какъ мои рабы къ землѣ!

— Твоя участь ничѣмъ не хуже тебѣ подобныхъ сеньоровъ.

— Но она не гнететъ ихъ такъ сильно, какъ меня. Нѣтъ, нѣтъ, ты меня околдовала! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при жизни моей жены Герменгарды, я любилъ войну, я нападалъ на своихъ сосѣдей, какъ изъ желанія на ихъ счетъ расширить мои владѣнія и наполнить мои кладовыя, такъ и изъ страсти самой къ войнѣ. Если мнѣ случалось захватить, послѣ хорошей ярмарки, толстопузыхъ купцовъ съ туго-набитыми кошельками, — я былъ доволенъ, я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, я напивался съ наслажденіемъ. Съ меньшимъ наслажденіемъ я пользовался своимъ правомъ первой ночи и не находилъ ничего непріятнаго въ грубыхъ рабыняхъ.

Потомъ, послѣ непродолжительнаго молчанія, Нервегъ прибавилъ, вздыхая:

— Да, все шло такъ хорошо, вѣроятно, потому, что я былъ добрымъ католикомъ! я ревностно слѣдовалъ закону моихъ отцевъ, я не пропускалъ ни одной службы, каждое утро мой капелланъ отпускалъ мнѣ грѣхи, сдѣланные наканунѣ; въ каждомъ предпріятіи онъ благословлялъ мое оружіе... Тогда какъ теперь, чрезъ твое колдовство, я сдѣлался еретикомъ... совершеннымъ язычникомъ!

— Язычникъ! Ты, который носишь подъ твоими латами трое или четверо остатковъ мощей, отнятыхъ тобою въ капеллахъ твоихъ сосѣдей!

— Не хочешь ли ты, чтобы я насмѣхался надъ мощами? закричалъ Нервегъ VI страшнымъ голосомъ. — Безъ мощей, служащихъ моей защитой, ты бы давно привела меня къ аду! Да, клянусь всѣмъ, что есть святого, я бываю иногда увѣренъ, что ты самъ дьяволъ, принявшій образъ женщины.

— Кто знаетъ, можетъ быть, это и такъ.

— Да, адъ—твое отечество. Въ тебѣ нѣтъ ничего человѣческаго, твои губы блѣдны и холодны, какъ мраморъ!

— Когда я раздѣляю любовь лобызающаго меня человѣка, мои губы становятся пурпуровыми, а поцѣлуи огненными.

— О, я знаю очень хорошо, что ты меня никогда не любила.

— Любить тебя... Тебя? Лучше полюбить лѣснаго волка. Ты меня сдѣлала лѣвницей. Я испытала отъ тебя всякія насилія! И ты хочешь, чтобы я тебя любила. Я люблю, я обожаю одного человѣка, хотя его никогда не видѣла, я люблю его ради его славы. Этотъ человѣкъ Вильгельмъ IX, прекрасный герцогъ Аквитаніи!—поэтъ, прелестныя любовныя пѣсни котораго распѣваются вездѣ знаменитыми трубадурами.

— Вильгельмъ! закричалъ Нервегъ въ припадкѣ свирѣпой ревности; — этотъ богоотступникъ! этотъ наглый развратникъ, который нарисовалъ на своемъ щитѣ портретъ своей любовницы Мальборжіаны!

— Вильгельмъ IX твой сюзерень, ты ему завидуешь и боишься его: онъ молодецъ, прекрасенъ, пылокъ, смѣлъ, уменъ и веселъ; всѣ женщины вздыхаютъ о немъ, повторяя его стихи; всѣ мужчины его боятся. Осмѣлся-ка напасть на него; онъ не оставитъ камня на камнѣ въ твоемъ замкѣ; по праву сюзерена онъ заставитъ тебя, возмущившагося вассала, встать на четвереньки, осѣдлаетъ тебя и пройдетъ на твоей спинѣ сто шаговъ, какъ гласитъ вашъ сеньеріальный уставъ. Не забывай, что въ сравненіи съ прекраснымъ герцогомъ Аквитаніи, ты тоже, что ворона въ сравненіи съ благороднымъ соколомъ. И ты еще мечтаешь помѣряться съ нимъ.

Нервегъ зарычалъ, какъ тигръ и, выхвативъ кинжалъ, бросился на Азенору; но ея мраморное лицо осталось неподвижнымъ, ея губы сжались въ презрительную улыбку и она сказала совершенно спокойно:

— Убей меня, что же ты остановился!

Послѣ минутнаго раздумья, Нервегъ вложилъ кинжалъ въ ножны.

— Будь проклятъ тотъ день, закричалъ онъ, когда я захва-

тиль тебя на анжерской дорогѣ! Ты ѣхала вѣроятно съ цѣлю отдаться этому развратнику Вильгельму IX. Ты принесла съ собою проклятіе въ мой замокъ. Но необходимо, чтобы все это окончилось, слышишь ты? Волей или неволей ты должна разрушить колдовство, которымъ ты опутала не только меня, но и все, что имѣетъ со мной близкую связь, потому что мои сыновья тоже становятся съ каждымъ днемъ мрачнѣе и скучнѣе.

— Жизненный напитокъ, который я приготовлю, послужитъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ болѣзни твоей и твоихъ сыновей.

— Ты должна будешь попробовать его раньше насъ.

— Ты боишься отравы?

— Да, боюсь.

— Но ты забываешь, что наші существованія связаны одно съ другимъ: за твоей смертью должна послѣдовать моя, также какъ за моей твоя.

— Я считаю тебя достаточно подлой для того, чтобы рисковать своей жизнію, имѣя въ виду гибель мою и моихъ сыновей.

Въ это время слышались два удара въ дверь. Неровергъ спросилъ нетерпѣливо:

— Кто тамъ?

— Сеньоръ графъ, отвѣчалъ голосъ за дверью, — васъ ожидаютъ въ залѣ каменнаго стола для начатія суда.

Неровергъ съ досадой надѣлъ свой шлемъ.

— Было время, сказалъ онъ, — когда я гордился, что въ моихъ рукахъ находится судъ и расправа, я съ удовольствіемъ занимался разборомъ жалобъ моихъ вассаловъ, а нынче все это меня тяготитъ! Все мнѣ стало противно!

— Завтра, благодаря моему напитку, тебя ничто уже не будетъ тяготить — ни тебя, ни всѣхъ твоихъ, отвѣтила Азенора.

И отдавая графу восковыя статуэтки, она прибавила:

— Оба твои врага, представляемые этими куклами, — сиръ Кастель-Редонъ и нантскій епископъ, — скоро попадутъ въ твои руки, если ты сдѣлаешь такъ, какъ я говорила. Не забудь же: Исусъ, Астаротъ и Іуда.

— Боюсь я, что ты доведешь меня до кощунства, сказалъ Неревегъ, со страхомъ принимая въ свои руки статуэтки.—Я требую, чтобы напитокъ непременно былъ готовъ сегодня вечеромъ.

— Будетъ, за это я ручаюсь.

— Но гдѣ же дитя? Я хочу его видѣть.

— Онъ здѣсь за занавѣсомъ.

Неревегъ отдернулъ занавѣсъ и увидѣлъ маленькаго Коломбаика, лежащаго на полу; невинное созданіе спало крѣпкимъ сномъ. Неревегъ, внимательно осмотрѣвъ дитя, вышелъ на платформу, заперъ дверь двойнымъ замкомъ, а ключъ положилъ къ себѣ за латы.

V.

Эбергардъ Плутъ, конюшій сеньора Плуэрнеля, ожидалъ его на платформѣ вмѣстѣ съ Тибольдомъ, старшимъ судейскимъ чиновникомъ сеньерин.

— Сеньоръ, сказалъ Тибольдъ, когда они медленно спускались съ лѣстницы, — шателенъ Ферте-Меганъ послѣ третьяго клина, вбитаго ему палачемъ между колѣнъ, подписалъ свое отреченіе отъ лена Го-Мениль. Что же касается другихъ плѣнниковъ, сирѣ Брейль-ле-Годуннъ не выдержалъ пытки, онъ умеръ. Аббатъ Жильберъ предлагаетъ за свою свободу триста серебряныхъ су; но какъ его еще не подвергали пыткѣ, то, я полагаю, онъ прибавитъ малую толику.

Разговаривая такимъ образомъ, собесѣдники вошли въ залу суда. Графъ сѣлъ на президентскомъ мѣстѣ; по обѣимъ сторонамъ его расположились два его сына: Гонтрамъ и Гюи. Восемнадцатилѣтній Гонтрамъ былъ вылитый отецъ; въ этомъ волченкѣ уже былъ замѣтенъ будущій волкъ. Младшій Гюи, семнадцатилѣтній юноша, напоминалъ собою покойную свою мать. Оба брата, воспитанные среди боевой жизни, разврата и пьян-

ства, предоставленные на волю дикимъ страстямъ, деспотически владычествовавшіе надъ робкимъ, забитымъ народомъ,—эти юноши были лишены всѣхъ прелестей юношескаго возраста; часто, во время попойки, между ними бывали страшныя ссоры; они ругались даже съ отцомъ.

Занявъ свое мѣсто, Неревегъ приказалъ управляющему открыть засѣданіе, и Гарэнъ, прокашлившись, началъ:

Гергардъ, сынъ Гюга, умершаго въ прошломъ мѣсяцѣ, наслѣдовалъ послѣ своего отца ленъ Гертъ-Монъ, зависящій отъ плуэрнельскаго графства, пришелъ засвидѣтельствовать свое уваженіе графу Плуэрнелю, своему сюзерену, произнести ему клятву въ вѣрности и уплатить должную дань».

Молодой человекъ въ шлемѣ на головѣ, съ длинной шпагой у бедра, имѣя въ рукахъ большой кошелекъ, наполненный серебряными монетами, отдѣлился изъ толпы присутствующихъ, подошелъ къ столу и положилъ на него кошелекъ. Потомъ, по знаку управляющаго, новый шателэнъ, снявъ свой шлемъ, преклонилъ оба колѣна предъ сеньоромъ Плуэрнелемъ.

— Признаешь ты себя моимъ плѣнникомъ? спросилъ Неревегъ.

— Да, отвѣтилъ юноша.

— Клянешься ли твоей душою—никогда не поднимать противъ меня оружія, служить мнѣ и защищать меня противъ моихъ непріятелей?

— Клянусь, мой сеньоръ, душою клянусь.

— Держи вѣрно твою клятву и помни, что при первой же твоей измѣнѣ, твой ленъ будетъ у тебя отнятъ въ мою пользу.

Новый шателэнъ всталъ съ колѣнъ и отошелъ въ сторону.

Къ столу подошли старухи и хорошенькая молодая дѣвушка богато одѣтая. Лица ихъ выражали безпокойство и обѣ онѣ дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

— На этотъ разъ ты рѣшилась? спросилъ графъ у дѣвушки.

— Монсеньоръ, сказала она слабымъ, умоляющимъ голосомъ, мнѣ невозможно рѣшиться.....

Она не могла окончить начатой рѣчи, рыданія душили ее, она едва держалась на ногахъ. Мать поспѣшила къ ней на выручку.

— Мой добрый сеньоръ, сказала она, — будьте справедли-

вы и великодушны; моя дочь любитъ Эшера, вашего вассала; Эшеръ также нѣжно любитъ мою дочь Иоланду; брачный союзъ этихъ милыхъ дѣтей составитъ счастье моей жизни... и....

— Опять объ этомъ замужествѣ! закричалъ сердито графъ, прерывая старуху.—Твоя дочь, по смерти своего отца, владѣетъ леномъ, зависящимъ отъ меня; одному мнѣ принадлежитъ право и власть выдать твою дочь замужъ. По обычаю, я ей даю право выбрать между тремя моими людьми, тремя франками, т. е. благородными: Ришардомъ, Энгераномъ и Конрадомъ; самому старшему изъ нихъ еще нѣтъ шестидесяти лѣтъ. Желаешь ли ты или нѣтъ, чтобы одинъ изъ этихъ моихъ вассаловъ сдѣлался мужемъ твоей дочери.

— Монсеньоръ, отвѣчала старуха, — обратите вниманіе, что Ришардъ горбатъ и безобразенъ; Конрадъ убилъ свою первую жену въ припадкѣ гнѣва; Энгерандъ, наводящій на всѣхъ ужасъ, чрезъ два мѣсяца будетъ имѣть шестидесять лѣтъ отъ роду, и....

— И такъ твоя дочь отказывается выйти за котораго нибудь изъ жениховъ, предлагаемыхъ мною; такъ что ли?

— Сеньоръ, никогда она не согласится выбрать другого мужа, кромѣ Эшера и, клянусь вамъ, этотъ юноша достоинъ любви моей дочери.

— Чортъ возьми! довольно болтать вздоръ! Если твоя дочь не хочетъ моихъ жениховъ, пусть выходитъ за Эшера, въ такомъ случаѣ ея лень будетъ мнѣ принадлежать — это мое право и я имъ воспользуюсь.

— Во имя Бога, монсеньоръ! если вы лишите насъ нашего имущества, чѣмъ же мы будемъ жить? Намъ придется тогда нищенствовать, сквозь слезы проговорила старуха.

Иоланда же гордо подняла голову и, подойдя ближе къ Нероугу, сказала ему съ достоинствомъ:

— Берите наследство моего отца; я буду бѣдствовать съ человѣкомъ, котораго сама выберу, но никогда не соглашусь идти за мужъ за котораго нибудь изъ разбойниковъ, предлагаемыхъ вами.

— О, дочь моя! Если ты откажешься повиноваться сеньору Пуэрнелю, насъ ожидаетъ страшная бѣдность.

— Но выйдти замужъ за одного изъ этихъ людей, мнѣ навязываемыхъ, для меня равносильно смерти, милая матушка.

— Сеньоръ, милостливый сеньоръ! пощадите насъ, умоляющимъ голосомъ сказала несчастная мать, страдающая не меньше дочери.

— Никакой лень не можетъ находиться въ рукахъ женщины, внушительно замѣтилъ управляющій; — таковъ обычай.

— Заполчите, закричалъ Неровегъ, топнувъ ногою. — Эта дѣвушка не хочетъ выбрать жениха, котораго я ей предлагаю, лень мнѣ принадлежитъ! Управляющій, ты сегодня же пришешь во владѣніе домъ и все, что въ немъ находится.

— Мать, пойдѣмъ отсюда, гордо сказала Иоланда. — Мы бѣдны теперь, какъ рабы, но мы свободны и счастливы. Наслаждайся своей побѣдой, Неровегъ, справедливо призванный хуже волка. Ты дѣйствительно свирѣпѣе, кровожаднѣе волка. Владѣй моимъ имуществомъ, за тебя сила!

И Иоланда направилась къ двери, сопровождаемая плачущею матерью.

Неровегъ, безъ сомнѣнія, отмстилъ бы Иоландѣ ея упреки, если бы онъ не былъ развлеченъ прибытіемъ одного изъ караульныхъ, который вошелъ въ залъ, крича:

— Монсеньоръ, монсеньоръ, сегодня на заставѣ мы захватили въ плѣнъ епископа нантскаго. Онъ былъ переодѣтъ нищенствующимъ монахомъ, но Робанъ узналъ его. Епископа ведутъ сюда вмѣстѣ съ другими плѣнниками.

— Нантскій епископъ въ моей власти! закричалъ Неровегъ. — Такого благополучія я никакъ не ожидалъ. Вотъ благодать-то выпала мнѣ сегодня на долю. Азенора вѣрно предсказала; ея колдовство начинаетъ уже дѣйствовать.

И онъ весело засмѣялся и побѣждалъ на-встрѣчу плѣнникамъ. За нимъ послѣдовали его сыновья и приближенные.

Когда путешественники подошли къ заставѣ, ихъ, по обыкновению остановили, взяли порядочную сумму денегъ за пропускъ, и уже хотѣли было отпустить, какъ одинъ изъ караульныхъ замѣтилъ Бенезека, котораго прежде видалъ не разъ. Зная, что съ него можно взять порядочный выкупъ, онъ, съ помощію другихъ своихъ товарищей, арестовалъ какъ его, такъ и его дочь.

Поймавъ такую важную добычу, Робэнь сталъ внимательно осматривать и другихъ путешественниковъ. Его занялъ монахъ Симонъ, кутавшійся въ свой капюшонъ. Подозрѣвая какую нибудь хитрость со стороны монаха, Робэнь сдернулъ съ него капюшонъ и тотчасъ же узналъ въ монахѣ смертельнаго врага графа—епископа нантскаго. Разумѣется, онъ немедленно арестовалъ и Симона и спутника его Иеронимо. Прочіе путешественники, достаточно ограбленные, были отпущены.

Когда арестованные подошли къ воротамъ замка, гдѣ ждалъ ихъ Неровегъ, послѣдній обратился къ епископу съ сарданической и свирѣпой улыбкой.

— Здравствуй, Симонъ! Здравствуй, святой человѣкъ! я не ожидалъ сегодня твоего дружескаго визита.

— Я въ твоей власти, отвѣчалъ прелатъ слабымъ голосомъ;— ты можешь дѣлать со мной все, что тебѣ угодно.

— Я сумѣю воспользоваться твоимъ дозволеніемъ! Ахъ! какой счастливый для меня сегодня день! Я чувствую, что я помолодѣлъ, поздоровѣлъ! А мнѣ еще сегодня поутру было очень худо.

— Если ты хочешь меня убить, — убивай скорѣе, сказалъ епископъ, — позволь только этому бѣдному монаху, моему товарищу въ пути, приготовить меня къ смерти, какъ слѣдуетъ, по христіански... Ты не можешь получить съ него никакого выкупа, онъ ничего не имѣетъ, и потому отпусти его, онъ поѣдетъ къ моей женѣ и дочерямъ и сообщитъ имъ о моей смерти.

— Ты оставишь послѣ себя многочисленное потомство, святой епископъ. Но разувѣрься, я вовсе не хочу посылать тебя къ праотцамъ; у меня другіе виды на тебя.

Сдѣлавъ знакъ Гарвну приблизиться, Неровегъ что-то шепнулъ ему на ухо. Управляющій тотчасъ же отправился въ тюрьму.

Во время краткаго совѣщанія ихъ отца съ епископомъ, Гонтрамъ и Гюн не спускали глазъ съ красавицы Изолины; молодая дѣвушка, испуганная ихъ наглыми взглядами, спрятала на грудь отца свое блѣдное лицо, орошенное слезами. Робэнь, узнавъ Бенезека, что и послужило причиной его ареста, захотѣлъ обратить на него вниманіе Неровега.

— Вотъ одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ торговцевъ Нанта, сказалъ онъ.—Его не даромъ зовутъ Бенезекомъ богатымъ.

— Такъ тебя называютъ богатымъ? спросилъ графъ.

— Да, отвѣчалъ скромнымъ голосомъ Бенезекъ.—Ваши люди арестовали меня, вѣроятно, съ цѣлю потребовать выкупъ. Хорошо, я заплачу его, только съ условіемъ, чтобы вы не раздѣляли меня съ моей дочерью. Дайте пергаментъ, я напишу своему казначею приказаніе выдать подателю сто золотыхъ су. Получивъ эту сумму, я надѣюсь, вы возвратите мнѣ свободу.

Замѣчая, что графъ качаетъ головой, Бенезекъ продолжалъ:

— Знаменитый сеньоръ, вмѣсто ста я вамъ дамъ двѣсти, только, ради Бога, отведите меня съ дочерью въ какую нибудь комнату; бѣдное дитя совсѣмъ изнемогаетъ отъ усталости и страха.

Неровегъ ничего не отвѣчалъ и Бенезеку пришлось опять говорить:

— Сеньоръ, если вамъ кажется недостаточно двухсотъ су, возьмите триста; такой выкупъ меня, правда, раззоритъ, — но только дайте скорѣе какое нибудь убѣжище.

Въ эту минуту возвратился Гарэнъ.

— Покорнѣйше прошу васъ, милые гости, пожаловать въ приготовленные для васъ комнаты, сказалъ графъ.

— Графъ, что ты хочешь дѣлать со мной, скажи, спросилъ епископъ блѣднѣя.

— Войди прежде въ мой домъ. Что же касается до того, что я хочу съ тобой дѣлать, ты это тотчасъ же узнаешь изъ разговора съ весьма убѣдительною дамою, которая всѣмъ умѣетъ развязывать языкъ.

— Пытка!... О, палачь!... Я тебя хорошо понимаю, вскричалъ епископъ въ ужасѣ.

— Будь твердъ, Симонъ, сказалъ хладнокровный Иеронимо;— все въ рукахъ божіихъ.

— Гарэнъ, сказалъ Неровегъ, — отведи епископа въ назначенную ему комнату. Тотъ разсудительный монахъ пусть будетъ его компаньономъ.

Епископа, не смотря на его сопротивленіе, потащили въ тюрьму; Иеронимо пошелъ за нимъ.

— Теперь, кумъ, за тобой очередь, сказалъ Нероверъ, обращаясь къ Бенезеку.

— Графъ Плуэрнель, не предложилъ ли я тебѣ триста золотыхъ су? отвѣчалъ купецъ умоляющимъ голосомъ, поддерживая дочь, которая чувствовала себя очень дурно. — Тебѣ, можетъ быть, этого мало. Я дамъ тебѣ четыреста: это все мое состояніе. Теперь мучай меня до смерти, ты не получишь прибавки ни на одинъ день, такъ какъ у меня ничего болѣе не остается.

— О, о, куманекъ, для чести нантскаго купчества я не хочу вѣрить, чтобы одинъ изъ богатѣйшихъ его представителей владѣлъ только четырьмястами золотыхъ су.

— Клянусь Богомъ.....

— Не клянись, куманекъ! Какъ истинный католикъ, я забочусь о твоей душѣ. Въ этой-то заботѣ о спасеніи твоей души я познакомлю тебя съ тою дамой, о которой я говорилъ епископу. Отведите моего любезнаго гостя и его дочь въ назначенную имъ комнату, прибавилъ графъ, обращаясь къ своимъ людямъ.

Въ ту минуту какъ послѣдніе намѣревались точно исполнить данное имъ приказаніе, и потащили Бенезека въ тюрьму, Гонтрамъ, грубо схвативъ руку Изолины, закричалъ громкимъ голосомъ:

— Я беру себѣ эту дѣвушку!

— Она столько же принадлежитъ тебѣ, сколько и мнѣ! заревѣлъ Гюн, грозно смотря на брата.

Но эти угрозы не произвели никакого вліянія на Гонтрама, который показалъ явное намѣреніе не выпускать добычи изъ своихъ рукъ. Гюн обнажилъ свой мечъ.

— Прежде, нежели завладѣешь ты этой дѣвушкой, ты испробуешь какъ остеръ мой мечъ.

— А, вызовъ! Хорошо. Увидимъ какого цвѣта у тебя кровь.

— Гюн! Гонтрамъ! Прочь оружіе, закричалъ Нероверъ, въ эту минуту только-что возвратившійся и незнакомый съ причиною ссоры. — Съ чего вы бѣснуетесь? Съ чего вы лѣзете драться другъ съ другомъ?

— Гонтрамъ хочетъ взять эту дѣвушку! закричалъ Гюн; — она принадлежитъ мнѣ столько же, сколько и ему.

— Она должна принадлежать мнѣ, какъ старшему, въ свою очередь кричалъ Гонтрамъ.

— А я вамъ скажу, что въ эту минуту дѣвушка отправится съ своимъ отцемъ въ его тюрьму, отвѣчалъ Неровергъ. — Свидѣтельница всего того, что будетъ происходить тамъ, она побудитъ отца быть сговорчивѣе. Въ ножны ваши мечи! Гарэнъ, возьми эту красавицу на руки, если она не можетъ сама идти и отнеси ее въ комнату къ куманьку.

— О, ради Господа, отведите меня поскорѣе къ моему отцу, говорила рыдая бѣдная дѣвушка. — Я полагаю, что я сама могу идти.

— Пойдемъ, сказалъ управляющій.

Пройдя залъ каменнаго стола, они поднялись по лѣстницѣ, ведущей въ тюрьмы, гдѣ скоро догнали Бенезека, который упирался и не хотѣлъ идти, требуя, чтобы его не разлучали съ дочерью.

— Я здѣсь, батюшка, сказала ему Изолина. — Насъ болѣе не разлучать.

— Однакоже поспѣшимъ, богатенькій купецъ! сказалъ Гарэнъ. — Можешь утѣшиться, графъ вовсе не желаетъ разлучать тебя съ дочерью.

Скоро тюремщики и плѣнники спустились въ корридоръ, ведущій въ подземныя тюрьмы.

VI.

Тюрьма, въ которую заперли Бенезека и его дочь, была, какъ и всѣ подземныя тюрьмы того времени, сыра, холодна, безъ всякой мебели. На полу и по стѣнамъ ея кишали разныя насекомыя. Просидѣть долго въ подобной дырѣ было невыносимо и несчастный узникъ или скоро умиралъ, или, что еще хуже, сходилъ съ ума.

Когда заперлась за ними дверь, отецъ и дочь, дрожащія отъ страха и холода, бросились въ объятія одинъ другому.

— Какой ужасный день! Какое великое несчастье, моя милая дочь! сказалъ грустно Бенезекъ.

— Онъ будетъ послѣднимъ днемъ въ нашей жизни, отвѣтила страдающая дѣвушка.

— О нѣтъ, онъ будетъ днемъ нашего совершеннаго раззоренія—не болѣе. Графу Плуэрнелю нѣтъ никакой выгоды убивать насъ. Ему нужны наши деньги, — онъ ихъ получить и тотчасъ же насъ отпустить. Тяжело будетъ лишиться всего, что нажито продолжительными трудами... Но мнѣ теперь кажется, что это будетъ справедливымъ наказаніемъ за нашу глупость.

— Наказаніемъ? Но развѣ мы сдѣлали кому-нибудь зло, мой добрый, хорошій отецъ.

— Ты?... мое невинное дитя!... Не тебя обвиняю я, упоминая о наказаніи.

— Тебя тоже не въ чемъ обвинить. Такъ кого же ты обвиняешь?

— Себя, мое дитя, себя и мнѣ подобныхъ. Мое собственное счастье заставило меня забыть о несчастіи нашихъ братьевъ!... Изолнна, эти милліоны рабовъ и виленовъ, живущіе на земляхъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньоровъ, эти несчастные рабы, ежедневно умирающіе отъ истощенія силъ, отъ нищеты, и которыхъ трупы постоянно качаются на отвратительныхъ висѣльницахъ... эти несчастные наши братья, они всѣ принадлежатъ къ гальской расѣ... Что же сдѣлали для нихъ, для этихъ страдальцевъ мы, богатые граждане, населяющіе города?

— Все это правда, батюшка; но что же ты могъ сдѣлать для нихъ?

— Не надо было подло склонять голову!... Мой покойный отецъ, храбрый, мужественный и разсудительный, говорилъ намъ, горожанамъ Лаона: «Мы часто страдаемъ отъ жестокихъ, несправедливыхъ притязаній епископа, нашего сеньора, но все же мы, горожане, пользуемся еще нѣкоторой свободой; каково же положеніе несчастныхъ сельскихъ рабовъ — вы знаете хорошо и безъ моихъ объясненій. Для нихъ остается одинъ выходъ изъ адскаго положенія: возстать противъ своихъ притѣснителей. Мы, какъ болѣе образованные и менѣе раззоренные, должны помочь имъ въ этомъ благомъ дѣлѣ. Мы должны стать

во главѣ ихъ и повести ихъ противъ тирановъ и мучителей. Не стыдно ли, въ самомъ дѣлѣ, людямъ сильнымъ и здоровымъ сидѣть сложа руки и спокойно взирать на совершающіяся безобразія? Къ тому же, не думайте, что своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло возстанія, мы оказываемъ пользу однимъ рабамъ. Нѣтъ! мы защищаемъ также самихъ себя. Развѣ надъ нами не тяготѣетъ тиранія Франскихъ сеньоровъ? Развѣ духовные сеньоры не обираютъ насъ до послѣдней возможности? Развѣ мы не дѣлаемся жертвой феодальныхъ разбойниковъ, если пытаемся выходить за ворота нашихъ городовъ...» Но тщетно говорилъ эти мужественныя рѣчи мой благородный отецъ, — мы, горожане, ихъ не понимали; мы постоянно дрожали предъ всякой мыслью о мужественномъ нападеніи, боялись рискнуть нашими богатствами, страшились потерять свои барыши! Наши горожане даже бранили моего отца. Я самъ упрекалъ его, когда сталъ богатъ. Я говорилъ также, какъ и другіе: «Положеніе рабовъ ужасно; но я вовсе не желаю подвергать случайностямъ возстанія мою жизнь и мое состояніе». Что же вышло изъ нашей трусливой и эгоистической нерѣшительности? Наглость сеньоровъ увеличилась и мы не смѣемъ уже высунуть носа изъ-за стѣнъ нашихъ городовъ; мы должны всегда рассчитывать, что насъ ограбятъ до послѣдней нитки. Да, мое дитя, я чувствую теперь, что я справедливо наказанъ за непослушаніе отцу. И если бы страдалъ только я одинъ, я бы не ропталъ, но за что же несешь наказаніе ты... ни въ чемъ неповинная!

— Вы видите теперь, что мы погибли... да, погибли, нѣтъ болѣе надежды! вскричала бѣдная дѣвушка, истерически рыдая;—смерть, ужасная смерть насъ ожидаетъ!

И Изолина, зубы которой сжимались отъ страха, съ ужасомъ указала на орудія пытки, тамъ и самъ разставленный въ тюрьмѣ.

— Изолина, сказалъ Бенезекъ грустнымъ и умоляющимъ голосомъ,—мое милое дитя, будь разсудительна; твой страхъ преувеличенъ... видъ этого подземелья тебя пугаетъ чрезъ мѣру. Я понимаю твой ужасъ, но обсудимъ дѣло хладнокровно. Стоитъ мнѣ отдать Неровегу все, что онъ желаетъ взять съ меня, стоитъ мнѣ согласиться на то, чтобы онъ ограбилъ

меня до послѣдней нитки, — ему не зачѣмъ будетъ удерживать насъ. Какая выгода для него мучать меня? Ему нѣтъ причины питать ко мнѣ вѣчную ненависть; онъ хочетъ воспользоваться моими богатствами: я отдамъ ихъ ему, къ чему же онъ станетъ убивать меня? Если меня огорчаетъ наказаніе, долженствующее меня покарать, то я думаю только о нашемъ раззореніи...

— Добрый батюшка, ты хочешь только меня успокоить...

— Все нѣтъ! Хуже теперешняго нашего положенія невозможно и придумать! Зачѣмъ же преувеличивать его послѣдствія? Я мечталъ улучшить твое положеніе, я думалъ оставить твоимъ дѣтямъ независимое положеніе... Я рассчитывалъ, что они будутъ очень богаты... И лишиться всего разомъ... Подвергнуться грабежу перваго встрѣчнаго... Это ужасно... Въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, когда я достигъ блистательнаго положенія и видѣть себя раззореннымъ, ограбленнымъ, — худшее положеніе трудно себѣ представить... Но что всего ужаснѣе — думать, что съ тобой вмѣстѣ страдаетъ любимое дитя... Нѣтъ, хуже этого положенія не можетъ быть ничего на свѣтѣ!

— Успокойся, милый батюшка, если Плуэрнель оставитъ намъ жизнь, я буду вполне удовлетворена и болѣе ничего не пожелаю... Я буду даже рада, что у насъ отнимутъ богатство; я стану работать для тебя.

— Твои благородныя слова вселяютъ въ меня бодрость и мужество, милая, обожаемая дочь! Я буду думать, что помѣстилъ свои деньги на отправку кораблей съ товарами, и что эти корабли погибли; можетъ же это случиться, не правда ли? Развѣ я потерялъ бы голову въ подобномъ случаѣ? Полагаю, что нѣтъ, я бы не могъ допустить и мысли о подобной безхарактерности. Я бы сталъ работать еще прилежниѣе, чтобы успокоить какъ нибудь свою милую Изолину. Мнѣ всего пятьдесятъ лѣтъ и я крѣпокъ и бодръ. У меня готовъ планъ будущей дѣятельности. Лишь бы намъ выйти изъ этого проклятаго замка, мы возвратимся въ Нантъ и я устроюсь у своего кума Тибо серебряника. Ему знакомы мои способности къ торговлѣ; онъ меня приметъ къ себѣ въ качествѣ управляющаго; жалованье, какое я буду получать, будетъ слишкомъ доста-

точно для насъ обоихъ. Только, моя прелестная Изоллина, вамъ придется вашими бѣленькими ручками, самой ткать и шить свои платья, самой готовить обѣдъ; мы будемъ жить уже не въ нашемъ великолѣпномъ домѣ, который придется продать, а гдѣ нибудь въ переулкѣ, подальше отъ центра. Но что значать эти мелкія неудобства, когда сердце спокойно! Наконецъ, у меня всегда найдется столько денегъ въ карманѣ, чтобы купить тебѣ какую нибудь яркую ленточку или букетъ цвѣтовъ.

Не смотря на свое отчаянное положеніе, Изоллина не могла не улыбнуться радостно на слова отца, какъ будто надежда посѣтила и ее.

— Да, я буду работать и съ какимъ наслажденіемъ я возьмусь за трудъ для моего милаго отца, сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, васъ я не допущу до тяжелыхъ работъ. Я увѣренъ, что меня хватитъ на все. Къ тому же ты скоро выйдешь замужъ. Прекрасный и достойный молодой человѣкъ, увидя тебя, полюбитъ; да и какъ не полюбить такую красавицу, добрую, нѣжную и чувствительную...

— Батюшка! съ ужасомъ закричала Изоллина, — посмотри глаза этой рожи горять, какъ два угля.

И въ самомъ дѣлѣ фигура въ формѣ маски, налѣпленная на каменной стѣнѣ тюрьмы, освѣтилась какимъ-то страннымъ свѣтомъ.

Бенезекъ быстро поднялъ голову и посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи, но свѣтъ уже исчезъ.

— Ты ошиблась, дитя мое. Какъ могутъ свѣтиться глаза этой уродливой фигуры? Для этого необходимо устроить лампу сзади ея, въ стѣнѣ, но для какой надобности прибѣгать къ такимъ штукамъ?

Въ это время отворилась дверь тюрьмы и узники увидѣли предъ собой Гарэна и нѣсколькихъ вооруженныхъ людей изъ числа достойныхъ помощниковъ доблестнаго управляющаго. Выѣстъ съ собою они притащили кузнечный мѣхъ, мѣшокъ съ углями и нѣсколько пучковъ хвороста. Изоллина, уже было нѣсколько успокоенная идиллическими мечтаніями своего отца, при видѣ этихъ палачей, закричала отъ ужаса. Бенезекъ же всталъ и подойдя къ управляющему сказалъ ему твердымъ голосомъ:

— Этотъ почтенный человѣкъ, что стоитъ рядомъ съ вами и держитъ подъ мышкой связку пергамента, вѣроятно, господинъ нотаріусъ сеньора графа?

Истребитель мужиковъ утвердительно кивнулъ головою.

— Онъ пришелъ сюда съ цѣлю составить актъ, которымъ я обязуюсь выдать господину графу назначенный за себя выкупъ, не такъ ли?

Гарэнь опять кивнулъ головою.

— Не бойся ничего, милое дитя, продолжалъ Бенезекъ, обращаясь къ дочери.—Я сейчасъ полажу съ этими достойными людьми, послѣ чего, я надѣюсь, намъ не будетъ причины бояться ихъ и они возвратятъ намъ свободу. И такъ, господинъ нотаріусъ, я согласенъ передать законнымъ актомъ сеньору Плуэрвелю все мое состояніе, заключающееся: 1) въ пяти тысячахъ трехстахъ серебряныхъ монетахъ, помѣщенныхъ мною у моего кума Тибо, серебряника и монетныхъ дѣлъ мастера епископа нантскаго; 2) въ восьмистахъ шестидесяти золотыхъ монетахъ и девяти серебряныхъ слиткахъ, спрятанныхъ у меня въ домѣ въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ, которое я обязуюсь указать посланному графа; 3) въ большомъ количествѣ разныхъ товаровъ и мебели, стоящей въ моемъ домѣ, которые очень легко перенести сюда. Затѣмъ остается мой домъ. Разумѣется, смѣшно и думать о перенесеніи его въ замокъ почтеннаго сеньора, объ этомъ и говорить нечего. Но имъ можно воспользоваться другимъ способомъ. Я напишу письмо къ Тибо, который давно уже имѣетъ желаніе пріобрѣсти мой домъ и предлагаетъ за него 200 золотыхъ монетъ; онъ не откажется теперь отъ своихъ словъ, въ особенности когда узнаетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи я нахожусь. Такимъ образомъ мы имѣемъ еще двѣсти золотыхъ монетъ. Отдавши все это, у меня и у моей дочери остается только то платье, которое теперь надѣто на насъ... Теперь, достойный нотаріусъ, пишите условіе, я его подпишу и тотчасъ же займусь составленіемъ писемъ къ моимъ слугамъ и моему куму серебрянику. Тибо хорошо знаетъ, что въ подобныхъ дѣлахъ нельзя медлить и поспѣшить вынуть изъ своей кассы всю назначенную сумму и выдать ее посланному графа. Что же касается до де-

негъ, находящихся у меня въ домѣ въ секретномъ мѣстѣ, легко, благодаря этому ключу и наставленіямъ, которыя я продиктую нотаріусу...

— Нужно сперва написать условіе и письмо къ Тибо, прервать Гарэнь;—а потомъ мы займемся и секретнымъ мѣстомъ, гдѣ запряты твои деньги.

— Вы правы, тысячу разъ правы, достойный управляющій, живо отвѣтилъ Бенезекъ. совершенно успокоенный мягкимъ тономъ рѣчи Гарэна.

Онъ уже считалъ себя спасеннымъ.

— Видишь ты, пугливая овечка, обратился онъ къ дочери.— Говорилъ я тебѣ, что эти почтенные люди не сдѣлаютъ намъ никакого зла, если я отдамъ имъ все мое имущество... Извините ее, господинъ управляющій, она еще такъ молода. До сихъ поръ она не видала горя, немудрено, что на нее такъ сильно подѣйствовалъ этотъ первый грустный случай.

— Ну-съ, такъ мы напишемъ: во-первыхъ пять тысячъ триста серебряныхъ монетъ, положенныхъ у серебряника Тибо, сказалъ нотаріусъ официальнымъ тономъ.

Онъ сѣлъ на желѣзную рѣшетку, утвержденную на четырехъ столбахъ, въ видѣ сундука, и сталъ писать, при свѣтѣ лампы, держа пергаментъ на колѣняхъ. Эта рѣшетка, вмѣстѣ со многими другими страшными вещами различной формы, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ тюрьмы, — принадлежала къ числу орудій пытки.

— Потомъ, во-вторыхъ, продолжалъ онъ,—сколько монетъ находится въ вашемъ секретномъ помѣщеніи?

— Восемсотъ шестьдесятъ золотыхъ монетъ, поспѣшилъ отвѣчать Бенезекъ, какъ будто онъ хотѣлъ поскорѣе освободиться отъ своего богатства.—Потомъ еще девять серебряныхъ слитковъ различной величины.

И онъ продолжалъ диктовать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, пока условіе не было окончательно написано.

— Теперь, Бенезекъ богатый, сказалъ Гарэнь,—намъ необходимы два письма; одно къ твоему приказчику, другое къ Тибо серебрянику.

— Многоуважаемый нотаріусъ вѣроятно дастъ мнѣ взаимны

два куска пергамента и перо, я напишу эти письма на колѣняхъ моей дочери.

И въ самомъ дѣлѣ онъ положилъ пергаментъ на колѣни къ Изоливиѣ и началъ писать письмо, повторяя часто съ доброй улыбкой:

— Не траси такъ мой столъ, мое милое дитя .. а то эти достойные люди составятъ очень дурное мнѣнiе о моей способности писать...

Оба письма были написаны и переданы Гарэну, который, внимательно прочитавъ ихъ, замѣтилъ:

— Теперь рассказывай, какъ добыть деньги изъ твоего секретнаго убѣжища.

— Вотъ два ключа: одинъ изъ нихъ отъ небольшого погреба, находящагося въ комнатѣ, служащей мнѣ кабинетомъ; другой же отъ желѣзнаго сундука, стоящаго въ углу погреба; въ этомъ сундукѣ положены слитки и шкатулка съ восьмьюстами золотыми монетами. Здѣсь все остальное мое богатство, и затѣмъ у меня не остается болѣе ни одного денье. Теперь, мои достойные господа, моя дочь и я, мы становимся также бѣдны, какъ послѣднiе рабы. Но я знаю, мужество насъ не оставитъ и мы будемъ трудиться на сколько хватитъ силъ.

Между тѣмъ узники и не замѣтили, что пока писалось условiе, одинъ изъ палачей подложилъ подъ желѣзную рѣшетку углей и хворосту.

— Сеньоръ Плаэрнелъ можетъ послать въ Нантъ своего довѣреннаго съ вооруженнымъ прикрытiемъ, продолжалъ Бенезекъ. Если онъ поспѣшитъ, онъ воротится домой завтра къ ночи; безъ сомнѣнiя, до его возвращенiя, т. е. до полученiя графомъ моего состоянiя, мы не будемъ отпущены: потому будьте такъ великодушны, переведите насъ до того времени въ какое нибудь другое помѣщенiе; моей дочери, здоровье которой вслѣдствiе всѣхъ этихъ волненiй ослабѣло, опасно оставаться въ этой ужасной комнатѣ, наполненной разными орудiями пытки....

— Такъ какъ ты завелъ рѣчь объ этихъ орудiяхъ, сказалъ Гарэнъ съ сардонической улыбкой, — то я намѣренъ показать тебѣ ихъ употребленiе. Что ты думаешь объ этомъ, Бенезекъ Богатый?

— Увѣраю васъ уважаемый управляющій, что я вовсе не любопытенъ....

— Отчего же, посмотри Бенезекъ Богатый!

— Прозвище «Богатый», которымъ вы постоянно называете меня, нейдетъ болѣе ко мнѣ; теперь справедливѣе будетъ называть меня Бенезекомъ Бѣднымъ.

— Ну не думаю, сказалъ Гарэнь, сомнительно покачивая головой.—А все-таки полюбопытствуй, Бенезекъ Богатый. Пойдемъ со мною.

— Батюшка! закричала Изолина со страхомъ. — Куда ты идешь?

— Не бойся ничего, милое дитя, я хочу дать господину управляющему нѣкоторыя разъясненія на счетъ пути, которымъ будетъ удобнѣе ѣхать посланному графа.

И боясь разсердить Гарэна, онъ послѣдовалъ за нимъ, радуясь, что Изолина не будетъ слышать ужасныхъ объясненій, которыми будетъ сопровождаться рѣчь Истребителя мужиковъ. Они остановились прежде всего предъ желѣзной висѣлицей, оканчивавшейся желѣзнымъ ошейникомъ.

— По этой лѣстницѣ вводятъ подсудимаго, продѣваютъ шею въ ошейникъ, отнимаютъ лѣстницу и человѣкъ остается висѣть, но петля его не душитъ, она слишкомъ велика; она только тянетъ шею, не болѣе; для того же чтобы удерживать равновѣсіе, и не допустить качанія, упрямцу привѣшиваютъ камни къ ногамъ, пояснялъ Гарэнь.

— Мученіе должно быть ужасное.

— Ужасное, Бенезекъ Богатый, ужасное! Посуди самъ, челюсти свихиваются, шея удлиняется, суставы ломаются; однакоже, Бенезекъ Богатый, встрѣчаются упрямы, которые знакоматся съ этой первой пыткой.

— Вотъ чего я не могу понять, какъ это люди не рѣшаются сразу отдать все, что у нихъ требуютъ, а соглашаются лучше подвергнуть себя такимъ ужаснымъ мученіямъ. Не лучше ли сдѣлать такъ, какъ я сдѣлалъ: отдалъ все, что имѣю, и теперь могу быть увѣреннымъ, что избавился отъ всѣхъ напастей и получу свободу. Не такъ ли, господинъ управляющій?

— О, ты, Бенезекъ Богатый, ты перлъ между горожанами!

— Вы мнѣ льстите... я только посмотрѣлъ на вещи просто и разсудительно, сказалъ Бенезекъ занскивающимъ тономъ, желая умиловить Гарэна и получить болѣе удобное помѣщеніе для себя и для своей дочери.—Я недавно говорилъ Изолниѣ: предположимъ, что все наше состояніе помѣщено на кораблѣ; онъ погнѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ погнѣло и наше богатство. Въ такомъ точно положеніи находимся мы теперь. Но я не унываю. Я снова начну работать и буду работать прилежно для себя и для моей дочери... Не правда ли это разумно, господинъ управляющій?

— Такъ, такъ Бенезекъ богатый!

— Вы любите шутить; вы все даете мнѣ прозвище богатый, а я бѣденъ, какъ Іовъ.

— Нѣтъ, я не шучу... Но возвратимся къ пыткамъ. Если первый опытъ не заставитъ упрянца отдать намъ все свое состояніе, мы переходимъ ко второму... Видишь ты этотъ крюкъ; онъ такъ крѣпокъ, что можетъ выдержать тяжесть быка. Упрянца привѣшиваютъ на этотъ крюкъ за кожу на спинѣ, или на животѣ, или за...

— Прошу васъ не говорите такъ громко, моя дочь можетъ слышать.

— Это правда, скромность прежде всего. Вообрази, Бенезекъ богатый, что мнѣ случалось видѣть упряпцевъ, которые по часу висѣли на этомъ крюкѣ, ревѣли отъ боли, какъ быки, и все-таки не соглашались отдать свое состояніе, но и они терпѣлись при видѣ третьяго опыта, Бенезекъ Богатый!

— Странно, сказалъ Бенезекъ, внезапно прерывая Гарэна;— здѣсь пахнетъ дымомъ.

— Батюшка, огонь! закричала съ ужасомъ Изоллина,—закрываютъ огонь подъ желѣзной рѣшеткой.

Бенезекъ обернулся и увидѣлъ, что огонь вспыхнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, угли загорѣлись и желѣзная рѣшетка стала накаляться. Подозрѣніе закралось ему въ душу. Но все еще не вѣря даже самой очевидности и желая успокоить дочь, онъ сказалъ веселымъ голосомъ:

— Не бойся! Они развели огонь, чтобы согрѣть нашу комнату; быть можетъ, намъ придется остаться здѣсь цѣлую ночь, ина

благодарю достойнаго управляющаго за его предупредительность.

Но давъ такой успокоительный отвѣтъ своей дочери, онъ, тѣмъ не менѣе сильно поблѣднѣлъ и спросилъ Гарэна дрожащимъ голосомъ:

— Въ самомъ дѣлѣ для чего развели огонь подъ этой рѣшеткой?

— Только для того, чтобы показать тебѣ, какое употребленіе дѣлають изъ этой игрушки, служащей послѣднимъ опытомъ, Бенезекъ богатый.

— Увѣрю васъ, что это совершенно бесполезно... Я вамъ вѣрю на слово.

— Слушай же далѣе. Когда достаточно накалятъ желѣзо, упряма, раздѣтаго до нага, кладутъ на эту рѣшетку; ноги его стягиваютъ особыми кольцами, также какъ и руки; онъ лежитъ неподвижно; чрезъ нѣсколько мгновеній кожа лопається, выступаетъ кровь, все тѣло краснѣетъ и наконецъ чернѣетъ...

— Остановитесь, управляющій, прошу васъ остановитесь; я не въ силахъ слушать эти ужасныя подробности; голова моя кружится при одной мысли о такомъ ужасномъ мученіи. Мнѣ кажется, что я скоро упаду... Позвольте мнѣ выйти изъ этой ужасной тюрьмы... Я вамъ все отдалъ, что имѣлъ, и...

— Постой, постой Бенезекъ Богатый; не торопись, время еще не ушло. Но вотъ что я тебѣ скажу, и ты навѣрное согласишься со мною: человекъ, еще неиспытавшій этихъ мученій и ужасающійся отъ однихъ только словъ, такой человекъ, по моему мнѣнію, имѣетъ еще кое-что.

— Я, вскричалъ въ ужасѣ купецъ;—но я вамъ отдалъ все до послѣдняго денье.

— Ты замѣтилъ, мой хитрый куманекъ, что, не смотря на твои увѣренія о совершенномъ раззореніи и нищетѣ, я продолжалъ тебя называть богатымъ, и убѣжденъ, что ты и теперь заслуживаешь еще это прозвище.

— Клянусь спасеніемъ моей души, у меня ничего не осталось.

— И ты увѣренъ, что всѣ три опыта не заставятъ тебя говорить иначе?

— Какіе опыты?

— Ошейникъ, крюкъ и желѣзная рѣшетка. Если у тебя ничего не осталось изъ твоего состоянія, ты перенесешь всѣ эти пытки въ присутствіи твоей дочери?

Эти послѣднія слова Гаранъ произнесъ такъ громко, что ихъ услышала Изолина. Она подбѣжала къ управляющему и, упавъ на колѣни, закричала потрясающимъ голосомъ:

— Пощади, о пощади моего отца!

— Пощада зависитъ отъ него самого. Пусть онъ отдастъ намъ все, что у него еще осталось и что онъ скрылъ отъ насъ.

— Мой отецъ! рыдала бѣдная дѣвушка, — я не знаю какъ велико твое состояніе; но если, изъ нѣжности ко мнѣ, ты хотѣлъ скрыть что нибудь, я тебя умоляю, отдай все... все отдай!

— Ты слышишь, сказалъ Истребитель мужиковъ съ злобой улыбкой.—Я не одинъ подозреваю тебя въ сокрытіи отъ насъ части твоего состоянія, Бенезекъ богатый. Э, да какой же ты хитрый, ты хотѣлъ надуть насъ и спряталъ приличное приданое для твоей дочери.

— Готово, сказалъ одинъ изъ палачей.—Пройдетъ ли купчина черезъ всѣ испытанія или же прямо начнетъ съ этого.

— Изъ милости къ прекрасной дѣвушкѣ я желаю быть великодушнымъ. Пусть онъ испытаетъ одну только рѣшетку. Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, Бенезекъ Богатый: хочешь ли ты или нѣтъ отдать все свое состояніе графу Плуэрнелю?

— Я отвѣчу одной моей дочери, сказалъ Бенезекъ твердо,— я знаю, что палачи мнѣ не повѣрятъ.

Затѣмъ онъ обратился къ Изолинѣ:

— Клянусь тебѣ, мое дитя, священнымъ прахомъ твоей матери, моей нѣжностью къ тебѣ, всѣми радостями, которыми я обязанъ тебѣ съ самаго дня твоего рожденія; кланусь... у меня болѣе нѣтъ ничего.

— Я тебѣ вѣрю, мой отецъ, вѣрю... Вы слышали клятву моего отца, обратилась она къ Гарану.

— Я считаю Бенезека Богатаго неспособнымъ ограбить дочь такъ нагло, чтобы не оставить ей приличнаго приданого, отвѣчалъ управляющій.—Потому мы поговоримъ съ нимъ по свой-

ски. Пусть-ка теперь онъ исповѣдается намъ... Раздѣньте его, положите голаго на рѣшетку, и пустите хорошій огонь.

Все совершилось по приказанію Гарэна, и несчастнаго Бенезека растянули на желѣзную рѣшетку.

— О, мой отецъ, вскричалъ несчастный страдалецъ. — Я презрѣлъ твои совѣты и несу наказаніе за свою трусость... Я умру со срамомъ отъ пытки, вмѣсто того, чтобы умереть съ оружіемъ въ рукахъ во главѣ рабовъ, возставшихъ противъ франкскихъ тирановъ!... Но трепещи, Неровергъ! и для тебя придетъ великій, страшный день возмездія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕГКАЯ НОНІА.

(Изъ Гервега.)

Вполнѣ свободный отъ рожденья,
Я не пою въ домахъ князей,
И жизнью мирной наслажденье
Моей душѣ всего милѣй.
Я крѣпостей не воздвигаю,
Чтобъ защищать свои поля,
И гдѣ пришлось гнѣздо свиваю—
Мое богатство—пѣснь моя.

Я могъ бы выразить желанье
И были бъ такъ же мнѣ даны,
Какъ многимъ слугамъ по призванью,
Мѣста, и деньги и чины;
Но не спѣшилъ я стать въ прихожей,
Посулъ блестящихъ не цѣня,
И все свисталь одно и то же:
Мое богатство—пѣснь моя.

Пусть въ бочкахъ держитъ лордъ червонцы,—
Мои виномъ однимъ полны:
Цѣню я золото лишь въ солнцѣ
И серебро въ лучахъ луны.
Закатъ мой близокъ,—но со свѣту
Роднымъ нѣтъ пользы сжить меня:
Самъ выбилъ я себѣ монету—
Мое богатство—пѣснь моя.

Я пѣлъ, гдѣ люди веселятся,
 Но лишь среди простыхъ людей;
 Умѣлъ на выси горъ взбираться,
 Но не на лѣстницы князей.
 Пусть подь дождемъ въ грязи болотной
 Рабъ ищетъ выгодъ для себя, —
 Цвѣтломъ я тѣшусь беззаботно:
 Мое богатство—пѣснь моя.

Къ тебѣ, о призракъ сновъ блаженныхъ,
 Стремлюсь я пламенной душой;
 Но ждешь ты камней драгоцѣнныхъ,
 Ждешь, чтобъ я сталъ твоимъ слугой? —
 Нѣтъ! я свободой не торгую
 И вмѣстѣ съ блескомъ отъ себя
 Говю, смѣясь, любовь пустую:
 Мое богатство—пѣснь моя.

А. Михайловъ.

ВРОДЯЧЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ.

I.

Русскій народъ издавна имѣлъ склонность къ бродячеству, порожденную особенными условіями его исторической жизни. Сначала пустота и обширность территоріи, которую онъ занималъ, естественно влекла его отъ центра къ мѣстамъ незанятымъ. Государственный складъ старой Руси, полный неурядицъ и притѣсненій всякаго рода, споры независимыхъ княжествъ съ Москвою, вызвали обширныя эмиграціи на украины, и затѣмъ во все продолженіе исторіи народъ искалъ предчувствуемой имъ свободы въ бѣгствѣ. Побѣги составляли единственное средство избавиться отъ дурной обстановки и тягостной жизни въ обществѣ. Какъ въ древней, такъ и въ новой Руси побѣги и бродячество были единственнымъ протестомъ личности противъ стѣснявшихъ ее всякаго рода обстоятельствъ. Тяжело ли было русскому человѣку отъ крѣпостнаго права, давилъ ли его воевода, брали ли его въ войско, начннали ли записывать въ податной подушный окладъ, запрещали ли исповѣдывать старую вѣру, накладывали ли тяжелую подать, голодь ли приходилъ, бѣдность ли душила, семья ли одолевала—онъ дѣлалъ одно—бѣжалъ и бѣжалъ. Обиліе какъ историческихъ терминовъ, такъ и ходячихъ нынѣ, для характеристики бѣгствъ показываетъ близкое знакомство народа съ этимъ дѣломъ. Какъ прежде, такъ и нынче тысячи людей любятъ бродить по пространству необъемлемаго русскаго царства. Можно сказать,

что русскій народъ воспитался въ бѣгахъ, на его почвѣ выработалась даже дикая религія бѣгства (бѣгуны). Въ историческомъ значеніи эти побѣги, можетъ быть, составляли болѣе пассивную, чѣмъ активную сторону народной жизни. Во всякомъ случаѣ, приступая къ разбору подобнаго явленія въ современной жизни, мы должны коснуться исторической стороны вопроса о бродяжествѣ въ Россіи.

Древняя Русь почти вся состояла изъ бродячихъ людей; конецъ бродячеству, по крайней мѣрѣ, въ сословіи земледѣльцевъ и работниковъ думали положить прикрѣпленіемъ крестьянъ къ помѣщичьей землѣ, но эта мѣра нисколько не искоренила бродячества. Ея непосредственнымъ результатомъ было обращеніе массы народа въ рабство, что въ свою очередь и способствовало усиленію вѣковой страсти народа къ бродячеству съ тою только разницею, что теперь оно стало предъ закономъ преступленіемъ. Бродячеству также помогъ новый государственный строй Россіи. На развалинахъ стараго порядка строилось сильно централизованное государство, обращавшее народъ подъ власть воеводъ и круто дисциплинировавшее распущенную массу. Это порождало новыя эмиграціи и усиливало старыя. Бродячіе люди всякаго сорта создавали казачество на украиннахъ, на Днѣпрѣ, Дону, Волгѣ, Терекѣ и Яикѣ. Чуть не вся Русь разбрелась прозь, и повалила въ Польшу, Турцію, на югъ и въ сѣверо-восточные лѣса. Неудовлетворительное состояніе крестьянства, посадки и села, обремененные повинностями, пошлыны; таможни, злоупотребленія воеводъ и служилыхъ людей, дурное правосудіе, правезъ и пытки дѣлали жизнь для населенія невыносимою и гнали его. «Причины шатанія и побѣговъ лежали во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка, говоритъ Костомаровъ; побѣги были до того обыкновенны, что въ челобитныхъ жители угрожали правительству, что разбредутся въ рознь». Соловьевъ, въ своей исторіи, точно также довольно картинно рисуетъ печальное положеніе тогдашней бѣгущей во всѣ стороны Руси ¹⁾. Время междоусобицъ, расколы, наборы Петра, бироновщина, самоуправство временщиковъ, безурядица по смерти Петра I до Елизаветы Петровны и ея слабое управленіе—все способствовало къ побѣгамъ. Крестьяне

¹⁾ Историческія монографіи Костомарова, т. 2-й стр. 233 — 235. Истор. Росс. Соловьева т. XIII стр. 132—133.

крѣпостные, дворцовые, архіерейскіе и монастырскіе бѣгали непрерывно. Широкимъ потокомъ стремилось бѣгущее населеніе, цѣлыя деревни становились безлюдными—и такихъ насчитывали десятками. Напротивъ сѣверовостокъ и юговостокъ населялись. На Уралѣ, въ Оренбургѣ и Астрахани оказалось такъ много бѣглыхъ и пришлыхъ, что если бы ихъ вывести, то на Уралѣ всѣ заводы остановились бы, въ оренбургской губерніи надобно было опустошить цѣлыя слободы, а астраханская почти вся состояла изъ «сходцевъ» ¹⁾. Правительству только оставалось признать существующій фактъ и оставить бѣглецовъ на новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній: такъ оно и распорядилось со всѣми, кто бѣжалъ до ревизіи 1719 г. Однакожь подобныя распоряженія были исключеніемъ. Напротивъ, думали удерживать бродяжество изданіемъ строгихъ мѣръ: «за бѣглыми отправляли сыщиковъ, говоритъ Костомаровъ, ловили, били вѣнцомъ и водворяли на прежнихъ мѣстахъ, но усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжничества, а произвела только разбойничество. Пойманные и водворенные облагались большею повинностію и потому снова бѣжали, соединялись для защиты и составляли разбойничьи шайки. Во второй половинѣ XVII столѣтія разбой особенно усилились. Люди оставившіе трудъ, праздные, гонимые и ожесточенные естественно кидались на воровство и грабежъ въ своей безконтрольной бродячей жизни. Бродяжескія шайки казаковъ, такимъ образомъ, бушевали на окраинахъ государства, разбивая караваны, а внутри шайки воровъ грабили крестьянство. Общество раздѣдала какая-то анархическая борьба однихъ элементовъ противъ другихъ и дѣлала жизнь небезопасною и бѣдственною. Бродяжество самымъ неблагоприятнымъ образомъ отзывалось на всемъ гражданскомъ строѣ остального осѣдлаго общества» ²⁾. Изъ многочисленныхъ шайекъ бѣглыхъ составлялись даже цѣлыя арміи. Такъ, въ 1603 году, Хлопка Косолапый, во главѣ такой бродяжеской арміи, является самозванцемъ и идетъ на Москву. Въ 1724 году шайка въ тысячу человекъ подъ начальствомъ бѣглаго солдата Клопова въ пензенской губерніи строить крѣпостцу. Бродячье

¹⁾ Сѣверовосточная колонизація Ешевскаго. Вѣстн. Евр. 1866 г. кн. 1.

²⁾ Историч. моногр. Костомаровъ т. 2-й стр. 233—3; о томъ же Соловьевъ въ Истор. Росс. т. XI стр. 80—83, т. XIII стр. 132. Ешевскій въ Вѣстн. Евр. 1861 кн. 1-ая.

же элементы дали готовую силу для Стеньки Разина и пугачовщины. Но въ то время, когда бродячеству повидимому становилось уже тѣсно въ Россіи, одна изъ бродячихъ шаекъ героически ринулась за Уралъ, и открыла новый міръ и новый просторъ для бѣглыхъ.

Стѣсняемое бродяжество получило тогда право гражданства въ Сибири, и на первыхъ порахъ развивалось въ ней совершенно свободно, какъ и въ древней Руси. Новая страна, представлявшая свободную жизнь безъ властей и контроля, съ готовыми землями и промыслами, была такъ обольстительна, что въ нее народъ кинулся массами, а сѣверо-восточныя губерніи Россіи стали наоборотъ пустѣть. Сначала правительство смотрѣло на эти переселенія благосклонно, поощряя колонизацію новопріобрѣтенныхъ земель, но скоро оно замѣтило, что переселенія угрожаютъ увлечь чуть не все крестьянство, что деревни пустѣютъ, цѣлыя тысячи тяглыхъ людей исчезаютъ безслѣдно, переваливъ за Уралъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ Сибири. Скоро оно ограничило колонизацію только одними вольными гулящими людьми, бобылями и захребетниками, запретивъ перемѣщаться тяглымъ людямъ. Для удержанія переселенія крестьянства въ Сибирь поставлены даже были «заставы крѣпкія¹⁾. Но это, разумѣется, не прекратило движенія. Сибирь представляла; какъ по своимъ физическимъ условіямъ, такъ и по малочисленности населенія, превосходный пріютъ для бродячества. Темныя тайги и урманы, свалистыя и трудно-проходимыя горы Алтая и Саяновъ, неизвѣданныя и неоткрытыя мѣста — все благопріятствовало побѣгу. Сибирь сдѣлалась притономъ раскольниковъ, которые создавали здѣсь скиты, деревни и такъ разрастались и утверждались, что правительство, наконецъ, перестало ихъ ссылатъ сюда²⁾. Крѣпостные крестьяне здѣсь искали убѣжища во все время крѣпостнаго права. Сюда уходили бѣглые солдаты и преступники. Они дѣлались промышленниками-звѣровщиками, а иногда и работниками у жителей. Такіе бродячіе люди разнаго сорта назывались «гулящими людьми». Они были типомъ тогдашняго колонизаторства, — піонерами колонизаціи, и всегда образовывали линію, по которой должно было идти дальнѣйшее осѣдлое заселеніе. Они зани-

¹⁾ Истор. Росс. Соловьева т. XIII стр. 137—8. Дополненіе къ актамъ историч. т. VI, № 19.

²⁾ Указъ 13 декабря 1723 года. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи.

мали лѣса, строили избышки и приступали къ звѣриному промыслу. Люди одинокіе, бобыли, вызванные сюда или нуждой или стѣсненіями, не боялись опасностей и шли, не останавливаясь передъ трудностями. Люди закаленные въ нуждѣ, они не заботились о завтрашнемъ днѣ и продолжали питать антипатію къ прочной осѣдлой жизни. Этотъ духъ непостоянства увлекалъ ихъ впередъ въ завоеванныя пустыни, а нужда и голодъ не позволяли сидѣть сложа руки. Но бродячее населеніе не ограничивалось только одними пришельцами. Селимые и водворяемые въ Сибири на правахъ гражданства, послѣ непродолжительнаго отдыха начинали испытывать тѣ же неудобства, которыя гнали ихъ изъ Россіи. Имъ часто приходилось едва ли еще не хуже. Воеводы вдали отъ контроля высшаго правительсва были необузданныѣ и своевольныѣ, поборовъ и гнета было еще болѣе, и жизнь становилось еще тяжелѣе, а повинности въ неустроившемся обществѣ еще тягостнѣе. Крестьяне и здѣсь стали прикрѣпляться; они приписывались къ заводамъ и монастырямъ. Все это вызвало и здѣсь уходы и скитальчество. Жители разсыпались по лѣсамъ и промысламъ, такъ что трудно было отличить гражданина отъ бѣглаго. По мѣрѣ заселенія и введенія осѣдлости въ краѣ, все бѣглое и промышленное населеніе двигалось въ глубь еще неизвѣданныхъ мѣстностей и гнѣздилося по окраинамъ, скрываясь отъ надзора. Только въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда крестьянство стало переходить отъ звѣроловной къ земледѣльческой промышленности, когда въ краѣ утвердилось прочное управленіе вмѣстѣ съ кое-какой гражданственностью, правительство контролируетъ скитаніе и стремится ловить бѣглыхъ, но темные лѣса и пустыни въ тысячи верстъ все еще даютъ широкій пріютъ и не позволяютъ властямъ услѣдить за бродяжествомъ. Оно скрывается все глубже и глуше. Въ вершинахъ Бухтармы между скалъ создаются деревни бѣглыхъ, въ лѣсахъ гнѣздятся скиты, привлекая крестьянъ раскольниковъ. Такъ создались деревни *каменшиковъ* въ 1760 г. скитъ чернеца Некрасова на Убѣ въ 1760 же году, или подобный же, основанный чарыжскими крестьянами на той же р. Убѣ ¹⁾. Кромѣ того все прошлое столѣтіе на Барабѣ, по всей южной Сибири, на Карасунѣ, Ульбѣ, Убѣ и Бухтармѣ разсыпались промышленныя избышки, открытыя для бѣглыхъ. Ямщицныя зимовья

¹⁾ Акты Омскаго областного архива. *Матеріалы къ исторіи Сибири* Г. Н. Потанина.

были такими же притонами. Правительство начинает борьбу съ бѣглецами и бродящими, принимая противъ нихъ жестокия и карательныя мѣры. Крестьяне, бродившіе ранѣе свободно, наказываются за переходъ границы указомъ 1743 года свыше 40 лѣтъ отъ роду внутомъ, а моложе плетъми. Отлучившіеся отъ мѣста приписки отыскиваются. Такъ промеморіей 1762 года начальство колывано-воскресенскихъ горныхъ заводовъ объявляетъ объ отлучившихся 114 подзаводскихъ крестьянахъ, не взявшихъ паспортовъ и скитающихся неизвѣстно гдѣ, и такъ какъ люди закабаляютъ себя часто купцамъ въ работы, то просятъ ихъ не держать, а выслать. Зимовщикамъ по дорогамъ дается инструкція бѣглыхъ не держать, ночлега не давать и представить начальству. Сверхъ того посылаются военныя команды, чтобъ по дорогамъ и лѣсамъ ловить бѣглыхъ ¹⁾. Начались поиски — и въ прошломъ столѣтіи возникаетъ цѣлая масса дѣлъ о разныхъ личностяхъ, находившихся въ бѣгахъ. Забираются крестьяне, ходящіе на рыбныя ловли въ степи, на хмѣлеваніе и за звѣроловствомъ на линію, берутся крестьяне, жившіе по лѣсамъ по десяти и двадцати лѣтъ, такъ Устюжанинъ изъ Тары или подзаводскій крестьянинъ Березовскій, шедшій по казенной надобности, но увлекшійся соболинымъ промысломъ и оставшійся въ лѣсахъ, какъ бродяга. Попадаются бѣглецы ямщики, преступники изъ ссыльныхъ, солдаты изъ полковъ и всякіе другіе ²⁾. Подъ вліяніемъ преслѣдованія образовался уже не такой мирный типъ бѣглыхъ. Въ 1747 году берутъ съ оружіемъ въ рукахъ шайку полупромышленниковъ, полуразбойниковъ, предводимую Селезевымъ; она отчаянно сопротивлялась, и ее можно было захватить только послѣ рѣшительнаго боя. Затѣмъ безпрестанно являються донесенія о шайкахъ бродягъ, дѣлающихъ нападенія на деревни для грабежа, отстрѣливающихъ отъ командъ и упорно защищающихся. На Карасунѣ, устроилась цѣлая колонія бѣглыхъ; ее розыскивали по показаніямъ казака Нагибина въ 1759 году и взяли послѣ сильнаго упорнаго сопротивленія ³⁾. Разбой долго еще свирѣствовало по Сибири въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій. Это было явное послѣдствіе преслѣдованій, но

¹⁾ Омск. обл. арх томъ № 48. 1759 г. стр. 80, томъ 67 стр. 727, томъ 47 стр. 78.

²⁾ Омск. обл. арх. т. 67, 73 и др. Матеріалы къ истор. Сиб. Г. Н. Потанина.

³⁾ Мат.-къ истор. Сиб. стр. 215—222 и омск. обл. арх. т. 47 стр. 164.

вмѣстѣ съ тѣмъ, съ заселеніемъ Сибири бродяжество уже имѣло менѣе простора и свободы. Бродяги и бѣглецы не могли свободно скрываться и большая часть изъ нихъ должна была снизойти до участи воровъ и нищихъ. Уже въ 1762 году взятые бѣглый ямщикъ съ барабинской степи и бѣглый оренбургскій солдатъ Пономаревъ пробираются по деревнямъ ночами, воруютъ по погребамъ на пропитанье и отгоняютъ лошадей. Въ 1762 году пойманный тобольскій солдатъ Батеневъ съ товарищами показываетъ, что скрывались они по избушкамъ, проходя по деревнямъ нищенствовали или нанимались работать; такъ шли они на Барабѣ у мужика шубу три дня. Словомъ, складывался уже другой типъ бѣглецевъ, типъ паразитствующій, приниженный, занимающійся воровствомъ и скрывающійся между осѣдлымъ населеніемъ.

Изъ этого мы видимъ, что какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири существовали одинаковые переходы бродяжества. Сначала оно имѣетъ полную свободу, потомъ, подъ вліяніемъ запрета, превращается въ бѣглыхъ и преслѣдуемое проявляетъ свою дѣятельность безчинствами и разбоемъ. Съ введеніемъ же гражданственности, бродяжество принимаетъ характеръ воровства и паразитизма. При дальнѣйшемъ развитіи государственнаго порядка и улучшеніи общественной организаціи оно должно было уменьшиться и, наконецъ, совершенно исчезнуть. Къ этому бродяжество приходитъ нынѣ въ Россіи, къ тому же оно приближалось въ Сибири въ прошломъ столѣтіи. Но затѣмъ здѣсь явились особенныя обстоятельства, отчасти измѣнившія характеръ бродяжества, усилившія его новымъ элементомъ, и потому увеличившія число его членовъ. Въ самомъ дѣлѣ нынѣ, когда мы видимъ въ Россіи бродяжество довольно слабымъ, стѣсненнымъ и тщательно скрывающимся отъ правосудія, въ Сибири оно живетъ довольно свободно, получивши своего рода право на существованіе, рядомъ съ осѣдлою гражданственностью. Причины, увеличившія снова бродяжество и поддерживающія его донынѣ въ Сибири, это—ссылка. По мѣрѣ того, какъ уничтожалось вольное бродяжество народа, въ Сибири создавалась новая форма его ссыльная, принявшая свой оригинальный характеръ.

Ссылка въ Сибирь завелась давно, но прежде она была въ небольшихъ размѣрахъ. Она началась въ 1653 году посылкою воровъ и разбойниковъ, приговоренныхъ къ отсѣченію руки. Съ 1686 г. стали ссылать бродягъ, бунтовщиковъ, мятежныхъ иско-

вичей, жителей Углича, крамольныхъ стрѣльцовъ. Число ссылаемыхъ увеличилось особенно съ 1754 г., съ отмѣной смертной казни, но постоянно установилось только въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1807 г. было учреждено общее по колодницвой части присутствіе въ Тюмени. Въ 1823 г. учрежденъ приказъ о ссыльныхъ въ Тобольскѣ. Съ учрежденіемъ его являются положительныя свѣденія о числѣ ссыльныхъ. По статистическимъ отчетамъ видно, что съ 1822 по 1852 г. сослано было 200,000 человекъ обоого пола разныхъ званій. Съ 1852 по 1868 годъ число это по расчету должно было увеличиться еще на 150,000 человекъ ¹⁾, т. е. въ 46 лѣтъ прибыло въ Сибирь всего около 350,000 ссыльныхъ. Ссылка по самому своему характеру не могла быть слишкомъ благоприятною для осѣдлости. Она наводняла Сибирь людьми, шедшими по неволѣ, большею частію безъ семействъ, ²⁾ крайне предубѣжденными противъ здѣшней жизни, безнравственными и малоспособными къ труду, которые притомъ ставились здѣсь нарочно въ дурныя экономическія условія, какъ люди наказанные. Поэтому-то ссылка необходимо увеличила въ поразительныхъ размѣрахъ бродячество. Ссылные не могли обѣщать прочной осѣдлости и по своему характеру и по неудовлетворительности ихъ обстановки на поселеніи, и въ особенности на каторгѣ. Большая часть ихъ потому и сослалась, что неспособна была къ гражданственности и труду на своей родинѣ. Страна же, такая какъ Сибирь, требующая и по климату, и по нетронутости почвы, упорныхъ и неутомимыхъ

¹⁾ По вычисленію Гагемейстера, съ 1822 по 1852 годъ прибыло въ Сибирь 200,000 всякаго рода ссыльныхъ (Истор. статист. обзор. Сибири Гагемейстера, т. 2-й). Въ 1854 г. было ссыльныхъ 7,350 чел. об. пола, съ 1854 по 1859 г. прибыло въ пять лѣтъ 47,842 ссыльныхъ (Тоб. губ. вѣд. 1859 г., № 28—31), въ 1860 г. прибыло 7,728, въ 1861 г. 9,003, въ 1862 г. 7,377, въ 1863 г. 8,079 (Статист. Временникъ 1865 г.). Если мы сюда прибавимъ по 8,000 ссыльныхъ ежегодно прибывающихъ до 1868 г., то найдемъ, что ссылка дала Сибири съ 1822 по 1868 г. до 350,000 ссыльныхъ.

²⁾ Изъ 200,000 ссыльныхъ явившихся съ 1822 по 1852 г. женщинъ было только 40,000, притомъ большая часть изъ ссыльныхъ прибываетъ холостыми, незамужними и не въ молодыхъ лѣтахъ, такъ съ 1851—1852 г. $\frac{1}{4}$ всѣхъ женщинъ и $\frac{1}{2}$ мужчинъ были старѣе 40 лѣтъ. Въ 1851 г. въ губерніяхъ тобольской, томской и енисейской было 34,123 ссыльныхъ женщинъ и у нихъ только 28,146 дѣтей (Историко-статистическое обзорѣніе Сибири Гагемейстера, т. 2-й, стр. 65—70).

физическихъ усилій, не могла имъ нравиться. Они были лишены наиболѣе благородныхъ мотивовъ труда и къ нему могли побудить ихъ лишь крайняя нужда и голодъ. Труда они избѣгали до послѣдней возможности и прежде чѣмъ обратиться къ нему, разумѣется, изыскивали всѣ средства для пропитанія, къ которымъ прибѣгаютъ люди, нечувствующие пользы и разумности труда и получившіе къ нему отвращеніе. Гораздо легче пуститься въ легкое наживаніе денегъ разными предосудительными способами: обманомъ, кражей, попрошайничествомъ, нищенствомъ и бродяжествомъ, нежели рѣшиться заняться тяжелымъ трудомъ. Сильные одинаково прибѣгали ко всѣмъ этимъ средствамъ. Сибирское бродяжество, такимъ образомъ, концентрировало и довольно рельефно выражало всѣ дурныя стороны ссылки, и было продуктомъ ея. Мы постараемся въ этомъ этнографическомъ очеркѣ показать настоящій характеръ сибирскаго бродячества.

По официальнымъ отчетамъ мудрено составить общую цифру ливимыхъ бѣглыхъ. Ихъ могла бы свести къ общему итогу одна администрація, но въ сожалѣнію даже попытокъ къ этому не дѣлается или, по крайней мѣрѣ, о нихъ не публикуется. Сами по себѣ мѣста, могущія доставить цифры, какъ тюремные комитеты, остроги, экспедиціи, о ссыльныхъ, приказы и т. п. учрежденія къ собранію свѣдѣній ничѣмъ не побуждаются, а губернскіе статистическіе комитеты ограничиваются только той программой, которую имъ даетъ центральный статистическій комитетъ. Старыми официальными данными, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ, не рѣшаемся руководствоваться какъ мало заслуживающими довѣрія, а приведемъ цифры изъ нашихъ собственныхъ наблюденій, вынесенныхъ изъ изученія острожной жизни. Надобно замѣтить, что всѣ сибирскіе остроги, куда же слѣдуетъ причислить и пермскій, какъ пограничный, запружены бродягами. Тобольскій, омскій, томскій и иркутскій остроги, а въ особенности, маринскій, каянскій, лежащіе на бродяжескомъ трактѣ, наполнены почти исключительно бродягами. Острогъ, который былъ доступенъ нашимъ наблюденіямъ, также содержалъ большую часть этого ссыльнаго бродячаго населенія. Въ 1865—6 годахъ доходило бродягъ здѣсь до 500 на 100 крестьянъ и мѣщанъ. Въ 1867 г. перебивало въ годъ 1367 арестантовъ, изъ нихъ большинство бродяги. Составъ бродяжескаго населенія показываетъ, что они большею частію изъ сосланныхъ на поселеніе, съ заводовъ, рудниковъ и дезертиры. Но число бродягъ по острогамъ должно считаться *minimum*’омъ ихъ настояща-

го, бродящаго по Сибири числа—это только бродяги, попавшіе за обнаруженныя преступленія во время скитальчества или взятые по поводу разныхъ розысковъ преступленій, совершенныхъ бродягами же. Большая часть этихъ скитальцевъ ходятъ свободно и безпреступственно—стоятъ только пошарить въ любой волости, чтобы найти сотни такого проходящаго неизвѣстно куда, и неизвѣстно откуда народу. Въ 1867 г. въ юдинской волости тобольской губерніи, по случаю убійства трехъ проѣзжихъ монахинь, набрали облавами до 400 человекъ бродягъ. Въ той же губерніи въ кулачинской волости (первая станція отъ Омска), по случаю убійства еврейскаго семейства, взято было до 200 бродягъ. Къ острогу разомъ подвозили по десяти и болѣе подводъ съ этимъ людомъ. Забираніе по деревнямъ прекращается иногда только вслѣдствіе предписанія земскаго начальства,—садить некуда, остроги переполняются наловленными арестантами. Какъ велико число кочующихъ по волостямъ и округамъ мы предоставляемъ судить по слѣдующимъ разсказамъ бродягъ. Они говорятъ, что въ 1864 г. около Иркутска по разнымъ волостямъ зимовало до 4000 бродягъ. Около Верхнеудинска ихъ было одно время 500. Вблизи одной деревни иркутской губерніи въ 400 человекъ жителей, зимовало по избышкамъ до 200 бродягъ. Тамъ, гдѣ лежитъ бродяжескій трактъ по большой дорогѣ, проходитъ черезъ деревню лѣтомъ по 30, 40 и даже 60 бродягъ, да и зимою случается человекъ по 20. Иркутская губернія болѣе обильна числомъ бродягъ, какъ имѣющая нѣсколько казенныхъ заводовъ и благодаря проходящему черезъ нее пути изъ Забайкалья, гдѣ еще больше заводовъ и рудниковъ. Въ селеніяхъ енисейской губерніи число бродягъ также значительно, хотя часть ихъ и отвлекается на пріиски. Въ 1866 г. въ канскомъ округѣ зимовало ихъ 400 человекъ. На большомъ трактѣ, на одной мельницѣ по случаю какой-то задержки въ проходѣ, ихъ скопилось до 200 человекъ. Черезъ деревни лѣтомъ здѣсь также проходятъ отъ 40 до 60. Въ томской губерніи бродяжество также распространено, хотя и болѣе разсыпано по губерніи, такъ какъ тѣ, которые хотятъ остаться въ Сибири, далѣе нейдутъ. Въ укромныхъ мѣстахъ, по лѣсамъ, даже создаются цѣлыя деревеньки изъ бродягъ; такъ мнѣ разсказывали о деревнѣ въ 30 дворовъ на одной рѣчкѣ въ томской губерніи.

Цифру всѣхъ бродящихъ по Сибири однако опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ многіе весьма вѣроятные факты показываютъ, что число это громадно. Едва ли мы ошибемся, если по-

ложимъ такого народа въ Сибири отъ 20,000 до 30,000 человекъ. Эта цифра заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что бродяжество не только не уменьшается, но новыми ссылками постоянно пополняется и увеличивается. Ссылные, ловимые снова, отправляются на заводы и снова бѣгутъ оттуда. Такимъ образомъ, отъ востока Сибири до Урала идетъ постоянный бродяжескій *perpetuum mobile*.

Явленіе бродячества, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ изслѣдованія по многимъ причинамъ; во первыхъ, оно обращаетъ на себя вниманіе, какъ часть нѣсколькихъ тысячъ людей, ведущихъ жалкую, случайную жизнь. Вынужденные обстоятельствами идти въ бѣга, они обрекаютъ себя къ этому на цѣлую жизнь. Ловимый и ссылаемый постоянно, онъ такъ и сикъ спасается отъ наказаній и, проводя часть своей жизни въ бѣгахъ, проводитъ остальную въ острогѣ и каторгѣ. Такъ тянется цѣлая жизнь его. Онъ убьетъ всю ее на отысканіе призрачной свободы, выбьется изъ силъ, но какъ въ закодированномъ кругу не можетъ найти ея. Стараясь выбиться изъ Сибири, онъ неминуемо схватывается полиціей или населеніемъ, когда готовъ уже выйти за ея границы. Это отравляетъ ему дальнѣйшую жизнь, дѣлаетъ его ожесточеннымъ, озлобленнымъ, безпокойнымъ. Постоянная оппозиція въ душѣ противъ общества и властей не потухаетъ въ немъ, а по мѣрѣ препятствій только разгарается и превращается иногда почти въ бѣшенство. Самые энергичные члены бродячества борются съ своей судьбой цѣлую жизнь на смерть и вымѣщаютъ свою злобу на все, что имъ попадется на пути. Какъ отдѣльно страдающая личность, бродяга достоинъ—состраданія, какъ лицо деморализированное—психическаго анализа. Біографіи подобныхъ личностей достойны вниманія и онѣ не разъ встрѣчались въ нашей литературѣ—жалко только, что въ нихъ увлекались одной романической стороною дѣла. Еще замѣчательнѣе тотъ бытъ, который сложился у этихъ людей, связавъ ихъ въ отдѣльное сословіе, живущее независимо и слѣдующее своимъ правиламъ и принципамъ. Въ цѣломъ оно представляетъ довольно грандіозное явленіе, захвативъ тысячи людей, создавъ имъ особую жизнь, слѣдующую своимъ законамъ причинности. Массы этого бродячаго населенія создали интересы своей корпораціи, свои нравы, обычаи, поэзію, преданія, мифы и свое законодательство. Они завоевали себѣ извѣстныя права у общества, которыя удерживаютъ до нынѣ и за которыя борются съ крестьянствомъ. Потому тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ они по вліянію на страну, гдѣ блуждаютъ, предъ которой не принимаютъ ника-

кихъ обязательствъ, и на общество, на счетъ котораго живутъ. Охарактеризовать это вліяніе составитъ главную нашу задачу.

II.

Какъ ни разнообразны причины бродячества, вслѣдствіе индивидуальныхъ побужденій каждой личности и разнохарактерности обстановки субъекта, но ихъ можно все-таки формулировать. Понятно, что общая основная причина скрытной бродячей жизни есть неудовлетворительность окружающей обстановки, въ которую поставленъ человѣкъ, бѣдность, нужда, голодъ, желаніе избѣжать наказанія за преступленія и т. п. Такъ какъ въ Сибири по преимуществу бродяжничаютъ ссыльные каторжные, ссыльные поселенцы и дезертиры, то мы и будемъ говорить только о нихъ. Большая часть ссыльныхъ является въ Сибирь уже со всѣми задатками къ бродячеству. съ рѣшимостью на это и съ готовыми планами бѣгства.

Болѣе всего побужденій къ бѣгамъ существуетъ, конечно, у каторжныхъ. Первый побѣгъ каторжныхъ объясняется страхомъ наказанія и желаніемъ избавиться долготѣней каторги, наложенной за преступленіе, подвергшее его ссылкѣ. Часто бѣгутъ съ дороги, изъ остроговъ и едва добравшись до завода. Бѣгство имѣетъ цѣлью не постоянное бродяжество, а желаніе послѣ поимки показаться поселенцемъ, солдатомъ или просто непомнящимъ, а не каторжнымъ. Такое стремленіе улучшить судьбу очень естественно въ ссыльномъ человѣкѣ и рѣдкій его не желаетъ. Во время бродячества и въ острогахъ подыскивается случай сослаться на какое нибудь лицо и затѣмъ совершается побѣгъ, имѣя въ виду, что во время слѣдующей поимки бѣжавшій дастъ новыя показанія и перемѣнитъ свою участь. Это удается и нѣтъ. Выходятъ ложныя справки, т. е. показанія не подтверждаются, клейма обнаруживаются, знаки прежняго наказанія также уличаютъ, и вотъ приходится отвѣчать за побѣгъ какъ каторжному, хотя иногда и неоткрытому заводу или рудниковъ, куда онъ былъ прежде сосланъ. Снова ищется случай избѣжать и вновь показаться на кого нибудь, снова не удается и такъ идетъ у нѣкоторыхъ цѣлая жизнь по необходимо-

сти въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Все здѣсь зависитъ отъ перваго побѣга, неудача котораго затягиваетъ въ дальнѣйшіе побѣги по необходимости. Стремленіе къ исправленію личности посредствомъ наказанія не всегда достигается; наказаніе, опредѣляемое на 30, 40 лѣтъ и безъ срока, разумѣется, не можетъ исправить человѣка, которому рѣшительно все одно — наказываютъ его или вѣтъ. Не видя конца своему наказанію, онъ ищетъ спасенія только въ побѣгѣ. Такъ образуются *въчные бродяги*. Мы сказали, что долгосрочные сроки вынуждаютъ побѣгъ, поэтому наложеніе наказанія за первое преступленіе, обрекающее преступника на ссылку, всегда рѣшаетъ его дальнѣйшую судьбу. Въ этомъ случаѣ, чѣмъ строже наказаніе и долготѣнѣе срокъ работъ, тѣмъ болѣе представляется шансовъ къ побѣгу личности и тѣмъ менѣе возможности къ ея исправленію. Это не теорія, а законъ, выработанный жизнью бродячества. Изъ сотенъ примѣровъ того, какъ дѣлались бродягами *въчными* люди еще способные къ исправленію, или какъ дѣлаются такими отчасти скромные и непринносящіе зла, мы приведемъ хоть слѣдующіе. Былъ въ Москвѣ купеческій сынъ, человѣкъ молодой, честный и скромный, но онъ имѣлъ необыкновенно-пылкій характеръ. Разъ сидѣлъ онъ на вечерѣ съ своими товарищами въ холостой компаніи. Велась бесѣда о женщинахъ: Одинъ изъ купеческихъ дѣтей сдѣлалъ неприличные намеки на сестру С*. С* проситъ перестать говорить объ этомъ. Товарищъ продолжаетъ, забавляясь надъ скромнымъ С*. Наконецъ С* требуетъ, чтобы наглецъ замолчалъ, тотъ не унимается. Тогда оскорбленный и возмущенный С* кидается на оскорбителя и такъ его хватилъ въ голову, что тотъ повалился на полъ. С. хотѣлъ просто побить его, но случайно убилъ человѣка. Онъ въ отчаяніи и проситъ послать за полиціей. Входитъ квартальный и начинаетъ ругать С*, илеймя его названіемъ убійцы, душегубца и пр. Тотъ стоитъ блѣдный, съ понуреной головою. Квартальный на него наступаетъ. «Оставьте меня, я и безъ того несчастный!» говоритъ С*. Но квартальный продолжаетъ свое, наконецъ толкаетъ С*. Тогда преступникъ вскрикиваетъ: «А! если ты не понимаешь моего несчастія — такъ вотъ тебѣ!» За тѣмъ ударилъ квартальнаго, сшибъ его съ ногъ и началъ топтать ногами. Начался процессъ «старога суда». За нечаянное, ненамѣренное убійство С* вышло покаяніе, а за покушеніе убить полицейскаго чиновника во время исполненія имъ обязанностей службы, онъ былъ осужденъ на 12 лѣтъ въ каторжную работу. И вотъ этотъ купеческій сынъ идетъ на каторгу недоволь-

ный, протестующій въ глубинѣ души. Скоро тяжелая жизнь и пылкій характеръ вызываютъ его на ожесточеніе. Онъ связываетъ свою судьбу съ такими же какъ и онъ ожесточенными и отчаянными людьми и бѣжить. Затѣмъ уже возврата нѣтъ. Онъ ловится; ссылается, снова бродяжить. Онъ принялъ бродяжескую профессію монетчика и обманщика. Ему было еще только 40 лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ уже четыре побѣга съ каторги, говорилъ, что выходилъ пѣшкомъ бродяжа и идя по этапамъ до 40,000 верстъ (въ Сибири это не мудрено) и послѣдній разъ ссылался на 44¹/₂ года въ работу. Ему предстояло еще нѣсколько разъ бѣжать въ свою жизнь. Этотъ человѣкъ былъ не грубый каторжникъ, у него на душѣ не лежало тяжелыхъ преступленій, обманывать его вынуждала скитальческая жизнь. До сихъ поръ онъ сохранилъ сильную логику, душу способную чувствовать все хорошее и обладалъ завиднымъ даромъ краснорѣчія. Въ острогахъ его считали юристомъ и умницей. Другого я зналъ скромнаго и тихонькаго старичка, вся жизнь котораго прошла въ бродяжествѣ при всей его скромности и беззлобїи. Онъ бѣжалъ отъ утѣсненій помѣщицы въ 1824 году изъ Петербурга съ однимъ товарищемъ. Пристроились они къ одному помѣщику, принимавшему бѣглыхъ и записывавшему ихъ на мѣсто своихъ умершихъ, чтобы не даромъ отдавать за нихъ подати. Въ то время много было такихъ помѣщиковъ. Здѣсь ихъ сдали въ солдаты, но и изъ солдатъ они бѣжали, трудно показалось служить. Взятые, какъ бѣглецы, они были сосланы въ Сибирь въ 1847 г., и здѣсь начали снова бродяжескую жизнь. На поселенїи было жить трудно, и вотъ этотъ старикъ бѣжалъ. Его посылаютъ каждый разъ на заводъ и онъ бѣгаетъ. Я его засталъ въ острогѣ въ то время, когда ему было 63 года отъ роду; онъ судился какъ непомнящій родства, наказанъ былъ 20 ударами плетей и ссылался на 4 года въ заводъ. Это была скромная и самая безобидная личность. Надъ нимъ смѣялись арестанты, изъявляя сомнѣніе въ томъ, что едва ли могъ онъ убить крестьянскаго ягненка во время бродяжества, какъ онъ рассказывалъ, чтобы чѣмъ нибудь пропитаться.

Кромѣ страха долготѣннаго страданія на каторгѣ и нежеланія выживать такой срокъ, есть еще большой импульсъ къ побѣгамъ—это тяжелая жизнь на заводахъ, тоска и естественное стремленіе къ волѣ, хоть на мигъ. Для всего этого люди готовы жертвовать даже жизнью, когда совершаются бѣгства.

Представьте себѣ обстановку каторги. Въ дальней тайгѣ дикая

и угрюмая мѣстность, съ юлымъ стенимъ характеромъ, угрюмныя горы и холмы тянутся на значительное пространство; мелкій и тонкій кустарникъ пробирается между холмами, а вдали только темно и угрюмо синѣетъ мрачная тайга съ непривѣтными елями, соснами и пихтами. Какъ скучна и подавляюща мѣстность, такъ скучна и тяжела жизнь. Работы въ цѣпяхъ, съ тачками, на трудно подающейся лому и кайлу почвѣ, на холодѣ, подѣ дождемъ и непогодой, иногда въ разрѣзахъ по колѣно въ водѣ, коченія отъ стужи. Какъ трудны работы можно судить потому, что рабочіе часто нарочно переламываютъ себѣ ломомъ ногу, уродуютъ руку, чтобы избавиться отъ нихъ. Утомленный арестантъ питается самой грубой пищей въ четыре фунта хлѣба и жидкой похлебкой. Изнуреннаго и полуголоднаго его мучить злость и если прибавить дурное обращеніе съ нимъ конвоя, какъ съ каторжнымъ—можно себѣ представить его положеніе. Отъ каторжныхъ я слышалъ постоянныя жалобы на дурное содержаніе. Хлѣбомъ трудно кормиться и усиленная работа заставляетъ человѣка съѣдать его не 4, а 8 фунтовъ (чему нерѣдки примѣры), такъ какъ мясо ему не дается, а жидкія щи почти равносильны водѣ. Одежда самого грубаго свойства и холодная, легко промокаемая въ непогоду. Плохая обувь, какъ черки, при земляной работѣ изнашиваются прежде казеннаго срока. Кромѣ того арестанты какъ люди полныя страстей и угнетаемые невыносимо душащей ихъ тоской, бросаются, чтобы сколько нибудь забыться, въ тайную игру и въ пьянство; проматываютъ платье и обувь, проигрываютъ пайки хлѣба. Въ подобныхъ случаяхъ конечно съ него взывается тѣлеснымъ навазаніемъ, и вотъ каторжная жизнь представляется ему рядомъ изнуряющаго труда, голода, перспективой страданій и пытокъ, уже чисто физическихъ. Такая жизнь предвидится годы и годы сосланнымъ на 10, 12, 15 и болѣе лѣтъ, а иногда и на вѣчно.

— И пойдешь къ пріятелю, говорить *коринецъ* ¹⁾ и скажешь: что, братъ, намъ себя мучить, пойдѣмъ. Соберется насъ такъ пять, шесть человѣкъ, запасемъ хлѣба, выйдѣмъ на работу и ударимся на уру.

Выходятъ каторжные на утро на работу, окруженные цѣпью конвойныхъ съ ружьями. Нѣкоторые, подготовивъ кандалы, легко снимаютъ ихъ, другіе освобождаютъ одну ногу и цѣпь берутъ пока въ руки, раздастся ура, и человѣкъ пять отчаянныхъ головъ вылетаетъ изъ-за цѣпи конвоя и какъ бѣшеные выдвигаются къ лѣсу. Раздаются выстрѣлы. Двое, трое ранены или убиты, остальные

уходить. Идущіе знаютъ навѣрное, что кому либо изъ нихъ суждено упасть подъ пулями, но здѣсь свобода или смерть ставятся на карту. Выбравшись изъ-подъ пули, они, какъ одурѣлые, мчатся нѣскольکو верстъ въ тайгу, и, какъ сами говорятъ, блуждаютъ нѣскольکو дней въ какомъ-то помѣшательствѣ отъ ужаса и боязни. Часто они не могутъ найти себѣ дороги, и возвращаются на тотъ же пріискъ. Но истощеніе проходитъ. Они сидятъ по нѣскольکو дней въ труппахъ, пока пройдетъ погоня, съ фунтомъ, двумя хлѣба, и только истощенные ночью прокрадываются, чтобы выпросить его на дорогу у пріятелей и собратьевъ на своемъ или чужомъ пріискѣ. Затѣмъ тихо, тихо, по укромнымъ тайгамъ, ночами, подъ страхомъ встрѣтить бурята или мужика съ винтовкой, боясь каждаго куста, почти голодомъ пробираются они къ Байкалу; обошли и его пытаясь въ рыбацкихъ балаганахъ; вошли въ иркутскую губернію; раскинулась большая дорога, потянулись гостепримныя сибирскія деревни. Слава Богу! Но конченъ ли рискованный подвигъ? Получена ли свобода? И на долго ли она? Подвигъ только начинается и свобода печальная, бродяжеская свобода. На долго ли? Что за нужда!

Хоть часъ бы одинъ подышать
Дыханьемъ луговъ полевыхъ,
О хоть бы часъ лишь одинъ!

Не долго ему погулять на свободѣ, первая встрѣча и онъ узнаетъ, какъ «таврений конь», какъ называютъ себя бродяги за старыя клейма. Нѣкоторые изъ нихъ еще успѣваютъ пристроиться куда нибудь, показавшись на другихъ лицъ, но тотъ, кто былъ съ клеймами, тому одна дорога на заводъ, откуда снова стремится уйти. За побѣгъ каторжному даютъ отъ 40 до 80 и до 100 плетей и набавляютъ срокъ работъ. Второй и третій побѣгъ ставятъ ихъ въ безнадежность выйти когда нибудь съ завода легально. Коринецъ Калина сосланъ на 20 лѣтъ въ работы, за преступленіе получилъ онъ 90 плетей. За первый побѣгъ съ каторги дали ему 20 плетей и набавили 10 лѣтъ работъ. Бѣжавши во второй разъ, онъ получилъ 40 плетей и сверхъ 30-ти лѣтъ ему надбавлены еще 15 лѣтъ. За третій побѣгъ онъ получилъ уже 60 плетей и приговоренъ къ работамъ безъ срока. Въ четвертый побѣгъ онъ показы-

1) Коринцы съ пріисковъ *коринскихъ*, въ нерчинской области, гдѣ работы громадныя и содержаніе строго.

вѣется на другого каторжнаго и выигрываетъ нѣсколько десятковъ плетей и 20 лѣтъ работъ вмѣсто безсрочной каторги. Онъ опять пошелъ въ каторгу, но ему всего 28 лѣтъ, онъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, въ полной силѣ и необыкновенно здоровъ. Навѣрное онъ еще нѣсколько разъ убѣжитъ.-- «Я не хотѣлъ жить 20 лѣтъ въ рудникѣ раньше, неужели я теперь останусь», говорилъ онъ самонадѣянно. Другіе пройдя два раза въ бродяжествѣ, теряютъ всякую надежду выжить срокъ, и имъ одинъ выходъ — бѣгство. Бѣглый съ заводовъ Данила Н. 50-ти лѣтъ отъ роду, приговоренъ за второй побѣгъ къ 50-ти плетямъ и 18 годамъ каторги. Хилый и забитый, онъ не надѣется прожить до 68 лѣтъ и обѣщаетъ уйти, желая попользоваться хоть годомъ какойнибудь свободы. Есть такіе, которые, будучи сосланы на долгую каторгу, удачно показываются на непомнящихъ и идутъ на 4 года въ заводъ, но иные и этихъ лѣтъ не хотятъ отработать. Остальные, сосланные за одно бродяжество, говорятъ: «за что насъ на заводы, развѣ мы преступленіе сдѣлали, неужели мы за простокішу работать станемъ»? Всѣ бродяги прошеніе милостыни, или иначе простокішу, во время бродяжества считаютъ слишкомъ невиннымъ занятіемъ, чтобы идти за это на каторгу. Такимъ образомъ попавшіе на заводы прямо выходятъ на дорогу вѣчныхъ бѣговъ и вѣчнаго бродяжества. Есть такіе, у которыхъ руки, лопатки и лицо покрыты клеймами, означающими число побѣговъ, доходившихъ до значительнаго числа. Одинъ молодой бродяга рассказывалъ мнѣ, что онъ шелъ съ 75-лѣтнимъ старикомъ, который бѣжалъ съ каторги 18-й разъ и каждый разъ неудачно. Въ бѣгахъ есть перемѣняющіе свои имена безчисленное число разъ, но есть и ходящіе постоянно подъ своимъ именемъ, не желая перемѣнить крещенаго имени, неся самоотверженно отвѣтственность за всю свою жизнь. Есть нерѣдко бродящіе по 40 лѣтъ и болѣе, которые хотѣли бы въ концѣ открыть свое происхожденіе и всю свою жизнь, но сирарокъ никакихъ не оказывается, и они судятся непомнящими. Такимъ, напр., судился 63-лѣтній старецъ, бѣжавшій въ 1864 году изъ Петербурга отъ помѣщицы, о которомъ я упомянулъ. Вѣчный бродяга перенесетъ много бѣдъ, онъ бываетъ избитъ розгами, шпицрутенами, плетями, кнутомъ и обезображенъ клеймами. Нерѣдко приходятъ изъ бѣговъ совершенно изкалеченные. Такъ въ больницѣ при мнѣ лежалъ арестантъ бродяга Деревягинъ; въ его медицинскомъ свидѣтельствѣ значилось: на спинѣ слѣды кнута и шпицрутенонъ, на ягодицахъ знаки розогъ и плетей, на спинѣ

клейма, на рукахъ клейма, на лицѣ клейма. Онъ былъ худъ, какъ шепка, ходилъ съ костылемъ, желтъ и со впавшими щеками. Скоро я узналъ, что онъ былъ выписанъ изъ больницы и какъ бродяга каторжный наказанъ 60-ю плетями и сосланъ въ каторгу.

Все сказанное о каторжныхъ на рудникахъ и казенныхъ присадахъ можно отнести и къ заводамъ и къ арестантскимъ ротамъ съ тою разницею, что съ заводовъ уйти удобнѣе. На заводѣ жизнь хотя легче чѣмъ на рудникѣ, но все-таки тяжела и вызываетъ бѣгство. Тяжесть работъ и скудное содержаніе почти одинаковы. На большей части заводовъ, рассказываютъ бродяги, отпускается два съ половиною фунта хлѣба на день, да 1 р. 10 к. въ мѣсяцъ на приварокъ; изъ этого же приходится заводить и одежду. Надобно замѣтить, что на работахъ, напр. въ солеваренномъ заводѣ, все необыкновенно скоро носится и трухнетъ — приходится одежду брать впередъ и потомъ отработывать за нее. Живутъ здѣсь и терпѣливо сносятъ работы развѣ только женатые, остальные немедленно уходятъ. Одинъ изъ бѣглыхъ сообщалъ мнѣ, что въ одинъ годъ съ января по июнь ушли развѣ 1,800 человекъ съ завода. По собраннымъ свѣдѣніямъ г. Шелгуновымъ оказывается, что нерчинскій заводъ считалъ за 10 лѣтъ бѣжавшими 4,299 арестантовъ, которые всѣ скитаются по Сибири. Въ 1851 г. было на немъ сосланныхъ 3,992 человека, изъ нихъ находилось на лицо 1,127 человекъ; бѣжавшихъ на этомъ заводѣ приходилось 109%,

Строгость содержанія не вліяла, да едва ли и повліяетъ на искорененіе побѣговъ—трудно удержать рѣшительнаго человека опасностію, а такихъ людей много между важными преступниками. Есть особенные искусники и люди изобрѣтательные, которыхъ ничто не удержитъ отъ побѣговъ; такъ извѣстенъ теперь въ Сибири сосланный солдатъ, прославившійся въ Ярославлѣ убійствомъ часоваго и уходомъ изъ секретной. Онъ еще не доходилъ до каторги. Къ характеристикѣ этой не глухой, между прочимъ, личности нужно прибавить, что онъ судился семнадцать разъ и ни разу не былъ наказанъ въ Сибири, а все скрывался до приведенія въ исполненіе конфирмаціи и сидѣлъ каждый разъ подъ новымъ именемъ. Онъ ушелъ изъ томскаго острога, переодѣвшись служителемъ больницы, сиди въ Каинскѣ, онъ сдѣлалъ подкопъ, изъ Омска онъ ушелъ, выѣхавъ изъ острога въ бочкѣ съ нечистотами изъ ретиратовъ. Ушелъ въ іюль 1867 г., въ февралѣ нынѣе опять взятъ. Въ 7 мѣсяцевъ его четыре раза ловили и 4

раза онъ уходилъ изъ тюремъ. На дняхъ его уличили въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій въ секретной. Самое строгое содержаніе, конечно, въ арестантскихъ ротахъ и острогахъ. Здѣсь всё подъ замками, кругомъ штыки и тесаки. Зданія окружены каменными стѣнами и высокими палями. Въ работы ходятъ съ конвоемъ, но и здѣсь побѣги постоянны. Легко найти случай подпоить конвойнаго, обмануть его, изрѣдка подкупить, а то и убить. Въ острогахъ для побѣговъ употребляется много способовъ, да едва ли ихъ можно и предвидѣть, за открытіемъ старыхъ являются новые. Не даромъ тысячи арестантскихъ головъ работаютъ цѣлую жизнь днемъ и ночью, помышляя о побѣгѣ и волѣ. Не только сдѣлать подкопъ, перекинуть веревку, перепилить рѣшотку, но даже умудряются пролѣзть въ рѣшотку, оставляя часто на безчувственномъ и неподатливомъ желѣзѣ свою кровь. Бѣгутъ на рискъ, съ опасностію жизни.

Я никогда не забуду эпизода, видѣннаго мною въ этомъ родѣ. Изъ острога задумалъ бѣжать два арестанта. Это были два сильные и отважные парня 23 и 25 лѣтъ — Они должны были идти на каторгу и хотѣли избавиться отъ нея бѣгствомъ. Утромъ, когда арестантамъ были отворены двери для полученія пищи, они вышли на дворъ. Одинъ изъ нихъ взялъ кисть и ведро бѣлизняка, а другой подставилъ лѣстницу къ стѣнѣ; забравшись на нее, они маневрировали на ней какъ бѣлизняки; лишь только часовой отвернулся, они успѣли спрыгнуть за стѣну, однако ихъ увидали съ верхняго этажа; поднялась тревога. Изъ острога кинулись солдаты въ погоню, поскакали верхами надзиратели, острогъ загудѣлъ, по корридорамъ шла повѣрка и бѣготня. Арестанты прикикли къ рѣшоткамъ оконъ и, переговариваясь, стали смотрѣть на результаты поисковъ. Изъ оконъ, какъ на ладони было видно поле и лѣсокъ, куда скрылись бѣгущіе. Вниманіе арестантовъ было жадно приковано къ полю. Многіе изъявляли сочувствіе, только знатоки дѣла качали съ горькой досадою головой, говоря: «эхъ, не такъ, кто же утромъ, эхъ!» и т. д. Послѣ тревожнаго ожиданія скоро показалась изъ-за кустовъ группа солдатъ. Бѣглецы шли окруженные то падая, то снова поднимаясь на ноги, но, не пройди нѣсколькихъ шаговъ, снова падали. Бѣжавшіе не могли уйти. Одинъ, увидя погоню, самъ вышелъ на встрѣчу; другой мчался какъ вѣтеръ до лѣса, но его настигли лошадыми. Началась расправа, солдаты дѣйствовали по старой традиціи, какъ ихъ не удерживали—

ихъ обуяла злоба ¹⁾. Скоро окровавленныхъ бѣглецовъ ввели въ больницу—одинъ былъ полутрупъ. Живѣйшимъ участіемъ окружили ихъ арестанты. Къ нимъ прилагались заботы, какъ къ роднымъ страдающимъ. Всякій подходилъ и качалъ головой. Можетъ каждый думать, что и ему придется испытать тоже. Такъ платятся люди за призракъ свободы.

Вслѣдъ за каторжными къ бродячему люду нужно отнести поселенцевъ. Причинами побѣговъ ссыльныхъ съ поселенія служить неестественное положеніе въ мѣстѣ ссылки. Гнетущая тоска, вторичное преступленіе и желаніе избѣжать наказанія, наконецъ бѣдственное экономическое положеніе. На поселеніе ссылаются или прямо изъ Россіи или выходятъ туда съ заводоу и рудниковъ по пробитіи сроковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, и по своему характеру, и по мѣстнымъ условіямъ труда, мало были склонны къ нему, какъ и къ осѣдлости. Нечего говорить, что значительная часть изъ ссыльныхъ люди испорченные. Многіе и здѣсь не оставляютъ своихъ прежнихъ преступныхъ профессій, дѣлаютъ новыя преступленія и бѣгутъ отъ наказаній. Какіе элементы содержитъ ссылка, видно изъ того, что большинство судится за воровство. Опубликованныя свѣденія тобольскаго приказа о ссыльныхъ съ 1854 по 1859 годъ это указываютъ. (Тобольск. губ. вѣд. 1859 г. № 28—31). Второе мѣсто за воровствомъ принадлежитъ бродячеству. При всемъ этомъ ссыльное населеніе въ Сибири ставится вообще въ дурныя условія. Явившись въ другую мѣстность и въ другую среду, ссыльные не могутъ найти тѣхъ занятій, которыя имѣли на родинѣ и которыя часто становятся имъ ненужными или не требующимися въ новой странѣ—это зависитъ отъ разницы въ экономической и социальной жизни между Сибирью и Россіей, наконецъ отъ разности ихъ развитія. Сибирь по преимуществу страна земледѣльческая, а потомъ скотоводческая и горнопромышленная. Она производительница самаго грубаго сырья; для добыванія этого сырья изъ нѣдръ природы требуется трудъ по большей части физическій—и много пахать, боронить, ходить за скотомъ, копать землю на присѣкахъ и т. п. Въ городахъ ремесла и заводская промышленность стоятъ здѣсь на низкой степени развитія и цивилизованныя потребности жителей крайне ограничены. Россія же въ значительной части

¹⁾ Прежде солдатъ самъ жестоко платился за побѣгъ арестанта; его прогоняли сквозь строй. Нынѣ это отмѣнено и это благодѣяніе для арестанта. Солдаты прежде вымещали свои шпицрутены на немъ.

своихъ губерній страна мануфактурная въ сравненіи съ Сибирью— въ ней болѣе заводовъ и фабрикъ, ремесла наиболѣе развиты, раздѣленіе труда сильнѣе, функціи его многосложны, а потому населеніе переходитъ отъ труда грубаго и валоваго къ болѣе легкому и изысканному. Такимъ образомъ, какому нибудь мастеру или работнику съ бархатной, суконной, хлопчато-бумажной или сахарной фабрики въ Сибири нѣтъ возможности найти обычнаго занятія и онъ принужденъ заняться какимъ нибудь непривычнымъ тяжелымъ трудомъ: напр., идти въ работники къ мужику или наняться на приски. Ремесленникъ, сосланный въ деревню, становится въ самое неестественное стѣсненное положеніе. Многіе изъ поселенцевъ не привыкли ни къ какому физическому труду, бывши на родинѣ приказчиками, торговцами, половыми, разносчиками, лакеями, актерами и т. п. Такихъ значительная часть; наконецъ въ Сибирь является много народу, который снискивалъ средства къ жизни разными предосудительными способами; игроки, шулера, контрабандисты, фальшивые монетчики, артисты-воры и проч. Всѣ эти люди, переселенные въ страну, гдѣ необходимъ физическій трудъ, усиленное прилежаніе, настойчивость въ преодоленіи препятствій, представляемыхъ дѣйственной природой, въ жизни дѣлаются совершенно несостоятельными. Люди, явившіеся безъ имущества, пролетаріи болѣею частію бобыльные и одинокіе, притомъ поставленные въ своихъ правахъ ниже крестьянства, они совершенно теряются, кидаются въ плутовство, мошенничество, обирание мѣстнаго населенія разными уловками и обманомъ, и наконецъ идутъ скитаться по острогамъ. Должно сказать, что въ числу невыгодныхъ обстоятельствъ для поселенцевъ явился промышленный и буржуазный характеръ сибирскаго общества, охватывающій даже крестьянство, которое стремится закабалить работника. Поселенецъ какъ человѣкъ продвунной и нелюбящій труда старается, въ свою очередь, надуть крестьянина и поживиться на его счетъ. Оттого возникаетъ между крестьянами и поселенцами антагонизмъ, переходящій въ ненависть. Крестьянинъ считаетъ поселенца *варнакомъ*, *человѣкомъ* способнымъ на всякое преступленіе и надувательство, тунеядцемъ, сидящимъ на мужичьей шеѣ. Сибирскіе крестьяне создали пословицу: «поселенецъ, что младенецъ, на что взглянетъ, то и стянетъ». Поселенецъ, въ свою очередь, презираетъ мужика, переноситъ на него ему же данное названіе *челдона*, видитъ стремленіе крестьянина эксплуатировать поселенца, а потому считаетъ дозволеннымъ, въ свою очередь, обирать и обкрадывать его, до-

бродушно называя это *ученіем сибиряковъ*. Я приведу типъ поселенца, съ которымъ я встрѣтился, и который можетъ служить истиннымъ выраженіемъ воззрѣній поселенца и его отношеній къ мѣстному населенію. Во время моего знакомства съ нимъ Никифоръ Голубевъ объявилъ мнѣ прямо, что онъ бывший петербургскій *карманникъ*, «впрочемъ», прибавилъ онъ, «все будетъ въ сохранности—мы только вѣдь на волѣ занимаемся *качествами-съ* ¹⁾. Надо чѣмъ нибудь жить», говорилъ онъ. «У насъ вѣдь здѣсь много *фальтикултетныхъ* людей». Фальтикултетными людьми онъ называлъ особенно плутоватыхъ, изъ своего брата, поселенцевъ. Скоро фальтикултетный человекъ сообщилъ мнѣ повѣсть своей жизни.

«Происхожу я изъ торговаго сословія въ Санктпетербургѣ», рассказывалъ онъ, «и пріѣхали мы сюда въ столицу, то есть съ тятенькой изъ Костромы и завелъ онъ въ Питерѣ лабазъ: въ малолѣтствѣ моемъ онъ отдалъ меня на обученіе къ торговцу фруктами и пряниками. Много насъ жило ребятъ у хозяина. Мы разносили фрукты и лакомства по городу и дачамъ, а то сидѣли въ Александровскомъ паркѣ—знаете? Ну-съ, началъ я подростать, было ужъ мнѣ лѣтъ четырнадцать, и сталъ я съ своими товарищами тоже разносчиками заводить компанства, начали баловать. Разъ я промоталъ отъ хозяина весь товаръ, да и бѣжалъ, однако меня нашли. Отецъ выдралъ и взялъ къ себѣ. Тутъ ужъ я былъ неудержимъ-съ. Сижу въ лавкѣ у отца, а самъ думаю, какъ бы стащить что нибудь да въ трактиръ. Сошелся я въ это время съ купеческимъ сыномъ, у котораго отецъ недалеко отъ насъ у Андреевскаго рынка трактиръ держалъ—богатѣйшій человекъ—одно слово. Этотъ самый купеческій сынъ хватилъ разъ у отца рублей триста и пошли мы съ нимъ кружить. Мотались дня три, всѣ деньги ушли и растеряли, а ужъ насъ розыскиваютъ. Пріѣхали—накрыли насъ добрыхъ молодцевъ. Купеческаго сына въ тѣ поры отецъ отстранилъ отъ распоряженія выручкой въ трактирѣ, а меня родитель вздулъ, какъ сидорову козу. Началъ я тутъ подумывать, какъ бы вырваться на волю—и вотъ взялъ я разъ изъ-за прилавка выручку, да и былъ таковъ—пошелъ по Петербургу. Долго я шатался по городу, гдѣ ночь, гдѣ день. Покуда были деньженки, все было ладно, а потомъ и подъ открытымъ небомъ въ Лѣтнемъ са-

¹⁾ *Качествомъ* въ острогѣ называется всякое плутовство и мелкое преступленіе.

ду пришлось ночевать—гдѣ я тутъ ни шатался—ну и наткнулся я на моихъ наставниковъ, да и сталъ карманникомъ, Дѣло тутъ самое простое, значить. Знаете какъ мы на Невскомъ или около балагановъ отличаемся. Много у меня тоже происшествіевъ и заключеніевъ бывало. Къ работѣ я былъ непривыченъ. Вѣжалъ безъ вида и кушать хотѣлось и покутить тоже — вотъ и сталъ я воровать. Нарвался,—меня послали въ Сибирь на поселенье. Что же въ Сибирь, такъ въ Сибирь. Нашъ братъ идетъ важно—духу не теряемъ, продолжалъ Никифоръ. Идемъ мы въ партіи, сначала шеголяли, деньги были — Москва награждаетъ подаеніемъ—шаровары плисовые, поддѣвка новая, рубашечка красная французскаго ситцу, шапочка на бекрень, — знатно мы идемъ въ походѣ. Подходимъ къ деревнѣ, стукъ въ окно. «Хозяинъ! медь, икра есть»? — Что надо? — «Подайте милостыньку, Христа ради» — Богъ подастъ—рожа толста.—Ничего, идемъ дальше—съ деньжонками-то все ладно. Другіе сударушкой въ партіи обзаведутся. Она и начнетъ нагрѣвать нашего брата. Купи, говоритъ, душка, этого мнѣ гуся или этого чертенка, а сама башмачкомъ, носочкомъ-то и толкаетъ гуся съ поросенкомъ. Ну нашъ братъ не рядится. Сейчасъ на, что запросилъ—значить народъ идетъ съ форсомъ, однако покупаетъ, покупаетъ, да и профершпилится; оцять *фалшка* ¹⁾ подкузьмить. Глядь изъ Казани выходитъ голь какъ соколъ, такъ и пѣсня сложена:

Отъ Москвы и до Казани
Идемъ съ полными возами;
Отъ Казани до Тобола
Идемъ съ горькими слезами.

Глядь къ Сибири-то подходимъ, сударушка и говоритъ: дай, душка, чернаго хлѣбца. Тутъ ужъ носочкомъ-то шевелить покупки не удастся, прогоримъ. Другой сударушку и на карту ставитъ. Придемъ въ Сибирь,—голь одна. Запрутъ это насъ въ сибирскую волость, въ деревню. Здѣсь глухо, народъ необразованный, только и знаютъ, что соху; вотъ я и попалъ въ такую деревню. Къ работѣ тяжелой непривыченъ, а пришлось заниматься. Нанялся я въ работники къ мужику, и проклялъ я въ тѣ поры и жизнь свою. Ничего не знаю, потому какъ приучонъ не былъ и великатное воспитаніе получилъ. «Эй ты, кричить хозяинъ, поди запряти ло-

¹⁾ Осторожный терминъ картежной игры.

шадей! на покось надо ѣхать». Какъ тутъ, думаю, быть, я отродясь не запрягалъ, однако надо какъ нибудь, пошелъ, вижу рядъ саней другъ подлѣ друга, сталъ соображать, запретъ. Только выходитъ хозяинъ, какъ взглянулъ, такъ животки и подперъ, и почалъ же онъ ругать меня: «ахъ ты дуракъ, говорить, да гдѣ же ты видѣлъ, чтобы такъ лошадей запрягали, да гдѣ ты сокровище такое уродился». Я стою не понимаю, досадно мнѣ. А я, знаете, оглобли-то совсѣмъ перепуталъ, какъ стоялъ рядъ саней я взялъ оглоблю отъ однихъ, да оглоблю отъ другихъ, да въ нихъ и впрягъ лошадь. Долго надо мной хозяинъ дивовался. Такъ вотъ я какой въ Сибирь-то пришелъ! Въ другой разъ собирались мы на сѣнокосъ, я приготовилъ все, что было нужно. — Взялъ ли ты бастрькъ-то? говоритъ мнѣ хозяинъ. Какой, думаю бастрькъ?—Взялъ говорю. Вышелъ хозяинъ на дворъ. — Гдѣ же онъ? говорить. — Здѣсь! указываю я на телегу. — Ахъ ты, глупая башка, да вѣдь вонъ онъ бастрькъ-отъ въ углу еще стоитъ! Указалъ онъ мнѣ на жердь въ углу, что на сѣно привязываютъ поверхъ воза для упора. А кто его зналъ, какой онъ бастрькъ такой! Ну и много же горя и ругани съ перваго разу принялъ. Бывало хозяинъ ругаетъ, а меня досада беретъ. Къ тому же и работа трудная. Злому татарину я не пожелаю жить въ работникахъ у сибирскаго мужика, олъ изъ тебя всѣ кишки выжметъ. Кормить — кормить хорошо, всего вдоволь: шей, мяса, каши, квасу и водки—ну за то и работай съ нимъ какъ волъ. Они здоровы работать, потому имъ это дѣло привычное, ну а мнѣ ужъ за ними бывало не угнаться. Еще куда до зори проснется хозяинъ, позавтракаемъ: сбирайся, говорить, на пашню. Поѣдемъ—давай боронить—работаемъ до обѣда; послѣ обѣда отдохнуть бы надо—анъ нѣтъ,—пойдемъ, говорить хозяинъ, паря, порубимъ дровецъ, чего дѣлать-то! А! чтобы тебя, рубимъ до вечера, пріѣдешь—ходи за конями. Къ вечеру такъ умаешься, что не ѣмши свалишься. На другой день чуть свѣтъ опять будить: «ну, паря, надо въ поле—вставай»—опять до вечера работа. Другой разъ въ воскресенье только пообѣдаемъ, «что, скажетъ, не съѣздитъ ли намъ на пашню». Посмотрѣлъ я это—нѣтъ говорю—птру! На другое воскресенье чуть свѣтъ шастъ въ кабакъ, да до другого утра поминай какъ звали. Ничего, «что, говорятъ, погулялъ?» Да, да оно и надо въ праздники—такъ я и отбился отъ воскресенья. Зимой опять работа настала — возки съ товарами возить: — ямщиной, значить, хозяинъ занимался. Возки такъ и повалили—такая гоньба пошла, что бѣда. Только пріѣдешь

закусишь—опять надо ѣхать! Разъ я три дня почти съ козелъ не слѣзалъ. Отвезешь возокъ—ѣдешь назадъ дремлешь. Приѣхалъ—опять подъ новый запрягаемъ. Хозяинъ спрашиваетъ: «не свезешь ли?» Ну—нельзя—опять ѣду—только виномъ и жилъ. Помотался я эдакъ дня съ три—чортъ съ вами, думаю. Зашелъ въ кабакъ—напился, да и пошелъ кружить дня на четыре. Прихожу послѣ къ хозяину. «Что же ты, говорить, въ такое пущее время запилъ, другого-то времени не нашель—жить не хочешь что ля». А что, молъ, я вамъ за батракъ дался,—развѣ я другого мѣста не найду,—разругался съ хозяиномъ и отошелъ. Поступилъ къ другому мужику—вижу такая же маетная работа. Нашему брату поселенцу совсѣмъ тутъ непривычно—и житья нѣтъ—плохо. Потому-то мы ихъ не терпимъ. Сибирякъ норовить все насъ батракомъ сдѣлать, а мы не хотимъ. Теперь въ годъ онъ работнику платить 20, 25, много 30 рублей—ну за что я ему тутъ буду выбиваться изъ силъ. Денегъ у него просить начнешь—скупится, жилить, а коли дасть, пропиетъ наровить съ тобой же. И жилы же эти богатые мужики—сущіе живодеры, да и остальные-то челдоны—такіе же. Есть теперь деньги у поселенца, все къ его услугамъ—лучше его на свѣтѣ нѣтъ—все предоставитъ, жену отдасть; будь бѣдный—только и наровить нашего брата утѣснить. Придешь на сходку: «давай подати».—Нѣтъ.—Гдѣ хочешь возьми, да подай, а то драть—ну и пойдешь воровать. У нихъ же украдешь, да имъ же принесешь. Али теперь судъ случится—нѣтъ, вѣдь челдоны своего оправдаютъ, а нашего брата драть примутся. Кто что ни нагресилъ — въ отвѣтъ у нихъ все поселенецъ—все валять на поселенца. Идешь по деревнѣ—такъ только обляять тебя наровятъ: «вишь» скажутъ, «варнакъ идетъ—мотри ребята какъ бы не стянуть что».—Ладно, думаешь, ужь покажу же я вамъ варнака, желторотые. Ну и подѣдаетъ же ихняго брата челдона нашъ братъ, коли насолятъ ему. Ночью у него ворота вымажешь дегтемъ, куръ, барановъ перерѣжешь, лошадамъ гривы и хвосты острижешь. На вотъ тебѣ! Ему на лошадяхъ-то показаться никуда нельзя будетъ—всѣ смѣяться стануть, какъ на безхвостыхъ лошадяхъ поѣдетъ. А то стога сожжемъ. Но пуще всего имъ, какъ мы поселенцы съ женами ихъ валандаемъ, потому ихъ бабы насъ поселенцевъ лучше любятъ—нашъ братъ и развернуться умѣетъ, и красивѣе ихъ мужлановъ. Опять имъ этимъ досаждаютъ. За все это мужикъ наровить тебя побить, или прямо изъ винтовки *мазманъ* дасть. А вотъ я ему варнаку пулю въ бокъ, скажетъ,—у него расправа коротка. Вотъ съ

«Дѣло», № 9. 17

нимъ и держишься опаски. Придешь въ гости къ женѣ его, а у самого двѣ шапки. Одну всегда въ карманѣ на случай держишь, застанетъ хозяинъ насъ—пойдешь будто до вѣтру—надѣнешь другую шапку, да ффю—поминай какъ звали, потому иначе съ ними нельзя. Этихъ челдоновъ часто нашъ братъ облапошиваетъ, потому куда имъ до россейскихъ, — неотесы неотесами—только мы ихъ и образовываемъ,—они должны за нашего брата Бога молить. Нашъ братъ и ассигнаціи имъ дѣлаетъ, нашъ братъ ворожить и колдуетъ ихъ бабамъ—вѣдь они во все это вѣрятъ. Одно слово дураки какъ ихъ не учи. Теперь на счетъ воровства, куда же имъ за нами гнаться или поймать, я вамъ скажу: продамъ я купцу мѣсто чая, а тамъ будетъ глыба песку, или тюкъ ситцу а вмѣсто него рогозка; дамъ я ассигнацію въ обложкѣ, онъ посмотритъ, возьметъ, а у него обложка только и останется, ассигнація-то у меня, гдѣ же имъ это сдѣлать. Насмотрѣлся я на этихъ мужиковъ, когда жилъ въ горничныхъ у засѣдателя. Ну и крутили же мы ихъ съ засѣдателемъ. Послѣ этого, какъ же нашему брату поселенцу не управиться съ ними, какъ ихъ не *панкрутить*. Ну, и панкрутимъ. Одначе въ деревнѣ все же нажива плохая, оттого нашъ братъ больше нарываетъ на пріиски; — крестьянская работа 30 рублей въ годъ, а на пріиски даютъ однихъ задатковъ по 40, 50 и 70 рублей—погулять можно. Ну вотъ я и самъ польстился на нихъ, хоть и покаялся. Приѣзжаетъ къ намъ приказчикъ нанимать на пріиски. пошли мы поселенцы наниматься. Пришли — дали намъ задатковъ по 40 руб., раскутились мы въ тѣ поры, задали пыли сибирскимъ мужикамъ; другіе нанимали ихъ возить себя—знай нашихъ. Наконецъ стали насъ собирать вести на пріиски и приказчикъ тутъ. Дорогой такой же кутежъ у насъ идетъ. Кто пропиль деньги, шапка, рукавицы, бродки, полушубокъ—все въ закладъ идетъ; выйдеть другой голъ, какъ мать родила, сейчасъ его опять одѣваютъ—такъ и возъ съ одежей за нами ѣхалъ. Само собой, что все это въ счетъ ставятъ; на квартирахъ наши буйствуютъ, хозяевъ бьютъ, стекла, посуду ломаютъ—ничего: приказчикъ за все платитъ. Другой разъ въ деревнѣ или городѣ такъ разсыплемся, что едва соберутъ, полиціи деньги даютъ, чтобъ насъ пораньше выгнали, а гулянка же идетъ. Такъ мы до пріиску и кружимъ. За нами какъ за наемщиками въ рекруты ухаживаютъ. Пришли на пріискъ еще пьяные. Ну, говорятъ намъ, ложитесь, отдохнете, завтра на работу. Легли, — только-что разоспались, какъ вдругъ чуть свѣтъ слышимъ: «Ну-ка вы, шкваличники, бутылочники — вылазь, ну-ну, такъ

вась сюды-туды, пьяницы, пропойцы, кабачники!» Лежимъ, что, моль, такое. «Что вы не встаете! я вотъ вась палкой, голь кабацкая. Сволочь пропившаяся!» Это будилка пришелъ, какъ его называютъ. Ну, думаемъ, попались. Погнали насъ на работу, башка трещить—не доспали. Работа трудная, землю копать, кайлой бить. Въ разрѣзъ поставили, иные въ водѣ да въ грязи какъ черти перепакостились. За работой понукають, ругаются, стращаютъ, а управляющимъ на томъ принскѣ былъ Л—скій—во всей тайгѣ только двое варваровъ такихъ было—онъ да В—ковъ. Сейчасъ, чуть не сработалъ, что требуется, или провинился, драть; 200, 500, 700 розокъ всплюють; для того тутъ у нихъ и казаки на прискахъ приставлены начальствомъ. На другой день у насъ руки отнялись, какъ байлой помахали—нѣтъ, не привычна намъ, думаемъ, эта работа, а насъ ужъ стали примѣчать. «Ну, говорятъ, лѣнтян, погодите, приучимъ вась работать какъ слѣдуетъ—вотъ только управляющій прїѣдетъ» (его въ то время на прискѣ не было). Подумали, подумали мы: нѣтъ, моль, надоть убираться отъ этой каторги. Лѣшій ихъ возьми и съ прискомъ; стоворилось нашихъ человекъкъ шесть, взяли хлѣба, да ночью вышли и айда! Ну и натерпѣлись же дорогой горя, какъ бѣжали. Все травы да лѣса, утесы, да горныя рѣчушки. Сошелъ въ падь, опять на верхъ подымайся; опять и хлѣба мало. Чуть не утонули на Енисеѣ, чуть съ голоду не умерли, однако кое-какъ до деревни доплелись. Съ присаремъ сдѣлались, чтобъ это дѣло замазать. Съ тѣхъ поръ баста, думаемъ, ходить на приски, какъ прїѣдутъ приказчики нанимать рабочихъ—стой, насъ не проведешь! мы начали штуки дѣлать и много же денегъ у нихъ побрали въ задатки. Я одинъ раза четыре биралъ, и ни разу не ходилъ въ тайгу. Это можно дѣлать—придемъ наниматься по фальшивымъ паспортамъ. Паспортъ дадимъ, а деньги возьмемъ—а послѣ отыскивай. А то тутъ былъ у насъ валька безъ пальцевъ на рукахъ. Придетъ въ рукавицахъ—сначала не примѣтятъ—возьметъ задатокъ, пропьеть, а послѣ что съ него взять—сами откажутся. Послѣдній разъ мы снова нанялись и взяли задатки, только приказчикъ и узналъ, что мы столько разъ нанимались, да бѣгали или совсѣмъ не ходили, а задатки мы ужъ получили съ него. Призываетъ онъ насъ эдакъ черезъ часъ. Ребята, гдѣ у вась деньги, говоритъ, я бы вамъ помельче далъ, а то не такія выдалъ, а мы конечно смекнули въ чемъ дѣло, кто пять, кто трюшницу выложилъ, а остальные, говоримъ, ужъ размѣняли—нѣту; такъ ничего и не могъ взять.

Давно уж я бьюсь въ Сибири, разъ и бродяжить ходилъ, къ Расен пробирался—однако не удалось. Въ послѣднее время я вотъ въ городѣ *** пристроился, ну, здѣсь опять пришлось заниматься *качествами*, потому больше нечѣмъ заниматься. Къ работѣ мы непривычны, а больше все своимъ умомъ, да смѣлкой живемъ. Думаешь, думаешь, да и выдумаешь штуку—что же дѣлать, надобно чѣмъ нибудь питаться. Вдругорядъ крайность заставляеть. Попадешься съ халанымъ—надо откупиться, опять воровать идешь».

Никифоръ дѣйствительно смотрѣлъ на свой промыселъ, какъ на произведеніе своего генія и свой трудъ, иногда крѣпко защищая украденное, какъ законную добычу.

«Я вотъ вамъ расскажу, говорилъ онъ мнѣ разъ, какое въ нашемъ дѣлѣ соображеніе нужно и смѣтку. Прошлымъ лѣтомъ тутъ телегу съ лошадыю мы стянули, на насъ пало подозрѣніе. Приводятъ меня въ полицію. Нельзя ли, говорю, отпустить? Нѣтъ, требуютъ за это 10 руб.—Гдѣ же, говорю, мнѣ взять такую сумму?—А нѣтъ, такъ будешь въ острогѣ. — Дайте, говорю, хоть срока достать эти деньги. Отпустили на три дня — надо было какъ нибудь промышлять. Иду я и вижу на рѣкѣ бадьи меду на плотамъ приплавилъ;—смекнуть, вечеромъ подхожу къ плотамъ, — вижу, по берегу два караульныхъ ходять. Я съ палкой тоже началъ показывать около сосѣднихъ плотовъ, начинаю съ караульными разговоръ: «что, молъ, покарауливаете!» Точно такъ, говорятъ. «И мы тутъ вчера плотикъ прикупили»—разговорились, покурили. Только я и говорю: «что, молъ, братцы, мы будемъ всѣ трое караулить, давайте по очереди, я вотъ теперь сосну, а вы поприглядите, а потомъ я за васъ. Согласились. Полежалъ часа два въ караулѣ — вышелъ, зѣваю. Что выснался? спрашиваютъ. Все маненько легче, говорю. Ну ладно, мы теперь соснемъ, посматривай. — Ладно. Пошли они спать. Я жожу, постукиваю. Черезъ полчаса захожу въ караулку, будто цыгарку закурить. Что спите? спрашиваю. Молчать. Не хотите ли покурить? Только всхрипываютъ. Дѣло, думаю, ладно. Вышелъ; взялъ я эти три бадьи, скатилъ на берегъ, да въ навозъ и зарылъ, а самъ махнулъ драло. На другой день я взялъ знакомаго извозчика и ночью мы перевезли эти бадьи въ одинъ домъ.

Никифоръ въ послѣдній разъ попалъ въ острогъ за то, что подъ фальшивымъ паспортомъ ходилъ и занимался воровствомъ по деревнямъ. Изъ подъ ареста въ волости онъ пробовалъ бѣжать. Была зима, онъ ознобилъ пальцы ногъ, которые пришлось отрѣ-

зять. Съ тѣхъ поръ фальткульетный человѣкъ началъ еще пуще вклясть *Сибирь немилую*. Скоро онъ, заплативъ нѣсколько рублей, выбрался изъ дѣла чистъ, вышелъ изъ острога и его уже видѣли продающимъ на базарѣ доморощенныхъ лошадей. «Ребята, культяпый, вонѣ въ конницу поступилъ, въ пѣхотѣ больше не можетъ служить, — ахъ куцый плутъ», хохоталъ острогъ.

По этому типу можно судить, какъ относятся большею частію поселенцы къ мѣстному населенію. Само собою разумѣется, что вѣчная борьба съ опасностями, страхъ кнута и плети, голодная и холодная жизнь не особенно благоприятствуютъ добродѣтельной жизни поселенцевъ. Жестокость наказанія, имѣющая въ виду устрашить и исправить преступника, приводитъ къ противоположному результату; она ожесточаетъ его еще болѣе... Въ Сибири большая часть преступленій дѣлается ссыльными и подъ вліяніемъ ихъ; по крайней мѣрѣ, такъ отзываются многіе изъ слѣдователей. Остроги содержать всего болѣе за преступленія бродягъ и поселенцевъ. Наконецъ та безнравственность, развратъ, плутоватость и даже склонность къ разболюмъ, которыя вошли въ нравы и характеръ сибирскаго крестьянства совершенно объясняются вліяніемъ штрафной колонизаціи. Значительная часть холостыхъ переселенцевъ, являющаяся въ деревняхъ, не можетъ не понизить уровня нравственности и не отразиться на семейномъ быту крестьянъ. По городамъ, куда являются разные артисты плутовства, и не могутъ не возникать преступленія и безнравственность. Изъ полицейскихъ отчетовъ видно, что въ сибирскихъ городахъ за пьянство, буйство и проч. попадаетъ въ полицію больше всего поселенцевъ (Томск. Губ. Вѣдом. 1865 г.). Часто въ городахъ вдругъ появляется новая профессія воровства, какъ напр. срѣзываніе часовъ, прежде невиданная—ясно, что появилось какое нибудь новое лицо. Докапываются, открываютъ; оказывается, что это только-что прибывшій изъ Москвы карманникъ, явившійся на поселеніе и только-что выпущенный изъ острога. Полицейская практика въ Сибири можетъ много представить этому примѣровъ. Этимъ дурнымъ вліяніемъ поселенцевъ объясняется и та вражда и ненависть въ сибирскомъ населеніи, которую питають къ нимъ. Слово поселенецъ здѣсь имѣетъ по этому самое дурное значеніе. Вражда противъ нештрафнаго населенія выразилась еще болѣе у крестьянъ въ преслѣдованіи бродяжества. Только самая малая часть начинаетъ жить въ странѣ ссылки осѣдло, обзаводится хозяйствомъ и питается трудомъ. Къ таковымъ относятся преимущественно женатыя и только тѣ люди, пре-

ступленіе которыхъ не предполагаетъ въ нихъ крайней испорченности, и было слѣдствіемъ порыва и чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Только ремесленники, работники и трудолюбивое крестьянство изъ сосланныхъ дѣлаются въ мѣстѣ ссылки производителями. Для этихъ людей Сибирь, по обилію земель, по дѣвственности, нетронутости природы, по малонаселенности и потребности въ ремесленникахъ, составляетъ кладъ. Многіе акклиматизируются, богатѣютъ и не нахвалятся страной. Даже каторжные, выходя съ заводовъ и вздумавши заняться трудомъ, преобразуются въ капиталистовъ. Въ Восточной Сибири есть нѣсколько купеческихъ домовъ происхожденіемъ изъ бывшихъ каторжныхъ. Подобные ссыльные говорятъ: «Сибирь что хаять, Сибирь земля хорошая, богатая, она всѣхъ накормить». Крѣпостные крестьяне считали поселеніе сюда благодѣяніемъ, но такихъ людей изъ поселенцевъ конечно весьма немного, и, при всестороннемъ взглядѣ на вліяніе ссылки, должно принимать ихъ, какъ часть къ цѣлому. При исправительномъ вліяніи ссылки на нѣкоторыхъ нельзя упускать изъ виду порчу, вносимую неисправимыми въ среду здороваго общества. Люди испорченные, тюремные пташки (*les oiseaux de prison*) совершенно другого взгляда на мѣсто ссылки и на трудъ. Такіе люди предпочитаютъ тунеядствовать и мошенничать. Они страшатся тяжелаго труда, и особенно не любятъ сохи, т. е. того, чѣмъ живетъ теперь сибирское населеніе. Они предпочитаютъ ей приски, потому что здѣсь, получивши задатки, они могутъ погулять; тутъ они ведутъ на половину каторжную, на половину разгульную жизнь. Все, что лѣтомъ скопляется усиленнымъ трудомъ, осенью проматывается. Выходя съ присковъ, эти люди, грубые и безнравственные, вносятъ въ жизнь страшный развратъ, и за деньги они покупаютъ все, соблазняютъ, безобразничаютъ, буйствуютъ. Чтобы видѣть, какой производятъ они содомъ, надобно взглянуть на города Сибири, сосредоточивающіе золотопромышленность. Быстро прокутившись, они часто до весны и новыхъ задатковъ пускаются въ преступленія. Такая жизнь, то тяжелая и каторжная, то разгульная и безнравственная конечно еще болѣе способствуетъ растлѣнію поселенца. Ходи въ тайгу на приски и часто бѣгая оттуда, они привыкаютъ бродяжить по Сибири и окончательно дѣлаются бродягами на всю жизнь. Они идутъ часто изъ-за тунеядства, изъ-за голода, отъ подати, отъ наказаній за совершенныя преступленія. Впереди поселенецъ не боится острога, онъ прошелъ его горнило, а это много значить. Въ немъ онъ провелъ значительный срокъ во время слѣдствія и суда на родинѣ; шель

въ Сибирь по этапамъ, перебывалъ въ нѣсколькихъ острогахъ, втянулся въ острожную жизнь и сдѣлался гражданиномъ ея. Проводя здѣсь время въ праздности, въ игрѣ, свѣкшись съ средой удалыхъ и буйныхъ добрыхъ молодцевъ, напитавшись ихъ разказами, наконецъ изучивши ихъ профессію мошенничества, онъ привязывается даже къ этой жизни. У поселенцевъ есть пословицы: «кому острогъ, а намъ домъ», «кто острожнаго хлѣба поѣлъ, такъ того къ нему и тянетъ», «что намъ Сибирь, дальше солнца не ушлютъ, а Сибирь мы видали». Во всемъ они показываютъ довольно легкое отношеніе къ острогу, даже въ названіяхъ, потому для поселенца онъ потерялъ устрашительный характеръ и ему нечего бояться попасть сюда. Кромѣ того къ бродячеству вызываетъ поселенцевъ ихъ стѣсненное гражданское положеніе. Неполноправность, бѣдность, являющіяся вслѣдствіе перемѣщенія новаго положенія въ странѣ, непривычки и неустройства. Ко всему этому поселенцу, приписанному къ волости и живущему въ деревнѣ, выпадаютъ на долю часто притѣсненія. Какъ лицо сосланное и обязанное пріобрѣтать еще права крестьянина, онъ принужденъ быть меньшимъ членомъ крестьянской семьи. Онъ не имѣетъ голоса и часто принужденъ повиноваться безусловно мѣстному обществу, которое его иногда обдѣляетъ. Нерѣдко встрѣчаются жалобы, что крестьяне отводятъ ему неполные и дурные участки. Въ дѣлѣ суда и расправы сибирскіе крестьяне пристрастны и болѣе протезируютъ своимъ, чѣмъ поселенцу. Въ отношеніи предложенія труда поселенецъ терпитъ большое затрудненіе, такъ какъ у крестьянъ репутація поселенцевъ подорвана. Крестьяне пришедшаго вновь не возьмутъ, «потому что, кто его знаетъ, кто онъ такой;» есть мѣста, гдѣ не берутъ поселенцевъ въ работники даже изъ-за хлѣба. Наконецъ, на поселенца обрушается всегда болѣе подозрѣнія въ случаѣ совершившагося преступленія—все это стѣснительныя сторогы поселенческаго быта. Къ причинамъ, затрудняющимъ осѣдлость поселенца, должно отнести и другія препятствія. Такъ, поселенцамъ 3-го разряда прежде воспрещено было вступать въ бракъ ранѣе 5-ти лѣтъ ссылки, а нынѣ ранѣе 3-хъ лѣтъ. Бобыльная одинокая жизнь, такимъ образомъ, тоже способствовала къ бродячеству, и не привязывала человѣка къ мѣстности. Сплошь и рядомъ мелкое начальство не выдаетъ поселенцамъ паспортовъ съ прихода ихъ, что затрудняетъ ихъ въ выборѣ мѣстностей для труда. Затѣмъ на обзаведеніе поселенца всегда имѣетъ вліяніе дороговизна хлѣба и вообще съѣстныхъ припасовъ. Поселенцы все-

гда справляются, идя на поселенье, почему хлѣбъ въ такой-то и такой-то губерніи. Самая страшная въ этомъ случаѣ губернія Иркутская, гдѣ хлѣбъ доходитъ до 2 р. и даже былъ 2 р. 80 к. Ссылные говорили, что разъ, во время прохода партіи по Забайкалью, они принуждены были платить по 7 к. с. за фунтъ чернаго хлѣба. Понятно, какъ тяготятся этимъ переселяющіеся. При дороговизнѣ хлѣба крестьяне мало ихъ принимаютъ и въ работники — и вотъ голодъ является естественнымъ побужденіемъ питаться милостынею, которая легко приобрѣтается въ бродяжествѣ. Иркутская губернія, какъ самая неблагоприятная въ этомъ отношеніи, вызываетъ и болѣе бѣгство. Если бы можно было услѣдить и измѣрить потокъ бродячества, и особенно поселенческаго, то можно было бы увидѣть колебаніе цифръ бродячества, въ прямой зависимости съ поднимающимися цѣнами хлѣба. Что ссылные на поселеніе мало утверждались осѣдло въ Сибири, это можно видѣть до сихъ поръ на населенныхъ ими волостяхъ, точно также какъ и то, какою они здѣсь испытываютъ бѣдность. Извѣстно также, что пробовали ихъ селить съ особенною заботливостью по тракту въ Восточной Сибири, строили имъ дома, давали скотъ и предоставляли имъ готовое хозяйство, и извѣстны также тѣ непривлекательные результаты, какимъ подверглись эти колоніи — онѣ разбѣжались. Въ значительной степени, тутъ, конечно, участвовалъ личный характеръ ссылныхъ. До сихъ поръ еще въ нѣкоторыхъ волостяхъ Восточной Сибири существуетъ обыкновеніе строить дома для поселенцевъ, куда они являются гуртами. Но и это не помогаетъ имъ при нежеланіи производительнаго труда съ ихъ стороны. Какъ мало способны они къ гражданственности, можно судить потому, сколько ихъ находится на мѣстахъ приписки. Волостные писаря и крестьяне говорятъ, что ихъ не болѣе одной пятой, много четверти на лицо изъ того, что присылается. Остальные въ разбродѣ, а больше въ бродяжествѣ. Тоже подтверждаютъ и сами поселенцы. Они показываютъ, на примѣръ, что въ черемховской волости иркутской губерніи и уѣзда на 3,000 крестьянъ приписано 5,000 поселенцевъ, но едва ли на самомъ дѣлѣ ихъ найдется 300. Остальные бродятъ или живутъ въ Иркутскѣ и на приискахъ. Поселенецъ тобольской губерніи изъ деревни Красноярской, какъ старожилъ, замѣтилъ, что на 100 крестьянъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было у нихъ 180 человекъ поселенцевъ, нынѣ же только 16, остальные повымерли, а другіе въ бѣгахъ и отлучкахъ. Въ городѣ Ишимѣ изъ 600 приписанныхъ поселенцевъ, какъ

говорять, едва 100 найдется на лицо. Жизнь поселенца совершенно особенная въ деревняхъ. Они нанимають иногда, человѣкъ 10, одну избу. У нихъ одно ведро, одинъ зипунъ и они по очереди ходять по улицѣ. Сидять въ деревняхъ больше по кабакамъ, оборванные, пьяные, подбитые, а работать нейдутъ—жизнь крайне неприглядная и ничего не дающая для мѣста ихъ новаго поселенія. Есть и еще одинъ стимуль, вызывающій поселенца бѣжать съ мѣста поселенія, который обойти мы не можемъ—это любовь къ родинѣ. Какъ ни трудно, но большая часть ссыльныхъ желаетъ повидать ее. Эта вѣчно теплящаяся любовь, даже въ самомъ грубомъ сердцѣ, постоянно влечетъ его къ мѣстамъ, гдѣ протекли его лучшіе дни, гдѣ онъ оставилъ все родное, любимое и, наконецъ, свое счастье. Ему грезится всегда его земля съ родными дубами, съ широкой Волгой или Окой, съ красивыми городами и золотыми куполами, онъ мечтаетъ о ней, какъ изгнанникъ, и вотъ онъ добивается дойти до нея всѣми средствами, не смотря ни на какія трудности. Всѣ они попадаютъ самое дальнее на границѣ тобольской губерніи съ пермскою, но они все-таки идутъ, и трепетная надежда авось дойти не покидаетъ, несмотря на несбыточность мечты. Я видѣлъ много такихъ пробравшихся и рѣдко кто изъ нихъ обращаетъ вниманіе на практическую сторону своей задачи. Всѣ они руководствуются только инстинктомъ бродяги. Иногда безъ всякихъ особенныхъ вынуждающихъ обстоятельствъ идетъ поселенецъ изъ одного того, что онъ въ ссылкѣ. Такіе часто встрѣчаются, какъ говорятъ сами бродяги. «Да изъ-за чего ты бѣжалъ, спрашиваютъ его»—«Да, какъ же, отвѣчаетъ онъ, меня *натѣсно* на поселенье сослали». Всѣ ихъ пѣсни наполнены жалобами на одиночество: «мальчишки въ чужой дальней сторонѣ».

Непривлекательна такимъ людямъ Сибирь, не свыкнутся они съ нею, она всегда для нихъ останется страной изгнанія; страданія и наказаній. Имъ не приглянутся ея пространства, ея крѣпкіе лѣса, дѣйственная природа, требующая титаническаго труда для успѣшной борьбы съ нею; неприглянутся, потому что они не пришли свободно создать себѣ здѣсь благосостояніе, а пришли поневолѣ, нехотѣ, на муку и испытаніе. Не такимъ людямъ суждено заселить и обработать Сибирь.

Послѣ поселенцевъ въ бродячемъ людѣ является болѣе всего дезертировъ и рекрутовъ; они здѣсь скрываются подъ именемъ «непомнящихъ родства». Всѣ они стремятся обойти службу и выдти, по крайней мѣрѣ, «на вольное поселеніе», но поступаютъ въ общій

смыслный водоворотъ и проводятъ жизнь только бродягами и каторжниками. О побѣгахъ изъ войскъ извѣстны слѣд. официальные цифры. Въ 1856 г. бѣжало въ Россіи 4,294 человѣка, въ 1857 г. 5,791, въ 1858 г. 5,163, но цифры прежде были несравненно крупнѣе. Обыкновенно перемѣщеніе бродяжествъ съ русской почвы въ Сибирь какъ дезертировъ, такъ и свободныхъ сословій дѣлается путемъ юридическимъ. Бѣглецъ изъ полковъ или чѣмъ нибудь побуждаемые крестьяне переходятъ въ Россіи изъ одной губерніи въ другую и здѣсь, взятыя за бѣглецовъ, за необъявленіе званія, отправляются въ Сибирь на поселеніе. Съ поселенія они немедленно уходятъ и продолжаютъ бродить по Сибири уже болѣе безопасно.

(Продолженіе съ слѣд. кн.)

ПѢСНЯ О ХОРОШЕЙ ЖЕНЩИНѢ.

(Изъ юг. Шерра.)

Она родилася крестьянкой простой...
Незлюбива сердцемъ, прекрасна собой,

Всегда весела за работой,
По нраву проста и скромна;
Въ нуждѣ помогала она
И словомъ и дѣломъ съ охотой.

Хоть библіи, прозы и даже стиховъ
Она не читала въ тиши вечеровъ

И вовсе читать не умѣла, —
Но дѣтямъ всегда и во всемъ,
Какъ честная мать, образцомъ
Служила для каждаго дѣла.

Батрачку взяла она въ домъ для подмогъ,
А мужъ-то пошелъ — разсуди его Богъ! —

Дорогой грѣха на несчастье:
У дѣвушки стали чрезъ нѣсколько дней
И юбки короче, и платья тѣснѣй —
И все отъ любовнаго счастья.

Замѣтивъ, что горе надъ домомъ стряслось,
Хозяйка не тратила вздоховъ и слезъ,

На брань у ней силъ не хватило, —
Она въ свою спадню ушла
И тамъ, какъ спаслася отъ зла,
У Бога совѣта просила.

И планъ былъ составленъ. Кротка и тверда,
Она объяснилася съ мужемъ тогда

Объ дѣлѣ, обдуманномъ строго,
И мужъ передъ честной женой
Безмолвно поникъ головой,
Какъ грѣшникъ передъ образомъ Бога.

Когда же насталъ ожидаемый мигъ,
То слышенъ былъ первый младенческій крикъ.

Въ дому на хозяйской постели;
Хозяйка ласкала дитя
И думали всѣ, не шутя,
Что сынъ былъ ея въ самомъ дѣлѣ.

Бѣдняга, не знавшая лжи никогда,
Лгала предо всѣми теперь безъ стыда

И, няньчась съ батрачкой больною,
Лелѣя ее словно дочь,
Умѣла ей скоро помочь
Стать добраго парня женою.

А мальчикъ, хоть стоилъ ей горя и слезъ,
Какъ сынъ, на рукахъ ея ласковыхъ взросъ...

О томъ же, что грудь истерзало,
Что жизнь ей смутило, — она,
Безмолвная, знала одна, —
Разсказывать людямъ не стала.

А Михайловъ.

ДРУЗЬЯ — ХУЖЕ ВРАГОВЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Подвѣнечное платье.

Пятое октября.

Весь городъ щеголялъ яркими девизами и былъ драпированъ флагами согласно съ волею диктатора, отправлявшаго такимъ образомъ каждое федеральное празднество. Въ нынѣшній день приходилась годовщина зубной боли, которая въ 1820 году помѣшала Розасу войти въ крѣпость вмѣстѣ съ отрядомъ милиціонеровъ, которыми онъ командовалъ въ войскѣ генерала Родригера. Несмотря на то, что милиція сражалась безъ своего начальника, тѣмъ не менѣе Розасъ праздновалъ эту оказію, какъ свой блистательный военный подвигъ.

Однако оставимъ не надолго городъ и прежде чѣмъ спустимся съ возвышенности Балькарсе, окинемъ мѣстность бѣглымъ взглядомъ.

Кругомъ и въ вышинѣ разлито цѣлое море свѣта. Небесный сводъ прозраченъ, какъ чистая совѣсть. Воздухъ нѣженъ и ласковъ, какъ дыханіе матери.

Привѣтливая, тучныя поля купаются въ волнахъ лучезарнаго блеска; все полно нѣги, отрады, надежды, все представляетъ разительный контрастъ съ могильнымъ увнѣемъ, омрачающимъ сосѣдній городъ.

Спустился внизъ.

Здѣсь мы встрѣтимъ еще болѣе ослѣпительную, дивную красоту, еще болѣе рѣзкій контрастъ или скорѣе насмѣшку надъ всѣмъ, что происходитъ вокругъ; словомъ, мы увидимъ Амалію,—Амалію—во всемъ блескѣ ея красоты, Амалію,—ровняющую слезу радости...

Въ это время Амалія была добыча, оспариваемая счастьемъ и гибелью, жизнью и смертью.

Войдемъ.

Зала очаровательнаго дома въ Предмѣстьѣ возвратила себѣ всю прежнюю изящную обстановку и блескъ Золотое солнышко, проникая сквозь жалюзи и гардины, освѣщало своими матовыми лучами ковры и мебель; въ комнатахъ разносился ароматъ розъ и фіалокъ, гіацинтовъ и левкоевъ, красовавшихся въ маленькихъ вазахъ изъ раззолоченнаго фарфора и тишина въ комнатахъ едва прерывалась шелестомъ вѣтра между ближними деревьями.

Въ залѣ никого не было. Молодая хозяйка, вмѣстѣ съ Луизой, находилась въ уборной и расчесывала передъ большимъ зеркаломъ свои роскошныя, распущенныя волосы.

Въ ту минуту когда мы входимъ, Амалія, остановившись передъ однимъ изъ гардеробныхъ шкаповъ, разсматривала великолѣпное блондовое платье съ широкими бѣлыми лентами у пояса и на рукавахъ.

Долго глядѣла красавица на эту роскошную, почти воздушную одежду, тогда какъ маленькая Луиза, слѣдя за всѣми движеніями своей госпожи, также любовалась платьемъ и прикасалась къ нему своими пальцами.

— Вотъ это будетъ хорошо, Луиза, это самое нарядное, сказала, наконецъ, Амалія, осматривая роскошное платье со всѣхъ сторонъ.

— Я тоже думаю, сеньора. Неудобно ли вамъ будетъ на-

дѣтъ? — И она подала платье, которое Амалія тотчасъ же надѣла.

— Отлично, сеньора, чудо, какъ хорошо! говорила Луиза, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы лучше полюбоваться костюмомъ своей госпожи.

Но вдругъ Амалія, покачавъ головой, сказала съ недовольной миной:

— Нѣтъ, мнѣ что-то не нравится.

— Помилуйте, сеньора...

— Нѣтъ, нѣтъ, Луиза, не нравится, развяжи скорѣе. Можетъ быть, это и капризъ, но я хочу быть разборчива въ нарядѣ сегодня, въ первый и, безъ сомнѣнія, въ послѣдній разъ въ жизни.

— Полно вамъ, сеньора, такъ кручиниться!.. Вотъ вы увидите, какъ будете разъѣзжать въ Монтевидео по всѣмъ баламъ, театрамъ, словомъ вездѣ, — и мы каждый день будемъ также перерывать шкапы, какъ сегодня, сказала Луиза, складывая платье на кресло.

— Нѣтъ, Луиза, я желаю принарядиться только сегодня, — въ этотъ день за все время моей жизни. Подай мнѣ другое платье.

— Ну, право же, сеньора, я пожалуюсь на васъ завтра сеньору донъ-Эдуардо.

— Завтра?.. Нѣтъ, завтра восходящее солнышко застанетъ насъ уже въ разлуку.

— Но не лучше ли было бы ему, сеньора, обождать нѣсколько дней, пока дѣла поправятся?

— Нѣтъ, Луиза, ждать болѣе нельзя ни одной минуты. Я приготовилась къ его отъѣзду всею душою, даже рѣшилась принимать поздравленія съ счастливымъ бракомъ въ это тяжелое, кровавое время. Пусть ѣдетъ сегодня. Только съ этимъ условіемъ я и согласилась идти къ вѣнцу. Я полечу вслѣдъ за нимъ, какъ только будетъ возможно вырваться изъ этого страшнаго вертепа преступленій.

— Вотъ ужъ загуляемъ мы, когда соберемся всѣ въ Монтевидео!..

— Да, въ Монтевидео, проговорила Амалія, надѣвая другое платье, поданное ей Луизой.

— А вы замѣтили, сеньора, какъ поправилась въ нѣсколько дней мамаша доньи-Флоренсии?.. Такая стала бодрая...

— О, какъ они обрадуются послѣ завтра.

— А здѣсь, сеньора, даже птички не хотятъ пѣть, поглядите-ка! — И Луиза указала своимъ крошечнымъ пальчикомъ на раззолоченныя клѣтки любимцевъ Амаліи, которые также возвратились въ свой привѣтливый уголокъ изъ *пустого дома*.

— Въ самомъ дѣлѣ, Луиза, вѣдъ наши птички сегодня со всѣмъ не пѣли, замѣтила ты?.. сказала Амалія, быстро взглянувъ на клѣтки и какъ бы вдругъ припоминая себѣ что-то забытое.

— Да полно вамъ, сеньора, вы все говорите о такомъ грустномъ!

— Хорошо, хорошо. Будемъ говорить о нашемъ свадебномъ нарядѣ... Сегодня я хочу быть счастлива! вполне счастлива... Ну, что, какъ тебѣ это нравится.

— Чудесно, сеньора, а все не такъ, какъ то, что съ блондами...

— Такъ я выбираю это.

— Да послѣ перваго у насъ лучшаго нѣтъ въ цѣломъ гардеробѣ, сказала Луиза, отходя на конецъ туалетнаго стола, чтобы издали поглядѣть на Амалію, которая осматривалась, то въ большомъ зеркалѣ, то въ зеркалахъ гардеробныхъ шкаповъ, радуясь, что, наконецъ, нашла платье по своему вкусу.

— Да, да, именно это я надѣну. Разстегни-ка Луиза, только осторожно.

— Готово, сеньора.

— Теперь иди въ залу и принеси мнѣ оттуда всѣ розы.

Минуту спустя Луиза возвратилась и подала своей госпожѣ вазу съ розами.

Долго Амалія любовалась своими розами и вдыхала ихъ ароматъ, наконецъ выбрала одну изъ нихъ, которую помѣстила въ хрустальную раззолоченную вазу, стоявшую на ея изящномъ туалетѣ.

— Подай мнѣ брильянты, Луиза, сказала Амалія, опуская роскошный цвѣтокъ въ воду.

Но въ это самое мгновеніе, по причинѣ ли значительнаго

діаметра вазы или вслѣдствіе наклоненнаго положенія цвѣтка, роза упала на мраморную плиту стола, а оттуда на полъ.

Амалія быстро нагнулась, чтобы поднять ее, но еще быстрой въ головѣ молодой женщины промелькнуло зловѣщее раздумье.

— Странно! проговорила она, поднимая розу, — со мною это случилось уже два раза и каждый разъ падала бѣлая роза: въ тотъ день, когда я впервые отдала ему мое сердце и теперь, когда отдаю руку.... Однако... поторопись, Луиза, сказала эта мужественная женщина, видимо боровшаяся цѣлый день съ смущавшими ее опасеніями.

Когда она просунула пальцы сквозь раззолоченную рѣшетку, одинъ изъ щегленковъ издалъ звукъ странный, протяжный, скорѣе похожій на жалобный стонъ, чѣмъ на естественную модуляцію этихъ хористовъ природы.

Амалія видимо смутилась и напрасно качала руками кѣтку, причемъ обыкновенно щегленки заливались прежде своею рѣзвой пѣснью, теперь они молчали и только вяло перескакивали съ одной жердочки на другую.

— Что случилось съ нашими птичками, сеньора? спросила Луиза съ удивленіемъ, видя въ первый разъ такое уныніе маленькихъ пернатыхъ артистовъ.

— Не въ духѣ что-то! замѣтила Амалія, повернувъ голову къ Луизѣ и потупивъ глаза въ тяжеломъ раздумьи;—тоскуютъ, бѣдняжки!.. продолжала она грустнымъ голосомъ; потомъ она медленно подошла къ окну, выходящему на дворъ, отдернула гардину, взглянула въ лазоревую вышину неба и долго слѣдила за маленькой, бѣловатой тучкой, подобно легкому перышку, убѣгавшей въ освѣщенномъ эфирѣ.

— Какой прекрасный день! сказала Амалія,—все такъ спокойно, такъ привѣтливо, только душа моя все чего-то ноетъ, ноетъ... Который часъ, Луиза?

— Прибило три, сеньора.

— Итакъ, чрезъ пять часовъ!... Приведи же все въ порядокъ, Луиза!

Говоря это, Амалія опустила гардины, покачала головою, что дѣлала всякій разъ, когда хотѣла избавиться отъ какихъ ни-

будь докучливыхъ мыслей, и затѣмъ прошла изъ уборной въ свою спальню, затворивъ за собою дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мистеръ Следъ.

Теперь мы должны попросить у читателя позволенія нѣсколько отступить назадъ и возвратиться къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ нашей правдивой повѣсти.

Послѣ описанныхъ уже нами происшествій въ Санъ-Исидро, Эдуардо оставался совершенно безъ убѣжища, такъ какъ у Даніэля и Амаліи онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставаться и одной ночи. Вѣчно дѣятельный, никогда не падавшій духомъ Даніэль рѣшилъ вывѣдать отъ британскаго резидента, — разумѣется съ соблюденіемъ строжайшей осторожности, — нельзя ли было помѣстить Эдуардо на нѣсколько дней въ домъ англійскаго консульства. Въ то же время Даніэль командировалъ съ тою же цѣлю въ два монастыря своего почтеннаго наставника донъ-Кандидо Родригеца, который, выдавая себя за дядю одного безвинно преслѣдуемаго молодого гражданина, долженъ былъ склонить, того или другого изъ настоятелей—дать убѣжище преслѣдуемому въ стѣнахъ обители, какихъ бы матеріальныхъ жертвованій это ни стоило. Но попытка у кавалера Мандевилля окончилась совершенно безуспѣшно. Даніэль и Бельграно простились съ британскимъ резидентомъ, принявшимъ ихъ, впрочемъ съ самой изысканной любезностью, какъ къ подѣзду подкатилъ экипажъ, въ которомъ сидѣлъ донъ-Кандидо, возвращавшійся изъ своей монастырской экспедиціи, чтобы соединиться здѣсь съ своими молодыми спутниками.

Приторная любезность господина Мандевилля до того взбѣсила горячаго Эдуардо, что его фраза при разставаніи сильно походила на дерзость, однако, несмотря на это, слухъ его не обманулъ, и Эдуардо сообщилъ своему пріятелю о подѣзжавшемъ экипажѣ.

Дѣйствительно, карета стояла у параднаго подъѣзда и сидѣвшій въ ней донъ-Кандидо испустилъ изъ своей стѣсненной груди порядочное количество воздуха, когда опять находился вмѣстѣ съ Даніэлемъ и Эдуардо, которыхъ оставилъ у британскаго резидента, уѣзжая по своему порученію въ экипажѣ Даніэля. Лошади мѣрно поѣхали далѣе по тому же направленію, какъ еще прежде Даніэль приказывалъ своему вѣрному слугѣ, когда всходилъ по парадной лѣстницѣ къ господину Мандевиллю.

Какъ только экипажъ заколыхался по безсовѣстно ухабистой улицѣ Реконкиста, Даніэль спросилъ донъ-Кандидо:

— Ну-съ, по какому маршруту?

— Что такое, Даніэль?..

— Къ св. Доминику или къ св. Франциску?

— Видишь ли, я долженъ рассказать тебѣ все, какъ есть, по порядку, обстоятельно и...

— Я все желаю знать, но нужно начать съ конца, чтобы приказать вчеру, куда ѣхать.

— Да ты непременно этого хочешь?

— Ну да, ну да, тысячу чертей!..

— Хорошо, хорошо, но ты не разсердишься?

— Говорите же или мы вышвырнемъ васъ на мостовую! вскричалъ Эдуардо, бросая яростный взглядъ на донъ-Кандидо.

— Эки головы, эки огненные, шальные головы!.. Такъ знайте же, свирѣпые юноши, мое дипломатическое порученіе не увѣнчалось успѣхомъ.

— Неужели его не хотятъ принять ни у св. Доминика, ни у св. Франциска? спросилъ Даніэль.

— Нигдѣ.

Даніэль наклонился туловищемъ и, отворивъ переднее окошко, сказалъ слова два Фермину, послѣ чего лошади понеслись болѣе рѣзвой рысью все по той же улицѣ Реконкиста, направляясь къ крѣпости.

— Итакъ, продолжалъ донъ-Кандидо, — чуть только экипажъ остановился у доминиканскаго монастыря, я вышелъ, вошелъ, перекрестился и вступилъ въ мрачныя уединенныя стѣны свя-

той обигели; потомъ остановился, ударилъ въ ладоши, и послушникъ, зажигающій фонарь, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Я освѣдомился о здоровьи всѣхъ и спросилъ, гдѣ обитаетъ преподобный отецъ, котораго ты мнѣ называлъ. Меня ввели въ его келью, и послѣ обычныхъ привѣтствій я не могъ не отозваться съ сочувственной похвалою о той спокойной, счастливой и святой жизни, какою онъ наслаждался въ этомъ убѣжищѣ мира и тишины. Сказать вамъ надо, юные сеньоры мои, что я съ самой ранней молодости имѣлъ призваніе, склонность, непреодолимое влеченіе къ монастырской жизни. И когда теперь я вспомню, что могъ бы пользоваться безмятежнымъ спокойствіемъ подъ священными сводами божьей обители, вдали отъ политическихъ тревоженій, за крѣпкими воротами, запирающимися послѣ вечера, — то не могу простить себѣ моей неразумности, моей вѣтренности, моей умственной слѣпоты. Наконецъ...

— Да, да, подавайте намъ конецъ, конецъ лучше всего, мой уважаемый наставникъ.

— Итакъ, я сію же минуту безъ обиняковъ формулировалъ мои главныя предложенія.

— И совершенно напрасно.

— Да развѣ не для этого я къ нему явился?

— Все это такъ, но мы никогда не должны начинать съ того, что составляетъ предметъ нашихъ домогательствъ.

— Да пусть ужъ рассказываетъ далѣе, замѣтилъ Эдуардо, потягиваясь въ углу кареты, какъ будто имъ только и было хлопотъ, какъ бы заснуть хорошенько.

— Продолжайте, сказалъ Давіэль.

— Изволь, мой другъ. Я объяснилъ ему просто и обстоятельно положеніе одного моего племянника, который, будучи безукоризненнымъ федераломъ, тѣмъ не менѣе не избѣжалъ преслѣдованій, благодаря личной враждѣ и худонаправленной ревности злоумышленныхъ людей, недостаточно уважавшихъ славу и честь патриархальнаго правительства нашего достославнаго Возстановителя Законовъ и его достопочтенное семейство. Съ невозможнымъ краснорѣчіемъ и одушевленіемъ я изложилъ біографію всѣхъ членовъ почтенныхъ семействъ высокопревосходительнаго сеньора губернатора и его превосходительства ми-

нистра-нашѣтника, сказавъ въ заключеніе, что ради чести этихъ пресвѣтлыхъ вѣтвей федеральнаго древа, религія и политика не должны были допустить, чтобы была нанесена какая либо обида моему милому племяннику, представившему уже классическія доказательства федеральной доблести и постоянства; было бы неловко, завершилъ я, беспокоить сеньоровъ губернаторовъ и другихъ высокихъ чиновниковъ, серьезно занятыхъ въ настоящее время животрепещущимъ вопросомъ объ американской независимости, а потому я слезно прошу преподобныхъ отцевъ предоставить въ ихъ обители убѣжище моему невинно гонимому племяннику, оказать ему всяческую защиту и покровительство, а ужъ насчетъ денежнаго вознагражденія я, молю, не стою,—и заплачу хоть золотомъ, хоть кредитными билетами, какъ будетъ благоугодно распорядиться преподобнымъ отцамъ. Такова въ общихъ чертахъ была моя рѣчь, которою я открылъ конференцію. Но вопреки всѣмъ моимъ ожиданіямъ и всякой предусмотрительности преподобный отецъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ очень желательно было бы, сеньоръ, быть вамъ полезнымъ, но мы не можемъ мѣшаться въ политическія интриги, а тутъ ужь, вѣрно, не безъ того, если преслѣдуютъ вашего племянника.

— Протестую разъ, протестую другой, протестую третій, сказала я,—противъ всего, что можетъ быть поставлено въ укоръ моему невинному племяннику.

— Это дѣло ваше, отвѣчалъ онъ,—мы же не можемъ затѣвать ссору съ сеньоромъ донъ-Хуаномъ-Мануэлемъ; единственное, что мы можемъ сдѣлать—это молить Господа, да призоветъ онъ, милосердный, невинность вашего племянника, буде таковой, дѣйствительно, невиненъ.

— Аминь, сказалъ Эдуардо, на что донъ-Кандидо продолжалъ:

— Тоже самое отвѣчалъ и я, вставая и принося тысячу извиненій въ томъ, что напрасно отнялъ время у его преподобія. Теперь перехожу къ конференціи съ францисканцами.

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно о монахахъ, пора бы покончить со всѣмъ, даже съ самой жизнью, потому что это не жизнь, а настоящій адъ!.. вскричалъ Эдуардо, съ силою ударивъ себя по лбу рукою.

— Все это, мой другъ, замѣтилъ Даніэль, — ничто иное, какъ одинъ актъ изъ драмы, называемой жизнью, — жизнь нашего общества и времени, которая представляется самой грандіозной драмою на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Но только слабыя души поддаются отчаянію въ борьбѣ съ злой мачихой — судьбою. Вспомни, что это были послѣднія слова Амалии при разставаніи съ тобою. Она — женщина, но право лучше умѣетъ владѣть собою.

— Спокойно, мужественно умереть — дѣло совсѣмъ иное. Но это хуже смерти, потому что это униженіе. Со вчерашняго дня я уже не знаю, куда приклонить голову. Слуги мои отъ меня разбѣжались, немногіе родственники отрекаются отъ меня; иностранцы, даже церкви, запираютъ передо мною двери... Это хуже, во сто, въ миллионъ разъ хуже удара кинжаломъ.

— Но за тебя стоитъ всею душою женщина, какихъ на свѣтѣ немного, и другъ, способный бороться долго и мужественно. Любовь и дружба охраняютъ тебя, а вѣдь не всѣ граждане Буэнос-Айреса располагаютъ этими средствами къ защитѣ. Вотъ ужъ три дня, какъ ты не имѣешь ни кола, ни двора и никакого пристанища. У тебя разграблено, конфисковано все имущество до послѣдней нитки. И однако мнѣ удалось спасти для тебя болѣе миллиона піастровъ. И съ такою очаровательною невѣстою, какъ Амалия, съ такимъ другомъ, какъ я, съ довольно крупнымъ капиталцемъ, право, грѣшно черезъ чуръ роптать на свою судьбу.

— Да вѣдь я слоняюсь, какъ нищій!

— Полно говорить вздоръ, Эдуардо.

— Куда мы ѣдемъ, Даніэль? Мнѣ кажется, что мы приближаемся къ Ретиро.

— Вамъ кажется совершенно вѣрно, мой возлюбленный наставникъ.

— Да ты въ своемъ ли умѣ, голубчикъ!!..

— Надѣюсь, сеньоръ.

— Будто ты не знаешь, что въ Ретиро расположенъ полкъ генерала Ролона и часть команды Масы?

— Знаю съ.

— Чтожъ, ты хочешь, чтобъ насъ заграбастали?!

— Это какъ случится.

— О, вѣтъ, нѣтъ, Даніэль, для чего жертвовать собою такъ скоро.. Еще и насъ, можетъ быть, ждутъ впереди счастливыя, солнечныя деньки!.. Воротимся, сыночекъ мой, соколикъ мой, воротимся... Вотъ... вотъ ужь подъѣзжаемъ къ казармѣ. Воротимся же, послушай.

Даніэль опять нагнулся къ переднему окошку и сказалъ нѣсколько словъ Фермину; экипажъ повернулъ на право и чрезъ двѣ минуты стоялъ передъ подъѣздомъ великолѣпнаго дома сеньора Лаприды, гдѣ жилъ тогда мистеръ Слэдъ — консулъ Соединенныхъ Штатовъ. Большія желѣзныя ворота были заперты и въ ста шагахъ отъ рѣшетки чуть видѣлся свѣтъ въ нижнемъ этажѣ зданія.

Даніэль постучался съ силою два раза, но никто не явился.

— Поѣдемъ назадъ, душечка Даніэль, безпрестанно твердилъ донъ-Кандидо, не выходя изъ экипажа и не сводя глазъ съ карауловъ, совершенно притихнувшихъ въ это позднее время, такъ какъ десятый часъ ночи былъ уже въ исходѣ.

Даніэль постучался сильнѣе и скоро увидѣлъ человѣка, мѣрными шагами приближавшагося къ воротамъ. Этотъ человѣкъ подошелъ къ Даніэлю, взглянулъ на него съ невозмутимою флегмою и спросилъ по-англійски:

— Что угодно?

Даніэль отозвался съ тѣмъ же лаконизмомъ:

— Мистеръ Слэдъ?

Тогда слуга, не пронося ни слова, вынулъ ключъ изъ кармана и отперъ массивныя ворота.

Донъ-Кандидо рѣшился, наконецъ, выйти изъ экипажа и, протиснувшись между Даніэлемъ и Эдуардо, пошелъ вмѣстѣ съ ними вслѣдъ за слугою.

Слуга ввелъ ихъ въ небольшую переднюю, гдѣ знакомъ пригласилъ немного обождать, а самъ вошелъ въ смежную комнату.

Минуты черезъ двѣ онъ возвратился назадъ и посредствомъ той же пантомимы далъ знать, что имъ можно войти.

Приемная зала была освѣщена только двумя сальными свѣчами.

Мистеръ Слэдъ лежалъ на жесткомъ набитомъ шерстью диванѣ, въ шафрокѣ, безъ жилета, безъ галстука и безъ сапогъ. Предъ

диваномъ на стулѣ стояли двѣ бутылки — одна съ коньякомъ, другая съ водою — и стаканъ.

Даніэль зналъ консула Соединенныхъ Штатовъ только по наружности, но молодому человѣку былъ хорошо извѣстенъ національный характеръ сѣверо-американцевъ.

Мистеръ Слэдъ усѣлся съ неподражаемою флегмою, поздоровался съ посѣтителями, знакомъ приказалъ слугѣ подать стулья и принялся натягивать на себя сапоги и короткій сюртукъ съ такимъ безцеремоннымъ споконстіемъ, какъ будто бы совершенно одинъ находился въ комнатѣ.

— Нашъ визитъ будетъ непродолжителенъ, гражданинъ Слэдъ, сказалъ Даніэль по-англійски.

— Вы аргентинцы? спросилъ консулъ, мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ открытымъ, прямодушнымъ лицомъ и скорѣе шероховатую чѣмъ изящною осанкою.

— Да, сеньоръ, всѣ мы трое—здѣшніе, отвѣчалъ Даніэль.

— Это хорошо. Я очень люблю аргентинцевъ, — и консулъ приказалъ знакомъ своему слугѣ поподчивать ихъ коньякомъ.

— Отъ души вѣрю, сеньоръ, и потому я пришелъ предоставить вамъ случай выразить ваши симпатіи къ моимъ соотечественникамъ.

— Знаю.

— Неужели вы знаете, для чего я къ вамъ явился, сеньоръ Слэдъ?

— Знаю. Вы хотите укрыться подъ защитою флага Соединенныхъ Штатовъ, такъ?

Эта странная откровенность смутила Даніэля и онъ по-внѣлъ, что долженъ былъ держаться того же тона и потому отвѣчалъ совершенно спокойно, выпивъ пол-стакана воды съ коньякомъ:

— Да мы явились съ этой цѣлью.

— Хорошо. Вы уже здѣсь.

— Но вѣдь сеньоръ Слэдъ же не знаетъ нашихъ именъ, замѣтилъ Эдуардо.

— А для чего мнѣ ихъ знать, ваши имена? Здѣсь — флагъ Соединенныхъ Штатовъ, здѣсь оказываютъ покровительство всѣмъ людямъ, какъ бы они не назывались, возразилъ консулъ опять

разваливаясь съ невозмутимой фамиліарностью и нисколько не измѣняя своей позы. Тогда Даніэль всталъ съ мѣста п, сильно пожимая его руку, сказалъ ему:

— Вы настоящій сынъ самой свободной и самой демократической націи ХІХ вѣка.

— И самой сильной, добавилъ Слэдъ.

— Да, и самой сильной, подтвердилъ Эдуардо,—потому что съ такими гражданами, какихъ можетъ выставить великая сѣверная республика, нація должна быть сильна. И молодой человекъ подошелъ къ балкону, обращенному къ рѣкѣ, чтобы скрыть вдругъ овладѣвшее имъ горестное волненіе.

— Хорошо, мистеръ Слэдъ, продолжалъ Даніэль,—однако не всѣ мы трое ищемъ у васъ убѣжища, а желаетъ остаться здѣсь только тотъ молодой человекъ, что всталъ съ мѣста. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе даровитыхъ молодыхъ гражданъ въ нашемъ отечествѣ и въ настоящее время подвергся преслѣдованіямъ. Не знаю, буду ли также я вынужденъ впоследствии искать для себя этого покровительства, но теперь мы просимъ васъ только за сеньора Бельграно — племянника одного изъ передовыхъ дѣятелей въ войнѣ за нашу независимость.

— А, хорошо. Вотъ—Соединенные Штаты.

— А не ворвутся они сюда? спросилъ донъ-Кандидо.

— Кто?! И при этомъ вопросѣ мистеръ Слэдъ сдвинулъ брови, поглядѣлъ на донъ-Кандидо и затѣмъ расхохотался.

— Я очень друженъ съ генераломъ Розасомъ, продолжалъ онъ.—Если онъ меня спроситъ, кто, да кто находится здѣсь, я ему скажу. А если прикажетъ вырвать ихъ отсюда силою, то у меня есть вотъ это,—и онъ указалъ пальцемъ на столъ, на которомъ лежали нарѣзной штуцеръ, пара пистолетовъ и большой кинжалъ,—а тамъ наверху у меня есть флагъ Соединенныхъ Штатовъ.

Онъ поднялъ руку и указалъ на крышу дома.

— И тутъ же и я къ вамъ на подмогу, сказалъ Эдуардо, возвратившійся отъ окна.

— Ладно, благодарю. Съ вами насъ двадцать.

— Неужели здѣсь уже собрались двадцать человекъ?

— Да, двадцать, преслѣдуемыхъ вашимъ правосудіемъ,

— Здѣсь!

— Да, въ другихъ комнатахъ и въ верхнемъ этажѣ; мнѣ говорили уже болѣе чѣмъ о сотнѣ другихъ, желающихъ тутъ поселиться.

— А!

— Пусть приходятъ, милости просимъ. У меня нѣтъ ни постелей, ни средствъ содержать все это общество; но здѣсь консульство и флагъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Прекрасно, безподобно, у насъ ни въ чемъ не будетъ недостатка; намъ нужно только ваше покровительство, благородный, великодушный, достойный потомокъ Вашингтона, потому что я также остаюсь здѣсь, сказалъ донъ-Кандидо, поднявъ вверхъ голову и стукнувъ объ полъ своей палкой съ такимъ серьезнымъ видомъ и рѣшимостью, что Даниэль и Эдуардо переглянулись между собою и не могли удержаться отъ смѣха. Это заставило Даниэля обратиться по-англійски къ мистеру Слэду и нѣсколько разъяснить ему личность и характеръ достойнаго каллиграфа. Эта бѣглая характеристика до такой степени развеселила простодушнаго мистера Слэда, что онъ самъ налилъ донъ-Кандидо и себѣ коньяку и, выпивъ вмѣстѣ съ нимъ, сказалъ:

— Съ этой минуты вы состоите подъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, и если васъ убьютъ, то я прикажу бомбардировать Буэносъ-Айресъ.

— Я не принимаю этой гипотезы, господинъ консуль и предпочитаю, чтобы Буэносъ-Айресъ сгорѣлъ прежде; а то меня сначала ухлопоютъ, а послѣ будетъ горѣть городъ. Нѣтъ, ужь слуга покорный?..

— Вы, конечно, понимаете, мой достойный сеньоръ донъ-Кандидо, сказалъ Даниэль, — что все это шутка и что вы должны возвратиться со мною.

— Нѣтъ, ужь какъ себѣ хочешь, а я не уйду отсюда; ты не имѣешь на меня болѣе никакихъ правъ, потому что я нахожусь въ иностранныхъ владѣнiяхъ. Здѣсь я проведу всю мою жизнь, охраняя драгоценное здравіе этого примѣрнаго дипломата, котораго я уже люблю всѣми силами моей благодарной души.

— Нѣтъ, сеньоръ донъ-Кандидо, позвѣжайте съ Даниэлемъ,

убѣждалъ Эдуардо, — вспомните, что завтра у васъ есть работа.

— Нечего тутъ толковать попусту — не ѣду и баста! И съ этой минуты прекращаются всѣ наши сношенія.

Даніэль всталъ съ мѣста и, отвѣдя донъ-Кандидо въ сторону, завязалъ съ нимъ довольно оживленный разговоръ, чтобы убѣдить его сѣсть опять въ экипажъ. Все было бы, однако, напрасно, если бы молодой человекъ въ угрозамъ не присоединилъ общанія не мѣшать донъ-Кандидо вернуться въ территорію Соединенныхъ Штатовъ завтра же, какъ только онъ, донъ-Кандидо, доставитъ Даніэлю нѣкоторыя нужныя свѣденія изъ канцеляріи губернатора-намѣстника.

— Наконецъ, сказалъ донъ-Кандидо, оканчивая свои условія, — я ставлю существенной статью нашего трактата, чтобы я переночевалъ сегодня у тебя, и чтобы завтра — и никакъ ни позже — переселился въ это гостепріимное почетное убѣжище.

— Господинъ консулъ, продолжалъ донъ-Кандидо, обращаясь къ Слэду, — въ эту ночь я буду лишень чести, удовольствія, отрады, видѣть надъ своей головой достославный сѣверо-американскій флагъ. Но я употреблю всѣ зависящія отъ меня усилія, чтобы быть здѣсь завтра.

— Хорошо, отвѣчалъ Слэдъ, — я выдамъ васъ только мертваго.

— Какой однако неумѣстной откровенностью отличаются эти сѣверо-американскіе гуси! прошепталъ донъ-Кандидо, взглянувъ на Эдуардо.

— Идемъ же, идемъ, мой другъ, сказалъ Даніэль.

— Ну, такъ и быть — идемъ, Даніэль.

Мистеръ Слэдъ лѣнливо приподнялся, простился по-англійски съ Даніэлемъ и, хлопнувъ по плечу донъ-Кандидо, сказалъ:

— Если мы не увидимся болѣе здѣсь, то встрѣтимся въ лучшемъ мѣрѣ.

— Э, коли такъ, то я не хочу идти, господинъ консулъ! И донъ-Кандидо сдѣлалъ движеніе назадъ, какъ бы желая опять остаться.

— Вѣдь съ вами шутятъ, мой почтенный наставникъ, замѣтилъ Эдуардо.

— Идемъ же, идемъ, уже не рано.

— Отъ этихъ шутокъ, у меня...

— Э, полноте вамъ, идемъ! До завтра, Эдуардо!

Долго молодые люди не выпускали другъ друга изъ объятий и при этомъ съ жаромъ между собою перешептывались.

— Побереги ее—были послѣднія слова Эдуардо при разставаніи съ его другомъ.

Тотъ же слуга, который прежде ввелъ посѣтителей къ своему господину, теперь проводилъ ихъ до воротъ. Когда онъ отпиралъ эти ворота, донъ-Кандидо обратился къ нему съ вопросомъ:

— Эти ворота всегда заперты?

— Да, отвѣчалъ слуга.

— А не лучше ли держать ихъ отворенными?

— Нѣтъ.

— Экій дьявольскій законизмъ! Замѣйте меня хорошенько въ лицо, мой дружокъ; признаете ли вы меня въ другой разъ?

— Да.

— Въ дорогу, сеньоръ донъ-Кандидо, сказалъ Даніэль, садясь въ экипажъ.

— Ъдемъ. Спокойной ночи, честный слуга благороднѣйшаго изъ консуловъ!

— Прощайте, отвѣчалъ слуга, запирая ворота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О томъ, какъ донъ-Кандидо Родригесъ сдѣлался родственникомъ Куитиньо.

Въ восемь часовъ утра, въ одинъ изъ послѣднихъ дней сентября мѣсяца, почтенный наставникъ Даніэля пилъ ужасными глотками горячій пѣнистый шоколадъ изъ огромной фарфоровой чашки, тогда какъ его прежній ученикъ изготовлялъ, складывалъ и запечатывалъ какія-то бумаги. По лицамъ обонхъ было видно что они всю ночь провели безъ сна.

— Даніэль, дружокъ мой, ангелъ мой, не лучше ли намъ всхрапнуть малую толику, хоть бы на минуточку?..

— Нѣтъ, сеньоръ, теперь не до того, -- послѣ. Вы мнѣ еще нужны на одну минуту.

— Но только пусть она будетъ послѣдняя, потому что я ей-же-ей убѣгу въ Соединенные Штаты. Ты знаешь, что прошло уже пять дней съ тѣхъ поръ, какъ я общалъ этому заслуженному и благороднѣйшему консулу переселиться въ его владѣнія.

— Да вы можете попасться, какъ куръ во щи, сказалъ Даніэль, запечатывая пакетъ.

— Какъ. Что такое?

— Вотъ то-то оно и есть! Мало ли что можетъ угрожать тѣмъ владѣніямъ...

— Нѣтъ, братъ, меня ты не проведешь. Вотъ еще сегодня ночью, когда ты писалъ, я просмотрѣлъ до пяти трактатовъ международнаго права и по двумъ курсамъ дипломатіи тѣ главы, въ которыхъ говорится о привилегіяхъ официальныхъ агентовъ и занимаемыхъ ими зданій. Даже экипажи такихъ лицъ, дружокъ Даніэль, пользуются правомъ неприкосновенности, изъ чего я заключаю, что мнѣ можно будетъ совершенно безопасно разѣжать въ каретѣ достойнаго консула, безъ страха, безъ непріятнаго волненія, безъ всякихъ камней преткновенія...

— Обратимся къ дѣлу, мой возлюбленный наставникъ. Слушайте внимательно то, что я буду читать и прочтите хорошенько принесенный съ вами подлинный документъ.

— Вотъ моя бумага, сказалъ донъ-Кандидо.

— То-есть, собственно говоря, бумага донъ-Феллипе.

— Да, но она принадлежитъ къ разряду особыхъ дѣлъ, которыми завѣдую я.

— Итакъ, приступимъ къ дѣлу, сказалъ Даніэль и прочиталъ списокъ лицъ арестованныхъ съ 15 числа сентября.

— Теперь посмотримъ мертвыхъ, сказалъ Даніэль, складывая бумагу, которую читалъ и взявъ другую.

— Остановись, подожди, мой возлюбленный и уважаемый Даніэль: оставимъ мертвыхъ въ покоѣ.

— Нѣтъ, я хочу взглянуть на сумму.

— Сумма проставлена здѣсь, Даніэль: всѣхъ — пятьдесятъ восемь въ двадцать два дня.

— Дѣйствительно такъ: пятьдесятъ восемь въ двадцать два дня.

И Даніэль, сложивъ также и эту бумагу, какъ прежнія, приложилъ къ нимъ свою печать.

— Остается еще маршрутъ дѣйствующаго отряда до Санта-Фе.

— А вотъ что я съ нимъ сдѣлаю, съ этимъ маршрутомъ, мой достойный наставникъ, — и Даніэль, поднеся бумагу къ пламени свѣчки, сжегъ этотъ документъ; затѣмъ заперъ всѣ пакеты въ потайномъ ящикѣ своего письменнаго стола. Потомъ, взявъ перо, молодой человѣкъ написалъ слѣдующее:

«Дорогой Эдуардо, вчера вечеромъ я пробылъ у Амаліи до одиннадцати часовъ; она, бѣдненькая, захворала. Нашъ неожиданный визитъ и беспокойство, овладѣвшее ею послѣ нашего отъѣзда, имѣли очень неблагоприятное вліяніе на ея здоровье, и когда я вспомню о моей излишней услужливости къ тебѣ, то, признаюсь откровенно, не вижу въ моемъ поведеніи ничего хорошаго.

«Страшный клубъ Висѣльниковъ продолжаетъ обогащать свои руки кровью. Тюрьмы, военные караулы и лагерь обратились въ настоящее позорище смерти, которая свирѣпствуетъ съ каждой минутой все болѣе, и я имѣю причины думать, что все это не что иное, какъ только прологъ къ еще болѣе ужаснымъ злодѣяніямъ, которыя готовятся на октябрь мѣсяцъ.

«Всѣ говорятъ о томъ домѣ, гдѣ ты нашелъ убѣжище, и уже ходятъ смутные слухи о томъ, что онъ подвергнется нападенію. Я этому не вѣрю, однако все-таки необходимо приготовить ко всему. Объ этой новости провѣдала также и Амалія. Она непременно хочетъ, чтобы брачный обрядъ былъ совершенъ перваго октября, такъ какъ ты рѣшилъ не оставлять родины до тѣхъ поръ, пока тебѣ не будетъ предоставлено это счастье, котораго такъ домогается твое сердце. Но я успѣлъ убѣдить ее, что мистеръ Дугласъ не можетъ быть здѣсь ранѣе пятаго числа, и она должна была покориться необходимости ждать до того времени.

«Все уже окончено, мой добрый другъ. Результатомъ переговоровъ съ Мако будетъ миръ. Однако, я все-таки буду ждать до послѣдней минуты, и уже послѣ того привезу къ тебѣ твою Амалію, какъ мы уже условились.

«Я принялъ уже всѣ мѣры, и съ минуты на минуту поджидаю сюда моего добраго отца.

«Въ эти два дня я не могу явиться къ тебѣ лично.

«Это письмо вручить тебѣ нашъ достойнѣйшій наставникъ, который твердо рѣшился не возвращаться оттуда: пусть его остается съ тобою. Обнимаю тебя сердечно.

Твой *Даніэль*.

— А вы ужь и задремали, сеньоръ донъ-Кандидо, сказалъ молодой человекъ, запечатывая письмо.

— Нѣтъ, любезный Даніэль, я размышлялъ.

— А, ну это другое дѣло.

— Да, я размышлялъ, что если бы почтенная матушка нашего сеньора губернатора не сочеталась бракомъ съ своимъ достойнымъ супругомъ, то весьма вѣроятно, что она не родила бы своего достославнаго сына, и мы не были бы поставлены въ необходимость расплачиваться за супружескую любовь этой высокоуважаемой сеньоры.

— Признаюсь вамъ, другъ мой, эти соображенія еще никогда не приходили мнѣ въ голову, отвѣчалъ Даніэль, передавая запечатанное письмо своему эксъ-наставнику.

— Здѣсь нѣтъ адреса, Даніэль.

— Онъ и ненуженъ. Это письмо къ Эдуардо, и вы ужь, пожалуйста, поберегите его хорошенько.

Даніэль собирался уже позвонить, но въ это самое мгновеніе раздался стукъ въ наружную дверь дома, и вошедшій слуга доложилъ далеко не спокойнымъ голосомъ:

— Капитанъ Куитиньо!

Донъ-Кандидо откинулся назадъ въ креслѣ и закрылъ глаза.

— Просить, сказалъ Даніэль.—Ободритесь, мой возлюбленный наставникъ, продолжалъ онъ,—это ничего не значить.

— Я уже мертвъ, совсѣмъ мертвъ, Даніэль, отозвался донъ-Кандидо, не открывая глазъ.

— Добро пожаловать, капитанъ, сказалъ Даніэль, вставая съ мѣста и встрѣчая Куитиньо, тогда какъ донъ-Кандидо, слышавъ въ кабинетѣ шаги страшнаго гостя, машинально вскочилъ на ноги, открылъ губы въ видѣ конвульсивной улыбки и протянулъ обѣ руки, чтобы схватить руку Куитиньо, усѣвшагося

въ углу стола, за которымъ наставникъ и ученикъ просидѣли такъ долго.

— Когда вы получили мою записочку, капитанъ?

— Часа два тому назадъ, сеньоръ донъ-Даніэль.

— Ужь не захворали ли вы, что являетесь такъ поздно?

— Нѣтъ, сеньоръ, было маленькое дѣльцо.

— Такъ, такъ, я впередъ это зналъ! Когда дѣло коснется пользы службы, дай Богъ чтобы всѣ были похожи на васъ! это же самое я говорилъ вчера сеньору президенту. Если мы желаемъ идти черепашинымъ ходомъ, какъ дѣласть начальникъ полиціи, такъ ужь лучше въ этомъ прямо признаться и не обманывать Возстановителя. Что касается до меня лично, капитанъ, то я ужь, право, позабылъ какъ это люди спятъ. Сегодня всю ночь я запечатывалъ въ пакеты вотъ съ этимъ господиномъ номера *Газетъ*, чтобы распространять ихъ повсемѣстно, такъ какъ Возстановитель желаетъ, чтобы вездѣ былъ извѣстенъ энтузіазмъ федераловъ.

Узнавъ, что Куитивьо явился по приглашенію Даніэля, донъ-Кандидо началъ по немногу приходить въ себя и Даніэль, укаывая на него, прибавилъ:

— Вотъ еще недавно этотъ господинъ замѣтилъ мнѣ одно обстоятельство, довольно хорошо извѣстное вамъ самимъ, какъ я полагаю.

— Что же это такое, донъ-Даніэль?

— Да то, что въ *Газетъ* нѣтъ и помину ни о васъ, ни о другихъ федералахъ, ежечасно рискующихъ жизнію для защиты федераціи.

— Стало быть тутъ даже не печатаются донесенія?!

— Кому вы ихъ представляете, капитанъ?

— Теперь обращаюсь съ ними въ полицію, съ тѣхъ поръ, какъ Возстановитель находится съ походѣ. Ужь правду сказать, сеньоръ донъ-Даніэль, хлопотъ не оберешься и все по пустому, какъ этотъ сеньоръ замѣтилъ совершенно справедливо.

— О, сеньоръ капитанъ, сказалъ донъ-Кандидо, — кого не удивить это неблагодарное молчаніе о человѣкѣ, оказавшемъ такія неоцѣненные заслуги!..

— И замѣьте не со вчерашняго дня.

— Еще бы, помиуйте! поддакнулъ донъ-Кандидо — еще до рожденія вы уже имѣли права на общественное уваженіе, такъ какъ сеньоръ Кунтиньо, вашъ батюшка, принадлежалъ къ одной изъ нашихъ древнѣйшихъ знаменитѣйшихъ фамилій. Одинъ изъ вашихъ достопочтеннѣйшихъ дядей, сеньоръ капитанъ, какъ я слышалъ отъ своихъ родителей, былъ женатъ на одной изъ двоюродныхъ сестеръ моей матери, почему я всегда питалъ къ вамъ глубокую родственную симпатію, еще больше скрѣпляющую нашу тѣсную федеральную солидарность.

— Такъ значитъ вы приходитесь мнѣ съ родни? спросилъ Кунтиньо.

— Помиуйте, да я вамъ даже очень близкій родственникъ, отвѣчалъ донъ-Кандидо: одна и таже кровь течетъ въ нашихъ жилахъ и потому мы должны оказывать другъ другу пріязнь, любовь и покровительство въ видахъ сохраненія нашей крови.

— Если я буду въ чемъ нибудь полезенъ...

— Такъ уже не публикуются и донесенія, капитанъ? прервалъ его Даніэль, опасаясь, чтобы донъ-Кандидо не высказался еще больше.

— Нѣтъ, сеньоръ. Вотъ и теперь я представилъ только-что донесеніе о дикомъ унитаріѣ Сальсесъ, и оно навѣрное не будетъ опубликовано.

— Какъ, бишь, зовутъ того унитарія?

— Сальсесъ, старикъ Сальсесъ. Мы вотъ только-что его прикололи.

Донъ-Кандидо закрылъ глаза.

— Онъ еще нѣжился въ постели, продолжалъ Кунтиньо, — но мы его живо вытащили на улицу и тутъ же съ нимъ покончили. Вчера я тоже представилъ донесеніе о томъ, что мы прирѣзали тукуманца Ла-Мадрита. Въ прошлый четвергъ мы уходили Саньюдо и семеро другихъ, и однако обо всемъ этомъ нѣтъ въ *Газетъ* ни слуху, ни духу. Что до меня, то я совершенно согласенъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ... какъ бишь его зовутъ.

— Кандидо, отвѣчалъ Даніэль, видя, что у владѣльца этого имени душа положительно ушла въ пятки.

— Да, такъ я сказалъ, что мой братъ Кандидо совершенно

правъ. Ну, ужъ теперь, когда начнется знатная рѣзня, я никому не намѣренъ отдавать отчета.

— Какъ! Неужели еще что нибудь начнется? спросилъ донъ-Кандидо голосомъ, который, казалось, скорѣе выходилъ изъ гроба, чѣмъ изъ живой человѣческой груди.

— Э, братъ, тутъ-то и будутъ настоящія ягодки!.. Мы уже имѣемъ приказаніе.

— Вы прямо его получили, капитанъ?

— Отъ *самого*, сеньоръ донъ-Даніэль. Теперь я слушаю одного Возстановителя. Знать не хочу никакой доньи Маріа-Хозефы.

— Порядкомъ, должно быть, вамъ насолила.

— И не говорите! Теперь снюхивается съ Гаэтаномъ, Бадіей и Тронкозо—и все посылаетъ ихъ въ Предмѣстье, все науськиваетъ на того дикаго, что убѣжалъ отъ насъ, какъ будто онъ давно уже не находится въ скопищѣ Лавалье.

— Эта сеньора, значитъ, и на меня точитъ зубы?..

— Нѣтъ, о васъ ничего мнѣ не говорила. А вотъ вашу двояродную сестрицу смерть какъ не любитъ.

— Я вамъ когда нибудь скажу, за что, капитанъ.

— Сегодня заперлась съ Тронкозо и негритяжкой изъ лавки, что находится насупротивъ того дома.

— Вонъ оно, что дѣлаетъ донья Маріа-Хозефа въ то время, какъ вы въ потѣ лица работаете для дѣйствительной пользы федераціи!

— Извѣстное дѣло—баба! Шпіонить за другими бабами!..

— Да, и эта черномазая служитъ ей подставной лазутчицей. Чѣмъ васъ подбивать, капитанъ?

— Благодаримъ покорно, донъ-Даніэль, я только-что позавтракалъ.

— Что слышали новенькаго?

— О чемъ?

— Не получали ли еще какого приказанія.

— Насчетъ чего-съ?

— Да вотъ хоть бы насчетъ Ретиро!

— А что тамъ такое?

— Ну, да—знаете, большой-то домина?

— А, консульскій?

— Ну, да, да?

— Приказанія-то еще нѣтъ, да-мы-то смекаемъ наше дѣло.

— Вотъ этимъ ихъ! И Даниэль поднялъ вверхъ свой правый кулакъ, тогда какъ у донъ-Кандидо, которому Даниэль показался настоящимъ іудею-предателемъ, волосы стали дыбомъ и глаза почти выскочили изъ своихъ впадинъ.

— Стало бытъ! отозвался Кунтиньо.

— Однако приказанія еще нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше, капитанъ.

— Это какъ же тѣмъ лучше?

— Да ужь я вотъ говорю, что эдакъ лучше, и поэтому-то я просилъ васъ къ себѣ. Вашъ родственникъ челоуѣкъ надозжнй и посвященъ во всѣ эти тайны.

— Въ чемъ же дѣло?

— Да, знаете, раненько еще начинать тревогу. Ихъ тамъ маловато. А вотъ когда домъ набьется биткомъ, тутъ-то мы и зададимъ трезвону, — эдакъ 8-го или 9-го числа.... понимаете?

— Идетъ, донъ-Даниэль! отозвался Кунтиньо съ дикой радостью, понявъ мысль Даниэля.

— Только всѣ вмѣстѣ.

Донъ-Кандидо рѣшительно ошалѣлъ и никакъ не могъ понять того, что слышалъ своими собственными ушами.

— Вотъ это будетъ поладнѣе, сказала Кунтиньо, — да только приказанія-то нѣтъ, донъ-Даниэль, вотъ въ чемъ вся штука.

— А безъ приказанія ни-ни... Я самъ хлопочу уже объ этомъ.

— И Санта Колома также.

— Знаю и это.

— Больно не любить онъ этого заморскаго шелопаю

— Знаемъ мы все, капитанъ.

— Подрался онъ съ нимъ, что ли.

— Да, именно подрался. Если я выхлопочу приказаніе, гуртомъ, — понимаете...

— Я со всѣми моими молодцами, донъ-Даниэль.

— А если, Санта-Колома постарается раньше, вы миѣ дадите знать?

— Еще бы!

— Это лучше. Миѣ непременно нужно быть тамъ самому, чтобы наши-то въ порывѣ федеральнаго энтузіазма не вздумали, чего добраго, напасть на бумаги консульства.

— Вонъ еще что!

— Это было бы крайне прискорбно Возстановителю и навлекло бы на республику непріятныя политическія столкновенія, — понимаете?

— Смекаю, донъ-Даніэль.

— Хотя бы Санта-Колома и получилъ приказаніе, я все-таки полагаю, что лучше обождать; пока ихъ наберется больше, — эдакъ къ 8-му или 9-му числу.

— Такъ-то, разумѣется, будетъ лучше.

— То-то будетъ потѣха, капитанъ!

— Мы всѣ ждемъ не дождемся.

— Значить, всѣ уже объ этомъ знаютъ?

— Всѣ; но до полученія приказанія мы не смѣемъ распорядиться сами.

— И похвально дѣлаете, вотъ это значитъ быть честными федералами.

— А знаете вы, что мы еще думаемъ?

— Говорите, капитанъ.

— Мы хотимъ держать засады вокругъ дома, начиная съ этой ночи.

— Отлично придумано; только имѣйте въ виду одно обстоятельство.

— Что такое?

— Не останавливайте никакого экипажа, задерживайте однихъ пѣшеходовъ.

— Отчего же экипажей нельзя?

— А оттого, что они могутъ принадлежать консулу, а этихъ-то ужъ ни подъ какимъ видомъ трогать нельзя.

— Почему такъ?

— А потому что они — консульскіе, а все что принадлежитъ консулу, находится подъ покровительствомъ Возстановителя.

— Вишь ты!..

— Задержать консульскую карету все равно, что задержать самого консула.

— Я этого не зналъ.

— Вотъ видите вы, какъ хорошо обо всемъ потолковать вмѣстѣ! Вѣдь Возстановителю было бы не совсѣмъ весело, если бы мы какимъ нибудь глупымъ поступкомъ вовлекли его въ новую войну.

— Я сейчасъ же извѣщу объ этомъ товарищей.

— Да, не теряйте времени, дѣло то, знаете, очень щекотливое.

— Что и говорить!

— И такъ, ничего безъ приказанія.

— Сохрани насъ Боже, сеньоръ донъ-Даніэль.

— А какъ получимъ приказаніе—обождемъ, пусть налѣзутъ побольше.

— Такъ, такъ.

— По рукамъ, капитанъ.

— По рукамъ, донъ-Даніэль. А я ужь имъ скажу, чтобы не трогали ни одного экипажа.

— Да ужь вы повидайтесь со всѣми.

— И такъ, Кандидо, если я могу тебѣ въ чемъ нибудь пригодиться, ты вѣдь знаешь, что я тебѣ не чужой.

— Благодарю тебя, мой достойный и нѣжно любимый братецъ, сказалъ донъ-Кандидо, вставая ни живъ ни мертвъ съ мѣста и взявъ руку, протянутую ему Кунтинью.

— Гдѣ ты живешь?

— Я, другъ мой, я живу..... живу здѣсь.

— Ладно, я буду тебя навѣщать.

— Душевно благодарю....

— Ну, а теперь до свиданія!

И Кунтинью вышелъ вмѣстѣ съ Даніелемъ, который, прощаясь съ нимъ въ залѣ, просунулъ руку въ свой боковой карманъ и сказалъ:

— Вотъ возьмите это, капитанъ; здѣсь пять сотъ піастровъ, присланныя мнѣ моимъ отцомъ, который поручилъ мнѣ раздѣлить эти деньги между бѣдными федералами, и ужь я попрошу васъ сослужить для меня эту службу.

— Будьте благонадежны, донъ-Даніэль. А когда пожалуетъ сюда сеньоръ донъ-Антоніо.

— Да вотъ жду его съ одной минуты на другую.

— Пожалуйста увѣдомьте меня, когда пріѣдетъ.

— Сочту пріятнымъ для себя долгомъ, капитанъ; дай Богъ всякаго благополучія и да поможетъ онъ вамъ съ прежнимъ усердіемъ служить нашему святому дѣлу.

И Даніэль, возвратившись къ письменному столу, взялъ листъ бумаги и принялся писать, нисколько не замѣчая донъ-Кандидо, по временамъ косившагося на него такими глазами, въ которыхъ отразилось негодованіе, смѣшанное съ какимъ-то глупымъ столбнякомъ. Между тѣмъ Даніэль писалъ слѣдующее.

«Эдуардо, я знаю положительно, что всѣ слухи, относящіяся къ нападенію на домъ Слэда, ограничиваются одними словами, такъ какъ на это нѣтъ никакого формальнаго приказанія. Однако консулъ хорошо сдѣлаетъ, если предупредить пріютившихся у него бездомныхъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не ходили пѣшкомъ, потому что домъ будетъ оцѣпленъ шпионствомъ. Но въ экипажѣ можно ѣздить безъ всякихъ опасностей и еще лучше, если экипажъ этотъ будетъ принадлежать самому мистеру Слэду. До свиданья».

— Теперь, мой дорогой наставникъ, вы возьмете съ собой два письма вмѣсто одного. И Даніэль поднялъ руку, чтобы вручить ему письмо, но донъ-Кандидо отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— О, нѣтъ, нѣтъ! Не думай, что ты можешь вовлечь меня въ твою черную измѣну...

— Вотъ тебѣ здравствуй! Да что вы бредите, что ли, достойнѣйшій братецъ Кунтиньо.

— Самому бѣсу доводится братомъ этотъ злодѣй, а не мнѣ!..

— Нѣтъ, ужь не отпѣкивайтесь; вы сами это сказали.

— Да, я самъ не знаю, что говорю, я ошалѣлъ, умою свихнулся въ этомъ опутывающемъ меня лабиринтѣ, сотканномъ изъ лжи, преступленія и измѣны! Кто ты, кто ты наконецъ! Опредѣли твое положеніе. Какъ ты осмѣлился говорить въ моемъ присутствіи о нападеніи на домъ, гдѣ я надѣюсь найти убѣжище, гдѣ пріютился этотъ юноша, котораго ты называешь своимъ другомъ, гдѣ....

— О, помилосердитесь, сеньоръ донъ-Кандидо! Неужели вамъ надо все разжевать и въ ротъ положить!..

— Да всё семь мудрецовъ Греціи ничего не разберутъ во всемъ, что я теперь слышалъ...

— Взгляните же на это, чудакъ вы эдакій! сказалъ Даніэль открывая вторую, еще не запечатанную записку и передавая ее донъ-Кандидо, котораго лицо и глаза дѣйствительно заставляли бояться за правильность его мозговыхъ отправленій.

— А! сказалъ онъ, прочитавъ записку во второй разъ и разинувъ ротъ.

— То то же и есть, что а! милѣйшій донъ-Кандидо. Это называется чужими руками жаръ загребать; это значитъ запутывать людей въ ихъ собственныхъ сѣтяхъ; заставлять ихъ теряться въ ихъ собственныхъ планахъ, дѣлать враговъ своими послушными орудіями,—въ этомъ, наконецъ, вся наука Ришелье, только въ миниатюрныхъ рамкахъ, потому что у насъ нѣтъ ни Англии, ни Ла-Рошели, да если бы онѣ здѣсь и были, то я дѣйствовалъ бы такимъ же точно образомъ. Ну-съ, теперь отправляйтесь съ Богомъ и спите спокойно въ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ.

— Сюда, сюда, къ моему сердцу, возлюбленный юноша, заставившій меня пережить одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ въ жизни.

— Пожалуй, обвинемся, но вамъ ужь пора садиться въ карету, достойнѣйшій братецъ Кунтиньо.

— Не оскорбляй меня, Даніэль.

— Итакъ, до завтра, нѣтъ, бишь, до послѣ-завтра.

— До свиданья, дорогой Даніэль.

И обѣдняжка донъ-Кандидо опять заключилъ въ объятія своего питомца, который, съ полчаса спустя старался заснуть, тогда какъ донъ-Кандидо, со вздернутымъ вверхъ носомъ, прогуливался во владѣніяхъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ онъ выржался. Эдуардо въ это время перечитывалъ корреспонденцію своего друга.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сердце—вѣщунъ.

Вечеромъ 5 октября. Мы опять возвращаемся въ Предмѣстье послѣ происшествій, уже описанныхъ въ предыдущихъ главахъ.

Но прежде обратимъ вниманіе на экипажъ, останавливающійся передъ домикомъ бѣдной наружности въ улицѣ Корріэнтеса; въ это же самое мгновеніе изъ домика выходитъ дряхлый священникъ, который затѣмъ садится въ экипажъ, кланаясь двумъ уже сидѣвшимъ тамъ и повидимому поджидавшимъ его сеньорамъ. Лошади немедленно понесли бойкой рысью, обогнули улицу Санпача, по направленію на югъ и при переѣздѣ чрезъ улицу Федерациі, кучеръ долженъ былъ придержать возжи, чтобы не наткнуться на трехъ всадниковъ, ѣхавшихъ со стороны поля на неподкованныхъ лошадяхъ и, какъ казалось, проскакавшихъ галопомъ уже порядочное разстояніе. Одинъ изъ всадниковъ, уже не молодой мужчина, казался начальникомъ другихъ по тому почтительному разстоянію, на которомъ они отъ него держались и по великолѣпной сбруѣ коня, какая употребляется между знатными гаучосами.

Пробило восемь часовъ.

Большая улица Предмѣстья была молчалива, какъ пустыня.

Взоръ терялся на далекомъ разстояніи и не замѣчалъ ни одного живаго существа, ни огонька, ни малѣйшаго признака жизни. Кругомъ—затишь, могильная затишь; только свѣжій вечерній вѣтерокъ тоскливо шелестилъ между древесными листьями.

Тутъ царство таинственнаго уединенія. Въ подобномъ мѣстѣ душа человѣка сосредоточивается въ себѣ самой и жгетъ ее, и мучитъ ее что-то неизвѣстное, неопредѣленное. Въ ночной темнотѣ въ воздухѣ возникаютъ призраки, порожденные самимъ воображеніемъ; тутъ кружатся духи, тамъ сходятся, расходятся, свуютъ какія-то туманныя видѣнья, онѣ внезапно зажигаются и потухаютъ, душа чувствуетъ какой-то смѣхъ, какіе-то стоны, и еще болѣе ноетъ она, и еще болѣе гнететъ ее что-то назойливо-жуткое—не то, что страхъ, а скорѣе сонъ на яву;

что-то, болѣе близкое къ смерти, чѣмъ къ жизненной дѣйствительности, болѣе сродное съ мрачной вѣчностью, чѣмъ съ обыкновенной скоротечной минутой..... Но посреди всей этой мертвой затиши, гдѣ-то въ уютномъ уголку, бойко трепетало молодое сердце, и за этимъ непроницаемымъ мракомъ цѣлое море свѣта было невидимо разлито между стѣнами дома Амаліи.

Въ большой залѣ горѣли пятьдесятъ зажженныхъ свѣчей, которыхъ пламя отражалось въ зеркалахъ, на ярко полированной мебели и на хрустальныхъ вазахъ съ цвѣтами, и при блескѣ свѣчей и тѣни цвѣтовъ, хрусталь искрился лазоревымъ огнемъ брилльянта, краснымъ блескомъ рубина, нѣжнымъ свѣтомъ сапфира, яркимъ блескомъ смарагда и кокетливыми переливами опала.

Но посреди всего этого пышнаго блеска, озарявшаго уборную, красота Амаліи сіяла, какъ вечерняя здѣзда посреди цѣлаго сонма ночныхъ звѣздъ. Юная красавица оканчивала свои послѣднія приготовленія и стояла передъ своими великолѣпными зеркалами.

Нѣжный румянецъ смѣнилъ обычную блѣдность на ея лицѣ. Было ли то естественное дѣйствіе этой нечувствительной лихорадки, которая волнуетъ кровь въ рѣшительные моменты нашей жизни? Или, быть можетъ, то былъ восторгъ, возбуждаемый въ женщинѣ зеркальнымъ блескомъ ея уборной, блескомъ ея собственной красоты и игривыми вспысками ея воображенія?.. Не знаемъ, и не беремся изслѣдовать физиологію женскаго сердца — этого капризнаго и неподатливаго предмета для всякаго научнаго изслѣдованія....

Стѣнные часы пробили восемь и послѣ перваго же удара можно было сосчитать всѣ слѣдующіе по біеніямъ сердца Амаліи, сквозь кисею, прикрывавшую ея чудную грудь. И вдругъ съ губъ и лица исчезла нѣжно-розовая краска, замѣнившись блѣдно-матовымъ отливомъ.

— Да что это съ вами, сеньора?! Вы опять блѣднѣете, когда только-что пробилъ восемь часовъ.

— Именно отъ этого....

— Оттого что пробилъ восемь?

— Да, сама не знаю, что дѣлается со мною. Сегодня, съ ше-

сти часовъ вечера, при каждомъ боѣ часовъ, у меня на сердцѣ становится такъ тяжело, да ужъ такъ же тяжело....

— Три раза я сама уже это замѣтила, начиная съ шести часовъ. А знаете, что я хочу сдѣлать?

— Что такое, Луиза?

— Да я остановлю часы, чтобы вы опять не захворали, когда начнетъ бить девять.

— Нѣтъ, Луиза, этого не нужно. Въ девять часовъ они будутъ уже здѣсь и все кончится. Это ничего не значить, все уже прошло, прибавила Амалія, вставая съ мѣста и зардѣвшись прежнимъ румянцемъ.

— Правда ваша, сеньора, это ничего, вы теперь такая же хорошенькая, какъ прежде,—да ужъ я вамъ скажу такая хорошенькая, какъ я васъ никогда еще не видала...

— Замолчи, дурочка; лучше поди и кликни мнѣ Педро.

Амалія сняла медальонъ съ своей груди и покрыла его поцѣлуями.

Едва она успѣла опять надѣть его на себя, Луиза возвратилась въ сопровожденіи тщательно выбритаго и причесаннаго Педро, который былъ одѣтъ въ застегнутый до шеи мундиръ и приблизился съ такимъ молодцоватымъ видомъ, какъ будто съ его старыхъ костей свалилось десятка два лѣтъ, въ день бракосочетанія дочери его полковника.

— Добрый мой Педро, сказала ему Амалія,—въ этомъ домѣ все остается по старому. Я хочу навсегда быть для васъ такою, какою была до сихъ поръ, хочу, чтобы вы присматривали всегда за мною, какъ за своей дочерью, и въ доказательство вашей ко мнѣ дружбы, въ моемъ новомъ положеніи, хочу, чтобы вы общали никогда не оставлять меня.

— Сеньора, я, то есть съ моимъ, гмъ я.... Э, да что толковать тутъ, сеньора!.. сказалъ старикъ, яростно замотавъ головою, какъ бы желая этимъ движеніемъ прогнать слезы, которыя навернулись на его глаза.

— Съ меня довольно одного вашего да. Я хочу, чтобы на слѣдующей недѣлѣ вы сопровождали меня въ Монтевидео, такъ какъ мой будущій мужъ долженъ въ эту самую ночь эмигриро-

вать, а мой долгъ — слѣдовать за нимъ во всѣхъ обстоятель-
ствахъ его жизни,—что же, согласны ли вы?

— Да, сеньора, да, сеньора, да, да, да! отвѣчалъ старый
слуга, важничая, что наговорилъ такъ много словъ.

Амалия подошла къ столу, отперла шкатулку изъ краснаго де-
рева, наполненную драгоценными вещами, вынула оттуда кольцо
и затѣмъ опять обратилась къ прежнему боевому товарищу свое-
го отца.

— Вотъ это колечко, сказала она,—сплетено изъ моихъ во-
лосъ, когда я была еще ребенкомъ. Другой цѣны оно не имѣетъ, и
поэтому-то я отдаю его вамъ: сохраните его всегда при себѣ.
Мой отецъ постоянно носилъ это кольцо, когда шелъ въ сраженіе.

— Оно, оно самое и есть, какъ не узнать, сказалъ солдатъ,
наклоня голову и цѣлуя, какъ святыню, колечко, бывшее на
пальцѣ его полковника.

Глаза Амалии и Луизы налились слезами при видѣ этой безъ-
искусственной, неподдѣльной теплоты чувства, вызваннаго отра-
дными воспоминаніями.

— Теперь потолкуемъ о другомъ, Педро, продолжала Амалия.

— Что прикажете, сеньора?

— Я хочу, чтобы вы были свидѣтелемъ при совершеніи
брачнаго обряда. Кромѣ васъ и Давіэля больше никого не бу-
детъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта старикъ подошелъ къ Амалии, схва-
тилъ своими дрожащими руками ея руку и поцѣловалъ ее са-
мымъ искреннимъ поцѣлуемъ.

— Ушли ли уже другіе слуги?

— Еще передъ вечеромъ я ихъ отправилъ, какъ вы мнѣ
приказывали.

— Слѣдовательно, вы остались одни.

— Одинъ одишешенекъ.

— Прекрасно. Завтра вы раздѣлите эти деньги между уво-
ленными слугами, не говоря имъ, за что это. И Амалия взяла со
стола пачку банковыхъ билетовъ и подала ихъ Педро.

— Сеньора, сказала Луиза,—кажись слышенъ шумъ по дорогѣ.

— Все ли хорошо заперто, Педро?

— Какъ слѣдуетъ быть, сеньора. Только вонъ та желѣзная

рѣшетка что выходитъ на задній дворъ.... Богъ вѣдаетъ что съ нею дѣлается... Ужь сказывалъ я вамъ, что два раза я находилъ ее отпертою по утрамъ, когда самъ же ее запираю и прячу ключъ подъ свою подушку.

— Ну, не будемъ говорить объ этомъ сегодня....

— Сеньора, повторила Луиза, право, что-то слышно, кажется, карета ѣдетъ сюда.

— Да, и мнѣ кажется.

— Вотъ теперь остановилась, продолжала Луиза.

— Да. Это вѣрно они. Идите же, Педро, но не отпирайте, не узнавъ сначала хорошенько, кто тамъ.

— Будьте спокойны, сеньора. Я хотя и одинъ, ну, а все-таки... Э, да толковать ли!

И старикъ прошелъ чрезъ уборную, въ комнату Луизы и затѣмъ пробѣжалъ чрезъ дворъ, чтобы узнать, кто подкатилъ къ дому дочери его полковника.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Предъ алтаремъ.

Дѣйствительно, какъ вѣрно отгадала Амалія, къ ней пожаловали гости, которыхъ она ожидала уже такъ долго и съ такимъ мучительнымъ замраніемъ сердца.

Изъ своей уборной она слышала, какъ отворилась дверь залы и сію же минуту узнала шаги Даніэля, который приближался чрезъ кабинетъ и спальню.

— Ахъ, сеньора, сказалъ молодой человекъ, останавливаясь въ двери уборной и взглянувъ на Амалію,—я полагаю встрѣтить здѣсь хорошенькую женщину — и нахожу богиню!

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорила Амалія, надѣвъ на свою руку бѣлую изящную перчатку.

— Говорю совершенно серьезно! подтвердилъ Даніэль, постепенно приближаясь къ своей кузинѣ и глядя на нее непритворно восторженными глазами: въ первый разъ въ моей жи-

Эни я нахожу другую женщину, которою люблюсь также, какъ и тою.....

— Которой я сегодня же письменно сообщу эту новость.

— Ладно, душа моя, а я все-таки сдѣлаю... вотъ это! И Даніэль, мало по малу подкрадываясь къ своей кузницѣ, по мѣрѣ того, какъ говорилъ, — вдругъ обнялъ ее и громко чмокнулъ въ голову, потомъ какъ рѣзвый мальчикъ, отскочилъ четыре шага назадъ и сказалъ:

— Теперь потолкуемъ о серьезныхъ вещахъ.

— Давно бы пора, гадкій шалунъ! произнесла Амалія съ своей милою улыбкою.

— Эдуардо уже здѣсь.

— И я также.

— Ну, и я также. Остается только и мнѣ повѣнчаться ради компаніи.

— Тѣмъ лучше для тебя.

— Здѣсь и священникъ, нужно постараться, чтобы онъ пробылъ здѣсь не болѣе десяти минутъ.

— Это почему?

— А потому, душа моя, что экипажъ долженъ оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться священникъ.

— Чтожъ за бѣда?

— Вотъ это мило! Невзначай можетъ нагрѣнуть обходъ, экипажъ возбудитъ его вниманіе, стануть слѣдить и...

— Ахъ, да, да, это правда... Идемъ, Даніэль... Охъ, Боже мой!

— Что съ тобой, душка?!

— Сама не знаю... я хотѣла бы смѣяться надъ собой... и не могу... не знаю, что дѣлается у меня на сердцѣ, что тутъ у меня такое дѣлается, голубчикъ мой...

— Идемъ, Амалія.

— Пойдемъ, Даніэль.

И молодой человекъ взялъ свою кузину за руку, обнявъ ее талию своею рукою и въ такомъ видѣ они прошли чрезъ спальню и смежную съ нею комнату въ большую залу, гдѣ уже ихъ поджидали священникъ и Эдуардо, стоявшіе передъ какой-то замѣчательной картиной.

Женихъ былъ весь въ черномъ костюмѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Его блѣдное лицо еще рѣзче оттѣнялось черными волосами и прекрасными глазами, глядѣвшими серьезно и сосредоточенно, что придавало его мужественной физіономіи какой-то особенно художественный оттѣнокъ грусти и мечтательности.

Какъ ни была стойка и тверда душа этого человѣка, однако и она не могла не встрепенуться въ ту великую минуту, когда рѣшается вся послѣдующая судьба человѣческой жизни. Бракъ, рѣзко разграничивающій вашу жизнь, отдѣляющій прошлое отъ будущаго, навсегда устанавливающій счастье или несчастье всего грядущаго существованія, — далѣе разлука съ любимымъ существомъ, въ самый моментъ такъ долго выстраданнаго блаженства, наконецъ необходимость бѣгства изъ отечества, посреди множества грозныхъ опасностей—все это были такія обстоятельства, которыя расшевелили бы и менѣе закаленную въ ударахъ судьбы душу, особенно если онѣ должны были всѣ сгруппироваться въ промежуткѣ нѣсколькихъ часовъ.

Однимъ первымъ взглядомъ Эдуардо и Амалія сказали другъ другу такъ много неизчерпаемо отраднаго...

Еще ранѣе Даніэль устранилъ всѣ могущія встрѣтиться препятствія, и священникъ, предупрежденный имъ о необходимости скорѣе окончить обрядъ, немедленно приготовился къ совершенію его.

Окончивъ молитву, священнослужитель сдѣлалъ тотъ запросъ, на который ни одинъ живой человѣкъ не можетъ отвѣчать безъ тревожно бьющагося сердца. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди новобрачныхъ, и въ рукопожатіи ихъ, въ быстромъ обитіи взглядовъ, въ страстной улыбкѣ, сказалось все счастье Эдуардо и Амаліи, которыхъ глаза еще впервые омочились слезою радости, чистой, безоблачной радости. Лица молодыхъ, за минуту предъ тѣмъ блѣдныя, внезапно загорѣлись огнемъ яркаго человеческого счастья...

По окончаніи обряда Амалія поцѣловала плакавшую Луизу, и въ это самое мгновеніе Даніэль, подойдя къ Педро, спросилъ его на ухо:

— Ваша лошадь въ конюшнѣ?

— Такъ точно-съ.

— Миѣ нужна она на часъ времени.

— Слушаю-съ.

Затѣмъ Даніэль подвелъ Амалію за руку къ дивану въ небольшой залѣ и въ то время, какъ Эдуардо благодарилъ священника, Даніэль сказалъ своей кузинѣ:

— Священникъ уѣзжаетъ и я также.

— Ты?

— Да, мадамъ Бельграно, я также уѣзжаю, потому что я рѣшился не щадить своихъ силъ для того, чтобы вашъ супругъ могъ спокойно зажить въ Монтевидео.

— Но что же случилось! Боже мой! Что еще такое? Развѣ ты не обѣщала пробыть съ нами до самой минуты отъѣзда?

— Да, и для этого-то миѣ необходимо отлучиться на одну только минуточку. Послушай, душка; тебѣ извѣстно, что мѣсто отчаливанья выбрано въ сторонѣ Устья, по той причинѣ, что оно никому неизвѣстно. Но я уговорился видѣться съ Дугласомъ между девятью и десятью часами въ одной изъ бревенчатыхъ построекъ пристани, на тотъ случай, если окажется необходимымъ измѣнить что нибудь въ нашемъ планѣ, и такъ какъ этотъ британецъ не въ примѣръ пунктуальнѣе своихъ соотчичей, и я положительно убѣжденъ, что онъ уже поджидаетъ меня на мѣстѣ нашего rendez-vous, потому что скоро пробыть девять часовъ. Черезъ часъ я опять вернусь сюда, а тѣмъ временемъ Ферминъ, исправляющій должность кучера, отвезетъ священника и возвратится назадъ.

— А какъ же отправимся къ Устью? спросила Амалія, съ живѣйшимъ вниманіемъ слушавшая Даніэла.

— Когда будемъ провожать Эдуардо;—разумѣется, пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ?!

— Ну, да, потому что намъ придется проходить мимо загородныхъ домовъ Сомельеры и Брауна, а послѣ мимо залива мы будемъ путешествовать также спокойно, какъ если бы находились въ Лондонѣ.

— Да, да, и миѣ кажется, что такъ лучше, отвѣчала Амалія,—но ты отправляйся съ Ферминномъ и Педро.

— Нѣтъ, мы отправимся вдвоемъ, ужъ предоставь распорядиться миѣ. Однако, намъ нужно разстаться, потому что я не

успокоюсь до тѣхъ поръ, пока экипажъ будетъ оставаться здѣсь.

— Ты вооруженъ?

— Да, да; иди же простись съ священникомъ.

Они вошли вдвоемъ въ парадную залу, и минуту спустя Амалія и Эдуардо проводили до дверей передней почтеннаго старика-священника, который ради своего святого дѣла не боялся подвергать себя всяческимъ опасностямъ, которыя угрожали ему въ подобное время и въ подобной пустынной мѣстности.

И въ то самое время, когда лошади помчали экипажъ въ городъ и Эдуардо заперлъ наружныя двери дома, Даніэль выѣзжалъ задними воротами, бормоча себѣ подъ носъ одну изъ американскихъ гитарныхъ арій или лучше одну изъ тѣхъ вариаций, которыхъ мотивъ одинаково пригоденъ для всякихъ словъ. Завернувшись въ свой пончо и держа лошадь на мѣрномъ галопѣ, нашъ Даніэль преобразился въ чистокровнаго, безпечнаго гаучо.

Возвратившись въ залу, Эдуардо прижалъ милую жену къ своему сердцу и долго-долго, не произнося ни слова, покрывалъ поцѣлуями эти уста, улыбавшіеся съ такимъ выраженіемъ счастья, эти глаза, искрившіеся такимъ избыткомъ любви... Но вдругъ, какъ бы подъ вліяніемъ электрическаго удара; молодая женщина вырвалась изъ объятій Эдуардо.

— Что это значитъ, Боже мой?.. Что съ тобой, моя Амалія? спросилъ ее, наконецъ, Эдуардо, взявъ ее за руку и усаживая на маленькомъ диванѣ, находившемся въ спальнѣ.

— Ничего, такъ ничего, голубчикъ Эдуардо, уже прошло... О, да какъ же я страдала.... Суевѣріе... Нервы.... сама не знаю... Но уже совсѣмъ, совсѣмъ прошло.

— Нѣтъ, моя Амалія, это не шутка! Тутъ было что-то особенное, чего я не знаю, но желаю знать, потому что я болѣе тебя страдаю въ настоящую минуту.

— Не надо, не надо страдать, мой милый! Недавно пробили часы—вотъ и все!

— Однако...

— Послушай, не спрашивай меня, не урезонивай... Знаю все, что ты можешь мнѣ сказать, но я не могла... не могла

себя пересилить... Цѣлый вечеръ меня мучили тѣже впечатлѣнія при каждомъ боѣ часовъ.

— Больше ничего.

— Клянусь тебѣ, ничего.

Эдуардо глубоко вздохнулъ, словно тяжелый камень свалился съ его сердца.

— Ненаглядная моя, сказалъ онъ, — когда ты вся задрожала, когда такъ внезапно высвободилась изъ моихъ объятій, въ это одно мгновеніе я выстрадалъ адскую, безконечную пытку. Во всемъ этомъ я видѣлъ невольный порывъ отвращенія, внезапный протестъ твоей души, противъ того союза, который приковалъ насъ навсегда другъ къ другу...

— И ты могъ это думать, милый, милый Эдуардо!., Даже это... О, это ужъ слишкомъ больно!!..

— Прости меня, моя возлюбленная, свѣтлая радость моего сердца, прости меня... Такую тяжелую жизнь пришлось мнѣ выжить, такъ сильна моя любовь и такъ велико блаженство этой минуты, предвѣщающей намъ святая радости нераздѣльнаго существованія, что отъ всего этого мозгъ мой какъ-то помутился, голова завружилась... Прости же, прости меня, милая моя...

Онъ опять привлекъ ее къ себѣ, ласкалъ чудные локоны, шаловливо разбѣгавшіеся по ея личику, страстно цѣловалъ ея роскошныя рѣсницы, ея свѣтлые, любящіе глазки.

А она говорила ему:

— Теперь я знаю, что значитъ любить... Теперь я люблю первый разъ въ жизни. Это моя первая страсть, мой первый гимней, мой первый день, мое первое счастье...

— Амалія, милая моя...

— Мое сиротство, невзгоды и одиночество моей жизни—я все теперь забываю, мой Эдуардо. Теперь начинается моя жизнь для тебя, тобою, въ тебѣ. Если что нибудь меня пугало, охватывало смертнымъ холодомъ всю душу, то это былъ тотъ грозный, вѣчно преслѣдующій меня призракъ, который неотступно нашептываетъ мнѣ, что во всей моей судьбѣ таится ядъ слезъ, убивающій или дѣлающій несчастными всѣхъ, кто меня любитъ. И если я рѣшилась идти наперекоръ моей зловѣщей звѣздѣ, то это потому, что только цѣною моей руки могла

купить твое удаленіе отсюда. Я бы пожертвовала блаженствомъ этой минуты, твоими отрадными объятіями, если бы не боялась причинить тебѣ хотя тѣнь неудовольствія... Ты самъ можешь видѣть, люблю ли я тебя, мой Эдуардо...

— О, небо, такъ много, такъ неизмѣримо много счастья для одного человѣческаго сердца....

Въ комнатѣ стало тихо. Тускло горѣла матовая лампа—и съ роскошной головки новобрачной осыпались лепестки бѣлой розы...

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Свадебный пиръ.

Когда стѣнные часы отсчитали десять ударовъ, Педро отворилъ заднія ворота для возвращавшагося Даніэля, заслышавъ его бойкую пѣсенку въ мрачной и пустынной Большой улицѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда проходила въ тоже мгновение совершенно другая сцена. При первомъ же ударѣ часовъ Амалія задрожала еще сильнѣе, чѣмъ прежде, и, скрывъ свою голову на груди мужа, инстинктивно обвила его своими руками, какъ будто въ этомъ металлическомъ звукѣ пророческій голосъ злого духа возвѣщалъ ей какое-то ужасное бѣдствіе для того, кто наполнялъ собою всю ея жизнь,—для Эдуардо...

— Что же это со мною, милый мой, ненаглядный мой?! спросила она наконецъ, — и глаза ея сверкнули любовью, смѣшанною съ мучительнымъ безпокойствомъ, — что же это такое?.. Еще никогда въ жизни мнѣ не приходилось этого испытывать, и чѣмъ болѣе убѣгаютъ часы, тѣмъ тяжелѣе становится у меня на сердцѣ. Такъ вотъ и ноетъ, и ноетъ... Неужели и возлѣ тебя я не могу найти счастья?..

— Ангелъ мой, у тебя разстроено воображеніе, и больше ничего. Вынесши столько горестныхъ испытаній, твоя душа волнуется призраками, но они разлетятся при блескѣ моей

любви, и я всю жизнь буду лелѣять и охранять твое счастье, твое спокойствіе. Воздухъ Буэносъ-Айреса отравляетъ душу и тѣло. Но скоро ты будешь со мною и далеко отсюда.

— Да, скоро, очень скоро, Эдуардо. Я не могу жить здѣсь, нигдѣ не могу жить безъ тебя.

— Мы будемъ путешествовать вмѣстѣ?

— Отчего бы этого не сдѣлать сегодня ночью?

— Это невозможно.

— Я оставлю все. Луиза и Педро пріѣдутъ послѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ нечего и думать.

— О, возьми, возьми меня съ собою, Эдуардо! Развѣ я тебѣ не жена? Развѣ не должна слѣдовать за тобою всюду?..

— Да, но я также не долженъ рисковать тобою, непамятная моя.

— Рисковать мною?..

— Вообрази себѣ, какойнибудь случай...

— А, такъ значить ты подвергаешься опасностямъ? Зачѣмъ же меня обманываютъ? Зачѣмъ мнѣ говорили, что все произойдетъ совершенно спокойно.

— Это правда, опасности нѣтъ никакой, но мы должны будемъ, можетъ быть, два, три, даже четыре дня пробывать на рѣкѣ.

— Что мнѣ за дѣло, если я буду съ тобою?..

— Нѣтъ, Амалія, не будемъ ни въ чемъ измѣнять нашъ планъ. Надо и послѣ вѣнца уважать тѣ взаимныя обѣщанія, которыя мы дали другъ другу до совершенія брачнаго обряда. Если чрезъ двѣ недѣли ты не пріѣдешь въ сопровожденіи Даніэля, ты можешь пріѣхать одна; къ тому времени будетъ заключенъ миръ съ Франціей, и для отъѣзда отсюда не будетъ больше никакихъ препятствій. Вспомни, мой ангелъ, что я оставляю тебя, потому что ты этого отъ меня требуешь, а ты въ свою очередь должна остаться здѣсь, потому что я тебя объ этомъ прошу... Однако, кажется, кто-то вошелъ въ залу.

— Вѣрно Луиза.

— Нѣтъ, я думаю, не Даніэль ли.

И молодой человѣкъ, поцѣловавъ въ голову свою дорогую жену, прошелъ въ залу, гдѣ, дѣйствительно, былъ встрѣченъ своимъ другомъ.

Между тѣмъ Амалія, позвавъ къ себѣ Луизу, распорядилась, чтобы Педро подалъ чай въ кабинетъ. Туда же вошла затѣмъ сама Амалія, найдя здѣсь своего мужа и куанна.

— Да поможетъ намъ небо, душка моя, все уже готово и улажено. Только вмѣсто того, чтобы дожидаться утра, Дугласъ временемъ отъѣзда назначаетъ двѣнадцать часовъ ночи. Значить, черезъ два часа—съ Богомъ!

— Для чего же это измѣненіе?

— Вотъ ужъ этого я и самъ не могу объяснить тебѣ. Однако, я такъ твердо полагаюсь на предусмотрительность и опытность моего знаменитаго контрабандиста, что какъ только онъ назначилъ часъ, я ни о чемъ его не спрашивалъ и положительно убѣжденъ, что это должно быть самый удобный часъ для отчаливанья.

Эдуардо взялъ руку своей Амаліи и этимъ прикосновеніемъ, казалось, хотѣлъ передать ей всю свою душу.

Даніэль поглядѣлъ на нихъ съ теплымъ чувствомъ и сказалъ:

— Судьбѣ не угодно было исполнить мои живѣйшія желанія: я хотѣлъ видѣть ваше счастье, самъ наслаждаюсь своимъ. Пройдя съ вами сообща школу тяжелыхъ испытаній, я желалъ бы также въ одно время съ вами вырвать у завистливой судьбы хотя одинъ мигъ отрады, и если бы Флоренсія въ эту минуту находилась возлѣ меня, я счелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Однако, хорошо уже и то, что осуществилась хотя половина моихъ золотыхъ надеждъ. Другая половина... э, Богъ не безъ милости!

Въ этихъ трехъ юныхъ существахъ была такъ глубоко развита дѣйствительная теплота сердца и каждый изъ нихъ такъ живо сочувствовалъ сходной судьбѣ другихъ, что ихъ впечатлѣнія—свѣтлыя и горестныя—взаимно сообщались, какъ бы силою магнетизма, и въ это мгновеніе бѣглая слеза оросила глаза всѣхъ троицъ. Но Даніэль—этотъ исключительный закаленный въ самоотверженіи человѣкъ, жертвовавшій всѣмъ для счастья любимыхъ людей—Даніэль понялъ, что жестоко примѣшивать каплю горечи въ чашу блаженства, которую эти юные страдальцы едва успѣли поднести къ своимъ губамъ.

— Полно, полно вамъ, сказалъ онъ, вставая съ мѣста, —

будемъ довольствоваться этими отрадными минутами, отнятыми у злой мачихи—судьбы, будемъ думать только о тѣхъ свѣтлыхъ денькахъ, которые скоро, скоро предстоятъ намъ въ Монте-видео... а все прочее до насъ не касается!

Нѣсколько минутъ спустя явился Педро съ чайнымъ подносомъ, который онъ поставилъ на столѣ, въ кабинетѣ, находившемся, какъ мы уже знаемъ, между большой залой и спальней. Въ этотъ-то кабинетъ и вошла Амалія съ своимъ мужемъ и родственникомъ, сказавъ сначала Педро, что онъ можетъ идти, такъ какъ она никогда не хотѣла, чтобы онъ ей прислуживалъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Даніэль возвратилъ своимъ друзьямъ прожнюю веселость.

Невозможно было не поддаться влиянію этого живого, остраго, пылкаго, молодого ума, сообщавшаго разговору самое игривое направленіе.

Оставалось только перессорить влюбленныхъ молодыхъ между собою, чтобы вслѣдъ затѣмъ дать имъ вкусить сладость примиренія и еще болѣе возбудить реакцію любящаго чувства. И вотъ Даніэль, съ необыкновенно серьезнымъ видомъ, отхлебывая свою вторую чашку чая, сказалъ своему другу:

— Ахъ, да, бѣшь, Эдуардо, вотъ чуть было не забылъ спросить тебя: куда ты дѣвалъ свою шкатулочку съ письмами?

— Какую шкатулочку? какія письма? изумился Эдуардо, тогда какъ Амалія принялась глядѣть на него пристально.

— Вотъ тебѣ на! продолжалъ Даніэль, также серьезно,—да ту самую шкатулочку съ письмами, гдѣ, какъ мнѣ помнится, лежали волосы Амаліи, если судить по цвѣту.

— Съ ума ты сошелъ, Даніэль, что ли!...

— Нисколько, благодареніе Севышнему.

— Къ чему же тутъ скрывать, кабальеро?! Вы дорожите этими воспоминаніями, желаете ихъ сохранить — вѣдь это, я полагаю, весьма натурально...

— Но клянусь же тебѣ, душка Амалія, что я въ жизнь свою не заводилъ такой шкатулочки и не знаю, о какихъ письмахъ говоритъ Даніэль.

— Да скажите, пожалуйста, зачѣмъ вамъ отговариваться?! произнесла, покрасившись, Амалія съ иронической улыбкой.

— Видишь, Давиэль, до чего доводятъ твои шутки! сказалъ Эдуардо, начинавшій понимать фантазію своего друга.

— Да, душа ты моя...

— Да душа ты моя, однимъ словомъ—не хорошо, ты самъ это видишь.

— Чтожъ я вижу?..

— Да то, что Амалия отодвинула свой стулъ отъ моего.

Давиэль расхохотался самымъ безцеремоннымъ образомъ, потомъ всталъ съ своего мѣста, и, соединивъ руки Эдуардо и Амалии, сказалъ:

— Простофили вы оба, неисправимые простофили! Моя Флоренсія показала бы болѣе благоразумія.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты, вѣрно, не съ вѣтра же все это взялъ! сказала Амалия, не отнимая своей руки и желая, чтобы ее окончательно разубѣдили.

Однако новый хохотъ Давиэля и взглядъ Эдуардо ясно обнаружилъ, что все это была невинная шутка шалуна-кузина, а нѣжное рукопожатіе и невыразимо теплый взглядъ молодой убѣдили Эдуардо, что туча ревности пронеслась мимо. Въ это мгновеніе влюбленные, казалось, обмѣнивались душами...

Но въ это же самое мгновеніе изступленный голосъ Луизы, какъ громомъ, поразилъ всѣхъ троихъ.

То былъ дикій, пронзительный, ужасный крикъ—и въ то же мгновеніе чрезъ внутреннія комнаты вбѣжала испуганная дѣвочка, тогда какъ во дворѣ дома раздался выстрѣлъ и поднялась какая-то адская суматоха выкрикиваній и торопливыхъ шаговъ.

И прежде чѣмъ Луиза могла произнести хотя одно слово, прежде чѣмъ могла быть чѣмъ нибудь спрошена, всѣ отгадали, силою инстинкта, въ чемъ дѣло, и ужасная истина представлялась имъ сквозь стеклянную дверь кабинета;—тамъ, во внутреннихъ комнатахъ, чрезъ которыя пріобѣжала испуганная дѣвочка, толпа звѣрскихъ фигуръ спѣшила, чрезъ комнату Луизы, въ уборную Амалии. И все это—начиная отъ крика до появленія этихъ людей—произошло почти въ неувловимый моментъ.

Но съ тою же быстротою Эдуардо оттащилъ жену къ залу и схватилъ свои пистолеты съ карниза камина. И въ то же самое мгновеніе Давиэль притащилъ столъ и повалилъ его вмѣстѣ

съ лампой, чайнымъ подносомъ и всѣмъ, что тамъ находилось возлѣ двери, отдѣлившей кабинетъ отъ спальни.

— Спаси насъ, спаси насъ, Даніэль, кричала Амалія, бросаясь къ Эдуардо, когда тотъ бралъ пистолеты.

— Да, мой другъ, да, но только сражаясь: теперь ужъ не время говорить.

И эти послѣднія слова были заглушены залпомъ изъ пистолетовъ Эдуардо, выстрѣлившаго въ нѣсколькихъ негодяевъ, уже проламывавшихся въ спальню, тогда какъ Даніэль заваливалъ стульями дверь; на вотъ во дворѣ опять раздается выстрѣлъ, и какой-то дикій, почти львиный ревъ покрываетъ и крики, и выстрѣлы.

— Господи милосердный, они убили Педро! кричала Амалія, обхвативъ лѣвую руку Эдуардо, который никакъ не могъ отъ нея освободиться.

— Нѣтъ, еще живемъ! откликнулся солдатъ, показываясь въ дверь, которая вела изъ залы въ переднюю; его лицо и грудь были обогрены кровью, стекавшею изъ глубокой на головѣ раны, однако Педро мужественно схватываетъ шпагу Эдуардо и отирая лѣвой рукой кровь, залѣпившую ему глаза, старый воинъ хотѣлъ запереть дверь залы правой рукою, въ которой держалъ саблю.

Перо, самая мысль не можетъ слѣдить за всѣми подробностями этой дикой, ужасной суматохи.

— Ты губишь насъ, Амалія, оставь меня, иди въ залу!.. кричалъ Эдуардо своей женѣ, вцѣпившейся въ его руку и туловище, — но голосъ этотъ заглушался адскимъ шумомъ и крикомъ, проникавшимъ со двора и изъ уборной: толпа нападающихъ ворвалась уже въ спальню, и одинъ изъ нихъ былъ положенъ на мѣстѣ выстрѣломъ Эдуардо.

Въ уборной зеркала, мебель, оконныя стекла, фаянсовый умывальникъ все разлеталось въ дребезги отъ страшныхъ сабельныхъ ударовъ, сопровождаемыхъ адскимъ крикомъ, дѣлавшимъ еще ужаснѣе эту сцену злѣрства и смерти.

Выстрѣлы Эдуардо заставили однихъ изъ ворвавшихся въ спальню отступить на нѣсколько шаговъ, другіе остановились на мѣстѣ, какъ вкопанные, не смѣя приблизиться къ столу и

стульямъ, наваленнымъ у двери. Но въ это самое мгновеніе два изверга стремительно бросились въ кабинетъ...

— Ага-га! Тронкозо, Бадія!... закричалъ Даніэль, опрокидывая еще одинъ стулъ и вынимая то оружіе, которымъ онъ спасъ жизнь своему другу въ ночь 4 мая—единственное, находившееся при немъ и слишкомъ слабое оружіе въ завязавшейся теперь борьбѣ.

И когда эти два врага, словно два демона, ломились впередъ — одинъ съ пистолетомъ въ рукѣ, другой съ саблей—Эдуардо обхватилъ свою Амалію вокругъ стана, поднялъ ее и положилъ на диванѣ въ залѣ, послѣ чего взялъ шпагу, которую вынулъ Педро. Старый ветеранъ, успѣвшій запереть дверь залы непрочной щеколдой, дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы слѣдовать за Эдуардо въ кабинетъ; послѣ двухъ шаговъ силы Педро окончательно истощились, колѣни его подогнулись и, дрожа отъ ярости, онъ свалился передъ диваномъ, на которомъ лежала молодая женщина.

Вѣрный слуга охватилъ ноги своей благородной госпожи, омылъ ихъ своею кровью, и все еще старался спасти Амалію, удерживая ее на мѣстѣ.

Между тѣмъ, съ быстротою смертоносной молніи, сабля Эдуардо обрушилась на голову одного изъ бандитовъ, стоявшаго ближе къ опрокинутымъ стульямъ и столу, тогда какъ другіе десять или двѣнадцать его товарищей, повинувшись голосу своихъ начальниковъ, направили на эту слабую преграду. И въ то же время Даніэль добрался до руки другого изъ нихъ и глухимъ ударомъ своей *casse-tête* раздробилъ ему плечо.

— Саблю возьми, саблю у него возьми! кричалъ Эдуардо, тогда какъ вѣрный Педро, смертельно раненный въ грудь и голову, дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы приподняться и могъ только сжимать ноги Амаліи и слабымъ голосомъ повторять Луизѣ:

— Гаси свѣчи! Свѣчи гаси, ради самого Господа!!..

Но Луиза ничего не слышала, да если и слышала, то не желала повиноваться, боясь остаться въ потемкахъ, если только можно было чувствовать еще большій страхъ, чѣмъ какой теперь держалъ ее въ оцѣпененіи.

Между тѣмъ два вѣрно рассчитанные удара Эдуардо и Даніэля только привлекли къ нимъ большее число враговъ, такъ какъ теперь, по голосу начальниковъ, къ нападающимъ присоединились и тѣ, которые все грабили и ломали въ уборной. И когда они ринулись на столъ и стулья, самъ Эдуардо, въ досадѣ на это препятствіе, не дававшее простора его саблѣ, старался раздвинуть ногами стулья и уже чуть было не проложилъ свободного прохода изъ одной комнаты въ другую, но въ это мгновеніе Даніэль опустилъ свою страшную колотушку на плечо одного изъ отодвигавшихъ стулья отъ двери,—и извергъ занялъ мѣсто, расчищенное Эдуардо.

— Спаси, Амалію, другъ мой, Даніэль, спаси ее! Оставь меня одного, спасай ее!.. кричалъ Эдуардо, дрожа отъ бѣшенства, возбужденнаго не столько боемъ, сколько препятствіемъ, котораго онъ не могъ отстранить руками, такъ какъ своею шпагою онъ отбивался отъ кнжаловъ и сабель, направленныхъ въ него съ противоположной стороны, а ногами раздвигать стулья не рѣшался, боясь остуниться и упасть.

Все это продолжалось около десяти минутъ; наконецъ шесть или восемь изъ бандитовъ рѣшились выйти изъ спальни чрезъ уборную, тогда какъ прочіе, по голосу оставшагося съ ними начальника, продолжали осаждать опрокинутую мебель, но такъ робко, что успѣли отодвинуть не болѣе двухъ или трехъ стульевъ, до которыхъ не могла достать шпага Эдуардо.

Ни одинъ изъ молодыхъ друзей не былъ равенъ и Эдуардо, пользуясь тѣмъ мгновеніемъ, когда его рука отдыхала, повернулъ голову и взглянулъ сквозь стеклянную дверь кабинета на свою Амалію, охраняемую умирающимъ старикомъ и слабою дѣвочкою...

Затѣмъ, обратившись къ своему другу, Эдуардо сказалъ по-французски:

— Спаси ее чрезъ дверь залы; выходи на дорогу и спускайся въ овраги, что противъ дома, а я чрезъ пять минутъ перебью всѣ лампы, прорвусь сквозь эту сволочь и присоединюсь къ тебѣ.

— Дѣйствительно, другого ничего не остается, отвѣчалъ Даніэль,—я самъ зналъ это, но не хотѣлъ оставить тебя одного,

да и теперь не хочу. А все-таки попытаюсь спасти Амалію и возвращусь къ тебѣ чрезъ двѣ минуты; только ты не переходи за баррикаду.

И Даніэль съ быстротою молніи бросился въ залу, но въ то самое время, когда онъ разбивалъ одну изъ лампъ и одинъ изъ двухъ зажженныхъ канделябровъ—чудовищный ударъ въ дверь залы отшибъ замокъ, дверь широко распахнулась и въ нее ввалилась шайка тѣхъ демоновъ, которыми окружило себя кровожадное правительство Розаса, во вѣки вѣковъ проклятое въ исторіи аргентинскихъ поколѣній.

Дикій крикъ—словно вмѣстѣ съ нимъ порвались всѣ нѣвы сердца, вырвался изъ груди Амаліи Высвободившись изъ почти оледенѣвшихъ рукъ Педро и слабыхъ объятій нѣжной Луизы, она стремительно бросилась къ Эдуардо, стараясь прикрыть его своимъ тѣломъ, тогда какъ Даніэль, выхвативъ саблю изъ рукъ Педро, уже испускавшаго дыханіе, также поспѣшилъ въ кабинетъ.

Но вмѣстѣ съ ними ворвались также и убійцы. И когда Эдуардо прижималъ къ своему сердцу Амалію, чтобы дать ей своимъ тѣломъ послѣднюю защиту—всѣ уже смѣшались; Даніэль былъ раненъ кинжаломъ въ руку; кинжалъ проткнулъ чрезъ спину и грудь Эдуардо, котораго только сверхъ-естественное усиленіе поддерживало впродолженіи нѣсколько секундъ на ногахъ, потому что онъ уже былъ раненъ смертельно. Вѣрная Амалія поддерживала его въ углу кабинета и рука Эдуардо еще конвульсивно поднималась въ воздухъ и устрашала убійць, тогда какъ въ другомъ углу Даніэль, съ саблей въ рукѣ, геройски защищался противъ ватаги негодяевъ. Въ залѣ два бандита отрѣзывали голову стараго мертваго Педро....

И вдругъ, посреди всей этой сцены, раздается страшный стукъ въ дверь. Луиза въ ужасѣ бѣжитъ въ переднюю, узнаетъ голосъ Фермина и открываетъ дверь.

Въ эту дверь поспѣшно вбѣгаетъ какой-то почтенный старикъ, покрытый темнымъ плащомъ.

— Стой! Стой! Во имя Возстановителя! кричитъ онъ громовымъ, но въ то же время болѣзненнымъ голосомъ, какъ будто его исторгала изъ сердца рука природы.

И всѣ слышали этотъ голосъ, кромѣ Эдуардо, котораго ду-

ша витала уже далеко, тогда какъ голова склонилась на грудь Амаліи; вскорѣ затѣмъ и Амалія лишилась чувствъ и лежала въ лужѣ крови возлѣ трупа своего мужа, своего Эдуардо!

Въ это мгновеніе пробыло 11 часовъ.

— Сюда, отецъ, ко мнѣ! Спаси Амалію, кричалъ Даніэль, узнавъ голосъ своего отца.

И въ тоже время молодой человѣкъ, получившій другую глубокую рану въ голову, повалился всѣмъ тѣломъ на руки своего отца, оставившаго однимъ словомъ злодѣйскій кинжалъ и которымъ тоже самое слово произвело столько страшныхъ бѣдствій, столько неслыханныхъ преступленій!!....

Въ родѣ Эпилога.

Историческая лѣтопись, быть можетъ, впоследствии сообщитъ намъ нѣчто интересное относительно дальнѣйшей судьбы лицъ, выведенныхъ въ нашемъ разсказѣ, а теперь она рассказываетъ только, что на слѣдующій день послѣ описанной нами драмы со-сѣдніе жители Предмѣстья, зашедшіе изъ любопытства въ тотъ несчастный домъ, не увидѣли ничего, кромѣ четырехъ труповъ; то были безголовый трупъ стараго Педро и тѣла трехъ членовъ народнаго общества. Здѣсь пролежали они до слѣдующаго утра, потомъ ихъ свалили въ полицейскую фуру и въ тоже время были расхищены послѣдніе, достойные вниманія предметы, оставшіеся въ комодахъ, столахъ и шкапахъ.

Рассказываютъ также, что послѣ смерти мистера Слэда, приключившейся спустя нѣсколько недѣль послѣ извѣстныхъ уже намъ событій, донъ-Кавидо Родригесъ былъ принужденъ судебнымъ порядкомъ очистить домъ консульства, потому что упорно отказывался оставить сѣверо-американскія владѣнія, даже

послѣ смерти консула, когда въ домѣ не помѣщалось никакое консульство.

О донѣ Марселлиѣ извѣстно только, что она предлагала свою руку донъ-Кандидо въ воспоминаніе опасностей, которымъ они подвергались вмѣстѣ; но донъ-Кандидо съ ужасомъ отклонилъ отъ себя это предложеніе. А Розасъ? Но какой же злодѣй не переживалъ честныхъ людей!

(Конецъ).

ГОЛОДНЫЯ И ХОЛОДНЫЯ МѢСТА.

Вашу руку, читатель! Пойдемте странствовать по Сѣверу, посмотрѣть на тамошнюю природу, на тамошнихъ людей; будемъ—насколько это теперь возможно и насколько хватить нашихъ силъ—изучать сѣверныя дѣла, мысли и страсти. Дивный этотъ Сѣверъ! Все въ немъ необычайно: громадны тамъ лѣса и рѣки, громадна земля, а за ней громадное съ вѣчными льдами море, своеобразный климатъ, чудныя небесныя явленія, даже нравственная природа сѣвернаго человѣка заключаетъ въ себѣ столько необычайныхъ качествъ, что имъ не удивляться невозможно. Не хорошо теперь на Сѣверѣ: климатъ суровый, земля скудно вознаграждаетъ трудъ человѣка, люди неразвиты. Но всегда ли это такъ будетъ?... Я увѣренъ, что нѣтъ. Скоро ли это будетъ или пройдутъ вѣка—трудно вѣдь разсчитать будущую силу времени;—но Сѣверъ долженъ сдѣлаться непременно дѣльнымъ, богатымъ и развитымъ. Это не фраза, не мечта, но строгій выводъ изъ фактовъ, которые всякій провѣрить долженъ. И чтобы по-пусту не терять времени станемте разсматривать Сѣверъ: тогда вы сами убѣдитесь, что въ словахъ моихъ много правды. Сначала я вамъ покажу Пинегу, а тамъ пойдемъ на Вагу, на Вычегду.

I.

Г. Пинега.

«По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ»—говорить пословица. Если бы эту глубокомысленную сентенцію примѣнить къ нынѣшней Пинегѣ, то ее, бѣдняжку, нужно было бы встрѣтить съ са-
«Дѣло», № 9. 4

мымъ глубокимъ отвращеніемъ: такъ неприглядна ея наружность. Вообразите себѣ, читатель, высокое, длинное мѣсто, окаймленное спереди маленькой рѣчкой, сзади—густымъ, дикимъ лѣсомъ. Эта рѣчка — рукавъ Пинеги, потому что сама Пинега течетъ отъ города въ двухъ верстахъ; лѣсъ же кончается у Бѣлаго моря, до котораго отсюда напрямикъ и ста верстъ нѣтъ. На этомъ высокомъ, длинномъ мѣстѣ вы видите нѣсколько десятковъ ветхихъ домовъ, съ высокой, каменной церковью по срединѣ. Это городъ Пинега. Посмотримъ ближе на нее. Строго говоря, въ Пинегѣ одна только улица; отчего городъ имѣетъ видъ бѣднаго селенія. Улица эта длиною около версты, по концамъ своимъ имѣетъ двѣ деревни, одна изъ нихъ — Великой Дворъ, недавно приписана къ городу, чтобы легче было—какъ говорили—отбывать городскія повинности. Другая—лѣвая Мурга—приписана тоже къ Пинегѣ. Начнемъ отъ нея осматривать городъ. Вотъ нѣсколько строеній съ сильно казеннымъ характеромъ. Это магазины: въ одномъ соль продается, въ другомъ городской хлѣбъ сложенъ, въ третьемъ — провіантъ инвалидной команды, въ четвертомъ, во времена откуповъ, хранилось вино, почему—должно быть—онъ и покрытъ дерномъ. Дорога идетъ немного въ гору, вы видите на лѣвой рукѣ желтый, значить казеннаго цвѣта, домикъ. Это городская больница. Дѣлаете небольшую дугу шаговъ въ тридцать и передъ вами широкая, длинная, довольно прямая улица, сердце Пинеги, Невскій Проспектъ ея, или, лучше сказать, весь городъ тутъ. Улица эта — Богъ ее знаетъ какъ называется (въ сѣверныхъ городахъ улицы безъ имени)—идетъ параллельно рѣкѣ, въ срединѣ ея соборъ, передъ нимъ городская площадь. Въ этой улицѣ всего только 27 домовъ, 19 съ лѣвой стороны и 8 съ правой; она неровна и невымощена ничѣмъ, такъ что осенью и весною пройти ее поперекъ не всегда можно, а въ одномъ мѣстѣ, всю весну и осень, стоитъ такое болото, что лошади въ немъ вязнутъ. За исключеніемъ двухъ—дома по этой улицѣ все деревянные, двухъ-этажные по большей части; вмѣсто тротуаровъ подѣланы высокіе, деревянные мостики; между домами бревенчатые заборы; передъ домами деревьевъ нѣтъ; дома—за исключеніемъ трехъ-четырехъ, все старыя, почернѣлыя отъ времени. Въ этой улицѣ находятся почти всѣ присутственныя мѣста, по ней торговый рядъ, т. е. десятка два самыхъ негодныхъ чулапчищевъ, тюрьма, на ней происходятъ торги по четвергамъ, на ней всего больше движенія во время ярмарки. Улицу эту перерѣзываетъ нѣсколько переулковъ, если переулками можно назвать въ

15—20 сажень линіи, иногда безъ жилья, но всегда съ грязью, случается, что и съ непроходимымъ болотомъ. Параллельно главной улицѣ, ближе къ лѣсу, идетъ другая. Она также длинна, какъ и первая, но хуже ея несравненно. Домовъ въ ней всего 10—15, по большей части маленькіе, иногда безъ крыши. Мостиковъ здѣсь нѣтъ во всю улицу, а конецъ ея совершенно непроходимъ; стоящее тамъ вѣчно болото не просыхаетъ даже въ самые жаркіе дни лѣта.

Но если пиннежець не могъ сдѣлать ничего хорошаго для себя, то природа, окружающая его, еще менѣе о немъ позаботилась. Въ Пинегѣ сырость истинно-классическая. Происходитъ она по многимъ причинамъ: отъ близости моря, отъ окружающей городъ тундры, непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, оттого наконецъ, что здѣсь на 8 мѣсяцевъ земля замерзаетъ, много бываетъ дождей. Особенныхъ физическихъ явленій, кромѣ сѣвернаго сіянія и ужасно неравномѣрнаго распредѣленія свѣта, въ Пинегѣ нѣтъ. Разъ только, именно 17 февраля 1866 г., въ десять часовъ вечера, я видѣлъ, какъ луна была перпендикулярно прорѣзана какимъ-то свѣтлымъ лучомъ, имѣющимъ много сходства, съ такъ называемыми, хвостами кометъ. Явленіе это длилось болѣе двухъ часовъ. Позднія звѣзды здѣсь очень рѣдки, всего болѣе видны онѣ съ августа по ноябрь. Громъ начинается съ мая. Это тоже рѣдкое явленіе и оно не приноситъ никому вреда. Здѣшніе старики не запомнятъ, чтобъ громомъ убило когонибудь, или причинило гдѣнибудь пожаръ. Рѣдки тоже радуги, ихъ бываетъ не болѣе 3—4 въ годъ.

За то очень часты въ Пинегѣ сѣверныя сіянія. (Ихъ называютъ здѣсь народъ «сполохами»). Всего чаще они бываютъ отъ 11 до 12 часовъ ночи, въ морозы не менѣе 10°/о и продолжаются не болѣе двухъ часовъ. Я намѣренъ описать вамъ сѣверное сіяніе, бывшее въ Пинегѣ 7 октября 1865 г., замѣчательное потому, что оно было видно, какъ сообщали послѣ газеты, почти во всей Европѣ и проявилось такъ сильно, что поразило даже мѣстныхъ жителей, привыкшихъ уже къ нимъ съ дѣтства. Разумѣется, художественности въ моемъ описаніи не ищите; я буду только вѣрнымъ передатчикомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя произвело на мои чувства это грандіозное явленіе. Сіяніе, о которомъ рѣчь, началось въ 7 часовъ вечера и кончилось въ 9½, слѣдовательно продолжалось лишь два съ половиною часа. Началось оно съ бѣловатаго дыму на сѣверѣ, который скоро исчезъ, и на мѣсто его явилась бѣловатая дуга. Изъ этой дуги (похожа очень была на дорогу) вылетали,

въ видѣ столбовъ, какіе-то свѣтлые лучи, и чѣмъ ихъ было больше, и чаще являлись, тѣмъ дуга принимала болѣе яркій цвѣтъ и увеличивалась въ своемъ объемѣ. Лучи эти шли отъ востока къ западу; такъ во всѣхъ сѣніяхъ бываетъ. Въ 8 часовъ, слѣдовательно въ часъ послѣ появленія, феноменъ былъ въ полномъ развитіи. Дуга вся была въ какомъ-то бѣловатомъ огнѣ. Столбы изъ нея не вытекали болѣе, но вокругъ дуги появился какой-то сильный свѣтъ, который то вскидывалъ, то погасалъ. Въ немъ была смѣсь цвѣтовъ—лазуревый, бѣлый, красный, цвѣта все очень сильные. Съ 8 часовъ свѣтъ началъ слабѣть, и къ десяти погасъ совершенно. Кромѣ описанной дуги, которая, словно радуга, раздѣлила на двѣ, почти равныя, половины весь небосклонъ, въ срединѣ котораго стояла, въ минуту самого сильнаго развитія явленія, черные столбы, образующіе соборъ что-то въ родѣ вѣера. Въ тоже самое время на западѣ—отъ югозапада къ сѣверовостоку, стояла вторая дуга, меньше первой по объему и не столько яркая свѣтомъ, такъ что болѣе часу все небо залито было сіяніемъ. Въ Пинегѣ сѣверныя сіянія не издають никакого звука; въ Мезени (сто верстъ сѣвернѣе) онъ уже слышенъ, хотя слабый, а на Новой Землѣ—на Маткѣ, какъ здѣсь народъ говоритъ—звукъ этотъ равняется сильной пушечной пальбѣ. Замѣчательно, что во время сіянія всѣ животныя очень безцвѣковы; собаки особенно лають и прячутся. Это я видѣлъ собственными глазами. Смотря на описанное сіяніе, я сдѣлалъ такое сравненіе: дуга—это аллея; по ней катится съ неимоверной быстротой, множество, освѣщенныхъ внутри, экипажей, которые проваливаются куда-то; но пока летятъ, то изъ нихъ льется различный свѣтъ—лазуревый, бѣлый, красный. Цвѣты эти сливаются какъ-то и такъ сильны, что долго смотрѣть на нихъ нельзя.

Неравнообразность въ распредѣленіи свѣта, или, иными словами, величина дня и ночи—въ Пинегѣ болѣе, чѣмъ поразительна. Въ половинѣ іюня день продолжается 22 часа, въ половинѣ декабря—его и двухъ часовъ даже нѣтъ. Въ первое время солнце восходитъ въ часъ пополуночи и заходитъ въ 11 вечера; во второе—восходитъ въ половинѣ одиннадцатаго утра и ранѣе половины втораго уже садится. Ночи здѣсь по большей части свѣтлыя; самыя темныя бываютъ съ половины августа до половины октября. Съ начала же мая до начала іюля, онѣ такъ свѣтлы, что во всю ночь всякой работой, даже чтеніемъ и письмомъ, превзрядно заниматься можно. Но за ними очень скоро начинается ночная темь; около 10 августа ночи уже вполне темны. Большинство зимнихъ ночей освѣщено миріа-

дами звѣздъ, и чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ звѣзды больше и свѣтлѣе, и онѣ ярче.

Вы знаете, читатель, что климатъ въ Пинегѣ очень суровый; особенно сурова тамъ зима. Но эту суровость здѣшняго климата вообще, и зимы въ особенности, надо понимать не такъ, какъ многіе это дѣлаютъ. Большинство думаетъ, что на Сѣверѣ какъ начнутся съ Николя сорокаградусныя, или хотъ тридцатиградусныя морозы, такъ и катаютъ вплоть до самаго марта, не увеличиваясь, но и не падаютъ. На дѣлѣ выходитъ иначе: есть зимы вовсе нехолодныя съ постоянными оттепелями, иногда падаетъ дождь; а 26 декабря 1865 года было даже 20° тепла. Слѣдовательно климатъ въ Пинегѣ суровъ не по сильнымъ морозамъ, а потому, что тамъ снѣгъ лежитъ семь мѣсяцевъ, земля замерзаетъ почти на три четверти года, дуетъ множество холодныхъ вѣтровъ, на весь годъ — не знаю — наберется ли десятокъ теплыхъ ночей. Зимой холодъ не оканчивается: въ началѣ августа 1865 г. морозомъ побилло хлѣбъ; 30 же мая 1866 года было 2° холода. И это не исключенія, а общее правило; въ маѣ снѣгъ и морозъ здѣсь не диковина; въ августѣ очень часто отъ морозовъ погибаютъ хлѣба. Вотъ главная причина того, что въ Пинегѣ на пять лѣтъ только одинъ годъ урожайный, тогда какъ во Франціи — по свѣденіямъ бывшаго сенскаго префекта Комба — на десять урожайныхъ годовъ лишь одинъ приходится неурожайный. Слѣдовательно пинежець, въ отношеніи урожая, въ двадцать разъ несчастнѣе француза.

Пинега въ настоящее время мизерна, какъ и мизеренъ весь Сѣверъ — это правда, но правда и то, что нынѣшня мизерность всего Сѣвера вообще и Пинеги въ особенности происходитъ оттого, что слишкомъ ужъ мизерны тѣ понятія и взгляды, которыми досихъ поръ угодно было дарить сѣвернаго человѣка и сѣверную землю. Переимѣнись это сегодня, и завтра все увидятъ, что Сѣверъ, лишь бы имъ только рационально заняться, одинъ въ состояніи вынести на своихъ плечахъ тотъ экономическій кризисъ, въ которомъ нынѣ находится Россія. Измѣнитесь же это можетъ лишь тогда, когда Сѣверъ, голодающій теперь, пустынный, дикій Сѣверъ, съ своими непочатыми силами — выступитъ на выручку, или лучше сказать на спасеніе Россіи. (Сѣверомъ я называю въ настоящей стѣнѣ одну лишь архангельскую губернію и сѣверныя уѣзды олонеккой и вологодской, — тотемскій, устюжскій, сольвычегодскій, яренскій, усть-исольскій, каргопольскій, повѣнецкій и пудожскій.)

Это не фраза и не угроза, а выводъ изъ неопровержимыхъ фак-

товъ. Югъ и средняя полоса Россіи прожили уже свое; они отходятъ, такъ сказать. Въ нихъ земли мало и она истощена такъ, что растущему теперь поколѣнію грозитъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Эта истощенность земли увеличится еще болѣе вслѣдствіе того обстоятельства, что крестьяне, къ которымъ много переходитъ уже теперь и перейдетъ еще болѣе помѣщичьихъ земель, не будутъ смотрѣть на сѣвообороты, а лишь на то, чтобъ какъ можно больше и въ самое скорое время извлечь дохода. Миѣ скажутъ, что на югѣ есть большія степи, которыя можно воздѣлать. Правда, но позвольте, не всякую степь воздѣлать можно—есть солончаки, чистый песокъ или глина, тогда какъ вся земля Сѣвера годится для обработки; развѣ однѣ небольшія, прибрежныя мѣста остались бы нетронутыми. А суровость климата? замѣтятъ миѣ. Это дѣло по правимое. Осушите болота и тундру, въ лѣса сѣверныя введите рациональное хозяйство, вслѣдствіе чего они бы очистились, и климатъ сдѣлается гораздо теплѣе. Кому слова мои покажутся странными, я доложу, что, на томъ же самомъ Сѣверѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ суше, тамъ и теплѣе; значитъ сырость причиною здѣсь холода, который въ свою очередь парализуетъ растительность. Не говоря уже о томъ, что въ средней Европѣ, гдѣ нынѣ зрѣетъ на воздухѣ виноградъ, встарину, пока болота были неосушены и росли непроходимые лѣса, отъ холоду, какъ свидѣлствуютъ лѣтописи, люди замерзали на дорогѣ. Наконецъ сколько на югѣ мѣшаютъ земледѣлю—засухи, саранча, разныя другія на сѣюмыя, чего на Сѣверѣ никогда быть не можетъ. На югѣ нѣтъ лѣса совершенно, въ средней же Россіи, хотя онъ и есть, но скоро его истребятъ. Разводить же лѣсъ на югѣ и сохранить его въ средней полосѣ болѣе, чѣмъ невозможно. Первому мѣшаетъ сухая почва, да и сколько лѣтъ нужно для того, чтобы выросъ лѣсъ? Второму—со всякимъ днемъ увеличивающееся, въ страшной пропорціи, число потребителей. Не надо тоже упускать изъ виду того весьма грустнаго, въ этомъ отношеніи, факта, что, по причинамъ, неразгаданнымъ еще до сихъ поръ, климатъ, какъ въ средней Россіи, такъ и на югѣ, съ каждымъ годомъ дѣлается суровѣе, тогда какъ на Сѣверѣ, въ тоже самое время, онъ видимо слабѣетъ. Это обстоятельство ускорить истребленіе русскихъ лѣсовъ, какъ на югѣ, такъ и въ средней полосѣ. Весь же Сѣверъ, можно сказать, съ его миллионнами десятинъ земли покрытъ почти однимъ лѣсомъ. На югѣ, наконецъ, и въ средней Россіи воды мало, отсюда сухость почвы, которая, въ свою очередь, мѣшаетъ лѣсоросжденію и хозяйству,—дороговизна со-

общеній, ибо дешевле водянаго пути ничего на свѣтѣ быть не можетъ. Сѣверъ же преизобилуетъ рѣками и озерами. Въ одной архангельской губерніи насчитываютъ—не знаю на сколько ужь справедливо, но такъ говоритъ г. Пошманъ, — рѣвъ и рѣчекъ 1,094, озеръ 2,914.

Я не говорю уже о томъ, что Бѣлое море, омывающее Сѣверъ, не впримѣръ важнѣе Чернаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей. Въ Бѣломъ морѣ—это правда—навигационный періодъ очень малъ и льды мѣшаютъ иногда плаванію. Но за то въ немъ нѣтъ такихъ опасныхъ мѣстъ, какими изобилуетъ Балтійское море и не бушуютъ тамъ такія бури, благодаря которымъ ежегодно въ Черномъ морѣ погибаютъ десятки судовъ и сотни людей. Значитъ, и въ этомъ отношеніи, выигрышъ на сторонѣ Бѣлаго моря, которое передъ Чернымъ и Балтійскимъ имѣетъ еще то преимущество, что промысла въ немъ несравненно богаче, чѣмъ въ двухъ названныхъ моряхъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Но самое главное значеніе Бѣлаго моря, въ отношеніи къ прочимъ русскимъ морямъ, значеніе, на которое, до сихъ поръ, въ сожалѣнію, не обращено было нивакого вниманія — это то, что въ немъ никакая европейская конкуренція невозможна, что это море до тѣхъ поръ будетъ русскимъ, пока будетъ русская земля. И теперь на немъ всего болѣе плаваютъ русскихъ судовъ. Въ 1865 г., по вычисленіямъ г. Окунева, въ Бѣломъ морѣ русскихъ судовъ плавало 500 на 930 иностранныхъ, тогда какъ въ Черномъ и Каспійскомъ моряхъ на 3,147 иностранныхъ плавало подъ русскимъ флагомъ лишь 420, а въ Балтійскомъ на 4,940 не русскихъ, русскихъ, тоже по флагу, было всего 350.

Итакъ въ то время, когда на югѣ и въ срединѣ Россіи земля и лѣсъ истощаются, чувствуется недостатокъ въ водѣ, — на сѣверѣ лѣсъ и почва не тронуты почти еще человѣкомъ, воды вдоволь, подъ бокомъ лучшее изъ русскихъ морей. Это и заставляетъ меня вѣрить, что русскому Сѣверу предстоитъ самая блестящая будущность, чего никакъ нельзя сказать о средней и южной Россіи. Пинега же имѣетъ теперь и будетъ всегда имѣть одно изъ лучшихъ мѣстъ въ жизни русскаго Сѣвера.

Но теперь плохо живетъ пинежцамъ, и это происходитъ оттого, что ресурсы ихъ быта очень ограничены. Ресурсы эти можно свести къ двумъ категоріямъ: въ первой будетъ все то, что земля даетъ, во второй лишь то, что, помимо земли, достается трудомъ человѣка.

Земля здѣсь очень хороша, по большей части, черноземъ, но, въ сожалѣнію, ея здѣсь очень мало, т. е. обработанной уже. Этотъ недостатокъ чувствуется равно какъ горожанами, такъ и жителями уѣзда. Помочь бѣдѣ можно было бы обращеніемъ ближайшихъ лѣсныхъ дачъ въ нивы и осушеніемъ тундръ и болотъ. Но такое дѣло потребовало бы нѣкоторой возни съ формальностями, много труда и много капитала. Потому-то оно и не дѣлается. Теперь пинежскіе мѣщане земли пахатной имѣютъ немного болѣе 120 десятинъ. Всей же земли городу принадлежитъ около 800 десятинъ, изъ нихъ 182 заняты водами, 4 лѣсомъ, 3 болотами и 55 неудобныхъ мѣстъ, остальное сѣнокосы. Затѣмъ на душу (въ Пинегѣ считается 800 съ чѣмъ-то жителей) придется по десятинѣ изъ всей земли, а изъ пахатной лишь по $\frac{1}{8}$ десятины. Сѣютъ — ячмень, рожь, разводятъ картофель.

Ячменя высѣвается всего болѣе; онъ здѣсь называется «житомъ» и изъ него преимущественно дѣлаютъ хлѣбъ. Чисто ржаной ѣдятъ цѣлый годъ лишь самые зажиточные мѣщане. Количество высѣваемого ячменя къ ржи можно опредѣлить отношеніемъ трехъ къ одному; слѣдовательно ячменя засѣвается приблизительно около 60 десятинъ и только двадцать идетъ подъ рожь. Ячмень обыкновенно высѣваютъ въ концѣ мая, рожь въ іюнѣ; первый созрѣваетъ въ 12 до 15 недѣль, вторая—въ 12 мѣсяцевъ. На пинежскихъ поляхъ ячмень родится лучше ржи: когда послѣдняя даетъ отъ 3 до 6 зернъ, первый никогда меньше четырехъ, въ хорошіе же годы иногда и семь. Пашутъ и боронятъ одной лошадей. Обработка земли быками, какъ это, напримѣръ, водится на югѣ, здѣсь дѣло неслыханное. Всѣ полевныя работы, наравнѣ съ мужчинами, производятъ и женщины; нерѣдко увидите, какъ онѣ здѣсь пашутъ и боронятъ. Здѣшнія женщины, въ отношеніи труда, ничѣмъ не уступаютъ мужчинамъ. Вообще—сѣверянки хорошій народъ. Пашни два года отдыхаютъ подъ паромъ, послѣ чего ихъ унавозятъ, а тамъ сѣютъ—сперва рожь, послѣ ячмень. Жать хлѣбъ косой—тоже здѣсь невидаль. Жнутъ «горбушами»—кривымъ серпомъ, что немилосердно мучитъ людей и замедляетъ работу. Между тѣмъ косить хлѣбъ въ Пинегѣ, какъ и на всемъ Сѣверѣ, гдѣ только онъ родится, было бы дѣломъ самымъ прибыльнымъ. Хлѣбамъ здѣсь не позволяютъ перезрѣвать, слѣдовательно потери отъ осыпки зерна быть не можетъ; рабочихъ рукъ мало, а этотъ способъ на половину сокращаетъ работу. Нѣтъ тоже камней (камень вѣдь рѣдкость на Сѣверѣ!) и почва довольно ровная, слѣдовательно косить

можно смѣло и рѣзать солому у самой земли, чего нельзя никакъ дѣлать въ мѣстахъ неровныхъ и каменистыхъ; почему тамъ и теряется большой процентъ соломы. А все-таки на Сѣверѣ долгое еще время будутъ избѣгать косить хлѣбъ. «Оно-то и хорошо, пожалуй—говорять сѣверяне,—но у насъ не принято». Вотъ и толкуй тутъ!

Укладка и просушка хлѣба дѣлается въ Пинегѣ слѣдующимъ образомъ. Въ землю втыкають колъ, около котораго, комлемъ внизъ, ставятъ снопы: если ячмень, то десять сноповъ, если рожь то пятнадцать. На верхъ кола втыкають еще одинъ снопъ, комлемъ вверхъ, и его распространяють такъ, чтобъ покрылъ собой всѣ прочіе, уставленные около кола, снопы. Это называется здѣсь «суслономъ». Такой суслонъ служитъ къ первоначальному просушиванію хлѣба, который защищается отъ дождя воткнутымъ на верхъ кола снопомъ. Дальнѣйшая просушка производится посредствомъ прясель. Вотъ каково ихъ здѣсь устройство. Въ землю, въ одну линію, въ разстояніи двухъ или трехъ саженъ одинъ отъ другаго, вкапываютъ довольно высокіе, деревянные столбы, продолбленные въ разныхъ мѣстахъ, въ эти долбежи всовываютъ гладкія, толстыя жерди, въ нѣсколько рядовъ, до самого верху. На этихъ-то жердяхъ навизываются снопы и такъ сушатся. Высушенный хлѣбъ привозится въ гумно. Сушеніе къ молоченію производятъ въ обыкновенныхъ русскихъ овинахъ и молотятъ на токахъ. Какъ ни напоминаетъ все это патріархальныя, чуть не ноевскія еще времена, но въ уѣздѣ, даже въ подгородныхъ деревняхъ происходитъ все это еще проще. Прясла тамъ не вездѣ, сушатъ хлѣбъ въ жилыхъ хатахъ, а молотятъ его подъ открытымъ небомъ, гдѣ мѣсто тока заступаетъ довольно ровно утопанная земля. Можете себѣ представить, читатель, сколько отъ этихъ варварскихъ пріемовъ теряется здоровья у людей и зерна въ такъ тяжело и скудно добываемомъ хлѣбѣ, и все-таки вы ихъ встрѣтите не только во всей архангельской губерніи, но и въ отдаленныхъ уѣздахъ вологодской—сольвычегодскомъ, яренскомъ, устьсыольскомъ. И дѣлается это не потому, чтобы люди не жалѣли здѣсь своего здоровья, или, чтобы имъ трудно было достать глины на токъ и дерева на гумно, а потому что такъ отцы ихъ дѣлали; значить и имъ такъ дѣлать нужно, и съ этимъ прожить свой вѣкъ. Эта убійственная рутина, какъ плодъ умственной неподвижности и соединеннаго съ ней страха за всякую перемену гнететь русскій народъ болѣе, чѣмъ всякое крѣпостное право.

Измѣнить это къ лучшему нельзя—ни убѣжденіями (потому что съ вами охотно согласятся, и все-таки по прежнему дѣлать будутъ), ни силой—будетъ ли это законъ какойнибудь, казенная ферма въ родѣ примѣра, преміи, или чтонибудь иное въ этомъ родѣ. Объ земледѣльческихъ училищахъ и говорить уже нечего, потому что пока воспитаєте новое поколѣніе земледѣльцевъ, старое, нынѣ тамъ живущее, можетъ погибнуть на половину. Тутъ одно лишь средство: колонизація Сѣвера трудолюбивыми, знающими свое дѣло земледѣльцами. Но надо, чтобы они дѣйствовали сами, безъ чужой поддержки, и результатъ получили болѣе благопріятный только оттого, что дѣйствуютъ болѣе рационально. Въ виду такого примѣра сѣверяне бросятъ старое—это вѣрно. Я опять повторяю, что здѣшній народъ и не глупый и не консервативный, и, если держится старья, то дѣлаетъ это потому, что новое не проявило себя еще въ его глазахъ полезнымъ образомъ. Но откуда взять такихъ колонистовъ? спросать меня; кто съ знаніемъ и трудолюбіемъ пойдетъ въ холодную, голодную землю? Это вещи возможныя: я это докажу послѣ, въ приготовленной уже для печати, статьѣ: «Что нужно Сѣверу?»

Жители города Пинегы картофеля садятъ очень мало; въ уѣздѣ разводятся его немного больше, но все-таки не настолько, насколько бы это слѣдовало по положенію здѣшняго края. Важность картофеля признана теперь всѣми; въ настоящее время онъ защищаетъ отъ голодной смерти Ирландію, сдѣлался главнымъ питательнымъ матеріаломъ всей Германіи, Польши, части Швеціи, Норвегіи, Даніи и Швейцаріи съ Сѣверной Америкой. Немудрено, послѣ этого, что картофелю приписываютъ роль историческаго фактора; дѣйствительно, невозможно не согласиться съ Боклемъ, что не будь столько картофеля, исторія Ирландіи имѣла бы совершенно другой характеръ.

Но если для большинства Европы картофель имѣетъ такое громадное значеніе, то на русскомъ Сѣверѣ онъ составляетъ альфу и омегу не только всей экономической, но даже и политической будущности этого обширнаго, заброшеннаго судьбой и людьми края. Недавно помощникомъ начальника Камчатки былъ контръ-адмиралъ П. О. Кузмищевъ, бывший впослѣдствіи командиромъ архангельскаго порта. Какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Архангельскѣ этотъ умный и очень полезный на Сѣверѣ человекъ старался всѣми силами разводить картофель. «Можно посмѣяться надо мною—писалъ онъ однажды изъ Камчатки своимъ роднымъ,

что я, или помѣшайтъ на картофелѣ, или влюбленъ въ него. Что бы то ни было, а я вошю: разводите, прежде всего, въ Камчаткѣ картофель, чтобы, въ случаѣ неулова рыбы, можно было пропитаться имъ однимъ.

Того же самого почти мнѣнія и академикъ К. С. Веселовскій. Сравнивая среднія температуры Райкјавика (на о. Исландіи), Архангельска и Березова, и, находя, что лѣто въ Архангельскѣ значительно теплѣе, чѣмъ въ этихъ двухъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ въ нихъ картофель засѣвается въ обширныхъ размѣрахъ, г. Веселовскій пришелъ къ тому заключенію, что на сѣверѣ европейской Россіи картофель могъ бы быть разводимъ въ гораздо большихъ, чѣмъ нынѣ, размѣрахъ. «Но для этого—замѣчаетъ онъ — необходимы—хорошая обработка земли и старательный уходъ за растеніемъ». «Распространеніе посѣвовъ картофеля—говоритъ дальше г. Веселовскій — было бы большимъ благодѣяніемъ для края; потому что урожай зерновыхъ посѣвовъ здѣсь уже очень невѣрны и часто при недородѣ подвергають населеніе большимъ лишениямъ». (Журн. М. Г. Имущ. № 2. 1851 г. стр. 30). Подобные отзывы — нельзя съ тѣмъ не согласиться—отличаясь правдой и самой горячей симпатіей къ бѣдному Сѣверу, должны служить для него заповѣдью въ нѣкоемъ родѣ. Ихъ нужно оцѣнить и къ нимъ примѣниться.

Дѣйствительно, будетъ здѣсь много картофеля, неурожай прочихъ хлѣбовъ будетъ мало значить. Кромѣ того изъ картофеля можно дѣлать водку (въ Литвѣ очень много существуетъ для этого заводовъ), слѣдовательно будетъ барда, которая, въ свою очередь, станетъ питать скоть, а послѣдній увеличитъ количество навоза, а слѣдовательно и плодородіе земли. Но это еще не все: не боясь голода, имѣя чѣмъ кормить много скота, а слѣдовательно получать много мяса, молока и навоза, населеніе этого несчастнаго края, которое, съ грѣхомъ пополамъ, можно назвать теперь осѣдлымъ, ибо большой процентъ уходитъ совсѣмъ изъ родины, а почти всѣ взрослые мужчины около полугода отлучаются на дальніе и скудныя заработки,—прикрѣпится къ мѣсту своего населенія и составитъ ядро той живой силы, которой суждено извлечь изъ Сѣвера, покоющіяся теперь въ немъ безъ пользы, несмѣтныя богатства. Однимъ словомъ—разводите здѣсь картофель, народонаселеніе сдѣлается менѣ подвижнымъ, разработка Сѣвера будетъ въ вашихъ рукахъ, вы станете тогда настоящими хозяевами Бѣлаго моря, а, черезъ него, въ состояніи будете производить новое сильное вліяніе на всю Европу. И на оборотъ: безъ картофеля половина

населенія оставитъ Сѣверь, а тѣ, что останутся тамъ, будутъ слабы для того, чтобы дѣлать что нибудь, станутъ равнодушно смотрѣть на то, какъ Сѣверь будетъ эксплуатироваться чужими (со-сѣди вѣдь не дремлют!), и съ Бѣлымъ моремъ сдѣлается тоже, что съ Чернымъ и Балтійскимъ, т. е. по имени оно будетъ только русское.

Повторяю, однимъ изъ главныхъ экономическихъ и политическихъ вопросовъ русскаго Сѣвера (лучше Бѣломорья) нужно называть картофель. Поэтому, пиша монографію сѣвернаго края, я позволю себѣ немного больше заняться картофелемъ, расскажу вамъ, читатель, вкратцѣ исторію его появленія въ этомъ краю. Вещь, пожалуй, для многихъ покажется очень скучная, но, на мой взглядъ, знать исторію картофеля гораздо полезнѣе, чѣмъ всѣ пелопонезскія войны. Во-первыхъ—это еще вопросъ—происходили ли онѣ такъ, какъ говорятъ; отъ нихъ намъ ни тепло, ни холодно, тогда какъ картофель кушаетъ всякій изъ насъ. Но къ дѣлу!

Картофель—это плодъ американскій, впервые привезенный оттуда въ Европу нѣкимъ *Гавкиномъ* около 16 столѣтія. Второй экземпляръ присланъ былъ въ Англію—немного времени спустя—англійскимъ мореходцемъ *Дрэкомъ*. Въ XVII вѣкѣ онъ подавался лишь на столахъ первыхъ богачей Англій. Въ тоже самое время, т. е. въ XVII столѣтіи, онъ появился и во Франціи; его тамъ развелъ и распространилъ нѣкто Пармантье. Въ Германіи стали разводить картофель въ началѣ XVIII вѣка.

Когда картофель появился въ Россіи—съ достовѣрностью опредѣлить невозможно; нужно догадывать, что во второй половинѣ того же XVIII вѣка. Въ архангельской губерніи—на сколько объ этомъ можно судить по скудости свѣденій изъ того времени—картофель извѣстенъ съ конца прошедшаго, или начала нынѣшняго столѣтія. Молчановъ, первый, послѣ Крежина, писавшій объ архангельской губерніи, въ книгѣ своей, изданной въ 1813 г. говоритъ о картофелѣ, какъ о растеніи, разводимомъ уже въ архангельскомъ краѣ. Въ 1812 г. архангельской военный губернаторъ генералъ Спиридовъ вошелъ въ министерство полиціи съ представленіемъ такого рода, что въ архангельской губерніи слѣдуетъ, всѣми силами, разводить картофель, такъ какъ, на случай неурожая, онъ легко можетъ замѣнить тамъ хлѣбъ. Представленіе это было докладываемо императору Александру I, который повелѣлъ списаться по этому дѣлу съ министромъ внутреннихъ дѣлъ на тотъ конецъ—«не същется ли кто изъ колонпстовъ, которому бы можно было поручить

сей предметъ, съ опредѣленіемъ ему достаточнаго жалованья». (Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. 31, стр. 24,932). По вызову министерства внутреннихъ дѣлъ явились три колониста: Шеферъ, Бендеръ и Флайшманъ. Ихъ взяли отправить въ архангельскую губернію и оттуда домой на казенный счетъ, давать ежегодно жалованье Шеферу по 500 рублей, а Бендеру и Флайшману по тысячѣ, кромѣ того всѣмъ имъ, во время нахождения въ архангельской губерніи, давали отъ казны квартиру, дрова, свѣчи, всѣ нужные земледѣльческія орудія и сѣмена, да Шеферу еще выдали одновременно 150 р. с. на зимнюю одежду. Всѣ эти издержки покрывались казначействомъ (разъ дали 3,500 асс. а другой 3,000) и особымъ сборомъ, который былъ установленъ, на три года, по всей губерніи, а именно, чтобъ всякій мужчина платилъ по 8 копѣекъ въ годъ, что составляло до 6,000 р. асс. въ итогѣ. Нѣмцевъ размѣстили—одного въ архангельскомъ, другого—въ мезенскомъ, третьяго въ кемскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, царскимъ указомъ отъ 7 апрѣля 1812 г. объ учрежденіи при мѣстномъ губернскомъ правленіи продовольственнаго комитета, послѣднему велѣно было, между прочимъ, разводить въ архангельской губерніи картофель.

Первые опыты съ этимъ корнеплоднымъ растеніемъ, къ сожалѣнію, были неудачны: картофель или захватывало ранними морозами или родился онъ очень мелкій. Къ тому же масса простонародья относилась къ нему враждебно, хотя и были нѣкоторыя свѣтлыя исключенія. Это неудивительно: всякое нововведеніе вооружаетъ противъ себя массу, особенно, если эта масса мало развита, и, если починъ въ дѣлѣ принадлежитъ не ей. Эту естественную оппозицію увеличивало еще то обстоятельство, что между населеніемъ архангельской губерніи очень много старовѣровъ, которые называли картофель «чортовымъ яблокомъ», «поганою травкою», «негодною картошкою». Хорошо еще и то, что не пришлось такъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ сосѣдней вологодской губерніи, вводить картофель вооруженной силой. Надо предполагать, что первоначально картофель начали разводить близъ самаго Архангельска, на островахъ Сѣверной Двины. Предположеніе наше мы основываемъ на томъ, что, изъ всей архангельской губерніи, въ окрестностяхъ самаго Архангельска всего болѣе было средствъ къ разведенію и сбыту этого растенія. Въ Архангельскѣ много жило нѣмцевъ, которые къ картофелю уже привыкли на родинѣ; по этой причинѣ и теперь тамъ его всего болѣе разводится. Тамъ портъ, много постоянныхъ жителей.

Въ 1814 году собрали во всей губерніи картофеля лишь 34 четверти; но чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1824 г. его уже было въ сборѣ въ 34 раза болѣе, именно 1,154 четверти. Въ 1825 г. появилось второе административное вмѣшательство въ архангельскій картофельный—такъ сказать—вопросъ. Въ архангельскомъ уѣздѣ журили, на пожертвованныя частными лицами деньги, 47 четвертей картофеля, и отправили ихъ для раздачи желающимъ посадить у себя въ городъ Пинегу и Мезень, въ уѣзды — пинежскій, мезенскій, кемскій и сѣверную часть архангельскаго. Опытъ удался; поэтому усилили его. Съ этой цѣлью поручено было одному чиновнику вѣдомства государственныхъ имуществъ, знающему разсадку картофеля, развести его въ большомъ количествѣ въ пинежскомъ уѣздѣ. Опять удача, и то въ такой еще степени, что, во многихъ мѣстахъ сборъ былъ самъ-сорокъ, не смотря на то, что ранніе морозы повредили картофельную ботву и мѣстные жители, изъ вражды къ новому, неохотно слушались совѣтовъ чиновника. Такіе же самые чиновники посланы были, должно быть, и въ другіе уѣзды, потому что д-ръ Густавъ Шренкъ, путешествовавшій въ 1837 году, съ ученою цѣлью, по высочайшему повелѣнію, въ сѣверовосточной части европейской Россіи, видѣлъ такихъ чиновниковъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ архангельской губерніи. По словамъ ученаго доктора, онъ видѣлъ картофель въ уѣздахъ — архангельскомъ, холмогорскомъ, пинежскомъ и даже мезенскомъ; но сажали его только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, притомъ мало, и выходилъ онъ какой-то мелкій.

Въ 1839 г., въ архангельской губерніи выросло картофеля болѣе 4,500 четвертей, а въ 1841 г. урожай его простирался до 16,230 четвертей; слѣдовательно черезъ два года увеличился въ четыре раза—приращеніе очень быстрое! Всего болѣе его родилось у удѣльныхъ крестьянъ (въ одномъ 1841 г. 13,000 четвертей); съ тридцатыхъ же годовъ, на общественныхъ участкахъ шенкурскаго удѣльнаго имѣнія, картофель вошелъ даже въ полевой сѣвооборотъ. Послѣднее приписываютъ тогдашнему управленію имѣніемъ г. Казина, который, открывъ въ 1841 г., въ вѣдомствѣ благовѣщенскаго сельскаго приказа, образцовую учебную усадьбу, гдѣ были водворены молодые крестьяне, изучившіе хозяйство въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ, преимущественно разводилъ на этой усадьбѣ картофель, а въ 1842 г.—по его же представленію—удѣльное вѣдомство стало выдавать за картофель поощрительныя награды. Изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра удѣловъ, за 1849 г., видно,

что, благодаря тому, что картофель введенъ былъ въ полевой сѣвооборотъ, изъ него выпекли, въ архангельскомъ удѣльномъ имѣніи, до 1,500 пудовъ картофельнаго хлѣба и приготовили до 300 пудовъ картофельной муки. Впрочемъ, приготовленіе картофельной муки и печеніе изъ картофеля хлѣба производилось и раньше. Образцы, какъ того, такъ и другого, находились на выставкѣ произведеній природы и промышленности, которая, въ 1844 г., была сдѣлана въ Архангельскѣ, по случаю посѣщенія этого города однимъ изъ великихъ князей.

Короче говоря, разведеніе картофеля въ архангельской губерніи идетъ прогрессивно. Чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться, представлю количество картофеля, добытаго по всякому уѣзду отдѣльно, съ 1859 г. по 1864 г., предваряя, что изъ этой таблицы невозможно никакъ судить о приплодѣ, потому что неизвѣстно количество посѣва. Цифры взяты изъ дѣлъ покойной палаты государственныхъ имуществъ и выражаются въ четвертяхъ; уѣзды расположены по количеству, производимаго ими, картофеля.

Уѣзды:	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	За 6 лѣтъ.
Архангельскій	8,114	8,257	9,093	6,716	11,973	19,269	63,422
Онежскій . . .	654	738	454	3,056	3,167	4,144	12,213
Холмогорскій .	565	594	640	1,657	1,711	2,893	8,060
Кемскій	1,267	1,358	1,038	872	1,258	906	6,699
Пинежскій . .	860	875	1,109	503	730	822	4,899
Шенкурскій . .	166	172	180	376	403	830	2,127
Мезенскій . . .	94	88	97	—	49	54	382

Итого 11,720 12,082 12,611 13,180 19,291 28,918 97,802

Но это не весь картофель, добытый въ эти шесть лѣтъ въ архангельской губерніи. Въ приведенной таблицѣ нѣтъ картофеля, разводимаго бывшими удѣльными крестьянами, а его они сажаютъ много, что доказывается уже тѣмъ, что въ послѣднее время изъ шенкурскаго уѣзда, который въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ бывшихъ удѣльныхъ, картофель большими партіями продавали на архангельскомъ рынкѣ. Если бы исправить, въ этомъ отношеніи, приведенныя нами за шесть лѣтъ цифры, и прибавить еще къ нимъ нѣкоторый процентъ, вслѣдствіе того, что передъ чиновниками, которые собирали эти данныя, мужики всегда (ужъ такъ принято изъ боязни увеличенія налоговъ!) показываютъ меньше, чѣмъ есть въ дѣйствительности, то получимъ, что въ архангельской губерніи, съ 1859 по 1865 г.—т. е. въ шесть лѣтъ—картофеля соб-

рано около 150,000 четвертей, или, въ средней пропорціи, ежегодно его получается по 25,000 четвертей. А такъ какъ во всей губерніи считается 300,000 жителей, то выходитъ, что одна четверть картофеля должна служить для 12 человѣкъ въ годъ, или, что всякій архангелецъ изъ добываемаго въ его губерніи картофеля, можетъ только получить $\frac{1}{12}$ четверти въ годъ, что было бы достаточно, еслибы картофель былъ лекарствомъ, но очень мало какъ питательнаго вещества.

Чтобъ могъ однимъ картофелемъ пропитаться работникъ, его надо ему въ мѣсяцъ не менѣе четырехъ четвертей. Но вѣдь не всѣ столько требуютъ пищи, сколько понадобится работнику; есть дѣти, старики, женщины, хотя послѣднія на Сѣверѣ работаютъ ни сколько не меньше мужчинъ, и я далеко отъ такого нѣжнаго взгляда на женщинъ, по которому онѣ будто бы должны меньше ѣсть, чѣмъ мужчины (нѣжныя вѣдь такія созданія!). Слѣдовательно, говоря о всемъ населеніи, надо положить, что всякая единица, питаясь она лишь однимъ картофелемъ, съѣстъ этого продукта 24 четверти въ годъ; затѣмъ картофеля, добываемаго ежегодно въ архангельской губерніи (25,000 четвертей) хватило бы на годовое прокормленіе лишь 1,042 людей. Но такъ какъ въ архангельской губерніи жителей 300,000 (т. е. такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, достовѣрно же неизвѣстно, потому что всѣ тамошніи статистическія цифры еще болѣе невѣрны, чѣмъ въ прочей Россіи), то, чтобъ прокормить ихъ, во весь годъ однимъ лишь картофелемъ, надо, чтобы послѣдняго собиралось ежегодно не 25,000, а 7,200,000 четвертей, т. е. въ 288 разъ болѣе, чѣмъ нынѣ. Скажутъ мнѣ: однимъ вѣдь картофелемъ кормить человѣка круглый годъ нельзя и не всегда же на Сѣверѣ бываетъ неурожай? Согласенъ; но если на эти обстоятельства откинуть 88 процентовъ,—что даже очень много—вы все-таки увидите, что архангельская губерніа должна непременно въ 200 разъ болѣе, чѣмъ нынѣ, производить картофеля, т. е. получать его не 25,000 а 5,000,000 четвертей. Новый вопросъ: какъ достичь этого и, главное, достичь очень скоро, потому что весь Сѣверъ истощенъ уже теперь голодомъ, слѣдовательно медлить тутъ нельзя, если не хотятъ быть свидѣтелями окончательной гибели этого злополучнаго края.

По моему мнѣнію, слѣдовало бы, въ этомъ дѣлѣ, какъ ни тяжело это, прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ, къ поддержкѣ извнѣ, во всему русскому обществу, потому что естественный ходъ дѣла всегда бываетъ медленный, а тутъ надо, чтобъ въ

рукахъ горѣло и полагаться на починъ самого сѣверянина — голоднаго, убитаго, было бы верхомъ безразсудства. Итакъ нужно, во-первыхъ, чтобы всякому, желающему заняться разведеніемъ картофеля, были предоставлены заимообразно сѣмена, количество ихъ не должно быть опредѣлено: сколько кому нужно, столько пусть и беретъ. Бояться того, что—вмѣсто того, чтобы посадить картофель онъ будетъ съѣденъ или проданъ—совершенно нечего: сѣверяне на столько честны и неглупы, что никогда этого не сдѣлаютъ. Впрочемъ, чтобы успокоить всевозможныя опасенія, можно допустить круговую поруку общества за всякаго заемщика и подвергать самому строгому наказанію тѣхъ, кто во зло употребить ссуду, которая, добавимъ, должна даваться не на годъ, а на два, потому что очень часто можетъ такъ случиться, что приплодъ съ перваго года будетъ такъ малъ, что, если возвратить ссуду, то нечего будетъ на другой годъ посѣять, и опять нужно будетъ ссужаться. Во-вторыхъ, нужно, чтобы сѣверяне имѣли земли побольше; это необходимо не для одного только картофеля, но и для прочихъ посѣвовъ. Говоря о средствахъ къ улучшенію земледѣлія на Сѣверѣ, я коснусь этого пункта по обстоятельству.

Нужно тоже вызвать въ наиболѣе голодающія мѣстности Сѣвера—напр. уѣзды мезенскій и пинежскій — иностранныхъ колонистовъ, знакомыхъ съ разведеніемъ картофеля. Такъ какъ экономическій бытъ Германіи, которая, въ прежнее время, всего болѣе доставляла колонистовъ, съ каждымъ днемъ улучшается, слѣдовательно желающихъ переселиться куда нибудь все будетъ меньше и меньше, да и тѣ скорѣе пойдутъ въ Америку, чѣмъ въ Россію, то было бы недурно обратиться съ вызовомъ къ Ирландіи, гдѣ бѣдность, а слѣдовательно и побужденія къ переселенію увеличиваются въ громадной пропорціи. А вѣдь ирландцы, не менѣе нѣмцевъ, знакомы съ картофелемъ, и не уступятъ имъ въ честности и трудолюбіи. Само собою разумѣется, что мы, рекомендуя колонизацію, вовсе не хотимъ видѣть въ ней якорь нашего спасенія. Напротивъ, плохъ тотъ народъ, которому приходится тысячу лѣтъ пользоваться силами и знаніемъ другихъ націй, но не менѣе того фактъ остается фактомъ, и безъ помощи европейскаго ума мы еще долго не создадимъ ничего путнаго. Закончимъ нашу бесѣду о картофелѣ въ архангельской губерніи заявленіемъ, что теперь тамъ противъ него нѣтъ никакого предубѣжденія; употребляетъ его вся губернія и кто можетъ—разводитъ съ охотой.

Исключеніе составляютъ одни цыгане, которыхъ къ пинежскому

уѣзду приписано до 70 семействъ; въ шенкурскомъ ихъ гораздо больше. Странные это люди! Не перемѣнились они и на сѣверѣ, также какъ и въ прочихъ мѣстахъ, живутъ все лѣто кочуя, въ города приходятъ лишь на ярмарки и чтобъ взять виды. Торгуютъ, разумѣется не очень честно, лошадьми, но не воруютъ, платятъ исправно подати, за что ихъ очень любятъ сельское начальство. Мужчины одѣваются по-мѣстному, съ той разницей, что вмѣсто молицы, или совика (особенная одежда женщинъ) зимой носятъ полушубки; женщины, всегда почти съ открытыми головами и въ салопахъ, держа на рукахъ дѣтей, просятъ милостыню, гадаютъ, веселятъ публику пѣніемъ и танцами. Вообще видно, что они достаточныя. По рассказамъ мужиковъ, цыгане любятъ ѣсть хорошо, покупаютъ, не скупясь на пѣну, лучшую, какая есть въ околѣдкѣ, говядину и баранину. По-русски говорятъ плохо, хоть живутъ уже на Сѣверѣ давно; между собой разговариваютъ по-цыгански. Явились они добровольно въ архангельскую губернію, лѣтъ 50 тому назадъ, сказали, что изъ Австрій пришли, но, когда тамъ спросили, оказалась ложь. Должно быть изъ Польши или Румыніи занесло ихъ на Сѣверъ. Ихъ приписали къ различнымъ сельскимъ обществамъ, выбираютъ они между собою «бургомистра»; онъ служитъ посредникомъ между ними и начальствомъ. Правительство давало имъ земли—не хотѣли воздѣлывать; назначили имъ немного лѣсу—и того не тронули. Думали, что хоть картофель посадятъ, и велѣли имъ строго-на-строго заняться этой работой. Цыгане картофель посадили, но изъ него ничего не вышло; не только ботвы, но на маковку зелени даже не показалось. Начальство пустилось распекать; «для насъ и земля не родить»—оправдывались цыгане. На другой годъ—таже самая исторія. Начальство пришло въ недоумѣніе и, чтобъ узнать истину, велѣло посмотрѣть, дѣйствительно ли былъ посаженъ картофель. Каково же было общее удивленіе, когда увидѣли, что цыгане дѣйствительно картофель сажали, но не сырой, а сваренный. Разумѣется, что ошибка эта была сдѣлана съ умысломъ, чтобы болѣе не заставляли ихъ сажать картофель. Цыганамъ это удалось: съ тѣхъ поръ ихъ оставили въ покоѣ!

Овса никто здѣсь не сѣетъ; онъ не созрѣваетъ—это разъ, да и надобности настоящей въ немъ нѣтъ, потому что лошадей кормятъ здѣсь однимъ лишь сѣномъ, хотя послѣднія, по крѣпости своей, могутъ считаться одними изъ первыхъ въ Россіи. Пшеница тоже не сѣется; изъ всей губерніи, она разводится, и то въ очень небольшомъ количествѣ, въ южной части шенкурскаго уѣзда, этой

архангельской Италіи, какъ справедливо говорятъ архангельцы. Въ пинежскомъ уѣздѣ даже и не пытались разводить пшеницу; тоже самое и въ самомъ Архангельскѣ, хотя, можетъ быть, что, при извѣстномъ усилии, она и стала бы тамъ расти. Нѣкто г. Михайловъ посадилъ въ своемъ огородѣ въ Архангельскѣ 19 зеренъ американской пшеницы. Созрѣла она въ 16 мѣсяцевъ и 17 дней; разумѣется, нѣкоторое время, пришлось держать ее въ ящичкахъ, дома. Изъ этихъ 19 зеренъ явилось 10 кустовъ, которые дали 3186 зеренъ, слѣдовательно самъ 310 приплоду. Понятно, что о разведеніи пшеницы, посредствомъ ящичковъ, которые надо держать дома, не можетъ быть и рѣчи; но вѣдь ящикъ можно было бы замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, напр: покрываніемъ земли одѣялами изъ соломы, или парниками, и все-таки разводить это полезное растеніе. Суровость климата не можетъ тутъ быть оговоркой. Въ этомъ отношеніи, надо брать примѣръ съ сосѣдняго скандинавскаго сѣвера. Въ Торнео, который градусомъ сѣвернѣе Архангельска, давно уже разводятъ табакъ, тогда какъ въ Архангельскѣ никто объ этомъ и не подумалъ. Правда, г. Михайловъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, имѣлъ въ 1853 году, на грядѣ своего огорода, разсадные лсты турецкаго табаку; посѣяны онъ былъ въ первой половинѣ апрѣля въ теплицѣ и въ іюнѣ пересаженъ уже на огородъ. Но эта попытка, къ сожалѣнію, такъ попыткой и осталась. Льна въ самой Пинегѣ не сѣютъ; въ уѣздѣ разводится его очень мало и качества не слишкомъ высокаго.

Пинежскіе огороды далеко не въ цвѣтушемъ состояніи. Капусту разводятъ хотя и мало, но по неумѣнью съ нею обращаться—она не свертывается здѣсь въ головки. Здѣшніе жители ѣдятъ мало капусту, если же кто ее употребляетъ, то некутъ ее прежде въ печкѣ, послѣ рубятъ и кладутъ въ ушаты. Настоящимъ, хотя и не очень старательнымъ образомъ, капуста готовится у чиновниковъ, которые довольно ее любятъ. Продуктъ этотъ осенью, на карбасахъ, привозятъ въ Пинегу изъ Архангельска, куда, по Двинѣ, доставляется его много изъ вологодской губерніи. Въ Архангельскѣ и его уѣздѣ есть уже своя хорошая кочанная капуста, которую тамошніе крестьяне и нѣмцы разводятъ посредствомъ теплыхъ разсадниковъ, хотя, до 1810 года, ея тамъ не разводили совершенно, а получали изъ Вологды уже готовую. Морковь, лукъ, чеснокъ, брюква, хрѣнь, огурцы, петрушка—всѣ эти вещи привозятся въ Пинегу изъ болѣе благодатныхъ мѣстъ, и продаются тамъ по очень высокой цѣнѣ. Разводить ихъ на мѣстѣ можно было бы

посредствомъ однихъ парниковъ. Къ салату не привыкли, хотя онъ могъ бы съ успѣхомъ здѣсь расти. При мнѣ его разводили лишь заѣзжіе въ Пинегу люди—и удавался довольно хорошо. Рѣдиска тоже не въ модѣ; посаженная, въ концѣ мая, на грядѣ, въ началѣ іюля она поснѣвала здѣсь совершенно. Рѣдки получается мало; вкусно она какъ-то не очень хороша. Рѣпы въ Пинегѣ и ея уѣздѣ въ изобиліи. Употребляютъ ее въ пищу четырьмя способами: ѣдятъ сырую, вареную, печеную и пареную. Последнюю готовятъ такъ: въ горшокъ кладутъ рѣпу безъ воды и прикрываютъ его плотно, иногда даже крышку замазываютъ глиной; горшокъ этотъ, на цѣлыя сутки, ставится въ горячую, сейчасъ послѣ вытопленія, печь—и лакомство готово. Такъ приготовленная рѣпа имѣетъ приторно-сладкій вкусъ; ее здѣсь очень любятъ.

Садовыхъ плодовъ, т. е. фруктовъ, въ Пинегѣ, разумѣется, нѣтъ. Въ 1866 году тамошній купецъ г. Воводинъ посадилъ у себя нѣсколько яблоней; интересно было бы знать, выйдетъ ли чтонибудь изъ этого? Что плодовыя деревья могутъ здѣсь произрастать—это не подлежитъ сомнѣнію. Вся трудность въ томъ, какъ ухаживать за ними. Въ этомъ отношеніи, основанный недавно въ С. Петербургѣ, помологическій садъ доктора Регеля, долженъ принести Сѣверу большую услугу. Фрукты—въ настоящее время—даютъ двойную пользу человѣку: вкусную, здоровую пищу и не менѣе здоровый напитокъ—сидру, которая въ такомъ употребленіи на Западѣ и тѣмъ болѣе желательна для Россіи, этой страны кабаковъ; замѣчено, что чѣмъ болѣе ее гдѣ нибудь употребляютъ, тѣмъ меньше въ ходу хлѣбныя спиртные напитки. Отъ разведенія на Сѣверѣ фруктовыхъ деревьевъ польза была бы еще и та, что теперь, на этотъ предметъ, не мало идетъ денегъ за-границу. Въ Пинегѣ грушъ въ продажѣ нѣтъ, равно какъ дынь и арбузовъ. Небольшія, довольно скверныя яблоки можно купить осенью по 4—5 копѣекъ за штуку; зимой въ ихъ ни за какія деньги не достанете. Здѣсь фрукты рѣдкость; многіе ихъ съ роду не видѣли. Одинъ чиновникъ, весь вѣкъ свой прожившій въ Пинегѣ, говорилъ о различныхъ сортахъ яблокъ. «Вы ихъ гдѣ кушали?» спросилъ кто-то. «Нигдѣ-съ» — отвѣчалъ сконфуженный чиновникъ — «я читалъ-съ это въ книжкѣ». Другому купцу, корчащему изъ себя негоціанта, хотъ въ лавченкѣ на нѣсколько сотъ товара нѣтъ, прислали въ подарокъ дыню. Не зная, что съ ней дѣлать, почтенный бородачъ далъ ея играть дѣтямъ. Стоило большого труда растолковать ему, что это не игрушка, а вкусный плодъ.

Въ Пинегѣ рябины даже нѣтъ; на всю архангельскую губернію она встрѣчается лишь въ одномъ шенкурскомъ уѣздѣ. Нѣтъ тоже здѣсь ни хмѣля, ни конопли. Кедровые орѣшки не собираются потому, что въ пинежскомъ уѣздѣ кедровыхъ лѣсовъ мало. Лакомство это поэтому здѣсь довольно дорого; его привозятъ сюда съ Печоры и съ устьи-сольскаго уѣзда вологодской губерніи, гдѣ, чтобы достать какіе-нибудь нѣсколько фунтовъ этихъ орѣшковъ, зырянинъ срубаетъ кедръ и, съ лежащаго уже на землѣ, принимается собирать плоды. Многіе называютъ это варварствомъ, а я буду оправдывать зырянина: орѣшки растутъ на верхушкѣ кедра, слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы лѣзть на самую высь дерева, лучше его срубить, тѣмъ болѣе, что оно не свое, а казенное...

Изъ прочихъ плодовъ, какъ растущихъ на кустарникахъ, такъ и на самой землѣ, въ Пинегѣ находятся слѣдующіе виды: малина, смородина, земляника, брусника, голубица, черница, павенка, морошка, клюква, сиха, есть немного грибовъ. Малины тамъ очень немного; растетъ она дико близъ города и окрестныхъ деревень, по направленію къ г. Холмогорамъ. Она меньше встрѣчаемой въ средней полосѣ Россіи, цвѣта болѣе темнаго, не очень сладка, вялая, много порченныхъ ягодъ, но за то очень душиста.

Смородина въ Пинегѣ бываетъ двухъ родовъ—черная и красная; оба сорта растутъ тоже въ дикомъ состояніи и въ довольно большомъ количествѣ. Черная смородина сильно пахнетъ верескомъ, изъ нея дѣлаютъ довольно вкусную наливку. Годилась бы она и для варенья, но его въ Пинегѣ никто почти не приготовляетъ. Красной смородины добывается больше, чѣмъ черной, оттого послѣдняя и дороже первой, которой узелокъ въ 3—4 фунта можно купить копѣекъ за 10—15. Обѣ смородины простонародье ѣстъ сырымъ. Замѣчательно, что малины и обѣихъ смородинъ всего болѣе находится въ окрестностяхъ близлежащаго отъ Пинеги красногорскаго монастыря. Нужно предположить, что это не случайность, а монахи ее тамъ развели.

Земляники въ пинежскомъ уѣздѣ такъ мало, что ее рѣдко можно видѣть въ продажѣ, почему и цѣну ей опредѣлить невозможно. Въ болѣе сѣверномъ, мезенскомъ уѣздѣ ея уже совершенно нѣтъ, тогда какъ въ шенкурскомъ собираютъ этой ягоды довольно.

Черницы въ Пинегѣ растутъ очень много; она точно такая же, какъ и въ средней полосѣ. Четверикъ этой ягоды никогда не стоитъ болѣе 40 копѣекъ; ѣстъ ее народъ сырую. Похожая очень на черницу бываетъ здѣсь голубель; разница та, что голубель сла-

ще черницы, болѣе синяго цвѣта, ягоды больше и продолговатныя, тогда какъ черница кругла. Собирается ея здѣсь не въ примѣръ болѣе черницы, почему она и дешевле послѣдней.

Брусники, или, по мѣстному, «брусницы» около Пинегы растутъ довольно, но рѣдко она тамъ созрѣваетъ; всегда зрѣлая она является только лишь въ шенкурскомъ уѣздѣ, почему и вкусомъ она тамъ лучше пинежской. Въ Пинегѣ зимою четверникъ ея стоитъ отъ 40 до 50 копѣекъ, Держать ее всю зиму—или замороженной, или толченой въ ушатахъ. Послѣднюю, въ постные дни, ѣсть народъ съ такъ называемою здѣсь «сладкой опарой». Это родъ кашицы довольно жидкой, которая дѣлается такимъ образомъ: въ кипятокъ бросаютъ ржаную муку, мѣшаютъ ее и ставятъ горшокъ въ печь. Болѣе богатые изъ замороженной брусники приготавливаютъ родъ салата къ жаркому. Все дѣло въ томъ, что бруснику, поставленную въ печь для того, чтобъ изъ нея вышелъ весь сокъ, подслащаютъ послѣ сахаромъ, или патокой.

Морошка, по обилію и доброкачественности, считается первой ягодой въ пинежскомъ краѣ. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ ягоды этой больше и она лучше, такъ что въ архангельской губерніи она всего хуже въ шенкурскомъ уѣздѣ и всего лучше въ мезенскомъ. Южнѣе Шенкурска она находится, и то въ очень маломъ количествѣ, въ сѣверной части вельскаго, пограничнаго съ шенкурскимъ, уѣзда. Въ средней Россіи ягоды этой нѣтъ; не знаю, какимъ чудомъ попала она въ бѣльскій уѣздъ смоленской губерніи, хотя ея тамъ чрезвычайно мало растетъ, какъ рѣдкость. Въ пинежскомъ краѣ собирается ея иногда такъ много, что корзину въ три фунта, какъ это было въ 1865 году, можно было купить за пять копѣекъ. Обыкновенно продаютъ ее зимою фунтъ по 3 копѣйки, когда былъ большой урожай, и по 5, когда было ея мало. Морошка растетъ на болотахъ, покрытыхъ мхомъ; съ виду похожа она на малину, пока не созрѣетъ—цвѣтомъ бываетъ красновата, зрѣлая—всегда желта. Собираютъ ее, какъ и прочія здѣсь ягоды, въ августѣ, иногда въ концѣ іюля, выбирая время такъ, чтобы она не была спѣлая, потому что тогда бываетъ она очень мягка, и, по чрезмѣрной сочности, легко изъ себя выпускаетъ сокъ. Морошка растетъ на довольно высокихъ кустикахъ; на всякомъ изъ нихъ бываетъ много стебельковъ, а на всякомъ стебелькѣ по нѣсколькью ягодъ. Запаха морошка не имѣетъ никакого; вкусомъ она водянистая и не сладкая. Изъ нея дѣлается на сѣверѣ великолѣпная наливка, но лучше наливки выходитъ изъ морошки варенье; жаль,

что его тамъ никто не приготовляетъ. Морошку держать всю зиму, въ ушатахъ и въ бочкахъ, въ замороженномъ видѣ и просто. Болѣе бѣдные ѣдятъ ее прямо; кто побогаче—тотъ съ сахаромъ.

Лучше морошки считается паленика, или комуника; только въ пинежскомъ краѣ ея такъ мало, что въ иной годъ и увидѣть даже трудно. Съ виду она тоже похожа на малину, только значительно ея меньше, растетъ маленькими, низенькими кусточками; на всякомъ кустикѣ только одинъ стебелекъ, а на стебелькѣ—только одна ягода. Паленика цвѣта темно-коричневаго, имѣетъ очень сильный и пріятный запахъ, напоминающій собою ананасы. Она тѣмъ лучше и тѣмъ ея больше; чѣмъ ближе къ югу, такъ что въ мезенскомъ уѣздѣ ея уже совершенно нѣтъ, тогда какъ въ пенкурскомъ растетъ она всего болѣе и всего лучше изъ всей губерніи. Наливка и варенье изъ паленики—безподобны, лучше еще чѣмъ изъ морошки. И странное дѣло! никто не займется ихъ приготовленіемъ для продажи, хотя, при самомъ незначительномъ трудѣ, умѣньи и капиталѣ можно было бы нажить громадныя деньги. Посмотрите, какимъ капиталомъ ворочаетъ теперь г-жа Балабухина изъ Кіева, и все это нажила одними вареньями, да прочими сластями. Фунтовая банка варенья изъ морошки или паленики на мѣстѣ не обошлась бы дороже 15 копѣекъ, а въ Петербургѣ, или Москвѣ всякій за нее съ охотою дастъ полтину — подавай лишь!

Можно было бы даже, со временемъ, отправлять эти варенья за-границу. Разумѣется, что занявшись приготовленіемъ ихъ въ большомъ количествѣ, надо было бы имѣть подъ рукой хоть бы небольшой стеклянный заводъ и выписывать большими партіями сахаръ. Но обѣ вещи, какъ нельзя болѣе, легки: стеклянный заводъ скоро бы окупился, потому что въ стеклѣ чувствуется на Сѣверѣ страшный недостатокъ и матеріалы для его производства очень недороги; доставка же сахара обошлась бы тоже дешево, менѣе чѣмъ по рублю съ пуда. Значитъ была бы только предпримчивость, а очень прибыльное предпріятіе готово!

Клюквы въ Пинегѣ очень мало; чѣмъ южнѣе, тѣмъ ея больше. Есть еще черная, небольшая, невкусная ягода; зовутъ ее въ Пинегѣ «сихой». Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ питательномъ веществѣ, называемомъ въ народѣ «корнями». Это родъ мелкаго картофеля, который ищутъ въ землѣ, лишь только снѣгъ исчезнетъ; его здѣсь всѣ ѣдятъ и вкусомъ онъ недуренъ. Грибовъ очень мало; оттого-то ни въ пищѣ, ни въ продажѣ вы ихъ не встрѣтите. Разумѣется, что настоящіе грибы здѣсь не рождаются; попадаютъ

ся лишь, и то какъ рѣдкость сморчки и нѣсколько еще дру
очень низкихъ сортовъ, которые всѣ въ здѣшнемъ простонарод
носятъ названіе «губъ».

Вотъ что даетъ пинежская земля для прокормленія своихъ
тателей! Какъ видите, даетъ она очень мало, но и эта еще
лостъ добывается нераціонально, потребляется нерасчетливо.
перь намъ слѣдуетъ сказать, что достаетъ своимъ трудомъ пи
жанинъ безъ содѣйствія родной его земли; какова его жизнь,
здоровье, его благосостояніе, каковъ онъ по уму своему, что
бить, что ненавидитъ—однимъ словомъ—каковъ онъ!

Это составить предметъ слѣдующей статьи.

В. Журавскій.

БОЛЬНАЯ ДУША.

РАЗСКАЗЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ судьба закинула меня въ одинъ маленькій кавказскій приморскій городокъ. Не смотря на живописную мѣстность, не смотря на роскошь окружающей природы и чудный климатъ, — жить въ немъ было очень скучно и я дожидался дня своего выѣзда, — пребываніе мое въ этомъ городкѣ было только временное, — какъ евреи ожидаютъ Мессію.

Городокъ этотъ былъ похожъ на всѣ остальные приморскіе кавказскіе города. Куча малѣнькихъ, бѣлыхъ домиковъ, двѣ-три улицы и десятокъ переулковъ, нѣсколько турецкихъ и греческихъ лавокъ на берегу моря, походная церковь на площади или плацу, казармы, лазареты — вотъ и весь городъ.... Прибавьте къ этому различные военные элементы, напр., трескъ барабана, звукъ рожка, частые выстрѣлы на „ученья“; населите этотъ городъ солдатами, офицерами, подбавьте горсточку турокъ, грековъ и туземцевъ, щепотку гражданскихъ чиновниковъ — и вы получите хоть приблизительное понятіе объ описываемомъ городѣ. Впрочемъ все это вещи не важныя: мѣстность есть только сцена жизни, декорация или аксессуаръ дѣйствія.... „Достопримѣчательностей“, которыя слѣдовало бы осмотрѣть, въ этомъ городѣ не было, и потому прогулки по улицамъ, почти всегда пустыннымъ, прогулки по окрест-

ностямъ и пребываніе въ крайне омерзительной гостинницѣ, — все это страшно надоѣло мнѣ. Знакомыхъ и книгъ не было, только подъ конецъ своего пребыванія я случайно, — по милости перепугавшей меня сильной перемежающейся лихорадки, — познакомился съ однимъ тамошнимъ военнымъ врачомъ, скоро — какъ говорится — сошелся съ нимъ и, выздоровѣвъ окончательно, постоянно надоѣдалъ ему своими посѣщеніями и просьбами о снабженіи книгами.

Мой новый знакомецъ былъ простой, толковый и добрый человекъ; онъ терпѣливо выслушивалъ мои жалобы на скуку вслѣдствіе отсутствія работы, отъ которой я былъ оторванъ, давалъ мнѣ и книги и журналы, и часто бесѣдовалъ со мною о томъ, о семъ....

Разъ какъ-то подъ вечеръ, — помню, было воскресенье, — я вышла прогуляться и зайти къ моему единственному знакомому. Вечеръ былъ славный, лѣтній: тепло и тихо.... Въ воздухѣ сильно пахло цвѣтущими акаціями; заходящее солнце какъ-то празднично освѣщало золотисто-червонымъ свѣтомъ и бѣлые домики городка, и темнѣющія кусты деревьевъ, и окрестныя горы, замѣтно начинающія синѣть, покрываться легкой какъ паръ дымкой и словно тонуть въ этомъ прозрачномъ туманѣ....

Прошелъ я одну улицу, прошелъ другую и вышелъ на базаръ.... Вдругъ мое вниманіе было привлечено слѣдующей безобразной сценой.

По улицѣ, въ сторонѣ отъ торгующихъ, почти у самыхъ ступенекъ, ведущихъ въ лавки, шла молодая женщина въ сѣренькомъ бурнусикѣ, съ цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ на головѣ и въ желтенькомъ, съ мелкими черными полосками ситцевомъ платьишкѣ, подолъ котораго былъ страшно запыленъ. Шла она нетвердой, шаткой походкой, которою обыкновенно ходятъ пьяныя женщины, и часто оступалась.... Меня поразило и ея лицо и вся ея фигура. Это была молоденькая женщина, очевидно русская, не высокаго роста, но замѣчательно хорошо сложенная; стану ея позавидовала бы любая барышня изъ благородныхъ: до такой степени были пропорціональны и хорошо развиты части ея тѣла.... Но особенно хорошо было ея лицо, — симпатичное, замѣчательно доброе,

простое, русское, въ высшей степени миловидное лицо, съ задумчивымъ и теперь слегка затуманившимся взглядомъ двухъ черныхъ глазъ.... Темные волосы слегка выбивались изъ подъ платка и обрамляли это кругленькое, замѣчательно свѣжее, бѣленькое, теперь съ сильнымъ пьянымъ румянцемъ на щекахъ, личико.... Вообще было что-то особенно симпатичное, приковывающее ваше вниманіе въ этомъ личикѣ, которое, при другихъ лучшихъ условіяхъ жизни, было бы красивымъ. Женщина эта, какъ мы сказали, медленно и нетвердо шла подлѣ лавокъ, въ сторонѣ отъ торгующагося и толпящагося люда и казалась сильно пьяною. — Греки, мингрельцы, турки провожали ея громкими насмѣшками, смѣхомъ; иные указывали пальцами, другіе даже хватали за рукава бурнуса, за самый бурнусъ, за платье, зазывали, хохотали....

— Дун-шка! Ладанка! раздавались крики.

— Ну васъ!... Отстаньте! донесся до моего слуха женскій голосъ. Эта женщина не отбивалась, не ругалась: она казалась очень спокойною, движенія ея были медленны, шла она словно задумавшись, вяло, апатично какъ-то. Приведенныя выше слова она произнесла какому-то джентльмену, который ужъ черезъ чуръ энергически потянулъ ее за рукавъ бурнуса, и произнесла ровнымъ, спокойнымъ, слегка пѣвучимъ голосомъ, полуобернувшись къ нему, при чемъ лицо ея вдругъ освѣтилось легкою улыбкой, будто она вспомнила что-то смѣшное.... Прошедши рядъ лавокъ, она вернула за уголъ улицы и исчезла изъ глазъ, сопровождаемая гиканьемъ, криками, свистомъ.

Вся эта сцена меня озадачила. Ни откуда не было слышно ни единого слова защиты, не было видно ни единого движенія остановить эти крики, эти насмѣшки.... На лицахъ бабъ, торгующихъ на базарѣ, я прочелъ даже не скрываемое презрѣніе и выраженіе какого-то злобнаго удовольствія, словно случилось нѣчто резвычайно имъ пріятное....

Черезъ двѣ-три минуты снова закипѣлъ базаръ, какъ будто того и не происходило.

— Кто это такая? обратился я къ одному уже сѣдому ветерану-солдату, съ грудью увѣшанной многими медалями.

Тотъ отвернулся съ досадою, очевидно не желая вступать въ разговоръ.

Съ тѣмъ же вопросомъ обратился я къ другому, помоложе, стоявшему около съ небольшимъ круглымъ яснымъ столикомъ и философически ковырявшему въ носу, въ ожиданіи покупателя.

— А кто ее знаетъ!... Видимо—шляется.... Не твереза — оттого. Рыхлая, значить, на этотъ счетъ: выпьетъ стаканъ, другой, и — шабашъ!... отвѣтилъ тотъ, продолжая ковырять въ носу съ тѣмъ же глубокомысленнымъ, философическимъ видомъ.

Я прошелъ нѣсколько шаговъ далѣе, разумѣется, не удовлетворившись такимъ глубокомысленнымъ отвѣтомъ. Я замѣтилъ, что оба спрошенные мною подозрительно, недоброжелательно, какъ-то искоса поглядѣли мнѣ вслѣдъ. Нужно замѣтить читателю, что я былъ въ нѣмецкомъ платьѣ, ибо принадлежу къ мирному и презираемому здѣсь сословію „штафирокъ“.

— Кто такая эта женщина? спросилъ я наконецъ третьяго уже солдата, тоже молодого, но расторопнаго, бойкаго, который горячо торговался съ мингрельцемъ и сыпалъ ему цѣлыя тирады на великорусскомъ нарѣчьи, не взирая на то, что тотъ, какъ кажется, очень мало понималъ его.

— Это-съ? заговорилъ онъ, быстро оставивъ покупателя и окинувъ меня пронизательнымъ взглядомъ.— Дунька, слесаршей прозывается, ваше высоко—діе!... Солдатка, замужня.... Гулящая, одно слово, какъ есть гулящая, безпутная то есть, ваше высоко—діе! -- отпартовалъ онъ бойко, вытянувшись въ струнку, — потомъ, внезапно бросивъ меня, порывисто кинулся къ мингрельцу и сталъ снова сыпать словами, убѣдительно и безпрестанно тыча ему въ носъ какими-то лохмотьями.... Потолкавшись еще нѣкоторое время на базарѣ, я отправился наконецъ къ своему единственному знакомому.

Когда я вошелъ въ комнату его маленькой квартирки, мой эсв лапъ, въ бѣломъ кителѣ на распашку, лежалъ на диванѣ и талъ, кажется, „Медицинскій Вѣстникъ“.

— А, вотъ и вы!... сказалъ онъ приподнимаясь. По тону голоса я заключилъ, что онъ мысленно посылалъ меня къ чорту Я

самъ сознавалъ, что пришелъ не во время и прервалъ его работу самымъ нахальнымъ образомъ; начать разговоръ обыкновенной фразой: „извините, я можетъ быть вамъ мѣшаю?“ на которую почти всякій изъ вѣжливости отвѣчаетъ отрицательно и даже увѣряетъ васъ, что ваше посѣщеніе ему очень пріятно, — я не могъ и поэтому, смиренно сознавая свою надоѣдливость, уныло отвѣтилъ:

— Вотъ и я...

Наступило небольшое молчаніе, во время котораго мы изъ подлѣбья посматривали другъ на друга. Угадавъ мысли другъ друга, мы наконецъ вдругъ вмѣстѣ разсмѣялись....

— Что дѣлать, батюшка! До смерти надоѣлъ мнѣ вашъ милый городокъ.... оправдывался я.

— Ну, да Богъ съ вами, перебилъ меня лекаръ, вставая и продолжая смѣяться.— Выпьете-ка лучше чайку съ ромцомъ и лимонцемъ, да потолкуемъ о чемъ нибудь.... Признаться откровенно, добавилъ онъ возвращаясь въ комнату, изъ которой выходилъ, чтобы распорядиться чаемъ,—признаться откровенно, я и самъ радъ вашему приходу: усталъ за день—страхъ какъ,—пообѣдалъ, выспался, а тутъ хандра напала на меня, сталъ читать,—да нейдетъ что-то въ голову это чтеніе....

Черезъ четверть часа подали самоваръ, свѣжее сливочное масло, хлѣбъ, рому, лимона. Мы усѣлись на балкончикъ и предались сладостному наслажденію природой, чаемъ съ бутербродами и т. п.

— Скажите пожалуйста, Сергѣй Ивановичъ, что это у васъ тутъ за женщина, Дуня, слесаршей ее тутъ называютъ? спросилъ я за вторымъ стаканомъ.

— Ага!... Видѣли? спросилъ онъ, наливая мнѣ и себѣ рому въ чай.

Я рассказалъ ему видѣнную мною сцену со всеми подробностями и моими личными наблюденіями, впечатлѣніями, соображеніями, догадками, по поводу этой сцены. Хозяинъ молча слушалъ мой рассказъ, изъ подлѣбья глядя на меня. Когда я кончилъ, онъ задумался на минуту и потомъ какъ-то нехотя проговорилъ:

— Да, вы правы.... Эта личность выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, тѣхъ сѣренъкихъ личностей, которыя каждый день по-

падаютъ на глаза и проходятъ незамѣченными... Она, знаете, какъ-то невольно напрашивается на вниманіе и—если хотите—возбуждаетъ сочувствіе... т. е. состраданіе....

— Но кто она такая, не знаете ли вы?

— Какъ не знать! Я тутъ всёхъ знаю, и ее знаю.... Я—врачъ, живу въ маленькомъ городкѣ, — какъ не знать! Вся ея жизнь, или, вѣрнѣе, большая и замѣчательнѣйшая часть ея жизни, протекла предъ моими глазами.... А это интересный, интересный субъектъ, ей Богу!... Да вамъ-то что? неожиданно, какъ будто спохватившись и почти грубо спросилъ онъ меня, поднявъ голову отъ стакана, изъ котораго онъ во все время разговора какъ-то разсѣянно и машинально прихлебывалъ.

— Понятное дѣло—жаль.... Молодая....

— Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь, — брезгливо и ѣдко замѣтилъ онъ.

Я поглядѣлъ на него.

— Что вы смотрите? Да, ей-то и нечѣмъ помочь, какъ ни верти. Это, батюшка, совсѣмъ исковерканная, больная душа; это такая личность, изъ которой и вышло бы, можетъ быть, что нибудь хорошее, но которая вслѣдствіе различныхъ условій попала на такую дорожку, по которой ходятъ только по крайней нуждѣ, да и то едва ли сознательно ходятъ.... Теперь она невозвратно юркнула въ самую тощую грязь, и съ ногами, и съ головой; теперь всѣ презираютъ, клеймятъ ее, всѣ толкаютъ ее въ эту же самую грязь... Да-съ!... А не то судьба сулила ей!

— Да кто же она такая?

— Кто она такая? А вотъ я вамъ поразкажу, кто она такая.... въ раздумьи говорилъ лекаръ.—Кто она такая? Этотъ вопросъ занималъ меня, батюшка, ровно четыре года и занимаетъ еще и по нынѣ.... Впрочемъ вопросъ этотъ я не въ той формѣ себѣ задавалъ, въ какой вы его теперь поставили; меня вотъ что собственно занимало: что за существо эта женщина.... ну, хоть въ психологическомъ что ли смыслѣ.... Впрочемъ, подождите.... Лучше я расскажу вамъ свои наблюденія, расскажу ея жизнь, на сколько

мнѣ удалось ее подмѣтить, скажу свое объясненіе этого явленія, а тамъ уже ваше дѣло.... думайте, какъ хотите.

„Четыре года тому назадъ Дуня пріѣхала сюда изъ Россіи, изъ Москвы, вмѣстѣ съ своею матерью. Отецъ ея служилъ и служить до сихъ поръ въ мѣстныхъ войскахъ солдатомъ; мать и дочь пріѣхали къ нему сюда послѣ долгой разлуки. Мать Дуни—старая, высокая баба, съ отвратительнымъ, рябымъ лицомъ, просто вѣдьма какая-то, по ремеслу—крестьянская повитуха-самоучка, но занимающаяся при случаѣ всякимъ ремесломъ... Я слыхалъ, что она даже изъ своей родной дочери дѣлаетъ предметъ... ну, однимъ словомъ... вы понимаете меня. Отецъ — солдатъ, забитое, загнанное существо; скупой и черствый человѣкъ, какъ мнѣ говорили.

Дуня пріѣхала сюда дѣвухой лѣтъ четырнадцати. Какъ шла ея жизнь и ея воспитаніе въ Россіи — ничего особеннаго сказать вамъ не могу, потому что самъ не много знаю. Знаю только, что до Москвы она жила въ Нижнемъ. Она тогда была очень мала, мало и помнить поэтому. Въ Москвѣ они жили около воспитательнаго дома, въ Замоскворѣчьи, у какого-то Краснаго Холма... Они проживали у какой-то генеральши, которая когда-то была на Кавказѣ... Мать занималась тѣмъ же ремесломъ, что и теперь, т. е. была повитухой. Потомъ Дуню отдали въ швейное заведеніе или училище, какъ она говоритъ, — отдали въ ученицы на пять лѣтъ. Тогда ей было 9—10 лѣтъ. Воспоминанія объ этомъ времени у нея сохранились самыя пріятныя. Радостно вспоминала она свою учительницу — бѣлошвейку, какую-то Вѣру Николаевну; рассказывала много про ея веселый характеръ, доброту... Въ этомъ-то заведеніи она выучилась хорошо шить; она была отличной швейкой и прачкой.

Чудная дѣвуха была Дуня: красива, тиха, скромна... Тотъ, кто видѣлъ ее въ то время, едва ли бы повѣрилъ ея теперешнему положенію: до такой степени рѣзокъ, дикъ, неестествененъ переходъ отъ прошлаго къ настоящему...

Я жилъ тогда въ одномъ дворѣ съ ними и часто видѣлъ и лечилъ ихъ всѣхъ. Я немного присмотрѣлся къ ея жизни: поневолѣ, знаете, обращаешь вниманіе на сосѣдей, да и личность-то

ея была какая-то особенная, симпатичная, невольно располагающая къ себѣ, останавливающая вниманіе. Вы видѣли ее; стало быть описывать вамъ ее нечего. Скажу только, что тогда она была еще во сто кратъ милостивѣе, свѣжѣе, здоровѣе... просто заглядѣнье, что была за дѣвушка. Все офицерство наше, не говоря уже о писаряхъ и фельдшерахъ, были безъ ума отъ нея; однако, не смотря на всѣ ухаживанія, домогательства, происки — честные и нечестные, — Дуня была дѣвушка самой безукоризненной репутаціи... Такова была общая молва, общій слухъ. — А это рѣдкость тутъ.. Здѣсь на этотъ счетъ не слишкомъ-то прихотливы. — Обыкновенно рѣдкая дѣвушка пользуется хорошей репутаціей, рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ не „погулявъ“.... Оно и понятно почему. — У насъ на Кавказѣ въ такихъ военныхъ городкахъ-поселеніяхъ, какъ этотъ, всегда преобладаетъ мужской полъ: вотъ почему запросъ на женщинъ великъ, вотъ почему ими очень дорожатъ. — Находятся охотники, люди богатые болѣе или менѣе, которые платятъ изрядныя суммы за этотъ товаръ... или — вѣрнѣе — за право пользованія этимъ товаромъ непопозволеннымъ образомъ... Искушеніе громадное, потому что деньги хорошія, жизнь привольная, безъ труда, безъ заботы... Да и дальнѣйшая жизнь въ этомъ же направленіи всегда прибыльна. — Обыкновенно такія женщины-дѣвушки скоро и легко зарабатываютъ порядочный капиталецъ и когда имъ надоѣстъ такая жизнь или когда стукнетъ лѣтъ 30—40, тогда онѣ выходятъ замужъ... А въ женихахъ недостатка никогда не бываетъ.

Ну а Дуня, не смотря на всю свою красоту, не смотря на всѣ блестящія предложенія, не смотря на всѣ искушенія, не смотря на матушку, готовую, кажется, и отца роднаго за рубль серебра продать, — Дуня жила и скромно, и безупречно, честно жила...

Отецъ съ утра уходилъ изъ дому куда-то на работы; мать возилась по хозяйству или практиковала, а Дуня — шила, мыла бѣлье, помогала матери въ хозяйствѣ. — Съ ранняго утра бывало хлопочетъ на дворѣ, съ коровами, гусями, утками, курами; потомъ одѣнется, умоется, принарядится и начнетъ шить, усѣвшись у окошечка, какъ истая московская швея.... Иногда пѣла она; напр.

„Сидитъ Батя у окошка...“ или: „Куда ты, милый, скрылся...“ и т. п. Одѣвалась всегда чисто, опрятно, если хотите даже изящно, но безъ щегольства, безъ претензій... Просто любо-дорого было смотрѣть на нее, розовенькую, свѣженькую, чистенькую, въ ситцевомъ платьѣ и въ черной сѣточкѣ на головѣ, сидящую слегка пригорюнившись у окна и живо работающую иглой...

— И, знаете, замѣчательно трудящаяся дѣвушка была она! Никогда я не видѣлъ ее безъ дѣла: то шьетъ, то стираетъ бѣлье, коровъ доить, куръ кормить... Непремѣнно и всегда что нибудь да дѣлаетъ. Удивительно работающая личность; это у нея и до сихъ поръ осталось... Рѣдко, рѣдко она проводила время безъ работы. По воскресеньямъ и праздникамъ только, одѣнется бывало по наряднѣе, идетъ въ церковь, усердно молится Богу, поклоны кладетъ чинно, стоитъ въ церкви солидно и строго. Послѣ обѣдни, вечеромъ, идетъ гулять съ матерью въ садъ или на базаръ... Какъ я вамъ сказалъ, она невольно обращала на себя вниманіе. Я тоже заинтересовался ею. Кромѣ ея красоты, кромѣ этой общей симпатичности во всемъ ея существѣ, меня поражала ея особенная, необычная конструкция... т. е. все ея внѣшнее и внутреннее, вся ея *tenure*, — вся она, однимъ словомъ. Среди этой солдатской, грубой, сѣро-суконной обстановки, — вы сами видѣли хоть немного эту обстановку, — она невольно поражала васъ, невольно мозолила вамъ, какъ говорится, глаза.

Никакихъ ссоръ съ отцемъ, матерью и сосѣдками у нея не происходило; держалась она всегда какъ-то вдалькѣ отъ знакомствъ, избѣгала многолюдья и гуляній... по крайней мѣрѣ, я почти всегда видѣлъ ее дома, одну или съ матерью.

Сближаться съ нею я не дѣлалъ попытокъ: времени не было; а хотѣлось таки мнѣ поближе приглядѣться къ этой славной личности... За чѣмъ? Да такъ, — правилась она мнѣ и занимала меня очень. Лечилъ я ее отъ лихорадки; захаживалъ къ нимъ въ комнаты. Жили они довольно грязновато и бѣдно, хотя и были люди достаточные; да и не то что бѣдно, а безалаберно, грубо, не уютно какъ-то. И воздухъ вѣчно тяжелый, съ запахомъ деревяннаго масла и этимъ особеннымъ *bouquet militaire*, въ которомъ слы-

шится запахъ опойка, ржаного хлѣба, пота, квашеной капусты и еще чортъ знаетъ чего... Комнаты низенькія, душныя; окна маленькія, еле-еле пропускаютъ свѣтъ; кухня тутъ же вмѣстѣ съ другими комнатами. А у Дуни все-таки чище и уютнѣе было; комнатка такая веселенькая, свѣтлѣе прочихъ, кровать съ кисейными занавѣсками, какъ водится, герань и гвоздика на окнахъ въ горшкахъ; занавѣски у оконъ тоже; чисто кругомъ, выметено, убрано...

Говорилъ я съ ней: отвѣчаетъ робко, не смѣло, но хорошо, не хитро, но толково. — Спросилъ я ее какъ-то: отчего она всегда такая задумчивая? — Она было застыдилась, но потомъ съоткровенничала, призналась, что ей скучно здѣсь, на родину хочется...

— Хорошо тамъ у насъ, въ Россіи, не то что здѣсь, — добавила она со вздохомъ.

— А хочется на родину? спросилъ я.

— И-и-и... Боже мой! Кажись, все бы отдала, только чтобъ въ Москву опять вернуться, — отвѣтила она. — Видимо ей было неприятно съ непривычки тутъ на Кавказѣ, среди дикости и чуждости-то здѣшней; видимо тосковала и грустила она по отчизнѣ.

— А вы работайте, — замѣтилъ я; — за работой и грусть-то станетъ поменьше...

— Работаю, — отвѣчала она мнѣ, — отъ работы я не бѣгаю, сами видите; а всежъ одна думушка на душѣ: какъ бы скорѣе отседова...

Говорилъ я съ нею еще о томъ, о семъ; пріятно, отрадно какъ-то было говорить съ нею...

Я себѣ составилъ о ней такое мнѣніе, что это славная, здоровая женщина, необразованная конечно, но неглупая, любящая трудъ, честная, добрая, немного робкая, нехитрая, пороку, что называется, не выдумаетъ, тихая по характеру, съ слабою волею, не энергическая; наоборотъ, даже вялая, сентиментальная немного, если хотите, задумчивая... но все-таки хорошая личность. Для массы такія личности драгоцѣнны.

— Вдругъ вышла возмутительная штука! желчно и съ горечью заговорилъ лекаръ, — возмутительная, впрочемъ, для насъ съ вами,

да еще для немногихъ... Ее я считаю исходной точкой всего послѣдующаго зла; иначе я не могу объяснить себѣ ея послѣдствій... — Ну-съ... прожила Дуня такимъ образомъ годъ: т. е. въ дѣвушкахъ, съ отцомъ, матерью, работая честнымъ образомъ... Домашнюю жизнь ея нельзя было назвать ужь совсѣмъ тяжелой: ее не ругали особенно, и не били, и не принуждали работой, напротивъ ее даже холили, ею дорожили, какъ дорожатъ живымъ товаромъ, который можно сбыть за выгодную цѣну такъ или иначе... Конечно тутъ дѣло шло о женитьбѣ, какъ о болѣе вѣрномъ, гарантированномъ, спокойномъ способѣ продажи этого живого товара. — Въ женихахъ конечно недостатка не было: кого-кого только не было въ числѣ ихъ. Были люди и съ капиталцемъ, были и канцелярскіе чиновники, и военное сословіе — фельдфебеля, фельдшера и т. п. Дуня никого не выбирала, а родители, пока мѣстъ не принуждали ее, очевидно выжидая случая повыгоднѣе... О, такой случай не замедлил вскорѣ представиться... Посватался за Дуню какой-то простой солдатъ, по ремеслу слесарь, — старый, корявый, плюгавенькій, но кулакъ, съ изряднымъ капиталомъ, какъ ходили слухи... Два дома своихъ онъ тутъ имѣеть, постоянные и хорошіе доходы, такъ какъ онъ искусный мастеръ, знатокъ своего дѣла; имѣлъ и наличное... Съ отцомъ Дуни у него были какіе-то счеты: тотъ былъ долженъ ему порядочную сумму денегъ, которую по скупости не хотѣлъ платить... Слесарь былъ очень охочъ жениться на Дунѣ; старикашка смекнулъ, какъ нужно дѣйствовать и предложилъ, между прочимъ, простить долгъ, если дѣло уладится... Пошли переговоры, счеты, расчеты, и Дунѣ объявили, чтобъ она шла за него замужъ... Можете сообразить: ей, дѣвухѣ 15 лѣтъ, такой, какъ я вамъ ее описалъ и какъ вы сами видѣли, — ей идти за плюгаваго старика, солдата, чуть ли не пятидесяти лѣтъ, угрюмаго, грязнаго, безобразнаго, не любаго... ей, молодой, свѣжей, красивой... Ну, да оставимъ всѣ его внѣшнія качества въ сторонѣ, хотя очень понятно физиологическое отвращеніе или хоть просто равнодушіе молодой дѣвухи къ крайне безобразному во всѣхъ отношеніяхъ старику, но дѣло все въ томъ, что она не любила его нисколько... Сказали Дунѣ: — та, конечно,

и руками и ногами. Просить, молить, на колѣняхъ ползаетъ... Отецъ и мать принуждаютъ: выходи да выходи... Насиліе, ба-тюшка, возмутительное!.. Шумъ, исторія, руготня,—наслушался я, какъ они истязали Дуню-то, какъ они ее и били, и стращали, и уговаривали... Отъ другихъ я узналъ еще большія, еще ужаснѣйшія подробности... Вчуже зло взяло меня. Призываю отца—уговариваю бросить это дѣло, пожалѣть дочь, выставляю резоны,—тотъ упирается, стоитъ на своемъ... Мать — тоже. Ничего я не подѣлалъ, сколько ни бился.—Кромѣ меня, никто за нее не заступился, никто слова не сказалъ, хотя всѣ знали объ этомъ гнусномъ дѣлѣ... Вѣроятно, Дуня провѣдала откуда нибудь, что я просилъ за нее родителей или, быть можетъ, просто ей само по себѣ взбрело на умъ, но только однажды она сама пришла ко мнѣ просить помощи...

Дѣло было вечеромъ. Сажу я у себя въ комнатѣ и занимаюсь. Вдругъ отворяется дверь, входитъ Дуня, вся въ слезахъ, худая, истомленная... Какъ вошла такъ и опустилась на колѣни.

— Спасите, говорить... На васъ одна надежда.

Я поднялъ ее, усадилъ, сталъ спрашивать. Вижу бѣдная дѣвушка сама не своя: тяжело и больно, и страшно ей...

— Силкомъ замужъ выдаютъ,—сказала она.—Тутъ и смерть моя... Хоть вы-то, говорить, пожалѣйте меня...

Сталъ я ее успокоивать, уговаривать; сказалъ, что безъ ея согласія никто ее замужъ выдать не можетъ, говорилъ, чтобъ она была спокойнѣе, не отчаявалась... И чтожъ вы думаете она мнѣ на это сказала?—Объявила, что она противъ воли родителей не можетъ идти, что если они ужъ совсѣмъ прикажутъ, то она должна повиноваться и что, слѣдовательно, одно спасеніе—это уговорить отца и мать не принуждать ее идти замужъ за немилаго... А у ней, у самой, не только не хватало рѣшимости, силы воли—энергически противодѣйствовать насилію, но даже не хватало силы послушаться слова родительскаго, заявить имъ и о своей личной волѣ... Тутъ-то особенно проглянула ея слабохарактерность, робость, отсутствіе воли, ея пассивность... Ослушаться и не повиноваться родителямъ казалось ей чѣмъ-то невысказаннымъ, хотя дѣло-то шло

о ея жизни, о ея счастья, хотя тутъ рѣшался важный вопросъ: быть или не быть? Впрочемъ немногія дѣвушки изъ этого бѣднаго класса, способны на энергическій протестъ... Еслибъ она отказалась выйти замужъ, какъ ей привязывали, во что превратилась бы ея домашняя жизнь? А жить особнякомъ, самостоятельно, и отдѣльно отъ родителей,—это уже было верхоиъ невозможности для нея.

Я замѣтилъ, что почти всегда такія кроткія, тихія и слабохарактерныя существа, каковымъ была Дуня, въ критическихъ, что называется, минутахъ жизни способны на энергическій протестъ, на грозную, беспорядочную вспышку своего личнаго я, своей подавленной и скованной воли... Но тутъ этого не было. Тутъ случилось, какъ вы увидите, совершенно другое психическое явленіе,—крайне непріятное, грустное и весьма скверное по послѣдствіямъ, но въ высшей степени оригинальное, интересное и поучительное. Да-съ, и тутъ тоже выпелъ протестъ, но своеобразный, необычный; тутъ тоже, если хотите, было заявленіе о своей личной волѣ, была своя собственная идея и свое самостоятельное поведеніе, — но все это сдѣлалось втихомолку, робко, безъ особенныхъ внѣшнихъ выраженій душевнаго движенія, все это приняло чудовищную форму и выразилось въ безобразномъ и мрачномъ фактѣ...

Тутъ наступаетъ для Дуни многозначительный періодъ жизни. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, во время всей этой сумятицы, переговоровъ, уговариваній, увѣщаній, стращаній, она дѣлается замѣчательно спокойною... Какъ-то я ее встрѣтилъ и подивился:— вмѣсто тревожнаго и безпокойнаго выраженія въ лицѣ, появилось выраженіе какой-то тупости, безстрастія, окаменѣлости какая-то; она была страшно блѣдна и сильно похудѣла... „Закостѣнѣла“, какъ говорятъ въ народѣ. Вдругъ, знаете, нашло на нее это состояніе. Наканунѣ я видѣлъ ее вечеромъ еще тревожной, въ слезахъ, сидящей у окошка...

— „Что, спрашиваю, Дуня, какъ дѣла идутъ?“ — „Ничего, говоритъ... — порѣшилась!“ — „Какъ?“ — „Супротивъ судьбы, да отца, да матери, мнѣ не йтить... Всѣ противъ меня, окромя васъ, Сергѣй Ивановичъ... Дай Богъ вамъ за это...“ сказала, бровью, что называется, не моргнувъ, безучастно этакъ, и ушла въ комнаты,

вся блѣдная, „порѣшенная“... Видно, что на все рукой махнула, вся ушла въ себя, и пассивно отдалась на пытку... дѣлайте, моль, что хотите!—Но не это одно проглядывало въ ней: какая-то мысль глубокая, давящая, затаенная засѣла у нея глубоко въ мозгу... Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось.—Тутъ и задумчивость ея увеличилась: она стала молчаливѣе, движенія стали медленнѣе; казалось мнѣ, что она постоянно какъ будто о чемъ-то думаетъ, но не плачетъ, не убивается... „Порѣшенная“ значить. Захандрилъ и я въ это время: ей богу, не въ моготу становилось глядѣть на нее...

Сыграли свадьбу:—отпѣли заживо и похоронили молодую душу.

Свадьба была въ домѣ родителей невѣсты, слѣдовательно въ одномъ дворѣ со мною. Было много гостей, даже музыканты были... Изъ отворенныхъ, ярко освѣщенныхъ оконъ несся людской шумъ, говоръ, пѣсни, крики; музыка играла... До поздней ночи шла оргія.. Каково жилось въ это время Дунѣ? Не легко, я думаю... А потомъ, когда она осталась впервые наединѣ съ мужемъ?.. Эхъ!.. Я до утра не спалъ...

Дня чрезъ два послѣ ея свадьбы я получилъ проклятую командировку въглубь страны. Такова ужъ наша судьба, судьба военныхъ медиковъ: вѣчныя командировки. Поѣхалъ я въ командировку, пробылъ въ отсутствіи мѣсяца два и, приѣхавъ назадъ, нашелъ много перемѣнъ въ Дунѣ... да такихъ перемѣнъ, что я и не зналъ, что и подумать!...

Стали до меня доходить слухи, что Дуня стала жить такъ, какъ живутъ женщины, промышляющія собой... Я было не вѣрилъ, но вскорѣ вполне убѣдился въ этомъ... Мнѣ особенно памятна одна сцена, на одномъ холостомъ вечерѣ, гдѣ случайно пять-шесть человѣкъ, въ пріятельской бесѣдѣ, которой и я былъ свидѣтелемъ, откровенно, всѣ вмѣстѣ, будто сговорившись, признались въ своихъ отношеніяхъ... къ Дунѣ. И это была правда, суцая правда. Такъ началась ея теперешняя жизнь, началась безъ борьбы, не вынужденная ни голодомъ, ни холодомъ, неувлекшая ее выгодами, связанными съ вею, неоттолькнувшая ничѣмъ... Это было какое-то добровольное, сознательное паденіе... Началась ужасная жизнь.— жизнь разврата.

Ремесло прачки, которое ей давало возможность ходить одной вездѣ, не возбуждая особенныхъ подозрѣній, дало ей вмѣстѣ съ тѣмъ возможность удобно заниматься этимъ дѣломъ... Конечно она ходила днемъ, — ночью было бы слишкомъ замѣтно для мужа, для всѣхъ, неудобно... Да, нужно удивляться этому полнѣйшему разврату, въ который вдругъ опустилась эта скромная дѣвушка: — никому она не отказываетъ, ходить изъ дому въ домъ, изъ лавки въ лавку, отъ одного человѣка къ другому, не разбирая, не стѣняясь, словно исполняла какую-то обязанность...

Меня сильно занялъ этотъ развратъ... Я думалъ, думалъ, — и пришелъ къ такому заключенію, что это просто какая-то психическая болѣзнь, начинающаяся, развивающаяся, просто сумасшествіе какое-то, что ею руководитъ ложная идея *мести*... да, мести — своему мужу, всему свѣту, себѣ, — мести за свою изломанную жизнь... Много говоритъ за это... Словно махнула она на себя и на все рукою: — не сдѣлали, молъ, меня счастливою, такъ пропадай же все, иди прахомъ жизнь... Не одному, молъ, мужу доставайся я, а вотъ же, ему и всѣмъ на зло, пойду, загуляю, отдамся всѣмъ и каждому, и встрѣчному и поперечному... Вотъ тѣ оскорбленія, которыя меня почти убѣдили, что тутъ дѣло заключается въ этой ложной идеѣ, въ этомъ особенномъ психическомъ, душевномъ разстройствѣ... Самое важное тутъ — характеръ ея разврата. Во-первыхъ — пассивность его. — Что вынудило ее жить такъ? — Лишенія, голодъ, холодъ. — Нѣтъ. — Они люди достаточные, даже богатые, живутъ безбѣдно, живутъ такъ, какъ Дуня никогда не жила; ѣдятъ и пьютъ вволю; она даже частенько по утрамъ кофе пьетъ; хозяйство у нихъ отличное. Любовь къ нарядамъ, роскоши? — Ничуть. — Вы видѣли, какъ она одѣвается: вовсе не роскошно, и большею частію даже бѣдно, и почти всегда грязно... Какъ я слышала, мужъ ее иногда балуетъ: даритъ то, другое. И прежде она не особенно-то занималась собою, а послѣ замужества такъ совсѣмъ опустилась: всегда грязная, рѣдко моется, руки нечистыя, шея какъ сапогъ... Не любитъ она нарядовъ: ни одного шелкового платья у ней нѣтъ, хотя она всегда была въ состояніи сшить его себѣ, а шелковое, хоть мовное или канаусовое платье,

какъ извѣстно, есть *ria desideria* всѣхъ дѣвокъ, солдатокъ, мѣщанокъ и т. д... Она не душится духами, не помадится, а простымъ масломъ мажетъ волосы, — а вы знаете, что душится и помадится всякая, даже самая умѣренная щеголиха... Одѣвается она какъ попало, никакого щегольства, даже простого желанія понравиться, придѣться, прибраться получше, нѣтъ у нея... Да, она замѣчательно грязно и распущенно стала ходить и ходить теперь... Наконецъ, быть можетъ, она изъ изнѣженности, лѣни, изъ отвращенія къ честному труду вдалась въ эту жизнь? — Нѣтъ и этого. Она и прежде — какъ я вамъ говорилъ — работала усердно и не тяготилась своею работою, скорѣе даже любила ее; лѣни и изнѣженности у нея и тогда не было и теперь нѣтъ, а отвращенія къ труду и подавно... Ей-богу нужно удивляться, какъ она и теперь работаетъ... По прежнему она смотритъ за хозяйствомъ; моетъ, шьетъ и все это дѣлаетъ добросовѣстно, не смотря на то, что почти съ каждымъ своимъ давальцемъ она имѣетъ такія отношенія, которыя позволяютъ ей небрежно и скверно мыть и шить бѣлье... Она моетъ по прежнему очень хорошо; никогда и никто не жаловался на ея небрежность, неисправность, или на пропажу бѣлья... Я часто удивляюсь и теперь, какъ она въ дождь и грязь плетется на рѣчку полоскать бѣлье, вся измокнетъ, испачкается, уморится... За одну работу она получаетъ уже изрядную сумму денегъ... Гдѣ же тутъ лѣньность и отвращеніе отъ труда?... Но деньгами она не особенно дорожить... Не смотря на то, что она зарабатываетъ ихъ порядочное количество, уже однимъ честнымъ трудомъ, она все также ходитъ замарашкой, все также развратничаетъ... Иногда вотъ напьется пьяною, любитъ распить бутылочку шампанскаго, шивнуть этимъ предъ своими товарками, угостить и ихъ всѣхъ... Вообще деньги большею частію идутъ зря у ней: то тому дастъ, то другому, или на глупости издержать... Она добра, даже глупо-добра... Мужу тоже даетъ иногда ихъ, а онъ радъ имъ и, какъ мнѣ кажется, не особенно-то заботится о томъ, какимъ путемъ добыла ихъ жена, лишь бы только „сраму“, „огласки“ не было... А вначалѣ выходили страшныя исторіи: и билъ онъ ее, и истязалъ, и срамилъ... Обыкновенно сосѣдки кля-

узничали. Вначалѣ она была безответна, потомъ научилась платить руганью, подчасъ даже побоями... Стали выходить крупныя ссоры, драки... Пошли обоюдныя жалобы по начальству; она даже разъ, вѣроятно по совѣту и наущенію кумушекъ, брякнула просьбу объ отдѣльномъ жительствоѣ отъ мужа, но дѣло это ничѣмъ не кончилось... Билъ ее мужъ, стращаль, срамилъ, ругаль, разъ даже съ обходомъ „при людяхъ“ уличилъ ее, но ничего не подѣлалъ, махнулъ рукою и бросилъ на время... Дѣло этимъ конечно не уладилось: попреки, брань и драки случаются и теперь, хотя рѣже и слабѣе... Миѣ все кажется, что онъ удовлетворяется тѣмъ, что жена прибавляетъ къ его капиталу малую толику и не требуетъ особенныхъ расходовъ; миѣ все кажется, что этотъ господинъ на прибыльныя связи своей жены охотно смотритъ сквозъ пальцы... Впрочемъ, я его очень мало знаю; говорю же вамъ то, что слышалъ отъ другихъ... Весьма замѣчательно еще вотъ что:—Дуня, несмотря на такую жизнь, очень заботится о сохраненіи своей репутаціи, о своемъ добромъ имени, чтобъ не „говорила“... Она боится скандала, огласки и сраму; всегда довольно спокойная она страшно ругается съ сосѣдками, если тѣ попрекаютъ ее развратомъ...

Да-съ, это пассивный развратъ... и вотъ еще почему:—она не гонится за деньгами... Были у нея связи и безденежныя, были и за поль-фунта табаку, и за десятки рублей... Ей какъ будто все равно. Многіе миѣ объ этомъ откровенно говорили... Одинъ джентльменъ предлагалъ ей порядочную сумму денегъ, чтобъ она только съ нимъ однимъ жила; выгода была прямая, но чрезъ недѣлю, безъ всякой замѣтной побудительной причины, она бросила его и опять пошла гулять по всѣмъ... Она никого не любила, никѣмъ не увлекалась, никого не ласкала...—Нравилась ли эта ей ужасная жизнь?.. Едва ли. Она никого, никогда не вызывала на связь, ни къ кому не напрашивалась, ни съ кѣмъ не заигрывала, но за то никѣмъ не пренебрегала. Связи ея были вообще не продолжительны; иногда она, не смотря на всѣ выгоды, ни съ того, ни съ сего бросала связь; иногда недѣлю просидитъ дома, работаетъ, моетъ или шьетъ, а потомъ нѣсколько дней подъ рядъ ходитъ по городу, разносить

и бѣлье и себя... Или пойдеть за покушками: обойдетъ всё лавки и никому, никому не откажетъ... Ни красота, ни расчетъ, ни наслажденіе не руководили ею при выборѣ этихъ связей. — И это въ восемнадцать лѣтъ! Такая жизнь при молодости, красотѣ! А вы вспомните, какую чудною дѣвушкой была она до замужества!.. Восемнадцать лѣтъ, батюшка, молодость, красота, здоровье, способность къ труду—вотъ что обидно!...

— Вы никогда не уговаривали ее бросить эту жизнь, никогда не говорили съ ней откровенно? спросилъ я.

— Нѣсколько разъ и говорилъ, и совѣтовалъ, и упрасивалъ даже: мнѣ всегда было больно видѣть ее въ такомъ положеніи. Но что вы подѣлаете? Тутъ никакіе совѣты и уговоры не могли принести пользы, потому что дѣло уже заварилось, а причинъ зла я не могъ удалить. Не могъ же я дать ей свободу, другого, любимаго мужа, цѣль въ жизни и т. п., не могъ я и развить хоть сколько нибудь ея умъ: и времени, и возможности не было... На мои слова она только краснѣла, да отпиралась отъ всего. Доказывалъ я ей, какъ безнравственна такая жизнь, говорилъ какъ опасна она, какъ легко заболѣть, потерять здоровье и т. п. и ничего изъ этого не вышло, всё слова мои не принесли ни малѣйшей пользы, какъ и слѣдовало ожидать, а все шло по старому... Да что! одними словами ничего не подѣлаешь!

Но года полтора назадъ, вотъ какой случай вышелъ. Пріѣхалъ сюда изъ Москвы одинъ молодой человекъ, студентъ-естественникъ, по фамиліи Загуляевъ, пріѣхалъ лечиться... Нужно вамъ сперва сказать, что сюда, на Кавказъ, часто посылаютъ изъ Россіи больныхъ, посылаютъ лечиться здѣшнимъ климатомъ отъ различныхъ легочныхъ страданій, и по преимуществу отъ легочной бугорчатки, чахотки то-есть, какъ ее зовутъ въ публикѣ... Пріѣхалъ сюда этотъ Загуляевъ, нанялъ маленькую комнатку на слободкѣ, въ томъ самомъ домѣ, знаете, гдѣ я прежде жилъ.—Жилъ онъ смирно, тихо, знакомыхъ, кромѣ меня, не имѣлъ,—я его лечилъ, давалъ совѣты, то, другое дѣлалъ,—гулялъ, пилъ молоко, читалъ, писалъ что-то... Иногда и ко мнѣ, вотъ сюда, захаживалъ. — Я скоро сошелся съ нимъ, скоро мы друзьями большими стали. Это былъ

хорошій человекъ: добрый, честный, умный, но большой физически: tuberculosis pulmonum, знаете, во всемъ цвѣту... Худой, блѣдный, невысокаго роста, лицо доброе, глаза тихіе, кроткіе, голосъ тихій, почти беззвучный, румянецъ чахоточный на впалыхъ щекахъ... видъ не заманчивый!.. но вдругъ узнаю я, что онъ сошелся съ Дуней...

Какъ это тамъ у нихъ дѣло заварилось,—право не знаю; знаю только, что она прачкой вначалѣ къ нему ходила... Да, и это любовь была, именно любовь, а не что другое... Что ей въ немъ нравилось?—Красотой особенной онъ не могъ похвастаться; доброта-ли его, теплота, или что другое привлекло ее къ нему—не знаю. Быть можетъ и то, что оба они изъ Москвы, оба на чужбинѣ страдаютъ, что онъ слабенькій, тихій, робкій таковой былъ... Быть можетъ ей жалко было его, хотѣлось ей и приласкать, и приголубить его... Такіе личности, какъ Дуня, очень легко и страстно привязываются къ какому нибудь тоже слабенькому, кроткому существу, которое возбуждаетъ ихъ сочувствіе, симпатію, состраданіе... Какъ бы тамъ ни было, а она любила его. Конечно, о користи тутъ и рѣчи быть не можетъ:—бѣденъ онъ былъ.—Бывало она ему даромъ и моетъ, и шьетъ бѣлье... Подарки даже ему частенько дѣлала, ей Богу дѣлала: самъ видѣлъ—разъ пару галстуховъ при мнѣ принесла, а потомъ подушку, простую, для спанья; ему неудобно, низко было съ одной-то спать, жаловался онъ ей...

А главное совѣмъ перемѣнилась Дуня. Страствія свои по городу, развратную-то жизнь свою, бросила; чище стала одѣваться, пополнѣла, посвѣжѣла, веселѣе какъ-то стала... Очевидно дѣло на ладъ пошло.—Давно видѣлъ я, что у нихъ тамъ что-то есть; частенько заставалъ я Дуню у него... Сталъ онъ какъ-то расправивать про Дуню: я ему все и рассказалъ... Ничего, — поблѣднѣлъ только немного, да слушалъ испуганно какъ-то. Видно потомъ простилъ ей все... Сначала скрывались они отъ меня, а потомъ все я узналъ...

Любо-дорого было смотрѣть тогда на Дуню. Словно переродилась она. Опять напомнила мнѣ прежнюю, милую, славную Дуню...

Часто заставлялъ я ее у него. Свѣженькая, чистенькая, веселая, довольная, сидить у него или такъ болтаетъ, или шьетъ что нибудь... Часы цѣлыя, чуть ли не дни, просиживала она у него: и говорила она, и смѣялась, пѣсни ему пѣла, слушала, что онъ читаетъ ей вслухъ... Обоимъ видимо легко было жить. — У него планы были разные, мечтательные; хотѣлъ онъ ей устроить лучшую жизнь, связать ея жизнь съ своею, сдѣлать ее болѣе счастливой, болѣе полезной, честной... Эхъ! просто больно и досадно даже было слушать его...

Тутъ только вполнѣ узнать я что за прекрасная душа была у ней. Доброта, привязанность какая! Сколько ума, не хитраго, веселаго, русскаго, добраго ума!.. Сколько искренности, сколько чувствъ, прямо изъ души выливавшихся!...

Пѣла она ему пѣсенки, говорила даже стихи, уморительно такъ декламируетъ... Загуляевъ записалъ ихъ, а они потомъ перешли ко мнѣ.. Откуда она ихъ выкопала, — сама ли сочинила или заучила со словъ другихъ, читать она не умѣла, — право не знаю... Оригинальные, своеобразные стихи... „Милая чепуха“, какъ говорилъ Загуляевъ.

— И сколько наивнаго было въ ней, дѣтскаго еще, неиспорченнаго! Было, конечно, много и смѣшнаго и угловато-дикаго; — иногда проскальзывала какая нибудь выходка, ужъ позднѣйшаго пріобрѣтенія, вынесенная изъ ея ужасной жизни... Да, эта ужасная, прошлая жизнь уже оказывала на нее свое вліяніе... Но все это было сравнительно ничтожныя пустяки, которые скоро исчезали... Загуляевъ говорилъ ей много о жизни, о трудѣ, много такого, что постороннимъ кажется смѣшнымъ, нелѣпнымъ, крайне-мечтательнымъ, но я не разъ слушалъ его — говорилъ тепло, съ убѣжденіемъ, просто; видно было, что все это прямо льется изъ его доброй, любящей души. — Онъ сталъ ее учить читать... Быстро стала было развиваться Дуня; личность Загуляева, любовь, помогали дѣлу... Что вышло бы изъ всего этого, еслибъ такая жизнь продолжалась долго, не знаю, не хочу сдѣлать опрометчивое заключеніе. Быть можетъ, вышло бы очень многое, а быть можетъ и ничего.

Но не долго имъ было суждено жить вмѣстѣ... Болѣзнь Загуляева быстро шла впередъ; повторилось кровохарканье, еще разъ, другой... Силы падали не по днямъ, а по часамъ; появился сильный, изнурительный жаръ по ночамъ.. ну, и такъ далѣе. Я дѣлалъ все что зналъ, но ничего подѣлать не могъ... Загуляевъ слегъ въ постель и не вставалъ больше... Тутъ нужно было видѣть, съ какой любовью, съ какой заботливостью ходила за нимъ Дуния...—Мужъ косился, ругался, билъ, и ничего не подѣлалъ; дни и часто ночи просиживала она у больного... Всѣ свои собственные деньги на него расходовала, разные вещи ему покупала... То варенья ему купить, то курицу или цыпленка сварить и ему снести; бывало, меня спрашиваетъ — можно ли ему то, другое.. И все ему сама, на свои деньги покупала. Откудажъ ему было взять ихъ?.. Сама-то она какъ-то не думала о его смерти, по крайней мѣрѣ, мнѣ ничего подобнаго не высказывала, по виду не грустила, скучна была только, что онъ болѣнъ... Его еще развлекала, шутила...

Ночью онъ умеръ; тихо, словно заснулъ. Это было въ концѣ августа, ровно чрезъ четыре мѣсяца какъ онъ прѣехалъ. Дуни въ ту ночь не было около него: чувствовалъ онъ себя хорошо, уговаривалъ ее идти домой, отдохнуть... Утромъ рано, чуть свѣтъ, прибѣжала за мной... Прихожу, и въ дверяхъ сталкиваюсь съ Дунией...— „Что“? говорить,—а сама блѣдная, дрожить вся... Я подошелъ къ постели. Покойникъ лежалъ на спинѣ, покрытый до груди простыней. Помутнѣвшіе глаза открыты, но безжизненны, лицо строго, недвижимо, какъ-то сознательно спокойно; руки — худыя, блѣдныя, какъ воскъ прозрачныя, лежали на груди... Я пощупалъ руки — холодны какъ ледъ, тѣло — тоже; послушалъ грудь — ни звука, ни шума: порвалась жизнь... Умеръ, говорю. — Хозяйка заворчала, что хлопотъ теперь не оберешься; ушла въ сердцахъ... Я оглядѣлся—гляжу: Дуния сидитъ въ сторонкѣ и тихо плачетъ, но горько такъ, больно... Я подошелъ къ ней... Что ей сказать?.. Такъ и стоялъ надъ ней молча... А она потомъ отерла слезы, усмѣхнулась, взглянула на меня, подошла къ трупу-то и долго, съ жаромъ цѣловала его руки, лобъ, глаза,

лицо... Потомъ, вся раскраснѣвшаяся, безъ слезъ, съ острымъ, блестящимъ взглядомъ, — сняла съ шеи своей образокъ, зашитый въ грязную уже холстинку, на тесемкѣ, и надѣла ему на шею...

— „Вотъ тебѣ все мое“... сказала она; еще разъ, прямо въ губы; поцѣловала покойника и, не взглянувъ на меня, вышла скорыми шагами сама не своя, словно помѣшанная... Послѣ того я до похоронъ не видѣлъ ее... Говорили мнѣ, что у ней въ то время былъ какой-то припадокъ, что она и волкомъ выла, и свиной визжала, и руки на себя наложить хотѣла... а потомъ уснула, успокоилась-таки... Ну, вотъ и похоронили мы Загуляева... Никогда не забуду я дня его похоронъ: такъ-таки цѣликомъ и врѣзался онъ въ моей головѣ! Какъ теперь помню: — былъ пасмурный, скучный день; въ воздухѣ холодновато; на горахъ насѣли тучи, сѣдые, сѣрые такія; какой-то полумракъ, непріютный такой, охватилъ городъ; словно сквозь сито моросилъ маленькій дождичекъ и проникалъ до костей... Вся даль морская и земная словно сквозь сѣтку видѣлась. Это дождь ее заткалъ, да и туманъ окуталъ море... Кислый, скучный, слезливый такой былъ этотъ денекъ... Часу такъ въ пять, въ сумеркахъ, значить, повесли его изъ церкви на кладбище. Пошелъ и я проводить. Прихожу въ церковь: — уже выносятъ... Оглядѣлся, думаю: Дуню найду, да нѣтъ, не видно ее нигдѣ... Понесли... За гробомъ только я, да три-четыре солдатика, да старушонка, солдатка какая-то, совѣмъ слѣшая, шли... Пѣвчіе поютъ — душу надрываютъ... И богъ знаетъ отчего, а я, человекъ, знаете, привышій-таки видѣть смерть, а и то расчувствовался... т. е. не то, что расчувствовался, а просто чувство какое-то, ноющее, грустное за сердце хватало... Все это обстановка надѣлала: Дуня изъ головы не выходила, скверная погода такая, покойникъ — одинокій, безъ родныхъ, на чужбинѣ... Мысли такія невеселыя на умъ приходили... Подходя къ кладбищу, я опять оглядѣлся: нѣтъ ли Дуни? — Гляжу: поодаль отъ всѣхъ, далеко позади и въ сторонкѣ, робко, словно крадучись шла Дуня... блѣдная, но безъ слезъ, закостенѣлая какая-то, задумчивая... Стыдно ей было прямо за гробомъ идти, или ужъ привычка ея робкая тутъ сказала — Богъ ее знаетъ... Такъ, поодаль, въ сто-

ронгѣ, и прошла она все время до кладбища. Вотъ сѣренькій бурнусикъ, что вы видѣли, на ней былъ, тоже платье, желтенькое, съ черными полосками... платокъ только другой былъ, красный, измокшій весь...

Пришли на кладбище, помолились, — стали прощаться, цѣловать... Подошелъ я, поцѣловаль... Знаете, слезы на глаза наворачнулись: вдругъ такъ грустно, такъ больно, такъ горько стало... Мать его мнѣ ни съ того, ни съ сего припомнилась, старушка, что пенсіонъ ему почти цѣликомъ на леченіе посылала...

Дуню тоже жаль стало... Ну, ничего... Отошелъ, опять оглядѣлся; смотрю: подъ деревомъ — а кладбище у насъ все липами усажено, да густыми такими, славными, — подъ деревомъ стоитъ Дуня... Вижу: хочется ей полойти, поцѣловать-то его въ послѣдній разокъ, попрощаться на вѣки вѣчныя, да боязно, видно, робѣеть, не рѣшается... Пугливо какъ-то смотреть, безъ слезъ, съ ноги на ногу переминается... Опустили гробъ, засыпали. Та все стоитъ, даже земли на гробъ не бросила... Оступѣлая какая-то стала, потерянная... Стали расходиться. — Подошелъ я къ ней, подъ дерево, и говорю: „Дуня домой пойдѣмъ... пора“. — А она вся... знаете... стоитъ какъ вкопанная, глядитъ потерянно, словно ничего не понимаетъ что окрестъ дѣлается... блѣдная такая... Вдругъ губы затряслись у ней... лицо болью такою исказилось... что... знаете... я человѣкъ хоть и привыкшій къ людскимъ страданіямъ,... но... у меня сердце такъ и сжалось... Обхватила она мою шею правою рукою, посмотрѣла мнѣ въ глаза, словно молила о чемъ, да рыдающимъ голосомъ, надорваннымъ такимъ, выкрикнула какъ-то „ахъ, кабы вы знали!“... Только всего словъ и вырвалось у ней... Прильнула она къ груди моей и стала рыдать... горько... судорожно... такъ что я... хоть и привычшій... но самъ тоже чуть не плакалъ вѣстѣ съ ней..... — Только всего и сказала... Да, батюшка, —

Мало словъ, а горя—рѣченька,
Гори рѣченька бездонная...

заклучилъ лекаръ взволнованнымъ голосомъ, вставъ со стула.

Опъ прошелся раза три по балкону.

— Что же было потом? спросилъ я его послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Нечего и рассказывать: сами видѣли,—отвѣчалъ онъ, крутя папироску и задумчиво глядя въ прозрачную даль моря, — черезъ нѣкоторое время опять пошла прежняя жизнь, этотъ страшный развратъ... Теперь уже невозвратно потонула въ немъ ея личность; всё свѣжія силы ея убиты, надежды потеряны, и человекъ погибъ, какъ погибаетъ громомъ разбитое дерево... Что еще вамъ сказать?... Опять началась жизнь безъ свѣта, безъ радости, съ постылымъ человекомъ, брань, ссоры, побои... Теперь она лжетъ, лжетъ ужасно, не краснѣя, не стыдяся; солжетъ не сморгнувъ, станеть увѣрять васъ и всѣхъ, что любитъ... если это нужно... Э, тяжело и говорить!.. Однимъ словомъ, все пошло по прежнему.

— Вспоминаетъ ли она, по крайней мѣрѣ, хоть иногда, Загуляева, спросилъ я.

— Право не умѣю вамъ сказать... Она со мной ни разу про него не говорила... Разъ какъ-то я опять сталъ ей совѣтовать бросить эту позорную жизнь... Она отреклась отъ всего, что я ей говорилъ, но не покраснѣла, не потушилась, а обидѣлась даже.—Я напомнилъ ей про Загуляева, напомнилъ, какъ онъ упрашивалъ ее жить честно... Она отвернулась, слова не сказавъ. Я спросилъ тогда: „помнить ли она его“?

— „Помню? отвѣчала она безучастно“... Потомъ, очевидно что-то хотѣла прибавить къ этому: это я замѣтилъ по внезапно ожившемуся лицу и по особенному движенію его, но сказать—ничего не сказала, только улыбнулась и замаялась; немного погодя вдругъ заговорила о томъ, какъ съ одной солдатки шляпу сорвали, какъ это было смѣшно, какъ она смѣялась и проч.... Я рукой махнулъ.—Совсѣмъ пропала теперь:—не вытацишь!...

Уже совсѣмъ свѣтало, когда я оставилъ моего знакомаго, взволнованный его рассказомъ.

А. Машинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОДРОСТАЮЩІЯ СИЛЫ.

(Трудное время. Повѣсть В. Слѣпцова.—Живая душа. Романъ Марко-Вовчка.—
Между двухъ огней. Романъ Авдѣева.)

I.

Достолюбезное отечество наше изобилуетъ, повидимому, контрастами самыми неудобобъяснимыми и поразительными; явленія, повидимому, съ самыми противоположными свойствами уживаются у насъ совершенно миролюбиво. Первобытная дикость и варварство перемѣшиваются и переплетаются съ утонченною европейскою цивилизаціею, — отсталые, возмутительные предразсудки и непроходимое невѣжество — съ «последними выводами» западной науки возвышеннѣйшія и благороднѣйшія теоріи — съ самою заскорую рутиную практики... Образованное меньшинство стоитъ почти на одинаковомъ уровнѣ развитія съ образованнымъ меньшинствомъ западной Европы, — мало того, — по господствующимъ въ немъ тенденціямъ, по господствующему въ немъ складу и направленію мысли, оно, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, можетъ занять не послѣднее мѣсто въ первыхъ рядахъ европейской интеллигенціи. Въ то время какъ одна часть общества продолжаетъ вести жизнь «по образу и подобию» своихъ предковъ XIV вѣка, другая часть реформируетъ ее сообразно съ послѣдними выводами общественной науки и нравственной философіи, отвергаетъ рутину и преданія, и относится ко всѣмъ окружающимъ ее явленіямъ съ трезвостью и безобязанностью мыслящаго критика. По своему строго-критическому отношенію къ окружающимъ ее явленіямъ, по

«Дѣло», № 9. 1

смѣлости своей мысли,—она ни въ чемъ не уступаетъ лучшей части западно-европейской интеллигенціи. Подобные контрасты приводятъ въ страшное смущеніе благодушныхъ и неблагодушныхъ дѣловиковъ нашей цивилизаціи. Одни, устремляя свои взоры исключительно на картины мрачнаго свойства, видятъ кругомъ одно невѣжество, варварство, произволь, дикость, необузданность нравовъ, повальное тупоуміе, и потому грустно объявляютъ, что наша цивилизація никуда не годится и что она не представляетъ ни одного сколько нибудь утѣшительнаго явленія. Другіе, напротивъ, имѣя въ виду по преимуществу одну только интеллигенцію, или правильнѣе одну только часть этой интеллигенціи, утверждаютъ также не безъ грусти, что наша цивилизація слишкомъ скороспѣла и что недурно было бы нѣсколько попридержать ее, возвратитъ къ «народнымъ началамъ», т. е. къ первобытному невѣжеству и къ дикости нашихъ почтенныхъ предковъ. Мы думаемъ, что и тѣ и другіе равно ошибаются. Наше положеніе не такъ мрачно и безнадежно, какъ думаютъ первые, и наше интеллектуальное развитіе совсѣмъ не представляетъ той скороспѣлости, какую въ немъ предполагаютъ вторые. Условія общественнаго и экономическаго быта нашего народа, правда, измѣнились очень мало, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онѣ были прежде; но такова уже участь всякаго народа. Цивилизація, вообще говоря, никогда не имѣла обыкновенія слишкомъ много о немъ заботиться; у нея и безъ него много есть хлопотъ, тѣмъ болѣе, что она напередъ знаетъ, что о ея достоинствѣ и степени развитія судить совсѣмъ не потому, какъ живетъ этому народу; насколько улучшилось или ухудшилось его положеніе, а потому, насколько развились науки и искусства, украсились города, расширилась торговля, проложились новыя пути сообщенія, усовершенствовалась армія, администрація и т. п. Это-то собственно она и имѣетъ въ виду, а до другого-прочаго какое ей дѣло. Потому отсталость невѣжественнаго народа нечего ставить въ укоръ нашей отечественной цивилизаціи; а за тѣ здоровыя мысли и понятія, которыя въ наше время стали распространяться и утверждаться въ небольшомъ кружкѣ нашей интеллигенціи,—нельзя ее не поблагодарить. Эти здравыя мысли и понятія составляютъ какъ бы залогъ нашего будущаго счастья; и чѣмъ сильнѣе онѣ станутъ проникать въ наши головы, чѣмъ сильнѣе подчинять онѣ насъ себѣ, чѣмъ могущественнѣе оградится ихъ вліяніе на нашей дѣятельности, тѣмъ скорѣе устранится изъ нашей жизни все, что дѣлаетъ ее теперь такою мрачною, унылою, все, что ее гнететъ и

задерживаетъ. Вотъ потому-то мы и говоримъ, что эти понятія составляютъ свѣтлую точку нашей цивилизаціи, точку, которая должна разростись и покрыть собою весь мрачный фонъ картины. Однако именно за эти-то понятія наша цивилизація и пользуется весьма неместнымъ для нея эпитетомъ *скоростной*. Мысли и положенія, выработанныя западно-европейскою наукою и усвоенныя лучшею частью нашей интеллигенціи, называются *вершиками*, нахватаанными безъ толку и смысла, чуждыми нашей жизни, неимѣющими подъ собою никакой прочной, реальной почвы. На людей, осмѣливающихся анализировать общественныя явленія съ точки зрѣнія послѣднихъ выводовъ западной науки, постоянно сыпятся упреки въ верхоглядствѣ, непрактичности и даже въ недобросовѣстности и злонамѣренности. А между тѣмъ, если бы эти господа порвцатели имѣли головы нормально-устроенныя и если бы они привыкли или были способны понимать то, что вокругъ нихъ происходитъ, тогда они убѣдились бы, что всѣ эти, по ихъ мнѣнію, скороспѣлыя теоріи и на лету схваченныя мысли и понятія, имѣютъ глубокое, и въ высшей степени реальное основаніе, что это основаніе лежитъ въ самыхъ условіяхъ жизни интеллигентной части нашего общества, что онѣ не наносны, не произвольны, а логически вытекаютъ изъ данныхъ общественныхъ отношеній, и что они повторяются не ради глупаго попугайничанья, не ради любви къ верхоглядству, а напротивъ вызываются и обуславливаются требованіями народной жизни, той самой народной жизни, о которой они такъ краснорѣчиво толкуютъ и о которой они такъ мало знаютъ. Цѣль нашей статьи требуетъ, чтобы мы нѣсколько подольше остановились на этомъ пунктѣ, и потому просимъ читателя не сѣтовать на насъ за это кажущееся уклоненіе отъ главнаго занимающаго насъ предмета.

Міросозерцаніе людей и характеръ ихъ дѣятельности всегда опредѣляются условіями ихъ экономическаго быта. Конечно, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ личностямъ это положеніе допускаетъ многія исключенія, но въ примѣненіи къ цѣлому сословію или классу оно безусловно справедливо. Еще недавно крѣпостное право управляло всѣми нашими экономическими отношеніями, всѣми житейскими и нравственными интересами. На немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, покоилась вся незамысловатая общественная жизнь и изъ него вытекали всѣ умственные и нравственные наши принципы... Коснуться критически этого рабскаго института сложившагося вѣками, значило коснуться «основъ и коренныхъ началъ» нашей жизни... При такихъ условіяхъ общественнаго быта,

трудно было допустить, чтобы интеллигентная часть общества, выходящая, разумѣется, не изъ сословія крѣпостныхъ, нуждалась въ идеяхъ, противоположныхъ своимъ личнымъ интересамъ и допускала возможность серьезной умственной дѣятельности.

Но, увы, ничто не прочно подъ луною, — и всего менѣе проченъ общественный порядокъ, основанный съ одной стороны на легкомысленномъ тунеядствѣ и съ другой, на крѣпостномъ трудѣ и вѣчно самопожертвованіи. Крѣпостной трудъ и неизбѣжно связанное съ нимъ тунеядство до того разстроили всю нашу хозяйственную систему, что сдѣлали совершенно необходимымъ коренное преобразование ея. Такимъ образомъ возникло нѣкоторое недовольство и, какъ, слѣдствіе его, потребность въ критическомъ отношеніи къ явленіямъ окружающей жизни. Вотъ съ этого-то момента и начался періодъ той своеобразной литературы, которая впоследствии получила названіе отрицательной. Когда же совершился экономическій переворотъ — вѣрное критическое направленіе должно было, по естественному ходу вещей, сдѣлаться господствующимъ и самымъ вліятельнымъ. Центръ тяжести нашей интеллигенціи перемѣстился; прежде она почти исключительно выходила изъ сословія прочно обеспеченнаго, консервативно настроеннаго; теперь же барская интеллигенція должна была ступать передъ другою, вышедшею изъ другого класса людей. Этотъ другой классъ людей начавшій формироваться очень давно, и получившій особенно сильное развитіе послѣ экономическихъ преобразованій, составляетъ нѣчто среднее между сословіемъ прочно обеспеченнымъ и совсѣмъ необеспеченнымъ. Умственные занятія и другія тѣсно связанныя съ нимъ отрасли труда служатъ для него единственнымъ средствомъ къ существованію; а такъ какъ запросъ на продукты подобнаго труда, при такихъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ большинство нашего населенія, весьма ограниченъ, то понятно, что обезпеченіе этого класса не представляетъ никакой прочности, никакой солидности. Видя источникъ своего существованія единственно въ своей собственной дѣятельности, въ своемъ личномъ трудѣ, — онъ не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній питать нѣжныя чувствованія къ какимъ либо другимъ постороннимъ источникамъ, которые его не поятъ и не кормятъ. Отсюда весьма легко понять, къ какого рода теоріямъ и доктринамъ долженъ онъ отнестись всего симпатичнѣе и какое міросозерцаніе легче всего ему усвоить, а такъ какъ, по самому положенію своему, онъ долженъ былъ захватить въ свои руки почти весь умственный трудъ, всю умственную дѣятельность

общества, то, разумѣется, его направленіе, складъ его мыслей, его міросозерцаніе должно было сдѣлаться господствующимъ направленіемъ всей нашей литературы. Слѣдовательно, это міросозерцаніе, это направленіе не есть плодъ нашей незрѣлости, нашего верхоглядства;—нѣтъ, оно плодъ условій нашей экономической жизни, нашихъ общественныхъ отношеній, оно естественно необходимо и неизбѣжно, что бы тамъ ни говорили представители отжившей системы. Ихъ голосъ всегда будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынь, ихъ коварныя ухищренія и злобныя интриги обрушатся на ихъ же собственную голову. Время ихъ прошло и ихъ кажущееся торжество не прочно и мимолетно, съ крѣпостнымъ правомъ должны погибнуть и крѣпостныя понятія, и крѣпостная литература.

Такимъ образомъ экономическими соображеніями весьма легко и удобно объясняются и примиряются контрасты въ явленіяхъ нашей общественной жизни, они оказываются даже, при ближайшемъ разсмотрѣніи, совсѣмъ не контрастами, а логическими, неизбѣжными послѣдствіями данной системы общественныхъ отношеній, послѣдствіями, другъ друга объясняющими и дополняющими. Эти же соображенія объясняютъ и другой контрастъ, о которомъ мы еще ничего не говорили, но ради котораго мы и рѣчь-то завели о контрастахъ вообще. Меньшинство, стоящее, по своему міросозерцанію, въ аванпостѣ европейской интеллигенціи съ одной стороны, съ другой, большинство, по складу своего ума и по образу своей жизни, приближающееся къ состоянію первобытныхъ людей, — это контрастъ довольно поразительный и удивительный. Но еще поразительнѣе и удивительнѣе контрастъ между положеніемъ и міросозерцаніемъ русской женщины интеллигентнаго меньшинства съ одной стороны, съ другой положеніемъ и міросозерцаніемъ русской женщины вообще, — между взглядами на женщину меньшинства и взглядами большинства, между отношеніемъ къ женскому вопросу русской интеллигенціи и уровнемъ умственнаго развитія соотечественниковъ нашихъ вообще! Ни въ одномъ западно-европейскомъ государствѣ отношеніе развитыхъ женщинъ къ развитымъ мужчинамъ не представляетъ такой благопріятной для женщинъ пропорціи, какъ у насъ, въ Россіи, и въ тоже время едва ли въ какой другой странѣ положеніе женщинъ вообще, такъ неутѣшительно и печально, какъ у насъ. Чѣмъ грубѣе и невѣжественнѣе народъ, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ позорнѣйшую и униженнѣйшую роль играетъ въ немъ женщина. Пользуясь ея безсиліемъ, ее обрекаютъ работою, и потомъ за это же безсиліе, ее презираютъ,

на нее смотреть, какъ на домашнее животное, на существо низшее, и потому не заботятся о ея развитіи и не щадятъ ея человѣческаго достоинства. Разные Титы Титычи, подъ всевозможными видами, тѣшутся надъ нею властью и заставляютъ ее безмолвно и безропотно повиноваться и преклоняться предъ ихъ дикимъ самодурствомъ. Только дуракъ не обижаетъ ее. Порабощенная и забитая въ семьѣ, она, разумѣется, не имѣетъ никакого голоса и никакого значенія внѣ семьи; она удалена отъ всякихъ общественныхъ обязанностей, отъ всякой общественной дѣятельности; она вѣчная раба общества. Какъ же могли, среди такихъ неблагоприятныхъ условій, образоваться у насъ тѣ самостоятельныя-мыслящія женщины, которыя по степени своего развитія, по складу и направленію своихъ мыслей, смѣло могутъ быть поставлены въ ряды лучшей части нашей интеллигенціи, которыя, по своей чуткости и восприимчивости ко всякой новой мысли, ко всякому общественному движению, ничуть не уступаютъ наиболѣе развитымъ и мыслящимъ мужчинамъ?..

Сомнѣваться въ существованіи у насъ такихъ женщинъ не станетъ никто, кто только слѣдилъ въ послѣднее время за нашею общественною жизнью и литературою. Новыя условія экономической жизни, созданныя уничтоженіемъ крѣпостного права, породили новое стремленіе къ дѣятельности, новый взглядъ на общественныя отношенія, однимъ словомъ привели къ пониманію новаго типа женщины, котораго не знала литература крѣпостного періода. Несмотря на все недоброжелательство къ этому новому типу той литературной компаніи, во главѣ которой стояли гг. Соловьевы, Авенаріусы, Стебницкіе и tutti frutti несмотря на ихъ худо-скрытое желаніе, во что бы-то ни стало очернить и оклеветать своихъ героинь передъ своими читателями,—эти героини все-таки выходили несравненно лучше и чище своихъ творцовъ. Читатель сейчасъ же догадывался, что это карриатура, что въ ней кого-то хотятъ осмѣять и обезславить, но что тѣ, кого въ ней хотятъ осмѣять и обезславить ни мало не достойны ни посмѣянія, ни обезславленія. Появленіе этихъ неискусныхъ карриатуръ служило лучшею рекомендаціею тѣмъ, на кого онѣ были напечатаны... Если для подобной литературы эти «новыя женщины» казались опасными, то значитъ въ нихъ была какая-то дѣйствительная сила, возбуждающая вниманіе сторонниковъ отживающей системы, подрывающая ихъ убогое міросозерпаніе, пропитанное крѣпостничествомъ и филистерствомъ. Но ихъ скудоуміе и ихъ невѣжество отнимали у

нихъ возможность понять сущность этой силы, опредѣлить ея характеръ и направленіе, они боялись ее, но боялись инстинктивно, какъ боятся маленькіе дѣти трубочниковъ. Для нихъ это былъ чистый сфинксъ. Они дѣлали видъ, будто разгадали его, будто знаютъ его, какъ свои пять пальцевъ; но чуть только они начинали излагать результаты своего пониманія и своего знанія,—какъ для всѣхъ становилось совершенно очевиднымъ, что они ровно ничего не понимаютъ, ровно ничего не знаютъ. И чѣмъ удобопонятнѣе и пластичнѣе старались они выражаться, тѣмъ рельефнѣе изобличалось прискорбное непониманіе и ихъ безнадежная несообразительность.

Теперь, когда за изображеніе этихъ «новыхъ женщинъ» взялись люди болѣе или менѣе безпристрастные, относящіеся къ окружающей ихъ жизни по возможности трезво и спокойно, не имѣющіе никакихъ поводовъ клеветать и инсинуировать на своихъ героинь, теперь, говоримъ мы, настало самое удобное время и для критики сказать о нихъ свое слово. Прежде, когда она знала этихъ людей только по произведеніямъ гг. Стебницкихъ, Писемскихъ, Авенариусовъ и К^о, она не могла и не имѣла права давать о нихъ свое заключеніе. Матеріаль, который предлагали ей услужливые романисты, хотя и былъ обилень, но былъ до того изгаженъ и запачканъ, что чистому человѣку невозможно было прикоснуться къ нему. Тогда критика должна была молчать, но теперь, и особенно съ появленіемъ въ печати романовъ Марко-Вовчка (Живая душа) и Авдѣева. Между двухъ огней) продолжать молчаніе мы не видимъ надобности. Потому мы въ настоящей статьѣ намѣрены разобрать возникающій типъ «новыхъ женщинъ», надѣлавшихъ столько шума и возбудившихъ противъ себя такую единодушную злобу и ненависть со стороны защитниковъ крѣпостничества и филистерства. Матеріаломъ намъ будутъ служить, кромѣ двухъ названныхъ романовъ,—повѣсть г. Слѣпцова «Трудное время», написанная хотя и довольно давно, но тѣмъ не менѣе сохранившая и до нашего времени все свое значеніе, такъ какъ лица и отношенія, изображенныя въ ней, въ такой же степени могутъ быть характеристичны для 1865 — 66 годовъ, какъ и для 1868 — 69 года. Женскій характеръ, выведенный въ ней, служитъ какъ бы идеаломъ того новаго типа женщинъ, который съ большею обстоятельностью и рельефностью рисуетъ намъ г. Марко-Вовчекъ въ своемъ послѣднемъ романѣ,—идеаломъ, хотя блѣдно и слабо очерченнымъ, но тѣмъ не менѣе по сущности своей вѣрнымъ основной идеи типа. Съ этого-то идеала мы и начнемъ. Но прежде мы должны отвѣтить

на вопросъ, поставленный нами выше. Какимъ образомъ, среди указанныхъ нами неблагоприятныхъ условий, могъ развиваться и вырабататься типъ «новыхъ женщинъ?»

Мы говорили уже о томъ вліяніи, которое оказали послѣднія экономическія реформы на характеръ и направленіе умственнаго развитія нашей интеллигенціи, мы сказали также, какъ эти реформы видоизмѣнили и самыя условія ея міросозерцанія. При крѣпостномъ правѣ наша интеллигенція поилась и кормилась крѣпостнымъ трудомъ; о хлѣбѣ насущномъ ей думать было не нужно, — объ этомъ думали за нее разные управляющіе, арендаторы, сборщики податей и т. п. Хотя поэты и пѣли, будто «хлѣбъ, воздѣланный рабами не идетъ въ прокъ», хотя романисты и жагѣли подчасъ меньшаго брата, однако это нисколько не смущало довольнаго и благодушнаго настроенія ихъ духа. Они спокойно и величаво относились къ явленіямъ окружающаго ихъ міра, и потѣшались своихъ, такихъ же довольныхъ, читателей—художественными пейзажами и звучнымъ рифмоплетствомъ. По мѣрѣ истощенія крестьянскаго хозяйства, по мѣрѣ разоренія помѣщиковъ, все болѣе и болѣе сокращались ресурсы къ жизни такъ называемыхъ «благородныхъ сословій»; прежде всѣ члены этихъ сословій, безъ различія пола и возраста, находили себѣ готовый приборъ на «жизненномъ пирѣ», и немало еще приборовъ оставалось незанятыми, такъ что нѣкоторые могли ѣсть заразъ за двоихъ и за троихъ; теперь число приборовъ такъ значительно сократилось, что для многихъ совсѣмъ не оказалось за столомъ мѣста. Число этихъ многихъ увеличивалось пропорціонально истощенію помѣщичьихъ хозяйствъ и расширенію государственнаго долга. Послѣднія реформы усилили ихъ комплектъ еще болѣе, такъ что, какъ мы уже выше сказали, образовался цѣлый классъ, который не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ умственнаго труда; въ этомъ классѣ число женщинъ оказалось не менѣе числа мужчинъ. Что оставалось дѣлать этимъ женщинамъ, съ одной стороны лишеннымъ возможности благовиднымъ образомъ заѣдать чужой хлѣбъ, съ другой—желающимъ жить и не имѣющимъ охоты ни умирать съ голоду, ни продавать себя? Имъ оставалось одно—начать самостоятельно трудиться; но какъ трудиться, гдѣ трудиться? Для нихъ были преграждены почти всѣ пути къ практической дѣятельности. Они стали добиваться ея,—они заговорили о своихъ правахъ, а такъ какъ условія экономической жизни этого класса, какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, были одина-

ковы, то идея о равноправности труда мужчинъ и жёнщинъ должна была возникнуть сама собою въ головахъ тѣхъ и другихъ. Далѣе, вслѣдствіе неразвитости нашей промышленности, вслѣдствіе вообще нашей экономической отсталости, спросъ на женскую работу, на рынкѣ чисто механическаго труда весьма ограниченъ, потому большинство этихъ жёнщинъ-пролетаріевъ вынуждено искать средства къ существованію въ трудѣ умственномъ. Отсюда въ средѣ ихъ возникаетъ жгучая потребность къ развитію, къ самообразованію, къ расширенію своего умственнаго кругозора. Ограниченность предоставленныхъ имъ средствъ для удовлетворенія этой потребности, по неволѣ заставила ихъ ограничиться тѣми теоріями, воззрѣніями, тѣми научными данными, которыя были только доступны русской интеллигенціи, а необеспеченность, шаткость ихъ экономического положенія сдѣлали ихъ особенно чуткими и восприимчивыми къ этимъ теоріямъ и воззрѣніямъ. Такимъ образомъ ихъ міросозерцаніе и направленіе ихъ дѣятельности совпали съ міросозерцаніемъ и направленіемъ дѣятельности мужской интеллигенціи.

II.

Мы указали тѣ общія экономическія причины, которыя вызвали и обусловили появленіе типа «новыхъ жёнщинъ». Какъ эти общія причины отражаются на той или другой личности, какъ онѣ дѣйствуютъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ,—это долженъ показать намъ художникъ, взявшійся за изображеніе характера новой жёнщины. Но вотъ именно это-то и упускаютъ изъ виду наши романисты, — они представляютъ намъ характеръ уже готовымъ, сформировавшимся, и заставляютъ самаго читателя догадываться, почему именно онъ сложился такъ, а не иначе. Марко-Вовчокъ представляетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ загадку эту рѣшить нетрудно, но гг. Слѣпцовъ и Авдѣевъ и данныхъ даже не приводятъ никакихъ. Героини «Труднаго Времени», Марья Николаевна Щетинина, рекомендуется читателямъ въ тотъ моментъ своей жизни, когда она уже достигла болѣе или менѣе зрѣлаго возраста и находится даже

въ замужествѣ за достаточнымъ помѣщикомъ-либераломъ. Мы не знаемъ, среди какой обстановки она росла и развивалась, какія мысли, желанія и стремленія волновали ее въ періодъ юности. Только по одному разговору ея съ мужемъ мы можемъ догадываться, что эти желанія и стремленія были гораздо возвышеннѣе и благороднѣе, чѣмъ желанія и стремленія, волнующія обыкновенно незамужнихъ барышень. «Вспомни,» говоритъ она своему мужу, либеральному помѣщику, — «что ты мнѣ сказалъ, когда хотѣлъ на мнѣ жениться? — Ты мнѣ сказалъ: мы будемъ вмѣстѣ работать, мы будемъ дѣлать великое дѣло, которое, можетъ быть, погубитъ насъ и не только насъ, но и всѣхъ нашихъ, но я не боюсь этого. Если вы чувствуете въ себѣ силы, пойдемте вмѣстѣ. Я и пошла. Конечно, я тогда еще была глупа, я не совсѣмъ еще понимала, что ты тамъ мнѣ рассказывалъ. Я только чувствовала, я догадывалась. И я бы пошла, куда угодно. Вѣдь ты видѣлъ, что я очень любила свою мать, я и ее бросила. Она чуть не умерла съ горя, а я все-таки ее бросила, потому что я думала, я вѣрила, что мы будемъ дѣлать настоящее дѣло. И чѣмъ же все это кончилось? Тѣмъ, что ты ругаешься съ мужиками изъ-за каждой копѣйки, а я огурцы солю, да слушаю, какъ мужики бьютъ своихъ женъ — и хлопаю на нихъ глазами. Послушаю, послушаю, потомъ опять примусь огурцы солить. Да если бы я желала быть такой, какую ты меня сдѣлалъ, такъ я бы вышла за какогонибудь Шинкена, теперь у меня можетъ быть уже трое дѣтей было бы. Тогда я, по крайней мѣрѣ, знала бы, что я мать; знала бы, что я себя гублю для дѣтей, а теперь... Пойми, что я съ радостью пошла бы землю копать, если бы видѣла, что отъ этого польза не для насъ однихъ, что я не просто ключница, которая выгадываетъ каждый грошъ и только и думаетъ о томъ: ахъ, какъ бы кто не съѣлъ лишняго фунта хлѣба! ахъ какъ бы... Какая гадость!»—Это искреннее изліяніе до нѣкоторой степени даетъ намъ возможность приподнять завѣсу, срывающую отъ нашихъ глазъ юность героини, ея юношескія мысли и стремленія. Господствующею ея мыслию, господствующимъ ея стремленіемъ—было стремленіе быть полезною для другихъ; «я бы съ радостью пошла бы землю копать, если бы видѣла, что отъ этого польза не для насъ однихъ». Мысль эта должна была явиться въ ея головѣ, такъ сказать сама собою, едва только она почувствовала, что окружающая ее обыденная жизнь, съ ея пошлыми и мелкими стремленьями, съ ея пустыми интересами, съ ея мизерными цѣлями, не можетъ ее удовлетворить. Но

отчего же она могла это почувствовать? Вопросъ этотъ сводится къ вопросу о возникновеніи у насъ типа новыхъ женщинъ, потому что основная сущность ихъ характера состоитъ именно въ томъ что онѣ, не удовлетворяясь ея узкимъ, эгоистическимъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) счастьемъ филистера, — стремятся къ счастью болѣе возвышенному, болѣе человѣческому, болѣе широкому, къ счастью, которое невозможно и немыслимо безъ счастья цѣлаго народа. Мы указали уже на тѣ общія причины, которыя благопріятствовали образованію въ кругу насъ *средняго класса*, рѣзко отличающагося отъ средняго класса западно-европейскихъ государствъ тѣмъ, что онѣ не имѣетъ, подобно послѣднему, никакихъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ личнаго труда, но который, вообще говоря, довольно ограниченъ. Слѣдовательно, положеніе его не можетъ быть названо прочно-обезпеченнымъ. Чѣмъ менѣе обезпечено положеніе человѣка, чѣмъ болѣе вліяютъ на него случайныя обстоятельства, лежащія внѣ его воли и предвидѣнія, чѣмъ болѣе чувствуетъ онѣ свою зависимость отъ другихъ людей, тѣмъ рельефнѣе и яснѣе представляется ему необходимость полной солидарности человѣческихъ интересовъ, тѣмъ естественнѣе, тѣмъ скорѣе возникаетъ въ его умѣ убѣжденіе, что счастье единицы невозможно безъ счастья цѣлаго, личное счастье безъ счастья всего общества. Есть еще другая причина, способствующая возникновенію этого убѣжденія, въ той средѣ, изъ которой выходятъ новыя женщины. Съ одной стороны трудъ, особенно тотъ трудъ, на который онѣ обречены по самому положенію своему, возбуждаетъ въ нихъ умственную дѣятельность, умственные потребности, съ другой, та, въ большой части случаевъ, незатѣйливая и бѣдная матеріальная обстановка, среди которой онѣ растутъ, мало можетъ способствовать развитію въ нихъ потребностей, имѣющихъ, по преимуществу, чувственный характеръ; вслѣдствіе этого стремленіе къ удовлетворенію умственными потребностямъ является у нихъ господствующимъ. Ихъ не занимаютъ моды и наряды, онѣ не особенно дорожатъ комфортомъ, онѣ скучаютъ на балахъ, — глупая и безсодержательная болтовня салонныхъ героевъ не забавляетъ ихъ, — зато съ какимъ жаромъ бросаются онѣ на всякую хорошую книгу, какъ любятъ онѣ заводить разговоры о «матеріяхъ важныхъ», какъ страстно хотятъ онѣ учиться и учиться... Но какъ же удовлетворяетъ этимъ ихъ желаніямъ окружающая ихъ дѣйствительность, что даетъ она имъ, что она имъ общаетъ? Она почти ничего имъ не даетъ изъ того,

что онъ хотятъ имѣть,—она не общаетъ имъ ничего такого, чтобы могло возбудить въ нихъ какія нибудь радостныя надежды, усилить и укрѣпить ихъ энергію. Могутъ ли онѣ удовлетворяться такою дѣйствительностью, могутъ ли онѣ свыкнуться съ нею? Не должно ли въ нихъ пробудиться горькое разочарованіе, презрѣніе ко всей этой, окружающей ихъ пошлости и мелкости. Эта реакція, нѣтъ сомнѣнія, заставитъ ихъ отнестись отрицательно къ той дѣятельности, которая имѣетъ исключительно въ виду одни только непосредственныя узко-эгоистическіе интересы, заставитъ ихъ искать другой дѣятельности, основывающейся на болѣе возвышенныхъ и болѣе рациональныхъ мотивахъ. Вотъ тѣ причины и побужденія, которыя заставляютъ новыхъ женщинъ, совершенно даже бессознательно, относиться отрицательно къ окружающей ихъ жизни, и стремиться къ дѣятельности, основанной на взглядѣ, противоположномъ узкому, филистерскому эгоизму, искать дѣла— «великаго дѣла, настоящаго дѣла», какъ говоритъ Марья Николаевна Щетинина; — стремленіе это, какъ видите, не имѣетъ въ себѣ ничего призрачнаго, фантастическаго; оно реально, глубоко реально; — оно логически и неизбежно вытекаетъ изъ тѣхъ условій, среди которыхъ зародился типъ «новой женщины». Въ немъ ихъ сила, въ немъ то великое значеніе, которое оно имѣетъ для всего общества, для цѣлаго народа: Пусть тупоголовые филистеры и защитники крѣпостничества и застою, пусть они издѣваются надъ этимъ бессознательнымъ, неопредѣленнымъ исканіемъ «великаго, настоящаго дѣла», пусть они называютъ этихъ неудовлетворенныхъ искательницъ, пустыми фантазерками, глупыми мечтательницами, — все-таки эти пустыя фантазерки, эти глупыя мечтательницы—сила, которая можетъ «камни vorочать» и «горы двигать», потому что ея управляетъ не лавочническій расчетъ себялюбиваго интереса, — всегда робкаго, всегда оглядывающагося по сторонамъ, — а безотчетное стремленіе къ чему-то «великому» и настолько великому, что для него можно всѣмъ жертвовать, что для него нельзя ничего пожалѣть. И эта погоня за «великимъ» все-таки лучше тупого самодовольства; первая ведетъ къ прогрессу, — она заставляетъ постоянно стремиться впередъ, тогда какъ послѣдняя всегда приводитъ къ застою, узаконяетъ и освящаетъ неподвижную рутину.

Стремленіе къ «великому дѣлу» является у новой женщины сперва совершенно бессознательно. «Я была еще глупа, я не понимала, что ты мнѣ рассказывалъ», говоритъ Щетинина своему мужу,

«но я все-таки стремилась къ чему-то великому, и за тебя я пошла и мать свою бросила, потому что ты мнѣ сказалъ: мы будемъ дѣлать великое, настоящее дѣло и я вѣрила, что это такъ будетъ и что мое бессознательное стремленіе найдетъ себѣ наконецъ удовлетвореніе». Но Щетинина упустила при этомъ одно обстоятельство, — она забыла, или скорѣе она не знала, что ея бессознательное стремленіе къ великому дѣлу только тогда можетъ найти себѣ удовлетвореніе, когда изъ бессознательнаго оно превратится въ сознательное. Если у человѣка является безотчетное стремленіе, которое онъ не можетъ точно и ясно опредѣлить, то онъ никогда не въ состояніи будетъ прінскать и средствъ, съ помощью которыхъ оно можетъ осуществиться, онъ не въ состояніи будетъ приурочить его къ какой нибудь отчетливо сознанный дѣли, отчетливо понятому дѣлу. Потому стремленіе такъ только навсегда и останется однимъ стремленіемъ; ничѣмъ положительнымъ не заявить оно себя въ жизни и никто не извлечетъ изъ него никакой для себя пользы. Оно, положимъ, останется силою, но силою только *in potentia*, силою, слѣдовательно, мертвою, непродуцательною. Чтобы оживить ее, чтобы изъ *возможности* перевести ее въ *дѣятельность*, — для этого нужно освѣтить ее разумомъ, вывести ее изъ области бессознательныхъ ощущеній въ область сознательныхъ мыслей. Щетинина, какъ мы сказали, не подумала объ этомъ, да она и не могла подумать, потому что, по ея же собственнымъ словамъ, она «была еще глупа и не понимала, что рассказывалъ ей Щетининъ». Она вѣрила ему на слово, и онъ былъ такъ глупъ, что тоже повѣрилъ ей. Впрочемъ мы его не винимъ; онъ самъ находился въ точно такомъ же положеніи, въ какомъ находилась и Марья Николаевна. Въ немъ также было стремленіе къ великому дѣлу; но онъ имѣлъ объ этомъ дѣлѣ столь же смутныя и неопредѣленныя понятія, какъ и она. Потому, когда наконецъ пришла пора что нибудъ дѣлать, оказалось, что это великое дѣло сводится къ управленію имѣніемъ, къ наблюденію за своимъ хозяйствомъ, охраненію его отъ дерзкихъ посягательствъ хитрыхъ мужиковъ и пьяныхъ дворовыхъ. Такого исхода и нужно было ждать. Невыясненное стремленіе къ чему-то великому не могло устоять передъ настоятельными и весьма опредѣленными требованіями практической жизни, практической дѣятельности, которая ждала Щетинина въ деревнѣ, и онъ, чтобы не впасть въ мучительный разладъ съ самимъ собою, постарался увѣрить себя, будто эти требованія вполне соотвѣтствуютъ его стремленію, будто удовле-

творяя первымъ, онъ удовлетворяетъ второму, будто поглотившая его практическая дѣятельность и когда-то любезное ему «великое дѣло» синонимы, имѣющіе совершенно одинаковый, тождественный смыслъ. Проводя дни свои въ безмятежномъ благодушествѣ, учитывая, какъ выражается его жена, каждую копѣйку у мужиковъ, наблюдая за цѣлостью и неприкосновенностью своихъ луговъ и полей, возбраняя потравы, посѣщая съѣзды и, вообще, дѣлая все, что дѣлаетъ всякій благонамѣренный и не чуждый либеральныхъ идей помѣщикъ, — Щетининъ твердо убѣжденъ въ душѣ что онъ дѣлаетъ великое дѣло, что онъ, такъ сказать, приноситъ себя въ жертву на алтарь отечеству и обществу.

«Стало быть, ты свершилъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное? спрашиваетъ его Рязановъ, послѣ того, какъ тотъ разсказалъ ему, что онъ отдалъ крестьянамъ даромъ землю, слѣдующую имъ въ надѣлъ.

— Какое? нѣтъ братъ, — самодовольно отвѣчаетъ ему Щетининъ — это еще только начало.

— А еще-то что же?

— А тутъ-то вотъ и начинается настоящее дѣло.

— Уголовное?

— Соціальное, любезный другъ, соціальное».

Но' если Щетининъ могъ считать «соціальнымъ дѣломъ» уваживаніе мужиковъ, охраненіе неприкосновенности своихъ полей и усадебъ, наблюденіе за полевыми работами, посѣщеніе съѣздовъ и т. п., то жена его уже никоимъ образомъ не могла смотрѣть на свои занятія съ такой возвышенной точки зрѣнія. Въ соленіи огурцевъ, да въ созерцаніи, «какъ мужики бьютъ своихъ женъ», при всей пылкости воображенія невозможно увидать ни тѣни, ни подобія какого бы то ни было соціальнаго дѣла. Потому ея стремленія къ «великому, настоящему дѣлу» никакъ не могли примириться съ тою пошлою, мѣщанскою обстановкою, которою ее окружилъ нѣжный супругъ, никакъ не могли удовлетвориться тою мизерною, ничтожною, и по своимъ цѣлямъ и по своему значенію, дѣятельностью, которая встрѣтила ее въ домѣ либеральнаго помѣщика. Это-то обстоятельство и предохранило ее отъ того узкаго, сомодовольнаго филлистерства, въ которое такъ быстро впалъ ея мужъ; и такъ бываетъ въ большей части случаевъ: женщины труднѣе, чѣмъ мужчины, примириться съ окружающею ея обстановкою, съ предоставленною ей сферою дѣятельности, именно потому, что эта обстановка несравненно пошлѣе, что эта дѣятельность несрав-

ненно хуже, чѣмъ у мужчины. Отсюда мы и выводимъ заключеніе, что мужчинѣ гораздо легче сдѣлаться филистеромъ, чѣмъ женщи- нѣ; такъ что ограниченность ея правъ обращается въ ея же поль- зу; она служить для нея какъ бы спасительнымъ клапаномъ, мѣшаю- щимъ ей задохнуться подъ тлетворнымъ вліяніемъ филистерскаго самодовольства. Въ этомъ смыслѣ типъ «новыхъ женщинъ» имѣетъ громадное значеніе для всего общества, и общество можетъ извлечь изъ нихъ для себя великую пользу, если только постарается поддер- жать ихъ, направить ихъ дѣятельность на истинную дорогу, ука- зать сознательную цѣль ихъ безсознательному стремленію — «души свои за други свои положить». Въ противномъ случаѣ это безотчет- ное, хотя и въ высшей степени благотворное стремленіе пропадетъ за- даромъ и никому не принесетъ ни малѣйшей пользы; мало то- го, оно сдѣлаетъ жизнь женщины до крайности несчастною и му- чительною, и въ концѣ концовъ приведетъ къ тѣмъ же результа- тамъ, къ какимъ приводитъ и филистерство. Женщина, постоянно стремящаяся къ «великому, настоящему дѣлу» и постоянно встрѣ- чающая одну только пошлость, мелочность, пустоту и бездѣльни- чанье, незнающая за что схватиться, куда приурочить свои силы, куда направить свою дѣятельность, будетъ вѣчно бросаться изъ стороны въ сторону; постоянно волнуясь и постоянно разочаровы- ваясь, она скоро устанетъ, выбьется изъ силъ, на нее нападетъ отчаяніе, за отчаяніемъ послѣдуетъ апатія, и страстное, энергиче- ское стремленіе къ «великому дѣлу» смѣнится полнѣйшимъ инди- ферентизмомъ, холоднымъ, безучастнымъ отношеніемъ ко всему, что прежде возбуждало и волновало ее. Когда женщина дойдетъ до такого положенія, она по наружности, по крайней мѣрѣ, успокои- вается; добрые филистеры крестятся и самодовольно восклицаютъ: ну, наконецъ-то угомонилась, наконецъ-то набралась ума-разума, теперь все пойдетъ хорошо. Но развѣ апатія — есть спокойствіе? Развѣ индифферентизмъ, вызванный отчаяніемъ, счастье? О, нѣтъ, спокойствіе и счастье не дѣти индифферентизма и апатіи; у послѣ- днихъ есть свое потомство, вполне ихъ достойное, это — вѣчное недовольство собою, недовольство всѣмъ окружающимъ и постоян- ное стремленіе возвыситься до лучшихъ условій жизни. Мѣшать этому стремленію значитъ противорѣчить логикѣ фактовъ и тре- бованіямъ времени. Обрекая женщину на неподвижность ея обще- ственнаго положенія, ограничивая кругъ ея дѣятельности кухней и гостиной, общество наказываетъ не одну ее; оно наказываетъ вмѣ- стѣ съ нею и самосебя. Оно парализируетъ силы, враждебныя фи-

листерству; филистерство же, какъ мы много разъ уже говорили, есть начало анти-соціальное, въ высшей степени вредное для интересовъ общежитія, слѣдовательно, все что ему противоположно, все, что ему враждебно, должно поощряться и покровительствоваться въ видахъ общаго блага, въ видахъ развитія и преуспѣянія общественной жизни. Въ противномъ случаѣ, филистерство станетъ господствующимъ порокомъ, и общежитіе, основанное на разумныхъ и справедливыхъ началахъ, сдѣлается неосуществимою утопіею.

III.

И такъ, не только въ интересахъ отдѣльныхъ личностей, въ интересахъ всего общества, всего человѣчества мы должны желать устроить такимъ образомъ наши отношенія, чтобы безотчетное стремленіе людей къ хорошему «великому дѣлу», стремленіе, характеризующее въ особенности типъ «новыхъ женщинъ», не оставалось вѣчно безотчетнымъ, чтобы оно прояснялось сознаниемъ, чтобы «великое дѣло» представлялось ихъ уму не въ видѣ какого-то туманнаго, отвлеченнаго, неяснаго образа, а въ видѣ опредѣленной, конкретной, вполне удобопонятной и удободостижимой цѣли. Тогда только оно не пропадетъ за даромъ, въ неосмысленномъ броженіи, въ тщетномъ, тревожномъ стараніи обнять необъятное, понять непонятное; тогда только оно принесетъ свои великіе, обильные плоды. Но если мы взглянемъ на обстановку, окружающую нашихъ женщинъ, то мы придемъ къ убѣжденію, что ихъ воспитаніе, что ихъ жизнь всего менѣе благоприятствуютъ развитію въ нихъ яснаго, сознательнаго мышленія, безъ котораго невозможна самостоятельная, разумная дѣятельность, т. е. дѣятельность, ставящая себѣ ясныя цѣли и умѣющая выбирать годныя средства для ихъ достиженія. Въ большей части случаевъ воспитаніе, которое они получаютъ, до того мизерно, до того нераціонально, что часто даже оно оказывается недостаточнымъ для домашняго обихода въ самой простой, нетребовательной, мѣщанской жизни. Въ же круга этой жизни оно уже рѣшительно никуда не годится; весьма мало расширяя ея умственный кругозоръ, сообщая ей весьма мало свѣденій, годныхъ не для кухни и не для гостиной, нисколько не заботясь о выработ-

къ въ ней прочнаго міросозерцанія, твердыхъ убѣжденій, оно оставляетъ ее совершенно безпомощною и безсильною, въ виду тѣхъ вопросовъ и задачъ, которые возбуждаетъ въ ней сама жизнь, самыя условія ея существованія. Оно не даетъ ей никакихъ прочныхъ данныхъ, никакихъ реальныхъ основаній для того, чтобы она могла уяснить себѣ порожденное въ ней, какъ мы выше показали, условіями ея экономическаго положенія, — безотчетное стремленіе «къ великому, настоящему дѣлу», для того, чтобы она могла отчетливо представить себѣ предметъ, цѣль этого стремленія и средства къ его осуществленію. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности собственными силами и средствами разрѣшить роковой вопросъ: что дѣлать? женщина видитъ себя въ необходимости обратиться за отвѣтомъ къ мужчине, который имѣетъ, повидимому, передъ нею преимущество болѣе высокаго развитія, болѣе обширной опытности. Но увы! и здѣсь, вмѣсто отвѣта, ей суждено услышать, въ большей части случаевъ, или какуюнибудь ничего незначающую, бессодержательную фразу, какуюнибудь двусмысленную шараду, или же какуюнибудь приторную пошлость, — а чаще всего безнадежное: не знаю. Куда же тогда ей обратиться, у кого искать отвѣта? Гдѣ выходъ изъ ея положенія, гдѣ свѣтъ, который озаритъ ее потемки? Никто не протягиваетъ ей руку, никто не хочетъ снять повязки съ ея глазъ, никто не рѣшится или не умѣетъ поддержать ее и вывести на свѣтъ божій, Кругомъ ея люди, но эти люди только смотрятъ, какъ она мечется и бросается изъ стороны въ сторону, смотрятъ то съ иронією, то съ сожалѣніемъ и боязнью, то съ участіемъ и симпатією, — качаютъ головами, дѣлаютъ ей разные непонятные знаки, поощряютъ, бранятъ, предостерегаютъ — но ни одинъ изъ нихъ не помогаетъ, ни одинъ изъ нихъ не покажетъ ей, куда нужно идти и что нужно дѣлать.

Это безвыходное положеніе новой женщины весьма живо и рельефно изображено г. Слѣпцовымъ въ его «Трудномъ времени». Мы видѣли уже, что героиня его, Марья Николаевна, выходя за мужъ за Щетинина, надѣялась осуществить свое непреодолимое стремленіе къ «великому, настоящему дѣлу». Она думала, что онъ расскажетъ ей, что это такое за «великое дѣло» и дастъ ей средства и возможность совершить его, если и не вполне, то хоть отчасти. Она ошиблась. Щетининъ, поселившись въ своей деревнѣ, превратился въ либеральнѣйшаго помѣщика и въ благодушнѣйшаго филистера. На долю Марьи Николаевны выпала дѣя-

тельность, не особенно разнообразная и привлекательная: солить огурцы и смотреть, «какъ мужики бьютъ своихъ женъ». Она, разумѣется, не могла ею удовлетвориться; она была недовольна своею обстановкою; но это недовольство не настолько еще выяснилось и опредѣлилось, чтобы оно могло проявиться въ рѣзкомъ, энергическомъ протестѣ. Нужно было, чтобы какое нибудь внѣшнее обстоятельство заставило Марью Николаевну отнестись критически къ окружающей ее жизни, и тогда она поняла бы всю неудовлетворительность своего положенія, всю пошлость своей огуречной дѣятельности. Такимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ былъ прїѣздъ въ деревню Рязанова, давнишняго друга и прїятеля Щетинина. Рязановъ принадлежитъ къ типу довольно распространенному въ наше время и пользующемуся хорошею репутаціею и уваженіемъ со стороны очень многихъ, даже и весьма проникательныхъ людей. Но въ сущности, онъ не заслуживаетъ ни того, ни другого. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, этотъ Рязановъ? Это ходульный герой, ни на что не годный, ни на что не способный. Его считаютъ умнымъ потому, что онъ умѣетъ во время молчать и потому, что у него есть про запасъ цѣлый ворохъ безсодержательныхъ фразъ, которыми онъ умѣетъ отдѣлаться отъ всякаго затруднительнаго вопроса и сбить съ толку всякаго, стоящаго ниже его по своему умственному развитію. Онъ не имѣетъ въ виду никакой разумной, опредѣленной цѣли, и потому вся его дѣятельность, вся его жизнь также безсодержательна и бесполезна, какъ и его фразы. Рязановъ самъ говоритъ о своей жизни: «это и не жизнь, а такъ, чортъ знаетъ что, дребедень такая же какъ и все прочее». Человѣкъ, сознающій что его жизнь никуда и ни на что не годится, «что это какая-то дребедень», «чортъ знаетъ что такое», — долженъ постараться измѣнить ее, долженъ постараться сдѣлать ее для кого нибудь полезною. Въ противномъ случаѣ, онъ не достоинъ названія человѣка, онъ превращается въ жалкаго, отвратительнаго паразита, тѣмъ болѣе жалкаго и тѣмъ болѣе отвратительнаго, что онъ паразитствуетъ сознательно, и что онъ имѣетъ цинизмъ открыто и всенародно объявлять объ этомъ. Паразитизмъ свой Рязановъ оправдываетъ тѣмъ соображеніемъ, что ему въ этой жизни нечего дѣлать, что пѣсня его, такъ сказать, спѣта, и потому ему ничего болѣе не остается, какъ пить, ѣсть, да наблюдать какъ живутъ и дѣйствуютъ другіе. «На жизненномъ пиру», говоритъ онъ Щетинину. «мы съ тобой не очень тоже раскутимся. Мѣста-то наши тамъ заняты давно». Такое странное отношеніе къ жизни воз-

мутило даже и благодушнаго филистера. «Ну вѣтъ, братъ, шалишь!» отвѣчаетъ онъ ему, я еще жить хочу. Я такъ дешево не разстанусь»... и т. д.

И въ этому-то ходячему трупу, къ этому сознательному бездѣльнику должна обращаться женщина съ своимъ роковымъ вопросомъ: что дѣлать? Развѣ это не трагическое, не безъисходное положеніе? Но какъ же могъ такой человѣкъ возбудить въ ея умѣ подобный вопросъ?

Рязановъ былъ умнѣ Щетинина; сознавая совершенно вѣрно свою собственную дрянность, онъ, въ то же время, прекрасно признавалъ и дрянность своего пріятеля Щетинина, который стоялъ еще на болѣе низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ Рязановъ. Вслѣдствіе этого послѣднему во всѣхъ спорахъ всегда удавалось побѣждать своего противника, т. е. доказывать ему, что онъ или глупъ или подлъ и невѣжественъ, что дѣятельность его мизерна, пошла и т. п. Марья Николаевна присутствовала при всѣхъ этихъ спорахъ, и видя, какъ мужъ ея оставался въ дуракахъ, она естественно должна была спросить себя: да что же онъ, въ самомъ дѣлѣ, за человѣкъ? Что онъ дѣлаетъ? Что я дѣлаю? и т. д. Отвѣты на эти вопросы не могли быть, разумѣется, благоприятны для Щетинина. Женѣ стоило только разъ взглянуть глазами критика на все, что ее окружало, чтобы сейчасъ же убѣдиться въ его мелочности и пустотѣ, чтобы сейчасъ же понять, что эта обстановка и эта дѣятельность ни мало не гармонируютъ съ ея стремленіями, ни мало не соотвѣтствуютъ ея характеру. Но какъ же измѣнить свое положеніе? Нельзя ли въ немъ отыскать какую нибудь соломинку, за которую можно бы было ухватиться? Она идетъ къ мужу за совѣтомъ и объясненіемъ. Что же мужъ? Сначала онъ просто не понимаетъ ее. «Тѣфу ты!» восклицаетъ пронизательный супругъ;— «ничего не могу понять... Да, что съ тобой сдѣлалось, скажи ты мнѣ на милость»? Потомъ, когда уже вельзя было болѣе отзываться непониманіемъ, онъ начинаетъ разжалобивать ее. «Маша! подходи къ ней дрожащимъ голосомъ сказалъ Щетининъ, схвативъ ее за руку, — «Маша, что ты говоришь. Да вѣдь... ну, да... да вѣдь я люблю тебя. Ты понимаешь это?» — «Да и я тебя люблю»... слержившая слезы говорила она — «я понимаю, что и ты... ты... ошибся да я-то, не могу я такъ, пойми! Не могу я... огурцы солить»....

Видя, что мужъ не поможетъ ея горю и не отыщетъ исковой соломинки, она рѣшается искать ее сама, безъ постороннихъ совѣтовъ и указаній. Поиски увѣнчиваются, повидимому, успѣхомъ; соло-

минка почти найдена. Марья Николаевна задумывает завести деревенскую школу. Школа дастъ ей возможность, не отрываясь отъ мужа, не разрушая своихъ отношеній къ окружающимъ людямъ, посвятить свои труды дѣятельности, по видимому, очень полезной, и во всякомъ случаѣ несравненно болѣе интересной и плодотворной, чѣмъ соленіе огурцевъ. И такъ, цѣль въ жизни опредѣлена, дѣятельность найдена. Съ этимъ радостнымъ открытіемъ Марья Николаевна бѣжитъ къ мужу и спѣшитъ подѣлиться съ нимъ своею находкою. Мужъ опять таки сперва ничего не понимаетъ, а потомъ, когда не понимать ужъ было нельзя, на вопросъ жены: хорошо ли она придумала? равнодушно отвѣчаетъ: «разумѣется, что же тутъ. Только я не знаю»... «Чего ты не знаешь?» спрашиваетъ нетерпѣливо жена, думая, вѣроятно, услышать что нибудь дѣльное. Оказывается, что мужъ не знаетъ, можетъ ли она справиться съ дѣтьми. «Вѣдь тутъ», разсуждаетъ онъ, терпѣніе страшное»... Марья Николаевна успокоиваетъ его насчетъ своего терпѣнія, и Щетининъ, недоумѣвая, что еще можно говорить о школѣ, и вспомнивъ свой предыдущій разговоръ съ женою, — совершенно нестати спрашиваетъ ее: «стало быть ты теперь не сердилась?»

«Нѣтъ» отвѣчала жена, не мало, вѣроятно удивленная этимъ вопросомъ, — «нѣтъ, да вѣдь я и тогда не сердилась. Вѣдь это совсѣмъ не то». Но спохватившись, что мужъ не пойметъ, почему это не то, и что вообще говорить съ нимъ о подобныхъ предметахъ по меньшей мѣрѣ бесполезно, она рѣзко свернула разговоръ въ другую сторону «Ну что же тамъ въ городѣ?» ни съ того ни съ сего спрашиваетъ она его.

Хотя она и очень обрадовалась мысли о школѣ, хотя она немедленно уже хотѣла приступить къ ея осуществленію, и столяру уже и столъ заказала, и съ священникомъ переговорила, однако въ глубинѣ души ея родились, вѣроятно, кое-какія сомнѣнія насчетъ полезности и значенія этого предпріятія. Такъ какъ мужъ оказался совершенно неспособнымъ разъяснить ей ея мысли и разрѣшить ея сомнѣнія, — то она рѣшилась обратиться къ Рязанову. Между ними завязывается по этому поводу слѣдующій разговоръ, который мы считаемъ нелишнимъ привести цѣликомъ, такъ какъ онъ весьма мѣтко характеризуетъ отношенія людей рязановскаго типа къ женщинѣ.

— «А я у себя школу хочу завести», — безо всякаго приступа объявляетъ Рязанову Марья Николаевна.

— Вотъ какъ! Что же — это хорошо.

— Небольшую, знаете, пока.

— Небольшую?

— Пока.

— Да. Пока, а потомъ и больше?

Рязановъ всталъ и тихо прошелся по комнатѣ; Марья Николаевна слѣдила за нимъ глазами.

— Школу, сказалъ онъ про себя, и, остановившись передъ Марьей Николаевной, спросилъ: для чего же собственно вы желаете ее устроить?

Для Марьи Николаевны это, разумѣется, былъ вопросъ самый существенный, на него-то именно и надо было ей отвѣтить. Сама она не могла этого сдѣлать; она не понимала, зачѣмъ ей понадобилась школа и насколько школа можетъ соответствовать ея стремленію къ «великому, настоящему дѣлу».—Потому она отвѣчала Рязанову общею фразою: «для того, молъ, хочу школу устроить, что это полезно». Тутъ Рязанову снова представляется прекрасный случай уяснить ей степень полезности и вообще значеніе деревенской школы. Но онъ безо всякихъ разсужденій просто соглашается, что «дѣйствительно школы полезны». Послѣ такого мудраго афоризма, онъ два раза прошелся изъ угла въ уголъ и потомъ обратился къ Марьѣ Николаевнѣ съ празднымъ вопросомъ:— И скоро?

— Что скоро? быстро переспросила Марья Николаевна.

— Да школу-то заведете?

— Я завтра хочу начать. Мнѣ бы, знаете, хотѣлось поскорѣй.

— То-то! Не опоздать бы.

— Я уже все приготовила и съ батюшкой переговорила.

— Да, уже переговорили?

— Переговорила.

— Ага... такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Ни зачѣмъ не стало,—только...

→ Что-съ?

— Да я хотѣла... какъ ваше мнѣніе?

— Это о школахъ-то? Вообще я хорошаго мнѣнія. Вещь полезная.

— Нѣтъ, я хотѣла васъ спросить о моей школѣ, что вы думаете?

— Да вѣдь ея еще нѣтъ. Или вы желаете знать мое мнѣніе о томъ, что вы-то вотъ школу заводите?

— Ну, да, да. Что вы думаете?

— Что же я могу думать? Знаю я теперь, что вамъ захотѣлось школу завести; ну и заведете. Я и буду знать, что вотъ захотѣла и завела школу. Больше я ничего не знаю, слѣдовательно и думать мнѣ тутъ не о чемъ.

— А если я попрошу васъ подумать, сказала Марья Николаевна, слегка покраснѣвъ.

— Это еще не резонъ, — садясь напротивъ нея отвѣтилъ Рязановъ. — Почему школа, для чего школа, зачѣмъ школа — вѣдь это все неизвѣстно. Вы и сами-то хорошенько не знаете, почему школу нужно заводить. Вотъ вы говорите полезно. Ну, и прекрасно. Да вѣдь мало ли полезныхъ вещей на свѣтѣ. Тоже и польза-то бываетъ всяческая.

— Стало бытъ вы находите, подумавъ, сказала Марья Николаевна, что я не гожусь на это дѣло?

— Ничего я не нахожу. Какъ же я могу судить о томъ, чего не знаю?

Вотъ вамъ, читатели, прекрасный образецъ, какъ относятся люди, подобные Рязанову, считающіе себя очень умными и другими считаемыя за таковыхъ, — къ женщинѣ, когда она, въ порывѣ откровенности, рѣшается обратиться къ нимъ съ какимъ нибудь дѣльнымъ и серьезнымъ вопросомъ. Въмѣсто того, чтобы постараться дать на него отвѣтъ сколько нибудь соотвѣтствующій вопросу, или просто и безъ ужимокъ сознаться, что «я молъ, въ этомъ дѣлѣ такой же профанъ, какой и ты», они играютъ фразами и озадачиваютъ ее тѣми же самыми вопросами, за разрѣшеніемъ которыхъ она-то именно и обратилась къ нимъ.

«Для чего школа, зачѣмъ школа, почему школа. — Вы и сами-то хорошенько не знаете, почему именно школу-то нужно заводить». О, удивительная догадливость! Да еслибы она знала, такъ не стала бы она говорить съ нимъ объ этомъ. Она не знаетъ, она хочетъ знать, а онъ тычетъ ей въ глаза ея незнаніе и отдѣливается глупыми и совершенно неумѣстными шутками: «знаю я теперь, что вамъ захотѣлось школу завести, ну и заведете. Я и буду знать, что вотъ захотѣла и завела школу. Больше ничего я не знаю, слѣдовательно и думать мнѣ тутъ не о чемъ». — Вотъ это-то и жалко, что думать тутъ не о чемъ; вотъ это-то и показываетъ всю несостоятельность, всю глупость этого ходульнаго героя. Если бы такимъ образомъ говорилъ какой нибудь добродѣтельный филистеръ, какой нибудь Щетининъ, или узелобый защитникъ женскаго безправія и ограниченности, тогда это было бы

понятно, тогда мы ни единымъ словомъ не упрекнули бы его, и только осудили бы женщину, вступившую съ нимъ въ интимный разговоръ. Но такъ говорить человѣкъ, который считается выше и умѣе окружающихъ его людей, который пользуется репутаціею либеральнаго представителя молодого поколѣнія,— котораго многіе не прочь отнести къ типу «новыхъ людей». Женщина имѣла полное право ждать отъ него искренняго отвѣта и разумнаго слова. А онъ издѣвается надъ нею, онъ еще болѣе спутываетъ ея мысли и на отрѣзъ отказывается вывести ее изъ лабиринта мучающихъ ее сомнѣній.

Такимъ образомъ, второй разъ отвергнутая людьми, къ которымъ она имѣла, ковидимому, полное право обратиться за совѣтомъ, Марья Николаевна старается выйти изъ своего мучительнаго положенія безъ посторонней помощи,—полагаясь только на свои собственные силы. Она опять передумываетъ свое рѣшеніе насчетъ школы и приходитъ къ убѣжденію, что школа не удовлетворитъ ее, не наполнитъ всей ея дѣятельности, что это не то «великое настоящее дѣло», къ которому она стремится. Школа не вырветъ ее изъ той пошлой, мѣщанской обстановки, которою окружила ее гнетущая заботливость мужа. Она рѣшается уѣхать отъ него, разомъ и навсегда порвать связи, приковывающія ее къ мѣщанской жизни, и начать новую, лучшую, человѣческую жизнь. — Добродѣтельные и благоразумные филистеры конечно должны называть ее за подобное рѣшеніе женщиною вполне безумною. Разстаться съ спокойнымъ прозябаніемъ, бросить привольную, деревенскую жизнь, бѣжать въ незнакомыя мѣста, къ незнакомымъ людямъ, не имѣя въ виду ничего вѣрнаго, ничего опредѣленнаго,— развѣ это не безуміе! Развѣ подобную штуку могъ бы выкинуть человѣкъ, понимающій свои настоящіе интересы и дорожающій своею репутаціею? Мы согласны съ вами, добродѣтельные и благоразумные люди, что никто изъ васъ такой штуки никогда бы не выкинулъ. Но вотъ этимъ-то вы и отличаетесь отъ новыхъ людей, отъ новыхъ женщинъ. Стремленіе къ «великому дѣлу» — стремленіе жить настоящею человѣческою жизнью, посвятить себя истинно-разумной человѣческой дѣятельности такъ сильно въ нихъ, что заглушаетъ голосъ узкаго, личнаго эгоизма и уничтожаетъ въ прахъ всякія благоразумныя соображенія, насчетъ личнаго комфорта, спокойствія и т. п. — Марья Николаевна, разъ убѣдившись, что среди той обстановки, въ которой она жила, не у кого искать спасительной соломинки, что при той сферѣ дѣятельности, которая

доступна ей была въ деревнѣ, она ничего не въ состояніи сдѣлать, — рѣшается перемѣнить обстановку; она не знаетъ еще, что выйдетъ изъ такой перемѣны, она не знаетъ, какая жизнь ждетъ ее впереди, она не имѣетъ понятія ни о людяхъ, которые ее тамъ встрѣтятъ, ни о той дѣятельности, которая ей тамъ можетъ представиться;—она идетъ оцупью; она бросается впередъ инстинктивно, бессознательно, надѣясь найти тамъ желанный выходъ. Можетъ быть, она опять ошибется, какъ ошиблась въ Щетининѣ, какъ ошиблась въ Рязановѣ; можетъ быть вмѣсто ожидаемаго выхода она наткнется на новый подводный камень; но что же дѣлать? Зачѣмъ же вы заставляете ее играть въ жмурки, зачѣмъ же вы не хотите снять повязки съ ее глазъ? Не вините ее за то, что она не можетъ привыкнуть къ потемкамъ, за то, что ей тѣсно и душно въ герметически закупоренномъ чужацѣ, за то, что она хочетъ свѣта и свободы!

Марья Николаевна, задумавъ уѣхать отъ мужа, спѣшитъ сообщить объ этомъ рѣшеніи Рязанову, полагая, вѣроятно, что онъ нѣсколько поумнѣлъ послѣ разговора о школѣ. Но, разумѣется, такое предположеніе не могло оправдаться. Рязановъ остался все тѣмъ же недалекимъ и пустозвоннымъ человѣкомъ, и въ своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Щетининимъ онъ выдержалъ свою роль съ прежнимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній,—просто, потому, вѣроятно, что «на безводьи и ракъ—рыба, на безлюдьи и Фома дворянинъ»—Марья Николаевна считала Рязанова, за новаго человѣка, дѣлающаго какое-то хорошее дѣло и способнаго на все прекрасное и великое. Этотъ взглядъ былъ съ ее стороны весьма естественъ и понятенъ; съ одной стороны она еще очень мало знала людей, съ другой, она никакъ не могла допустить, чтобы человѣкъ умный и честный, какимъ выдавалъ себя Рязановъ, могъ не имѣть въ виду никакой высокой цѣли, могъ ничего не дѣлать и ни къ чему даже не стремиться. Не чувствуя въ себѣ достаточно силы самой проложить себѣ дорогу, самой, по собственной инициативѣ, начать дѣлать «великое дѣло», она думаетъ, нельзя ли ей какъ нибудь примазаться къ Рязанову и работать вмѣстѣ съ нимъ; она надѣется, — не дастъ ли онъ какого нибудь разумнаго совѣта насчетъ ее дѣятельности, не укажетъ ли онъ ей цѣли въ жизни. Но, какъ и слѣдовало ожидать, она жестоко обманывается, и ходульный герой разгоняетъ ее иллюзіи самымъ грубымъ и безцеремоннымъ образомъ. Когда Марья Николаевна проситъ его помогать ей, увѣряя,

что она, хоть въ чемъ нибудь, да поможетъ ему,—Рязановъ останавливаетъ ея изліянія несноснымъ вопросомъ: въ чемъ же?—Какъ въ чемъ?! Съ удивленіемъ спрашиваетъ его Щетинина; она думала, что онъ-то именно и долженъ отвѣтить ей на этотъ вопросъ, за этимъ она и пришла къ нему и разговоръ объ отъѣздѣ завела. Къ несчастію она только не умѣла прямо поставить вопроса; онъ воспользовался этимъ, и своимъ неожиданнымъ «въ чемъ же?»—окончательно смутилъ и сбилъ съ толку наивную женщину.

«Подумали ли вы», продолжаетъ онъ ее озадачивать ея же собственными вопросами, «подумали ли вы, въ чемъ это мы съ вами помогать будемъ другъ другу, и какое это такое занятіе вы нашли, я не понимаю хорошенько. Учиться что ли мы будемъ другъ у друга, или такъ просто жить?.. Да нѣтъ; постойте! прежде всего вотъ что: вы-то, собственно, зачѣмъ вы ѣдете?»

Этотъ вопросъ, кажется, долженъ бы былъ окончательно разочаровать Марью Николаевну въ ея героя и показать ей, что этотъ герой точно такой же несообразительный и узколюбый филистеръ, какъ и ея благовѣрный супругъ. Ей бы слѣдовало прекратить съ нимъ всякій разговоръ объ этомъ предметѣ и отвернуться отъ него съ холоднымъ презрѣніемъ. Но она сама тоже отличалась большею несообразительностью и наивностью, потому она не прервала разговора и не отвернулась съ презрѣніемъ, а сочла нужнымъ категорически отвѣчать на глупый вопросъ своего глупаго собесѣдника. «Хорошо, я вамъ скажу», отвѣчала она ему,—я ѣду для того, чтобы начать новую, совсѣмъ новую жизнь: мнѣ эта опротивѣла; эти люди мнѣ гадки, да и вся эта деревенская жизнь. Я могла здѣсь жить до тѣхъ поръ, пока я еще ждала чего-то, однимъ словомъ пока я вѣрила: теперь я вижу, что больше ждать мнѣ нечего, что здѣсь можно только наживать себѣ деньги, да и то чужими руками. Къ помѣщикамъ и ко всѣмъ этимъ хозяевамъ я чувствую ненависть, я ихъ презираю; мужиковъ мнѣ, конечно, жаль, но что же я могу сдѣлать? Помочь имъ я не въ силахъ, а смотрѣть на нихъ и надрываться я тоже не могу. Это невыносимо. Ну, скажите же теперь, вѣдь это правда? Вѣдь незачѣмъ мнѣ больше здѣсь оставаться? Да?» Рязановъ не могъ съ этимъ не согласиться, однако, черезъ нѣсколько секундъ, онъ снова озадачиваетъ ее вопросомъ: «Зачѣмъ же вамъ хочется туда?» «Что васъ влечетъ dahin, dahin? Уже не думаете ли вы серьезно, что тамъ растутъ лимоны?» И на этотъ не менѣе глупый вопросъ Марья Николаевна находить необходимымъ дать отвѣтъ, отвѣтъ, который, конечно, не могъ удов-

летворить такого тупоумнаго человѣка, какъ Рязановъ, который, вѣроятно, вызвалъ бы улыбку сожалѣнія на серьезныхъ устахъ филистера, но который каждый здравомыслящій человѣкъ назоветъ вполне удовлетворительнымъ и вполне основательнымъ.

— «А знаете ли, въ самомъ дѣлѣ—отвѣчаетъ она Рязанову, — какъ я представляю себѣ, что такое *тамъ*? Я всегда воображаю себѣ, что тамъ гдѣ-то живутъ такіе отличные люди, такіе умные и добрые, которые все знаютъ, все расскажутъ, научатъ, какъ и что надо дѣлать, помогутъ, пріютятъ всякаго, кто къ нимъ придетъ... однимъ словомъ, хорошіе, хорошіе люди...

Надежда на хорошихъ людей, которые «все знаютъ, все расскажутъ», эта надежда, какъ она ни неосновательна, какъ она ни часто обманываетъ женщинъ, все же это для нихъ пока единственное утѣшеніе. Не имѣя своей собственной инициативы, не имѣя силы самостоятельно справиться съ жгучими вопросами жизни, не умѣя опредѣлить цѣли для своей дѣятельности и выбрать средства, годныя для ея достиженія, она естественно всѣ свои надежды должна полагать на постороннюю помощь. Но гдѣ же ей искать этой помощи, какъ не у людей, которые, повидимому, имѣютъ всѣ данныя для того, чтобы быть хорошими помощниками? Одушевленные одинаковыми стремленіями съ стремленіями «новыхъ женщинъ», имѣющіе возможность, юридическую и фактическую, осмыслить, рационализировать эти стремленія и пріурочить ихъ къ опредѣленному «дѣлу», они должны бы, кажется, оправдать вполне надежды женщинъ. Но въ большей части случаевъ они ихъ обманываютъ; въ большей части случаевъ женщина, съ своимъ бессознательнымъ стремленіемъ «къ великому дѣлу» оказывается гораздо выше и лучше ихъ—дѣйствующихъ всегда сознательно и осмысленно. Выше мы намекнули, что причину этого явленія слѣдуетъ искать въ обстановкѣ, въ условіяхъ жизни, окружающихъ мужчинъ и способствующихъ необыкновенно быстрому превращенію ихъ изъ типа новыхъ людей въ типъ филистеровъ. Новыя женщины уже начинаютъ это понимать; за рѣчью, полною огня и энергіи, онѣ начинаютъ уже подмѣчать въ нихъ холодный индифферентизмъ, за ихъ громкими фразами онѣ умѣютъ высмотрѣть пустоту и мелочность содержанія; противорѣчіе между ихъ дѣломъ и ихъ словомъ начинаетъ вызывать у нихъ критическое отношеніе къ этому ложному положенію. Въ такомъ видѣ представляются намъ женскіе типы, выведенные въ романахъ гг. Марко-Вовча и Авдѣева. Нашли ли они себѣ какой нибудь новый выходъ, или, подобно героинѣ «Труднаго времени», думаютъ

только о томъ, какъ бы «примазаться» къ какому нибудь мужчинѣ, и дѣйствовать всегда только съ нимъ и черезъ него? А если они додумались до чего нибудь другого, — то насколько удовлетворительно это другое, и насколько оно представляетъ дѣйствительный выходъ изъ ихъ положенія? За отвѣтомъ на эти вопросы прежде всего обратимся къ *Живой душѣ*, — къ героинѣ послѣдняго романа г. Марко-Вовчка.

II. Ткачевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

---

1. **Исторія кабаковъ въ Россіи, въ связи съ исторією русскаго народа.** Соч. Ивана Прижова. Изд. М. О. Вольфа. Спб. 1868 г.
2. **Преступленіе и сумасшествіе, пособіе и діагностика сомнительныхъ случаевъ душевныхъ болѣзней. Для лекарей, психологовъ и судей.** Соч. д-ра Зальбрига. Изд. Д-ра Шульца. С.-Петербургъ 1868 г.
3. **О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ** Соч. Юлія Глозера. Изд. Ламанскаго. С.-Петербургъ 1868 г.
4. **Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ. Путевыя записки.** Соч. Ю. И. Кушелевскаго. С.-Петербургъ 1868 г.

Сочиненіе г. Ивана Прижова «Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторією русскаго народа» не отличается никакими литературными достоинствами и неудовлетворяетъ ни одному изъ тѣхъ условій, которыя могли бы сдѣлать его общедоступнымъ и интереснымъ для большинства читателей. За то оно удовлетворяетъ почти всѣмъ тѣмъ условіямъ, которымъ должна удовлетворять книга, предназначенная для спеціалиста, любящаго архивныя изысканія и выписки изъ старыхъ документовъ. Вообще книга г. Прижова представляетъ собою только сборникъ сырого матеріала, собраннаго изъ разныхъ литературныхъ и нелитературныхъ источниковъ, матеріала, совсѣмъ почти необработаннаго и несистематизированнаго. Такъ что называя трудъ г. Прижова *его со-*

чименіемъ, мы допускаемъ нѣкоторую литературную вольность, и дѣлаемъ автору комплиментъ, котораго онъ ни мало не заслуживаетъ. Г. Прижовъ ничего не сочинилъ, понимая подъ этимъ словомъ самостоятельную, творческую работу автора надъ сырымъ матеріаломъ и его критическое отношеніе къ сгруппированнымъ фактамъ. Онъ выписываетъ и распредѣляетъ выписанное подъ извѣстныя рубрики. Этимъ ограничивается весь его трудъ, достойный, конечно, лучшей участи.

Несмотря, однако, на всѣ эти недостатки, книга г. Прижова заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по своему предмету, такъ и по обилію содержащагося въ ней сырого матеріала. Потому мы считаемъ не лишнимъ остановиться на ней нѣсколько подольше и ознакомить читателей съ ея содержаніемъ, ознакомить, разумѣется, въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько это позволяютъ предѣлы библиографической замѣтки, надѣясь, что въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ нашего журнала появится, по поводу ея болѣе подробная и обстоятельная статья.

Исторія кабаковъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ интереснѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ печальнѣйшихъ страницъ въ исторіи Россіи. Кабакъ былъ главнымъ источникомъ фиска, и на отношеніи его къ народу отразился весь строй политическаго быта страны и отразился такимъ образомъ, что всѣ существеннѣйшія стороны этого быта раскрылись здѣсь съ особенною откровенностью и рельефностью. Потому на этихъ отношеніяхъ стоятъ остановиться, но мы не будемъ упрекать г. Прижова, за то, что онъ всю свою «исторію кабаковъ» почти исключительно ограничилъ изслѣдованіемъ однихъ только этихъ отношеній, совершенно упуская изъ виду другія стороны вопроса.

Русскій народъ часто упрекаютъ въ пьянствѣ; его укоряютъ за его невоздержность и неразсчетливость, — негодуютъ за его безпечность, стыдять огромнымъ числомъ лицъ, ежегодно дѣлающихся жертвою спиртныхъ напитковъ. И на всѣ эти укоры и упреки, дѣлаемые разными экономистами-фельетонистами бѣдному народу ничего не остается возразить, какъ только чистосердечно покаяться въ своей несчастной слабости и просить у гг. фельетонистовъ и экономистовъ милостиваго снисхожденія. Но мы сомнѣваемся, чтобы гг. экономисты и фельетонисты смиловались надъ нимъ. Шутка ли до 40 милліоновъ ведеръ полу-гара ежегодно выпиваетъ, ежегодно несетъ въ кабаки до 300 милліоновъ рублей, и позволяя себѣ такую роскошь еще жалуетъ-

ся на свою бѣдность, ропщеть на голодъ, ропщеть на повинности, кто же виноватъ въ этой бѣдности, въ этомъ голодѣ, кто мѣшаетъ ему платить исправно повинности? Пьянство, одно пьянство. Не пьянствуй онъ—у него ежегодно въ карманѣ 300 милліоновъ оставалось бы! И хлѣбъ бы подешевѣлъ, и недомокъ не было бы, и начальство не сердилось бы, и все пошло бы, какъ по маслу: селянинъ спокойно наслаждался бы подъ сѣнью если не смоковницы, то, по крайней мѣрѣ, соломенной крыши, плодами рукъ своихъ, и съ аккуратностью нѣмецкаго булочника вносилъ бы въ установленные сроки установленные платежи. Да, гг. фельетонисты и экономисты, все это, дѣйствительно, быть можетъ и могло бы случиться, еслибы не пьянствовалъ нашъ народъ; но онъ пьянствуетъ, горько пьянствуетъ, пьянствуетъ до смерти, пропиваетъ послѣднюю полушку, послѣднюю коровенку, пропиваетъ жену, дѣтей, пропиваетъ свою жизнь. Говорятъ, будто онъ такъ пьянствуетъ отъ горя да нужды. Но гг. фельетонисты и экономисты не придаютъ никакого значенія подобнымъ аргументамъ: по ихъ логикѣ, пьянствуютъ совсѣмъ не отъ горя и нужды, а наоборотъ горе и нужда являются вслѣдствіе пьянства. Такъ какъ логика эта до того крѣпко врѣзалась въ ихъ умы, что безъ нея они и шага не сдѣлаютъ на своемъ фельетонно-экономическомъ поприщѣ, такъ какъ логика эта кормитъ ихъ и питаетъ, то мы считаемъ совершенно безразсуднымъ требовать у нихъ, чтобы они отказались отъ нея, начали разсуждать по общепринятой, человѣческой логикѣ. Потому, мы становимся на ихъ точку зрѣнія и вмѣстѣ съ ними утверждаемъ, что большая часть горя и нужды русскаго народа происходитъ отъ его непомѣрнаго пьянства. Ставъ на эту, во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренную, точку зрѣнія, мы все же не можемъ придти къ тому утѣшительному выводу, къ которому давно уже пришли гг. фельетонисты и экономисты, мы все же не можемъ согласиться съ ними, будто во всемъ своемъ горѣ и нуждѣ виноватъ одинъ только народъ. Гг. фельетонисты и экономисты усмотрятъ въ этомъ противорѣчіе съ только что высказанною нами мыслию о значеніи пьянства. Но противорѣчіе тутъ было бы только тогда, когда бы мы наклонность народа къ пьянству приписывали исключительно только его доброй, свободной волѣ, его свободному самоопредѣленію. Но мы думаемъ и полагаемъ, что съ нами въ этомъ случаѣ согласятся гг. фельетонисты и экономисты, мы думаемъ, что воля народа не вполнѣ свободна, что самоопредѣленіе его не вполнѣ самостоятельно. Мы говоримъ, здѣсь, разумѣется не о гнетѣ окру-

жающей его обстановки, не о вліянні матеріальнихъ и нравственныхъ условій его жизни, нѣтъ, мы согласны съ экономистами и фельетонистами, что человекъ—царь міра, и что, облеченный въ этотъ высокій рангъ, онъ долженъ господствовать надъ окружающими его условіями, что воля его свободна, что она опредѣляется не внѣшними причинами, а зависитъ сама отъ себя и т. д.; но мы знаемъ, что гг. экономисты и фельетонисты питають къ исторіи глубокое уваженіе, что они вѣрують въ историческое преемство не только идей, но нравовъ и привычекъ, вотъ объ этомъ-то историческомъ преемствѣ мы и говоримъ. Мы говоримъ, что воля даннаго поколѣнія опредѣляется его нравами и привычками, а эти нравы и привычки обусловливаются, въ свою очередь, нравами и привычками поколѣній предшествующихъ. Говоря это, мы ничего болѣе не дѣлаемъ, какъ только повторяемъ одну изъ любимѣйшихъ вокабулъ любого экономиста, любого историка, любого фельетониста. Потому мы надѣемся, что ни одинъ изъ этихъ почтенныхъ воздѣлывателей вертограда отечественной науки и литературы не станетъ насъ оспаривать, а напротивъ всѣ они, въ одинъ голосъ, закричатъ, что они сами всегда это утверждали и намѣрены утверждать до скончанія вѣка. Прекрасно. Теперь, слѣдовательно, остается только обратиться къ исторіи и освѣдомиться у нея, не записано ли на ея страницахъ какихъ нибудь такихъ обстоятельствъ, которыя, совершенно помимо и даже наперекоръ народной волѣ и народному желанію, развили въ немъ наклонность къ пьянству, наклонность преемственно переходящую отъ рода къ роду, отъ поколѣнія къ поколѣнію?

Факты, собранные въ книгѣ г. Прижова, дають на этотъ вопросъ самый обстоятельный и недвусмысленный отвѣтъ.

Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, — въ тотъ періодъ, когда, по понятіямъ славянофиловъ, отчасти раздѣляемыхъ г. Прижовымъ, русской «миръ» пользовался вѣчевою свободою и самоуправленіемъ, когда онъ составлялъ одну, тѣсно-сплоченную семью, съ княземъ - отцемъ въ главѣ, когда въ немъ не было ни розни сословной, ни бюрократическихъ предковъ, когда у него всего было вдоволь, и т. д., — тогда приготовленіе хмѣльныхъ напитковъ, меда, пива, а впоследствии (съ XIII в.) и водки, не стѣснялось и не регулировалось правительственнымъ вмѣшательствомъ, а было предоставлено свободной дѣятельности частныхъ лицъ. Они, уплачивая извѣстныя бортныя, медовыя и др. подати, варили медъ и пиво, гнали водку въ такомъ количествѣ, въ какомъ требовалось для

ихъ домашняго обихода, иногда и на продажу, которая также была свободна и которую никто не монополизировалъ. Съ развитіемъ княжеской власти, съ развитіемъ московской централизаціи и бюрократіи положеніе дѣлъ стало измѣняться, государство потребовало большихъ доходовъ. Нужно было достать ихъ, возложивъ на народъ уплату всѣхъ расходовъ, составлявшихъ бюджетъ московскаго государства. Тогда возникла мысль объ обложеніи налогомъ предметовъ народнаго потребленія, со всего, что продавалось и покупалось на рынкѣ, стали взиматься пошлины подъ различными названіями. Крѣпкіе спиртные напитки не избѣгли общей участи, только на нихъ фискъ налегъ съ особеннымъ усердіемъ и полнѣйшею безцеремонностію. Употребленіе хмѣльныхъ напитковъ съ одной стороны было очень распространено, — съ другой, оно отнюдь не составляло первой, насущной потребности человѣческаго организма, потому обложеніе его высокою податью могло быть и очень выгоднымъ, и совершенно безопаснымъ. Но для того, чтобы извлекать изъ хмѣльнаго промысла всю ту выгоду, которую изъ него можно было извлечь, — необходимо было монополизировать его, воспретить заниматься имъ частнымъ лицамъ, сдѣлать его *казеннымъ* промысломъ, казенною регалиею. Такъ и поступило правительство. Оно воспретило частнымъ людямъ заниматься приготовленіемъ и продажей медовъ и водки. Въ селахъ и городахъ появился *царевъ кабакъ*. Запретили курить вино и сказали, чтобы «среднимъ и молодшимъ людямъ пиво варить и меду ставить отнюдь никому не давать и вина горячаго, и лучшимъ людямъ курить не давать». Вино велѣно было покупать въ кабаѣхъ. Сперва народъ и духовенство просили снести кабаки, потому что, какъ говорили они, «подлѣ государева кабака жить не мочно», — но потомъ они и просить перестали и, волею неволею, должны были подчиниться новому порядку вещей. А порядокъ этотъ, стѣсня и обременяя народъ, старался въ то же время привить къ нему необузданную наклонность къ пьянству. На каждый кабаѣ былъ наложенъ извѣстный окладъ, опредѣляемый доходами предъидущихъ лѣтъ, откупными умами и другими обстоятельствами. Головы и цѣловальники, завѣдывавшіе кабацкимъ дѣломъ, обязаны были собирать и представлять въ Москву эти «кабацкія деньги» съ прибылью противъ прошлыхъ лѣтъ.

«Для этого», говоритъ г. Прыжовъ, «цѣловальникамъ было дозволено дѣйствовать *безстрашно* (А. А. Э. III, 143), за прибыль ожидать государевы милости и *въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держатъ, а главное питуховъ не отнюаютъ*» (А. А. Э. IV, 59).—Цѣловальники такъ

и поступали, они ничего не жалѣли, ничѣмъ не гнушались [лишь бы соблюсти царевъ указъ, и продать вина какъ можно больше. «Я, государь,— доносилъ Михаилу Федоровичу въ 1110 году Андрей Образцовъ, «я, государь никому не наротивъ, правилъ твои государевы доходы нещадно, побивалъ *по смерти*» (стр. 79).

Но, если не смотря на все стараніе головъ и цѣловальниковъ, все-таки случался недоборъ, то казна не принимала никакихъ оправданій: ни того, что народъ пить не хочетъ, ни того, что ему пить не на что, и настоятельно требовала недобранныхъ суммъ. Сперва всякій недоборъ ставился въ вину головамъ и цѣловальникамъ, и они ставились на правезъ. Когда же съ нихъ взять было нечего, то правезъ обращался на выбравшихъ ихъ земскихъ людей, городскихъ и крестьянъ. Впослѣдствіи выборные постоянно старались взвалить вину на міръ, и съ міра выжимались недобранныя кабацкія деньги. Въ виду такой перспективы крестьяне, городскіе и всѣ земскіе люди спѣшили нести въ кабакъ свои послѣдніе гроши, они совершенно правильно разсуждали, что уже если непременно нужно заплатить казнѣ такую-то сумму, то лучше уплатить ее въ видѣ платы за водку и пиво, чѣмъ въ видѣ казенной недоимки, взамѣнъ которой они ничего не могли надѣяться получить, кромѣ кнута и батожья. Недоборы падали обыкновенно на самыхъ бѣдныхъ, наименѣе зажиточныхъ людей, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующей челобитной:

«Среднихъ и мелкихъ» людей города Искова,—на зажиточныхъ посадскихъ, которые всѣ недоборы съ нихъ хотятъ взять и при обыскахъ ихъ однихъ во всемъ винять. При этихъ обыскахъ, говорится въ челобитной, «волочатъ стрѣльцами насъ сиротъ изъ домишекъ нашихъ за батогами; и сказывать велеть въ сказкахъ, что вхъ же братья, прожиточные люди сказываютъ, и во всякихъ недоборахъ тѣ невозможные прожиточные люди насъ бѣдныхъ сиротъ выдаютъ, и бьютъ на правезъ жъ *большимъ боемъ* и мы бѣдные тѣ недоборы платимъ изъ своихъ домишекъ и изъ станчимковъ» (Д. А. И. № 1 23, 25).

И такъ самую главную обязанность головъ и цѣловальниковъ было блюсти объ умноженіи кабацкихъ доходовъ, т. е. о развитіи въ народѣ пьянства. Другая ихъ обязанность состояла въ преслѣдованіи *корчемства*. Народу, какъ мы сказали выше, запрещено было курить вино, варить пиво онъ могъ только по какому нибудь важному особенному случаю и притомъ испрашивая на то каждый разъ специальное разрѣшеніе. Если крестьянину приходила нужда, говорить г. Прижовъ,

«сварить пивца къ празднику или къ свадьбѣ, или къ родинамъ или къ крестинамъ, словомъ, какъ выражался самъ народъ, — „помолиться“, онъ долженъ былъ идти въ съѣзжую избу, къ кабацкому головѣ и цѣловальникамъ и платитъ явку, впоследствии подавать имъ челобитныя, да тѣ челобитныя подписывать, именно на сколько дней того пивца дадутъ и печатать тѣ челобитныя великаго государя печатью. Въ 1703 году въ знакъ явки въ Москвѣ давали позволительныя выдѣ изъ Ратуши, а въ городахъ и уѣздахъ изъ земскихъ избъ на гербовой бумагѣ ярлыки» и т. д. (стр. 84).

Наваренное пиво и медъ предписывалось обыкновенно выпить все не долѣе какъ въ три, въ четыре дня и долѣе въ домахъ не держать.

«Чтобы выпить скорѣе этотъ наваренный напитокъ, — говоритъ Ю. Крыжаничъ, люди пьютъ черезъ силу и упиваются, а сосѣди, которымъ нечего вынуть дома, и негдѣ купить напитка, сидятъ безъ стыда и не отходятъ отъ этого пива, пона чаютъ хоть одну каплю его. Дальше люди мелкаго счастья не въ состояніи приготовить дома вина или пива, а *корчмы тѣтъ*, гдѣ бы они могли иногда выпить, кромѣ корчмы царской, гдѣ и мѣсто и посуда хуже всякаго свиного хлѣва, и питье самое отвратительное (питье само прибрѣдо) и продается по бѣсовски дорогой цѣнѣ. Кромѣ того и эти *адскіе кабаки* не подъ руками у народа, но въ каждомъ большомъ городѣ одинъ или два только кабака. Поэтому, говорю я, мелкіе люди чуть ли не всегда лишены напитковъ и оттого дѣлаются чрезмѣрно жадны на питье, безстыдны и почти бѣшены, такъ что какую не подашь большую посуду съ виномъ, они считаютъ за заповѣдь божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ. И когда они соберутъ нѣсколько денегенокъ и придутъ въ кабацкій адъ, тогда сбѣсятся въ конецъ и пропиваютъ и рухлядь какая есть дома, и одежду съ плечъ. И такъ, всякія злости и неподобіе и грѣхоты и тщеты и остуды всего народа исходятъ изъ проклятаго корчемнаго самоторжѣя» (т. е. правительственной монополіи кабаковъ стр. 116).

И такъ съ одной стороны, постановленія о кабацкихъ недоборахъ заставляли народъ, подѣ угрозой правеза и «нешаднаго битья кнотомъ», — нести въ кабакъ послѣднюю полушку, — съ другой запрещеніе варить дома медъ и пиво, и централизованіе кабаковъ въ городахъ, вдали отъ крестьянскаго жилья, дѣлали крестьянъ, по выраженію Крыжанича, «чрезмѣрно жадными на питье, безстыдными и почти бѣшенными». Долго сдерживаемая потребность, при первой возможности удовлетворенія, проявлялась съ утроенною силою, и придя въ кабакъ крестьянинъ хотѣлъ за разъ вознаградить себя и за свое воздержаніе, и за свое далекое путешествіе, и за свои расходы, и онъ уже не выходилъ изъ него, пока не пропивалъ «и рухлядь, какая есть дома, и одежду съ

плечь». Мѣшать этому буйному разгулу никто не имѣлъ права. При Иванѣ Грозномъ, говоритъ англійскій посоль Флетчеръ, было запрещено, подъ страхомъ строгаго наказанія, отцу вызывать изъ кабака своего сына, брату—брата. Попавшій въ кабакъ былъ неприкосновенною личностію до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ съ себя все до послѣдняго лохмотья и не изгонялся цѣловальникомъ, когда уже не было ничего пропивать. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ пьянство развивалось въ русскомъ народѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Во второй половинѣ 17-го вѣка (1660—1668 г.) Ю. Крыжаничъ писалъ:

«Объ пьянствѣ нашемъ, что треба говорить! Да ты бы весь широкій свѣтъ кругомъ обошелъ, нигдѣ бы не нашелъ такого меркаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко здѣсь на Руси».

Но правительственныя постановленія, съ одной стороны, требующія отъ народа, чтобы онъ пьянствовалъ и грозящія ему за его слушаніе правожомъ, съ другой, воспреещающія вольную продажу вина,—очевидно впадали въ самопротиворѣчіе, требовали невозможнаго, противуестественнаго. Потому они должны были встрѣтить противодѣйствіе въ самой жизни, они должны были возбудить противъ себя реакцію; и дѣйствительно противодѣйствіе было и реакція не заставила себя ждать.

«Весь этотъ быть съ кабакамъ и ицѣловальниками, — говоритъ г. Прижовъ, — съ подъячими въ кабакахъ, съ явкой питей, съ записываніемъ въ книги, сколько и когда выпито пива, — все это было ново для народа, привыкшаго жить въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, при свободномъ пользованіи напитками, составлявшими такую же насущную потребность жизни, какъ и хлѣбъ. Народъ никакъ не могъ примириться съ этимъ новымъ положеніемъ дѣлъ и принималъ всё мѣры жить своей старой *корчемной* жизнью, хотя этотъ порядокъ жизни считался противузаконнымъ, сдѣлался преступленіемъ, недопускающимъ никакой милости. Поэтому, вдругъ вся русская земля оказалась повинною въ корчемствѣ и казнь за корчемство несла въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ». (стр. 84),

За корчемство брали тяжелые штрафы, били кнутомъ, пытали, отсѣкали руки и ссылали въ Сибирь. Облагали штрафами, пытали и били не только лицъ, уличенныхъ въ корчемствѣ, но и ихъ ближайшихъ сосѣдей, за «недоносъ». Если провинившіеся не могли заплатить штрафа, ихъ ставили на правожъ. А такъ какъ вся тяжесть «корчемныхъ вымоговъ» падала на простой народъ, — на народъ обнищавшій и раззоренный вслѣдствіемъ поборами, — на

родъ, у котораго не было ничего, кромѣ черстваго куса хлѣба для утоленія голода, и жалкаго рубища для покрытія своей наготы, то понятно, что онъ не могъ платить тяжелыхъ штрафовъ и шелъ на правезъ. Правезъ совершался слѣдующимъ образомъ. Являлись стрѣльцы съ батогами, брали несостоятельнаго должника, босого ставили у приказа, передъ прїѣздомъ туда судей, и отпущали не прежде ихъ выхода. Правезчикъ, стоя возлѣ должника, билъ его по голой ногѣ безо всякаго милосердія, гибкой тростью, длиною локтя съ полтора. За расправой наблюдалъ изъ окна судья, расправа производилась ежедневно, кромѣ праздникова, отъ восхода солнца и до 10 или 11 часовъ утра и каждый должникъ подвергался правезу по часу въ день, пока не выплачивалъ долга; впрочемъ, очень часто должниковъ били цѣлый день отъ утра и до ночи. Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ 1633 и 1639 гг., приложилъ къ описанію своего путешествія картинку, изображающую правезъ и битье батогами и кнутомъ. Картина эта изображаетъ московскій Кремль, передъ которымъ обширная площадь и на ней множество людей, которыхъ, по словамъ Олеарія,

«Бьютъ по колѣпамъ гибкими палками, толщиною въ мизинецъ, такъ сильно, что несчастные изнемогая отъ жестокой боли, испускаютъ громкіе крики и стоны, или же бьютъ кнутомъ по обнаженной спинѣ, спустивъ руки несчастнаго на шею палача и ноги вытянувъ за привязанную къ нимъ веревку. Недовольствуясь правезомъ, корчемниковъ наказывали «нещаднымъ бїеніемъ» батогами и кнутомъ».

Занимающимся запрещенною продажею водки, говоритъ Олеарій,

«Привѣшиваютъ флажку съ водкой и водятъ попарно отъ площади до кремля и обратно, въ сопровожденіи двухъ помощниковъ палача и все это время бьютъ кнутомъ».

Правезъ жилъ съ кабакомъ до самаго XVIII в. Указомъ 1717 года велѣно было всѣхъ людей, находившихся подъ взыскапіямъ по откупамъ, по питейнымъ сборамъ, а «если они помрутъ, то поручителей по нимъ, женъ ихъ и дѣтей», на правезъ не ставить, а отсылать ихъ всѣхъ на ваторгу.

«Но, говоритъ г. Прижовъ,—правезъ не прекращается. При Биронѣ, когда недонжки возросли до нѣсколькихъ милліоновъ, тогда, по словамъ Болтина, лучшихъ людей, забравъ подъ караулъ и каждый день ставя розутыми на снѣгъ, били по щеколоткамъ и по пяткамъ палками, сіе повторили ежедневно, пока не выплатятъ недонжку. По деревнямъ, продолжаетъ онъ, слышенъ былъ стукъ ударовъ палочныхъ по ногамъ, крикъ сихъ мучимыхъ, и плачь женъ и дѣтей, томимыхъ голодомъ и жаждою... (стр. 114).

Рядомъ съ царскими кабаками распространились по городамъ и кабаки боярскіе. Кабаками цари жаловали своихъ лучшихъ бояръ, и бояре скоро поняли, что это «жалованье» для нихъ по-прибыльнѣе будетъ всякихъ вотчинъ и помѣстій. Кабакъ давалъ имъ право монополизировать въ свою пользу народную страсть къ спиртнымъ напиткамъ, страсть, дошедшую въ это время, благодаря указаннымъ выше постановленіямъ, до гигантскихъ размѣровъ. Поняло и московское правительство, какую выгоду доставляетъ эксплуатація этой страстью и вотъ оно начинаетъ не только жаловать кабаками, но и отдавать ихъ на откупъ. Откупъ представлялъ для него то удобство, что, во-первыхъ, деньги въ казну поступали впередъ, во-вторыхъ, съ его плечъ снималась неприятная обязанность учитывать и контролировать изворовавшуюся кабацкую администрацію. Зато народу отъ откупа стало не легче; откупщикъ, заплативъ казнѣ большія суммы, старался наверстать ихъ съ прибылью и выжималъ изъ народа его послѣдніе соки.

Безсовѣстная эксплуатація откупщиковъ вызвала часто народные бунты и нѣсколько разъ правительство было вынуждено отмѣнить откупную систему и снова возстановлять единый *царскій кабакъ*. Но и этотъ кабакъ, какъ мы видѣли, былъ ничѣмъ не лучше откупа: только тамъ дѣйствовало грубое насилие, пускались въ ходъ кнуты и батожья, а здѣсь хитрость, соблазны, обманъ, воровство и всякаго рода ухищренія. Потому народъ имъ былъ недоволенъ, такъ что, наконецъ, правительство сочло за лучшее—его голоса въ этомъ дѣлѣ не принимать въ расчетъ и поступать такъ какъ будетъ для него удобнѣе. Откупная система представляла для него гораздо больше удобствъ, хотя и менѣе выгодъ,—потому со второй половины XVIII вѣка ей отдается рѣшительное преимущество передъ казенною продажей. Какъ тяжело приходилось отъ нея народу, это можно видѣть изъ знаменитаго доноса, поданнаго Аннѣ Ивановнѣ на откупщиковъ и компанейщиковъ, разхищающихъ казну и спаивающихъ народъ. Въ этомъ доносѣ говорилось, между прочимъ:

«И оныя откупщики и компанейщики являются своимъ промысломъ, якобы великіе доброхоты и исполнители интересу В. И В., а они злодѣйствомъ своимъ и великимъ пронырствомъ дѣлаютъ великіе ущербы В. И. В., вникнули въ народъ, яко ядовитыя зміи, пресыщающіе лестью, гоняще народъ къ великой нищетѣ и вѣчной погибели такими видами; какъ въ Москвѣ, такъ и во многихъ городахъ, расширяютъ и умножаютъ множество кабаковъ, такъ въ селахъ и въ деревняхъ, для своихъ плутовскихъ и великихъ прибытковъ. Первая язва отъ того пьянство: облѣнилось множество народу, вступили въ

блудъ, во всякую нечистоту, въ тяжбы, въ убийство, въ великіе разбои и ослѣпота пребезконечно, начаша творити блудъ содомскій, не знающе ни воскреснаго дня, ни господскихъ праздниковъ, и отъ того уродися и множитися сѣмья нечестивое, отъ того многія тысячи *дальныхъ и родныхъ* людей на всякія службы, смертью казнены, и другихъ множество народу бьютъ кнутомъ и посылають на вѣчную работу въ каторгу; иныхъ множество простаго народу въ пьянствѣ умирають безвременно» и т. д. (стр. 258.)

Хотя доносъ и преувеличиваетъ зло откупа, приписывая ему всѣ бѣдствія русскаго народа, всѣ его пороки и злодѣянія, однако зло это должно было быть очень велико, если ему можно было все это приписать. Само правительство не сомнѣвалось во всей вредности откупной системы и при Екатеринѣ II назначена (въ 1764 г.) особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ графа Фермора, для прискаанія средствъ къ улучшенію питейныхъ сборовъ. Но коммисія ничего не могла прискать и объявила, что считаетъ за лучшее «по обстоятельствамъ времени» продолжить откупное содержаніе съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы подрядъ на поставку вина принадлежалъ непосредственно самому правительству.

Народъ протестовалъ какъ могъ и умѣлъ: писалъ доносы и челобитныя, потомъ когда челобитныя перестали принимать, а подателей начали нещадно наказывать кнутомъ, народъ сталъ грабить кабаки, разбивать посуду и во многихъ мѣстахъ отказывался даже пить. Но и за это его били кнутомъ и батогами, рвали воздри и ссылали въ каторжныя работы. Откупщики строго наблюдали, чтобы никто не отваживалъ народа отъ кабака, и даже, когда народъ, по собственной инициативѣ, отказывался пить, — они всегда умѣли найти «наушниковъ» и «подстрекателей», на которыхъ и вымещали всѣ свои убытки. Начальство, въ этомъ случаѣ, всегда ихъ поддерживало и строго наказывало дерзкихъ бунтовщиковъ, осмѣливавшихся противодѣйствовать интересамъ откупа. Тутъ уже ничто не помогало: ни высокой санъ, ни почетное положеніе въ обществѣ, не принимались никакія оправданія, — не щадились ничьи интересы, кромѣ интересовъ откупщиковъ. Такъ, напримѣръ, въ 1765 году, откупщики донесли, будто епископъ воронежскій преосвященный Тихонъ смущаетъ народъ, учить его не пить водки и тѣмъ подрываетъ казенный доходъ. Вслѣдствіе этого доноса епископъ былъ отрѣшенъ отъ своей епископіи и удаленъ на покой. Если такъ безцеремонно расправлялись съ епископами, заподозрѣнными въ противодѣйствіи откупу, то какъ же поступали съ простыми смертными?

Преслѣдуя всевозможными карами, батогами, кнутами, каторгою и

Сибирью протестъ народа противъ откупной системы, спаивавшей, развращавшей его, власти съ такою же энергіею преслѣдовали и корчемство—этотъ неизбѣжный, логическій результатъ монополіи виннаго промысла. Чѣмъ болѣе усиливалась монополія, тѣмъ сильнѣе развивалось корчемство. Екатерина II въ секретномъ постановленіи Вяземскому признавалась, что «въ корчемствѣ столько виновныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, *поэтому являя провинции себя оному подверямъ*». Такъ, что преслѣдованіе корчемниковъ превращалось въ настоящую междоусобную войну: полковые и сѣвъжіе дворяне получали предписаніе «чинить вспоможенія откупщикамъ для поимки корчемниковъ», при выемкахъ совершались очень часто смертоубійства и раны.

Въ 1817 году правительство, наконецъ, рѣшилось, по настоянію графа Гурьева, отмѣнить откупа и ввело снова казенную продажу вина. Повторилась прежняя исторія. вмѣсто откупщиковъ, народъ начали спаивать кабачники и чиновники; число кабаковъ увеличилось, возростали недоимки и недоборы.

«Питейные чиновники, говоритъ г. Прыжковъ, черезъ подставныхъ лицъ брали себѣ лучшіе питейные дома, раздачу кабаковъ обратили въ торговлю и судьямъ по кабакамъ, обремененные поборами, совершенно замѣнили собою откупщиковъ. Народъ пьянствовалъ по прежнему» (стр. 272).

Черезъ 10 лѣтъ, именно въ 1827 г. нашли необходимымъ уничтожить казенную продажу и опять возстановить откупа. Старыя злоупотребленія повторились съ новою силою, пьянство и обнищаніе народа, корчемство и недоимки возростали съ каждымъ годомъ въ геометрической прогрессіи. Народъ протестовалъ беспорядками и волненіями, но эти беспорядки и волненія ни къ чему не приводили, какъ только къ усиленію гнета откупщиковъ. Возставшихъ усмиряли и строго наказывали и откупщики еще болѣе возвышали цѣну на вино и еще болѣе разбавляли его водою. Въ отчетѣ за 1860 г. министра внутреннихъ дѣлъ говорится, что во многихъ мѣстностяхъ откупщики продавали вмѣсто вина «грязную, разведенную разными припасами жидкость» по цѣнѣ отъ 12 до 20 р. с. за ведро. Чтобы заставить народъ, во что бы то ни стало пить, откупщики соблазняли его разными слухами и надеждами: его увѣряли будто по цѣлковому отъ каждаго выпитаго имъ ведра пойдетъ на выкупъ земли и уплату недоимокъ. Но народъ не могъ долѣе выдержать; тяжесть была слишкомъ велика и слишкомъ по всемѣстна, потому и протестъ былъ твердъ и единодушенъ. Нау-

ченый горькимъ опытомъ, онъ сталъ воздерживаться отъ противузаконныхъ демонстрацій, онъ рѣшился не пить. И вотъ по всей землѣ русской, точно по волшебству какому, стали возникать и распространяться общества трезвости. Сперва они появились въ западныхъ губерніяхъ гродненской и виленской, потомъ перешли въ Великороссію, въ губерніи рязанскую, тульскую, орловскую, владимірскую, калужскую, московскую, самарскую, казанскую, пензенскую, нижегородскую, костромскую, ярославскую и др. Зароки не пить повсюду сообщались съ удивительною быстротою; съ ослушниковъ брали штрафы и подвергали ихъ даже тѣлесному наказанію.

«Послѣдствія этого, говоритъ г. Прыжовъ, были самыя благодатныя; пили только когда нужно, пьяныхъ не было, цѣна жизненнымъ припасамъ понижалась, повинности уплачивались исправно» (стр. 291).

Радужныя мечты фельетонистовъ и экономистовъ стали осуществляться во очію. Но, помните ли вы, гг. фельетонисты и экономисты, чѣмъ все это кончилось?

Откупщики струсили и прибѣгли къ обыкновенной своей тактикѣ; сперва они начали задабривать народъ, значительно понизили цѣну на водку, даже стали раздавать ее даромъ, во многихъ мѣстахъ приняли на себя уплату недоимокъ, распускали разные обольстительные слухи, — подстрекали народъ, нарочно, ко всевозможнымъ беспорядкамъ, для того, чтобы придать политическое значеніе ихъ воздержанію и вызвать вмѣшательство власти. Наконецъ когда и это не помогло, они обратились къ доносу. Здѣсь мы будемъ говорить словами г. Прыжова, который, имѣя подъ руками множество матеріаловъ, относящихся къ этому интересному періоду, излагалъ только то, что фактически достоверно. Пусть всѣ тѣ господа, у которыхъ поворачивается языкъ корить нашъ народъ въ пьянствѣ, прочтуть со вниманіемъ слѣдующую выписку и пусть они устыдятся своей легкомысленной опрометчивости.

«Прежде всего, утверждаетъ г. Прыжовъ, откупщики шли поклониться исправнику. Исправникъ пріѣзжалъ и начиналъ прицѣпляться, нѣтъ ли безпаспортныхъ, всѣ ли внесены повинности, отчего дурна дорога и потому мало по малу дѣло шло дальше. Вотъ мужики не пьютъ вина, а масляная приближается. Откупщикъ опять идетъ объясняться съ исправникомъ. Исправникъ, не желая дѣйствовать прямо въ пользу откупа, передаетъ дѣло во временное отдѣленіе, снабдивъ его надлежащими совѣтами. Временное отдѣленіе, прибывъ въ имѣніе одного графа, начинаетъ убѣждать мужиковъ, чтобы они пили водку. Начальство собираетъ крестьянъ», т. д. и т. д.

Исторія всёгь понятная и знакомая. Наконецъ въ июль 1859 г. откупщики жаловались М. В. Д. и доносили ему на православныхъ священниковъ, удерживающихъ народъ отъ пьянства. Министръ сообщилъ объ этомъ обер-прокурору святѣйшаго синода, но святѣйшій синодъ отвѣчалъ ему на это, что и онъ благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина». Отвѣтъ этотъ пришелся совсѣмъ не по душѣ ни откупщикамъ, ни свѣтскому начальству, которое имѣло на этотъ вопросъ свои особые взгляды, весьма мало гармонировавшіе со взглядами святѣйшаго синода. Въ возраженіе на отвѣтъ синода министръ финансовъ писалъ ему, «что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно-дѣйствующихъ на умы простаго народа религиозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣренного употребленія вина, (и это и было самое главное) и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе» (стр. 295, свод. о пит. сборѣ II, 240).

Затѣмъ министръ финансовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли не допускать.

Послѣ этого всякое дальнѣйшее упорство со стороны народа относительно воздержанія, было совершенно невозможно и онъ долженъ былъ отказаться отъ обществъ трезвости, такъ какъ эти общества получили теперь значеніе непоправимой демонстраціи.

Въ 1863 году откупа наконецъ опять были уничтожены и новая, нынѣ существующая акцизная система открыла свои дѣйствія. Анализировать и разбирать достоинства и недостатки акцизной системы здѣсь не мѣсто. Достаточно только указать на ея главнѣйшіе результаты, какъ относительно увеличенія питейныхъ доходовъ казны, такъ и относительно развитія въ народѣ пьянства вообще.

Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, представленныя г. Прыжовымъ. Въ 1863 году, въ первый годъ акцизной системы чистый доходъ правительства съ виннаго промысла увеличился на 2, 2% сравнительно съ доходами его при откупной системѣ. Въ томъ же 1863 г. народомъ издержано на вино болѣе чѣмъ на 300 милліоновъ противъ 1862 г. Количество выпитаго алкоголя въ великороссійскихъ губерніяхъ увеличилось на 101%, въ сибирскихъ—на 134%. Послѣдствіемъ этого было чрезмѣрное увеличеніе числа умершихъ отъ употребленія вина и опившихся до смерти. Въ 1842 году умерло отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, или, по выра-

женію одного отчета, *заглѣбнулось виномъ* 939 человекъ. По исчисленію Заблоцкаго опившихся въ теченіи періода съ 1842—1852 г. было 7,562 чел., что составляетъ въ годъ среднимъ числомъ 756 чел.; въ 1855 число опившихся было 1,423; въ 1856—1,535; въ 1857—1,713; въ 1858—1,774; въ 1859—1,713; число же опившихся въ 1863 году и счесть трудно, говорить г. Прыжовъ. По свѣденіямъ Сѣверной Почты, число жертвъ преждевременной смерти за первую половину этого года равнялось 7,155 чел., въ томъ числѣ отъ пьянства ежедневно умирало семь человекъ, что составить въ полгода 1,274, а въ цѣлый годъ 2,548 чел. Въ Москвѣ, по отчету оберъ-полиціймейстера за 1842 годъ, взято за пьянство мужчинъ и женщинъ—всего 7,224 чел., по отчету же за 1863 г.—21,794 чел. Въ рязанской губерніи число умиравшихъ отъ пьянства было: въ 1854—17 чел.; въ 1855—24 чел., въ 1856—26 чел.; въ 1857—28; въ 1858—32; въ 1859—23; въ 1863—98; въ 1864—117 чел., тоже самое повторялось и въ другихъ губерніяхъ; такъ, напримѣръ, въ тверской губ. опившихся въ 1860 г. было 35 чел., въ 1862—48 чел., въ 1863—125 чел., въ 1864—132 чел.; въ Самарѣ въ 1862 г. опившихся было 48 чел., въ 1863—198 чел.; въ Костромѣ въ теченіи 1842—53 годовъ, опившихся было больше всего въ 1850 г.—именно 37 чел., затѣмъ были годы когда опившихся было не болѣе 7 (1852), 8 чел. (1853 г.); но въ 1863 число ихъ дошло по 179 чел. и т. д. и т. д.

Цифры эти слишкомъ поучительны, и значеніе ихъ слишкомъ ясно само по себѣ, такъ что онѣ не нуждаются ни въ какихъ объясненіяхъ и коментаріяхъ съ нашей стороны. Ими мы и закончимъ съ книгою г. Прыжова. Знакома читателя съ общимъ духомъ и направленіемъ, характеризующими отношенія административной власти къ *кабаку* и винному промыслу, мы, по недостатку мѣста, не могли вдаваться въ подробности и детали, несмотря на то, что эти подробности, во многихъ отношеніяхъ, крайне интересны и поучительны. Особенно любопытны подробности, касающіяся распоряженій относительно инородцевъ; имъ посвящена по преимуществу IX глава книги и мы рекомендуемъ обратить на нее вниманіе тѣмъ изъ нашихъ моралистовъ и политико-экономовъ, которые имѣютъ обыкновеніе укорять инородческія племена въ излишнемъ пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ.

Длинное и ученое заглавіе маленькой брошюрки док. Зольбрига не должно смущать и пугать даже и тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые считаютъ себя совершеннѣйшими профанами по части психологіи и психіатріи. Въ этой брошюркѣ они не встрѣтятъ ничего такого, что бы могло заставить ихъ пожалѣть о своемъ невѣжествѣ, зѣвать и скучать. Нѣтъ, это весьма популярное, весьма интересное и весьма поверхностное указаніе нѣкоторыхъ діагностическихъ признаковъ одного изъ видовъ сумасшествія, извѣстнаго въ англійской практикѣ, подъ именемъ moral insanity, т. е. безнравственнаго сумасшествія—сумасшествія, обусловливаемаго развитіемъ въ человѣкѣ порочныхъ, безнравственныхъ наклонностей. Не смотря на свою поверхностность, книжка эта можетъ быть очень полезна не только для нашихъ «лекарей, психологовъ и судей», для которыхъ она специально предназначается, но и для большинства нашей публики, изъ среды которой выходятъ присяжные засѣдатели. Потому мы считаемъ полезнымъ познакомить вкратцѣ нашихъ читателей съ ея не особенно обильнымъ содержаніемъ.

Разсматривая историческое развитіе уголовного законодательства, нельзя не замѣтить въ немъ рѣзко выдающейся тенденціи дать рѣшительный перевѣсъ субъективному взгляду на преступленіе надъ объективнымъ. Было время, и время это было не слишкомъ давно,—когда обращали исключительное вниманіе только на одну объективную сторону преступленія, совершенно упуская изъ виду субъективную, т. е. тѣ мотивы, тѣ побужденія, которыя вызвали его, которыя направили дѣятельность человѣка ко вреду его ближнихъ. Уголовное правосудіе знало одинъ только этотъ вредъ и ни о чемъ другомъ не заботилось. Кто бы, при какихъ бы условіяхъ не совершилъ его—для него это было безразлично. Оно карало съ одинаковою жестокостью и дѣтей, и больныхъ, и сумасшедшихъ, и даже предметы неодушевленные. Оно дѣйствовало тогда какъ ребенокъ или какъ неразвитый слѣпецъ, непонимающій и незнающій, кто и что причиняетъ ему боль и дѣйствующій совершенно безсознательно противъ ея самой ближайшей и непосредственной причины. Это была тупая, дѣтская месть, это была инстинктивная, бессмысленная реакція; она могла существовать только при господствѣ дѣтскихъ, крайне узкихъ и неправильныхъ взглядовъ на явленія общественной жизни, и на человѣческую природу вообще. Но мѣрѣ прогресса человѣческой мысли—прогресса всегда опережающаго на нѣсколько столѣтій прогрессъ законодательства,—такое воззрѣніе на преступленіе является чистѣйшимъ анахронизмомъ, анахрониз-

момъ столько же нелѣпымъ, сколько и вреднымъ. Маленькое дитя, бессознательно ударяя своими маленькими руками по всему, что ему причиняетъ боль, только по напрасну отбиваетъ себѣ руки, нисколько не устраняя настоящихъ причинъ зла. Точно также и общество, карая безразлично всѣхъ и каждаго, причинившихъ ему зло — только по напрасну издерживается на карательныя мѣры, нисколько не упрочивая и не ограждая своей безопасности на будущее время. Чтобы бороться противъ зла, нужно понимать его истинныя причины, — только тогда можно рассчитывать на успѣхъ. Это тривиальное положеніе, болѣе ясное, чѣмъ дважды два четыре, и болѣе безспорное, чѣмъ любая геометрическая аксіома, — не смотря на свою ясность и безспорность, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, упорно отрицалось въ сферѣ уголовного права, даже и теперь справедливость его подвергается сомнѣніямъ и встрѣчаетъ разнаго рода возраженія. Однако, общее направленіе нашихъ знаній, общій прогрессъ нашей мысли не могли не отразиться на отношеніяхъ законодательства къ преступленію, тѣмъ болѣе, что вѣковый опытъ краснорѣчивѣе всякой философіи доказывалъ ему всю несостоятельность, всю вредоносность его прежнихъ взглядовъ на этотъ предметъ. Оно начинаетъ мало по малу понимать, что только тогда возможна успѣшная борьба съ преступленіемъ, когда непосредственно поражаются и устраняются самыя причины, порождающія его. А для этого прежде всего нужно уяснить себѣ эти причины, а чтобы уяснить ихъ себѣ, нужно раскрыть мотивы преступленія, проникнуть въ тѣ побужденія, мысли и желанія, подъ влияніемъ которыхъ дѣйствовалъ преступникъ, — анализировать общественныя и физиологическія условія его существованія. Поэтому существеннымъ вопросомъ для уголовного правосудія долженъ быть вопросъ не о фактѣ преступленія, не объ его объектной сторонѣ, а о его мотивахъ, о его внутреннемъ субъективномъ составѣ. Уголовное правосудіе современныхъ намъ законодательствъ далеко еще не возвысилось до такого рациональнаго пониманія своей задачи; преданія рутинны, неосмысленныя требованія неразвитаго большинства, грубые инстинкты массы, понятія и взгляды, унаслѣдованныя отъ давно прошедшихъ временъ, давятъ и гнетутъ его, и оно не можетъ освободиться отъ ихъ тягостнаго влияния даже и въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ Европы. Но несмотря на это, оно, хотя и медленно, но все же движется впередъ по тому пути, который оказываетъ ему прогрессъ человѣческой мысли, человѣческихъ знаній, — этотъ путь ведетъ,

какъ мы показали, къ тому, чтобы доставить исключительное господство субъективному взгляду на преступленіе надъ объективнымъ, чтобы превратить судъ изъ учрежденія чисто-карательнаго въ учрежденіе чисто-охранительное и, такъ сказать, нравственно-медицинское. Съ каждымъ новымъ шагомъ по этому пути задача суда будетъ существенно измѣняться и вмѣстѣ съ этимъ будутъ измѣняться и самыя его функціи. Въ концѣ этого логическаго, и теперь уже неизбежнаго процесса видоизмѣненія задачи и функцій суда,—судъ совершенно преобразуется по своей формѣ и сущности, и усвоятъ себѣ такіе атрибуты и такого рода дѣятельность, которыя не будутъ имѣть ничего общаго съ атрибутами и дѣятельностью современнаго суда. Это не мечтательное пророчество, не пустая фантазія,—это логическій выводъ изъ данныхъ отношеній, это неизбежное послѣдствіе субъективнаго взгляда на преступленіе,—взгляда, являющагося въ свою очередь, необходимымъ выводомъ прогресса человѣческихъ знаній. Субъективный взглядъ требуетъ анализа, и *эникамія*, *анализъ* и *эникаміе* несовмѣстны съ караніемъ; кто все анализируетъ и во все вникаетъ, тотъ все прощаетъ. Каранье обуславливается недостаточностью анализа и неполнымъ пониманіемъ причинъ человѣческихъ поступковъ: кто всѣхъ меньше анализируетъ, тотъ всѣхъ строже относится къ своимъ ближнимъ. Положеніе это безспорно вѣрно; исторія уголовныхъ законодательствъ и простой житейскій опытъ представляютъ обильныя тому доказательства. Когда люди не умѣли еще анализировать окружающихъ ихъ явленій, не умѣли дѣлать наблюденій ни надъ собою, ни надъ своими ближними, когда они совершенно не понимая и не догадываясь объ истинныхъ причинахъ и мотивахъ своихъ поступковъ, приписывали ихъ какой-то, имъ самимъ неясной врожденной силѣ, и придавали этой силѣ безусловную свободу и самоопредѣленность, тогда законы ихъ отличались чудовищною суровостью и абсолютностью: они карали жестоко и карали всѣхъ безъ исключенія. Но когда они начали наблюдать и вникать, когда они стали анализировать свои и чужіе поступки, когда умъ ихъ началъ обогащаться и психологическими и физиологическими знаніями, — они поняли неразумность своего прежняго образа дѣйствія и устыдились своей прежней грубости, своему прежнему невѣжеству, и законы ихъ начали прогрессивно смягчаться и понятіе о юридической невмѣняемости стало расширяться все болѣе и болѣе. Прежде, какъ мы видѣли, даже и неодушевленные предметы считались субъектами вмѣненія, о невмѣняемости существъ

одушевленныхъ и рѣчи не могло быть. Теперь же возрѣнія на человѣческіе поступки такъ радикально измѣнились, что *ампленіе* ихъ перестало предполагаться, какъ нѣчто совершенно неизбѣжное, а напротивъ требуетъ спеціальнаго доказательства для каждаго отдѣльнаго случая. Правда, юридическая практика, еще далеко не отрѣшилась отъ рутинныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, но психологія, опирающаяся не на метафизическія умозрѣнія, а на опытъ и физиологію, стремится сдвинуть до возможной степени кругъ вѣдѣній и степенью этого сдвигенія опредѣляется ея прогрессъ. Всего нагляднѣе выражается эта тенденція современной психологіи—въ области психіатріи; психіатрія, же съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ все болѣе и болѣе расширяетъ кругъ человѣческихъ дѣйствій, подлежащихъ ея вѣдѣнію и пользованію; а расширение этого круга находится, какъ извѣстно, въ обратномъ отношеніи къ расширенію круга вмѣняемыхъ дѣйствій. Дѣйствія, считавшіяся еще недавно, совершенно нормальными, вполне соответствующими съ здоровымъ состояніемъ организма, теперь, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, оказываются патологическими, ненормальными и потому невмѣняемыми. Понятіе о сумасшествіи—разумѣя подъ этимъ словомъ всю совокупность душевныхъ болѣзней, — раздвигается и расширяется до такой степени, что становится даже трудно опредѣлить границы, отдѣляющія дѣйствія съ явно патологическимъ характеромъ отъ дѣйствій здороваго человѣка. Поэтому вопросъ о вмѣняемости, по мѣрѣ развитія психіатріи, усложняется все болѣе и болѣе и даже и теперь уже онъ не можетъ быть сколько нибудь основательно рѣшенъ безъ участія опытныхъ психіатровъ. Но, къ несчастію, и въ этомъ случаѣ юридическая практика упорно держится старой рутинны и оставляетъ почти безъ всякаго вниманія требованія и указанія современной психіатріи; потому судьи юристы не особенно затрудняются при рѣшеніи одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ для всякаго понимающаго дѣло спеціалиста — вопроса о томъ: нормально или ненормально каждое преступное дѣйствіе, т. е. совершено ли оно въ здоровомъ умѣ или въ сумасшествіи. Руководствуясь приемами отжившей практики и постановленіями кодекса, постановленіями чуждыми науки и составленными въ то еще время, когда психіатрія совсѣмъ не существовала, — судьи не стѣсняются при опредѣленіи признаковъ сумасшествія. Если человѣкъ несетъ чепуху невообразимую, если всѣ его дѣйствія безцѣльны, а мысли несообразны съ обыкновенною человѣческою логикою, — образцомъ

которой судьи считают свою логику если въ немъ замѣтно ослабленіе физическихъ силъ, или какое нибудь патологическое измѣненіе въ его тѣлесномъ организмѣ, тогда и только тогда рѣшаются они признать человѣка сумасшедшимъ и дѣйствія его невмѣняемыми. Иногда законъ еще тѣснѣе ограничиваетъ кругъ признаковъ, характеризующихъ, по его мнѣнію, патологичность, т. е. невмѣняемость человѣческихъ дѣйствій; такъ, напримѣръ, нашъ законъ только то дѣйствіе считаетъ совершеннымъ въ припадкѣ безумія или сумасшествия, относительно котораго нѣтъ сомнѣнія, что совершая его, преступникъ не могъ имѣть понятія «о противозаконности и самомъ свойствѣ своего дѣянія». Между тѣмъ психіатрія доказывала давно, что сумасшедшій можетъ не проявлять ни одного изъ тѣхъ патологическихъ симптомовъ, которые требуются рутинною практикою, какъ необходимыя *sine qua non* условія сумасшествия, что онъ можетъ и думать и говорить совершенно логично, что онъ можетъ имѣть совершенно ясное понятіе о свойствѣ своего дѣйствія, и все-таки это нисколько не помѣшаетъ ему быть человекомъ умственно-разстроеннымъ и, слѣдовательно, не подлежать вмѣненію. Очень часто мы можемъ встрѣтить на скамьяхъ подсудимыхъ людей, обвиняемыхъ въ тяжкихъ и весьма сложныхъ преступленіяхъ, требующихъ много искусства и времени, и совершившихъ эти преступленія съ полнымъ сознаниемъ, съ логическою послѣдовательностью и поразительною систематичностью. Юристы увидятъ въ нихъ только людей порочныхъ, развратныхъ, вредныхъ, и пропишеть имъ въ видахъ исправленія каторгу или тюрьму, — тогда какъ психіатръ признаетъ ихъ сумасшедшими, невмѣняемыми и потому, отнюдь не подлежащими ни заключенію въ тюрьмѣ, ни ссылке въ каторгу. По мнѣнію юриста въ дѣйствіяхъ этихъ преступниковъ проявилось только преступное настроеніе ихъ воли, между тѣмъ, по мнѣнію психіатра, это постоянное, упорное преступное настроеніе воли есть именно симптомъ, если и не прямо доказывающій сумасшествіе, то, по крайней мѣрѣ, дающій возможность допустить сильное предрасположеніе къ нему, предрасположеніе, требующее заботливаго леченія, а не каранія и публичнаго посрамленія.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, говоритъ д-ръ Зольбригъ, что чисто моральный недостатокъ, преступное настроеніе и привычки сами по себѣ могутъ сильно предрасполагать къ помѣшательству и способствовать его проявленію. Фактъ, подтвержденный множествомъ примѣровъ, что человекъ, погрязшій въ страхахъ и порокахъ, тѣмъ самымъ приводитъ во-

ловна своего мозга и нервовъ въ такое ненормальное состояніе возбужденія, поддерживаетъ ихъ въ этомъ состояніи и способствуетъ такимъ разстройствомъ питанія въ нервныхъ центрахъ, которые становятся ближайшею причиною умственного разстройства. Въ такихъ случаяхъ, при дальнѣйшемъ ходѣ этаго разстройства моментъ безнравственности долженъ занять специфическое мѣсто, даже опредѣляющее самый видъ болѣзни; это состояніе, которое мы хотимъ назвать «преступнымъ сумасшествіемъ», названіе, по нашему мнѣнію, крайне неудачное, потому что не выражаетъ правильно то понятіе, которое авторъ хотѣлъ имъ выразить и соединяетъ кромѣ того, съ сумасшествіемъ такое прилагательное, которое никоимъ образомъ не можетъ быть съ нимъ соединено; понятіе „сумасшествіе“ не совмѣстно съ понятіемъ „преступное“ и которое англичане опредѣляютъ выраженіемъ *moral insanity*, можетъ проявиться весьма разнообразно, можетъ развиваться во всѣхъ возрастахъ, у лицъ обоого пола, всякаго класса и всякой степени образованія» (стр. 5).

Если же *moral insanity* сопровождается симптомами, свойственными неистовству или меланхолии (острой или хронической), или этотъ видъ психическаго разстройства подходит къ слабоумію, или сопровождается какими нибудь особыми нервными осложненіями, напримѣръ, мнимо-ощущеніями (галлюцинаціями), эпилептическими припадками и т. п., въ такомъ случаѣ вопросъ о вмѣняемости не представляетъ особыхъ затрудненій, и человекъ, даже совершенно невѣжественный въ психіатріи, какъ большинство юристовъ, не колеблясь признаетъ невмѣняемымъ лицо, страдающее подобнымъ психическимъ разстройствомъ. Но бѣда въ томъ, что этотъ родъ психическаго разстройства очень рѣдко сопровождается указанными выше признаками. Въ большей части случаевъ лицо, страдающее *moral insanity*, дѣйствуетъ повидимому совершенно благоразумно, логически и послѣдовательно защищаетъ свои поступки и свои теоретическія воззрѣнія; въ немъ не бываетъ замѣтно никакихъ сильныхъ аффектовъ, никакого разстройства въ нервной системѣ или въ другихъ существенныхъ органахъ тѣла. И вотъ въ этихъ-то случаяхъ, которые составляютъ большинство, юристы обыкновенно и попадаютъ въ просакъ. Съ самоувѣренностью неучей разрѣшаютъ они глубочайшіе и труднѣйшіе вопросы новѣйшей психіатріи и безъ малѣйшаго колебанія, безъ всякой тѣни даже сомнѣнія, больныхъ отсылаютъ на галеры, сумасшедшихъ запираютъ въ тюрьмы. Въ поученіе и назиданіе юристовъ невѣждъ и всѣхъ тѣхъ, которые содѣйствуютъ имъ или одобряютъ ихъ образъ дѣйствій, мы приводимъ здѣсь мысли психіатра Зольбрига относительно тѣхъ признаковъ, считаемыхъ обыкновенно невѣжда-

ми за самый вѣрный и надежный критерій оцѣнки подлинности сумасшествия.

По мнѣнію Зольбрига, сохраненіе внѣшняго присутствія духа и благоразумія не только не несомѣстно съ разбираемымъ здѣсь видомъ психическаго разстройства, но, что, напротивъ, оно даже почти всегда свойственно многимъ помѣшаннымъ. Эти помѣшанные очень хорошо знаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ, знаютъ лица и вещи, взятыя порознь, и вообще могутъ обсуждать ихъ совершенно вѣрно, если только они не приходятъ въ столкнове- ніе съ системою своихъ ложныхъ идей.

«Хотя,—говоритъ Зольбригъ,—всѣ почти помѣшанные, страдающіе сумасшествіемъ (Wahnsinn), тщеславны, расположены къ спорамъ и легко раздражаются, однако же многіе умѣютъ сдерживать на время свои аффекты, нерѣдко умѣютъ вполне хорошо притворяться и нужно долгое время обращеніе съ подобными личностями, чтобы вѣрно разглядѣть ихъ во всѣхъ отношеніяхъ; нерѣдко нужно даже громадное терпѣніе, чтобы разсматривать и обсуждать ихъ хитрость, ихъ злобность и лукавство, не въ от- дѣльности, какъ таковыя, а въ дѣйствительной связи съ болезненно-измѣненнымъ родомъ представленій и побужденій. Нравственная испорченность, грубый, шумливый эгоизмъ, подстрекающій къ униженію, подозрѣнію, оскорбленію другого, даже къ насилію, нерѣдко выступаетъ при сумасшествіи такъ методически и повидимому самостоятельнымъ образомъ, что даже въ домахъ для помѣшанныхъ *специалистъ*-наблюдатель иной разъ удивляется, а иногда введенный въ заблужденіе, основываетъ свой приговоръ пре- мушественно на соображеніяхъ нравственныхъ» (стр. 14).

Точно также глубоко ошибаются тѣ, которые полагаютъ, будто сумасшедшій не можетъ думать логично. Напротивъ, онъ думаетъ нерѣдко гораздо логичнѣе здоровыхъ людей, только послышки, изъ которыхъ онъ развиваетъ свои идеи, бывають ложны по своей ос- новѣ. Но открыть это коренное заблужденіе сумасшедшихъ до крайности трудно и для неопытнаго наблюдателя даже невозмож- но, потому что они умѣютъ часто съ необыкновенною послѣдо- вательностью развивать систему своихъ ложныхъ понятій, и съ не- обыкновеннымъ искусствомъ и діалектическою тонкостью разбивать всѣ противуставляемыя имъ возраженія. Въ сущности говоря, они по свойству и состоянію своего ума ничѣмъ не отличаются отъ разнаго рода метафизирующихъ философовъ и юристовъ. Только у послѣднихъ ложная идея лежитъ въ основаніи ихъ *взгля- довъ* на окружающія явленія, а у первыхъ — въ основаніи ихъ *отношеній* къ окружающимъ явленіямъ, т. е. у послѣднихъ она относится къ категоріи понятій опредѣляющихъ теоретическое міросозерцаніе челоуѣка, а у первыхъ — къ категоріи понятій, опре-

дѣляющихъ его практическое, нравственное міросозерцаніе. Потому философы-метафизики только *думаютъ* глупо. сумасшедшіе же — *дѣйствуютъ* глупо; первые наносятъ ущербъ только умственному капиталу человѣчества, прогрессу его мысли и знаній, — вторые же посягаютъ на матеріальное благосостояніе, на юридическія права своихъ ближнихъ. А такъ какъ права, на которыя посягали метафизики, цѣнятся гораздо ниже тѣхъ правъ, на которыя обыкновенно посягаютъ сумасшедшіе, то вотъ почему первые терпятся и даже иногда уважаются, — тогда какъ вторые запираются въ лечебницы и обливаются холодною водою.

Итакъ, сумасшедшіе отличаются отъ философовъ и юристовъ-метафизиковъ не по сущности своего психическаго разстройства, которое какъ у тѣхъ, такъ и другихъ совершенно одинаково, а по свойству и характеру своихъ ложныхъ представленій.

«Ошибка какъ великихъ доктринеровъ всемірной исторіи, такъ и малыхъ доктринеровъ, обитателей домовъ для помѣшанныхъ, говоритъ Зольбригъ, заключается именно въ томъ, что тѣ и другіе забываютъ, какъ необходимо всякій разъ снова провѣрять справедливость основнаго положенія и въ случаѣ надобности исправлять его. При такомъ самонбреженіи и случается, конечно, что окончательное заключеніе выводовъ, не смотря на всю логику, здѣсь ведетъ къ утопіи, тамъ къ чудовищному и смѣшному, смотря по обстоятельствамъ» (стр. 13.).

Логичность мыслей сумасшедшаго обуславливаетъ логичность, систематическую послѣдовательность его дѣйствій. Сумасшедшіе, по наблюденіямъ Зольбрига, — умѣютъ выбрать время и случай, чтобы устранить, часто съ хитрымъ расчетомъ, препятствія, которыя встрѣчаются и достигъ того, для чего обыкновенный путь кажется имъ невѣрнымъ. Ихъ искусство притворяться идетъ иногда такъ далеко, что оно обманываетъ даже врачей-психіатровъ, и ихъ выпускаютъ изъ больницы, считая выздоровѣвшими.

Точно также не выдерживаетъ критики мысль, будто разстройство нервной системы, или другихъ болѣе или менѣе важныхъ органовъ тѣла, можетъ служить надежнымъ критеріумомъ при разрѣшеніи вопроса о дѣйствительности сумасшествія.

«Съ тѣхъ поръ, говоритъ Зольбригъ, — какъ о родѣ происхожденія психической болѣзни начался споръ между исключительными спиритуалистами и физиологами, и всюду принято было основное положеніе, что ближайшей причины умственнаго разстройства надо искать въ болѣзненномъ измѣненіи существа мозга, и что другія тѣлесныя болѣзни также могутъ подготовить умственное разстройство или способствовать вишнему его проявленію, —

съ тѣхъ поръ, говорю я, только несвѣдущій въ психіатріи (адвокатъ, судья, присяжный, свидѣтель) способенъ, соглашаясь со многими неспеціалистами-врачами, придавать большее значеніе тѣлесному страданію различныхъ органовъ тѣла. Въ сомнительномъ случаѣ ему стоитъ только указать на эти страданія, чтобы въ приговорѣ своемъ онъ склонился къ предположенію существованія умственного разстройства. Но это требованіе указанія тѣлеснаго разстройства совершенно нецѣлесообразно; оно отчасти вовсе не можетъ быть выполнено, но и выполненіе его не въ состояніи ничего доказать ни за, ни противъ существованія разстройства умственного. Все это основывается на слѣдующемъ:

Тончайшіе физическіе и химическіе процессы въ мозговой и нервной субстанции, тѣ молекулярныя жизненныя движенія и питательныя измѣненія, съ которыми соединена психическая дѣятельность, не допускаютъ вообще никакого точнаго контроля, особенно надъ живымъ субъектомъ. Даже тѣ патологическіе процессы, которые, *послѣ психическихъ болѣзней*, весьма за малыми исключеніями, можно доказать, при вскрытіи, мокро—и микроскопически, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ представляютъ и относительно *жизню* человѣка такіа несомнѣнныя, внѣшнія діагностическія данныя, на основаніи которыхъ можетъ быть доказана каждая степень, всякое усиленіе органической болѣзни мозга, послѣдствіемъ которой было притомъ психическое разстройство. Но, по большей частн, наоборотъ, не изъ специфическихъ тѣлесныхъ симптомовъ врачъ можетъ заключить объ опредѣленномъ умственномъ разстройствѣ, *но изъ психическихъ симптомовъ заключаетъ онъ о степени и ходѣ измѣненія питанія мозга и нервной системы*. Это именно вмѣстѣ мѣсто при такихъ хроническихъ и вторичныхъ формахъ, гдѣ внѣшнее проявленіе душевной жизни у больного мало или совсѣмъ не измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе умственного разстройства дѣлается для наблюдателя сомнительнымъ» (стр. 11).

Специфическіе нервные припадки, эпилепсія, конвульсіи, анестезія, генезистезія, параличъ, нарастезія и др., сопровождаая очень часто легкое разстройство мозга, очень рѣдко сопровождается систематическое, укоренившееся умопомѣшательство. Такъ что для опредѣленія факта душевной болѣзни вообще, и въ особенности формы сумашествія, признакъ опредѣленныхъ нервныхъ явленій вовсе не можетъ считаться безусловнымъ требованіемъ діагностики, а слѣдовательно и законъ не долженъ связывать имъ руки судей.

Если умственное разстройство не всегда отражается на отправленіяхъ нервной системы; то еще рѣже отражается оно на отправленіяхъ другихъ органовъ тѣла, неимѣющихъ такого непосредственнаго соприкосновенія съ психическою дѣятельностью человѣка, какъ нервы. Хотя, конечно, психическая дѣятельность и обуславливается отчасти дѣятельностью органовъ пищеваренія и кровообращенія, — однако новѣйшая психіатрія доказываетъ, что, во-первыхъ, разстройство этихъ органовъ рѣдко сопровождается

душевные болѣзни, во-вторыхъ, оно очень часто является, не приводя психическую жизнь человѣка въ ненормальное положеніе. Поэтому и этотъ критерій, какъ и всѣ предыдущіе, не можетъ быть признанъ не только вполне, но даже и сколько нибудь надежнымъ и основательнымъ.

Есть еще одинъ критерій, къ которому имѣютъ обыкновеніе прибѣгать судьи, въ сомнительныхъ случаяхъ,—это именно *общественная молва*,—та репутация, которою пользовался подсудимый до совершения своего преступленія. Хорошая репутация служитъ признакомъ, дающимъ право предполагать ненормальность, патологическій характеръ преступнаго дѣйствія. Напримѣръ, еслибы вдругъ человѣкъ пользующійся репутациею хорошаго отца семейства, убилъ, безъ всякаго повода, своего ребенка,—или человѣкъ, извѣстный за честнаго, смирнаго и миролюбиваго, посягнулъ на чужую собственность или на общественный порядокъ и спокойствіе—то, очевидно, весьма естественно было бы допустить, что, совершая преступленіе, онъ дѣйствовалъ въ ненормальномъ, болѣзненномъ состояніи духа, дѣйствовалъ бессознательно, и потому не можетъ подлежать имѣнію. Такъ что, въ сомнительныхъ случаяхъ упомогаательства, *добрая слава* можетъ имѣть рѣшающее значеніе и всегда должна служить въ пользу предположенія о психическомъ разстройствѣ. Но глубоко заблуждаются юристы, выводя отсюда, по аналогіи, будто *дурная слава* имѣетъ тоже значеніе, какъ и добрая только въ обратномъ смыслѣ, и какъ первая говоритъ за предположеніе о невмѣняемости, такъ вторая противъ нее. Совсѣмъ нѣтъ: въ большей части случаевъ, дурная слава о предшествующей жизни преступника должна служить не опроверженіемъ предположенія о его умственномъ помѣпательствѣ, а напротивъ подтвержденіемъ, потому что, какъ было уже выше сказано, нравственная испорченность является обыкновенно могущественнымъ, предрасполагающимъ моментомъ для умственнаго разстройства. Прокуроры, судьи, присяжные не обращаютъ должнаго вниманія на это реально-психологическое отношеніе нравственной испорченности съ умственнымъ разстройствомъ, и потому черезъ-чуръ склонны придавать дурной славы безусловное значеніе ко вреду обвиняемаго.

Будемъ остерегаться отъ подобныхъ ошибокъ. — заключаетъ Зольбригъ свой психологическій анализъ критеріумовъ. — противопоставимъ имъ правило которое выражается такимъ положеніемъ, что при обсужденіи противузаконнаго дѣланія, совершеннаго лицомъ, котораго вмѣняемость подлежитъ сомнѣнію, признакъ существованія безнравственныхъ и преступныхъ при-

вытекъ вовсе не составляетъ основательнаго критерія *противъ* признанія умственнаго разстройства, такъ какъ существуетъ также и *преступное сумасшествіе* (moral insanity) и его можно предположить вездѣ, гдѣ вмѣстѣ съ преступнымъ дѣніемъ являются и симптомы сомнительнаго умственнаго состоянія» (стр. 20).

Еще книжка, которую можно рекомендовать читателямъ — юристамъ по специальности. Это сочиненіе вѣнскаго профессора Глозера: «О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ». Вопросъ объ отношеніяхъ судей къ присяжнымъ есть одинъ изъ самыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ современнаго суда. Отъ того или другаго рѣшенія его зависить характеръ и направленіе этого суда. По теоріи, по основной сущности состязательнаго процесса, роль судьи должна быть чисто пассивною и присяжные должны постановлять свой приговоръ единственно на основаніи того впечатлѣнія, которое вынесли они изъ преній сторонъ. Чуть только судья вздумаетъ выйти изъ этой роли, чуть только вмѣсто простаго статированія фактовъ захочетъ направлять присяжныхъ и предраспологать ихъ къ тому или другому рѣшенію, принципъ состязательнаго процесса нарушается, извращается его смыслъ и самый судъ присяжныхъ становится только излишнею, обязательною формальностью. Состязательный процессъ прежде всего требуетъ полнаго равенства сторонъ; судья же, излагающій аргументы сторонъ съ тайнымъ или явнымъ предрасположеніемъ въ пользу одной изъ нихъ, уничтожаетъ это равенство и, слѣдовательно, подрываетъ въ корнѣ основную идею процесса. Суды присяжныхъ только тогда и имѣютъ какой нибудь смыслъ, когда ихъ приговоръ вытекаетъ изъ непосредственнаго впечатлѣнія, сложившагося въ нихъ подъ вліяніемъ того равноправнаго, словеснаго состязанія, при которомъ они присутствовали въ качествѣ простыхъ свидѣтелей. Если же они поставлены въ необходимость давать свое заключеніе подъ вліяніемъ третьяго лица, если это лицо облечено въ отношеніи къ нимъ импонирующимъ авторитетомъ, въ такомъ случаѣ ихъ заключеніе совсѣмъ не будетъ выводомъ изъ состязанія сторонъ, эхомъ съ

чужсго голоса, и голоса въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не компетентнаго, потому что судья, по своему положенію и по своимъ отношеніямъ къ тяжущимся, не можетъ быть тѣмъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ, какимъ долженъ быть присяжный.

Итакъ логика процесса требуетъ полной самостоятельности и независимости присяжныхъ по отношенію къ судьямъ. Всякое, слѣдовательно, стѣсненіе ихъ свободы, всякое насиліе ихъ совѣсти, всякое посягательство на независимость ихъ мысли нелогично, нелѣпо и, какъ все нелогичное и нелѣпое, должно повлечь за собою и вредныя практическія послѣдствія. Однако логика рѣдко уважается въ жизни и при практическомъ рѣшеніи вопроса объ отношеніяхъ судей къ присяжнымъ, объ удовлетвореніи ея требованій думаютъ весьма мало, и эти отношенія опредѣляются не на основаніи какихъ нибудь раціональныхъ соображеній, а просто обуславливаются политическимъ строемъ даннаго общества, сложившимся опять таки подъ вліяніемъ чисто случайныхъ, и далеко не всегда разумныхъ факторовъ. Въ Англій, напримѣръ, и Америкѣ присяжные пользуются относительно свободой и независимостью, благодаря нѣкоторому либерализму англійскихъ и американскихъ государственныхъ учреждений. Во Франціи — на оборотъ, свобода присяжныхъ — мифъ, которымъ морочатъ глаза непосвященныхъ профановъ. Поэтому казалось бы, что всякія теоретическія препирательства на счетъ этого вопроса, по меньшей мѣрѣ, бесплодны и не могутъ имѣть никакого серьезнаго, пракческаго значенія. Отчасти это и правда, но только отчасти. Дѣло въ томъ, что политическій строй страны опредѣляетъ только общую формулу практическихъ отношеній судей и присяжныхъ. Формула эта при примѣненіи ея къ жизни, нуждается въ болѣе частномъ, и подробномъ опредѣленіи, въ болѣе точномъ уясненіи, въ болѣе удобопримѣнимомъ редижированіи. Безъ этого она останется непримѣнимою на практикѣ, мертвою буквою, отвлеченною формою, чуждою всякаго содержанія. Напримѣръ, законъ постановляетъ, что присяжные, не приступая къ обсужденію разсматриваемаго передъ ними дѣла, обязаны выслушать заключительную рѣчь судьи, въ которой послѣдній долженъ объяснить имъ ихъ обязанности, указать на подлежащіе законы, относительную, юридическую силу доказательствъ и т. п. Все это судья можетъ сдѣлать такимъ образомъ, что послѣ его рѣчи присяжные уже не будутъ «смиѣть свое сужденіе имѣть» и исполнѣ и безусловно подчинятся его вліянію; но это же самое можетъ быть изложено и

безъ всякаго посягательства на ихъ свободу и самостоятельность. Такимъ образомъ, эти общія границы, въ которыхъ должны вращаться, по формулѣ закона, отношенія судьи и присяжныхъ, могутъ быть болѣе или менѣе сужены и раздвинуты, смотря потому какъ понимается и прилагается эта формула. Или въ законѣ, положимъ, установилась формула, опредѣляющая взаимныя отношенія судей и присяжныхъ такимъ образомъ, что присяжные должны оцѣнивать съ своею вердиктѣю вопросъ о фактѣ, а судья вопросъ о правѣ. Теперь на практикѣ возникаетъ затрудненіе, какъ возможно фактической вопросъ отдѣлить отъ юридическаго, т. е. какъ слѣдуетъ понимать значеніе обоихъ этихъ вопросовъ, для того, чтобы дѣятельность судей не сливалась съ дѣятельностью присяжныхъ, чтобы ни первые не заѣзжали въ область вторыхъ, ни вторые въ область первыхъ. Опять и здѣсь требуются практическія и теоретическія указанія и объясненія. Такія-то именно указанія и объясненія читатель найдетъ въ книгѣ Глозера. Глозеръ разсматриваетъ въ ней, собственно говоря, три слѣдующіе вопроса: въ чемъ именно заключается задача судей и въ чемъ состоитъ задача присяжныхъ? Какимъ образомъ дѣятельность одного изъ этихъ факторовъ суда переходитъ за предѣлы дѣятельности другого? Какія приняты мѣры предосторожности въ сохраненію на практикѣ раздѣльной черты между функціею судей и функціею присяжныхъ? Матеріалъ для рѣшенія этихъ вопросовъ черпаетъ онъ почти исключительно изъ англійскаго права и изъ англійскаго судопроизводства. Теоретическія разсужденія иллюстрированы примѣрами изъ англійской же судебной практики. Эта иллюстрація сообщаетъ книгѣ нѣкоторую занимательность, которая, однако, далеко не выкупаетъ сухости и вялости ея изложенія. По специальности своего предмета, по сухости изложенія книга эта можетъ быть доступна только лицамъ специально занимающимся юриспруденціею; для нихъ она будетъ полезна, но полезна не по теоретическимъ возрѣніямъ автора, а по количеству сырого матеріала, взятаго по большей части изъ англійской практики и представляющаго не мало поучительныхъ данныхъ для болѣе основательнаго рѣшенія вопросовъ, поставленныхъ авторомъ, чѣмъ онъ рѣшаетъ ихъ самъ.

Книга, появившаяся недавно въ окнахъ книжныхъ магазиновъ и обращающа вниманіе прохожихъ своею обложкою, разукрашенною вычурными виньетками, на фонѣ которыхъ начертано славянскими буквами: «Сѣверный полюсъ и земля Ялмалъ», могла бы съ такимъ же точно правомъ быть озаглавлена: «Ю. И. Кушелевскій или чело-вѣкъ рѣдкихъ достоинствъ», потому что о Сѣверномъ полюсѣ и землѣ Ялмалъ въ ней говорится почти столько же, сколько и о прекрасныхъ свойствахъ и качествахъ г. Ю. И. Кушелевскаго. Прочтя ее, по обязанности рецензента, мы не узнали ничего тако-го особенно важнаго и новаго о Сѣверномъ полюсѣ и самоѣдахъ, чего бы не знали и до нея, хотя признаемся, — наши географическія и этнографическія познанія очень необширны и не переступаютъ за средній уровень. За то мы вынесли изъ этого чтенія много въ высшей степени интересныхъ и драгоцѣнныхъ свѣденій о личности самого автора, г. Ю. И. Кушелевскаго. Мы узнали, что онъ до та-кой степени одержимъ желаніемъ быть полезнымъ своимъ сограж-данамъ, что если потребуется, то и умереть за нихъ готовъ. Подъ вліяніемъ этого страшнаго желанія, какъ объясняетъ онъ на 7 и 8 стр., и предпринялъ онъ свою экспедицію къ Сѣверному полюсу. «Признаюсь, говоритъ онъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать хотя *одно* (и неужели, будто бы и въ самомъ дѣлѣ только одно! Вы вѣрно скромничаете?) истинно полезное дѣло въ жизни и заслужить спасибо отъ благомыслящихъ людей». Какъ скромно и какъ похвально! Вотъ это-то и есть искренное благородство чувствъ: ничего кромѣ «спасибо» отъ «благомыслящихъ людей». Кто только тутъ подразумѣвается подъ «благомыслящими людьми»? Мы полагаемъ, что генералы, потому что къ генераламъ г. Кушелевскій чувствуетъ не-обыкновенное почтеніе и одинъ видъ особы, носящей генеральскія эполеты, ободряетъ и укрѣпляетъ его душевную энергію. При на-чалѣ второй экспедиціи съ нимъ приключились разнаго рода не-счастія и его встрѣтили разнаго рода препятствія, которые, гово-ритъ онъ, имѣли вредное вліяніе на его здоровье, а слѣдовательно и на его энергію. Но въ Тобольскѣ онъ увидѣлъ генерала Лут-ковскаго и это снова возвратило ему бодрость и «усилило мое же-ланіе — выражаясь его словами непременно осуществить свои пла-ны» (стр. 10). Вотъ какое магическое дѣйствіе производитъ гене-ральское кепи на такихъ прекрасныхъ «во всѣхъ отношеніяхъ» людей, какимъ рисуется себя г. Кушелевскій.

Но г. Кушелевскій не только тѣмъ замѣчательнъ, что онъ одер-жимъ желаніемъ сдѣлать «одно истинно-полезное дѣло въ жизни»

и что онъ уважаетъ генераловъ, онъ замѣчательнъ еще и какъ патріотъ, притомъ патріотъ краснорѣчивый. На одномъ изъ острововъ, около которыхъ лежалъ его путь, нашель онъ остяковъ, которые были настолько грубы и невѣжественны, что не имѣли никакого понятія о русскихъ, не записывались въ ревизію и не платили ясака.

«Увидѣвъ ихъ, повѣствуетъ г. Кушелевскій, я сталъ внушать имъ, что они нехорошо дѣлаютъ, что по настоящее время остаются неизвѣстными правительству. Я убѣждалъ ихъ подчиниться законной власти» (стр. 25).

И внушалъ онъ имъ и убѣждалъ ихъ такъ, вѣроятно, внушительно и убѣдительно, что они

«не говоря ни слова, отправились на свой островъ и, возвратясь оттуда, привезли трехъ лисицъ въ оброкъ за три года. Сверхъ сего привезли съ собою рыбаго жиру и ворвани для продажи, съ тѣмъ, чтобы заплатить за себя и повинности». «При этомъ, продолжаетъ г. Кушелевскій, они дали мнѣ слово, что будутъ каждый годъ сами прѣзжать для положенія ясака въ Обдорскъ» (стр. 26).

Вотъ что значитъ сила краснорѣчія, — даже самоѣды и тѣ не въ силахъ противиться его чарующему вліянію. Конечно, за такой патріотическій подвигъ г. Кушелевскій получилъ «спасибо» отъ благомыслящихъ людей» и генераль Лутковскій благодарилъ его въ глубинѣ души своей.

Но г. Кушелевскій не только патріотъ, онъ еще притомъ и поэтъ, философъ и человекъ вообще очень благочестивый. Онъ рассказываетъ намъ, что каждый разъ, когда онъ сидѣлъ на скалѣ Урала и любовался сѣвернымъ сіяніемъ, въ его сердце

«высались несповѣдныя чувства къ Бору, что тотъ Его можетъ понять, что Онъ есть и Единный, кто можетъ созерцать его мірозданіе, всѣмъ являющееся, всѣхъ поражающее, и вмѣстѣ съ тѣмъ никому непонятное!... стр. (44).

Смотря на снѣжныя скалы Урала, которые онъ называетъ «дѣдами», — г. Кушелевскій вопрошаетъ себя: что сдѣлалъ человекъ во все то время, пока стоятъ эти скалы? И на этотъ глубокомысленный вопросъ отвѣчаетъ слѣдующимъ, не менѣе глубокомысленнымъ образомъ:

«Съ той минуты какъ принялся онъ за изученіе природы, находя многое для себя непонятнымъ и блуждая въ сокровенностяхъ, составляетъ точное разузнаваніе всего въ удѣлъ своему потомству. Такъ (какъ же такъ?) прохо-

длин дни и годы и дѣды-то не перестаютъ трудиться и незамѣтно уничтожая одно, создаютъ другое. Человѣкъ же на все это смотритъ, осязаетъ даже, и все-таки не понимаетъ дѣдовскаго труда, и созналъ только ту одну для своей жизни усладу, что начало всему есть мудрость—Богъ!» (стр. 45).

Не мудрено, что такое краснорѣчіе должно было возымѣть благотворное дѣйствіе на грубыхъ и невѣжественныхъ самоѣдовъ.

Мы могли бы привести и еще нѣсколько отрывковъ и эпизодовъ изъ «путѣствія» г. Кушелевскаго, мѣтко характеризующихъ прекрасныя свойства его души,—но полагаемъ, что читатели и теперь уже несомнѣваются, что авторъ—отличный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и примѣрный гражданинъ. Поэтому намъ хотѣлось бы лучше сообщить имъ кое-что и о самоѣдахъ, о которыхъ авторъ толкуетъ, повидимому, очень подробно на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ. Но увы! то что онъ говоритъ о самоѣдахъ, гораздо менѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ то, что онъ говоритъ о самомъ себѣ. Говоря лично о своей особѣ и желая похвалить себя, онъ не утверждаетъ голословно—я-моль—хорошій человѣкъ; нѣтъ онъ приводитъ просто нѣкоторые факты и изъ нихъ уже читатель самъ неволью выведетъ заключеніе, что г. Кушелевскій дѣйствительно долженъ быть хорошимъ человѣкомъ. Когда же онъ говоритъ о самоѣдахъ, онъ становится крайне лаконичнымъ и голоу словнымъ въ своихъ опредѣленіяхъ. Послушайте, какіе у нихъ физическія и нравственныя особенности!

«Сила умѣренная, терпѣливы, скрытны къ постороннимъ. молчаливы, постоянны въ словѣ; (это все хорошія свойства, вотъ сейчасъ пойдутъ дурныя); неопрятны, гнѣбны, обжорливы, невоздержны, способности неразвиты (какія?), но не лишены здраваго смысла, довольно сострадательны къ нуждамъ ближняго, но расчетливы, корыстолюбивы, завистливы, властолюбивы и мстительны» (стр. 59).

Однимъ словомъ, оказывается, что самоѣды обладаютъ почти всѣми общечеловѣческими свойствами. Характеристика весьма точная и опредѣленная. Кромѣ нее авторъ сообщаетъ еще интересныя свѣденія о нѣкоторыхъ самоѣдскихъ обычаяхъ, свѣденія, показывающія, что авторъ много наблюдалъ и умѣлъ выбирать предметы для своихъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, онъ весьма подробно описываетъ, какъ самоѣдки вылавливаютъ вшей, не женируясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, и какъ онѣ рвутъ и раскусываютъ ихъ зубами. Это до того заинтересовало любознательнаго автора, что онъ даже освѣдомился у самоѣдокъ: какой вкусъ

имѣть вошь? На это и получилъ отвѣтъ: что длинныя вши сладки, но противнаго вкуса не имѣютъ (стр. 73). Остается неизвѣстнымъ, провѣрилъ ли авторъ собственнымъ опытомъ показаніе самоѣдки или удовольствовался однимъ ея завѣреніемъ. Большая часть наблюденій автора отличается точно такимъ же *виннымъ характеромъ*, и потому мы считаемъ излишнимъ знакомить съ ними нашихъ читателей, вполне увѣренные, что и сами читатели не пожелаютъ подобнаго знакомства. Оберточныя виньетки и лубочныя картинки, которыми авторъ разукрасилъ свое «путешествіе», вполне соотвѣтствуютъ тексту, и мы надѣемся, что они никого не введутъ въ соблазнъ и никто, ради нихъ, не захочетъ купить этой книги. Эта надежда насъ нѣсколько утѣшаетъ и примиряетъ съ нею.

П. Т.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Южная Америка. — Хищныя поползновенія сильныхъ противъ слабого со-
сѣда. — Парагвай беретъ подъ свою защиту угнетенную Восточную рес-
публику. — Последняя становится въ ряды его враговъ. — Союзъ Митре съ
имперіалистами. — Трое противъ одного. — Блестательная защита Гуманты. —
Занятіе ея союзниками. — Побѣда хуже пораженія. — Хорошій человекъ. —
Тадеусъ Стивенсъ. — Новая мистификація на политической сценѣ. — Опять
фенія. — Не-католиковъ подобаетъ хоронить вмѣстѣ съ собаками. — Бельгій-
скіе клерикалы воскрешаютъ средніе вѣка. — Местъ истинныхъ католиковъ
проявляется пожарами проклятыхъ злаковъ у ережиковъ. — Крещеніе зароды-
шей, неуспѣвшихъ узрѣть свѣтъ. — Патеръ—операторъ и вѣжливый поли-
цейскій комиссаръ. — Патеръ-акушерка. — Клерикально-полицейскія лиги ра-
бочихъ. — Изувѣрство пламенныхъ католиковъ. — Религіозный индеферентизмъ
французовъ, какъ слѣдствіе дикаго невѣжества и фанатизма клерикаловъ. —
Непопулярность императорскаго принца. — Ковеньяковское дѣло. — Подвиги
Поля де-Кассаньяка. — Торжественный приѣмъ въ Фонтенебло графа и гра-
фини Джирженти. — Съ міру по ниткѣ—голому рубашка или легкой способъ
вооружиться. — Движеніе между ханжами и фанатиками Европы въ пользу
папы. — Война или миръ? — Тревожное состояніе всѣхъ націй въ виду пред-
стоящей войны. — Шаткое положеніе Бисмарка. — Новый дебютъ Мантей-
феля. — Въ Австріи идетъ все таже неурядица, какъ и прежде. — Праздникъ
въ Вѣнѣ въ честь свободныхъ стрѣлковъ.

„Гумайта занята бразильцами!“ Вотъ о чемъ уже два года
сряду намъ твердили, какъ о неизбѣжно предстоящемъ или даже
какъ о совершившемся уже событіи. На этотъ разъ оно соверши-
лось самымъ несомнѣннымъ образомъ: первоклассная крѣпость Па-
рагвая попала въ руки имперіалистовъ, и телеграммы, заинтересо-
ванный торжествомъ Бразиліи, — также какъ прежде онѣ были за-
интересованы побѣдою рабовладѣльческаго Юга, — стараются увѣ-

мѣтъ насъ, что паденіе крѣпости означаетъ финаль войны. На самомъ дѣлѣ, однако это только одинъ довольно обыкновенный эпизодъ. Послѣ Гуманты остается Тимбо, послѣ Тимбо—Тебикуари, послѣ Тебикуари—Формозо, послѣ Формозо—Ассунсьонъ, Луке или Вилла Рика. Противъ бразильской арміи всталъ поголовно весь народъ Парагвая—мужчины и женщины.

Борьба эта продолжается уже такъ долго, что мы считаемъ не безцѣльнымъ напомнить о породившихъ ее обстоятельствахъ. Въ концѣ 1863 года толпа хищниковъ, предводимыхъ генераломъ Флоресомъ и состоявшихъ на жалованьи буэносъ-айресскихъ заговорщиковъ, ворвалась въ предѣлы Восточной республики. Эти мародеры грабили стада, раззоряли las haciendas (имѣнья), жгли деревни. За этотъ благоприятный случай схватились бразильскіе землевладѣльцы провинціи Рио-Гранде-до-Суль, пограничной съ Уругваемъ или Восточнымъ Прибрежьемъ (Bonda Oriental). Одни изъ нихъ подняли тревогу въ странѣ, захватывая въ плѣнъ негровъ-марроновъ и даже свободныхъ людей цвѣтной крови, другіе безцеремонно завладѣли тѣми землями, какія имъ понравились, и напустили въ нихъ свои стада, третьи, наконецъ, поступили подъ команду Флореса и образовали для него маленькую армію. Правительство Монтевидео, разумѣется, протестовало. Бразилія, съ своей стороны, вступилась за своихъ гражданъ и представила цѣлый рядъ претензій противъ маленькой республики. Эта республика имѣетъ очень скромную территорію съ трехсотъ тысячнымъ населеніемъ, тогда какъ Бразилія составляетъ громадную область и насчитываетъ болѣе десяти милліоновъ жителей. Само собою разумѣется, что правда должна была находиться на ея сторонѣ, какъ на сторонѣ болѣе сильнаго. И вотъ 4 апрѣля 1864 года Бразилія грозно предъявила свой ультиматумъ, объявивъ, что если правительство Монтевидео не окажетъ должнаго удовлетворенія, то морскія и сухопутныя ея силы стануть содѣйствовать скопищамъ Флореса. Но одна бѣда рождаетъ другую. Казалось, ужь довольно было бы одной могущественной имперіи противъ крошечнаго государства, лишеннаго всякихъ военныхъ средствъ: нѣтъ, тутъ нашлся еще и другой недругъ. Буэносъ-Айресъ, расположенный на

южномъ берегу устья Ла-Платы, насупротивъ Монтевидео, всегда съ завистью смотрѣлъ на благосостояніе своего соперника и на этотъ разъ также не желалъ упустить случая ему вредить. Притомъ же у г. Митре, президента аргентинской республики, были свои личные виды. Чтобы господствовать надъ внутренними провинціями, притѣсненными промышленной и политической монополіей Буэноса-Айреса, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть и, быть можетъ, облегчить какой нибудь *coup d'état*, для президента было необходимо располагать большой арміей, опираться на блестящій кортежъ полковниковъ и генераловъ, изукрашенныхъ плюмажами и увѣнчанныхъ славою; президенту, который былъ когда-то не больше, какъ бѣдный изгнанный поэтъ, теперь захотѣлось приравнять себя къ особѣ его величества дожъ-Педро.

Довольно серьезная опасность грозила всѣмъ странамъ, расположеннымъ по рѣкамъ, которыя впадаютъ въ устье Ла-Платы. Дѣйствительно, еслибы Бразилія овладѣла Монтевидео, то вслѣдствіе этого аргентинскія провинціи Энтреріосъ, Корріентесъ, Сантафе, а также и независимая парагвайская республика были бы совершенно заперты блокадою и совершенно подчинились бы произволу двухъ стражей устья. Итакъ, для прибрежныхъ странъ это становилось вопросомъ жизни или смерти. Между всѣми южно-американскими республиками Парагвай первый объявилъ свободу рѣвъ трактатомъ 4 марта 1863 года. Теперь свобода эта становилась иллюзіей и, рано или поздно, самой силою событій, всѣ страны, орошаемыя Парагваемъ и Параною, должны были бы подпасть власти Бразиліи, которая завладѣла бы устьями этихъ рѣвъ подобно тому, какъ она владѣетъ теперь ихъ источниками. Аргентинскія провинціи Энтреріосъ и Корріентесъ, стѣсняемыя дѣйствіемъ Буэносъ-Айреса—главнаго центра республики—могли протестовать только на половину, а Парагвай долженъ былъ дѣйствовать одинъ.

Президентъ Лопесъ объявилъ, что если Бразилія исполнитъ свою угрозу по отношенію къ Восточной Республикѣ, то онъ сочтетъ это вмѣшательство равносильнымъ объявленію войны. Министры Ріо-Жанейро не обратили большого вниманія на этотъ протестъ и умышленно сочли его не больше, какъ хвастливымъ задыратель-

ствомъ. Уругвай былъ занятъ, его главный городъ бомбардированъ, затѣмъ, послѣ капитуляціи, его защитники были перебиты — и Флоресъ, сдѣлавшійся бразильскимъ генераломъ, торжественно вступилъ въ свой богоспасаемый городъ Монтевидео. Между тѣмъ президентъ Лопесъ, вѣрный своему обѣщанію, при первомъ же извѣстіи о вмѣшательствѣ, задержалъ императорское судно, шедшее вверхъ по рѣкѣ, къ Матто-Гроссо, и чтобы заставить Митре разоблачить свои планы, Лопесъ потребовалъ отъ него свободнаго прохода для своихъ войскъ чрезъ аргентинскую область, отдѣлявшую его отъ бразильской провинціи Ріо-Гранде-до-Суль. Генераль Митре отвѣчалъ заключеніемъ союзнаго договора съ Бразиліей и принялъ на себя титулованіе президента республики и генералиссимуса императорскихъ войскъ. Секретными статьями присоединенными къ трактату и послѣ сообщенными однимъ изъ подписавшихся британскому парламенту, было постановлено, что Парагвай лишится значительной части своей территоріи, что правительство его будетъ преобразовано союзниками, и что втеченіи пяти лѣтъ столица его будетъ занята побѣдителемъ. Союзный договоръ этотъ былъ подписанъ 1 мая 1865 года. Опьяненный этимъ дипломатическимъ успѣхомъ, генераль Митре вообразилъ себя властителемъ судебъ. „Чрезъ три дня въ поле, чрезъ три дня въ Ассунсіонъ!“ величественно возгласилъ онъ. Но прошли три мѣсяца, втеченіе которыхъ онъ не сдѣлалъ ничего особенно блистательнаго; однако, благодаря громадному превосходству союзныхъ силъ, имъ удалось, послѣ борьбы, продолжавшейся цѣлый годъ, отгнать Лопеса за предѣлы бразильской территоріи и провинціи Корріентеса. Вѣроятно, обманутый обѣщаніями энтре-ріосскаго диктатора — генерала Уркиса, неизбѣжнаго недостаточности, чтобы дѣйствовать въ удобную минуту, — президентъ Парагвая долженъ былъ отступить, оставивъ даже свой авангардъ, запертый въ Уругвайѣ. Послѣ нѣсколькихъ дѣлъ и схватокъ, Лопесъ очистилъ аргентинскую область и, проходя чрезъ Парану, расположился своей главной квартирой въ вѣпости Гу-майя.

Чтобы нагляднѣе представить себѣ положеніе этого передоваго поста Уругвая, вообразимъ двѣ большія рѣчки, взаимно встрѣчаю-

щаяся подъ прямымъ угломъ, какъ Рона съ Соною при Люяѣ. Парана имѣеть положеніе Роны, даетъ удобный проходъ военному флоту и течеть съ востока на западъ; ея притокъ Парагвай,—также довольно значительная водная артерія,—подобно Сою, направляется съ сѣвера на югъ. Вся республика заключена между руслами этихъ двухъ рѣкъ. Неподалеку отъ мѣста ихъ соединенія, на протяженіи двухъ верстъ по берегамъ небольшого притока Парагвая, построены баттарей Гумайты, защищенныя со стороны суши лагунами и болотами. На этотъ-то пунктъ и должны были союзники направить свои нападенія, прежде чѣмъ завладѣть хотя бы самымъ ничтожнымъ клочкомъ парагвайской территоріи. Эта первая осада стоила имъ двадцати семи мѣсяцевъ времени, восьмидесяти тысячъ людей и болѣе пятисотъ милліоновъ франковъ денегъ. Страшныя столкновенія, при различныхъ колебаніяхъ счастья, происходили при Эстеро-Бельяю, при Ятаѣ, Туйути, Туйукуэ, въ чащахъ лѣсовъ, въ саваннахъ, по берегамъ, даже посреди лагунъ, во рвахъ и на гласисахъ укрѣпленій,—но за исключеніемъ фортовъ Итапини на Паранѣ и Курасу на Парагваѣ союзники не могли овладѣть штурмомъ ни однимъ парагвайскимъ редутомъ. Каждая атака, направленная противъ Гумайты и ея передовыхъ фортовъ—Куранайти и Пасо-Пуку, кончалась для осаждающихъ кровопролитнымъ пораженіемъ. Ослабляемая схватками, армія должна была еще болѣе страдать отъ холеры и гнилыхъ лихорадоевъ. Изъ 40,000 человекъ, ее составлявшихъ, среднимъ числомъ третья часть находилась въ спискахъ больныхъ. Для замѣщенія болѣе и болѣе сдвигавшихся рядовъ бразильское правительство безпрестанно должно было посылать новыхъ рекрутовъ, жалкихъ воиновъ, величаемыхъ волонтерами, хотя это были по большей части несчастные, силою завербованные на улицахъ большихъ городовъ, преступники, вытщенные изъ тюремъ или невольники, купленные у ихъ хозяевъ цѣною орденовъ, титуловъ или за деньги. Генералы приходили въ негодность также скоро, какъ и войска. Барону Тамандаре, командовавшему флотомъ, наследовалъ адмиралъ Игнасіо; Озоріо, находившійся во главѣ бразильской арміи, былъ смѣненъ генераломъ Полидоро, а этотъ въ свою очередь уступилъ командованіе мар-

кизу Кашіасу — старіеу, считающемуся военнымъ геніемъ, такъ какъ онъ, пользуясь всеми ресурсами Бразиліи въ деньгахъ и людяхъ, могъ когда-то разрушить крошечную республику Пиратини и оттѣснить Гарибальди вмѣстѣ съ его слабыми толпами въ предѣлы Восточной республики. Что касается генералиссимуса Митре, то онъ появлялся на театрѣ войны только изрѣдка и вынужденъ былъ отозвать назадъ почти всѣ свои войска, чтобы поддержать себя противъ народа въ гражданскихъ несогласіяхъ, обуревавшихъ его республику.

Такъ какъ взять Гуманту открытой атакой было невозможно, то бразильцамъ оставалось только окружить городъ со стороны суши, тогда какъ флотъ долженъ былъ при этомъ прорваться вверхъ по рѣкѣ, чтобы отрѣзать сообщеніе крѣпости съ внутренней мѣстностью. Превосходство въ числѣ и матеріальныхъ средствахъ, какъ предполагалось, служило надежнымъ ручательствомъ за успѣшный исходъ этого предпріятія. Перваго ноября 1867 года бразильцы успѣли расположиться у воротъ Тайи, на лѣвомъ берегу рѣки и выше Гуманты; такимъ образомъ, крѣпость была на половину заперта, и гарнизону оставался проходъ только чрезъ пустынную болотистую мѣстность Чако, разстилающуюся по правому берегу. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, 17 февраля 1868 года, благодаря исключительной природѣ Парагвая, осаждающіе имѣли новую удачу; нѣкоторые изъ ихъ броненосныхъ судовъ, пользуясь темною туманною ночью, прошли за цѣпь, заграждавшую рѣку, и примкнули къ позиціи, еще прежде занятой бразильцами близъ Тайи. Двое изъ этихъ судовъ отважились даже пуститься вверхъ по р. Парагваю, въ виду Асунсіона, и флаги ихъ стали развѣваться въ почтительномъ разстояніи отъ фортовъ столицы. Наконецъ, маркизъ Кашіасъ занялъ полуостровъ Чако, расположенный насупротивъ Гуманты, надѣясь этимъ путемъ совершенно запереть крѣпость и голодомъ принудить гарнизонъ къ сдачѣ.

Однако президентъ Лопесъ не сталъ ждать этой окончательной блокады, чтобы измѣнить планъ своихъ дѣйствій. Удаливъ изъ Гуманты почти всѣ военные запасы и большую часть войскъ, онъ оставилъ въ ней всего около трехъ или четырехъ тысячъ человекъ

подъ командою полковника Алена. Нѣкоторые полки отправились подкрѣпить гарнизонъ форта Тимбо, расположеннаго въ нѣсколькихъ километрахъ выше Гумаиты, на правомъ берегу рѣки; но главныя силы помѣстились выше Тайи, близъ того мѣста, гдѣ Рио-Тебикуари впадаетъ въ Парагвай. Здѣсь-то построена новая Гумаита. Баттарей, вооруженныя, какъ говорятъ, 200 артиллерійскими орудіями, занимаютъ при слияніи рѣкъ разстояніе болѣе двухъ километровъ; рѣка защищена сильными эстакадами, заграждающими проходъ судамъ. Кромѣ того, воды Тебикуари и прибрежныя болота образуютъ превосходную оборонительную линію, и нападающая армія, преодолевъ ее, встрѣтилась бы съ тѣми препятствіями, какія находятся на сѣверной линіи Параны.

Около 15-го іюля, слабый гарнизонъ Гумаиты, вынужденный голодомъ, казалось, собирался очистить свои линіи и проложить себѣ путь черезъ мѣстность Чако, посреди непріятельскихъ силъ. Узнавъ, что каждую ночь челноки, нагруженные припасами, переплывали безпрестанно съ одного берега на другой, маркизь Кашіасъ хотѣлъ предупредить парагвайцевъ и взять крѣпость однимъ рѣшительнымъ штурмомъ. Но защитники крѣпости если и готовились ее оставить, то все-таки не бѣглецами: послѣ кровопролитнаго боя бразильскія осадныя войска, предводимыя барономъ Гервалемъ, были отброшены назадъ и при этомъ пораженіи потеряли около 2,000 человекъ. Два дня спустя, новая атака союзниковъ, поведенная противъ парагвайской баттарей, была внезапно разоблачена ихъ аррьеръ-гардами и окончилась еще плачевнѣе, причемъ почти всѣ нападающіе легли на мѣстѣ. Деморализація, произведенная въ императорской арміи этими двумя послѣдовательными неудачами, была такъ сильна, что маленькій гарнизонъ могъ безпрепятственно пробираться черезъ рѣку по направленію къ Тимбо, унесть съ собою свои военные запасы и большую часть орудій. Тяжеловѣсныя пушки были заклепаны или брошены въ рѣку. Послѣ удаленія гарнизона, осаждающіе отважились карабкаться на крѣпостные валы; Гумаита подпала власти Бразиліи, которая, вмѣстѣ съ крѣпостью, завладѣла также участкомъ пустынныхъ болотъ и лѣсовъ на протяженіи около 50 верстъ!

Теперь интересно знать, какимъ образомъ Бразилія воспользуется своею побѣдою? Если государственными дѣлами Бразиліи завѣдуютъ люди, мало-мальски смышленные, то ей не остается дѣлать ничего другого, какъ воспользоваться заключеніемъ мира во что бы то ни стало. Она не имѣетъ больше людей, которыхъ могла бы послать въ армію, если только не станетъ охотиться за ними въ лѣсахъ, какъ за дикими звѣрьми; финансовыя ресурсы Бразиліи можетъ доставить себѣ не иначе, какъ отчаяннымъ средствомъ ассигнацій; подрядчики арміи, моряки, ея перевозчики, купцы, за нею вояжирующие, грозятъ выйти изъ терпѣнія и сдѣлать потерю невознаградивою. Притомъ же новыя затрудненія безпрепятственно присоединяются къ тѣмъ, которыя неизбѣжно должна повлечь за собою война, театръ которой удаленъ тысячи на три версты отъ столицы.

Аргентинцы, недовольные своимъ союзомъ съ имперіей, настойчиво требуютъ мира; провинціи Корриэнтесъ и Энтре-Риосъ, которыя могли бы преграждать путь бразильскому флоту, укравши въ устьѣ Параны, обнаруживаютъ желаніе возмутиться. Митре, вѣрный союзникъ дому Педро сходитъ съ президентскаго трона; докторъ Альсина, избранный вице-президентомъ, въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, проклинаетъ эту роковую войну, тогда какъ конгрессъ, торжественнымъ рѣшеніемъ, уничтожаетъ протоколъ союзаго договора; это, быть можетъ, предвѣщаетъ разрывъ. Счастливы будутъ государственные мужи Бразиліи, если сумѣютъ успокоить умы, рѣшившись, наконецъ, принять посредничество, которое Соединенные штаты предлагали уже три раза! Само собою разумѣется, что, принимая эту дружескую услугу великой американской республики, бразильцы должны будутъ признать независимость Парагвая, свободу навигаціи по большимъ рѣкамъ, автономію Восточнаго Прибрежья, — и отказаться навсегда отъ своей политики вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, расположенныхъ по р. Ла-Платѣ. Наполовину раззорившаяся имперія лишится при этомъ всего своего обаянія, но за то избѣгнетъ, быть можетъ, самыхъ роковыхъ бѣдствій!

Но допустимъ, что всѣ, положительно всѣ обстоятельства, какъ

нельзя лучше благопріятствуютъ Бразиліи, предположимъ, что власть Митре и его приверженцевъ снова упрочилась, что Энтре-ріосъ смирился, что пылкое прислужничество Буэнос-Айреса къ имперіи возродилось изъ пепла съ новою силою, наконецъ, что англійскіе капиталисты воспылали „финансовыми симпатіями“ къ опустѣвшей казнѣ Ріо-Жанейро. Даже и въ этомъ случаѣ продолжать ужасную парагвайскую войну было бы, со стороны имперіи, положительнымъ безуміемъ. Г. Андре Ламась, уполномоченный Восточной Республики въ Бразиліи, и одинъ изъ людей, наиболѣе усердствовавшихъ въ дѣлѣ заключенія рокового союза, самъ признавалъ эту истину въ депешѣ отъ 28 февраля 1867 года, адресованной совѣтнику Альбукерке, бразильскому министру иностранныхъ дѣлъ. „Перешагнувъ за укрѣпленія, заграждающія намъ путь“, говоритъ г. Ламась, „мы можемъ пожинать лавры въ большихъ битвахъ, но вслѣдъ затѣмъ начнется также война съ препятствіями природы, съ пустынями и скудостью почвы, съ фанатизмомъ и патріотической яростью населенія.— война безостановочная, изнурительная, посылающая смерть невидимой рукой—изъ глубины непроницаемой лѣсной чащи, съ высоты неприступнаго утеса, изъ середины топкаго болота... И какаѣ перспективы открываются для насъ! Сколько времени, крови, всякаго рода тревогъ стоило бы намъ достиженіе конца того пути, на который мы теперь вышли! Если Парагвай будетъ продолжать сопротивляться намъ, какъ сопротивлялся до сихъ поръ, то мы должны будемъ потребовать все мужское населеніе, и я нисколько не удивлюсь, если мы станемъ убивать женщинъ, послѣ чего увидимъ передъ собою—трупъ Парагвая!“

Притомъ же, если мы на одно мгновеніе перейдемъ отъ случайностей войны, отъ тревогъ и потрясеній данной минуты къ историческимъ соображеніямъ по отношенію къ формѣ континентовъ и распредѣленію расъ,—то можемъ ли сомнѣваться, что испано-американское населеніе Восточнаго Прибрежья, Аргентинской республики, Парагвая. Боливій въ концѣ концовъ осилить въ бассейнѣ Ла-Платы Бразилію, владѣющую только верховьями Парагвая и Параны? Подобно тому какъ расположенные по верхнимъ частямъ Мис-

сисипи, неизбежно должны были под конец одержать верх над рабовладельческими штатами, расположенными близ устья, — так же точно и испанское трех-миллионное население, занимающее почти весь бассейн Ла-Платы, должно, уже вследствие этнологического давления и самой формы территории, играть гораздо более важную историческую роль, чем триста тысяч бразильцев, разбросанных в пустынных пространствах Мауто-Гроссо и соседних провинций. Но это еще не все; здесь борьба возникла не только между двумя расами, но также и между двумя формами правления. При всем фанатизме парагвайцев, варварстве индейцев Боливии, невежестве аргентинцев и алчности промышленных portenos, при всем недостатке политической солидарности в среде граждан Уругвая, — все испано-американские республики представляют все-таки принцип свободы, равенства, справедливости — против бразильской империи с ее чернокожими невольниками, ее громадными помещичьими имениями, ее нобилитарными титулами, ее аристократическими учреждениями. И здесь, в южной Америке, произошло столкновение между республикою и монархией, подобно тому, как это было в Соединенных штатах и в Мексике.

В Соединенных штатах борьба между рабовладельческой и абolicionистской партиями продолжается с возрастающим оживлением, также как и борьба между приверженцами кандидатуры Сеймура и благопріятелями Гранта. Несомненно, что предстоящие выборы президента будут иметь могущественное влияние не только на внешнюю политику Соединенных штатов, но также и на нашу европейскую политику. Симптомы становятся более и более значительными, более и более явственными. Джонатану ¹⁾ так или

¹⁾ Народная кличка Соединенных штатов.

иначе хочется вмѣшаться въ дѣла своихъ европейскихъ родичей. Доказательствомъ можетъ служить намъ уже одна прогулка адмирала Фаррагута въ Средиземное море, и его проходъ чрезъ Дарданельскій проливъ, который, правда, былъ запертъ для всѣхъ военныхъ европейскихъ флаговъ, но при этомъ американскія пушки какъ-то нечаянно были выпущены изъ виду и не подверглись запрету. И то сказать—гдѣ же нашимъ дипломатамъ все упомянуть!

Мы не можемъ пройти мимо еще свѣжей могилы Тадеуса Стивенса, не сказавъ нѣсколько теплыхъ, симпатическихъ словъ объ этомъ человѣкѣ истинно геройскаго закала; его непреклонная воля и неутомимая энергія имѣли огромное вліяніе на судьбы его родины и содѣйствовали уничтоженію рабства и торжеству свободы. Онъ боролся до послѣдней минуты, онъ поднималъ обвиненіе противъ президента и всѣми силами старался подвергнуть его вполнѣ заслуженному наказанію. Лишившись силъ, Стивенсъ едва могъ держаться на ногахъ и потому его приносили въ конгрессъ на двухъ матрацахъ. Но когда онъ говорилъ, глаза его загорались лихорадочнымъ огнемъ—огнемъ судорожнаго краснорѣчія, и тогда его громозное слово какъ будто сопровождалось глухими гробовыми отъликами. Онъ умеръ, глядя въ лицо смерти, какъ глядѣлъ столько разъ въ глаза своихъ противниковъ. Когда тяжелая рука смерти, наконецъ, его осѣнила и подкосила его колѣни, онъ воспользовался послѣднимъ остаткомъ силъ, чтобы окончить свои дѣла и продиктовать нѣкоторыя распоряженія. Потомъ онъ неподвижно протянулся, спокойно ожидая своего финала, какъ говорилъ онъ самъ. Если вамъ стануть хвалить Эпаминонда, не забудьте Тадеуса Стивенса!

Сравнительно съ Соединенными штатами избирательныя волненія гораздо умѣреннѣе въ Англии, но и здѣсь онѣ довольно энергичны.

Не надобно думать, чтобы расширение права вотирования значительно измѣнило составъ парламента. Замѣтимъ прежде всего, что новый законъ не создалъ новыхъ людей. Импровизировать людей также невозможно, какъ и импровизировать явленія, и такъ какъ число извѣстныхъ и талантливыхъ людей незначительно, то новые избиратели видятъ, что волей-неволей они вынуждены будутъ подать свои голоса въ пользу большинства прежнихъ представителей. Мало того: палата общинъ, отказываясь налагать серьезныя наказанія за преступленіе избирательныхъ подкуповъ, и поддерживая настоящую систему чудовищныхъ издержекъ, падающихъ на кандидатовъ,—до сихъ поръ предоставляетъ кандидатуру только однимъ богачамъ. Но такъ какъ число богачей тоже очень ограничено и давно уже было опредѣлено въ десять тысячъ, то и на будущее время депутаты будутъ избираться только изъ среды этихъ *Upper Ten Thousand*. Многие позволяютъ себѣ даже думать, что вся разница между дѣйствіемъ новаго и прежняго закона будетъ заключаться въ томъ, что, по новой системѣ, нужно быть еще болѣе богатымъ, потому что теперь надобно подкупить большее число избирателей. Благоразумные либералы также убѣждены, что новая избирательная реформа, такъ сильно напугавшая консерваторовъ, совершенно недостаточна, и что, рано или поздно, придется опять забить реформистскую тревогу. Но въ ожиданіи будущихъ фактовъ мы будемъ съ увѣренностью называть новую реформу новой мистификаціей.

Вслѣдствіе происходившихъ конфискацій опять возобновилось волненіе феніевъ, которое прежде, хотя и было умирено,—и умирено слишкомъ репрессивно,—однако подавлено никогда не было, а только продолжало тлѣть подъ пепломъ. Пожары фермъ, принадлежащихъ англійскимъ владѣльцамъ, въ окрестностяхъ Корка, повторяются довольно безпokoйнымъ образомъ. Съ другой стороны, оранжистъ Морфи, подъ предлогомъ евангельской проповѣди, направляетъ фанатическихъ протестантовъ на несчастныхъ ирландцевъ, живущихъ въ Манчестерѣ.

Маленькая Бельгія также обращает на себя наше вниманіе. Тутъ идутъ несообразныя вооруженія, по образцу Франціи и Пруссіи;—финансы, находившіеся прежде въ цвѣтущемъ состояніи, теперь чахнутъ отъ недоимокъ, и Бельгія, тоже по образцу Франціи и Пруссіи, начинаетъ уже прибѣгать теперь къ займамъ. Дѣло о кровавыхъ волненіяхъ, происходившихъ въ каменноугольныхъ копяхъ близъ Шарлеруа окончилось рѣшеніемъ суда присяжныхъ, оправдавашаго рабочихъ, которыхъ крупная буржуазія обвиняла въ убійствахъ, послѣ того, какъ сама убивала этихъ бѣдняковъ своими жандармами и солдатами. Все это, разумѣется, не лишено важности, но для насъ еще интереснѣе возрастающее вліяніе клерикаловъ, которые наводняютъ и позорятъ эту несчастную страну.

Да, да, именно позорятъ! Доказательствомъ могутъ служить факты, возбуждающіе справедливое негодованіе и въ Бельгіи, и внѣ Бельгіи—факты, которые мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ.

Въ одномъ приходѣ западной Фландріи, близъ французской границы, кладбище было признано и объявлено зловреднымъ для здоровья живыхъ. Вслѣдствіе этого муниципальный совѣтъ, съ общаго согласія, рѣшилъ перенести кладбище въ другое мѣсто. Брюжскій епископъ одобрилъ этотъ проэктъ, и община, оградивъ себя епископскимъ разрѣшеніемъ, купила новое мѣсто, разумѣется, на свой собственный счетъ,—и объявила, что съ 14 октября 1868 года всѣхъ покойниковъ будутъ хоронить за чертою новой ограды. Но на кладбищѣ было отведено мѣсто также для тѣлъ протестантовъ, евреевъ и вообще для исповѣдующихъ всякую другую религію, кромѣ католической, а также и для свободномыслящихъ. Это возбудило гнѣвъ епископовъ Малана и Фе, которые хотѣли, чтобы всѣ контрабандные покойники хоронились внѣ ограды, вмѣстѣ съ собаками. Напрасно предлагали епископамъ отдѣлить глубокии ровомъ мѣсто католиковъ отъ маленькаго клочка, удѣленнаго еретикамъ, прелаты отказались окроплять святой водою отведенную имъ часть, они хотѣли занять все мѣсто, объявляя, что кладбище составляетъ, будто бы, собственность церкви, и что еретики не имѣютъ никакого права на погребеніе.

Споры, убѣжденія и всевозможныя примирительныя попытки остались втунѣ: церковь яростно отстаивала свои притязанія: все, моль, одной мнѣ, и ничего другимъ. Муниципальный совѣтъ, выведенный наконецъ, изъ терпѣнія и вынуждаемый возрастающею злокачественностью своего прежняго, переполненнаго кладбища, кончилъ, напоследокъ, тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ бы начать десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ: совѣтъ объявилъ, что мѣсто предназначается для всякихъ покойниковъ, и что патеры совершенно вольны благословлять или неблагословлять часть, отведенную католикамъ.

Вслѣдъ затѣмъ епископъ разослалъ громозный циркуляръ или *настырское* посланіе: „пока распоряженіе муниципальнаго совѣта будетъ находиться въ дѣйстви, говорилось въ циркулярѣ, пока всякую сволочь стануть хоронить на новомъ кладбищѣ, — церковь прекратитъ свои молитвы, свои священные обряды. Во время обѣдни не будетъ болѣе приносима безкровная жертва, тѣло Христово не будетъ вкушаемо вѣрными, новорожденные перестанутъ получать омовеніе отъ грѣха адамова. До тѣхъ поръ, пока господа члены муниципальнаго совѣта не смирятся, мы оставимъ души горѣть въ чистилищѣ и, лишая умирающихъ священнаго соборованія, мы отправимъ души ихъ—въ геенну огненную!..“

Мало того: съ высоты кафедръ, величаемыхъ святилищами истины, господа члены муниципальнаго совѣта и ихъ доброты были всячески поносимы, оскорбляемы, выставляемы въ жертву народной ярости, какъ люди, повинные въ гнѣвъ небесный, какъ злодѣи, навлекшіе на общину Сень-Женуа „судьбу Содома и Гоморры, сожженныхъ огнемъ Господнимъ.“ Происки патеровъ привели къ тому, что устрешенная чернь отвела гнѣвъ небесный, сѣрный и огненный дождь, на сѣно безбожниковъ, на ихъ злаки, зрѣвшіе подъ лучами благодатнаго солнца. Ужасъ распространился по всей мѣстности, пришлось отправить немедленно жандармовъ, но несмотря на эти мѣры, роковое зарево вспыхивало то тамъ, то сямъ, и освѣщало горизонтъ.

Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ многія лица были арестованы, пожары прекратились. Цѣль патеровъ достигнута, они напугали народъ, они показали грозный призракъ своего ша-

манства, и кто не захочетъ, чтобы у него выгорѣли хлѣба или чтобы надъ его головой не занялась пламенемъ крыша дома, тотъ впередъ будетъ знать, какъ вести себя относительно всѣхъ притязаній шаманствующихъ фокусниковъ. Послѣ всего этого, какое дѣло патерамъ, что ихъ послушныя овцы попали въ тюрьму или были осуждены на каторжныя работы... Нашлись, правда, люди, утверждавшіе, что не эти несчастные фанатики были главные, настоящіе преступники, и что всю тяжесть наказанія заслужили болѣе тѣ господа, которые внушали имъ дикую мысль, которые въ темную ночь направляли ихъ преступную руку. Но чтоже изъ всего этого? Людямъ, такъ разсуждавшимъ, было отвѣчено, во имя свободы культовъ, что епископы, съ своей точки зрѣнія, были совершенно правы, и что они пока неуязвимы.

Другой курьезъ. Монсеньоръ епископъ мехельскій въ своей пастырской заботливости пожелалъ сдѣлать и человѣческіе зародыши (foetus) причастниками благодати, уготованной мученикамъ и исповѣдникамъ св. вѣры. По непреложному ученію единой истинной правовѣрной католической церкви — ученію, основанному на авторитетѣ соборовъ, преданій, св. писанія и св. отцевъ, всѣ дѣти или зачатки, умершіе безъ крещенія, подлежатъ неотмѣнному осужденію. По этому поводу знаменитый Воссюэтъ обрушилъ на противниковъ указаннаго ученія грома Исая, а достопочтенный Девисъ Пето формулировалъ эту доктрину въ своихъ поучительныхъ силлогизмахъ. И вотъ, монсеньору епископу Мехельна случилось увидѣть въ музеѣ ботаническаго сада всѣ эти банки, гдѣ сохраняются человѣческіе зародыши всѣхъ временъ; многія изъ этихъ тѣлъ не имѣютъ даже человѣческаго подобія, нѣкоторыя похожи на бѣловатыхъ гусеницъ. Монсеньоръ сталъ размышлять при этомъ видѣ: „въ то время, какъ тѣла этихъ несчастныхъ существъ мокнуть въ спиртѣ, ихъ души погружены во огонь преисподней, и все за первородный грѣхъ праотца Адама. А если бы можно было, при ихъ жизни, обмыть то, что соответствуетъ головѣ, то вѣдь сколько было бы спасенныхъ душъ! О, я ихъ спасу, непременно спасу!“

Монсеньоръ сталъ размышлять, соображать, изучать. Онъ весъ погрузился въ чтеніе книгъ по акушерскому искуству... и вдругъ

какъ хватить себя по лбу указательнымъ перстомъ! „Нащель, нащель!“ вопіеть монсенъоръ:— „я спаситель зародышей!“—И вотъ онъ собралъ свой епархіальный совѣтъ и, указывая его членамъ на клистирный насосъ доктора Эгизье, имѣющей гибкую каучуковую трубку, объяснилъ имъ, какимъ образомъ можно окропить зародышъ нѣсколькими каплями святой воды, которая спасутъ его отъ адскихъ мученій.

Каноники долго разсуждали объ этомъ важномъ предметѣ, приводили всевозможные случаи и, наконецъ, въ заключеніе своихъ совѣщаній, единодушно объявили, что клистирная трубка обходилась бы слишкомъ дорого для бѣдныхъ приходскихъ пастырей (въ аптекахъ она стоитъ двѣнадцать франковъ, у Шаррьера—шестнадцать), что нельзя всегда навѣрное рассчитывать на удачное дѣйствіе и что, принявъ все это въ соображеніе, гораздо лучше безъ дальнѣйшихъ церемоній распластать тѣло матери, вытащить изъ него зародышъ и немедленно окрестить его по всѣмъ правиламъ искусства. Монсенъоръ Мехельна убѣдился этими доводами и, вслѣдъ затѣмъ, разослалъ пастырскія посланія къ священникамъ, настоятелямъ и викаріямъ своей епархіи: „Какъ только скончается женщина, которую вы предполагаете беременною, разрѣжьте ей тѣло или предоставьте это сдѣлать другимъ, потомъ вытащите плодъ и окропите его святою водою“.

Представьте же себѣ, какъ взбудоражились при этомъ либералы! Это дивная, чудовищная фантазія, закричали они, — пошлое, отвратительное шутство. „Ничего-то вы, господа честные, въ этомъ не смыслите“, зацѣли имъ въ отвѣтъ патеры:— „сіи бо суть тайны нашей святой вѣры. Если осужденіе всѣхъ дѣтей, умершихъ безъ крещенія, такъ же несомнѣнно, какъ первородный грѣхъ, то можно ли задумываться о средствахъ, чтобы спасти столько челоувѣческихъ душъ?!..“

Клерикально-акушерскую экспедицію открылъ приходскій священникъ деревни Боомъ. Это былъ дюжій дѣтина, зараженный чувствительностью не больше простого мясника или живодера. Причастивъ свою умирающую прихожанку и принявъ послѣдній ея вздохъ, онъ немедленно и безъ всякаго шума подхватываетъ ея тѣло съ

постели, швыряет его на столъ и, вооружась кухоннымъ ножомъ, раскрываетъ это тѣло также, какъ обыкновенно отворяетъ двери своей церкви. Онъ рѣжетъ и крошитъ, погружаетъ свои окровавленные руки въ теплыя внутренности покойницы, роется и щупаетъ въ кишкахъ, отрывая отъ нихъ тотъ или другой кусокъ. Наконецъ, его преподобіе уже и самъ ничего не разберетъ въ этой массѣ изорванныхъ органовъ и не знаетъ, что ему дѣлать со всеми этими кусками мяса, вынутыми изъ тѣла. Порядкомъ умаявшись, онъ, наконецъ, восклицаетъ: „Эдакая чертовщина!“ — затѣмъ кое-какъ всовываетъ внутрь вывалившіеся обрѣзки, умываетъ руки, и отправляется во свояси.

На слѣдующій день къ нему съ достоуважаемымъ почтеніемъ является господинъ комиссаръ, вѣжливо замѣчающій, что ему, патеру, слѣдовало бы испросить разрѣшенія королевскаго прокурора и обождать 24 часа, такъ какъ срокъ этотъ требуется закономъ до преданія тѣла землѣ или до произведенія какихъ либо въ немъ операций. „А мнѣ что ваши законы!“ яростно возражаетъ отважный патерь. — я ихъ знать не хочу, ваши законы, вотъ что! Я получаю мои инструкціи изъ Мехельна и долженъ исполнять ихъ“. Комиссаръ шаркнулъ ножкой, сдѣлалъ почтительный реверансъ — и дѣло кончено.

Другой казусъ происходилъ въ Церселѣ (брехтскій кантонъ). Одна молодая дѣвушка была очень больна, но еще не успѣла скончаться, какъ священникъ — еще молодой, довольно наивный и не умѣвшій еще порядочно работать ножомъ — обратился къ отцу умирающей и, подавъ ему перочинный ножикъ, сказалъ: „Я нигдѣ причины думать, что ваша дочь предавалась грѣховному блуду. Я убѣжденъ, что она беременна. Разрѣжьте ей тѣло, и мы спасемъ, по крайней мѣрѣ, душу ребенка животворными водами святаго крещенія!“

Отецъ вытаращилъ на патера изумленные глаза, потомъ взглянулъ на дочь — и вдругъ повалился безъ чувствъ. Патерь остался непоколебимъ, распорядился, чтобы отца вынесли вонъ, и послалъ за акушеркой, которой онъ не замедлилъ предложить свой ножикъ. Та предпочла бритву, и какъ только, по ея соображенію

ямъ, дѣвушка скончалась, бабка распорола ей животъ, но напрасно шарилъ и рылся въ теплыхъ внутренностяхъ—дѣвушка оказалась небеременной.

Дѣло это, однако, подняло нѣкоторый шумъ, и слишкомъ услужливая операторша была потребована въ медицинскую комиссію.

— „По какимъ признакамъ“, спросили ее,—„вы сочли дѣвучку умершею?“ — „По какимъ признакамъ, добрые господа? Да такъ, безъ признаковъ. Думалось мнѣ такъ, что она померла—и болѣе ничего“.

Мы можемъ сказать и о другихъ подвигахъ религіознаго усердія. Въ низшихъ слояхъ общества St Vincent de Paul'я духовенство составляетъ лиги рабочихъ, которые, съ дубьемъ въ рукахъ, обязываются слѣдить за сохраненіемъ святаго вѣроученія. Это полицейскіе агенты или, если хотите, евнухи католической ортодоксіи. Церковь ухищряется въ Бельгіи, какъ во Франціи, въ Швейцаріи какъ и въ Испаніи, создать іезуитское государство посреди политическаго. Она имѣетъ свою священную фалангу въ палатахъ представителей и въ сенатахъ, она имѣетъ своихъ усердствующихъ адвокатовъ, которыхъ противопоставляетъ свободномыслящимъ и индифферентнымъ адвокатамъ, она завербовываетъ въ свою службу врачей, инженеровъ, рекрутовъ, она отыскиваетъ ихъ въ морскихъ и военно-сухопутныхъ училищахъ, въ Сень-Сирѣ, какъ и въ политехнической или архитектурной школѣ; она составляетъ корпорацію поборающихъ за нее ученыхъ, которыхъ направляетъ противъ недисциплинированныхъ и разрозненныхъ группъ позитивистовъ, материалистовъ и свободномыслящихъ. Католическая церковь мастерски умѣетъ пользоваться ассоціаціей, этимъ страшнымъ рычагомъ, великую грядущую силу котораго начинаетъ предчувствовать вторая половина XIX столѣтія. И церковь пользуется имъ также, какъ въ XVI вѣкѣ умѣла воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Подобно тому, какъ тогда она поддерживала въ ремесленныхъ обществахъ органическія, постоянныя возни, имѣвшія цѣлю преслѣдованіе гугенотовъ, подобно тому, какъ она организовала святую лигу Гизовъ и „святое братство“ (La Santa Hermandad) инквизиціи,—также точно и теперь

церковь эта собираетъ подъ свои знамена самый невѣжественный, пьяный, фанатическій сбродъ въ средѣ фламандскаго населенія, чтобы идти ратью противъ еретиковъ. Такъ, рабочіе знаменитой фабрики Джона Коверилля составили братство Спасительнаго Ученія съ цѣлію заставить своихъ товарищей ходить къ обѣднѣ и исповѣди. Они господствовали ужасомъ, и жертвы ихъ не осмѣливались на нихъ донести; даже отцы, матери и братья ихъ жертвъ отказывались показывать противъ нихъ въ судѣ, потому что мщеніе этихъ новыхъ инквизиторовъ было ужасно, и преслѣдованія достигали крайней жестокости. Отъ людей, не очень ревностныхъ посредствомъ поджариванья ляшекъ и вколачиванья раскаленныхъ иглокъ въ различныя части тѣла вымогались разные подарки въ пользу церкви, а также наружное исполненіе обряда. Противъ слишкомъ упорныхъ употреблялась послѣдняя мѣра духовнаго поужденія — распинаніе. Жертву привязывали за руки и ноги къ двумъ, соединеннымъ винтомъ, доскамъ, которыя, раздвигаясь на подобіе двухъ половинъ ножницъ, страшно растягивали несчастнаго, причемъ палачи кричали ему: „исповѣдуй единую католическую вѣру, исповѣдуй, окаянный!“ Мученія были ужасны, но не оставляли слѣдовъ и не всегда сопровождались смертью. Но двое изъ жертвъ — Ванъ-Стеенбергенъ и Сенлемансъ — имѣли слабость преставиться. Послѣдній, вслѣдъ за своею пыткой, кое-какъ дотащился къ себѣ домой, и въ своей предсмертной агоніи умолялъ своихъ мучителей, называя ихъ по именамъ. Этимъ путемъ мѣстное правосудіе провѣдало о существованіи страшнаго братства и собрало кое-какія признанія, разоблачившія часть истины. Около подлужины этихъ ревностныхъ католиковъ были отправлены въ каторгу. Но, какъ обыкновенно водится, главные виновники и зачинщики этихъ преступленій — мрачный Совѣтъ бельгійской инквизиціи, антверпенской секціи, продолжаетъ засѣдать въ епископскомъ дворцѣ на мягкихъ креслахъ — и можетъ ли правосудіе затѣвать ссору съ этими священными бандитами?

Отъ Бельгіи къ Франціи переходъ нечувствителенъ. Мы бы могли порасказать о разныхъ вопіющихъ пакостяхъ, совершающихся братьями христіанскихъ школъ, и о другихъ скандалахъ, отъ времени до времени мараящихся столбцы газетъ. Но вся эта нескончаемая вереница мерзостей, подъ конецъ, хотъ кому опротивѣеть. Дѣйствительно, католицизмъ давитъ, душитъ западную Европу и терпѣніе становится рѣшительно не въ моготу. Мы говоримъ о немъ какъ можно меньше, и только потому, что нужно же отъ времени до времени накрыть его на мѣстѣ преступленія и разказать иногда о его подвигахъ. Впрочемъ, онъ уже и такъ заклеименъ отъ макушки до пятъ, словно Alpstock, испещренный названіями горъ, — а все по прежнему бодръ, веселъ и наглъ. Онъ-то и поднимаетъ вверхъ голову, онъ-то и задаетъ отчаяннаго форсу. Но чѣмъ больше онъ важничаетъ и кобенится, чѣмъ больше торжествуетъ въ своей наглости, тѣмъ болѣе возбуждаетъ къ себѣ ненависть. Теперъ уже становится совершенно яснымъ, что несмотря на наступательный союзъ, заключенный между французскимъ правительствомъ и духовенствомъ, послѣднее навлекаетъ противъ себя глухую грозу, и всѣ прогрессисты единодушно убѣждены въ необходимости отдѣлить церковь отъ государства. Клерикаламъ стоитъ только продолжать свою обычную тактику еще впродолженіи нѣкотораго времени, чтобы доставить несомнѣнное торжество религіозному септицизму. Вслѣдъ за послѣдней экспедиціей кардиналовъ и епископовъ въ сенатъ свободномыслящій спиритуализмъ былъ разбитъ на голову и, органомъ своего наиболѣе талантливаго представителя—Ваперо, выражаетъ желаніе примириться съ матеріализмомъ. Жоржъ-Зандъ высказывается почти въ такомъ смыслѣ, Эжень Бюрнуфъ объявляетъ, во имя науки культовъ, что католическій принципъ въ конецъ истощился, и что теперъ легко разсчитать низхожденіе (онъ хотѣлъ сказать наденіе) свѣтской власти папъ. Въ средѣ обучающейся молодежи строгаго позитивиста называютъ уже отсталымъ человѣкомъ. Чтобы дать читателю понятіе о религіозныхъ чувствахъ парижскаго населенія, мы приведемъ здѣсь сцену, происходившую нѣсколько дней тому назадъ въ собраніи около двухъ тысячъ особъ въ танцевальной залѣ, куда были

созваны всѣ тѣ, которые интересовались вопросомъ о житейскомъ трудѣ.

Собрание состояло большею частію изъ мелкой буржуазіи и избранныхъ представителей рабочаго класса. Одинъ ораторъ позволилъ себѣ употребить довольно ходячее выраженіе: „Que Dieu ne en préserve.“ (Да сохранить насъ отъ того Бога.)

Вдругъ изъ многихъ угловъ залы поднялись шумные протесты „возьмите назадъ эти слова!“

— Позвольте мнѣ объясниться. Это выраженіе очень обыкновенно въ языкѣ и не имѣетъ...

— Назадъ возьмите ваше выраженіе!

— Однако...

— Возьмите же назадъ ваши слова, говорятъ вамъ! загремяли сотни голосовъ. Страшный гвалтъ. Несчастный ораторъ слезилъ съ трибуны. Одинъ изъ его друзей занимаетъ его мѣсто.

— Господа, вѣдь мы всѣ стоимъ за безусловную свободу. Не такъ ли?

— Да, да, тысячу разъ да.

— Господа, вѣдь вы позволяете все думать, все говорить и все объяснять.

— Да, разумѣется, конечно, говорите, говорите...

— Такъ позвольте же вамъ сказать, господа, въ языкѣ либерала, христіанина-либерала...

— О фи! О фи! Фи!..

— Что всякій имѣетъ право вѣрить въ Бога...

— Объяснитесь объ этомъ съ Вельо!

— Потому что еслибы вы не признавали за мною права вѣрить въ Бо...

— Къ Вельо, ораторъ! Маршъ къ Вельо!! Поднялась страшная суматоха, всякій горланилъ, жестикулировалъ. Второй ораторъ усталый, сконфуженный, также дезертировалъ съ своей кафедры. Его поражение сопровождалось громомъ оглушительныхъ аплодисментовъ. Впродолженіи этой сцены бѣдняжка императорскій комисаръ выдѣлывалъ самыя уморительныя тѣлодвиженія, словенно одержимый холерою, и приказывалъ президенту вѣшпаться въ эту

исторію, но тотъ—ни гу-гу... и комиссаръ не осмѣлился прекратить засѣданіе.

Вообразите же себѣ, какое милое дѣйствіе на настроенную подобнымъ образомъ публику должно было произвести сообщенное журналами извѣстіе о томъ, что императорскій принцъ изволилъ будто бы сказать слѣдующее: „когда я буду императоромъ, то не потерплю ни одного безбожника во Франціи,—я хочу, чтобы всякій усердно посѣщалъ храмъ божій и молился“. Эти слова были подхвачены и комментированы во многихъ періодическихъ изданіяхъ Парижа, которыя свои статьи по этому предмету обыкновенно оканчивали такимъ соображеніемъ: „пусть будетъ и такъ! Хорошо уже то, что насъ, по крайней мѣрѣ, предупредили“. Но газета *Opinion Nationale* убѣждала правительство опровергнуть этотъ неприятный слухъ, однако на воззваніе это не было обращено никакого вниманія, если только не считать отвѣтомъ того, что императоръ представилъ собравшейся въ шалонскомъ лагерѣ арміи тринадцатилѣтняго сына, какъ наслѣдника своей мысли и будущаго продолжателя своего дѣла.

Пока императоръ еще живъ и сохраняетъ свои умственные силы, правительство заранѣе старается приготовить страну къ регенству императрицы и къ царствованію Наполеона IV.

Теперь, когда принцъ поправился отъ болѣзни, которая чуть было не осудила его ходить на костыляхъ, маленькаго Наполеона стараются выставить на показъ. Его заставляютъ, смѣху ради, управлять морскими эволюціями въ Шербургѣ старые капитаны, сѣдоволосые адмиралы подаютъ видъ, будто принимаютъ его приказанія, подобно тому, какъ прежде ломались предъ нимъ распорядители Всемирной выставки. Недавно этого ребенка, еще неокончившаго шестого класса своего обученія, заставили предсѣдательствовать при раздачѣ наградъ лучшимъ воспитанникамъ изъ всѣхъ лицеевъ Франціи. При этомъ ему была назначена очень миленькая роль въ небольшой комедіи; онъ долженъ былъ увѣнчать молодаго Кавеньяка первой наградой за греческій переводъ. И вотъ принцъ вскарабкается на стулъ и положить лавровый вѣнокъ на чело лицейста, лицействъ, разумѣется, преклонится долу, и тогда сынъ На-

полеона, въ порывѣ великодушія, обвинить сына Кавеньяка, а предстоящѣ, разумѣется, разразятся громомъ восторженныхъ рукоплесканій при этомъ трогательномъ зрѣлищѣ — символѣ примиренія между *Сour d'Etat* и его жертвами. Вся эта сцена была, какъ нельзя лучше, заранѣе приготовлена въ совѣтѣ министровъ и уже его высокопревосходительство министр Дюрюи подчернулъ весьма прочувствованныя фразы, которыя долженъ былъ произнести принцъ предъ блестящимъ собраніемъ, среди всѣхъ возможныхъ великихъ особъ избраннаго парижскаго общества. Но, къ несчастію, тутъ случилось одно весьма мизерное обстоятельство: несмотря на громогласное вызваніе, несмотря на понуканіе г. министра народнаго просвѣщенія и г. ректора университета, Кавеньякъ сынъ отказался встать и оставался на своемъ мѣстѣ, словно пригвожденный къ скамьѣ. Это упорство возбудило живѣйшее негодованіе наследника престола, и принцъ рыдалъ отъ злости (см. *le Constitutionnel*), тогда какъ публика... эта шаловливая публика, раздражаясь оглушительными аплодисментами, горланила: „Vive Cavaignac!...“ Съ другой стороны, императрица тоже частенько выставляетъ себя на первый планъ и предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ, хотя это и не разрѣшается ей ни конституціей, ни даже какимъ либо декретомъ. Привержицы принца *Pionpion* (Жеромъ Наполеонъ) сильно на это негодуютъ и съ ѣдкою напоминаютъ о предписаніяхъ салического закона. Но вліяніе императрицы чувствуется болѣе и болѣе, и уже кто-то могъ сказать, что императоръ царствуетъ, а императрица управляетъ. Теперь уже есть приверженцы императора, во главѣ которыхъ стоитъ Руэ, и приверженцы императрицы, предводимые Пинаромъ. Само собою разумѣется, что эти два превосходительства сильно недолюбливаютъ другъ друга. У императрицы нашлись ужъ и фавориты, въ первыхъ рядахъ которыхъ фигурируетъ юный Поль-де-Кассаньякъ, достойный сынъ своего папеньки; этого юношу безъ всякой клеветы можно назвать лжецомъ, шпиономъ, бездушнымъ торгашемъ, даже убійцею (онъ дрался на дуэли и убилъ своего противника) и.... будущимъ депутатомъ Законодательнаго корпуса. Поль — довольно дюжій, широкоплечій парень, съ цвѣтомъ лица креолки, съ густы-

ми волосами. Онъ награжденъ орденомъ 15 августа, такъ какъ имѣлъ счастье попасть и въ списокъ императора, и въ число господъ, протезируемыхъ императрицею. Этотъ Кассаньякъ второй отважился объяснять публикѣ *Paus*, въ офиціозномъ органѣ *imperi*, что если офиціозный *Constitutionnel*, повинувся приказанію, такъ величественно и сладкогласно запѣлъ о мирѣ, то сдѣлалъ это только для того, чтобы одурачить безмозглыхъ буржуа. Еще лучше: этотъ же юный Кассаньякъ безъ всякихъ околичностей осмѣлился сказать, что даже рѣчь императора — самого императора, произнесенная имъ въ Труа съ такимъ шумнымъ аккомпаниманомъ оркестра, имѣла цѣлю только отвести глаза Европы отъ военныхъ приготовленій Франціи, словомъ, что это было *тонкое лукавство*, или называя вещи ихъ собственными именами, что императоръ просто на-просто лгалъ. О, конечно, нужно обладать большою благосклонностью двора, чтобы дерзнуть отливать подобныя пули? Само собою разумѣется, что ужъ если Кассаньякъ такъ безцеремонно выражается объ императорѣ, то и республикѣ тоже порядкомъ отъ него достаётся; по этому поводу одинъ молодой республиканецъ поднялъ перчатку и вызвалъ дерзкаго на смертельный поединокъ, котораго приготовленія волновали всѣ страсти въ Парижѣ цѣлыхъ трое сутокъ. Парижанамъ особенно нравилось то обстоятельство, что бонапартистъ и республиканецъ вотовились вступить между собою въ смертельную потасовку. Боги, разумѣется, приняли сторону болѣе искуснаго бреттера, который, протянувъ легкое своего противника, отправился прельщать собою въ теченіе трехъ часовъ бульварную публику, а послѣ того устремился принимать поздравленія ея величества императрицы.

Въ Фонтенебло графу и графинѣ Джирдженти было оказано торжественное и изумительно пышное гостепріимство, не смотря на то, что путешественники прикрывались инкогнито, которое другіе обязывались уважать. Для этой четы были предприняты такія издержки, какихъ не сочли нужнымъ сдѣлать для старой вдовы — англійской королевы, какихъ едва ли удостоили прусскаго короля и русскаго императора. Но кто же эти высокіе путешественники? Графиня — дочь благодушной Изабеллы, испанской королевы —

вышла за мужъ за молодого брата Франческо П, экс-короля Объихъ-Сицилій. Въ день выступленія Гарибальди въ Неаполь этому королевскому братцу захотѣлось для забавы прыгать на одной ножкѣ около часа. Теперь юношѣ-супругу 22 года отъ роду: онъ небольшого роста, и шнага доходить у него чуть не до самой шеи, у графа маленькіе красноватые глазки, неправильныя черты лица, и вообще всѣмъ ансамблемъ своей фигуры онъ также мало привлекателенъ, какъ и его братецъ и юная супруга.

Инфантъ Маріѣ Изабеллѣ 17 лѣтъ отъ роду. Это старшая дочь испанской королевы, которая шесть лѣтъ съ ряду не имѣла дѣтей и, наконецъ, родила эту инфанту, названную принцессою астурийскою. Этотъ титулъ астурийской принцессы или иначе наслѣдницы престола былъ у ней отнятъ при рожденіи ея брата — нынѣшняго королевскаго принца, но въ народѣ она по прежнему удержала свое фамиллярное прозвище Агапеја, неимѣющее собственно никакого значенія, если только названіе это не напоминаетъ того обстоятельства, что при рожденіи инфанты, Арана былъ однимъ изъ наслѣдниковъ Мануэля Годоя, фаворита Маріи Луизы и знаменитаго Муньоса, который состоитъ нынѣ въ брачныхъ узахъ съ королевою матерью — Христиною.

Замѣтимъ мимоходомъ, что такъ какъ принцесса эта должна была продолжать династію, неправедно овладѣвшую престоломъ по мнѣнію легитимистовъ, то рожденіе инфанты возбудило ихъ злобу, и знаменитый легитимистскій патеръ Мерино — этотъ странный типъ изувѣрства, цинизма и простодушія — направилъ свой преступный кинжалъ въ утробу королевы.

Съ того самого дня, когда инфанта, вслѣдствіе рожденія брата, перестала называться наслѣдницею, въ ней пробудилось чувство зависти, которое, разумѣется, нисколько не способствовало къ смягченію ея характера. Чтобы разомъ окончить различныя не совсѣмъ скромныя ухаживанья, которыхъ она сдѣлалась предметомъ и которыя обращали на нее вниманіе и двора, и столицы, инфанту поспѣшили выдать замужъ, чуть только она достигла совершеннолѣтія, и въ сожители дали ей Гаэтано Джирдженти — Гаэтано Urgente (безотлагательно нужный), какъ ошибочно произносить на-

родъ. Королева, съ одной стороны, такъ рада этому браку, а съ другой такъ обезкуражена трудностями баснословно сквернаго управленія, что по временамъ благосклонно выслушиваетъ внушенія патера Кларета, который совѣтуетъ ей отказаться отъ короны въ пользу принца астурийскаго и поручить регенство г-жѣ Джирдженти. Изъ всѣхъ р^шшеній запутаннаго вопроса это было бы одно изъ самыхъ желѣмыхъ. Пока оно осуществится, графъ и графиня путешествуютъ, какъ простые смертные, хотя въ Фонтенебло имъ и былъ оказанъ самый лестный, самый пышный и торжественный приемъ, — и все это дѣлалось въ пику принцу Гумберту и принцессѣ Маргаритѣ, которые въ своемъ брачномъ вояжѣ еще не успѣли свернуть съ своей дороги и сдѣлать обязательный визитъ ея величеству императрицѣ Евгении, и сія строгая дама поклялась отмстить за себя. Въ итальянской корреспонденціи, по этому поводу, только и толковъ, что о бурбонскихъ, испанскихъ и папскихъ козняхъ. Журналы рѣшаются почти серьезно обсуждать планы, приписываемые этимъ неугомоннымъ заговорщикамъ. Рѣчь идетъ о томъ, что будто бы готовится военное снаряженіе 40 или 50 тысячъ разбойниковъ, которые объявятъ своимъ законнымъ королемъ брата графа Джирдженти. Французы выступаютъ изъ Рима, чтобы подкрѣпить свою армію противъ Германіи. Ихъ мѣсто немедленно будетъ занято испанскимъ отрядомъ въ 40 или 50 тысячъ человѣкъ. Католики и бандиты братски соединятся, чтобы возстановилось въ Неаполѣ господство законнаго короля. Съ своей стороны, святѣйшій отецъ погрузился въ военныя приготовленія, слишкомъ непоимѣрная для его бюджета. Церковь, гнушающаяся пролітіемъ крови, словно нищенка, выканючиваетъ со всѣхъ сторонъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ, гаубицы и карабины, сабли и штыки. Епископы сами собираютъ *динарій св. Петра*, доятъ всѣхъ своихъ телушекъ, на всѣхъ богомолкахъ и странницъ наложена контрибуція. Результаты выступаютъ уже предъ нами во очію; длинныя вереницы муловъ тянутся по дорогѣ въ Марсель, гдѣ ихъ нагружаютъ на суда и повезутъ въ Чивитта Веккію. Эти сотни муловъ посылаются въ Римъ вовсе не для того, чтобы на нихъ ехалъ святѣйшій папа: ихъ запрягутъ въ артиллерійскіе ящики

святой матери—церкви. Епархіи Ренна и Кемпе посылаютъ осадныя орудія, преслѣдуемая церковь Англій—эта „голубка, стонущая въ лапахъ Альбіона“—препровождаетъ армстронговы пушки, выкованныя изъ стали, правовѣрные бельгійцы, такъ жестоко преслѣдуемые туземными либералами, дѣлаютъ сообща складчину и отправляютъ груды лютихскихъ ружей и разнаго новаго оружія, въ особенности кавалерійскихъ мушкетовъ, которыхъ, какъ кажется, въ арсеналѣ св. вѣры совершенно не оказывалось. Нѣкоторыя страны утѣшаютъ „раба рабовъ божіихъ“ присылкою денегъ, другія страны услужливо шлютъ смертоносное оружіе. Намѣстникъ Иисуса Христа вербуетъ въ свою службу гельдернскихъ зуавовъ, спаговъ Фрисландіи и Оверъ-Исселя. Затѣмъ этихъ рекрутовъ, поступающихъ въ армію св. вѣры, муштруютъ французскіе сержанты, учатъ ихъ заряжать въ четыре приѣма, а какой нибудь почтенный патеръ отъ времени до времени даетъ непослушнымъ знатную сѣвкуцію. Чтобы собрать всю эту наемную шайку, чтобы накупить для нея галуновъ, плюмажей, сабель, ятагановъ, петлицъ и погоновъ, чтобы взгромоздить на боченкахъ *Pio Nono*—этого благодушнаго, жирненькаго, милаго человѣка, облеченнаго въ бѣлую хламиду—патеры слезно умоляютъ и нищенствуютъ, вымогаютъ грошикъ здѣсь, копѣечку тамъ, легенькій билетикъ въ тысячу франковъ подалеже, — грабятъ суммы, ввѣренныя имъ для милостынь и тайныхъ подаваній, торгуютъ душами чистилища.

Усърдствующіе *Freres Ignorantins* заставляють своихъ питомцевъ, вмѣсто переписыванья страницъ, дѣлать патроны, убѣждаютъ старыхъ дѣвъ продавать чижа или другую любимую птичку и выручку, вмѣстѣ съ копѣчными сбереженіями, жертвовать на покупку пуль. Молодыхъ дѣвушекъ они убѣждаютъ продавать свои волосы, у больныхъ людей вымогають деньги, предназначенныя для посѣщенія водъ и поправленія здоровья, старымъ дуракамъ запрещаютъ даже покупать гребешки и искусственныя зубы, наконецъ, не стыдятся даже торговаться за напутственную молитву для умирающихъ. И всѣ эти мелкія и крупныя мошенничества приводятъ къ накопленію многихъ милліоновъ. Конечно далеко не всѣ эти милліоны собраны такимъ нечувствительнымъ образомъ, и было за-

мѣчено, что крупныя суммы поступаютъ въ бюджетъ войны только вслѣдствіе перемѣны теченія капиталовъ. Такъ миссіонерская дѣятельность между отдаленными народами замѣтно ослабѣла, потому что цифра доходовъ, поддерживавшихъ ее, внезапно понизилась. Не менѣе пострадало и дѣло призрѣнія малолѣтнихъ китайцевъ, отнимавшее у милліоновъ европейскихъ дѣтей милліоны су въ недѣлю, на которые благочестивые миссіонеры выкупали потомъ невинныхъ китайскихъ малютокъ, брошенныхъ злыми матерями на сѣвденіе свиньямъ для откармливанія этихъ нечистыхъ животныхъ. Ужъ мы должны вѣрить преподобнымъ патерамъ—вѣдь они собираютъ деньги для этой цѣли!..

Конечно, намъ очень нравится, что католическая церковь предается такому разнузданному безумію. Намъ очень пріятно, что она швыряетъ камнемъ въ науку, проклиная человѣческую мысль, свирѣпствуетъ противъ прогресса. Любо и весело намъ видѣть, какъ господинъ Луи Вельо воюетъ во Франціи, въ срединѣ второй половины XIX вѣка, противъ гражданскаго брака: это заставляетъ насъ забыть, что лѣтъ двадцать тому назадъ патеры окропляли деревья свободы купоросомъ и святой водою. Радостно намъ, что епископы запрещаютъ свѣтскимъ людямъ учить женщинъ, что Syllabus былъ брошенъ въ пику XIX вѣку, что католическая церковь, собравъ свои послѣднія интеллектуальныя силы, старается убѣдить насъ, будто для нашего спасенія необходимо вѣрить l'Immaculée Conception. Забавно намъ также, что послѣднія силы церкви заняты бюджетомъ, и что изъ свѣтской власти она сдѣлала новый принципъ, на которомъ теперь вращается весь католицизмъ.

Чтобы узаконить свои военныя приготовленія, паписты разглашаютъ слухъ о возмущеніи, замышляемомъ революціонерами Рима и его окрестностей. Трудно знать, что истиннаго въ этихъ слухахъ. Правда, они неосновательны, однако не лишены извѣстной доли вѣроятія. Да и кого мы удивимъ, если скажемъ, что гарибальдійцы болѣе, чѣмъ когда либо, ненавидятъ папство, что мадзинисты болѣе, чѣмъ когда либо, ненавидятъ роялизмъ, что для современной Италіи становится рѣшительно не въ моготу сносить этотъ порядокъ вещей, при которомъ нѣтъ ни для кого гарантіи,

при которомъ эта несчастная страна раззоряетъ свои финансы, теряетъ свою честь!.. Когда Везувій и Этна дымятся, нетрудно предвидѣть изверженіе.

Охлажденіе между Италіей и Пруссіей, явившееся результатомъ опубликованія бонапартистомъ Ла-Марморю переписки съ Узедомомъ, — усилилось въ послѣднее время до того, что теперь невольно рождается вопросъ: не разорвется ли окончательно дружественный союзъ 1866 года и не станутъ ли бывшіе союзники другъ противъ друга въ предстоящей войнѣ 1869 года, которая, по общему мнѣнію, неминуема.

Ожиданіе этой войны тягостно отзывается среди всѣхъ народовъ, которые не успокоиваются ни миролюбивыми рѣчами государей, ни вклятвами министровъ, утверждающихъ, что *теперь* нѣтъ ни одной разумной причины для войны, что *теперь* всѣ шансы на сторонѣ мира. Націи остаются при своей тревогѣ, чуткимъ ухомъ слышать они глухой шумъ взводимаго курка револьвера, не смотря на то, что приняты предосторожности вооружаться какъ можно скрытнѣе. Императоръ Наполеонъ, послѣ смотра въ шалонскомъ лагерѣ, говорилъ генераламъ, собравшимся вокругъ него: „Я не скажу вамъ ничего, ибо если я буду говорить о томъ, что я жажду мира, только одного мира, каждый выведетъ отсюда заключеніе, что я желаю войны (тутъ кстати припомнить впечатлѣніе, производимое постояннымъ утвержденіемъ: „имперія есть миръ“). Этотъ выводъ произведетъ панику на биржѣ, и она приметъ его какъ окончательное доказательство приготовленій къ войнѣ. Пруссія распустила въ трехмѣсячный отпускъ почтенную цифру своихъ пѣхотинцевъ. Это также примутъ за вѣрный знакъ, что чрезъ три мѣсяца будетъ война и что, въ ожиданіи ея, Пруссія хочетъ усыпить бдительность своего противника“.

Даже болѣзнь смѣлаго Бисмарка поступила въ число знаменій

предстоящей войны. Этотъ министръ, послѣ своихъ успѣховъ, сталъ очень остороженъ и вовсе не желаетъ потерять то, что онъ такъ блистательно выигралъ; онъ желаетъ укрѣпиться въ новомъ положеніи, прежде чѣмъ рѣшится на новыя приключенія; онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что почва колеблется подъ его ногами и плохо сдерживаетъ тѣ сооруженія, которыя онъ создалъ на скоро. Его личное положеніе, какъ перваго министра и истиннаго владыки Пруссіи, не болѣе какъ компромиссъ. Его враги, юнкерская партія, особенно ненавидящая его съ той поры, какъ побѣжденные имъ либералы принесли повинную и объявили себя его друзьями;— юнкерская партія старается всѣми силами очернить его предъ королевемъ. Опубликованіе узедомо-ламармаровской переписки возбудило противъ него консерваторовъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, которые никакъ не могутъ простить ему, и никогда не простятъ, не то, что онъ хотѣлъ разгромить Австрію,—съ этимъ они, пожалуй, готовы бы были примириться, — но то, что онъ громилъ ее съ помощью революціонеровъ. Они употребляютъ всевозможныя средства, чтобы нагадить Бисмарку. Они обвиняютъ его даже въ притворной болѣзни. Между тѣмъ Бисмаркъ дѣйствительно болѣнъ отъ усталости, и крѣпительныя средства почти совсѣмъ было возстановили его силы и ему оставалось только беречься, чтобы окончательно выздоровѣть. Но люди рѣдко выполняютъ мудрыя совѣты. Не выполнялъ ихъ и мудрый Бисмаркъ. Послѣ веселаго завтрака съ окрестными землевладѣльцами, онъ отправился на прогулку верхомъ, упалъ съ лошади въ ровъ и опять очутился въ постели. Этимъ временемъ съумѣлъ ловко воспользоваться его соперникъ Мантейфель и попасть въ милость къ королю. Мантейфель былъ уже разъ фаворитомъ короля послѣ того, какъ онъ вызвалъ и ранилъ на дуэли неловкаго Твестена, осмѣливагося критиковать анонимную брошюрку о переформированіи арміи, которая приписывалась самому королю. Но Мантейфель всегда былъ болѣе ловкимъ куртизаномъ, чѣмъ тонкимъ политикомъ; въ Садовой онъ былъ побитъ Бисмаркомъ и принужденъ отступить. Бисмаркъ воспользовался своею побѣдой надъ соперникомъ вовсе ужъ не умѣренно: онъ послалъ его, кажется, въ Мерзебургъ. Те-

перь вѣтеръ пережѣнился. Не пришлось бы Бисмарку тоже прогуляться куда нибудь.

Мантейфель теперь сталъ заискивать у Бейста, король Вильгельмъ, съ своей стороны, хочетъ сойтись съ императоромъ Францомъ-Иосифомъ. Министръ отвѣчалъ сухо, императоръ холодно. Они имѣютъ слабость помнить удары, которыми ихъ такъ охотно попотчивали въ Хлумѣ и Садовой. Къ тому же у нихъ много другихъ хлопотъ! Внутреннія затрудненія увеличиваются съ каждымъ днемъ. Епископы становятся все болѣе и болѣе требовательными. Не лучше ихъ поступаетъ и крупная земельная аристократія. Если бы на мѣстѣ епископовъ и сенборовъ были какіе нибудь портные или чулочники, ихъ дѣйствія подверглись бы обвиненію въ измѣнѣ, бунтѣ и оскорбленіи величества, но какъ знатные бунтовщики нашли себѣ горячую поддержку въ принцессѣ Софіи, матери императора, то ихъ возмущеніе называется болѣе мягкимъ словомъ: неудовольствіе.

Трудно предполагать, чтобы чешскій сеймъ собрался. Чешскіе депутаты, въ числѣ 84, прямо заявили, что императоръ не имѣлъ никакого права уничтожать октябрскій дипломъ, по которому онъ долженъ былъ управлять имперіей, унитарной и федеративной. Этимъ уничтоженіемъ диплома нарушены ихъ права; нѣтъ болѣе легальной конституціи, а потому и нѣтъ никакого основанія собираться сейму. Они рѣшились даже сказать, что если императоръ позволилъ себѣ уничтожить октябрскій дипломъ, то и Чехія имѣетъ право снять съ себя всякія обязательства и потребовать возстановленія своихъ старинныхъ правъ и старинной независимости. Но нѣмецкая раса, какъ австрійцы, такъ и пруссаки, рѣшатся скорѣе стереть съ лица земли Чехію, нежели позволить ей возстановить свои прежнія права и прежнюю независимость.

Сеймъ въ Бруннѣ тоже не изъ особенно спокойныхъ. Первое его засѣданіе даже не состоялось потому, что не хватало законнаго числа депутатовъ. Консерваторы, клерикалы, реакціонеры и чехи-націоналисты скопировали пражскій протестъ и во главѣ ихъ стали брунскій епископъ принцъ Сальмъ Рейфенбергъ и экс-министръ императора графъ Белькреди, соперникъ Бейста.

Въ Лембергѣ также не мало затрудненій; въ областномъ сеймѣ былъ поднятъ даже вопросъ о томъ, что сеймъ имѣетъ полное право требовать, чтобы ему была представлена для обсужденія общая конституція имперіи.

Эти три провинціи: Чехія, Галиція и Моравія съ завистью смотрятъ на Венгрію, которой сдѣлано много уступокъ. Они требуютъ, чтобы и имъ были сдѣланы подобныя же уступки. А Венгрія, предметъ ихъ зависти, сама, въ свою очередь, возбуждаетъ неудовольствіе въ славянахъ, соединенныхъ съ нею.

Австрія осуждена на смерть, не смотря на ея свѣжесть и улыбающійся видъ; она похожа на миссъ, одержимую серьезною болѣзнію, которая однакоже не хочетъ отказаться отъ танцевъ на балу, отъ развлеченій и любитъ слушать нѣжныя признанія. Вѣна дала недавно блестящій праздникъ въ честь свободныхъ стрѣлковъ, собравшихся въ нее со всѣхъ сторонъ Германіи съ цѣлю брататься съ своими братьями вѣнцами и ободрить ихъ на сопротивленіе выходу Австріи изъ Германскаго союза. На этомъ празднествѣ раздавались восклицанія въ честь возрождающейся свободы, въ честь министровъ, дружески смѣшавшихся съ буржуазіей; министры произнесли много рѣчей въ пользу мира. Послѣднія были приняты съ восторгомъ, и онъ былъ искрененъ, такъ какъ австрійскіе народы, также какъ и всѣ прочія европейскія націи, искренно желаютъ мира.

Виртембергцы, большой массой прибывшіе на празднество, предложили устройство Южной конфедераціи, какъ противовѣса Сѣверной. Но этотъ проесть не имѣетъ никакихъ шансовъ въ своемъ осуществленію. Въ республикахъ легко приходитъ ко всякимъ федеративнымъ комбинаціямъ, но съ монархіями сдѣлать это гораздо труднѣе. Можно ли составить, напримѣръ, серьезную федерацію изъ трехъ такихъ государствъ, какъ Австрія, Баварія, Виртембергъ?

Вѣнскій праздникъ оставилъ бы по себѣ самыя пріятныя воспоминанія между буржуазными либералами и республиканцами, сердце которыхъ размягчилось какъ воскъ послѣ братской фамиллярности съ министрами, но это идиллическое настроеніе было нѣсколько раз-

строено заявленіемъ рабочихъ ассоціацій, прибывшихъ изъ Берлина и Сѣверной Германіи, и утверждавшихъ, что политика просто на просто чистѣйшая дѣтская забава предъ разрѣшеніемъ социальныхъ вопросовъ, и что нечего много думать о германскомъ единствѣ, когда теперь надо стремиться къ космополитическому единству. Еще разъ политическій вопросъ столкнулся съ экономическимъ. Буржуазные революціонеры остались недовольны работниками, которые, по ихъ мнѣнію, думали внести раздоръ въ собраніе. Ихъ уху тяжело было слышать рѣзкія и вѣрные нападки рабочихъ на буржуазію и ея безтактное отношеніе къ разрѣшенію главнѣйшихъ изъ экономическихъ вопросовъ.

Жакъ Дефрэнъ.

СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПОПЫТКИ ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе).

IV.

Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ мы довольно подробно изложили тѣ основанія, на каковыхъ существуютъ у насъ рабочія артели и крестьянская поземельная община. Изъ этого изложенія, какъ намъ кажется, видно совершенно ясно, что артель и община представляютъ собою явленіе не только знакомое, но и очень близкое русскому народу, получившее въ его жизни силу обычая, освященнаго цѣлыми вѣками; явленіе, котораго не могли уничтожить самыя неблагопріятныя обстоятельства, котораго не задушило вѣковое рабство. Теперь мы должны посмотрѣть, насколько артель и община принесли пользы русскому человѣку и какъ онъ самъ къ нимъ относится.

Нѣкоторые публицисты старались видѣть въ русской артели и особенно въ поземельной общинѣ явленіе осмысленное и ничѣмъ неуступающее западно-европейскимъ ассоціаціямъ. Увлеченія эти доходили даже до того, что артель и община считались единственнымъ якоремъ спасенія будущей общечеловѣческой цивилизаціи, которая со временемъ должна освободиться отъ развѣдающаго ее пролетаріата и другихъ экономическихъ золь современныхъ обществъ. Но эти увлеченія не оправдывались фактами. Съ перваго же взгляда на западно-европейскую ассоціацію и нашу артель различіе ихъ становится очевиднымъ. Ассоціація, какъ результатъ сознательнаго стремленія къ осуществленію лучшихъ и болѣе справедливыхъ экономическихъ отношеній, постепенно развивалась, и

развитіемъ своимъ ясно доказала, что у нея есть свое будущее, своя прогрессивная сила. Напротивъ, русская артель и поземельная община въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ остались въ неизмѣнномъ положеніи, въ томъ первобытномъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ въ XVI вѣкѣ, и въ какомъ мы ихъ видимъ въ XIX. Слѣдовательно соціально-экономическій характеръ этого явленія отличается полной неподвижностію и отсутствіемъ всякаго развитія, и отъ такого явленія ожидать особенныхъ благъ нѣтъ никакого основанія, если оно не перейдетъ изъ инертной, мертвой силы въ силу живую и прогрессивную.

Такимъ образомъ вся задача состоитъ въ томъ, чѣмъ сдѣлается наша артель и община въ будущемъ, и въ этомъ отношеніи они получаютъ для насъ громадную важность. Важность эта сдѣлается совершенно понятною для всякаго, если только взглянуть на артель и общину не какъ на что нибудь готовое, осмысленное и окончательно сформировавшееся, но какъ на сырой матеріалъ, изъ котораго можно образовать нѣчто очень полезное для народа, какъ на почву весьма удобную для настоящихъ соціально-экономическихъ попытокъ. Каждый общественный дѣятель, который желаетъ бы посвятить свои силы реформѣ экономическихъ отношеній въ обществѣ, долженъ быть близко знакомъ съ русской общиной и артелью, потому что она прямо указываетъ ему ту среду, съ которой прежде всего должна начаться его дѣятельность. А умѣнье начать извѣстное дѣло именно тамъ, гдѣ въ немъ больше всего нуждаются, и гдѣ могутъ скорѣе опѣнить его выгоды, служить лучшимъ ручательствомъ успѣха всего дѣла. Западно-европейскія производительныя ассоціаціи, безспорно, представляютъ явленіе, достойное подражанія; они уже успѣли оказать огромную услугу рабочему классу и еще большую окажутъ ему въ послѣдствіи; многія изъ нихъ владѣютъ такими громадными капиталами, отъ участія въ которыхъ не отказались бы люди далеко не бѣдные и вовсе не принадлежащіе къ рабочему классу. И однакожь, еслибъ первыя попытки въ устройствѣ подобныхъ ассоціацій обнаружались въ средѣ не рабочаго класса, истощеннаго, обнищавшаго и требовавшаго радикальной помощи, а въ средѣ общества, то можно навѣрное сказать, что они не имѣли бы никакого успѣха. Такимъ образомъ, умѣнье отыскать на первый случай самую удобнѣйшую почву для примѣненія новой идеи важно въ двухъ отношеніяхъ; во-первыхъ, въ томъ, что эта идея сразу оказываетъ большую пользу тѣмъ, въ интересахъ которыхъ она осуществляется, во-вторыхъ

успѣшное осуществленіе ея обнаруживаетъ полезную сторону новой идеи въ глазахъ всего общества, которое всегда болѣе вѣрить и охотнѣе поклоняется живому факту, чѣмъ отвлеченной теоріи.

Говоря въ двухъ предыдущихъ статьяхъ о русской артели и общинѣ, мы и имѣли въ виду именно эту сторону дѣла, то-есть чисто-практическую. Мы старались указать, гдѣ, въ какой сферѣ соціально-экономическія попытки могутъ разсчитывать на болѣе вѣрную удачу, такъ какъ тамъ онѣ найдутъ для себя совершенно пригодный матеріалъ; а этимъ путемъ онѣ могутъ приобрѣсти общественное значеніе, въ смыслѣ практическаго ознакомленія нашего общества съ выгодами рабочихъ ассоціацій.

Заручившись этими данными, мы можемъ теперь приступить къ разсмотрѣнію соціально-экономическихъ попытокъ, являвшихся у насъ до послѣдняго времени.

Если принять во вниманіе, что русское общество стало знакомиться съ западно-европейскими ассоціаціями лѣтъ десять тому назадъ, при посредствѣ тогдашней журналистики, если вспомнить, что въ теченіи этого времени число кооперативныхъ учреждений въ Европѣ увеличилось въ громадной пропорціи, что также было извѣстно нашей публикѣ благодаря журналамъ и отдѣльнымъ изданіямъ, то покажется нѣсколько страннымъ, отчего за весь этотъ длинный промежутокъ времени въ Россіи не появилось ничего подобнаго и даже, повидимому, не сдѣлано ни одной попытки основать какую-либо ассоціацію. Но это окажется совершенно понятнымъ, если вспомнить нѣкоторыя обстоятельства, имѣвшія здѣсь очень важное значеніе.

Слово «ассоціація» принадлежитъ къ числу тѣхъ словъ, которымъ придано у насъ много посторонняго значенія, совершенно извратившаго ихъ истинный смыслъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ самый разгаръ литературнаго и общественнаго движенія въ Россіи, выдалось нѣсколько выраженій, которыя больше другихъ обратили на себя общее вниманіе, потому что до того времени ихъ не слышало русское общество. Браги общественнаго движенія относились очень недружелюбно къ этимъ словамъ и къ попыткамъ осуществитъ ихъ на дѣлѣ.

Между тѣмъ многія изъ этихъ попытокъ были направлены самымъ выгоднымъ образомъ и, конечно, къ настоящему времени успѣли бы уже вполне выказать свои хорошія и полезныя для нашего экономическаго прогресса стороны. Перехода къ бѣглому обзору этихъ

попытокъ, мы прежде всего должны упомянуть объ одномъ очень серьезномъ предпріятіи, которое хотя само по себѣ и не имѣло социальнаго-экономическаго характера, но должно было способствовать развитію у насъ рабочихъ ассоціацій. Мы говоримъ объ «Обществѣ женскаго труда». Это общество, какъ показываетъ и самое его названіе, имѣло цѣлью организовать женскій трудъ, направить его болѣе производительнымъ образомъ для работницъ. Этой цѣли оно намѣревалось достигнуть посредствомъ устройства женскихъ рабочихъ ассоціацій, которыя освободили бы женщину работницу отъ постоянной эксплуатаціи со стороны хозяекъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что задуманное обществомъ дѣло имѣло бы огромный успѣхъ; правда, наши работницы незнакомы съ артельными порядками, но за то трудъ, которымъ онѣ поддерживаютъ свое существованіе, такъ тяжелъ и вмѣстѣ такъ плохо вознаграждается, что онѣ охотно согласились бы воспользоваться какими угодно совѣтами и указаніями, лишь бы увеличить свои нищенскіе заработки. Поэтому, еслибы кто нибудь далъ работницамъ возможность составить одну или нѣсколько артелей; еслибы кто нибудь научилъ ихъ, какъ вести это дѣло, то онѣ съ величайшею радостью ухватились бы за это средство спасенія. «Общество женскаго труда» имѣло въ виду именно эту цѣль. Такимъ образомъ, оно должно было играть роль коллективнаго учредителя женскихъ артелей, при чемъ коллективность имѣла главнымъ образомъ денежное значеніе, такъ какъ для устройства артелей нужны были значительныя суммы, которыя предполагалось давать въ ссуду учреждаемымъ артелямъ. Общество выработало уже свой уставъ, собрало много членовъ и наконецъ получило надлежащее утвержденіе. Казалось, самая главная часть работы была сдѣлана. Но на дѣлѣ оказалось не такъ.

Чтобы вѣрнѣе обезпечить успѣхъ предполагаемаго общества, дѣйствительные учредители общества, которыхъ было всего два-три человека, пригласили къ участію въ немъ нѣсколько десятковъ лицъ, мало способныхъ заниматься подобными дѣлами, предоставивъ однакожъ имъ всѣ права дѣйствительныхъ учредителей. Для насъ до сихъ поръ остаются тайными истинныя причины, послужившія поводомъ къ закрытію общества; но внѣшняя и всѣмъ извѣстная сторона этого закрытія такова: когда уставъ общества былъ окончательно утвержденъ, номинальные учредители, пользуясь правомъ большинства, забрали общество исключительно въ свои руки и назначили общее собраніе. На этомъ собраніи рѣзко отдѣлились двѣ

партіи, партія номинальныхъ членовъ, которые должны бы играть роль простыхъ декораций и партія членовъ дѣйствительныхъ, принимавшихъ въ судьбахъ общества самое горячее участіе. Эти двѣ партіи отличались одна отъ другой уже по наружности; внутреннее же ихъ отличіе, обнаруженное на первомъ же собраніи, было конечно еще значительнѣе. Тутъ только дѣйствительные учредители увидѣли, что они попали изъ огня да въ полымя, что желая обезпечить общество съ одной стороны, они сами открыли ему опасность съ другой. Въ то же время и номинальные учредители, думавшіе, вѣроятно, играть въ обществѣ роль великодушныхъ филантроповъ и покровителей, на первомъ же собраніи поняли тщету своихъ расчетовъ, а потому, не долго думая, поступили слѣдующимъ образомъ. Два черезъ два они объявили въ газетахъ, что назначенное второе общее собраніе отлагается по нѣкоторымъ обстоятельствамъ на неопредѣленное время, а еще черезъ нѣсколько дней пригласили тѣмъ же порядкомъ всѣхъ членовъ, внесшихъ въ общество деньги, получать ихъ обратно, то есть, другими словами, объявили о закрытіи едва только учрежденнаго общества. Такимъ образомъ пошли прахомъ продолжительныя усилія учредителей общества, почти собственными руками убившихъ свое дѣло.

А между тѣмъ еслибы «Общество женскаго труда» не рушилось, то оно имѣло бы огромное вліяніе какъ на улучшеніе судьбы женщинъ, живущихъ трудами своихъ рукъ, такъ и вообще на развитіе нашихъ общественныхъ инстинктовъ. Что успѣхъ тѣхъ артелей, которыя предполагало учредить «Общество», былъ бы полный — объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Вспомнимъ только, что въ Петербургѣ считается сто тысячъ женщинъ, нуждающихся въ работѣ, вспомнимъ, что ихъ обычное вознагражденіе не превышаетъ нѣсколькихъ рублей въ мѣсяцъ, что, напримѣръ, вязаньемъ чулковъ нельзя заработать болѣе 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, шитьемъ перчатокъ — болѣе 3 рублей, шиваніемъ мѣховъ — болѣе 2 р. 50., плетеньемъ аграманта — болѣе 2 рублей и т. д., вспомнимъ эти поразительныя цифры — и для всякаго изъ насъ сдѣлается понятнымъ, какимъ успѣхомъ сопровождалось бы устройство среди трудящихся женщинъ рабочихъ ассоціацій:

Неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія открытіе «Общества женскаго труда» и подобныхъ ему ассоціацій, имѣли самое невыгодное вліяніе на развитіе въ нашемъ обществѣ здоровыхъ экономическихъ понятій. Поселенное въ немъ предубѣжденіе противъ всякихъ ассоціацій, оригинальная неудача «Общества женскаго

труда», какъ *будто* покинутого самими же учредителями, темные слухи, ходившіе въ обществѣ, о какихъ-то артеляхъ, учреждаемыхъ людьми, не принадлежащими къ рабочему классу—все это способствовало укорененію въ нашемъ обществѣ самыхъ нелѣпныхъ взглядовъ на экономическія отношенія, все это заставляло массу смотрѣть на нихъ какъ на пустыя затѣи, которыхъ серьезный чело-вѣкъ не одобритъ и въ которыхъ никто не имѣетъ ни малѣйшей надобности.

Переходя теперь къ другому роду ассоціацій, явившихся позднѣе, среди болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, мы должны сказать, что до самого послѣдняго времени въ числѣ ихъ не было *ни одной*, которая сколько нибудь удовлетворяла бы социаль-но-экономическимъ требованіямъ. Не смотря на полную свободу дѣйствій и на другія выгодныя условія, эти ассоціаціи представляли собою нѣчто очень потѣшное, хотя по виду и казались серьезными. Мы говоримъ о такихъ предпріятіяхъ, каковы «Общество бѣдныхъ женщинъ», «Общество покровительства частному служебному труду», «Артель портныхъ подмастерьевъ» и множество другихъ артелей и кассъ съ разнообразнѣйшими задачами: сберегать, поощрять, содѣйствовать и т. д. Мы, конечно, не станемъ распространяться о тѣхъ «обществахъ», которыя, исходя изъ довольно вѣрныхъ принциповъ, приходили къ нелѣпнымъ выводамъ, которыя обращались или въ картежные клубы, или въ филантропическія собранія; мы скажемъ нѣсколько словъ объ одной кассѣ, которая болѣе другихъ походила на экономическую ассоціацію, хотя и съ самыми убогими цѣлями. Это — «ссудосберегательная касса артели петербургскихъ портныхъ подмастерьевъ», утвержденная 31 декабря 1866 года, а 5 марта слѣдующаго года открывшая свои дѣйствія.

Чтобы имѣть понятіе объ основаніяхъ, на которыхъ построена эта касса, мы посмотримъ, какимъ путемъ рассчитывала она собрать нужные ей капиталы. По уставу, капиталъ кассы составляется: изъ обязательныхъ еженедѣльныхъ 10 копѣчныхъ взносовъ, то есть, 40 к. въ мѣсяцъ и 4 р. 80 к. въ годъ; затѣмъ изъ добровольныхъ вкладовъ; процентовъ съ суммъ, раздаваемыхъ участникамъ въ ссуду; штрафныхъ денегъ за несвоевременный платежъ обязательнаго взноса; остающихся въ пользу кассы процентовъ и прибыли на вклады, возвращаемые неисправнымъ вкладчикамъ; прибыли на вклады, вытребованные ранѣе установленнаго срока; наконецъ, изъ жертвуемыхъ въ пользу кассы суммъ. Съ перваго взгляда кажется, что перечисленные источники дохода очень много-

исленны, но внимательно въ нихъ всмотрѣвшись, легко замѣтить, что только *два* изъ нихъ имѣютъ нѣсколько солидный характеръ, именно: обязательные взносы и проценты съ денегъ, отдаваемыхъ членамъ въ ссуду, хотя и эти источники крайне скудны—потому что, какъ мы видѣли, обязательные взносы составляютъ всего 4 р. 30 к. въ годъ, а проценты 1 к. на рубль въ мѣсяцъ—но все-таки поступленіе ихъ сколько нибудь обезпечено. Что же касается другихъ источниковъ, то они очень неопредѣленны и случайны, какъ напримѣръ, добровольные вклады, штрафныя деньги, пожертвованія и т. д. Благодаря такой искусственности въ постройкѣ кассы и неопредѣленности ея ресурсовъ, касса принуждена была обставить различными формальностями выдачу ссудъ, что значительно должно было затруднять пользованіе этими ссудами. Такъ, напримѣръ, желающій получить ссуду долженъ заявить объ этомъ письменно одному изъ членовъ правленія, который представляетъ дѣло предварительно на разсмотрѣніе правленія въ слѣдующемъ его засѣданіи. Чтобы имѣть право на полученіе ссуды изъ кассы, необходимы слѣдующія условія: ссуда не можетъ превышать трехъ четвертей той суммы, какая составила изъ десятикопѣечныхъ взносовъ каждаго члена; слѣдовательно, если я внесъ одинъ рубль, на что требуется десять недѣль, то могу получить въ ссуду только 75 копѣекъ и то ни въ какомъ случаѣ не больше какъ на три мѣсяца; если же мнѣ необходима большая сумма, то я долженъ представить или вещественный залогъ, или поручительство другихъ участниковъ, при семъ размѣры моей ссуды также не должны превышать трехъ четвертей вкладовъ моихъ поручителей, если къ тому же подъ эти вклады не выдано уже ссудъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, выдача ссудъ чрезвычайно затруднена и члены почти не могутъ ими пользоваться. Мы согласны, что полученіе обратно выданной ссуды должно быть чѣмъ нибудь гарантировано въ глазахъ кассы, но дѣло въ томъ, что при этой необходимой затрудненности, самое существованіе кассы дѣлается не нужнымъ, изъ чего слѣдуетъ, что она не можетъ существовать на тѣхъ основаніяхъ, которыя мы сейчасъ изложили. Въ такомъ видѣ она нисколько не достигаетъ цѣли и причины ея устройства становятся совершенно непонятными.

Практика вполнѣ доказала, насколько справедливы вышеннеложенныя соображенія. Касса портныхъ подмастерьевъ открылась среди самыхъ выгодныхъ условій; при самомъ открытіи, число желающихъ сдѣлаться ея членами доходило до 150 человекъ, а въ

скоромъ времени число это увеличилось *до четырехсотъ*. Этотъ фактъ показываетъ, какъ велика у нашихъ работниковъ потребность улучшить свое положеніе; они готовы пристать къ первой открывшейся артели, если только она имѣетъ въ виду измѣненіе ихъ быта. И несомнѣнно, что еслибы упомянутая артель была устроена на иныхъ началахъ, то она имѣла бы громадный успѣхъ. Самая трудная часть дѣла въ подобныхъ предпріятіяхъ, это—привлечь на свою сторону два три десятка работниковъ, которые на себѣ могли бы испытать выгоды артельного начала; если это удалось—успѣхъ предпріятія можно считать обезпеченнымъ. Факты доказываютъ, что въ подобныхъ дѣлахъ число первыхъ участниковъ увеличивается чрезвычайно туго, но при разумномъ устройствѣ дѣла, никогда не бываетъ, чтобы число это уменьшалось. Если же подобное явленіе встрѣчается въ какихъ нибудь ассоціаціяхъ, то оно лучше всего доказываетъ негодность той формы, въ какую сложилась ассоціація. Это пменно и случилось съ ссудо-сберегательной кассой портныхъ подмастерьевъ. Пока ея правила не вполнѣ были извѣстны работникамъ, пока они только слышали объ общаемыхъ кассой выгодахъ—число артельщиковъ быстро увеличивалось и дошло, какъ мы видѣли, до 400 человекъ. Но по мѣрѣ того, какъ новые члены вступали въ артель, старые выбывали и число выбывшихъ въ первое же полугодіе составило *цѣлую сотню*, изъ которой половина была исключена за неплатежъ въ кассу обязательныхъ взносовъ, а другая половина оставила артель по собственному желанію. Это признакъ очень не хорошій для кассы; по немъ мы готовы утверждать, что уменьшеніе числа членовъ сдѣлается въ артели обыкновеннымъ явленіемъ и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока касса не прекратитъ совершенно своего существованія. А между тѣмъ, еслибы эти самые 400 человекъ образовали изъ себя производительную ассоціацію, выгоды которой для артельщиковъ были бы безконечно значительнѣе, то мы, вѣроятно, говорили бы теперь объ «артели портныхъ подмастерьевъ», какъ о весьма солидномъ предпріятіи, имѣющемъ на десятки тысячъ оборота и извѣстномъ не только Петербургу, но всей Россіи; теперь же о «ссудо-сберегательной кассѣ» никто почти не знаетъ и никого она не интересуетъ.

Совершенно такимъ же характеромъ отличаются и другія ссудо-сберегательныя кассы, явившіяся у насъ въ послѣднее время въ средѣ рабочаго населенія, какъ-то касса типографщиковъ, служителей на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Всѣ они построены на со-

вершено ложномъ принципѣ, почему и не могутъ разсчитывать на успѣхъ. Услугами ихъ будутъ, правда, пользоваться наиболѣе зажиточные изъ работниковъ, у которыхъ доходъ значительно превышаетъ расходъ, но для массы они навсегда останутся недоступны, потому что масса работниковъ нуждается въ увеличеніи заработной платы, что можетъ быть достигнуто только производительными ассоціаціями.

И такъ, если не считать тѣхъ ассоціацій, которыя существовали частнымъ образомъ, то можно сказать положительно, что у насъ до послѣдняго времени не было сдѣлано ни одной серьезной попытки примѣнить ассоціацію къ потребностямъ народа. Перечисленные нами попытки были слишкомъ мелки и скромны для того, чтобы можно было придавать имъ какое нибудь значеніе. Оказываясь совершенно безполезными въ той средѣ, для которой собственно онѣ предназначались, эти ассоціаціи потому же самому не могли имѣть и общественнаго значенія, такъ какъ общество по нимъ не имѣло возможности составить себѣ понятія о выгодахъ экономическихъ ассоціацій. Не смотря на то, что они существовали офіяціально, общество все-таки продолжало относиться къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ къ пустымъ затѣямъ. И это пренебреженіе было такъ сильно, что его долго не могло разрушить даже учрежденіе ассоціацій потребителей, основанныхъ въ интересахъ самого общества. Исторія двухъ подобныхъ ассоціацій, харьковской и петербургской, наглядно познакомятъ читателей съ тѣми трудностями, которыя встрѣчали учредители. Изложивъ фактическую сторону учрежденія этихъ ассоціацій, мы потомъ выскажемъ по поводу ихъ нѣкоторыя соображенія, имѣющія, какъ намъ кажется, общій интересъ.

Харьковское товарищество слѣдуетъ считать чуть ли не первой по времени потребительной ассоціаціей въ Россіи. По крайней мѣрѣ, судя по отчету, проектъ этой ассоціаціи, составленный въ небольшомъ кружкѣ сочувствующихъ дѣлу лицъ, былъ посланъ на

утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ еще мѣтомъ 1866 года. Въ октябрѣ было получено разрѣшеніе, и вслѣдъ затѣмъ состоялось первое собраніе учредителей, всего 26 человѣкъ. Сдѣлавши предварительныя распоряженія, учредители избрали распорядительный комитетъ, которому и было поручено открыть собственный складъ товаровъ, какъ только въ кассѣ товарищества соберется двѣ съ половиною тысячи рублей. Однакожь, число членовъ увеличивалось очень медленно, и не смотря на незначительность нужной суммы, она была собрана только черезъ два мѣсяца. Тогда приступили къ открытію лавки, что и было въ скоромъ времени исполнено. Но не смотря на то, что распорядители не остановились на этомъ и учредили второй складъ, стараясь какъ можно значительнѣе расширить дѣло,—общее недовѣріе долго ихъ преслѣдовало. Возникшая ассоціація, по словамъ отчета, «вызывала со стороны однихъ упреки въ искусственности, въ излишней раздражительности и даже бесполезности появленія у насъ такого рода товарищества, со стороны же другихъ—просто насмѣшки».

На первомъ общемъ собраніи, 5 декабря 1866 года, въ члены общества записалось всего 84 человѣка; черезъ полтора мѣсяца прибавилось еще 97 членовъ, а къ 1 мая всѣхъ членовъ въ товариществѣ состояло уже 255 человѣкъ. Въ остальную часть года вновь поступило еще около ста членовъ, такъ что къ январю 1868 г. товарищество имѣло всего 350 членовъ съ взносами на *семь съ половиною тысячъ* рублей сереб. Сравнительно не быстрое увеличеніе числа членовъ во вторую половину года отчетъ объясняетъ «недостаточнымъ знакомствомъ массы населенія съ основаніями товарищества, недовѣріемъ еще къ подобнаго рода предпріятіямъ, ограниченностью числа продаваемыхъ предметовъ потребления, ограниченностью числа самыхъ мѣстъ продажи и т. д.».

Теперь посмотримъ цифры оборотовъ товарищества. Къ открытію первой лавки, товару куплено было всего около ста названій на сумму 800 р. с. «У многихъ, замѣчаетъ отчетъ, вѣроятно уцѣлѣлъ еще въ памяти пустынный видъ лавки въ день открытія; голыя, ничѣмъ не заставленныя полки, крошечныя кулечки, разставленныя кое-гдѣ по полу, нѣсколько брусковъ мыла да десятокъ кулковъ муки—вотъ и все». Товаровъ было такъ мало, что часто «товаръ, внесенный въ однѣ двери, сейчасъ же приходилось выносить въ другія». Не имѣя еще большихъ средствъ, товарищество не могло производить закупокъ большими партіями, а должно было покупать все только пудами и даже фунтами, что, конечно,

имѣло значительное вліяніе какъ на продажную цѣну продуктовъ, такъ и на барышъ за первую треть. (Отчетъ самъ сознается, что «за эту науку ассоціаціи пришлось заплатить довольно дорого». Но съ увеличеніемъ числа членовъ, а съ ними и средствъ, дѣла общества быстро улучшались. Въ первую треть въ лавкѣ товару имѣлось: собственнаго на 10 съ половиною тысячъ и комиссіоннаго на 3 съ половиною тысячи; во вторую треть, собственнаго на четырнадцать съ половиною, а комиссіоннаго на двѣ съ половиною тысячи; въ послѣднюю треть количество своего товара возросло уже до 29 тысячъ. Всего же за годъ въ обѣихъ лавкахъ товарищества своего товара имѣлось на 46 съ половиною тысячъ, а комиссіоннаго на 7 тысячъ рублей, изъ которыхъ 6 тысячъ было уже уплачено. Продано въ теченіи всего года товару почти на *пятьдесятъ двѣ тысячи рублей*.

Однакожъ, не смотря на то, что товарищество въ первый годъ закупало товары не такъ выгодно, какъ могло бы при большихъ средствахъ и большей опытности распорядителей, все-таки воловой доходъ съ произведенныхъ имъ операцій составилъ довольно почетную цифру — почти шесть тысячъ рублей. Исключивъ отсюда расходы товарищества на жалованье, содержаніе служащихъ и т. п., получимъ чистый барышъ свыше трехъ тысячъ рублей въ годъ.

Отчетъ самъ признаетъ этотъ барышъ «очень не тяжеловѣснымъ» и совершенно ясно излагаетъ причины, почему онъ не достигъ большей цифры. «Годовой опытъ, сознаются распорядители, убѣждаетъ, что веденіе такимъ образомъ дѣла, какъ оно велось, только едва на половину и выгодно, и достойно товарищества. Переплачивать на каждомъ почти продуктѣ лишніе проценты посредникамъ и все-таки имѣть не лучшіе по достоинству товары — такое положеніе торговли товарищества еще очень далеко отъ желаемаго». Но нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени цифра прибыли значительно увеличится; это видно уже по оборотамъ товарищества за первые четыре мѣсяца настоящаго года. Въ эти четыре мѣсяца чистая прибыль составляла уже 1,760 рублей, т. е. больше пяти тысячъ въ годъ (если предположить, что дѣла общества останутся весь годъ въ одномъ положеніи — что, очевидно, невозможно), да кромѣ того и процентъ дохода увеличился: въ прошломъ году онъ составлялъ 6% съ оборота, а въ четыре мѣсяца нынѣшняго года достигъ уже $7\frac{1}{3}$ — увеличеніе очень значительное для четырехъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ харьковскую ассоціацію можно считать теперь исполнѣ уже установившейся.

Петербургскому обществу потребителей пришлось еще сильнѣе бороться съ общественнымъ равнодушіемъ. Уставъ общества «Бережливость» утвержденъ лѣтомъ 1866 года. Этотъ уставъ почти ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ подобныхъ же уставовъ; въ немъ обращало на себя вниманіе только то обстоятельство, что учредители главной задачей возникавшаго общества ставили договоры съ торговцами и промышленниками въ видахъ полученія отъ нихъ доброкачественныхъ припасовъ со сбавкою въ цѣнахъ противъ существующихъ; что же касается собственныхъ складовъ, то объ нихъ упоминалось мимоходомъ и общество выговорило себѣ только *право* по открытіи подобныхъ складовъ, не дѣлая этого главною своею цѣлю. Какъ видно, составители перваго устава слишкомъ скромно смотрѣли на отрывающееся общество и не допускали скорой возможности имѣть собственные магазины. Затѣмъ подробности устава были очень просты и вступленіе желающихъ въ общество было облегчено какъ только возможно. Хотя цифра взноса для каждаго члена была опредѣлена въ 10 рублей, но уплата этихъ денегъ допускалась по частямъ, въ размѣрѣ 1 руб. въ мѣсяцъ; наковецъ, съ разрѣшенія правленія дозволялась еще большая рассрочка; словомъ, съ этой стороны для поступленія въ общество не представлялось никакихъ неудобствъ. На членскіе вклады предполагалось выплачивать до 1 Января 1867 года по 3% а впослѣдствіи по 5% въ годъ. Что же касается до предполагаемаго распределенія прибыли, то оно должно было производиться слѣдующимъ образомъ: изъ общей суммы дохода кажлые три мѣсяца вычитаются сперва издержки, на содержаніе и управленіе общества, затѣмъ 2½ процента съ цѣнности постоянного инвентаря и, наконецъ, проценты на членскіе вклады. Остающаяся за тѣмъ чистая прибыль дѣлится такъ: 1/8 идетъ въ запасный капиталъ, а 7/8 распределяются между членами сообразно закупкамъ каждаго.

Черезъ два мѣсяца послѣ открытія ассоціаціи, именно 23 октября 1866 г., состоялось первое общее собраніе, на которомъ обнаружилось весьма незавидное состояніе дѣлъ общества. Членовъ было всего 94, цифра вкладовъ составляла 736 рублей, поставщиковъ, съ которыми общество заключило сдѣлки, было только 7, въ числѣ ихъ одна лавка колоніальныхъ и лабазныхъ товаровъ, одна мясная, одинъ ламповый магазинъ, пивоваренный заводъ, табачный магазинъ, магазинъ молочныхъ скоповъ и булочная.

Почти всѣ эти магазины находились въ одной части города, на Васильевскомъ островѣ, отчего пользованіе ими для членовъ, живущихъ въ другихъ мѣстахъ, представлялось рѣшительно невозможнымъ. Въ теченіи указаннаго времени, членами было сдѣлано закупокъ на три тысячи рублей, при чемъ валовой доходъ составлялъ 160 рублей. По отчисленіи отсюда 7 рублей, какъ процентовъ на вкладныя суммы, и нѣкоторыхъ расходовъ, осталось чистой прибыли 129 руб; отсюда, согласно уставу, было отдѣлено 16 р. въ запасный капиталъ, 92 рубля пошли на дивидендъ членамъ, соразмѣрно суммѣ закупокъ, а остальные 21 рубль не могли быть раздѣлены между членами, потому что не находились въ наличности, а представляли собою стоимость непроданныхъ еще книгъ для заказовъ товаровъ покупаемыхъ у поставщиковъ.

Таковы были первыя операціи общества «Бережливость».

Впрочемъ, и въ послѣдующіе затѣмъ отчетные періоды дѣла общества улучшались очень не быстро. Правда, къ 1 января 1867 года число поставщиковъ общества увеличилось до 23, что составляло уже большую разницу съ прежнимъ числомъ 7, но за то члены прибывали далеко не такъ быстро; именно, къ новому году ихъ было всего 117, то есть увеличилось въ теченіи трехъ мѣсяцевъ на 38 человекъ. Цифра же оборотовъ общества не только не увеличилась, какъ слѣдовало бы ожидать, но даже уменьшилась; именно, къ 1 октября она составляла три тысячи рублей, а къ 1 января не дошла и до двухъ съ половиной; такъ что, не смотря на увеличеніе числа членовъ, въ резервный капиталъ было отчислено всего 14 рублей.

Слѣдующій затѣмъ отчетный періодъ, съ 1 января 1867 года по 1 апрѣля былъ уже счастливѣе для общества. Въ теченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ членами закуплено у поставщиковъ на четыре съ половиною тысячи рублей, такъ что валовой доходъ за это время составилъ болѣе 300 р. Изъ нихъ въ запасный капиталъ поступило 33 рубля, членамъ же отчислено 5% съ суммы закупокъ—213 р. Весь капиталъ общества, какъ оборотный, такъ и резервный, составлялъ 1,650 р.

Хотя въ остальную затѣмъ часть года, съ 1 апрѣля по 1 октября, число членовъ увеличилось не очень значительно, именно, дошло до 212 человекъ, но дѣла общества приняли болѣе солидный характеръ и члены стали пользоваться очень важными услугами со стороны общества. Число поставщиковъ его увеличилось семнадцатью и въ средѣ ихъ уже находились лавки почти всѣхъ

товаровъ: здѣсь были и суконные магазины, и портные мастера, и сапожники, и даже книгопродавцы. Кромѣ того, заключались еще временные договоры о поставкѣ членамъ дровъ въ теченіи лѣта, при чемъ дрова обходились значительно дешевле. Но чтобъ еще болѣе удешевить этотъ важный для потребителей матеріалъ, составленъ проектъ учрежденія при обществѣ собственной дровяной конторы, на подобіе тѣхъ, какія существуютъ за-границей. Оборота общества за это полугодіе представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Общая сумма закупокъ у всѣхъ поставщиковъ составляла въ обѣ четверти года *четырнадцать слишкомъ тысячъ* рублей, именно: съ 1 апрѣля по 1 іюля шесть тысячъ, и съ 1 іюля по 1 октября—болѣе восьми тысячъ рублей. Такимъ образомъ общій оборотъ третьей четверти года увеличился почти вдвое противъ первой. Общей прибыли въ это полугодіе получено уже около тысячи рублей; отсюда въ резервный капиталъ отчислено болѣе ста рублей и распределено между членами, сообразно количеству закупокъ, 700 рублей; общій капиталъ ассоціаціи, какъ оборотный, такъ и резервный, составлялъ уже почти три тысячи рублей. Въ виду такихъ результатовъ, общество стало ясно сознавать, что значеніе его въ публикѣ увеличивается и что довѣріе къ нему замѣтно возрастаетъ. Тутъ уже зашла рѣчь объ учрежденіи собственныхъ складовъ, которые должны представлять несравненно больше выгодъ, чѣмъ всякіе договоры съ поставщиками. Но такъ какъ въ самыя послѣдніе мѣсяцы число членовъ стало быстро увеличиваться, то предположенное открытіе складовъ было отложено на нѣкоторое время, для того, вѣроятно, чтобы лучше сообразоваться съ средствами общества, которыя также стали быстро увеличиваться.

Наконецъ, въ январѣ 1868 года былъ открытъ *первый* складъ общества и затѣмъ разосланъ подробный прейсъ-курантъ товарамъ, продающимся въ этомъ складѣ; но тѣмъ не менѣе, число поставщиковъ все-таки продолжалось увеличиваться и дошло въ это время уже до шестидесяти. Въ складѣ общества находились всѣ товары, наиболѣе нужные въ хозяйствѣ, какъ-то: чай, сахаръ, кофе, крупа, масло и т. п., и многіе изъ этихъ товаровъ продавались нѣсколькими процентами дешевле обыкновенныхъ цѣнъ, такъ что покупающій въ складѣ, даже не принадлежа къ товариществу, могъ имѣть нѣкоторую выгоду. Въ это время число членовъ доходило уже до *четырехсотъ шестидесяти* человекъ.

Въ какомъ положеніи находились дѣла общества къ 1 мая на-

стоящаго года, ясно видно изъ слѣдующаго отчета его за первую треть этого года: число членовъ, составлявшее въ 1 января 422, возрасло къ 1 мая до 920, слѣдовательно, втеченіи одной трети поступило 498 новыхъ членовъ, т. е., на *сто двадцать процентовъ больше*, чѣмъ во все время существованія общества. Изъ трехъ складовъ было продано за эту треть почти на двадцать тысячъ рублей, что составило бы годовою оборотъ въ 60 тысячъ, еслибъ предположить совершенно невозможное, именно, что обороты общества не увеличатся въ остальные двѣ трети года. Воловою доходъ по всѣмъ тремъ складамъ составлялъ 1,650 рублей; или восемь съ половиною процентовъ на сумму проданныхъ товаровъ и двадцать процентовъ съ суммы употребленнаго на обороты капитала. Чистый доходъ составлялъ почти 950 рублей или почти 5% съ суммы продажи. Но нужно замѣтить, что эта цифра дохода гораздо меньше той, которую получили члены на самомъ дѣлѣ, такъ какъ покупая товары въ складахъ общества, они тутъ же получали товары дешевле отъ 2 до 10 процентовъ противъ существующихъ цѣнъ. Поставщиками общества продано было въ теченіи трети на 22 тысячи руб.; т. е. на *восемьдесятъ процентовъ* больше противъ послѣдней четверти минувшаго года. Вообще же, весь оборотъ общества въ теченіи этой трети составлялъ около 42 тысячъ руб.; т. е. почти на *двѣсти пятьдесятъ процентовъ больше*, чѣмъ въ послѣднюю четверть 1867 года.

Такіе результаты, достигнутые ассоціаціей на второй годъ ея существованія, говорятъ очень много; они предсказываютъ обществу такой успѣхъ, о которомъ, можетъ быть, и не мечтали учредители. Дѣйствительно, хотя мы и не имѣемъ въ рукахъ отчетовъ общества послѣ 1 мая, но слышали, что увеличеніе числа членовъ совершается съ поразительною быстротою, такъ что въ настоящее время это число простирается далеко за тысячу; сообразно этому, увеличиваются и обороты общества, и чистая его прибыль. Слѣдующій отчетъ ассоціаціи представитъ, вѣроятно, такое же различіе второй трети отъ первой, какое мы видимъ теперь въ первой относительно такого же числа мѣсяцевъ за прошлый годъ. Уже и теперь можно сказать, что дѣла общества положительно процвѣтаютъ.

И такъ, потребительныя ассоціаціи, не смотря на продолжительное къ нимъ равнодушіе общества, все-таки удались. Кромѣ двухъ товариществъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, общества потребителей открыты въ слѣдующихъ городахъ: Москвѣ, Николаевѣ, Та-

ганрогѣ, Кишиневѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Лебединѣ, Уральскѣ, и кромѣ того еще въ нѣсколькихъ составляются проекты подобныхъ же ассоціацій. Нѣтъ сомнѣнія, что эти ассоціаціи будутъ имѣть у насъ большой успѣхъ, потому что развитію ихъ способствуютъ многія обстоятельства. Огромная часть населенія нашихъ городовъ состоитъ изъ людей недостаточныхъ, которые, при томъ же, знаютъ свои средства до копѣйки и обыкновенно получаютъ ихъ въ одинаковомъ размѣрѣ въ теченіи многихъ лѣтъ. Это — чиновники, живущіе большею частію довольно ограниченномъ содержаніемъ; мѣщане, занимающіеся разными мало-доходными мастерствами, доходъ съ которыхъ почти изъ года въ годъ одинъ и тотъ же; помѣщики, потерявшіе теперь возможность тратить деньги за жмурия глаза, въ надеждѣ на карманы своихъ крестьянъ и т. д. Вся эта масса потребителей знаетъ почти копѣйка въ копѣйку свои годичныя средства и имѣетъ въ рукахъ только одинъ способъ увеличить ихъ — помощію уменьшенія расходовъ, т. е. помощію экономіи. Другихъ способовъ у нея нѣтъ; потому что прямое увеличеніе ея доходовъ зависитъ не отъ нея; ей остается только экономить, покупая дешевле то, что ей необходимо. Но въ этомъ отношеніи она совершенно находится въ рукахъ мѣстныхъ купцовъ, которые произвольно назначаютъ цѣны жизненнымъ продуктамъ. Эти монополисты, живя на счетъ чужаго труда, наживають часто огромныя состоянія и съ каждымъ годомъ увеличивають всеобщую дороговизну, которая приводитъ жителей въ отчаяніе. Въ нѣкоторыхъ городахъ жители обращались даже къ мѣстному начальству съ жалобами на торговцевъ, и начальство принимало участіе въ этихъ жалобахъ, дѣлая торговцамъ выговоры и даже угрожая имъ разными полицейскими мѣрами. Но подобное вмѣшательство въ отношенія между торговцами и потребителями нисколько не можетъ поправить дѣла, да притомъ оно все-таки оказывается насиліемъ, къ которому было бы не желательно прибѣгать. Въ этихъ случаяхъ потребители могутъ сами себѣ помочь гораздо лучше начальства — именно, прекративъ всякія сношенія съ лицами, которыя ихъ эксплуатируютъ, т. е., устранивъ совершенно купцовъ изъ своихъ отношеній съ главными производителями. Выгода потребительныхъ ассоціацій именно въ этомъ и заключается, такъ какъ при ихъ помощи, весь барышъ, идущій теперь въ руки купцовъ, остается у потребителей. Слѣдовательно, съ этой стороны и русскія потребительныя общества отчасти уже принесли, а отчасти еще принесутъ довольно значительную пользу.

Однако же не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться при видѣ того успѣха, какого достигли наши потребительныя общества и не слѣдуетъ придавать имъ слишкомъ большаго значенія въ соціальномъ смыслѣ. Всѣ, чего могутъ добиться подобныя ассоціаціи—п то при самыхъ лучшихъ условіяхъ,—заключается въ устраненіи изъ общества безполезныхъ посредниковъ-купцовъ. Но вѣдь отъ этого произойдутъ не Богъ знаетъ какія выгоды для страны, и отъ этого мало измѣнятся нынѣшніе экономическіе порядки, такъ невыгодные для работника. Работникъ, т. е. производитель, т. е. самая нужная и самая дорогая для общества сила, требующая поддержки, остается въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ находился и прежде, и наши потребительныя ассоціаціи не принесутъ ему ни на грошъ пользы, хотя бы онѣ цѣлою сѣтью покрыли Россію. Могутъ сказать: кто же мѣшаетъ работнику принимать участіе въ этихъ ассоціаціяхъ, кто мѣшаетъ крестьянамъ устроить у себя потребительныя общества и пользоваться ихъ услугами? Но въ томъ-то и бѣда, что подобныя ассоціаціи никакихъ услугъ работнику и крестьянину оказать не могутъ. Крестьянинъ, вообще говоря, самъ производитъ то, что потребляетъ. Денегъ на свое пропитаніе онъ, болѣею частію, тратитъ такъ мало—конечно, прежде всего по недостатку самыхъ денегъ—что ему нѣтъ никакой возможности составить, при посредствѣ потребительныхъ ассоціацій, какія нибудь сбереженія изъ своихъ годовыхъ расходовъ. Точно тоже слѣдуетъ сказать и о нашемъ городскомъ работникѣ. Его обычный заработокъ такъ ничтоженъ, что не можетъ давать никакихъ остатковъ или, если и можетъ, то самые ничтожные. Поэтому мы должны смотрѣть на возникающія у насъ общества потребителей, какъ на учрежденія, оказывающія услугу болѣе зажиточнымъ классамъ, имѣющимъ возможность тратить въ годъ не рубли, а сотни рублей. Мы, конечно, все-таки считаемъ ихъ полезными, потому что они, во-первыхъ, способствуютъ устраненію изъ общества кулаковъ-посредниковъ, во-вторыхъ, практически знакомятъ общество съ выгодами ассоціаціи и готовятъ почву для болѣе серьезныхъ и важныхъ соціально-экономическихъ предпріятій, но для работника они могутъ быть полезными въ такомъ только случаѣ, когда идутъ рядомъ съ производительными ассоціаціями, увеличивающими размѣръ заработной платы.

Такимъ образомъ, изъ сдѣланнаго нами обзора соціально-экономическихъ попытокъ въ Россіи видно, что только самыя первыя изъ этихъ опытовъ стояли на совершенно вѣрной дорогѣ и были вполне цѣлесообразны; но разныя неблагопріятныя обстоятельства не дали имъ возможности развиться до надлежащихъ размѣровъ. Что же касается явившихся вслѣдъ за ними ссудныхъ кассъ и тому подобныхъ ассоціацій, включая сюда и общества потребителей, то всѣ онѣ по своему качеству стояли несравненно ниже первоначальныхъ попытокъ. Кромѣ того, между ними не было ни одной, которая бы относилась собственно до народа, которая имѣла бы цѣлью, воспользовавшись готовымъ матеріаломъ, улучшить положеніе крестьянъ, т. е. рабочей силы, всего болѣе нуждающейся въ помощи.

Но полезныя для народа истины не пропадаютъ безслѣдно; рано или поздно они являются вновь, заявляютъ практически свою полезность и бывшихъ своихъ гонителей обращаютъ въ горячихъ приверженцевъ. Справедливость этого вполне обнаружилась на артельныхъ сыроварняхъ, устроенныхъ г. Верещагинымъ между крестьянами тверской губерніи. Такъ какъ дѣло г. Верещагина выходитъ совершенно изъ ряду тѣхъ попытокъ, которые совершаются теперь на нашихъ глазахъ, то мы считаемъ необходимымъ познакомиться съ нимъ читателей подробно.

Г. Верещагинъ, прослушавъ курсъ естественныхъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ, пожелалъ посвятить свою дѣятельность исключительно сельскому хозяйству. Имѣя въ новгородской губерніи небольшую деревню, принадлежащую впрочемъ его отцу, онъ отправился на родину, гдѣ и былъ избранъ кандидатомъ въ мировые посредники. Ему пришлось довольно долго исправлять должность посредника, и здѣсь-то онъ близко познакомился съ убогимъ состояніемъ крестьянскаго хозяйства. Вниманіе его было обращено, между прочимъ, на то, что крестьянскій скотъ, доставляющій важный удобрительный матеріалъ, не приноситъ крестьянству почти никакого дохода и существуетъ единственно для удобренія земли. Это показалось г. Верещагину совершенно неестественнымъ и его стала занимать мысль о томъ, какъ бы сдѣлать этотъ скотъ крестьянскимъ доходомъ. Такимъ образомъ у него явилось желаніе завести между крестьянами артельныя сыроварни и производство масла. Но для этого ему нужно было сперва близко познакомиться съ лучшими изъ существующихъ способовъ сыроваренія, и онъ отправился за границу. Въ Швейцаріи онъ поступилъ на сыро-

варню въ качествѣ простаго работника, но скоро могъ уже замѣнять главнаго сыровара, и такимъ образомъ въ короткое время основательно изучилъ сыровареніе. Встрѣченныя имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швейцаріи крестьянскія сыроварни, доставлявшія огромные доходы крестьянамъ, еще болѣе убѣдили его въ возможности завести подобныя же сыроварни и въ Россіи. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ вернулся въ Петербургъ и обратился къ Вольному экономическому обществу за содѣйствіемъ. Но общество, сколько намъ извѣстно, отнеслось на первыхъ порахъ съ большимъ недоувѣріемъ къ мысли г. Верещагина. Однакожь, г. Верещагину удалось, при посредствѣ нѣкоторыхъ сочувствующихъ ему членовъ, расположить въ свою пользу общество и добиться отъ него той помощи, которая была необходима для начала дѣла. Помощь эта состояла въ томъ, что общество давало въ ссуду по 200 рублей на устройство каждой сыроварни и опредѣляло 1,000 р. въ годъ самому г. Верещагину, чтобъ онъ имѣлъ возможность всего себя посвятить этому дѣлу. Такимъ образомъ, отношенія общества къ г. Верещагину опредѣлились слѣдующими, возложенными на него, порученіями: 1) обучать сыроваренію всѣхъ желающихъ и преимущественно готовить мастеровъ-сыроваровъ для артельныхъ сыроваренъ; 2) устроить артельныя сыроварни на первый годъ въ тверской губерніи, и 3) изыскивать средства для обезпеченія сбыта продуктовъ, масла и сыра, приготовляемыхъ въ артельныхъ сыроварняхъ. Все это происходило въ 1866 году.

Но, заручившись содѣйствіемъ общества, г. Верещагинъ зналъ, что сдѣлана только половина дѣла, и притомъ самая легкая. Оставалось найти мѣсто, удобное для перваго опыта, потомъ уговорить крестьянъ согласиться на эту попытку, наконецъ, устроить сбытъ сыра и масла, чтобы выгоды этого производства рѣзче бросились въ глаза крестьянамъ. Онъ сперва остановился на одномъ имѣніи новгородской губерніи, гдѣ болѣе всего могъ рассчитывать на поддержку, но тамъ согласія со стороны помѣщика не послѣдовало, а безъ этого неудобно было приступать къ дѣлу, особенно въ виду предстоящихъ хлопотъ съ крестьянами. Тогда г. Верещагинъ обратился къ одному помѣщику тверской губерніи, г. Карякину, но и здѣсь встрѣтилъ рѣшительный отказъ. Наконецъ, сосѣдъ г. Карякина, кн. Шаховской взглянулъ болѣе разумно на идею г. Верещагина и позволилъ ему произвести первый опытъ въ своемъ имѣніи Отроковичахъ. Оставалось уговорить крестьянъ.

Рѣшившись во что бы то ни стало устроить сыроварню въ От-

роковичахъ, г. Верещагинъ горячо приступилъ къ дѣлу. Сперва онъ пробовалъ уговорить крестьянъ согласиться на его предложеніе, но крестьяне и слушать не хотѣли. Напрасно представлялъ онъ имъ всѣ выгоды сыроваренія — ничто не помогало. Тогда г. Верещагинъ рѣшился устроить какъ бы свою собственную сыроварню, работать на ней своими руками, а молоко покупать у крестьянъ. Крестьяне смотрѣли на всѣ эти затѣи—и недовѣрчиво улыбались, называя г. Верещагина въ глаза *подхаммой*. Когда сыроварня была готова и дошло дѣло до молока, крестьяне требовали рубль за ведро, однакожь согласились отпустить по полтинѣ. Такимъ образомъ сыроварня открылась и работала въ ней: г. Верещагинъ, его жена и родственница жены.

Получивъ возможность сбывать молоко на чистыя деньги и довольно выгодно, крестьяне отчасти примирились съ г. Верещагинымъ и даже стали конкурировать между собою, понижая цѣну молока до 20 к. съ ведра. Но г. Верещагинъ продолжалъ еще больше сбывать цѣну, угрожая крестьянамъ довести ее до гривенника. Тогда крестьяне рѣшились упрекнуть г. Верещагина въ недобросовѣстности: «вотъ, говорили они, ты все толковалъ намъ, что заботишься о нашихъ выгодахъ, хочешь, будто, чтобъ намъ было лучше—а самъ вонъ что дѣлаешь, наровишь за гривенникъ покупать молоко». На это г. Верещагинъ отвѣчалъ согласіемъ сдать хоть сейчасъ же сыроварню въ руки крестьянамъ — было бы только ихъ желаніе: «возьмите ее, говорилъ онъ, и всѣ выгоды, которыя я теперь получаю, будутъ ваши». Этотъ отвѣтъ совершенно смутилъ крестьянъ; съ одной стороны имъ и хотѣлось бы взять себѣ совсѣмъ готовое дѣло, а съ другой — еще болѣе возрастало недовѣріе ихъ къ г. Верещагину. Съ чего это, толковали они, заботится о насъ человѣкъ и откуда свалилась на насъ такая благодать. Болѣе всего останавливалъ крестьянъ пущенный кѣмъ-то слухъ, что г. Верещагинъ—чиновникъ и хочетъ заманить ихъ въ какую-то ловушку, съ тѣмъ, чтобы потомъ на каждую корову наложить подать. Однакожь мало по малу начали соглашаться и наконецъ, приняли сыроварню въ свои руки. Такъ устроилась первая артельная крестьянская сыроварня въ Россіи.

Хотя отроковская сыроварня стала приносить крестьянамъ значительный доходъ, отъ 8 до 12 рублей въ три мѣсяца на корову, но все-таки она не давала тѣхъ выгодъ, какихъ ожидалъ г. Верещагинъ и какія нужны были для перваго опыта. Причина этого заключалась въ томъ, что село Отроковичи состояло всего изъ 47

человѣкъ, но и изъ нихъ только 22 носили молоко въ сыроварню, такъ какъ у остальныхъ весь скотъ былъ проданъ раньше за недоимки. По соображеніямъ же г. Верещагина, для устройства сыроварни, необходимо по крайней мѣрѣ 120 коровъ, такъ какъ только при этомъ числѣ окупается содержаніе сыровара и получается выгода.

Вскорѣ по открытіи отроковской сыроварни, къ г. Верещагину является г. Карякинъ—тотъ самый, который сперва на отрѣзъ отказался отъ содѣйствія г. Верещагину — и просить его устроить сыроварню въ селѣ Игуменкѣ. Г. Верещагинъ тотчасъ же согласился и устроилъ вторую сыроварню, членами которой сдѣлались: самъ г. Карякинъ, мѣстный причтъ и крестьяне. Дойныхъ коровъ здѣсь было около восьмидесяти. Затѣмъ г. Верещагинъ, посадивъ въ устроенныя двѣ сыроварни своихъ учениковъ, взятыхъ изъ крестьянъ же, обратился къ устройству сыроварень въ другихъ мѣстахъ и главнымъ образомъ остановился на селѣ Видогощъ, лежащемъ на берегу Волги, въ 15 верстахъ отъ николаевской желѣзной дороги, имѣющемъ болѣе 100 дойныхъ коровъ и принадлежащемъ государственнымъ крестьянамъ. Значительное число скота и удобство сообщенія съ Петербургомъ и Москвою особенно привлекали на себя вниманіе г. Верещагина и подбивали его устроить здѣсь какъ бы образцовую сыроварню. Онъ вступилъ по этому поводу въ переговоры съ крестьянами.

Послѣ двухъ удавшихся попытокъ, слухъ о которыхъ разнесся, конечно, по всей губерніи, можно было ожидать, что крестьяне уже не съ такимъ недоувѣріемъ встрѣтятъ предложеніе г. Верещагина. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Крестьяне хотя и знали объ открывшихся уже въ двухъ мѣстахъ сыроварняхъ, но очевидно смотрѣли на тѣхъ крестьянъ, какъ на простаковъ, которые допустили себя оплести такому проходимцу, каковымъ они считали г. Верещагина, а потому все село Видогощъ отнеслось къ нему не только недоувѣрчиво, но даже какъ будто враждебно. Въ особенности отличались въ этомъ отношеніи мѣстныя крестьянскія власти, которыя много вредили г. Верещагину. Однакожъ ему удалось, хотя и съ великимъ трудомъ, убѣдить крестьянъ въ пользѣ артельныхъ сыроварень. Крестьяне, наконецъ, согласились и составили цѣлымъ обществомъ приговоръ объ устройствѣ сыроварни. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ ихъ снова стало одолевать сомнѣніе, снова явилась подозрительность — и составленный приговоръ былъ ими же самими уничтоженъ. Тогда г. Верещагинъ опять принялся

за убѣжденія; опять пошли толки, объясненія, расчеты — и приговоръ былъ вторично составленъ. Но спустя нѣсколько дней, его постигла та же участь, какъ и первый — крестьяне снова его уничтожили. Тогда г. Верещагину оставалось махнуть рукой — и приняться за устройство сыроварень въ другихъ мѣстахъ — что онъ и сдѣлалъ. Однакожъ крестьяне села Видогощъ одумались и уже сами пришли къ г. Верещагину съ повинной и съ убѣдительноѣйшей просьбой устроить сыроварню. При этомъ они выразили согласіе выстроить зданіе для сыроварни сейчасъ же, не смотря на то, что стояла зима, когда всякая постройка, особенно такая, гдѣ нужно рыть подвалы, обходится гораздо дороже. Г. Верещагинъ тотчасъ же принялся за дѣло — и скоро видогощская сыроварня была въ полномъ ходу.

Въ настоящее время г. Верещагинымъ учреждено двѣнадцать артельныхъ сыроварень; въ однѣхъ изъ нихъ принимаютъ участіе только крестьяне, въ другихъ мѣстные причты и даже помѣщики. Всѣ эти сыроварни имѣютъ въ Петербургѣ общій складъ и выборнаго старосту, который, за опредѣленное жалованье, распоряжается продажею артельного сыра и масла. Но г. Верещагинъ, дѣятельно наблюдая за ходомъ сыроварень, гдѣ работаютъ обученные имъ же крестьяне, живетъ большею частію въ Видогощахъ, такъ какъ это село онъ все-таки хочетъ сдѣлать образцовымъ и для другихъ, предположенныхъ имъ улучшеній въ крестьянскомъ бытѣ.

Чтобъ имѣть понятіе о томъ, насколько оказались выгодны для крестьянъ артельныя сыроварни и вообще познакомиться съ организаціей этого предпріятія, мы, лично побывали въ Видогощахъ — и вотъ результатъ нашихъ наблюденій.

Видогощская сыроварня есть простая, впрочемъ весьма красиво отдѣланная изба, состоящая изъ пяти отдѣленій: собственно сыроварни, комнаты для устоя молока, подвала для вылеживания сыра, ледника для масла и небольшого помѣщенія для двухъ сыроваровъ. На этой сыроварнѣ готовится отличнаго качества сливочное масло и такъ называемый *тошій* сыръ, приготовляемый изъ снятаго молока, такъ какъ сливки идутъ на масло. Причина, почему не готовится сыръ жирный, то есть изъ цѣльнаго молока, заключается въ слѣдующемъ: крестьяне, согласившись на устройство сыроварни, пожелали какъ можно скорѣе видѣть результаты этого дѣла, другими словами — захотѣли скорѣе получать деньги. Такъ какъ это обстоятельство имѣло въ дѣлѣ г. Верещагина очень важное значеніе, а между тѣмъ жирный сыръ не мо-

жетъ быть пущенъ въ продажу ранѣе года по приготовленіи, то г. Верещагинъ и рѣшилъ варить только тощій сыръ, для котораго достаточно трехъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, это оказалось удобнымъ и въ другомъ отношеніи, именно относительно легчайшаго сбыта сыра и масла. Дѣло въ томъ, что теперь одинъ продуктъ, жирный сыръ, распался на два — сыръ и масло. Масло, хотя цѣна его и очень не велика по качеству товара (30 к. за фунтъ), доступно болѣе зажиточнымъ классамъ; сыръ же, благодаря своей дешевизнѣ (9 к. за фунтъ), находитъ себѣ покупателей какъ въ низшихъ классахъ народа, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, которые потребляютъ его въ огромномъ количествѣ. Такимъ образомъ, сбытъ этихъ продуктовъ не только вполне обезпеченъ, но сыроварни даже не успѣваютъ готовить ихъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ они требуются: получаемыя въ Петербургѣ партіи масла и сыра раскупаются, обыкновенно, на расхватъ.

Молоко въ сыроварни идетъ только съ одного удою, вечерняго; утренній же потребляется крестьянами дома. Часовъ въ 9 вечера сыроварня представляетъ очень оживленный видъ. Сюда начинаютъ собираться крестьянки съ только что выдоеннымъ молокомъ, которое и сдаютъ по очередно пріемщику. Операция пріема молока совершается такимъ образомъ: пріемщикъ, то есть одинъ изъ сыроваровъ, получивъ отъ принесшей крестьянки молоко, тутъ же выливаетъ его въ ведро, привязанное къ пружиннымъ вѣсамъ и взвѣшиваетъ. Полученный вѣсъ записывается въ находящуюся при сыроварнѣ книгу, гдѣ каждый крестьянинъ имѣетъ свою особую страницу, и также и въ книжку, приносимую съ собою крестьянкой. Двойная запись имѣетъ цѣлю устранить ошибки и дать возможность крестьянину ежеминутно знать, сколько отъ него принято молока, то есть на какую выручку можетъ онъ рассчитывать. Молоко принимается на вѣсъ, а не на мѣру въ видахъ сокращенія времени. Принимая на мѣру отъ 100 домохозяевъ, нужно бы истратить часовъ десять, тогда какъ теперь эта операция продолжается не больше часа.

Свѣшенное у каждой домохозяйки молоко разливается въ большія чашки, имѣющія каждая свой номеръ, и относится въ молочное отдѣленіе. Тамъ его устанавливаютъ на длинныхъ полкахъ у самой стѣны, въ которой продѣланы щели для вентиляціи, и оставляютъ на всю ночь. Къ утру слѣдующаго дня молоко отстаивается, съ него собираютъ сливки, которые идутъ въ маслобойню, а снятое молоко сливается въ общій котелъ для приготовления

сыра. Чашки занумерованы для того, чтобы легче было открыть обманъ, еслибы какая нибудь хозяйка стала подливать въ молоко воду; такъ какъ каждая хозяйка имѣетъ свою чашку для отстоя молока, то, вѣроятно, потому въ Видогощѣ не было еще ни одного злоупотребленія со стороны крестьянъ.

Готовые масло и сыръ отправляются въ Петербургъ на продажу. Сначала, пока сыроварни не имѣли еще своего склада, продажа шла очень туго, потому что лавочники сбивали цѣну и всѣми силами затрудняли сбытъ товару. Но съ учрежденіемъ склада, продажа, какъ выше сказано, пошла такъ хорошо, что спросъ всегда оказывается больше предложенія. Полученныя отъ продажи деньги тотчасъ же высылаютъ крестьянамъ и дѣлятся между ними сообразно количеству принесеннаго каждымъ молока. Чтобы имѣть понятіе о доходахъ, получаемыхъ крестьянами съ сыроварни, сообщимъ цифры за прошлый годъ, собранныя г. Совѣтовымъ, который осматривалъ видогощскую сыроварню въ качествѣ члена вольнаго экономическаго общества. Тогда въ теченіи марта и апрѣля принесено было молока около 400 пудовъ. Изъ этого количества молока вышло масло столько, что при дѣлежѣ денегъ, на каждый пудъ молока пришлось по 41 к., да кромѣ того отъ сыра получалось по 20 к. За тѣмъ въ слѣдующіе полтора мѣсяца получено 325 пудовъ молока; на каждый пудъ пришлось по 58 к. Словомъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, денегъ раздѣлено между крестьянами до 500 рублей, такъ что на каждую корову пришлось чистой прибыли въ мѣсяць отъ 2 р. 50 к. до 3 рублей сер. А такъ какъ сырованіе продолжается около полугода, это на каждую корову выходитъ прибыли отъ 15 до 18 рублей—и это съ одного удою, потому что, какъ мы говорили, утренній удои остается на собственное употребленіе крестьянъ. Трудно себѣ представить, до какой степени изумлены и обрадованы крестьяне подобными результатами. Теперь они получили возможность исправно уплачивать подати, слѣдовательно не бояться взысканій, такъ разорительныхъ для крестьянскаго хозяйства, теперь они узнали цѣну коровамъ, которыя прежде не приносили имъ почти никакой пользы—и все это сдѣлано усліями одного человѣка, почти безъ всякихъ съ ихъ стороны расходовъ. Когда мы, разговаривая съ нѣкоторыми крестьянами, напоминали имъ о томъ, какъ упорно отказывались они отъ предложеній г. Верещагина, крестьяне какъ-то конфузливо улыбаются и чесали въ затылкѣ. «Это дѣйствительно, сознавались или откровенно, надѣлали мы не мало хлопотъ Николаю Васильевичу, да чтожъ, когда намъ все это ди-

ко было. Ктожь его звалъ, что онъ такой человѣкъ. Видимъ — больно ужъ пристаесть, ну, мы и сумлѣвались». На вопросъ, куда у нихъ прежде дѣвалось молоко, до открытія сыроварни, крестьяне отвѣчали: «да куда дѣвалось? Мы и сами не знаемъ; такъ выходило, зря». Какъ бы то ни было, но благодаря сыроварнямъ, хозяйство крестьянъ и вообще ихъ быть значительно улучшаются, что ясно сознаютъ и сами крестьяне. Теперь каждый изъ нихъ старается приобрѣтать себѣ какъ можно больше коровъ, потому что видить въ этомъ прямую выгоду. Такимъ образомъ, благодаря сыроварнямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они уже устроены, ожидается значительное развитіе скотоводства, что, въ свою очередь, будетъ оказывать самое выгодное вліяніе на земледѣліе. Уже и теперь число коровъ у крестьянъ значительно увеличилось. Кромѣ того, г. Верещагинъ совѣтуетъ крестьянамъ разводить свиней, что оказывается очень удобнымъ при сыроварняхъ. Дѣло въ томъ, что при производствѣ сыра, остается значительное количество сыворотки, а это такой питательный матеріалъ, отъ котораго свиньи толстѣютъ и жирѣютъ удивительно быстро. Г. Верещагинъ считалъ, что содержаніе при сыроварняхъ поросятъ можетъ скупать всѣ издержки производства. Но онъ не остановился на однихъ сыроварняхъ. По убѣжденію г. Верещагина, крестьяне села Видогощъ стали въ большемъ противъ прежняго количествѣ сѣять картофель, изъ котораго предполагается тѣмъ же артельнымъ способомъ добывать крахмалъ и патоку. Если и это предположеніе осуществится, то г. Верещагинъ увѣряетъ, что тогда крестьянинъ отъ молока и картофеля будетъ получать до 60 рублей годового дохода.

Но г. Верещагинъ не успокаивается на достигнутыхъ результатахъ и ежегодно совершаетъ заграничныя поѣздки для ознакомленіями съ лучшими способами производства сыра и для другихъ цѣлей, относящихся къ его дѣлу. Нынѣшняя его поѣзда, какъ мы слышали, дала особенно блестящіе результаты. Онъ, во-первыхъ, добылъ секретъ, посредствомъ котораго сыръ можно пускать въ продажу несравненно раньше послѣ приготвленія, чѣмъ теперь, и притомъ гораздо лучшаго качества; во-вторыхъ, обезпечилъ для сыроваревъ огромный сбытъ сливочнаго масла въ Гамбургѣ. Тамъшніе комиссіонеры, ведущіе торговлю масломъ и сыромъ на милліоны, увидя привезенное г. Верещагинимъ артельное масло, признали его такимъ доброкачественнымъ, что изъявили полную готовность покупать его въ какомъ угодно количествѣ, хотя бы

на сотни тысячъ рублей; при этомъ они снабдили г. Верещагина лучшими образцами бочекъ для пересылки масла и многими совѣтами, относительно способовъ пересылки. Словомъ, пребываніе нынѣшнимъ лѣтомъ за-границей было полнымъ торжествомъ для г. Верещагина.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка дѣятельности г. Верещагина, мы должны сказать, что все это время онъ жилъ настоящимъ отшельникомъ. Устраняя, на примѣръ, первую сыроварню въ Отроковицахъ, онъ, по словамъ г. Совѣтова, «изъ-за своей идеи провелъ цѣлую зиму въ открытомъ полѣ, одинъ, близъ большій дороги, не имѣя рядомъ ни одной жилой хаты и, слѣдовательно, не безъ опасностей». Но и по устройствѣ тамъ сыроварни, жизненная его обстановка немногимъ сдѣлалась лучше. По неимѣнію въ самомъ селѣ Видогощъ никакого свободнаго помѣщенія, г. Верещагинъ вотъ уже два года живетъ въ двухъ верстахъ отъ этого села, на большой дорогѣ, нанимая двѣ комнатки на постояломъ дворѣ, гдѣ ежедневно останавливаются прогонщики скота, производя за его стѣною почти неумолкаемый шумъ. Кромѣ двухъ какихъ-то избышекъ, въ сосѣдствѣ съ нимъ нѣтъ никакого жилья. Такова жизнь этого необыкновенно дѣятельнаго человѣка.

За то и вліяніе его на крестьянъ громадно. Здѣсь мы не можемъ не привести одного любопытнаго факта, сообщеннаго намъ крестьянами села Видогощъ. Село стоитъ въ верстѣ или двухъ отъ Волги, которая въ разливъ совершенно затопляетъ близъ лежащія поля. Впрочемъ, разливъ этотъ продолжается не болѣе нѣсколькихъ дней, и онъ дѣйствовалъ бы благотно на почву, еслибъ въ то же время не выступало изъ береговъ озеро, которое лежитъ въ верстѣ отъ Волги и заливаеъ значительную часть полей втеченіи всего лѣта. Г. Верещагинъ сообщилъ однажды крестьянамъ, что еслибъ отъ этого озера прорыть къ Волгѣ канаву, то озерная вода стекала бы по ней въ рѣку и поля оставались бы сухи. Но громадность работы остановила крестьянъ: канаву пришлось рыть въ версту длинны, сажень ширины и сажень глубины. Однакожъ, г. Верещагинъ увѣрилъ ихъ, что эта работа вовсе не такъ трудна, какъ кажется—стоитъ только дружно за нее взяться. И дѣйствительно, однажды утромъ крестьяне всѣмъ селомъ вышли въ поле, взяли за лопаты — и къ вечеру того же дня эта громадная канава была готова. Управляющій сосѣднаго имѣнья, пріѣхавшій подивиться такой необыкновенной работѣ, прямо сказалъ, что ему подобная канава стоила бы по крайней

мѣрѣ триста рублей и двѣ недѣли времени. Озеро, дѣйствительно, спало и крестьяне задаромъ приобрѣли себѣ огромное пространство великолѣпнаго сѣнокоса.

Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь два отзыва о дѣятельности г. Верещагина, заимствованные нами изъ доклада в. э. обществу члена его г. Совѣтова, въ 1867 г., и изъ отчета самого общества, въ 1868 году. Г. Совѣтовъ окончилъ свой докладъ слѣдующими словами: «артельное сыровареніе прививается къ русскому сельскому хозяйству съ немалымъ успѣхомъ; оно успѣло заинтересовать, особенно въ Тверской губерніи, всѣ сословія—и землевладѣльцевъ, и духовенство, и крестьянъ; послѣднимъ, благодаря г. Верещагину, точно съ неба свалилась благодать получать за сбереженное молоко немалую деньги, что прежде, понятно, ни одному изъ крестьянъ и на мысль не приходило». Отчетъ общества кончается такими словами: «затраты общества на распространеніе въ Россіи артельного сыроваренія, долженствующаго имѣть благодѣтельное вліяніе не только на улучшеніе молочнаго хозяйства и молочнаго скота, но и на улучшеніе самого луговодства, введеніе травосѣянія и проч., не потеряны напрасно, и мы увѣрены, что это полезное дѣло упрочится въ Россіи, если во главѣ его останется еще нѣсколько лѣтъ нашъ почтенный сотрудникъ Н. В. Верещагинъ, который посвятилъ себя артельному сыроваренію съ столь рѣдкимъ и горячимъ желаніемъ улучшить бытъ русскаго крестьянина и другихъ мелкихъ землевладѣльцевъ».

Надежды обоихъ этихъ отзывовъ на то, что артельное сыровареніе должно сильно распространиться въ Россіи, основаны на фактахъ. Къ г. Верещагину постоянно и со всѣхъ сторонъ поступаютъ письма съ просьбою или прислать сыровара, или позволить учиться сыроваренію; другіе просто приглашаютъ г. Верещагина пріѣхать для устройства новыхъ сыроваренъ или для указанія недостатковъ въ существующихъ уже заводахъ. Въ прошломъ году у г. Верещагина учился сыроваренію уроженецъ Оренбургской губерніи, студентъ петербургскаго университета, который хотѣлъ перенести артельное сыровареніе въ громадныя, по своей численности, стада при уральскаго края. Вообще частныхъ просьбъ и предложеній по этому поводу получено г. Верещагинимъ *болѣе двухсотъ*. Но не одни частныя лица заинтересованы этимъ дѣломъ. Артельныя сыроварни началъ также устраивать комитетъ скотоводства при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и кромѣ того, самое горячее участіе въ этомъ дѣлѣ приняли какъ тверское

такъ и новгородское земства. Оба они гарантируютъ *десять процентовъ* въ годъ гѣмъ капиталистамъ, которые желали бы сдѣлать ссуду крестьянамъ на устройство сыроварень. Въ находящемся у насъ подъ рукою журналѣ новгородской земской управы мы встрѣчаемъ самые лестные отзывы о дѣятельности г. Верещагина и самое горячее желаніе успѣха артельными сыроварнямъ. Управа находитъ, что они могутъ необыкновенно улучшить положеніе новгородскихъ крестьянъ. «Новгородская губернія, замѣчаетъ управа, есть одна изъ самыхъ богатыхъ сѣнокосами; въ настоящее время сѣно доставляютъ возами и барками въ Петербургъ, но только изъ мѣстностей, лежащихъ близъ водяныхъ системъ и шоссе; нѣкоторыя мѣстности вылавиваютъ телятъ, но большинство селеній новгородской губерніи не имѣетъ сбыта сѣна, получаетъ отъ скота ничтожный доходъ и *усадыбы закрываются потому, что находятъ невыгоднымъ держать скотъ*». Въ виду такого чрезвычайно вреднаго для губерніи явленія, Управа находитъ, что артельныя сыроварни оказываются въ настоящее время единственно вѣрнымъ средствомъ — поднять уровень крестьянскаго благосостоянія. Наконецъ, казанская губернская земская управа также отнеслась къ г. Верещагину съ просьбою выслать возможно-полное наставленіе для устройства артельныхъ сыроварень въ казанской губерніи. И примѣру ей, по всей вѣроятности, послѣдуютъ, если уже не послѣдовали, многія другія земства, такъ что, повторяемъ, артельное сыровареніе общается въ самомъ скоромъ времени сильно распространиться въ Россіи. Въ отчетѣ о путешествіи Великаго Князя Алексѣя Александровича, который нынѣшнимъ лѣтомъ заѣзжалъ въ село Видогощъ осматривать сыроварню, мы встрѣчаемъ ту же мысль. «Можно надѣяться, говоритъ отчетъ, что артельныя сыроварни успѣютъ пустить глубокіе корни на нашей почвѣ, и не только будутъ быстро распространяться, но примѣромъ своимъ вызовутъ и другія артельныя предпріятія, которыя внесутъ новый, живой элементъ въ экономическій бытъ нашего крестьянина».

Одного только слѣдуетъ бояться: чтобы артельное сыровареніе не было доведено до крайности, чтобы оно не стало устриваться въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ для него нѣтъ никакихъ благоприятныхъ условий, словомъ, чтобы лица и общества, желающіе добра народу не вообразили, будто только въ сыроваренныхъ артеляхъ и заключается единственное средство улучшить бытъ русскаго крестьянина. Думать такъ значитъ впадать въ величайшую ошибку и оказываться слѣпымъ подражателемъ, не умѣющимъ осмыслить ка-

кого либо явленія. Сыроваренныя артели есть только *одна изъ многихъ* способовъ «внести новый, живой элементъ въ экономическій бытъ русскаго народа»; они только показываютъ, какую громадную силу могутъ оказывать соціально-экономическія начала, примѣненныя правильнымъ образомъ, безъ всякаго посредничества кулаковъ-хозяевъ и приложенныя къ такимъ производствамъ, развитію которыхъ благопріятствуютъ мѣстныя условія. У насъ существуетъ много деревень, знакомыхъ съ тѣмъ или другимъ промысломъ, производству котораго вполнѣ благопріятствуютъ мѣстныя условія, но которымъ они совсѣмъ не пользуются по неумѣнью примѣнить къ нему артельное начало. Тутъ-то и необходима имъ посторонняя помощь, тутъ-то предпріятіе г. Верещагина и можетъ послужить великолѣпнымъ образцомъ для подражанія. Нѣтъ сомнѣнія, что наша почва, наши естественныя богатства и наше сельское хозяйство представляютъ столько матеріаловъ для самой производительной разработки, что этого дѣла хватить на множество лѣтъ и оно потребуетъ усилій не одного, а цѣлыхъ сотенъ образованныхъ людей. И во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ крестьянская артель и община будутъ оказываться самымъ выгоднымъ и удобнымъ орудіемъ. Правда, г. Верещагину, какъ мы видимъ, пришлось израсходовать множество усилій на то, чтобы убѣдить крестьянъ завести сыроварни; но крестьянское упорство было направлено вовсе не противъ артели, а противъ того производства, съ которымъ до того времени крестьяне не были знакомы, и которое поэтому казалось имъ дикимъ. Еслибъ русскимъ крестьянамъ были чужды артельные и общинныя привычки, какъ чужды они, напримѣръ, малороссамъ, то тогда даже при энергіи г. Верещагина трудно бы было устроить въ ихъ средѣ что нибудь вродѣ артельныхъ сыроварень. Если же обратиться къ промысламъ, уже извѣстнымъ крестьянамъ, но требующимъ только разумнаго и толковаго примѣненія къ нимъ артельнаго начала, то здѣсь потребуются уже гораздо меньше усилій и труда, благодаря счастливымъ обычаямъ русскаго народа, остававшимся до послѣдняго времени мертвымъ капиталомъ. Во всякомъ случаѣ трудъ тѣхъ людей, которые захотятъ въ этомъ направленіи поработать въ пользу народа, не только не пропадетъ даромъ, но вознаградится блестящими результатами. Мы видѣли, что не малыхъ усилій потребовало устройство у насъ потребительныхъ ассоціацій, и все-таки нельзя быть увѣреннымъ, что это дѣло установилось прочно, что устроенныя ассоціаціи не распадутся по какимъ нибудь причинамъ. Но ассоціацію,

выгодно устроенную въ народѣ, не сокрушать уже никакія грома и не задавать никакія обстоятельства; основаніемъ ея все-таки останутся артель и община, которыя прошли невредимыми сквозь огонь крѣпостнаго права. По этому, каждый шагъ въ такомъ направленіи есть безусловно шагъ побѣды.

Таковъ процессъ развитія въ Россіи соціально-экономическихъ попытокъ. Мы видимъ, что въ лицѣ артельныхъ сыроваренъ они стали, наконецъ, на совершенно вѣрную дорогу, обратившись къ той средѣ, которая наиболѣе въ нихъ нуждается и представляетъ изъ себя наиболѣе удобную для нихъ почву; мы видимъ, наконецъ, что имъ стали поклоняться многіе изъ тѣхъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ были ихъ первыми противниками; мы можемъ поэтому заключить, что въ близкомъ будущемъ ихъ ожидаетъ полное торжество.

Такъ постоянно случается съ каждой новой идеей. Вслѣдствіе того, что первое возникновеніе ея рѣзко бросается въ глаза рутинерамъ и грозитъ нарушить ихъ дѣдовскіе обычаи и привычки, ее преслѣдуютъ и всѣми мѣрами стараются задуть, что на нѣкое время и достигается. Все это совершенно естественно. Но неестественно представителямъ новыхъ идей падать духомъ, унывать и считать свое дѣло потеряннымъ потому только, что его не сразу принимаютъ съ распростертыми объятіями. Если внимательно всмотрѣться въ современныя явленія хоть нашей общественной жизни, и сравнить ихъ съ тѣми идеями, которыя нѣсколько лѣтъ назадъ смѣшивались съ грязью, то мы нашли бы очень много знакомаго—хотя, можетъ быть, нѣсколько и въ иной формѣ. Словомъ, исторія соціально-экономическихъ попытокъ повторяется во многихъ другихъ случаяхъ.

Гдб.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

(по Троицкому переулку, домъ Гассе № 13.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Уроки элементарной физиологии Томаса Гексли. Изданіе второе, Перев. съ англійскаго подъ редакцію И. А. Петрова. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Цѣна второму изданію 1 р. безъ перес., съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ Д-ра В. Циммермана. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. редакціи журнала «Дѣло.» Три выпуска, составляющіе около 70-ти печ. листовъ. Цѣна тремъ вып. 3 р. безъ перес., съ перес. 3 р. 50 к., а каждому отдѣльно ц. 1 р. 25 к.

Шатрианъ Э. Повѣсти и рассказы: Тереза.—Воспоминанія рекрута.—Ватерло (изъ временъ французской революціи и имперіи). Цѣна 1 р. 50 к.

Минаева Сочиненія въ 4 т. 3 р. безъ пер.; съ пер. 3 р. 50 к.

Мей Полное собраніе сочиненій въ 3 больш. томахъ. Цѣна 3 р. безъ перес.; съ перес. 3 р. 50 к.

Флоринскаго В. М. Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. Цѣна 50 к.

Верна Жі. Отъ земли до луны 97 часовъ прямаго пути. Перев. съ франц. изд. Л. П. Шелгуновой. Цѣна безъ перес. 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Лучъ учено-литературный сборникъ. Т. 1-й. Изд. П. Н. Ткачева. Цѣна 3 р. съ перес.

Печатаются:

Одинъ съ полъ—не воинъ. Новѣйшій и послѣдній изъ романовъ Ф. Шпильгена. Два тома, около 60-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна обимъ томамъ 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 50 к.

Популярная Гізіена Д-ра Реклама, профес. Лейпцигскаго университета. Съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

Комедія всемірной исторіи (1848—1851.) Гю. Шерра. Перев. съ нѣм. Изданіе Редакціи журнала «Дѣло».

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «Дѣло» дѣляется уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГА-
ЗИНАХЪ.

МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА,

*въ Петербургѣ въ Гостиномъ дворѣ №№ 19 и 20 и въ Москвѣ
на Кузнецкомъ мосту въ домъ Рудакова, слѣдующія книги:*

ТРАВНИКЪ

для юношества, или собраніе 156 натуральныхъ, засушенныхъ цвѣ-
товъ, травъ и прочихъ растений, представляющихъ всѣ главныя ро-
ды царства прозябаемыхъ съ обозначеніемъ названій оныхъ на рус-
скомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.
Изданіе Вольфа въ красивомъ деревянномъ ящикѣ 10 руб., въ изя-
щномъ картонажѣ 9 руб., перес. за 15 фунтовъ по разстоянію.

Нашъ травникъ назначенъ для начинающихъ учиться ботаникѣ,
и съ этою цѣлю въ немъ помѣщено 159 видовъ естественныхъ,
отлично засушенныхъ цвѣтовъ, травъ, лѣсныхъ породъ и другихъ
растений представляющихъ всѣ главныя семейства и роды царства
прозябаемыхъ. Описаніе всѣхъ этихъ растений заключается въ объ-
яснительномъ текстѣ, составленномъ въ видѣ разговоровъ съ дѣтьми.
Въ этомъ текстѣ не только вы найдете всѣ отличительныя признаки
различныхъ растений, но и употребленіе ихъ въ практическихъ
примѣненіяхъ къ разнообразнымъ потребностямъ житейскаго быта,
историческія свѣдѣнія объ ихъ открытіи, о ихъ мѣстонахожденіяхъ
или отечествѣ, и наконецъ ноучительныя и любопытныя рассказы, ка-
сающіеся этихъ растений въ различныхъ отношеніяхъ. Такимъ обра-
зомъ всему тексту приданъ видъ анекдотическихъ рассказовъ, за-
нимающихъ юнаго читателя и не позволяющихъ ему утомляться
изученіемъ. Травникъ становится скорѣе забавою, чѣмъ трудомъ.

МОЛЕШОТТЪ. Вращеніе жизни въ природѣ. 16 писемъ.—Розентада. Электрическія явленія. Профессора Массера. Обманы чувствъ. Профессора Ферстера. О мѣрахъ времени и опредѣленія его посредствомъ астрономіи. Профессора Дове. Круговращеніе воды на земной поверхности. 1 т., въ 8 д. л. Изд. Вольфа. 1867. Ц. 1 р. 75 к.

ФОХТЪ, КАРЛЪ. Человѣкъ, мѣсто его въ міроздавіи и въ исторіи земли. Перев. съ нѣмецкаго А. Кашинъ. Съ 128 рисунк. въ текстѣ. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 2 р.

— Чтенія о мнимовредныхъ и мнимопользыхъ животныхъ. Перев. П. Ольхина. Съ рисунками. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Цѣна 1 р. 25 к.

ЦИММЕРМАНЪ. Человѣкъ. Таинственныя явленія нравственной и физической его природы. Перев. доктора Гиршгорна. 2 т., въ 8 д. л. Съ 150 политипажамн. Изд. Вольфа. Ц. 5 руб. Въ перепл. 5 р. 50 к.

— Міръ до сотворенія человѣка. Общепонятное изложеніе первобытнаго состоянія нашей планеты, описаніе разныхъ періодовъ развитія земной коры, ея растительности и заселенія до новѣйшихъ временъ. Перевелъ съ нѣмецкаго П. Ольхинъ. Изд. 2-е. Съ 194 политип. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

РОСМЭСЛЕРЪ. Вода. Изложеніе для образованныхъ читателей и читательницъ. Перевели А. Андреевъ и М. Яблонскій. Въ 8 д. л., съ 8-ю хромофотографированными таблицами и 47 политипажамн. Изд. Вольфа. Ц. 4 р.

БЕРТРАНЪ А. Письма о переворотахъ земнаго шара. Съ замѣчаніями Араго, Эли-де-Бомона, А. Броньяра и проч. Съ 7 изданія, пересмотрѣннаго, значительно умноженнаго и снабженнаго предисловіемъ Ш. Бертрана, члена института, переведено подъ редакцію Н. Страхова. Въ 12 д. л. 1867 Изд. Вольфа. Ц. 2 р.

ФЛАММАРІОНЪ, КАМИЛЛЬ. Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Переводъ съ французскаго П. Ольхина. Въ 12 д. л. 1865. Изданіе Вольфа. Ц. 1 р. 50 к.

ШЛЕЙДЕНЪ. Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія. Перев. съ 5 нѣмецк. изд. Павла Ольхина. Съ 16 рисунк., многими политипажамн въ текстѣ и раскрашенными таблицами, гравированными на мѣди. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Цѣна 3 руб.

— Море. Жизнь въ морѣ и у моря. Перев. П. Ольхина. Съ 100 политип. въ текстѣ. Въ 8 д. л. 1867. Изд. Вольфа. Ц. 3 р.

ВАНЪ БРУЙЗЕЛЬ и ОЛЬХИНЪ. Чудеса воды въ помнатѣ. Ком-

натный акварій и его обитатели. Съ 8 раскрашенными таблиц. и многими политапажами. Въ 8 д. л. 1867. Изд. Вольфа. Ц. 2 р.

ВУДЪ, Д. Г. Гнѣзда, норы и логовища. Постройки, возводимыя безъ помощи рукъ. Съ описаніемъ образа жизни, нравовъ и находчивости животныхъ. Перев. Н. Страхова. Съ 130 рисунками Ф. Б. Кейля и Е. А. Смита. Въ 6. 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 6 р. Въ перепл., съ пер. 8 р.

ГЭКСЛИ, Т. К. Наши свѣденія о причинахъ явленій въ органической природѣ. Шесть популярныхъ лекцій, прочтанныхъ въ музеѣ для практической геологіи, съ предисловіемъ Карла Фохта. Въ 12 д. л. 1866. Изд. Вольфа. Ц. 1 р.

ДАРВИНЪ. Ученіе о происхожденіи видовъ въ царствѣ растений и животныхъ, примѣненное къ исторіи міротворенія. Изложено и объяснено Фридрихомъ Ролле. Съ приложеніемъ біографіи Дарвина, составленной С. Шенеманомъ. Съ политапажами. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 2 р.

МЮЛЛЕРЪ. Міръ растений. Опытъ космической ботаники. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію К. Резенера. Въ 8 д. л., съ 300 политапажами въ текстѣ. Изд. Вольфа. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р.

ФИРХОВЪ, Р. О древнихъ могилахъ и постройкахъ на сваяхъ. Въ 12 д. л. 1866 Ц. 50 коп.

МАЗІУСЪ. Картины растительности. Переводъ Ф. Резенера. Въ 8 д. л., въ изящномъ переплетѣ. Изданіе Вольфа. Ц. 1 р. 25 к.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СОСТАВИТЕЛЬ

„ВСЕОБЩАГО КАЛЕНДАРЯ“

за 1867 и 1868 года (и Адресной книги Петербурга), переставъ участвовать въ означенныхъ изданіяхъ, извѣщаетъ, что на 1869 годъ календарь, дѣйствительно имъ составляемый, выйдетъ подъ названіемъ:

„НАСТОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ НА 1869 ГОДЪ

и что содержаніе его будетъ обработано по гораздо болѣе обширной программѣ, но съ тою же тщательностью, которою два года отличался **Всеобщій Календарь**.

НАСТОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1869 г.

печатается въ объемъ 40 листовъ и выйдетъ въ ноябрь.

Это будетъ полнѣйшее изданіе Календаря, предназначенное

исключительно для справокъ

безъ прижѣси литературныхъ статей.

На изданіе это принимается подписка по 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Послѣ выхода цѣна „Настольному Календарю“ будетъ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Главная контора «Настольнаго Календаря» въ книжныхъ магазинахъ М. Вольфа въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Примѣчаніе. По извѣстной причинѣ не можемъ подробно объявить содержаніе, тѣмъ не менѣе, однако, не стѣсняемся пре-

дупредить публику, что въ Настольномъ календарѣ будетъ помѣщено: I. Кромѣ святцевъ православной и западной католической и протестантской церкви, свитцы *восточной католической церкви на русскомъ языкѣ* и календарь именъ *славянскихъ*. Календарь *еврейскій, карманный и табель* въ маленькомъ форматѣ. II. Почтовые, коммерческія, телеграфныя, пароходныя, о желѣзныхъ дорогахъ и полицейскія свѣдѣнія. III. Отдѣлъ судебный, метрологическій и статистическій со многими измѣненіями и дополненіями. IV. Таблицы послѣднихъ тиражей. V. *Таблицы процентовъ отъ 3% поочередно до 12% на 1, 2 до 12 мѣсяцевъ, съ капитала отъ 1 р. до 100,000 р.* VI. *Тарифъ*. VII. *Метеорологическіе законы для сельскихъ хозяевъ*. VIII. *Новая табель домовъ* Петербурга, въ которой показаны двойные номера угловыхъ и проходныхъ домовъ, а что нужнѣе всего: обозначено при каждомъ домѣ, къ которому *полицейскому, мировому и слѣдственному участку* принадлежитъ и гдѣ помѣщается участокъ. IX. *Адресный указатель* благотворительныхъ и присутственныхъ мѣстъ, частныхъ обществъ и учреждений съ разными примѣчаніями къ нимъ относящимися. X. *5,000 адресовъ фабрикъ и заводовъ во всей Россіи*. XI. *Рельефныя золотыя и серебряныя монеты Европейскихъ Государствъ въ натуральную величину* и проч., и проч.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STUDY
~~CANCELLED~~
CHARGE

WIDENED
CONTINUED
JUN 10 1963
7815 715 2 1963

Widener Library

3 2044 079 301 693